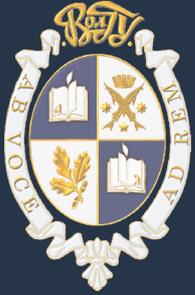

ISSN 1998-9938 (Print)
ISSN 2312-8704 (Online)

Том 29. № 2

2024

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия 4

ИСТОРИЯ. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ.
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY
HISTORY. AREA STUDIES.
INTERNATIONAL RELATIONS

Volume 29. No. 2

2024

ISSN 1998-9938 (Print)
ISSN 2312-8704 (Online)

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 4

ИСТОРИЯ. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ.
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

2024

Том 29. № 2

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

HISTORY. AREA STUDIES.
INTERNATIONAL RELATIONS

2024

Volume 29. No. 2

SCIENCE JOURNAL OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

HISTORY. AREA STUDIES. INTERNATIONAL RELATIONS

2024. Vol. 29. No. 2

Academic Periodical

Since 1996

6 issues a year

Editorial Staff:

Dr. Sc., Prof. *I.O. Tyumentsev* – Chief Editor (Volgograd);
Cand. Sc., Director of the Publishing House
V.A. Gorelkin – Deputy Chief Editor (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *O.V. Kuznetsov* – Deputy Chief
Editor (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *N.V. Rybalko* – Associate Editor
(Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *E.V. Arkhipova* (Volgograd);
Asst. *A.S. Smirnov* – Assistant Editor (Volgograd);
Senior Lecturer *P.I. Lysikov* – Assistant Editor of the
Byzantine Thematic Issue (Volgograd);
Cand. Sc. *T.A. Bazarova* (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *M.A. Balabanova* (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *N.D. Barabanov* (Volgograd);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *T.V. Evdokimova* (Volgograd);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *A.L. Kleitman* (Moscow);
Cand. Sc. *M.V. Krivosheev* (Volgograd);
Dr. Sc. *S.I. Lukyashko* (Rostov-on-Don);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *I.L. Morozov* (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *S.I. Morozov* (Volgograd);
Dr. Sc., Prof. *S.A. Pankratov* (Volgograd);
Cand. Sc. *E.V. Pererva* (Volgograd);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *O.V. Ratushnyak* (Krasnodar);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *O.V. Rvacheva* (Volgograd);
Dr. Sc., Prof. *S.G. Sidorov* (Volgograd);
Dr. Sc. *A.V. Tsyuryumov* (Elista)

Editorial Board:

Dr. Sc. *Agoston Magdolna* (Szombathely, Hungary);
Dr. Sc. *A.I. Alekseev* (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *V.A. Arakcheev* (Moscow);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *A.I. Bardakov* (Volgograd);
Dr. Sc. *Bokhun Tomash* (Warsaw, Poland);
Dr. Sc., Acad. of the Russian Acad. of Sciences
A.P. Buzhilova (Moscow);
Dr. Sc., Prof. *N.E. Vashkau* (Lipetsk);
Dr. Sc., Prof. *A.A. Vilkov* (Saratov);
Cand. Sc., Senior Researcher *Yu. Ya. Vin* (Moscow);
Cand. Sc., Senior Researcher *E. Yu. Girya* (Saint
Petersburg);
Dr. Sc., Leading Researcher *S.V. Golunov* (Moscow);
Dr. Sc., Prof. *V.N. Danilov* (Saratov);

Dr. Sc., Professor of History *Chester Dunning* (College
Station, USA);
Cand. Sc., Senior Researcher *S.A. Isaev* (Saint Petersburg);
PhD (Strategic Studies) *Constantinos Koliopoulos*
(Athens, Greece);
Dr. Sc., Chief Researcher *E.F. Krinko* (Rostov-on-Don);
Dr. Sc., Prof. *A.I. Kubyshkin* (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Prof. *I.I. Kuznetsov* (Moscow);
Dr. Sc., Prof. *I.I. Kurilla* (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Acad. of the Russian Acad. of Sciences
I.P. Medvedev (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Prof. *N.A. Mininkov* (Rostov-on-Don);
Dr. Sc., Prof. *A.V. Petrov* (Saint Petersburg);
Cand. Sc., Senior Researcher *B.A. Raev* (Rostov-
on-Don);
Dr. Sc., Prof. *V.N. Ratushnyak* (Krasnodar);
Dr. Sc., Prof. *O.Yu. Redkina* (Volgograd);
Dr. Sc., Leading Researcher *M.A. Ryblova* (Volgograd);
PhD (History) *Saul Norman E.* (Lawrence, USA);
Dr. Sc. *Szvák Gyula* (Budapest, Hungary);
Dr. Sc., Prof. *N.N. Stankov* (Moscow);
Dr. Sc. *A.D. Tairov* (Chelyabinsk);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *S.A. Tolmacheva* (Minsk, Belarus);
PhD (History), Assoc. Prof. *Truong Anh Thuan*
(Danang, Vietnam)
Dr. (Legal History), Prof. *S. Šarkić* (Novi Sad, Serbia)

ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 4. ИСТОРИЯ. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

2024. Т. 29. № 2

Научно-теоретический журнал

Основан в 1996 году

Выходит 6 раз в год

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук, проф. *И.О. Тюменцев* – главный редактор (г. Волгоград);
канд. ист. наук, директор издательства *В.А. Горелкин* – зам. гл. редактора (г. Волгоград);
канд. ист. наук, доц. *О.В. Кузнецов* – зам. гл. редактора (г. Волгоград);
канд. ист. наук, доц. *Н.В. Рыбалко* – отв. секретарь (г. Волгоград);
канд. ист. наук, доц. *Е.В. Архипова* (г. Волгоград);
ассист. *А.С. Смирнов* – технический секретарь (г. Волгоград);
ст. преп. *П.И. Лысиков* – технический секретарь византийского тематического номера (г. Волгоград);
канд. ист. наук *Т.А. Базарова* (г. Санкт-Петербург);
д-р ист. наук, доц. *М.А. Балабанова* (г. Волгоград);
канд. ист. наук, доц. *Н.Д. Барабанов* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, доц. *Т.В. Евдокимова* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, доц. *А.Л. Клейтман* (г. Москва);
канд. ист. наук *М.В. Кривошеев* (г. Волгоград);
д-р ист. наук *С.И. Лукьяшко* (г. Ростов-на-Дону);
д-р полит. наук, доц. *И.Л. Морозов* (г. Волгоград);
канд. полит. наук, доц. *С.И. Морозов* (г. Волгоград);
д-р полит. наук, проф. *С.А. Панкратов* (г. Волгоград);
канд. ист. наук *Е.В. Перерва* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, доц. *О.В. Ратушняк* (г. Краснодар);
д-р ист. наук, доц. *О.В. Рвачева* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, проф. *С.Г. Сидоров* (г. Волгоград);
д-р ист. наук *А.В. Цорюмов* (г. Элиста)

Редакционный совет:

д-р ист. наук *Агоштон Магдолна* (г. Сомбатхей, Венгрия);
д-р ист. наук *А.И. Алексеев* (г. Санкт-Петербург);
д-р ист. наук, доц. *В.А. Аракчеев* (г. Москва);
д-р полит. наук, доц. *А.И. Бардаков* (г. Волгоград);
д-р ист. наук *Бохун Томаш* (г. Варшава, Польша);
д-р ист. наук, акад. РАН *А.П. Бужилова* (г. Москва);
д-р ист. наук, проф. *Н.Э. Вашкау* (г. Липецк);
д-р полит. наук, проф. *А.А. Вилков* (г. Саратов);
канд. ист. наук, ст. науч. сотр. *Ю.Я. Вин* (г. Москва);
канд. ист. наук, ст. науч. сотр. *Е.Ю. Гиря* (г. Санкт-Петербург);

д-р полит. наук, ведущий науч. сотр. *С.В. Голунов* (г. Москва);
д-р ист. наук, проф. *В.Н. Данилов* (г. Саратов);
д-р, проф. истории *Честер Даннинг* (г. Колледж-Стейшн, США);
канд. ист. наук, ст. науч. сотр. *С.А. Исаев* (г. Санкт-Петербург);
PhD (стратегические исследования) *Константинос Колиопулос* (г. Афины, Греция);
д-р ист. наук, гл. науч. сотр. *Е.Ф. Кринко* (г. Ростов-на-Дону);
д-р ист. наук, проф. *А.И. Кубышкин* (г. Санкт-Петербург);
д-р полит. наук, проф. *И.И. Кузнецов* (г. Москва);
д-р ист. наук, проф. *И.И. Курилла* (г. Санкт-Петербург);
д-р ист. наук, акад. РАН *И.П. Медведев* (г. Санкт-Петербург);
д-р ист. наук, проф. *Н.А. Мининков* (г. Ростов-на-Дону);
д-р ист. наук, проф. *А.В. Петров* (г. Санкт-Петербург);
канд. ист. наук, ст. науч. сотр. *Б.А. Раев* (г. Ростов-на-Дону);
д-р ист. наук, проф. *В.Н. Ратушняк* (г. Краснодар);
д-р ист. наук, проф. *О.Ю. Редькина* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, ведущий науч. сотр. *М.А. Рыблова* (г. Волгоград);
PhD (история) *Саул Норман Е.* (г. Лоренс, США);
д-р ист. наук *Свак Дьюла* (г. Будапешт, Венгрия);
д-р ист. наук, проф. *Н.Н. Станков* (г. Москва);
д-р ист. наук *А.Д. Таиров* (г. Челябинск);
д-р ист. наук, доц. *С.А. Толмачева* (г. Минск, Беларусь);
PhD (история), ассоциир. проф. *Труонг Анх Тхуан* (г. Дананг, Вьетнам);
д-р истории права, проф. *С. Шаркич* (г. Нови-Сад, Сербия)

СОДЕРЖАНИЕ

ЭТНОГРАФИЯ ЕВРАЗИИ

- Кагазежев Ж.В.* Тау-символ в адыгской (черкесской) архаичной религии и его глобализм в контексте древнейших религиозных культур 6
- Салмин А.К.* Армянские треки в истории чувашей [На англ. яз.] 27
- Березницкий С.В., Примаков П.В.* Полевые дневники Б.А. Куфтина, руководителя Тунгусской экспедиции, как источники эпохи становления советской этнографии 36

ИСТОРИЯ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ:

ДОН И ПОВОЛЖЬЕ

- Прудников Я.В.* Донской / Донецкий казачий городок: одно или два поселения? 46
- Астафьев Е.В.* «Поселитель» Яков Жидков и его малороссийские слободы: эпизод из истории правительственной колонизации Нижнего Поволжья 1720-х годов 55
- Тюменцев И.О.* Награды руководителей большевиков – организаторов Октябрьских событий и обороны Царицына по документам Сталинградского испарта 66
- Гоманенко О.А.* Капитальное строительство на речном транспорте СССР к началу Великой Отечественной войны (на примере волжских пароходств) 81
- Луночкин А.В.* Коммерческая торговля в системе общественного питания Сталинградской области в 1944–1947 годах 91
- Луночкин И.А.* Развитие детско-юношеского спорта в Сталинградской (Волгоградской) области в 1953–1964 годах 102

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

- Каспаров А.И.* Агиографические источники, связанные с культом святых Медарда и Гильдарда 112

- Побежимов А.И.* Население Каргопольского уезда в начале XVIII в. (по переписной книге города Каргополя и уезда 1712–1713 гг.) 123

ДИПЛОМАТИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

- Гуторов В.А., Шириняц А.А.* Идея конкуренции в международной политической теории: некоторые актуальные аспекты дискуссии 133
- Чжан Юйянь.* Механизмы сотрудничества тюркоязычных стран в период с 1991 по 2022 год 145
- Марчуков А.Н., Морарь К.А.* Основные препятствия для публичной дипломатии ЕС в Китае [На англ. яз.] 157
- Антюхова Е.А., Кузнецов И.В., Ольшанская В.Д.* Научная дипломатия в оценке глав представительств Российской Федерации в Швейцарии [На англ. яз.] 167
- Моисеев В.В., Трут В.П., Сиваченко Л.А.* Антироссийские санкции: история и современность 183
- Далсуз Джалаля Хуссейн.* Российско-украинский военный конфликт и его влияние на Иракский Курдистан [На англ. яз.] 193
- Мехди Санаи, Камран Хушьяр.* Кризис-менеджмент в российско-турецких отношениях (на примере сирийского кризиса 2010–2021 гг.) 205

ПОЛИТИКА В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ

- Насыров И.Р.* Республика Татарстан во внешней политике России: от претензий на суверенитет к участию в продвижении общенациональных интересов 221
- Митрофанова И.В., Чернова О.А.* Роль политических институтов в экономическом развитии Юга России в условиях новой реальности 237

CONTENTS

ETHNOGRAPHY OF EURASIA

- Kagazezhev Zh.V.* Tau Symbol in Adyg (Circassian) Archaic Religion and Its Globalism in the Context of Ancient Religious Cultures 6
- Salmin A.K.* The Armenian Tracks in the History of the Chuvash 27
- Bereznitsky S.V., Primak P.V.* Travel Diaries of B.A. Kuftin, the Head of the Tunguska Expedition, as Sources of the Epoch of the Formation of Soviet Ethnography 36

HISTORY OF RUSSIAN REGIONS:

DON AND VOLGA REGION

- Prudnikov Ya.V.* Donskoy/Donetsk Cossack Town: One or Two Settlements? 46
- Astafyev E.V.* "Poselitel" Yakov Zhidkov and His Malorussian Slobodas: An Event from the History of Governmental Colonization of the Lower Volga Region in the 1720s 55
- Tyumentsev I.O.* Awards of the Leaders of the Bolsheviks, the Organizers of the October Events and the Defense of Tsaritsyn According to the Documents of the Stalingrad Istpart 66
- Gomanenko O.A.* Capital Construction in the USSR River Transport Industry by the Great Patriotic War (The Volga Steamship Lines Case) 81
- Lunochkin A.V.* Commercial Trade in the System of Public Catering of the Stalingrad Region in 1944–1947 91
- Lunochkin I.A.* Development of Children and Youth Sports in the Stalingrad (Volgograd) Region in 1953–1964 102

SOURCE STUDIES

- Kasparov A.I.* Hagiographical Sources Related to the Cult of Saints Medard and Gildard 112

- Pobegimov A.I.* Population of the Kargopolsky Uyezd at the Beginning of the 18th Century (According to the Census Book of the City of Kargopol and the Uyezd of 1712–1713) 123

DIPLOMACY AND MODERN

INTERNATIONAL RELATIONS

- Gutorov V.A., Shirinyants A.A.* The Idea of Competition in International Political Theory: Some Current Aspects of the Discussion 133
- Zhang Yuyan.* Cooperation Mechanisms of Turkish-Speaking Countries in the Period from 1991 to 2022 145
- Marchukov A.N., Morari C.A.* The Main Obstacles to EU Public Diplomacy in China 157
- Antyukhova E.A., Kuznetsov I.V., Olshanskaya V.D.* Science Diplomacy as Assessed by Heads of Representative Offices of the Russian Federation in Switzerland 167
- Moiseev V.V., Trut V.P., Sivachenko L.A.* Anti-Russian Sanctions: History and Modernity 183
- Dalsooz Jalal Hussein.* Russia-Ukraine Military Conflict and Its Influences on Kurdistan Region of Iraq 193
- Mehdi Sanaei, Kamran Hooshyar.* Crisis Management in Russia-Turkey Relations (Based on the Example of the Syrian Crisis 2010–2021) 205

POLITICS IN RUSSIAN REGIONS

- Nasyrov I.R.* The Republic of Tatarstan in the Foreign Policy of Russia: From Claims on Sovereignty to Participation in the Promotion of National Interests 221
- Mitrofanova I.V., Chernova O.A.* The Role of Political Institutions in the Economic Development of the South of Russia in the New Reality 237

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.2.1>

UDC 94(217.5+902/904)
LBC 63.4

Submitted: 24.07.2022
Accepted: 04.01.2023

TAU SYMBOL IN ADYG (CIRCASSIAN) ARCHAIC RELIGION AND ITS GLOBALISM IN THE CONTEXT OF ANCIENT RELIGIOUS CULTURES

Zhiraslan V. Kagazezhev

Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The genesis of the traditional religion of the Adygs is inextricably linked with the phenomenon of the sacredness of symbolism and attributes. The main attribute of the traditional religion of the Adygs was the Tau symbol. He was a sacred symbol, an object for the worship of the one Great God (adyg., Thye/Theshue). The origin of the cult of the Tau symbol connects the traditional religious worldview of the Adygs with ancient religious cultures. *Methods.* The author used research methods of comparative historical analysis and analogy. The author compares the meaning and significance of the Tau symbol cult among the Adygs and ancient religious cultures in the Middle East and Europe. The comparison of archaeological and genetic data with narrative sources supports the thesis about the unity of the origin of the population and elements of culture in the ancient Near East and Europe. *Analysis.* A study and comparison of sources about the cult of the Tau symbol, an attempt to explain its genesis among the peoples of Asia, Africa and Europe, is being carried out. The emergence of the Tau symbol is associated with the emergence of the oldest proto-monotheistic religion in the area of the “Fertile Crescent” and its spread with the diffusion of the first agricultural tribes. *Results.* European authors of the 17th – 19th centuries attest to the massive spread of the cult of the Tau symbol among the Adygs, which was an archaic sacred attribute of the worship of the Great God. There is a significant spread of the Tau symbol in the ancient religious cultures of the Middle East, with the population of which the Adygs have a paleogenetic relationship. Based on the analysis of a wide range of historical data, the conclusion is made about a single source of global archaic religious culture, the center of which was in the Middle East.

Key words: Adygs, archaic religion, Tau symbol, Thye, Gobekli-Tepe, sacred paraphernalia, agriculture, center of religious culture.

Citation. Kagazezhev Zh.V. Tau Symbol in Adyg (Circassian) Archaic Religion and Its Globalism in the Context of Ancient Religious Cultures. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 2, pp. 6-26. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.2.1>

УДК 94(217.5+902/904)
ББК 63.4

Дата поступления статьи: 24.07.2022
Дата принятия статьи: 04.01.2023

ТАУ-СИМВОЛ В АДЫГСКОЙ (ЧЕРКЕССКОЙ) АРХАИЧНОЙ РЕЛИГИИ И ЕГО ГЛОБАЛИЗМ В КОНТЕКСТЕ ДРЕВНЕЙШИХ РЕЛИГИОЗНЫХ КУЛЬТУР

Жираслан Валерьевич Кагазежев

Кабардино-Балкарский научный центр РАН, г. Нальчик, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Генезис традиционной религии адыгов неразрывно связан с феноменом сакральности символизма и атрибутики. Главным атрибутом традиционной религии адыгов являлся Тау-символ. Он был сакральным объектом для поклонения единому Великому Богу (*адыг. – Тхьэ / Тхьэихуэ*). Происхождение культа Тау-символа связывает традиционное религиозное мировоззрение адыгов с древними религиозными культурами. *Методы.* Автор использовал методы исследования, сравнительно-исторического анализа и аналогии. Проводится сравнение смысла и значения культа Тау-символа у адыгов и древних религиозных культур на территории Ближнего Востока и Европы. Сравнение данных археологии и генетики с нарративными источниками подкрепляет тезис о единстве происхождения населения и элементов культуры древнейшего Ближнего Востока и Европы. *Анализ.* Проводится исследование и сопоставление источников о культе Тау-символа, попытка объяснения его генезиса у народов Азии, Африки и Европы. Возникновение Тау-символа связывается с зарождением древнейшей протомонотеистической религии в районе Плодородного полумесяца, а ее распространение – с диффузией первых земледельческих племен. *Выводы.* Европейские авторы XVII–XIX вв. свидетельствуют о массовом распространении культа Тау-символа среди адыгов, который являлся архаичным сакральным атрибутом поклонения Великому Богу. Наблюдается значительное распространение Тау-символа в древних религиозных культурах Ближнего Востока, с населением которого адыги имеют палеогенетическую взаимосвязь. На основе анализа широкого спектра исторических данных делается вывод о едином источнике глобальной архаичной религиозной культуры, центр которого находился на Ближнем Востоке.

Ключевые слова: адыги, архаичная религия, Тау-символ, Тхьэ, Гёбекли-Тепе, сакральная атрибутика, земледелие, центр религиозной культуры.

Цитирование. Кагазежев Ж. В. Тау-символ в адыгской (черкесской) архаичной религии и его глобализм в контексте древнейших религиозных культур // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 2. – С. 6–26. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.2.1>

Введение. Традиционная религия адыгов и ее атрибутика представляют собой недостаточно изученную проблему в историографии. Она часто показана однообразно, некоторые труды носят описательный характер. Настоящее исследование посвящено главному атрибуту архаичной религии адыгов – Тау-символу. Целью статьи является рассмотрение смысла и значения Тау-символа у адыгов и связи с древнейшими религиозными культурами мира.

В отечественной советской историографии сложилось однообразное направление изучения адыгского религиозного мировоззрения. В ней описывается «пантеон» высших сил и их «функциональные» особенности [23; 33]. Проводятся аналогии традиционных верований адыгов с древнегреческой и христианской мифологией. Значительный вклад в исследование адыго-абхазских и хаттских религиозных параллелей сделали В.Г. Ардзинба [4; 5], Ш.Д. Инал-ипа [14] и др. В их исследованиях доказывается этногенетическое родство адыго-абхазских мифологий с хаттскими и некоторая схожесть пантеона высших сил. В советской историографии впервые обратил внимание на Тау-символ как на самостоятельный рели-

гиозный культ известный этнограф Л.И. Лавров [18]. Следует подчеркнуть, что вышеприведенные авторы мало уделяют внимания идеологии и сакральной атрибутике религиозного мировоззрения адыгов.

Особую ценность представляют для нас дневники европейских авторов, побывавших в Черкесии в XVII–XIX вв. [2]. В дневниках подробно описаны традиционные религиозные обряды и мировоззрение адыгов. Благодаря им мы имеем представление о традиционной религиозной системе адыгов и роли Тау-символа в проведении культовых мероприятий. Важное значение имеют современные исследования К. Шмидта [32], М.И. Зильбермана [12; 13] и других авторов по древней археологии и религиозной культуре Ближнего Востока. В них обнаруживается архаичность почитания культа Тау-символа, объяснение его смысла и значения. Широкий спектр источников выявляет масштабность распространения культа Тау-символа в религиозных обрядах, архитектуре храмов Древнего мира. Похожие наблюдения прослеживаются в планировке древней и средневековой архитектуры адыгских поселений. Генетические исследования подтверждают данные о родстве древ-

него населения Кавказа, Ближнего Востока и Европы, истоки которого находились в районе Плодородного полумесяца. Совокупность имеющихся источников и их анализ позволяют сделать выводы относительно значения культа Тау-символа у адыгов и его генезиса в связи с древнейшими религиозными культурами.

Методы и материалы. Настоящее исследование носит комплексный характер. В процессе его проведения использованы методы сравнительного исторического анализа нарративных источников культа Тау-символа у адыгов и древних народов Евразии. Важное значение имеют материалы археологических исследований Гёбекли-Тепе и других древних строений. Рассмотрение и сравнение в них культа Тау-символа, его материальной и духовной атрибуции выполнено с помощью метода аналогии. Результаты сравнительного анализа генетических данных части населения неолитического Ближнего Востока, Европы и Кавказа выявляют их морфологическое сходство. Сравнение исторического контекста культа Тау-символа, сопоставление известных данных археологических, генетических и нарративных источников приводят к выводам и итогам по раскрытию настоящей темы исследования.

Анализ. 1. Тау-символ в адыгской архаичной религии. Наиболее популярным сакральным атрибутом архаичной религии адыгов являлся Тау-символ (*адыг. – тхьэпц*, то есть символ Бога-Всевышнего. – *Ж. К.*), или Т-образный крест (рис. 1). Информация о сакральном использовании и почитании Тау-символа среди адыгов сохранилась у многих авторов, побывавших в Черкесии. В сведениях Жана Батиста Тавернье XVII в. описывается распространение и почитание культа Тау-символа в Черкесии: в них он называется крестом в форме молотка высотой в 5 футов. Раз в год отец семейства ставил Тау-символ в комнате рядом с дверью, около которой проводили разные обряды [2, с. 78]. Важным источником являются сообщения католического монаха Миная Медичи, зафиксированные в начале XIX века. Он отделяет религиозные обряды и атрибутику адыгов от христианских и называет Тау-символ – «тапши» (*адыг. тхьэпц. – Ж. К.*). Минай Медичи передал нам

и слова молитвы к Богу «при всех случаях», отражающие черты этнической психологии адыгов, духовная культура которых пренебрегала материальными ценностями: «Если ты не дашь нам нашего счастья, никакой человек не может дать нам наше счастье» [22, с. 170–172]. В сведениях Миная Медичи впервые встречаем адыгское название Тау-символа – тапши (тхьэпц). Таким образом, мы можем с уверенностью отметить, что адыги и соседние народы отличали древний символ Тау – тхьэпц от христианского креста, которого называли – «жор». Сама сущность использования Тау-символа / тхьэпц у адыгов и проведения сакральных мероприятий вокруг него в священных для адыгов рощах не имеет ничего общего с христианством. Следует также обратить внимание на полное отсутствие икон и изображений христианских святых, как и идолов, в традиционной религиозной системе адыгов. Имеющиеся частичные упоминания о произношении некоторых христианских святых во время проведения религиозных обрядов являются лишь более поздними вкраплениями, которые полностью растворились в основной, архаичной религии адыгов и существенно не повлияли на ее смысл. Показательно, что в XV в. Иоанн де Галонифонтбус подчеркивал: черкесы «в некоторых обрядах и постах следуют грекам, пренебрегая всеми другими сторонами религии, ибо они имеют свои собственные культы и обряды» [15, с. 14].

В сведениях С. Хан Гирея слово «тххапш» соответствует понятию «приход» (здесь, скорее всего, имеется в виду место собрания), который он связывает с языческими (архаичными верованиями) рощами, пещерами и другими примечательными местами, где приносили жертвоприношения животных [31, с. 227]. Слово «тххапш» у С. Хан Гирея близко по звучанию к тапши / тхьэпц у Миная Медичи. Оба они связаны с сакральным местом древней веры адыгов. Согласно Леонтию Люлье, «к каждой роще причисляют известное число домов или семейств, кои можно некоторым образом почитать прихожанами ее, тгахапш» [20, с. 129]. Сведения С. Хан-Гирея и Л. Люлье об адыгах дают нам основание сделать вывод о наличии у общности семейств, объединенных, скорее всего, родством происхож-

дения – священной рощи, где стоял Тау-символ / тхьэпщ и собирались в связи с важными мероприятиями, требующими «божественного вмешательства». Особенно долго сакральные места с Тау-символом / тхьэпщ и их почитание сохранялись в Западной Черкесии, среди абадзехов, шапсугов, натухайцев и убыхов. На архаичные верования адыгов не смогли глубоко воздействовать даже ислам и проповеди «мюридизма» наиба имама Шамиля-Мухаммед Амина в 50-е гг. XIX в. среди западных адыгов.

О поклонении адыгов с использованием Тау-символа в священных лесах по случаю торжественных праздников писали Жак Виктор Тэбу де Мариньи (1818–1824 гг.) [2, с. 302–303] и Эдмунд Спенсер (1836 г.) [28, с. 109]. Леонтий Люлье относительно религиозных мировоззрений адыгов в 40-е гг. XIX в. подчеркивал: «Единый символ предмета поклонения их есть деревянный крест особой формы, в виде буквы Т, прислоненный к дереву» [20, с. 122]. Данные европейских авторов подтверждают, что Тау-символ в адыгской религиозной традиции являлся главным сакральным культом, а его изображение служило атрибутом для поклонения единому Великому Богу. Л.И. Лавров, изучая религиозное мировоззрение адыгов, выделил культ Тау-символа и подчеркнул, что «трехконечные кресты» не имеют ничего общего с настоящими крестами и являются каким-то древним общекавказским фетишем [19, с. 200]. Признаки монотеизма традиционной адыгской религии отмечаются в известных нам сведениях о мировоззрении адыгов И. Дебу [10, с. 108], Ж.-В. Тэбу де Мариньи [2, с. 302–303]. Идеологию архаичной религии адыгов более подробно сформулировал Э. Спенсер. Главными постулатами традиционной веры адыгов он считает: «прочную веру в единого могущественного Бога и в бессмертие души», «не представляют Божество в какой-либо видимой форме, но определяют его как создателя всех вещей, чей дух рассеян во всем Космосе», «существование низших существ, или святых, которым Великий Дух, Тха, передал власть над такими земными вещами, которые он считает слишком незначительными» [28, с. 59]. Э. Спенсер в своем исследовании делает вывод, что вера адыгов является «разновидностью покло-

нения строгого протестанта и столь же строгого мусульманина» [28, с. 59].

Реликты традиционной религии адыгов сохранялись и в XX веке. Этнограф Б. Ан среди причерноморских адыгов – шапсугов в 1930-е гг. зафиксировал старейшину-жреца, проводившего богослужение – «тха-пши-о» (тот, который Бога просит) [3, с. 17], то есть адыг. «тхьэпщылуэ» либо «тхьэпшиэ». Богослужение устраивали под священным деревом «тхачох», то есть адыг. «тхьэщлагъ» (под покровительством Бога). Молитву читал старший в роде, стоя впереди всех. Все остальные вторили ему. Адыги просили Бога о благополучии в разных делах. В общем молении участвовали только мужчины: женщины не допускались к церемонии.

Вышеуказанные источники приводят к выводу о существовании религиозной системы адыгов, основанной на вере в единого Великого Бога – Тхьэ / Тхьэшхуэ – творца вселенной, и ряда подчиняющихся ему нижестоящих сверхъестественных сил. Тхьэ / Тхьэшхуэ – в адыгском религиозном мировоззрении является Всевышним, демиургом, которого часто величают эпитетами: «создатель вселенной», «великий», «от кого исходят богатые дары», «кого все просят, но сам никого не просит» и др. [24, с. 1003–1004].

Тау-символ как атрибут единого Великого Бога – Тхьэ / Тхьэшхуэ был распространен по всей Черкесии и выполнял особую роль в традиционной религии адыгов вплоть до XX века.

2. Глобализм распространения Тау-символа. Масштабность сакрализации Тау-символа в Черкесии связывает его с религиозными представлениями Древнего мира. Культура почитания Тау-символа обнаруживается в архаичных религиозных представлениях многих стран и народов (известен также как лат. *cruх commissa*, или египетский крест. – Ж. К.). Древние изображения Тау-символа мы наблюдаем на артефактах хаттского города, известного под современным названием Аладжа-Хююк (IV–II тыс. до н. э.). На рельефе у входа в город находится изображение проведения религиозных церемоний [6, с. 264] (рис. 2). Считается, что на нем изображена сцена поклонения богу грозы, представленному в виде культового символа – ста-

туи быка на возвышенности. Подобное толкование дается изображению и на вазе «А» [6, с. 266] (рис. 3). Процессия идет слева направо и ведет жертвенных животных. В руках участники шествия держат атрибуты и поклоняются «сидящему божеству». Предполагая изображения божества в качестве животного, не обращается должного внимания объектам, расположенным в центре указанных сцен. В них достаточно отчетливо распознается Тау-символ. Вполне вероятно, что вышеуказанные сцены, носящие определенно религиозный характер, посвящены поклонению с использованием Тау-символа.

Тау-символ был распространенным знаком в Древнем Египте, где обозначал плодородие и жизнь. Он встречается в руках напоминающих мумии фигур между передними лапами сфинксов на знаменитой аллее сфинксов; на камнях перед воротами храма Аменхотепа III в Фивах и храма Сераписа в Александрии. Древнеегипетские священники носили Тау-символ на священных торжествах. В иудейской традиции Тау-символ наносился израильтянами на дверные косяки в ночь первой еврейской Пасхи в Египте, чтобы защитить свои дома от ангела смерти [30, с. 337–341]. Здесь мы обнаруживаем аналогию с указанными выше сведениями Ж.-Б. Тавернье о Черкесии, по которым адыги ставили Тау-символ рядом с дверью – видимо, в качестве олицетворения божественной защиты от сил зла. Согласно Ветхому Завету, Моисей воздвиг медного змея в пустыне на Тау-кресте [30, с. 937–938]. Тау-символ наносился на лоб участников таинств Митры (божества солнца индоиранского происхождения). В индийских обрядах Тау-символ, носивший название «тилук», наносился на тело кандидата как знак отречения от мирских благ. В Западной и Северной Европе Тау-символ был широко распространен среди кельтов и викингов (рис. 4, 5). Он занимал большое место в религии друидов. Друиды, срубив с дерева часть ветвей, оставляли его в форме Тау и освящали церемониями. На правой стороне Тау-символа они вырезали слово «Hesuls», на левой – «Belen» или «Belenus», а в середине, на стволе – «Tharamis» [29]. Над ними, сверху Тау, вырезали имя Бога – «Thau» [41]. Роцца, где находился Тау-символ с такими надписями, служила для друидов священным ме-

стом, к которому они обращались во время проведения религиозных церемоний [41]. Иногда Тау олицетворял кельтского бога Ху Гадерна, рогатого бога плодородия и плодovitости [29]. Праздник, посвященный ему, отмечался осенью. В Скандинавии использовался Тау-символ, который отождествлялся с молотом бога Тора [11]. В Древнем мире Тау наносился на тело оправданных судьями в ходе рассмотрения дела как знак невиновности. Военачальники удостоивали Тау-символом тех, кто невредимым возвращался с поля боя, как признак их пребывания под божественной защитой. Приведенные выше факты указывают на глобальность популяризации сакральной культуры Тау-символа, который может иметь единый источник распространения.

Древнейшие центры поклонения с использованием Тау-символа обнаружены на Ближнем Востоке. Останки подобных храмов находят в разных местах Верхней Месопотамии, в основном в верхних течениях р. Евфрата – Гёбекли-Тепе, Карахан-Тепе, Невалы-Чори, Сефер-Тепе, Курт-Тепеси, Чатал-Хююке и т. д. Одним из ранних и известных памятников является храмовый комплекс – Гёбекли-Тепе (носящий название холма, под которым он обнаружен на территории современной юго-восточной Турции. – Ж. К.). Он представляет собой мегалитическое сооружение, заложенное в эпоху верхнего палеолита, и состоит примерно из 20 открытых овальных построек (святилищ), расположенных на самом высоком месте горного хребта (рис. 6). Датированный X тыс. до н. э. храмовый комплекс был оставлен жителями около VIII тыс. до н. э. [32, с. 89, 249]. Гёбекли-Тепе мог быть культовым центром, объектом паломничества для древних людей. Примечательным является символика архитектуры храма, имеющая Т-образные колонны, ориентированные торцами наверх к геометрическим центрам святилищ (рис. 7). Внутри построек, в середине каждой половины овалов, установлено еще по одной Т-образной колонне, которые выше, чем подобные колонны стены [13]. Руководитель раскопок Гёбекли-Тепе К. Шмидт делает вывод, что здесь мы имеем дело с самыми ранними изображениями богов [9]. Указанную теорию поддерживает М.И. Зильберман: «Т-образные колонны (12 колонн), как бы

образующие хоровод на небосводе (овале), вполне могут отображать небесных богов (созвездия Зодиака) в виде антропоморфных божеств, которые находятся в постоянном движении, но всегда возвращаются на круги своя» [13]. По его мнению, не исключено, что персонификация звезд (созвездий) и отождествление их с богами символизирует распад ипостасей «двуетного божества». Внутренние Т-образные колонны (означают единство женского и мужского начала, «мать-отец») ориентированы наверх на юго-запад и покрыты вырезанными изображениями животных, рыб и насекомых, символов великой богини и шумерского бога неба Ану (по шумерской традиции носил титул «отец богов» и связан с богиней земли Ки) [13]. Две внутренние (более высокие) симметрично установленные Т-образные колонны отражают паритет между ипостасями единого Бога, поскольку земледелие еще в зачатии. Как замечает М.И. Зильберман, при взгляде на округлую стену святилища представляется, что колонны как бы вечно движутся друг за другом по кругу в одном направлении [13]. Здесь его можно сравнить с кольцевым строением, состоящим из мегалитов в Стоунхендже, которое валлийцы и ирландцы называют «танцем великанов». Возможно, видимость движения по кругу («божеств» с Т-образными головами), запечатленного в святилище Гёбекли-Тепе, является аналогом ритуального кругового танца в честь Великого Бога.

3. Сакральные танцы. Сведения, касающиеся культа Тау-символа, связаны с присутствием в них ритуального танца, который являлся важной частью древней культуры человечества. Изображения древних людей, исполняющих танцы, связанные с проведением сакральных действий, встречаются неподалеку от Гёбекли-Тепе. В раннеолитическом поселении Невалы-Чори, расположенном на р. Евфрат у подножья гор Тавра, на стенах каменного резервуара высечены три антропоморфные фигуры в позе танца, стоящие в ряд с широко расставленными ногами и руками, согнутыми в локтях и поднятыми вверх (ок. 8000 г. до н. э.). В древней Анатолии хетты (хатты), молебствуя, образовывали круг, взявшись за руки, и кружились перед божеством в поклоне, вскиды-

вая к небу руки и прихлопывая в ладоши. На востоке Иордании в раскопках Дхувейла обнаружены высеченные на скале фигуры четырех «людей», держащихся за руки. Сакральные танцы во время проведения религиозных обрядов были распространены и в старой Европе [13]. На глиняной модели из Камилари (близ Феста на острове Крит) изображены четверо мужчин в островерхих шапках, танцующие между культовыми рогами. Профессор археологии в Еврейском университете Иерусалима Дж. Гарфинкель подчеркивает, что танец изображался в Древнем мире как важное общественное занятие. Акцент всегда делался на ряд или хоровод одинаковых фигур, движущихся в одном направлении, что свидетельствует об установке «группа важнее индивида». «Таким образом, танец является занятием, посредством которого общество прививает своим членам коллективную дисциплину», – делает вывод Дж. Гарфинкель [8]. По мнению Дж. Купера, танец представляет собой космическую созидательную энергию, имитацию божественной «игры» творения, поддержание силы и активности [18, с. 324]. Круговые танцы закрывают святы места и могут имитировать движение солнца в небе. Танец вокруг какого-то объекта (священного) означает его защиту, заключение в магический круг. В монотеистических религиях круговые танцы имитируют танцы ангелов вокруг трона Бога. В апокрифических деяниях Святого Иоанна описывается круговой танец, в котором двенадцать апостолов окружают Иисуса, стоящего в центре [18, с. 325].

Классический пример древнейших ритуальных танцев, посвященных Великому Богу, сохранился среди адыгов и в начале XX века. В конце сентября каждого года адыги проводили всенародное религиозное мероприятие – Тхьэшхуэгухьэж (адыг. – воссоединение с Великим Богом) [21, с. 309; 25]. Оно было связано с окончанием сбора урожая. Тогда и танцевали ритуальный парный танец – Тхьэшхуэудж, исполняемый в честь Великого Бога. Танцоры постоянно двигались вправо, образовывая круг. Участники мероприятия направлялись к Тау-символу, стоявшему на возвышенном месте, где и проводили праздничные обряды [21, с. 309; 25].

4. Сакральная архитектура. Использование культа Тау-символа в архитектуре храмов нашло широкое распространение в Древнем мире. Т-образные мегалиты, получившие название – таула (*каталан. taula* – «стол»), широко встречаются на о. Менорка, который является частью Балеарских островов (рис. 8, 9) [35, S. 55–69]. Таулы достигают в высоту до 5 метров и состоят из вертикального столба с горизонтальным камнем, расположенным сверху. Они являются частью талайотской культуры (конец II – I тыс. до н. э.) и созданы талайотами, имеющими предположительно сардинское происхождение. Наиболее известны следующие памятники талайотской культуры, где обнаружены «святилища» таула: Торре-Тренкада, Талати-де-Дальт, Торреллисса Ноу, Трепуко и Торральба д'эн Саллорд [35, S. 55–69]. Святилища были обнесены стенами, напоминающими подкову, со слегка загнутым внутрь фасадом, в центре которого расположен таула – памятник из двух монолитов в форме буквы «Т». Археологические исследования показывают расположение таул в центре древних поселений [35, S. 55–69]. Большинство таул обращены на юг. По разным версиям таулы – это жертвенники, на которых приносились подношения божествам, или же они своего рода сакральные статуи, символизирующие изображение быка [35, S. 55–69]. Для нас совершенно очевидна схожесть планировки построения Гёбекли-Тепе со святилищами таула, которая наблюдается в овальном построении стены вокруг стоящих в центре двух мегалитов – Тау-символов. В отличие от Гёбекли-Тепе, где вокруг двух больших Т-образных столбов стояли меньшие подобные изваяния, некоторые святилища таула имеют по периметру стены столбы без Т-образных наверший. Возможно, Т-образные навершия малых столбов вокруг двух основных в святилищах таула пострадали со временем или были сбиты. Духовное значение святилищ таула, скорее всего, идентично Гёбекли-Тепе, а Тау-символы в них олицетворяли Великого Бога и подчиняющихся ему низлежащих божеств. При этом нельзя не отметить огромный временной промежуток между существованием указанных мегалитов. Наиболее вероятно, существование культа Тау-символа непрерывно на протяжении мно-

гих тысячелетий с некоторыми изменениями его почитания и основной идеологической устойчивостью.

Черты Тау-символа демонстрируют сохранившиеся руины храма в Классерниссе на острове Льюис в Шотландии [27], где двенадцать камней расположены в форме окружности. В центре было изображение божества, а с северной стороны – коридор из девятнадцати камней с еще одним камнем у входа. В форме Тау построен план подземного грота друидов в Нью Грэндже, в Ирландии [27]. Т-образные планировки прослеживаются в подземных храмах культа Митры. Пагоды Варанаси (Бенарес) и Матхуры в Индии спроектированы в форме Тау. Широкое использование в погребальном обряде меотов на Кавказе имели катакомбы Т-образной планировки [1]. Большой интерес вызывает архитектура черкесских укрепленных поселений, известных в источниках под названием «кабаки». В XVII в. Ж.-Б. Тавернье описал кабаки как селения в форме круга: «Эти селения, в особенности в Черкесии, построены все по одному образцу, с расположением домов вокруг одной площади посередине» [2, с. 76; 26] (рис. 10, 11). В центре поселения имелась площадь в виде круга, где проводили обряды и приносили жертвы Богу – Тха. На большой круглой площади водружен высокий шест со шкурой козла. «Эту шкуру они растягивают на двух палках, – поясняет Ж.-Б. Тавернье, – протягиваемых от ноги до ноги, и вешают ее на шест, вбитый в землю, верхний конец которого входит в голову животного» [2, с. 78]. В архаичной религии адыгов козел являлся популярным объектом жертвоприношения Богу. В ближневосточных традициях козлам отводилась особая символическая роль в обрядах, установленных Богом для ежегодного дня очищения и получения прощения. Сведения Ж.-Б. Тавернье позволяют сделать вывод о том, что круглое укрепленное черкесское поселение носило особый символизм и представляло собой аналог храма, где люди жили в братстве и взаимопомощи. Подобные в плане поселения фиксируются и в археологических изысканиях периода кобанской культуры. Археологическая экспедиция под руководством Д.С. Коробова и С. Райнхольда обнаружила около двухсот древних поселений (эпо-

ха бронзы), построенных по единому архитектурному плану в Кисловодской котловине [17, с. 25–38]. Для них характерно устройство центральной площади овальной формы, окруженной по периметру рядом построек с примыкающими друг к другу стенами. Аэрофотоснимки остатков ландшафта поселений показывают их схожесть с планировкой кабардинских поселений – кабаков (рис. 12). Подобные планировки имели и поселения древней культуры Мешоко-Дарквети и Майкопа, в которых жилища строились по кругу, вдоль укреплений [16, с. 33]. Внутри поселения оставалось свободное пространство.

Планировка круглых поселений черкесов и их функциональность при сопоставлении вызывают аналогии с Гёбекли-Тепе и рядом более поздних храмов, общественных святилищ в различных регионах. Выявляется достаточно широкий диапазон сходств и параллелей. М.И. Зильберман полагает, что Гёбекли-Тепе послужил прототипом для многих последующих конструкций древних и более поздних культовых сооружений [13]. Круглые или овальные в плане строения широко использовались в Леванте на этапах существования кебаранской и натуйфийской мезолитических культур, а также и в период докерамического неолита «А» Иерихона (8500–7500 гг. до н. э.). Круглую планировку имело древнее уральское поселение Аркаим (III тыс. до н. э.). Шумерский город Ур (II тыс. до н. э.) в плане представлял собой неправильный овал [7]. Широкое распространение в Алжире, Эфиопии, Индии (Декане и Ассаме), Шри-Ланке, Тибете и Корее получили храмы, представляющие собой строения, в основу конструкции которых положены большие, преимущественно каменные, круги (нередко из мегалитов). Более сотни древнейших храмов, останков раннеземледельческой цивилизации (постройки округлой формы до 150 м в диаметре в виде нескольких «вписанных» кругов с одинаково ориентированными проходами в каждом и столбом (колонной) в центре, из дерева, камня или глины, окруженные частоколом (стенами) и рвами), раскопаны археологами на территории современных Англии, Германии, Австрии, Словакии, России, Палестины и стран Африки. Предполагается, что многие из этих гигантских культовых сооружений получили

распространение около V тыс. до н. э. Как правило, все подобные постройки сооружены по одному принципу: в день летнего и зимнего равноденствия солнце попадает в заданную точку святилища, сооруженного либо из каменной-мегалитов, либо из стволов деревьев. Планировка поселения в форме овала (круга) символизировала небосвод. В центре в форме открытого круга представлялось место для совершения молений и торжеств, которые были посвящены Богу и нередко сопровождались жертвоприношением. Как подчеркивает М.И. Зильберман, просматривается «генетическая» связь подобных общественных святилищ не только с устройством комплекса в Гёбекли-Тепе, но и с первобытной «двоичной» культовой системой [12].

5. Генетические связи. Важное значение в раскрытии поставленной проблемы имеют и данные генетических исследований. Они позволяют сделать вывод, по которому одомашненная пшеница происходит от дикого подвида, растущего на горе Карачадаг (Karacadağ) в 30 км от Гёбекли-Тепе [36]. Гёбекли-Тепе и близлежащие центры поклонения с использованием Тау-символа Верхней Месопотамии находились на северной географической вершине Плодородного полумесяца и, возможно, сыграли ключевую роль в возникновении и распространении земледелия. Следует также обратить внимание и на генетическую схожесть части населения Плодородного полумесяца с населением старой Европы и Кавказа. Генетические исследования показывают, что абсолютное большинство распространивших земледелие переселенцев из района Плодородного полумесяца относились к различным ветвям гаплогруппы G2a [36; 37; 40], как и адыго-абхазские народы.

Большой интерес вызывают генетические исследования, которые показали, что строительство Стоунхенджа около 3000 г. до н. э. осуществили неолитические переселенцы [39]. Исследователи сравнили ДНК, извлеченную из человеческих останков эпохи неолита, найденных в Великобритании, с ДНК людей, живших в то же время в континентальной Европе. Жители Европы эпохи неолита имеют анатолийские корни, которые переселились в Иберию, а затем отправились на се-

вер и достигли Британии около 4000 г. до н. э. [39]. Миграция в Британию была лишь частью массовой экспансии из Анатолии, которая привела к распространению земледелия в Европе.

Географическая локализация наибольшего разнообразия видов мутации гаплогруппы считается вероятным местом ее первичного возникновения. Таким центром для гаплогруппы G является исторический район Тель Халула в Сирии. Храмовый комплекс Гёбекли-Тепе расположен в нескольких километрах от Тель Халула, составляя вместе единый исторический и генетический кластер [34]. Исходя из указанных фактов, можно выдвинуть концепцию диффузии культа Тау-символа и связанных с ним архаичных религиозных традиций вместе с переселенцами из Ближнего Востока, распространившими земледелие в результате неолитической революции. С рассмотренными процессами, возможно, связан и глобальный характер распространения названия Бога у адыгов – Тхьэ, встречающегося в языке многих народов Евразии с некоторыми изменениями лексемы: в греческом – *Тхеос*, кельтском – *Тхау* [41], бирманском – *Тхагьямин* (глава богов «все знающий и слышащий господин»), монкхмерском – *Тхамала* (один из основателей монского города-государства Хантавади (Пегу)); тибетском – *Тхеуранг* (название божеств); вьетнамском – *Тхен чу чей* (бог демиург); лаотянском (тайская языковая группа) – *Тхен факхын* (верховный бог); кхонтайском (сиамском) – *Тхорани* (богиня земли и любви) [24, с. 1003–1004];

малайском – *Тухан* (верховный бог в различных австронезийских языках восточной Малайзии, юго-западных Филиппин и Восточной Индонезии) [38] и т. д.

Заключение. Материалы, приведенные в ходе настоящего исследования, позволяют подвести некоторые итоги по рассматриваемой проблеме. Сведения европейских авторов, побывавших в Черкесии, свидетельствуют о широком распространении изображения Тау-символа среди адыгов, который являлся сакральным атрибутом поклонения Великому Богу (Тхьэ / Тхьэшхуэ) вплоть до второй половины XIX века. Указанные данные отмечают существование у адыгов веры в единого Бога и ряд подчинявшихся ему из пантеона низших существ. Широкое распространение культа Тау-символа в древних религиозных культурах указывает на связь архаичной религии адыгов с древнейшими центрами цивилизации человечества. Древнейшие изображения Тау-символа встречаются в храмовых комплексах Ближнего Востока, с населением которого адыги имеют палеогенетическую взаимосвязь. Изучение архитектуры и сакрального смысла адыгских круглых поселений, уходящих своими корнями в древность, дает возможность провести аналогии с древними храмами и связанными с ними сакральными атрибутами. Хронологический анализ распространения культовых сооружений древних цивилизаций позволяет сделать вывод о едином источнике глобальной архаичной религиозной культуры, центр которого находился на Ближнем Востоке.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Рис. 1. Музей под открытым небом в Пятигорске. Просуществовал с 1850 по 1881 г. и включал уникальные памятники различных эпох из разных районов Кабарды. Слева – Тау-символ (крест), найденный на горе Бештау. Посередине – Этокский памятник. Справа – Тау-символ (крест) с антропоморфными и зооморфными фигурами, найденный в Восточной Кабарде между ручьями Ассокай и Мандрах, у современного Эльхотова

Fig 1. Open-air museum in Pyatigorsk. It existed from 1850 to 1881 and included unique monuments of different eras from different regions of Kabarda. On the left is the Tau symbol (cross) found on Mount Beshtau. In the middle is the Etok Monument. On the right is the Tau symbol (cross) with anthropomorphic and zoomorphic figures found in Eastern Kabarda between the Assokai and Mandrakh streams, near modern Elkhotovo

Рис. 2. Изображение у входа в город. Аладжа-Хююк
Fig. 2. Image at the entrance to the city

Рис. 3. Изображение на вазе «А». Аладжа-Хююк
Fig. 3. Image of vase "A". Aladja Huyuk

Рис. 4. Тау-символ (крест) на острове Тори
Fig. 4. Tau symbol (cross) on Tory Island

Рис. 5. Тау-символ (крест) на холме. Ирландия
Fig. 5. Tau symbol (cross) on the hill. Ireland

Рис. 6. Эскизная реконструкция храмового комплекса Гёбекли-Тепе
Fig. 6. Sketch reconstruction of the Gobekli Tepe temple complex

Рис. 7. Развалины храмового комплекса Гёбекли-Тепе
Fig. 7. Ruins of the Gobekli Tepe temple complex

Рис. 8. Таулы на о. Менорка
Fig. 8. Tauls on the Menorca Island

Рис. 9. Таулы на о. Менорка
Fig. 9. Tauls on the Menorca Island

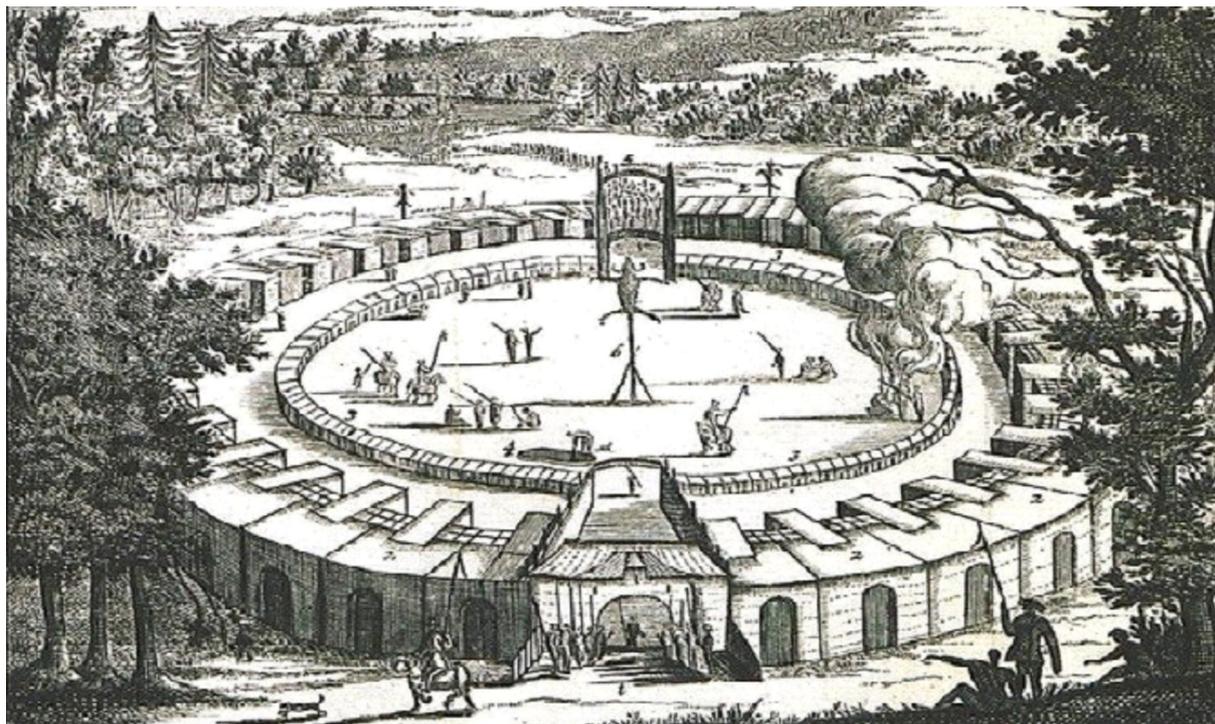

Рис. 10. Черкесское поселение. Рисунок XVII века
Fig. 10. Circassian settlement. Drawing from the 17th century

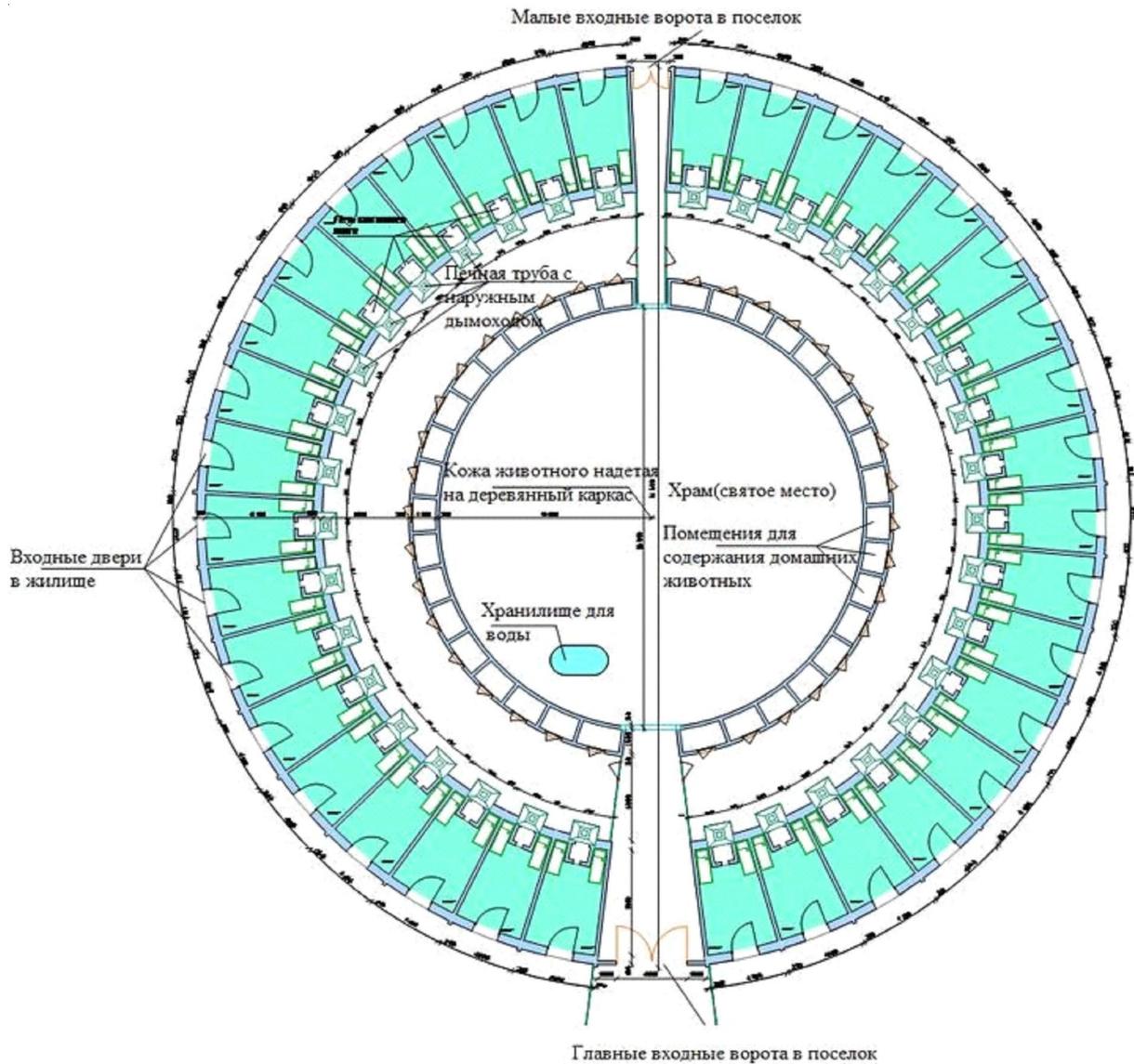

Рис. 11. План черкесского круглого поселения
(из кн.: Орквасов М. М. Материалы по архитектуре жилищ черкесов. Нальчик, 2011)

Fig. 11. Plan of a Circassian round settlement
(From the book: Orkvasov M.M. Materials on the architecture of Circassian dwellings. Nalchik, 2011)

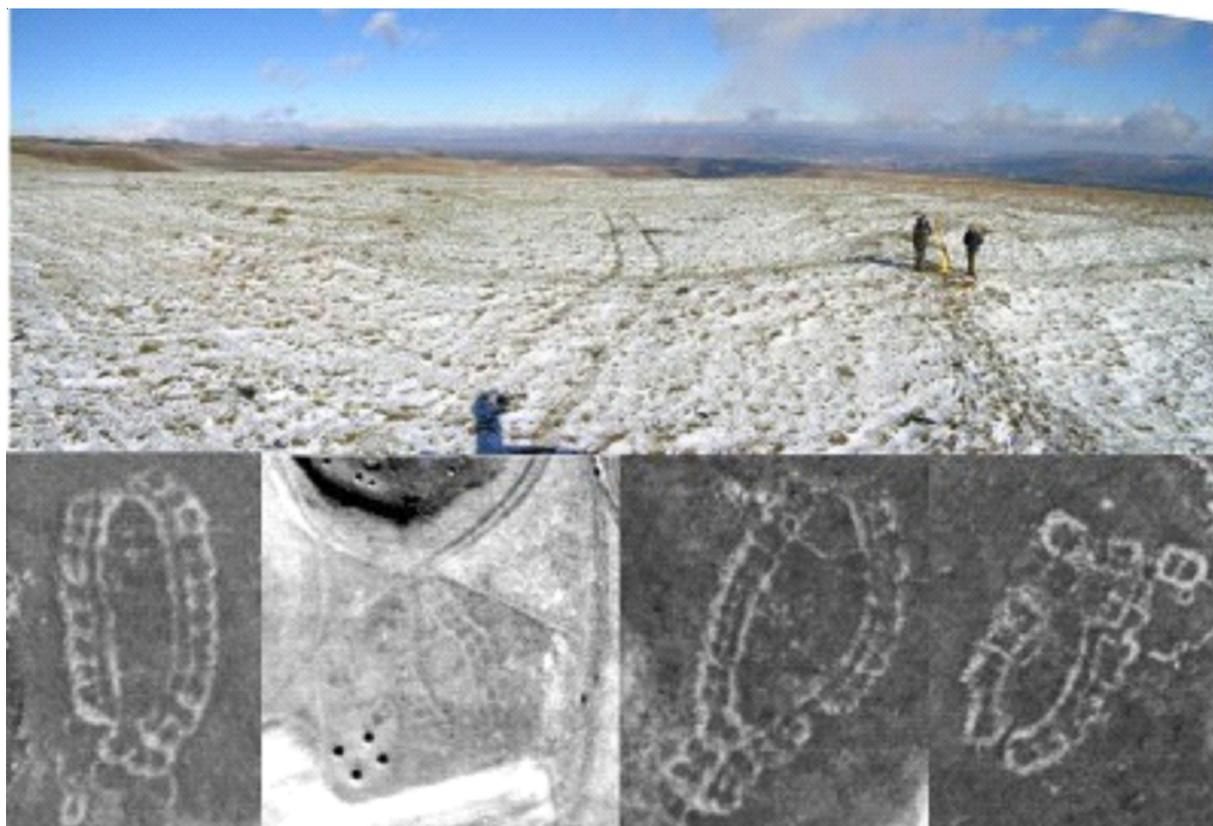

Рис. 12. Поселения с овальной планировкой (аэрофотоснимки)

Fig. 12. Settlements with an oval layout (aerial photographs)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамова М. П. Курганные могильники Северного Кавказа первых веков нашей эры // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке : сб. памяти М. П. Абрамовой. М.: Таус, 2007. С. 52–76.
2. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. (АБККЕА) / сост., ред. переводов, введ. и вступ. ст. В.К. Гарданова. Нальчик: Эльбрус, 1974. 636 с.
3. Ан Б. О пережитках родовой религии черкесов-шапсугов // Материалы Шапсугской экспедиции 1939 г. / под ред. С. А. Токарева, Е. М. Шиллинга. М.: Изд-во МГУ, 1940. С. 11–18.
4. Ардзинба В. Г. К истории культа железа и кузнечного ремесла (почитание кузницы у абхазов) // Древний восток: этнокультурные связи. М.: Наука, 1988. С. 263–306.
5. Ардзинба В. Г. Собрание трудов. В 3 т. Т. III. Кавказские мифы, языки, этносы. М.: Ин-т востоковедения РАН (ИВ РАН); Абхаз. ин-т гуманист. исслед. им. Д.И. Гулия Акад. наук Абхазии, 2015. 320 с.
6. Ванеян Е. С. Аладжа-Хююк: ортостаты и штандарты // Журнал исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Исторические исследования. 2015. № 1 (2). С. 262–270.
7. Вулли Л. Ур халдеев. М.: Изд-во вост. лит., 1961. 251 с.
8. Гарфинкель Д. Первые танцы человека. URL: <http://www.art-dance.kz/article/a-61.html>
9. Гебекли Тепе – место, где начиналась история человечества. URL: <https://lifegid.media/nauka/gebekli-tepe-mesto-gde-nachalas-istoriya-chelovechestva.html>
10. Дебу И. Л. О Кавказской линии и присоединенном к ней Черноморском войске, или Общие замечания о поселенных полках, ограждающих Кавказскую линию, и о соседственных горских народах, собранные действительным статским советником и кавалером Иосифом Дебу с 1816 по 1826 год. СПб.: Тип. Карла Крайя, 1829. 463 с.
11. Доценко И. Тау-крест: трискеле, «молот Тора». URL: <https://innadocenko.livejournal.com/61519.html>
12. Зильберман М. И. Древний человек и божество. Т. I. URL: http://samlib.ru/z/zilxberman_m_i/chib_t1.shtml
13. Зильберман М. И. О сакральном символизме Гебекли Тепе. URL: http://samlib.ru/z/zilxberman_m_i/gebekli1bfa.shtml
14. Инал-ипа Ш. Д. К вопросу о древних этнокультурных связях Западного Кавказа и Малой Азии // Международный конгресс антропологических и этнографических наук, 9-й (Чикаго, сент. 1973): Докл. советской делегации. М.: Наука, 1973. С. 16–18.
15. Кавказ: европейские дневники XIII–XVIII веков. Вып. II / сост. В. Аталиков. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2010. 304 с.
16. Кагазежев Ж. В. Поселения на территории Западного и Центрального Кавказа: историческая преемственность // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2021. № 4 (55). С. 32–36.
17. Коробова Д. С., Райнхольд С. Новый тип поселений кобанской культуры в окрестностях Кисловодска // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 222. М.: Наука, 2008. 229 с.
18. Купер Дж. Энциклопедия символов. М.: Золотой Век, 1995. 401 с.
19. Лавров Л. И. Избранные труды по культуре абазин, адыгов, карачаевцев и балкарцев. Нальчик: Полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., 2009. 555 с.
20. Люлье Л. Я. Верования, религиозные обряды и предрассудки у черкес // Записки Кавказского отдела Императорского Русского географического общества. Тифлис: [б. и.], 1862. Кн. V. С. 121–137.
21. Мамбетов Г. Х. Традиционная культура кабардинцев и балкарцев. Нальчик: Эль-Фа, 2008. 356 с.
22. Меликсет-Беков А. М. Pontica Transcaucasica Ethnica // Советская этнография. 1950. № 2. С. 163–175.
23. Мижаев М. И. Энциклопедия черкесской мифологии. Черкесск; Нальчик; Майкоп: ИП Паштов З.В., 2012. 460 с.
24. Мифы народов мира : энциклопедия : электрон. изд. / отв. ред. С. А. Токарев. 2-е изд. М.: Рос. энцикл., 2008. 1147 с.
25. О ритуальном танце древних народов Кавказа «Тхашхо-удж» (Тхьэшхуэудж). URL: <https://zen.yandex.ru/media/natpress/o-ritualnom-tance-drevnih-narodov-kavkaza-thashhoudj-theshhuedj-5ae41a7cad0f2291ff290d83>
26. Орквасов М. М. Материалы по архитектуре жилищ черкесов. Нальчик: Тетраграф, 2011. 41 с.
27. Пайк А. Символика тройного Тау в масонстве и мифологии. URL: http://www.mestanet.ru/book/masonstvo/simvolika_troynogo_tau_v_masonstve_i_mifologii.html
28. Спенсер Э. Путешествие в Черкесию / пер. с англ. Н. А. Нефляшевой. Майкоп: РИПО, 1994. 153 с.
29. Тау-крест. Буква конца света. URL: <https://www.liveinternet.ru/users/4033731/post431022635>
30. Тора / пер. Пинхаса Гиля; пер. коммент. З. Мешкова // Пятикнижие и Гафтарот. М.; Иерусалим: Гешарим, 1999. 1456 с.
31. Хан Гирей С. Записки о Черкесии. Нальчик: Эльбрус, 1978. 333 с.
32. Шмидт К. Они строили первые храмы. Таинственное святилище охотников каменного века. Археологические открытия в Гебекли Тепе / пер. с нем. А. С. Пашенко. СПб.: Алетей, 2011. 320 с.

33. Шортанов А. Т. Адыгская мифология и культуры. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2016. 496 с.

34. Cinnioğlu C. Excavating Y-Chromosome Haplotype Strata in Anatolia. URL: https://www.researchgate.net/publication/9033094_Excavating_YChromosome_Haplotype_Strata_in_Anatolia

35. Corinna Kortemeier. Rekonstruktion der prähistorischen Siedlungs- und Landschaftsentwicklung auf Menorca (Balearn/Spanien): Dissertation, zur Erlangung des Doktorgrades der Mathematisch-Naturwissenschaftlichen Fakultät der Christian-Albrechts-Universität zu Kiel. Kiel, 2014. 127 S. URL: https://deru.abcdef.wiki/wiki/Torretrencada#Die_Taula

36. Heun M. et al. Site of Einkorn Wheat Domestication Identified by DNA Fingerprinting // *Science*. 1997. Vol. 278. P. 1312–1314.

37. Lazaridis I., Nadel D., Rollefson G. et al. The Genetic Structure of World's First Farmers. URL: <https://www.biorxiv.org/content/early/2016/06/16/059311.full.pdf+html>

38. Sama-Bajau. URL: <https://en.wikipedia.org/wiki/Sama-Bajau>

39. Stonehenge: DNA Reveals Origin of Builders // *BBC News*. URL: <https://www.bbc.co.uk/news/science-environment-47938188>

40. Szécsényi-Nagy A., Brandt G., Haak W. et al. Tracing the Genetic Origin of Europe's First Farmers Reveals Sciences. Insights into Their Social Organization // *Proceedings of the Royal Society B: Biological*. Vol. 282. URL: https://www.researchgate.net/publication/274009432_Tracing_the_genetic_origin_of_Europe's_first_farmers_reveals_insights_into_their_social_organization

41. The Druids Adored the True Tau Cross. URL: <https://www.gnosticwarrior.com/the-druids-cross.html>

REFERENCES

1. Abramova M.P. Kurgannye mogilniki Severnogo Kavkaza pervykh vekov nashey ery [Kurgan Burial Grounds of the North Caucasus of the First Centuries of Our Era]. *Severnyy Kavkaz i mir kochevnikov v rannem zheleznom veke: sb. pamyati M.P. Abramovoy* [The North Caucasus and the World of Nomads in the Early Iron Age. Collection in Memory of M.P. Abramova]. Moscow, Taus Publ., 2007, pp. 52–76.

2. Gardanov V.K., ed. *Adygi, balkartsy i karachaevtsy v izvestiyakh evropeiskikh avtorov XIII–XIX vv. (ABKIEA)* [Adyghes, Balkars and Karachays in Proceedings of the European Authors of the 13th – 19th Centuries]. Nalchik, Elbrus Publ., 1974. 636 p.

3. An B. O perezhitkakh rodovoy religii cherkesov-shapsugov [About the Remnants of the Generic Religion of the Ciccassian-Shapsugs]. Tokarev S.A., Shilling E.M., eds. *Materialy Shapsugskoy ekspeditsii 1939 g.* [Materials of the Shapsug Expedition, 1939]. Moscow, Izd-vo MGU, 1940, pp. 11–18.

4. Ardzinba V.G. K istorii kulta zheleza i kuznechnogo remesla (pochitanie kuznitsy u abkhazov) [To the History of the Cult of Iron and Blacksmithing (Veneration of the Forge Among the Abkhazians)]. *Drevniy vostok: etnokulturnye svyazi* [Ancient East: Ethnocultural Relations]. Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 263–306.

5. Ardzinba V.G. *Sobranie trudov. V 3 t. T. III. Kavkazskie mify, yazyki, etnosy* [Collected Works. In 3 Vols. Vol. 3. Caucasian Myths, Languages, Ethnoses]. Moscow, In-t vostokovedeniya RAN (IV RAN), Abkhaz. in-t gumanit. issled. im. D.I. Gulia Akad. nauk Abkhazii, 2015. 320 p.

6. Vaneyan E.S. Aladzha-Hyuyuk: orthostati i standardi [Aladzha Huyuk: Orthostats and Standards]. *Journal istoricheskogo fakulteta MGU im. M.V. Lomonosova. Istoricheskii issledovaniya*. [Journal of the Historical Faculty of Lomonosov Moscow State University. Historical Research], 2015, no. 1 (2), pp. 262–270.

7. Woolley L. *Ur khaldeev* [Ur of the Chaldeans]. Moscow, Izd-vo vost. lit., 1961. 251 p.

8. Garfinkel J. *Pervye tantsy cheloveka* [The First Dances of Man]. URL: <http://www.art-dance.kz/article/a-61.html>

9. *Gebekli Tepe – mesto, gde nachinalas istoriya chelovechestva* [Gebekli Tepe – The Place Where the History of Mankind Began]. URL: <https://lifegid.media/nauka/gebekli-tepe-mesto-gde-nachalas-istoriya-chelovechestva.html>

10. Debu I.L. *O Kavkazskoy linii i prisoeдинennom k ney Chernomorskom voyske, ili Obshchie zamechaniya o poselennykh polkakh, ograzhdayushchikh Kavkazskuyu liniyu, i o sosedstvennykh gorskikh narodakh, sobrannye deystvitelnym statskim sovetnikom i kavalerom Iosifom Debu s 1816 po 1826 god* [On the Caucasian Line and the Black Sea Army Attached to It, or General Remarks on the Settled Regiments Protecting the Caucasian Line and on the Neighboring Mountain Peoples, Collected by the Actual State Councilor and Cavalier Joseph Debu from 1816 to 1826]. Saint Petersburg, Tip. Karla Kraya, 1829. 463 p.

11. Dotsenko I. *Tau-krest: triskele, «molot Tor»*. [Tau-Krest: Triskele, “Hammer of Thor”]. URL: <https://innadocenko.livejournal.com/61519.html>

12. Zilberman M.I. *Drevniy chelovek i bozhestvo. T. I* [Ancient Man and Deity. Vol. 1]. URL: http://samlib.ru/z/zilberman_m_i/chib_t1.shtml

13. Zilberman M.I. *O sakralnom simbolizme Gebekli Tepe* [On the Sacred Symbolism of Gebekli Tepe]. URL: http://samlib.ru/z/zilxberman_m_i/gebekli1bfa.shtml
14. Inal-ipa Sh.D. K voprosu o drevnikh etnokulturnykh svyazyakh Zapadnogo Kavkaza i Maloy Azii [On the Question of Ancient Ethno-Cultural Relations of the Western Caucasus and Asia Minor]. *Mezhdunarodny kongress antropologicheskikh i etnograficheskikh nauk, 9-y (Chikago, sent. 1973): Docl. sovietskoy delegatsii* [International Congress of Anthropological and Ethnographic Sciences, the 9th (Chicago, Sept. 1973): Report of the Soviet Delegation]. Moscow, Nauka Publ., 1973, pp. 16-18.
15. Atalikov V., ed. *Kavkaz: evropejskie dnevniki XIII–XVIII vekov. Vyp. II* [Caucasus: European Diaries of the 13th – 18th Centuries]. Nalchik, Izd-vo M. i V. Kotlyarovykh, 2010. 304 p.
16. Kagazezhev Zh.V. Poseleniya na territorii Zapadnogo i Centralnogo Kavkaza: istoricheskaya preemstvennost [Settlements on the Territory of the Western and Central Caucasus: Historical Continuity]. *Vestnik Akademii nauk Chechenskoj Respubliki* [Bulletin of the Academy of Sciences of the Chechen Republic], 2021, no. 4 (55), pp. 32-36.
17. Korobova D.S., Reinhold S. Novyy tip poseleniy kobanskoy kultury v okrestnostyakh Kislovodskaya [A New Type of Settlement of the Koban Culture in the Vicinity of Kislovodsk]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii. Vyp. 222* [Brief Reports of the Institute of Archaeology. Iss. 222]. Moscow, Nauka Publ., 2008. 229 p.
18. Cooper J. *Enciklopediya simbolov* [Encyclopedia of Symbols]. Moscow, Zolotoy Vek Publ., 1995. 401 p.
19. Lavrov L.I. *Izbrannye trudy po kulture abazin, adygov, karachaevtsev i balkartsev* [Selected Works on the Culture of Abazins, Adygs, Karachays and Balkars]. Nalchik, Polygraphkombinat im. Revolutii 1905 g., 2009. 555 p.
20. Lylye L.Ya. Verovaniya, religioznye obryady i predrassudki u cherkes [Verovaniya, Religious Rites and Prejudices Among the Circassians]. *Zapiski Kavkazskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva* [Notes of the Caucasus Department of the Imperial Russian Geographical Society]. Tiflis, s.n., 1862, book V, pp. 121-137.
21. Mambetov G.H. *Traditsionnaya kultura kabardintsev i balkartsev* [Traditional Culture of Kabardins and Balkars]. Nalchik, El-Fa Publ., 2008. 356 p.
22. Melikset-Bekov A.M. Pontica Transcaucasica Ethnica. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography], 1950, no. 2, pp. 163-175.
23. Mizhaev M.I. *Entsiklopediya cherkesskoy mifologii* [Encyclopedia of Circassian Mythology]. Cherkessk, Nalchik, Maykop, IPPashtov Z.V., 2012. 460 p.
24. Tokarev S.A., ed. *Mify narodov mira: enciklopediya: elektron. izd.* [Myths of the Peoples of the World. Encyclopedia. Electronic Edition]. Moscow, Ros. encycl. Publ., 2008. 1147 p.
25. *O ritualnom tantse drevnikh narodov Kavkaza «Tkhashkho-udzh» (Tkhashkhueudzh)* [About the Ritual Dance of the Ancient Peoples of the Caucasus “Thashho-uj” (Theshhuuj)]. URL: <https://zen.yandex.ru/media/natpress/o-ritualnom-tance-drevnih-narodov-kavkaza-thashhoudj-theshhueudj5ae41a7cad0f2291ff290d83>
26. Orkvasov M.M. *Materialy po arkhitekture zhilishch cherkesov* [Materials on the Architecture of Circassian Dwellings]. Nalchik, Tetragraf Publ., 2011. 41 p.
27. Pike A. *Simvolika troynogo Tau v masonstve i mifologii* [The Symbolism of the Triple Tau in Freemasonry and Mythology]. URL: http://www.mestanet.ru/book/masonstvo/simvolika_troynogo_tau_v_masonstve_i_mifologii.html
28. Spenser E. *Puteshestvie v Cherkesiyu* [Journey to Circassia]. Maykop, RIPO, 1994. 153 p.
29. *Tau-krest. Bukva kontsa sveta* [Tau Cross. The Letter of the End of the World]. URL: <https://www.liveinternet.ru/users/4033731/post431022635>
30. Pinkhas Gil, Meshkov Z., eds. Tora [Torah]. *Pyatiknizhie i Gaftarot* [The Pentateuch and Haftarat]. Moscow, Jerusalem, Gesharim Publ., 1999. 1456 p.
31. Han Girej S. *Zapiski o Cherkesii* [Notes About Circassia]. Nalchik, Elbrus Publ., 1978. 333 p.
32. Schmidt C. *Oni stroili pervye khramy. Tainstvennoe svyatilishche okhotnikov kamennogo veka. Arkheologicheskie otkrytiya v Gebekli Tepe* [They Built the First Temples. A Mysterious Stone Age Hunter Sanctuary. Archaeological Discoveries in Gobekli Tepe]. Saint Petersburg, Aletea Publ., 2011. 320 p.
33. Shortanov A.T. *Adygskaya mifologiya i kul'ty* [Adyge Mythology and Cults]. Nalchik, Izd-vo M. i V. Kotlyarovykh, 2016. 496 p.
34. Cinnioğlu C. *Excavating Y-Chromosome Haplotype Strata in Anatolia*. URL: https://www.researchgate.net/publication/9033094_Excavating_YChromosome_Haplotype_Strata_in_Anatolia
35. Corinna Kortemeier. *Rekonstruktion der prähistorischen Siedlungs- und Landschaftsentwicklung auf Menorca (Balearen/Spainien): Dissertation, zur Erlangung des Doktorgrades der Mathematisch-Naturwissenschaftlichen Fakultät der Christian-Albrechts-Universität zu Kiel*. Kiel, 2014. 127 S. URL: https://deru.abcdef.wiki/wiki/Torretrencada#Die_Taulla
36. Heun M. et al. Site of Einkorn Wheat Domestication Identified by DNA Fingerprinting. *Science*, 1997, vol. 278, pp. 1312-1314.
37. Lazaridis I., Nadel D., Rollefson G. et al. *The Genetic Structure of World's Firstfarmers*. URL:

<https://www.biorxiv.org/content/early/2016/06/16/059311.full.pdf+html>

38. *Sama-Bajau*. URL: <https://en.wikipedia.org/wiki/Sama-Bajau>

39. Stonehenge: DNA Reveals Origin of Builders. *BBC News*. URL: <https://www.bbc.co.uk/news/science-environment-47938188>

40. Szécsényi-Nagy A., Brandt G., Haak W. et al. Tracing the Genetic Origin of Europe's First Farmers

Reveals Sciences. Insights into Their Social Organization. *Proceedings of the Royal Society B: Biological*, vol. 282. URL: https://www.researchgate.net/publication/274009432_Tracing_the_genetic_origin_of_Europes_first_farmers_reveals_insights_into_their_social_organization

41. *The Druids Adored the True Tau Cross*. URL: <https://www.gnosticwarrior.com/the-druids-cross.html>

Information About the Author

Zhiraslan V. Kagazezhev, Candidate of Sciences (History), Head of the Scientific and Innovation Center “Natural Scientific Methods in Archaeology, Anthropology and Archeography”, Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Balkarova St, 2, 360000 Nalchik, Russian Federation, jiraslan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0508-3493>

Информация об авторе

Жираслан Валерьевич Кагазежев, кандидат исторических наук, заведующий научно-инновационным центром «Естественно-научные методы в археологии, антропологии и археографии», Кабардино-Балкарский научный центр РАН, ул. Балкарова, 2, 360000 г. Нальчик, Российская Федерация, jiraslan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0508-3493>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.2.2>UDC 39/94
LBC 63.5Submitted: 28.02.2023
Accepted: 17.07.2023**THE ARMENIAN TRACKS IN THE HISTORY OF THE CHUVASH****Anton K. Salmin**Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera)
of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. The *introduction* provides brief information to acquaint the reader with the history of the study of the topic in the title. It points to the difficulties in identifying the original homeland of the historical ancestors of the Chuvash. It also provides an ethnonymic picture. With regard to the *methodology* of the study, the author gave preference to a complex, cross-genre approach. This is most suitable for tackling questions of ethnic history because it makes it possible to draw on conclusions provided by allied disciplines. In this way, new knowledge emerges. Such a methodology also helps to get away from stagnated views. The *materials* subjected to analytical examination were primary sources (the authors of al-Kūfī, aṭ-Ṭabarī, al-Beladsori/al-Balāḍurī, Lewond (Leontius), Zacharias Rhetor, Xenophon, and Apollonius of Rhodes), as well as the works of prominent 20th- and 21st-century scholars (A.V. Golovnev, M.S. Gadjiev, A.S. Kassian, M.L. Khachikian, and A.K. Shahinyan). *Analysis.* Attention is chiefly devoted to an examination of historical and geographical facts, ethnographic matters, and linguistic analogies. The paper includes a series of lexical correspondences between Chuvash and Armenian. For example, Armenian *dzor/tsor* and Chuvash *çyr* mean “bank, steep slope”; *kh’yar* and *khāyar* mean “cucumber.” There are instances when Chuvash and Armenian *homophones* have similar meanings. *Kin* refers to “daughter-in-law” in Chuvash and “wife, woman, lady” in Armenian. *Results.* The author’s previous publications as well as the present paper make it possible to conclude that the ethnonym of the *Chuvash* has undergone a lengthy course of transformation through history in the form of *Savir* (*Saspir/Sapir; Savar, Sabir*) → *Suvar* (*Suvas, Suvan*) → *Suvash* (*Sāvaš*) → *T’šāvaš*. In the 9th to the 1st centuries BC, the Saspirs occupied a territory from Media to Colchis, between the Medes and the Colchians, with the former to the south and the latter to the north by the River Phasis, i.e., the territory of the Armenian Highlands.

Key words: prehistory, Chuvash, Armenians, South Caucasus, history, geography, ethnography, language.

Citation. Salmin A.K. The Armenian Tracks in the History of the Chuvash. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 2, pp. 27-35. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.2.2>

УДК 39/94
ББК 63.5Дата поступления статьи: 28.02.2023
Дата принятия статьи: 17.07.2023**АРМЯНСКИЕ ТРЕКИ В ИСТОРИИ ЧУВАШЕЙ****Антон Кириллович Салмин**Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. В *вводной части* даются краткие сведения для ознакомления с историей изучения вынесенной в заглавие темы. Указывается на сложности по выявлению прародины исторических предков чувашей. Также дается этнонимическая картина. В качестве *методологии* изучения автор предпочел комплексный (= кроссжанровый) подход. Это – наиболее приемлемый подход для решения вопросов этнической истории, ибо позволяет вовлекать в исследование выводы смежных дисциплин. Так формируется новое знание. Применяемая методология помогает уйти от застойных взглядов. *Материалами* для аналитического разбора послужили первоисточники (сочинения ал-Куфи, ат-Табари, Баладзори, Гевонда Вардапета, Захария Ритора, Ксенофонта, Аполлония Родосского), а также труды выдающихся исследователей XX–

XXI вв. (А.В. Головнёва, М.С. Гаджиева, А.С. Касьяна, М.Л. Хачикяна, А.К. Шагиняна). *Анализ.* Основное внимание уделено анализу исторических и географических фактов, этнографических сюжетов и языковых аналогий. В статье приводится лексический ряд чувашско-армянских соответствий. Например, армян. *ձոր/ւոր* – чуваш. *сыр* ‘берег, обрыв’. Имеет место совпадение значений чувашского и армянского слов *кин*: у чувашей в значении ‘невестка, сноха’, у армян – ‘жена, женщина, дама, супруга’. *Результаты.* Предыдущие публикации автора, а также настоящая статья позволили сделать вывод о том, что этноним *чуваши* прошел длинный исторический путь трансформации в виде *савир* (*саспир/сапир, савар, сабир*) → *сувар* (*сувас, суван*) → *суваши* (*сăваши*) → *чăваши* (*t’šăvaš*). В IX–I вв. до н.э. саспиры занимали территорию от Мидии до Колхиды между мидянами и колхами. Притом мидяне находились к югу, а колхи к северу у реки Фасис. Получается на территории Армянского нагорья.

Ключевые слова: доистория, чувашы, армяне, Закавказье, история, география, этнография, язык.

Цитирование. Салмин А. К. Армянские треки в истории чувашей // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 2. – С. 27–35. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.2.2>

“Ancestral peoples had a strong individuality and differed from one another more clearly than present-day communities” [7, p. 122].

Introduction. There are many hypotheses about the origins of the Chuvash. Those peoples who have been named as their ancestors include the Xunyu, Xiongnu, Xianbei, Wuhua, Onogurs, Ugrians, Huns, Bulgars, ancient Turks, Iranians, and Sumerians. All this long, yet still not complete, list of tribes is indicative not only of a lack of study but also, and above all, of the complexity of the question.

In actuality, the history of a people is a succession of regenerations. We should only write about the spatial-chronological parameters of tribes and peoples. Not only have times changed, but ethnic groups have also transformed. It is not possible, for example, to place an equals sign between the subjects of Modu and Attila because “the course of events regenerates ethnicity, which does not exist outside of movement” [8, p. 53]. Ethnic components are impermanent characteristics. The replacement of culture-forming elements helps them to transform, overcome crises, and facilitate regeneration. Peoples become reborn in the broadest sense of the word. Turko-Mongol tribes, combining at some times, disintegrating into hordes at others, and on occasion drawing subjugated tribes into their military alliances, were able to conquer the steppes. In that way, one set of peoples disappeared, and others emerged. At the same time, it is useful to abandon illusions and reconcile oneself to many newly discovered facts.

Impartial investigation shows that the ethnonym of the *Chuvash* has undergone a lengthy course of transformation through history in the form of *Savir* (*Saspir/Sapir, Savar, Sabir*) → *Suvar* (*Suvas, Suvan*) → *Suvash* (*Săvaš*) → *T’šăvaš* (*Chuvash*) [22]. In Xenophon (circa 430–355 BC), we find the Armenian anthroponym *Sabaris*. It is the name given to a younger son of the Armenian ruler [15, p. 58]. Here we need to take a Persian influence into account, as well as the Greek ending *-is*. Roman, Greek, Iranian, Armenian, Georgian, Syrian, and Arab authors wrote about this people, each distorting the ethnonym to fit the phonetics of their own language. In ancient and mediaeval manuscripts, it was conveyed using the consonants *S-v-r*, with vowel sounds added according to the rules of the given language. In Ibn Khordadbeh’s *Book of Roads and Kingdoms* (ca. 895 AD), in the writings of King Joseph of Khazaria, and in an authentic document produced by the Khazar Jews of Kiev, it is indeed written simply *SWR*. Etymologically, the word *Savar/Sapir/Savir/Sabir/Suvar* derives from the Persian *saver*, “horseman”, “rider”, “dexterous” [18, p. 294], in classical Persian *savār*. The Sasanid forces included a privileged corps of *asawīra* (Modern Persian *sawār/suwār, asâwira*). These were recruited from the aristocratic class and formed the army’s main strike force. They maintained a state of constant preparedness for action. In AH 32 (AD 652/3), the Islamic commander al-Ahnaf ibn Qays wrote to Bazan, the Persian shahs’ governor in Armenia, and also to the horsemen (*asâwira*) and Iranians, proposing that they adopt Islam together with the horsemen

[25, p. 34]. From the letter, it is clear that the *asawîra* cavalry occupied a privileged position in Persian society and that the fortunes of the state depended on their loyalty. From the history of Persia, it is also clear that *asawîra* and *asavar* are grammatical variants of one and the same word.

Methodology and materials. The author employed a transdisciplinary approach to the analysis of the materials used. The works of al-Kūfī, aṭ-Ṭabarī, al-Beladorsi/al-Balāḍurī, Lewond Vardapet, Zacharias Rhetor, Xenophon, and Apollonius of Rhodes were used as historical sources. As a historiography, studies of the 20th – 21st centuries are involved: A.V. Golovnev, M.S. Gadjiev, A.S. Kassian, M.L. Khachikian, and A.K. Shahinyan.

Analysis. Data from published sources on the topic were subjected to analysis, in addition to the most prominent works by historians, geographers, ethnographers, and linguists.

Historical and geographical analysis.

In the late 9th and early 8th centuries BC, four ethnic groups lived in the Urartian state: the Alarodians, Matieni, Saspirs, and Armenii [30]. The Urartians were located on the territory of the Armenian Highlands. On a present-day map, that would be Armenia, eastern Turkey, north-western Iran, and the Nakhchivan Autonomous Republic within Azerbaijan. In the 7th century BC, a large confederation of tribes formed to the south-east of Colchis, headed by the Saspirs. This circumstance presented a number of difficulties to would-be conquerors seeking to advance northward. By the second half of the 7th century, the Cimmerians' invasion had significantly reduced the might of the Urartian state, and the Saspirs exploited this situation to gain control of the region between Colchis and Media.

More precisely, the Saspirs were the north-western neighbours of the Matieni, who belonged *de facto* to the satrapy of Media [21, pp. 12, 14]. Ogannes Khorikian states that they had a border with the Medes in the area of the lower reaches of the River Kura (Cyrus), while the road from Colchis to Media ran through the regions west of the Caspian and by way of the Kura valley. "The Saspirs could not have been located to the south of the Colchians, because the Moschoi (Eastern Chalybes) lived there... Therefore, the Saspirs were to the east of the Colchians and lived

between the Matieni to the west and the Alarodians to the south" [14, pp. 199-200]. He elaborates further: the Saspirs did not occupy the Armenian Highlands, but the lands between the Kura and the Greater Caucasus range – and subsequently Caucasian Albania, i.e., the region on the left bank of the Kura [14, p. 195]. Saspirs were also known in many other parts of the Iranian world, in near-inaccessible mountains and in maritime localities, such as the south coast of the Caspian [20, p. 347]. Along with the Alarodians, towards the end of the Achaemenid period, the Saspirs formed one of the two Armenian satrapies. In the 4th century BC, they were part of Greater Armenia. It therefore follows that in prehistoric times, the destinies of the Saspirs and Armenians were closely connected, at least geographically.

Around the first half of the 3rd century BC, Apollonius of Rhodes wrote about the Sapirs (Σάπειρες) "who have long lived" next to the Bechyres and Byzeres [1, pp. 75, 110]. This suggests that the three peoples had been neighbours well before 300 BC. That is all fully in accordance with historical reality. To be even more precise, in this period, the Sapirs occupied the lands to the south-east of the River Chorokh, towards Lakes Sevan and Van.

In the 6th century AD, the Sasanids constructed a number of fortresses in the Caucasus region. These were supposed to cow the "northern barbarians" (Hunno-Savirs, Barsils, Khazars, Alans, and so on). In the opinion of Daghestani scholars, taking account of military and political events and the situation with clashes between Iran and the Byzantine Empire, "the period from 522 to 526 would seem to have been most suited to large-scale construction" [4, p. 82; 5, p. 100]. Kavad I (r. 488–531) constructed a rammed earth wall between Shirvan and the Darial Gorge with a series of forts along it. Then, in the late 560s, his son Khosrow I, known as Anushirvan, constructed the famous Derbent Wall (this time of large stone blocks) and several fortresses. Evidently, the threat against which the wall was built came from the nomadic "Huns" (i.e., Savirs) living to the north. They disrupted the economy and life in the Sasanid border areas of Armenia and Caucasian Albania. The Sasanids populated these frontier lands with immigrants who considered themselves far freer than their neighbours to the south [24, p. 15].

Zacharias Rhetor indicated the locations of the tribes in the year 555. He listed them from south to north: Armenia, including Arran, Sisgan, and then the Bazguns, whose land extends as far as the Caspian Gate and the sea. There, the Huns lived. Then the Unnogurs came, and subsequently, the Ogors and Sabirs followed. These are all “of the race of Dadu” [28, p. 595]. Located further to the north were the Burgars, Alans, Kurtargars, Avars, Khasars, and more. In other words, the Bulgars dwelt to the north-west of the Savirs. In the mid-6th century, the Savirs were in possession of the Derbent Passage, the pinch point on the route along the western shores of the Caspian that Armenian historians call Chora. In 571, sporadic advance detachments of Turki reached the peripheries of the Northern Caucasus. Before them, in 558, there was an invasion by the Avars, who also consisted for the most part of Turkic warriors, as well as enemy captives and deserters [11, p. 19].

By the late 7th century, the Western Turkic Khaganate was practically disintegrating. At the same time, in the north-eastern foothills of Daghestan, a Suvar state was forming on the basis of early feudal relations with Varachan as its capital. By inertia, the Armenian sources continued to call it the Kingdom of the Huns, and Arab chroniclers still used Jidan.

According to al-Beladsori/al-Balāḍurī (9th c.), in AD 737, the Arab commander Marwan took his forces into the Sabir domains of Khamzin-Varachan, but the inhabitants refused to conclude a peace treaty with him. The stronghold was taken by assault after a month-long siege, burned, and razed to the ground. The treaty that was then imposed required the one-time delivery to Derbent (al-Bab) of 500 youths and maidens, as well as 30,000 measures of grain every year [2, p. 18]. Other sources also wrote about the Arabs capturing Khamzin. Al-Kūfī (9th c.), for example, asserted that the defenders of the fort actually engaged the Arab army: “Marwan and the governor of the fortress fought a heated battle, and the Muslims suffered many dead” [16, p. 55]. Armenian sources stated that the Marwan undertook a campaign into the land of the Huns with the support of the Armenian prince Ashot III Bagratuni. Marwan took the city of Varachan and returned from there victorious, having seized much booty [6, pp. 81-82].

Religion. D.E. Eremeev is inclined to detect an Indo-European substrate in the word *tur/tor/tar*. In support of this, he cites the name of the Armenian god of war, *Torg/Tork/Turk*, and the name of the Ancient Anatolian god of thunder, connected with the Hittite verb *tarkh*, “to defeat” [27, pp. 132-133]. As researchers correctly note, the Armenians adopted this name from the Hittite-Hurrian deity of fertility and vegetation, *Tarkhu*. Precisely those functions were also attributed from the earliest times to the Chuvash deity *Tur/Tor*. Let me add here the name of the Abkhazian deity, *Ai-Tar*.

Great importance for the study of the Urartian religion attaches to an inscription on a rock near Lake Van. This late 9th-century BC monument lists Urartian deities with an indication of the offerings to be made to them. These include one named *Kuera*, who is supposed to receive one bull and two sheep.

Through the Cimmerian Bosphorus, the Byzantine Empire established close contacts with the peoples of the steppes. This was a safe and convenient means of reaching the region. Orthodox and Monophysite Christian missionaries from Byzantine territories also engaged in extensive evangelising activities in both the Crimean and Caucasian steppes. Naturally, through this channel, they gradually accumulated precise information about their pastoral neighbours. One of the most important instances deserving of mention was the mission undertaken by Bishop Qarduṣaṭ to Caucasian Albania, where he and six more of his priests not only provided aid to Byzantine and Syrian captives but also engaged in missionary activities among the local “Huns”, i.e., “Savirs known as Huns”. They even drafted a few texts in the language of the Hunno-Savirs. The Armenian bishop Makar replaced them around the year 537, likely marking the end of their visit. During his time with the Huns, Qarduṣaṭ met Probus, the nephew of Emperor Anastasius (491–518). Emperor Justin I (518–527) had sent Probus to recruit Hunnish mercenaries between 525 and 527. Since his endeavours failed to meet with a positive response, he moved on to the Hunnish tribes living to the north of the Caucasus. Byzantine efforts were crowned with success only in 528, when Boa(r)ex, a widowed princess of the Savirs (or Sabiro-Huns), concluded an alliance with the empire. The Byzantines’

position was weakened again soon after, as a result of the conversion to Christianity of Gordas, the ruler of another Hunnish tribe, who was later overthrown and killed by his brother Muageris.

Ethnography. Since in the twilight years of the Achmaenid Empire (the 330s BC), the Saspirs and Alarodians belonged to one of the two satrapies of Greater Armenia, it is tempting to call the Saspirs Armenians. Individual groups of Savirs who dwelt in Armenia in the 6th – 7th centuries AD were referred to by the local people as the *Sevordik'* – “black sons”. In the late 8th and early 9th centuries, part of them moved to the Utik Greater-Armenian region of the Utik region, located in the interfluvium of the Araxes and the Kura. In the mid-9th century, they formed their own principality of *Sevordik'*, centred on the stronghold of Tus (Tavush). Over time, the *Sevordik'* became Armenianized [23, pp. 223, 282–283]. They lived along the road that ran from Ganja towards Tiflis, on the rivers Shamkur (Shamkirchay), Tavush (now Tavus), and Aghstafa. An interesting fact about the *Sevordik'* is that, according to al-Mas'ūdī (10th c.), they made celebrated battle axes (*tabar*, *tabarzin*). This indicates that they extracted copper from the Getabak (now Gedabek) mines located west of the River Shamkur [19, p. 26].

Later, on the Atil (Volga), the Bulgars had “a great trading place, at which (there is) a permanent market where many important goods are sold” [10, p. 39]. The Bulgar state was primarily a mercantile entity. Khazaria and Rus' traded with it, as did all the tribes living either side of the great river. The main commodities were furs: sable, ermine, and squirrel. Visiting merchants had to pay a tariff of one tenth of their goods. Locals accepted imported minted coins in exchange for their chief source of wealth – marten pelts. Expensive furs of various sorts were sent off to southern lands, such as the Crimea. Armenian carpets were used in Volga Bulgaria. Such flooring could also be found, for example, in Khan Almush's own dwelling: “All of them (live) in yurts, with the only difference that the yurt of the king is very large, accommodating a thousand souls, covered in most of the Armenian carpets” [10, p. 137]. Of course, Armenians, who had their own colony there, supplied Bulgaria with silk. Tales of Armenian silk – *ermen purçăně* – *purçăně* –

persisted among the Chuvash and were recorded as late as the 1970s.

The events of 922 prompted a rise in the sense of identity as a single tribe, although differences between northern and southern groups became pronounced later as well. These characteristics, in the form of two main cultural dialects – forest and steppe Chuvash – have survived in rudimentary form to the present day. This did not, however, in any way hinder the emergence of a united ethnos. The year 922 should be considered the start of the formation of the ancestors of the Chuvash as a people and their acquisition of a new homeland. The place that should be called their first homeland is the territory in the Southern Caucasus between the River Chorokh and Lakes Sevan and Van. That was between the 9th and 1st centuries BC. The second was located on the shores of the Caspian, with Varachan as a capital (until AD 737). The third homeland would be the Cheremshan basin and the northern parts of today's Ulyanovsk region, while the Suvar site should be considered its centre (895–922). The fourth capital (after 922) would be the Tigashevo site on the River Bula, across on the right-bank side of the Volga. The fifth capital (from 1236) was *Veda Suar*, *Shupashkar*, now Cheboksary. The period between 922 and 1469 saw the emergence of the Chuvash as a people and the consolidation of their ethnic self-awareness. Here I should agree once again with the opinion that the Saspirs/Sapirs/Savars/Savirs/Suvars made up the substrate basis for the formation of the modern-day Chuvash. In writing of events in the forest-and-steppe area around the Volga in the 13th – 15th centuries, the archaeologist Yury Zelenev considers that it was precisely at that time that the Chuvash ethnos formed [29, p. 42]. The matter of the motives that propelled this people over the course of its long and complex history is no simple question either. After all, “the drift of ethnicity resembles a chain of situational reactions rather than a linear evolution, and its direction does not follow the zigzags of political history: the rise of ethnicity often begins in political turmoil, while the decline occurs in a phase of social prosperity” [7, p. 120]. Paradoxical, yet true. One thing is clear: tribes and peoples survive for as long as they retain their own ethnic identity.

Language. A review of publications shows that references cited for the history of the Chuvash language are nearly all from sources no earlier than the 10th century, more from the 16th century onwards, and most from the 1700s and later. In other words, what scholars are examining is the language of Chuvash people who have been assimilated to a significant degree (Iranianized, Ugricized, Turkicized, and so on). The task, though, is to try to dig down to the most ancient state of the language and identify its original strata. Many historical neighbours of the Chuvash belonging to closely related linguistic families either adopted other languages (the Bulgars) or merged into other tribes (the Khazars and Esegels). It is still harder to reconstruct the common vocabulary shared even earlier with other nearby peoples in the South Caucasus. The remoteness of the historical neighbours of the Chuvash (Hittites, Armenians, and Iberians), both chronologically and geographically, increases the difficulty of not proving but even showing similarity at a minimal level. Such a connection certainly did exist, however. We most probably should seek the Savirs' linguistic kin in the South Caucasus. At the same time, the Savirs cannot be assigned to the Colchians in terms of language. In any case, there are grounds for placing the Saspirs/Sapirs/Savars/Savirs/Suvars among the Anatolian linguistic family. So far, we are still at a stage of knowledge that the existence of such shared linguistic coincidences "in the modern-day Chuvash language represents a highly strange and mysterious phenomenon evoking great bewilderment and confusion among researchers" [26, p. 81].

In ancient times, all the tribes of the southern Pre-Caucasus spoke one of the widespread languages. But which one was it? We still have no exhaustive answer to that question. At the same time, we ought to be speaking about the ethno-cultural diversity and polyethnicity of the population or about the existence of dialects of some single ancient language or a few languages. Evidently, linguistic assimilation played a major role, while the gene pool remained the same. The fact that ancient Caucasian languages shared common origins with the now extinct languages of the Near East has today been proven. The region in which we are particularly interested includes today's eastern Anatolia (i.e., the Armenian Highlands)

and Iranian Azerbaijan. In essence, the ancestral homeland of the Indo-Europeans was located in these parts. The Anatolians were the first to branch off from the Indo-European "trunk." It follows that the Sapirs also belonged to this linguistic geographical area.

The migrations reconstructed on the basis of archaeological data generally correspond to the routes of the spread of genes from the Middle East into Europe, into the Eurasian steppes, and eastwards into Iran and India. We can also observe repeat migrations into regions where Indo-Europeans had already appeared previously, reverse migrations, and areas of secondary contacts, which complicate the process of linguistic reconstruction. Judging by these data, the original homeland of the Indo-Europeans was in the Armenian Highlands, but subsequently, areas might have formed secondary homelands where the development or consolidation of individual Indo-European dialects occurred [9, p. 73].

Hurrian proper names of chieftains and notables recorded in Assyrian inscriptions from the 8th and 7th centuries BC attest to the existence of a Hurrian-speaking population on the fringes of the Armenian Highlands at that time. They later merged into the Armenian ethnos. Of course, other local tribes speaking their own languages also inhabited the same region. Present-day linguistic scholarship has come to the conclusion that the Hurrian-Urartian and Northern Caucasian languages are two related but separate families. Those two families in turn formed a separate branch of a hypothesised macro-family [12, p. 39].

Striking in this context are such coincidences as the Hittite *ataj*, Hurrian *at'ay*, Urartian *ate*, Budukh and Dargin *ada* – Chuvash *atte* meaning "father", as well as *Attai* (a male name); Hittite *anna* – Chuvash *anne* "mother"; Hittite *man* – Chuvash *man* "my" (e.g., Hittite *tuikkam man*, Chuvash *man ȳt-pȳ* "my body"; Hittite *atta man*, Chuvash *man atte* "my father"); Hittite *ḫawar* "iron" Chuvash *kāvar* "burning coal, red-hot iron"; Urartian, Armenian *šo(w)a*, Hurrian *šiy* – Chuvash *shyv* "water"; Hurrian *šer*, also Nakh *seri*, *sayr(o)* "evening" – Chuvash *çër* "night"; Hurrian *tayə* – Chuvash *taka* "male (animal), ram, man"; Hurrian-Urartian **bawr/pawr* "brown, grey, chestnut(-coloured), dark" Chuvash. *pāvār* "grey-haired, roan (of a horse's coat)". Here too,

we should include correspondences between the inner structures of lexica. Take, for instance, the word for “source, spring”: Lazic *kar-toli* (< water + eye); Hittite *šakuni* (← *šakuwa* “eyes”); Chuvash *çäl kuç* (spring + eyes). Hurrian-Urartian languages do not have words that start with an *r-sound. The same is true of such Eastern Caucasian languages as Dargin, Lak, and Nakh [13, pp. 119, 120]. In Chuvash, too, there are no native words that begin with an *r*- sound, while borrowed words have a vowel added at the start. For example, the Arabic *rahat* → Chuvash *ërekhet* means “pleasantness.” These coincidences and others are not simply random. Apparently, the Hurrian words that recur in Chuvash belong to a shared Southern Caucasian lexicon. In any case, the links remain unclear to this day and have not been given an intelligible interpretation.

The area of Lake Van and Muşaşir in the valley of the Great Zab was inhabited by Urartians, who included Saspirs. After the fall of the Urartian state in the early 6th century BC, along with other ethnic groups living in the Armenian Highlands, a portion of the Saspirs gradually lost their own language and merged into the Armenian nation [13, p. 149].

A number of lexical correspondences between Armenian and Chuvash have survived. For example, Armenian *dzor/tsor* and Chuvash *çyr* mean “bank, steep slope.” The near-overlapping sense of the word *kin* in the two languages is intriguing: *kin* refers to “daughter-in-law” in Chuvash and “wife, woman, lady” in Armenian. Notice should also be paid to the negative prefix *an-* in both Armenian and Chuvash. For example, the Armenian *anmardarnak* “peopleless”, *anhusali* “hopeless”, and *anpaiman* “unconditionally”; Chuvash imperatives *an khävar* “do not leave”, *an tun* “do not lie”, and *an man* “do not forget”. Iranian languages have a similar feature: the name of the goddess Anahit = not + “dirt, vice”. It remains to mention similar borrowings from Persian that can be found in both Chuvash and Armenian, such as *azhdaha*, Chuvash *açtakha*, “dragon,” and Persian *shirdan*, and Armenian *chortan*, Chuvash *shärttan*, “a sheep’s stomach stuffed with minced meat and baked in the oven.”

The period between AD 408 and 414 saw the invention of the Caucasian Albanian alphabet.

Its creators were Mesrop Mashtots, an Armenian who did not speak Albanian but already had experience devising an alphabet, and a priest named Benjamin, who was an expert translator and knew both Albanian and Armenian. The new script was made up of 52 characters and two ligatures that could help convey the subtleties of the spoken language. This writing system was in fact known not only as Albanian but also as Gargar. With regard to the latter, Murtaçali Gadjev suggests “that the basis of this ethnonym is the root *garg-* followed by the plural suffix *-ar* characteristic of a number of languages in the Lezgian group” [3, p. 51]. This suggests the possibility of a link with the ethnonym *Suvar* and also potentially the use of this script by the Caucasian ancestors of the Chuvash who were living in the region at that time. Surviving “early Albanian manuscripts open up a new chapter in the study of not only the Albanian and Udi languages, but also the Nakh-Daghestani family as a whole” [3, p. 53]. On this basis, we should state that in the ethnonym *Suvar*, the root is *suw-*, while *ar* is a pluralizing suffix.

Josef Marquart wrote about the Savirs and Magyars as a single people – the *Sevordik’ (Magyaren)* [17, p. 428]. I would suggest that this version of the ethnonym contains the Armenian (or more broadly Indo-European) affectionate/diminutive affix *-ik’*.

Conclusion. The ethnonym *Chuvash* underwent a long historic course of transformation along the lines of *Savir (Saspir/Sapir, Savar, Sabir)* → *Suvar (Suvas, Suvan)* → *Suvash (Sävaš)* → *Čävaš (T’šävaš)*. Such is the skein of names by which these people have been known through the labyrinths of time. Contrary to the widespread thinking that ethnonyms cannot serve as a reliable source in research on ethnogenesis, they do reflect the actual history of a people and even point to the chronology of decisive events.

Taken together, Herodotus’ topographical coordinates leave no room to distrust the historical accuracy of the Saspirs’ reported area of habitation in the 5th century BC. Drawing on the previous research of others, it is possible to enlarge that time span to cover the 9th to the 1st centuries BC. In that period, the Saspirs occupied territory from Media to Colchis, between the Medes and the Colchians, with the former to the south and the latter to the north by the River Phasis. The Matieni

Mountains, alongside which the Sapirs dwelt, are considered to be those near the area of the modern city of Erzurum.

The few examples that have been put forward pointing to the existence of matches or similarities with peoples of Mesopotamia or North Africa cannot be taken as evidence of direct contacts with the population of those regions. In those cases, as prehistoric data indicates, we should rather speak of indirect borrowings. The intermediaries were the historical neighbours of the Chuvash, such as the ancient Armenians, Georgians (Iberians), and the ancestors of the members of the Abkhazo-Adyghean and Nakh-Daghestani language groups. As the analysis has shown, an Indo-European substrate may also come into play.

REFERENCES

1. Apollonius Rhodius. *Argonautica*. Oxford, Clarendon Press, 1986. XXIV, 267 p.
2. Baladzori. *Kniga zavoyevaniya stran. Tekst i perevod* [The Book of Conquest of Countries. Text and Translation]. Baku, O-vo obsledovaniya i izucheniya Azerbaidzhana, 1927. 111 p.
3. Gadjiiev M.S. Iz istorii sozdaniya kavkazsko-albanskoj pismennosti: nekotoryye spornyye momenty [From the History of the Creation of the Caucasian-Albanian Script: Some Controversial Moments]. *Vestnik Instituta istorii, arkheologii i etnografii DNTs RAN* [Herald of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the DSC RAS], 2005, no. 2, pp. 48-57.
4. Gadjiiev M.S. Opredeleniye absoljutnoi daty stroitelstva tsitadeli i severnoi gorodskoi steny Derbenta i proizvedennykh trudozatrata [Determination of a Definitive Date of Construction for the Citadel and the Northern City Wall of Derbent and the Labour Costs Incurred]. *Vestnik Instituta IAE* [Herald of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the DSC RAS], 2006, no. 1, pp. 77-94.
5. Gadjiiev M.S., Kasumova S.Yu. *Srednepersidskiye nadpisi Derbenta VI veka* [Middle Persian Inscriptions of 6th Century Derbent]. Moscow, Vost. lit. Publ., 2006. 128 p., ill.
6. Ghevond Vardapet. *Istoriya khalifov* [History of the Caliphs]. Saint Petersburg, Printshop of the Imperial Academy of Sciences, 1862 [2], XII. 165, 3 p.
7. Golovnev A.V. *Antropologiya dvizheniya: (Drevnosti Severnoi Yevrazii)* [The Anthropology of Movement: (Antiquities of Northern Eurasia)]. Yekaterinburg, Volot Publ., 2009. 496 p.
8. Golovnev A.V. Dreif etnichnosti [Ethnicity Drift]. *Uralskii istoricheskii vestnik* [Ural Historical Journal], 2009a, no. 4, pp. 46-55.
9. Grigoryev S.A. *Indoyevropeiskaya problema: osnovnyye tendentsii v rasprostraneniі yazyka, kultury i genov v Yevrazii* [The Indo-European Problem: The Main Trends in the Spread of Language, Culture and Genes in Eurasia]. *Stepnaya Yevraziya: bronzovyi mir* [Steppe Eurasia: The Bronze Age World]. Chelyabinsk, Chelyabinsk State University, 2020, pp. 73-110.
10. Ibn Fadlan Ahmad. *Puteshestviye Ibn Fadlana: Volzhskii put ot Bagdada do Bulgara* [Ibn Fadlan's Journey: The Volga Way from Baghdad to Bulgar]. Moscow, Marjani Publishing House, 2016, pp. 18-47.
11. Kardaras Georgios. Nomadic Art of War: The Case of the Avars. *Acta Militaria Mediaevalia. T. XI*. Kraków, Sanok, Wrocław, Polish Academy of Art and Sciences, 2015, pp. 7-25.
12. Kasyan A.S., Sideltsev A.V. *Khettskii yazyk* [The Hittite Language]. *Yazyki mira: Reliktovyye indoyevropeiskie yazyki Perednei Azii* [Languages of the World: Relict Indo-European Languages of Western Asia]. Moscow, Academia Publ., 2013, pp. 26-75.
13. Khachikian M.L. *Khurrito-urartyskiye yazyki*. *Khurritskii yazyk* [Hurrian-Urartian Languages. The Hurrian Language]. *Yazyki mira: Drevniye reliktovyye yazyki Perednei Azii* [Languages of the World: Ancient Relict Languages of Western Asia]. Moscow, Academia Publ., 2010, pp. 118-149.
14. Khorikyan O.G. K lokalizatsii sasprirov XVIII satrapii Akhemenidskoi Persii [On the Localization of the Saspis of the 18th Satrapy of Achaemenid Persia]. *Iran-name: Nauchnyi vostokovedcheskii zhurnal* [Iran-nameh: A Scholarly Journal of Oriental Studies]. Almaty, 2015, no. 3-4, pp. 194-200.
15. Ksenofont [Xenophon]. *Kiropediya* [Cyropaedia]. Moscow, Lodomir Publ., 1993. 335 p.
16. al-Kūfī Abū Muk ḥammad. *Kniga zavoyevanii (Iz vlecheniya po istorii Azerbaidzhana VII-IX vv.)* [Book of Conquests (Extracts on the History of Azerbaijan in the 7th - 9th Centuries)]. Baku, Elm Publ., 1981. 84 p.
17. Marquart Josef. *Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge: Ethnologische und historisch-topographische Studien zur Geschichte des 9. und 10. Jahrhunderts (ca. 840-940)*. Leipzig, Theodor Weicher, 1903. 557 S.
18. Miller B.V., ed. *Persidsko-russkii slovar* [Persian-Russian Dictionary]. Moscow, GIINS, 1953. 668 p.
19. Minorsky V. *Studies in Caucasian History*. London, Taylor's Foreign Press, 1953. 203 p.
20. Pyankov I.V. *Srednyaya Aziya i Yevraziiskaya step v drevnosti* [Central Asia and the Eurasian Steppe

in Antiquity]. Saint Petersburg, Peterburgskoye lingvisticheskoye o-vo, 2013. 736 p.

21. Safarova I.Kh. K voprosu o matiyenakh [On the Question of the Matieni]. *Trudy Instituta istorii NAN Azerbaidzhana* [Proceedings of the Institute of History of the National Academy of Sciences of Azerbaijan], vol. 27. Baku, 2009, pp. 5-20.

22. Salmin A. *Savirs – Bulgars – Chuvash*. Saarbrücken, Lambert Academic Publishing, 2014. 147 p.

23. Shahinyan A.K. *Arabo-musul'manskaya istoriografiya IX v. o stranakh i narodakh Kavkaza, Armyanskogo Nagorya i smezhnykh oblastei* [Arab-Muslim 9th – Century Historiography About the Countries and Peoples of the Caucasus, the Armenian Highlands and Adjacent Regions]. Saint Petersburg, Dmitrii Bulanin, 2018. 416 p.

24. Stepanov Ts. *The Bulgars and the Steppe Empire in the Early Middle Ages: The Problem of the Others*. Leiden; Boston, Brill, 2010. XIII, 154 p., ill.

25. аҭ-ҭабарі. *Istoriya* [History]. Tashkent, Fan, 1987. 442 p.

26. Yegorov V.G. K voprosu o proiskhozhdenii chuvash i ikh yazyka [On the Origin of the Chuvash and Their Language]. *Zapiski* [Note], iss. VII. Cheboksary, NIIYaLIE, 1953, pp. 64-91.

27. Yeremeyev D.Ye. «Tyurk» – etnonim iranskogo proiskhozhdeniya? (K probleme etnogeneza drevnikh tyurkov) [Is “Turk” an Ethnonym of Iranian Origin? (On the Problem of Ethnogenesis of the Ancient Turks)]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography], 1990, no. 3, pp. 129-135.

28. Zakhariya Ritor. Khronika [Chronicle]. Pigulevskaya N.V. *Siriiskaya srednevekovaya istoriografiya. Issledovaniya i perevody* [Syrian Mediaeval Historiography. Research and Translations]. Saint Petersburg, Dmitrii Bulanin, 2011, pp. 570-597.

29. Zeleneyev Yu.A. *Etnokulturnaya istoriya Povolzhya v XII–XV vv.: avtoreferat* [Ethno-Cultural History of the Volga Region in the 12th – 15th Centuries. Abstract]. Kazan, И AN RT, 2013. 58 p.

30. Herodotus. *Ιστορία* [History]. Athens, Govostis, 1995. 235 p.

Information About the Author

Anton K. Salmin, Doctor of Sciences (History), Leading Researcher, Center of European Research, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences, Universitetskaya Emb., 3, 199034 Saint Petersburg, Russian Federation, antsalmin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1072-9933>

Информация об авторе

Антон Кириллович Салмин, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра европейских исследований, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Университетская наб., 3, 199034 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, antsalmin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1072-9933>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.2.3>

UDC 394
LBC 63.5

Submitted: 03.02.2023
Accepted: 19.04.2023

**TRAVEL DIARIES OF B.A. KUFTIN,
THE HEAD OF THE TUNGUSKA EXPEDITION, AS SOURCES
OF THE EPOCH OF THE FORMATION OF SOVIET ETHNOGRAPHY**

Sergey V. Bereznitsky

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences,
Saint Petersburg, Russian Federation

Petr V. Primak

Sevastopol State University, Sevastopol, Russian Federation

Abstract. The article analyzes the travel diaries of the head of the Tunguska expedition of 1927–1928, Boris Kuftin (1892–1953). *Methods and materials.* Participants of the Tunguska Expedition conducted field research on Lake Baikal and the Far East in places where Evenks, Nanais, Negidals, Nivkhs, Oroches, and Udeges people lived. They collected valuable ethnographic materials about the ethnocultural features of settlement, types of dwellings, fishing activities, life cycle rituals, shamanism, holidays, and features of the language and folklore of the Tunguso-Manchus and Paleoasiats. Field notebooks of B.A. Kuftin are stored in St. Petersburg, in the Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences, and contain a large volume of ethnographic and anthropological information, drawings, shamanic texts, and various life support technologies. *Results.* However, in addition to them, the scientific heritage of the scientist has a travel diary, which reflects personal road observations and impressions of B.A. Kuftin, subjective characteristics of regional transport infrastructure in the first quarter of the 20th century, his own assessments of the development of Siberian and far Eastern historical science, their relationship with world science, and museum business in Eastern Siberia and the Far East. During the route, B.A. Kuftin met a large number of scientists – representatives of different scientific disciplines – who showed aspects of their complex social relations at the time.

Key words: Eastern Siberia; Far East; Tunguska expedition of 1927–1928; Boris Alekseyevich Kuftin; manuscript about the expedition; subjective assessments of the Siberian and Far Eastern ethno-cultural and social environment.

Citation. Bereznitsky S.V., Primak P.V. Travel Diaries of B.A. Kuftin, the Head of the Tunguska Expedition, as Sources of the Epoch of the Formation of Soviet Ethnography. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 2, pp. 36-45. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.2.3>

УДК 394
ББК 63.5

Дата поступления статьи: 03.02.2023
Дата принятия статьи: 19.04.2023

**ПОЛЕВЫЕ ДНЕВНИКИ Б.А. КУФТИНА,
РУКОВОДИТЕЛЯ ТУНГУССКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ,
КАК ИСТОЧНИКИ ЭПОХИ СТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ЭТНОГРАФИИ**

Сергей Васильевич Березницкий

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Петр Викторович Примак

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируются путевые дневники руководителя Тунгусской экспедиции 1927–1928 гг. Бориса Алексеевича Куфтина (1892–1953). Участники Тунгусской экспедиции проводили полевые исследования на Байкале и Дальнем Востоке в местах проживания эвенков, нанайцев, негидальцев, нивхов, орочей, удэгейцев, собрали ценные этнографические материалы об этнокультурных особенностях расселения, типов жилищ, промысловой деятельности, обрядов жизненного цикла, шаманства, праздников, особенностей языка и фольклора тунгусо-маньчжуров и палеоазиатов. Полевые тетради Б.А. Куфтина хранятся в Санкт-Петербурге, в Музее антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН, содержат в себе большой объем этнографической и антропологической информации, рисунков, шаманских текстов, различных технологий жизнеобеспечения. Однако кроме них в научном наследии ученого имеется путевой дневник, который отражает его личные дорожные наблюдения и впечатления, субъективные характеристики региональной транспортной инфраструктуры в первой четверти XX в., собственные оценки процесса развития сибирской и дальневосточной исторической науки, их связи с мировой наукой, музейного дела в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. Во время маршрута Б.А. Куфтин встретил большое количество ученых – представителей разных научных дисциплин, показал аспекты их сложных социальных связей того времени. *Вклад авторов.* С.В. Березницкий собирал и анализировал материалы, связанные с изучением Б.А. Куфтиным коренных народов Восточной Сибири и Дальнего Востока России; с мнением ученого о процессе становления советской науки в этих регионах. П.В. Примак уделит внимание влиянию личности ученого на ход и особенности проводимых им научных экспедиций.

Ключевые слова: Восточная Сибирь; Дальний Восток; Тунгусская экспедиция 1927–1928 гг.; Борис Алексеевич Куфтин; рукопись о ходе экспедиции; субъективные оценки сибирской и дальневосточной этнокультурной, социальной среды.

Цитирование. Березницкий С. В., Примак П. В. Полевые дневники Б.А. Куфтина, руководителя Тунгусской экспедиции, как источники эпохи становления советской этнографии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 2. – С. 36–45. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.2.3>

Введение. Борис Алексеевич Куфтин был назначен руководителем Тунгусской экспедиции, проходившей с 1927 по 1928 г. в Восточной части Сибири и на Дальнем Востоке, организованной МГУ (Антропологическим институтом) и Центральным музеем народоведения. В задачи этого масштабного научного мероприятия входило изучение двумя отрядами тунгусо-маньчжуров и других аборигенных народов региона (антропологический тип, этногенез, расселение, особенности материальной и духовной культуры). Собранные экспедицией уникальные этнографические коллекции и фотоматериалы были переданы в столичные архивы и, впоследствии, частично привлекались отечественными учеными в своих исследованиях [1, с. 36, 38, 43, 53; 2; 3; 4; 5; 10, с. 277; 11, с. 156; 17; 21; 22, с. 134–135, 299–301; 26].

Отечественные ученые подробно рассматривали в целом деятельность Тунгусской экспедиции, отдельных ее членов, в том числе и кратко, Б.А. Куфтина как ее руководителя; сделали важные выводы о развитии московской школы этнографии на основе использования материалов, научных дневников, хранящих-

ся в архивах страны, музейных коллекций, антропологических сведений [12; 13], Однако анализируемый путевой дневник Б.А. Куфтина не исследовался именно как специфический документ эпохи становления советской этнографической науки в целом.

Методы и материалы. Подобные проблемы разрабатывались отечественными и зарубежными учеными со второй половины XX в.: нидерландский историк Ж. Прессер [28, с. 32], Ю.М. Лотман, Б.А. Успенский, А.Я. Гуревич, Л.П. Репина и другие [9, с. 15; 14; 19, с. 486; 24, с. 167–181; 25, с. 176; 27, с. 14]. К такого рода источникам относятся личные дневники, переписка, мемуары и другие сходные жанры.

В качестве методологической основы статьи взята концепция Л.Ф. Луцевич, которая считает, что семантический анализ путевого дневника позволяет сделать вывод о нем, как о своеобразном виде автобиографии, как об особом жанре документального изложения автором своего жизненного или научного пути через раскрытие специфики отношений с окружающим миром, социокультурной средой в разные исторические периоды [20, с. 46–47].

На взгляд авторов данной статьи, такая трактовка сущности путевого источника вполне соответствует жанру анализируемой рукописи путевого дневника Б.А. Куфтина, в которой акцент сделан не на анализе этнографических фактов, чему посвящены полевые тетради ученого, а именно на осмыслении дороги, маршрута, диалогов и бесед со встречающимися людьми, на любовании и попытках описания сибирской и дальневосточной природы. В последнем Б.А. Куфтин вполне мог подражать В.К. Арсеньеву, восхищенный его писательским талантом.

Вероятно, Борис Алексеевич планировал в дальнейшем издать обобщающий труд, посвященный возглавляемой им экспедиции, в связи с чем, в своих дневниковых записях уделял большое внимание литературному описанию окружающей природы и бытовой жизни посещенных народов: «...перед нами открылся весь стан со стадами жмущихся друг к другу и отдыхающих вокруг дымокуров оленей. Огромные ветвистые рога этих кротких и удивительно доверчивых животных <...> казались фантастическим живым лесом или подводными коралловыми зарослями. Весь ландшафт был настолько своеобразным и законченным в себе, что не верилось в его современность и почти навязчиво держалось впечатление, что эта древняя минувшая быль, какой-то чудесно сохранившийся кусок далекого прошлого» [15, с. 39]. Во многих местах дневника видна правка рукой Куфтина чернилами другого цвета первоначального текста: названия поселений и т. п.

Анализ. Читатель может проследить маршрут Куфтина в его путевых заметках на огромном пространстве (от Москвы до Хабаровска, по железной дороге, с остановками для работы на озере Байкал, в бассейне рек Зeya, Амур; с использованием водного транспорта с посещением на Байкале Нижне-Ангарска, Усть-Баргузина, Душкачан, на Амуре Троицкого, Николаевска-на-Амуре, в Татарском проливе – Советской Гавани, Датты, острова Сахалина; обратного возвращения в Москву через Владивосток в сравнительно короткий временной промежуток: с июня до конца сентября 1927 года.

Куфтинское «Я» всегда впереди, что проявляется даже при описании казусного и наполненного юмором случая опоздания на по-

езд: «Б.А. Васильев отстал от поезда в Красноярске, не успев сесть, тогда как я, догнав бегом, уцепился за последний вагон, с которого кондуктора стремились меня столкнуть обратно, а затем оштрафовать» [15, с. 6–7].

Научные контакты отражены в дневнике Куфтина чрезвычайно широко. Имеются в виду не только члены экспедиции, ставшие сами впоследствии известными учеными (Я.Я. Рогинский, М.Г. Левин, Б.А. Васильев), но и встретившиеся Куфтину в местах проведения экспедиции М.К. Азадовский, Б.О. Петри, В.И. Подгорбунский, Я.Н. Ходункин, Н.Н. Козьмин, М.М. Герасимов, А.М. Попова [23, с. 414–417, 419–420], Е.А. Крейнович, С.Г. Козин, а также упоминающиеся: Л.Я. Штернберг, В.К. Арсеньев и другие исследователи, многие из которых в 30-х гг. XX в. были подвергнуты репрессиям.

На основе визита в Иркутский музей Куфтин осветил драматический период развития этого учреждения, сложные отношения сотрудников с руководством, вынужденные увольнения как следствие интриг, разного понимания «задач текущего момента» и предназначения науки. Несмотря на краткость визита, Куфтин успел принять участие в дискуссии сибирских ученых по поводу разных методик по сбору, хранению и экспонированию научных материалов [15, с. 65].

Ироничное отношение к людям выявляется и в описании Куфтиным его лекции о происхождении человека для пассажиров парохода на Байкале: «Говорил наивозможно простым языком...» [15, с. 29]. Скорее всего, эта ирония стала следствием задаваемых Куфтину вопросов о возможности скрещивания человека с обезьянами и другими животными.

Подобно В.В. Маяковскому в его стихотворении 1922 г. «Прозаседавшиеся» о засилье бюрократии в новом советском обществе, Куфтин искренне удивился тому, как быстро внедряются эти формы в жизнь коренных народов, в частности на заседании родового совета киндигирских эвенков о распределении ссуд на охотничий сезон: «было что-то неестественное в этом собрании тунгусов охотников в душном помещении, когда можно было решить вопросы под открытым небом... Но таковы люди и понимание требований новой культуры...» [15, с. 33–34].

Проанализировав морфологическую специфику челюсти одного эвенка, Куфтин затронул чрезвычайно интересную не только в то время, но и в последующие десятилетия тему об антропогенезе, а также о моральной недопустимости фальсификаций в науке [8, с. 84–85]. Куфтин, несмотря на свойственную ему прямому действиям и суждениям, здесь проявил разумную осторожность: «В антропологической литературе еще до сих пор не затих спор о принадлежности пилтдаунской челюсти человеку или обезьяне. Настоящий случай указывает, что некоторые ее особенности укладываются в пределы вариаций современного человека» [15, с. 39–40].

В Николаевске-на-Амуре Куфтин кратко осветил деятельность одного из военных командиров Гражданской войны Я.И. Тряпицына: «...сложил свой багаж в... школе – единственном, кажется, каменном здании, сохранившемся от разрушения Николаевска революционером бандитом Тряпицыным» [16, с. 13]. Во время пребывания на Сахалине в течение нескольких часов Куфтин успел осветить сложнейшую проблему советско-японских отношений, отметить японскую инфраструктуру: «Проезжали мимо заброшенных японских сооружений – во время интервенции (узкоколейную дорогу на рудники, многочисленные мосты, теперь разрушенные). Они вложили уже здесь много энергии» [16, с. 22].

Особенность эпохи в дневнике Бориса Алексеича передается также с помощью терминов и понятий, о которых современный читатель имеет весьма смутное представление, например, циклодром, который был важным звеном развития регионального спорта в Иркутске еще с XIX в.; башлык – бригадир артели рыбаков на Байкале; специфические названия промысловой одежды, частей невода, связанных с социальными нормами распределения добытой рыбы; овины – сооружения для сушки зерновых снопов с хлебом, по мнению байкальских крестьян, эти овины были заимствованы с р. Лена, что говорило об активных этнокультурных контактах. Куфтин писал и о желании некоторых русских в связи с хозяйственной целесообразностью, дабы обойти запрет на аренду земли у аборигенного населения, записать себя в документах как тунгусов: «...чисток-

ровные русские <...> чтобы удалось права на тунгусские земли... русские стремятся приписаться в тунгусы» [15, с. 51].

Открытием для Б.А. Куфтина стала информация о том, что русские рыбаки предпочитают каботажное плавание и даже в хорошую погоду передвигаются вдоль берегов Байкала, а тунгусы это озеро никогда не переезжают [15, с. 62]. В Николаевске-на-Амуре исследователь делает трогательную запись: «Ночью наблюдал прилив с прибоем, хорошо заметный в лимане у устья Амура. Это была первая встреча с Тихим океаном» [15, с. 15].

Даже краткие заметки Куфтина связаны с целыми отраслями промышленности и транспорта того времени: Дальлес, Дальрыбтрест, Совторгфлот, Японская лесная концессия, зафрахтованный китайский пароход, которые достойны отдельного рассмотрения. Путевые заметки Куфтина настолько глубоки, что могут быть использованы для написания трудов, в которых решаются вопросы этногенеза коренных народов дальневосточного региона, их этнической истории, культурных контактов с соседними восточными цивилизациями и славянскими переселенцами [6; 7; 21, с. 359].

Спецификой передвижений Куфтина были частые рискованные предприятия, угрожающие не только не успеть на рейс парохода, поезда, но могущие привести к нарушению плана всей экспедиции. Например, поиски стоянок древних людей вдоль железной дороги от Байкала к Иркутску за несколько часов до отправления поезда; подобные поиски средневековых поселений на р. Зее. Некоторые отклонения от маршрута не были даже связаны с планами экспедиции, а являлись показателем крайней любознательности Куфтина, и его любовью к риску, к примеру, посещение на Байкале курорта в Горячинске, бурятских стойбищ, баргузинского цыганского табора. Следует подчеркнуть особенность менталитета европейцев и эвенков: для первых горячие источники были нужны для лечения болезней, а для вторых являлись священным местом, для хозяев которых они оставляли угощение в виде сахара, чая, папирос и лоскутов материи. Куфтин описал окрестности курорта и его флору: «Кусты... багульника были покрыты лиловато-розовыми цветами. Ребя-

тишки их с удовольствием едят. Действительно, цветы имеют сладковатый смолистый вкус». Куфтин старался не только записать интересные, по его мнению, моменты маршрута, зарисовать некоторые из них, но пробовал на вкус растения, по примеру детей, хотя описываемые цветы не входили в пищевую модель эвенков.

Куфтин был настолько уверен в своих силах, что даже планировал пешком пересечь хребет Сихотэ-Алинь, чтобы вовремя попасть к месту работы другого отряда Тунгусской экспедиции в районе Татарского пролива, так как железнодорожное сообщение между Хабаровском и Владивостоком было прервано из-за разлива рек. Куфтин боялся потерять буквально минуту экспедиционного времени и даже в моменты вынужденного ожидания транспорта старался расширить свой кругозор. Например, в Хабаровске «...вечером был в китайской слободе и в китайском театре. Ни одного русского и китайский колорит довольно выдержан» [15, с. 78]. Тем самым Куфтин затронул серьезную проблему засилья китайцев не только в различных сферах жизни советских дальневосточных городов, но и их недопустимого отношения к представителям аборигенного населения. Упомянутый в дневнике В.К. Арсеньев долгие годы боролся с этими явлениями, возглавляя специальные военные команды.

В путевом дневнике Куфтина имеются ностальгические воспоминания о Крыме, где он в 1924–1925 гг. изучал крымских татар [18]. Любуясь сибирской и дальневосточной природой, Куфтин всегда сравнивал эти пейзажи с крымскими: «...в синей воде Байкала и в голубых далях грезился Крым...»; Татарский пролив: «...зеленый простор, голубое небо и скалистые крутые берега, тонущие в голубой дымке. Но нет того ласкающего света и тепла как в Крыму» [15, с. 53; 16, с. 45].

Бросаются в глаза развитые амбиции Куфтина как московского профессора, руководителя экспедиции: «...все участники являлись учениками одной антропологической кафедры и, в частности, моими...» [15, с. 2]. Имеется огромное количество примеров того, как он начинал предложения с местоимения «я», даже если описывал коллективный поход, путешествие на лодке: я с таким-то пошел, я с такими-то поехал, я с таким-то

занился фотографированием, я решил и т. п. Куфтин описал эпизод с местным корреспондентом на Байкале, который отказался уступить бурятский культовый предмет для московского музея, ответив, что подарит его школьному музею.

Неоднократно Куфтин подчеркивал, что находится в прекрасной физической форме. Это видно из описания его участия в гонках на веслах на Байкале и Тумнине, в длительных многокилометровых пешеходных маршрутах в окрестностях Байкала и вдоль Амура, в форсировании рек вброд, в «борьбе» с дальневосточным гнусом. Кстати, о последнем эпизоде Куфтин очень эмоционально и с горечью писал как о своем проигрыше.

Мощный агрессивный исследовательский напор Куфтина нередко приводил к нарушению этики полевой этнографической работы (в современном ее понимании). Например, он не гнушался использовать алкоголь: «За спирт удалось приобрести связку домашних идолов, которые иначе получить совершенно невозможно» [15, с. 40–41]. Куфтин обильно угощал алкоголем шамана, а затем сам же сокрушался о том, что этот пьяный человек не смог показать настоящего шаманского искусства.

Куфтин раскапывал могильники, погребения шаманов, забирая все пригодное для музея. В своей методике он нередко шел на хитрость и привлекал информантов обещанием показать «волшебные картинки» при помощи специального фонаря. После просмотра этих картинок Куфтин в буквальном смысле заставил тунгусскую шаманку провести камлание, так как она, якобы, задолжала за просмотр туманных картин. Описывая ситуацию с необходимостью фотографирования эвенкийской ритуальной скульптуры, Куфтин, не скрывая писал в дневнике о том, что он обманул хозяина этих священных предметов, сказав ему что этого фотографирования потребовала местная шаманка.

Иногда специфика такой методики сбора информации и коллекций, оборачивались не только против Куфтина, но могли стать бедствием для эвенков. Однажды, заполучив культовую скульптуру, Куфтин подвергся нападению на него с ножом хозяйки этой скульп-

птуры [15, с. 73–74]. В конце концов, он добился своего и купил коллекцию.

На р. Амур Куфтин был обескуражен агрессивным поведением выделенного для нужд экспедиции нанайца-переводчика, студента Северного факультета, который решительно потребовал от Куфтина огромной суммы за свою работу. Отказавшемуся платить Куфтину студент заявил, что считает работу экспедиции бессмысленной и даже обещал напечатать об этом статью в газете. «По-видимому, годичное пребывание на курсах не успело привить ему бескорыстной любви и уважения к знанию и сообщило ему какое-то странное самомнение и гипертрофированное классовое самосознание» [16, с. 1–5]. Борис Алексеевич также упомянул случаи, когда орочи обманывали его после того, как он без их согласия унес деревянного идола с могилы близнеца, почитаемого в традиционном обществе. В результате орочи стали избегать встреч с Куфтиным, не помогли ему переносить тяжелые предметы, и обманом направили в стойбище, откуда они уже увезли шамана, с которым Куфтин хотел встретиться. Однако огорчение Куфтина было основано именно на том, что орочи смогли перехитрить его, так как до сих пор это удавалось только ему. В дневнике встречаются и размышления Куфтина о межцивилизационных контактах европейцев с аборигенами Сибири, высокая оценка моральных качеств последних: «Несколько удэхе находилось в Троицком, но были все достаточно пьяны, хотя не настолько, чтобы не осознавать этого. Мне они сказали, что сегодня мы пьяны и ты нам не верь, так как мы правильно сказать тебе ничего не сможем. Эта простота и искренность были трогательны»; «Вообще отношение тунгусов к нам было очень хорошим и как-то особенно приветливым. Это возможно было отнести только к их прекрасному нраву. Какая-то особая степенность, чувство достоинства и в то же время детская простота и ласковость в обращении невольно поражала. От них мы получили много, а что мы им дали?» [15, с. 46–47]. Куфтин удивлялся отношению орочей к запрету советским государством многоженства, как нарушающим многовековые устои: «Мы увидели, что советы ничего не понимают и стали жить по-своему, ничему не веря,

закончил он» [16, с. 38]. В конце экспедиции орочи стали относиться к Борису Алексеевичу более снисходительно и обещали даже заступиться за него перед своими духами.

Результаты. Таким образом, анализ путевого дневника Б.А. Куфтина показывает многогранность его натуры, как этнографа, социолога, ботаника, географа, писателя, художника. Борис Алексеевич в общих чертах обозначил методы, используемые при проведении экспедиционных исследований. Это касается раскопок могильников, обработки остеологического материала, антропометрии, получения этнографической информации, фотографирования, зарисовки, записи особенностей быта и культовых действий. Эти записи характеризуют его как ученого, сочетающего в методике полевой работы теорию и практику этнографической, исторической, археологической науки, физической антропологии. Через год в Ленинграде на известном совещании советских этнографов Б.А. Куфтин будет дискутировать с В.Г. Богоразом и доказывать эффективность кратковременной полевой работы этнографа, обладающего необходимым опытом и знаниями [1, с. 37–39, 43 и др.].

Однако основной объем дневника заполнен именно путевыми впечатлениями, осмыслением наблюдаемой жизни, субъективной оценкой происходящих событий. Вбирая в себя наблюдаемые явления и модифицируя их через свой опыт и багаж знаний, Куфтин показал историю целенаправленного, научного освоения бассейна озера Байкал и дальневосточного региона, а также социокультурную и этнокультурную специфику жизни аборигенного населения. В окрестностях Байкала, бассейнах Амура и Тумнина в 1927 г. работали десятки различных экспедиций, шел активный процесс изучения и освоения этих регионов. Куфтин проявил себя как опытный путешественник, максимально старавшийся сделать все для получения этнографических данных о коренных народах и их сложных межэтнических отношений. Именно деятельность Куфтина была важным и действенным механизмом для достижения поставленной в Москве высокой цели, для получения предельной пользы руководимой им Тунгусской экспедиции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алымов С. С., Арзютов Д. В. Марксистская этнография за семь дней: совещание этнографов Москвы и Ленинграда и дискуссии в советских социальных науках в 1920–1930-е годы // «От классиков к марксизму»: совещание этнографов Москвы и Ленинграда 1929 г. / под ред. Д. В. Арзютова, С. С. Алымова, Д. Дж. Андерсона. СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 21–83.
2. Алымов С. С., Решетов А. М. Борис Алексеевич Куфтин: изломы жизненного пути // Репрессированные этнографы. Вып. 2 / сост. и отв. ред. Д. Д. Тумаркин. М.: Вост. лит., 2003. С. 227–268.
3. Березницкий С. В. Полевые дневники Б. А. Куфтина как уникальный источник по культуре коренных народов амуро-сахалинского региона первой трети XX в. // V Северный археологический конгресс. Екатеринбург: Унив. тип. «Альфа-Принт», 2019. С. 400–402.
4. Березницкий С. В. Полевые материалы Тунгусской экспедиции 1927–1928 гг. как источник по истории и этнографии российского Дальнего Востока // Девятые Гродековские чтения. Материалы межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 100-летию начала Гражданской войны в России. Т. III. Хабаровск: Хабар. краев. музей им. Н.И. Гродекова, 2018. С. 123–126.
5. Березницкий С. В. Фотоколлекции Тунгусской экспедиции в фондах Музея антропологии и этнографии РАН // Вопросы музеологии. 2018. № 9 (1). С. 111–119.
6. Березницкий С. В. Об этногенезе тунгусо-маньчжуров Дальнего Востока // Сибирь: древние этносы и их культуры / отв. ред. Л. Р. Павлинская. СПб.: МАЭ РАН, 1996. С. 146–164.
7. Березницкий С. В., Примак П. В. Аборигенная составляющая образа Дальнего Востока // Вестник Дальневосточной государственной социально-гуманитарной академии. Серия 1. Гуманитарные науки. Биробиджан: ДВГСГА. 2008. № 1. С. 39–51.
8. Гремяцкий М. Происхождение человека. М.; Л.: Гос. изд-во, 1925. 133 с.
9. Гуревич А. Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников: (Exempla XIII в.). М.: Искусство, 1989. 401 с.
10. Давыдов В. Н. Власть проводника: каюры-эвенки и использование оленного транспорта на Северном Байкале // Ранние формы потестарных систем / отв. ред. и сост. В. А. Попов. СПб.: МАЭ РАН, 2013. С. 267–280.
11. Давыдов В. Н. Национальная эвенкийская деревня на северном Байкале: сопротивление доминирующему дискурсу // Журнал социологии и социальной антропологии. 2008. Т. XI, № 3. С. 146–163.
12. Давыдов В. Н. Северобайкальский отряд Тунгусской экспедиции 1927–1928 гг.: участники, методы, полевые материалы // Эхо арктической Одиссеи: судьбы этнических культур в исследованиях ученых-североведов. Якутск: Электрон. изд-во НБ РС(Я), 2019. С. 217–223.
13. Давыдов В. Н., Сирина А. А. Тунгусская экспедиция 1927–1928 гг. и ее место в истории московской этнографической школы // Поле как жизнь. К 60-летию Северной экспедиции ИЭА РАН. М.; СПб.: Нестор-История, 2017. С. 39–49.
14. Зарецкий Ю. П. Свидетельства о себе «маленьких» людей: новые исследования немецких историков // Социальная история. Ежегодник. СПб.: Алетейя, 2008. С. 329–340.
15. Куфтин Б. А. Краткий эпизодический дневник Тунгусской экспедиции Антропологического института I Московского Государственного Университета и Центрального Музея Народоведения летом 1927 года // Архив Музея антропологии и этнографии Российской академии наук (далее – МАЭ РАН). Ф. 12. Оп. 1. Д. 51. 81 л.
16. Куфтин Б. А. Краткий эпизодический дневник Тунгусской экспедиции Антропологического института I Московского Государственного Университета и Центрального Музея Народоведения летом 1927 года // Архив МАЭ РАН. Ф. 12. Оп. 1. Д. 52. 46 л.
17. Куфтин Б. А. Пейзажные зарисовки о Байкале, о Сахалине. Полевые зарисовки. Карандаш. 1927 г. // Архив МАЭ РАН. Ф. 12. Оп. 1. Д. 61. 29 л.
18. Куфтин Б. А. Жилище крымских татар в связи с историей заселения полуострова. (Материалы и вопросы). М.: Тайнин. печатник, 1925. 78 с.
19. Лотман Ю. М., Успенский Б. А. «Письма русского путешественника» Карамзина и их место в развитии русской культуры // Лотман Ю. М. Карамзин. Сотворение Карамзина: статьи и исследования, 1957–1990: заметки и рецензии. СПб.: Искусство, 1997. С. 485–564.
20. Луцевич Л. Ф. Документальность, эго-документ, русская писательская исповедь // Документ и «документальное» в славянских культурах: между подлинным и мнимым / под ред. Н. М. Куренной. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2018. С. 41–63.
21. Народы Сибири в составе государства Российского (очерки этнической истории) / отв. ред. Л. Р. Павлинская. СПб.: МАЭ РАН, 1999. 359 с.
22. Огрызко В. В. Отечественные исследователи коренных малочисленных народов Севера и Дальнего Востока: библиографический словарь. М.: Лит. Россия, 2013. 664 с.
23. «Провинциальная» наука: этнография в Иркутске в 1920-е годы: избранные статьи / сост. А. А. Сирина. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН; Иркутск: [б. и.], 2013. 464 с.

24. Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Круг, 2011. 560 с.

25. Репина Л. П. Социальная история и историческая антропология: новейшие тенденции в современной британской и американской медиэвистике // Одиссей: Человек в истории. М.: Наука, 1990. С. 167–181.

26. Решетов А. М. Б.А. Куфтин – выдающийся советский этноархеолог // Интеграция археологических и этнографических исследований / отв. ред. Н. А. Томилов [и др.]. Владивосток; Омск: Изд-во ОмГПУ, 2000. С. 45–47.

27. Троицкий Ю. Л. Аналитика эго-документов: инструментальный ресурс историка // История в эго-документах: Исследования и источники. Екатеринбург: АСПУр, 2014. С. 14–31.

28. Филатова Н. М. Подходы к изучению эго-документов в современной исторической науке в свете «лингвистического поворота» // Документ и «документальное» в славянских культурах: между подлинным и мнимым / под ред. Н. М. Куренной. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2018. С. 24–40.

REFERENCES

1. Alymov S.S., Arzjutov D.V. Marksistskaja etnografija za sem dnej: soveshhanie etnografov Moskvy i Leningrada i diskussii v sovetskih socialnyh naukah v 1920–1930-e gody [Marxist Ethnography in Seven Days: A Meeting of Ethnographers of Moscow and Leningrad and Discussions in Soviet Social Sciences in the 1920s and 1930s]. Arzjutov D.V., Alymov S.S., Anderson D.Dzh., eds. «Ot klassikov k marksizmu»: soveshhanie etnografov Moskvy i Leningrada 1929 g. [“From the Classics to Marxism”: Meeting of Ethnographers of Moscow and Leningrad in 1929]. Saint Petersburg, MAE RAN, 2014, pp. 21–83.

2. Alymov S.S., Reshetov A.M. Boris Alekseevich Kuftin: izlomy zhiznennogo puti [Boris Alekseevich Kuftin: The Kinks of Life]. Tumarkin D.D., ed. *Repressirovannye etnografy. Vyp. 2* [Repressed Ethnographers. Iss. 2]. Moscow, Vost. lit., 2003, pp. 227–268.

3. Berezniatsky S.V. Polevye dnevniki B.A. Kufтина kak unikalnyj istochnik po kulture korennyh narodov amuro-sahalinskogo regiona pervoj treti XX v. [Field Diaries of B.A. Kuftin as a Unique Source on the Culture of the Indigenous Peoples of the Amur-Sakhalin Region of the First Third of the 20th Century]. *V Severnyj arheologicheskij kongress* [The 5th Northern Archaeological Congress]. Yekaterinburg, Univ. tip. «Alfa-Print», 2019, pp. 400–402.

4. Berezniatsky S.V. Polevye materialy Tungusskoj ekspedicii 1927–1928 gg. kak istochnik po istorii i

etnografii rossijskogo Dalnego Vostoka [Field Materials of the Tunguska Expedition of 1927–1928 as a Source on the History and Ethnography of the Russian Far East]. *Devjatye Grodekovskie chtenija. Materialy mezhhregionalnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, posvjashhionnoj 100-letiju nachala Grazhdanskoj vojny v Rossii. T. III* [The Ninth Grodekov Readings. Proceedings of the Interregional Scientific and Practical Conference Dedicated to the 100th Anniversary of the Beginning of the Civil War in Russia. Vol. 3]. Habarovsk, Habar. kraev. muzej im. N.I. Grodekova, 2018, pp. 123–126.

5. Berezniatsky S.V. Fotokollekcii Tungusskoj ekspedicii v fondah Muzeja antropologii i etnografii RAN [Photo of the Tunguska Expedition Collection in the Funds of the Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences]. *Voprosy muzeologii* [Questions of Museology], 2018, no. 9(1), pp. 111–119.

6. Berezniatsky S.V. Ob etnogeneze tungusomanchzhurov Dalnego Vostoka [About the Ethnogenesis of the Tungus-Manchus of the Far East]. Pavlinskaja L.R., ed. *Sibir: drevnie etnosy i ih kultura* [Siberia: Ancient Ethnic Groups and Their Cultures]. Saint Petersburg, MAE RAN, 1996, pp. 146–164.

7. Berezniatsky S.V., Primak P.V. Aborigennaja sostavljajushhaja obraza Dalnego Vostoka [The Aboriginal Component of the Image of the Far East]. *Vestnik Dalnevostochnoj gosudarstvennoj socialno-gumanitarnoj akademii. Seriya 1. Gumanitarnye nauki* [Bulletin of the Far Eastern State Social and Humanitarian Academy. Series 1. Humanities]. Birobidzhan, DVGSGA, 2008, no. 1, pp. 39–51.

8. Gremjackij M. *Proishozhdenie cheloveka* [The Origin of Man]. Moscow, Leningrad, Gos. izd-vo, 1925. 133 p.

9. Gurevich A.Ja. *Kultura i obshhestvo srednevekovoj Evropy glazami sovremennikov: (Exempla XIII v.)* [Culture and Society of Medieval Europe Through the Eyes of Contemporaries (Exempla 13th Century)]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1989. 401 p.

10. Davydov V.N. Vlast provodnika: kajury-evenki i ispolzovanie olenogo transporta na Severnom Bajkale [The Power of the Guide: Kayura-Evenki and the Use of Deer Transport on Northern Baikal]. Popov V.A., ed. *Rannie formy potestarnyh sistem* [Early Forms of Potestarn Systems]. Saint Petersburg, MAE RAN, 2013, pp. 267–280.

11. Davydov V.N. Nacionalnaja evenkijskaja derevnja na severnom Bajkale: soprotivlenie dominirujushhemu diskursu [The National Evenk Village on Northern Baikal: Resistance to the Dominant Discourse]. *Zhurnal sociologii i socialnoj antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], 2008, vol. XI, no. 3, pp. 146–163.

12. Davydov V.N. Severobajkalskij otryad Tungusskoj ekspedicii 1927–1928 gg.: uchastniki,

metody, polevye materialy [The North Baikal Unit of the Tunguska Expedition 1927–1928: Participants, Methods, Field Materials]. *Eho arkticheskoj Odissei: sudby etnicheskikh kultur v issledovaniyah uchenyh-severovedov* [Echo of the Arctic Odyssey: The Fate of Ethnic Cultures in the Studies of Northern Scientists]. Yakutsk, Elektron. izd-vo NB RS(Ya), 2019, pp. 217-223.

13. Davydov V.N., Sirina A.A. Tungusskaya ekspediciya 1927–1928 gg. i ee mesto v istorii moskovskoj etnograficheskoj shkoly [The Tunguska Expedition of 1927–1928 and Its Place in the History of the Moscow Ethnographic School]. *Pole kak zhizn. K 60-letiyu Severnoj ekspedicii IEA RAN* [Field Like Life. To the 60th Anniversary of the Northern Expedition of the IEA RAS]. Moscow, Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2017, pp. 39-49.

14. Zareckij Ju.P. Svidetelstva o sebe «malenkih» ljudej: novye issledovaniya nemeckih istorikov [Testimonies of “Little” People About Themselves: New Research by German Historians]. *Socialnaja istorija. Ezhegodnik* [Social History]. Saint Petersburg, Aleteya Publ., 2008, pp. 329-340.

15. Kuftin B.A. Kratkij epizodicheskij dnevnik Tungusskoj ekspedicii Antropologicheskogo instituta I Moskovskogo Gosudarstvennogo Universiteta i Centralnogo Muzeja Narodovedeniya letom 1927 goda [A Brief Episodic Diary of the Tunguska Expedition of the Anthropological Institute of the First Moscow State University and the Central Museum of Folk Studies in the Summer of 1927]. *Arkhiv Muzeja antropologii i etnografii Rossijskoj akademii nauk (daleye – MAE RAN)* [Archive of the Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences (hereinafter MAE RAS)], f. 12, inv. 1, d. 51. 81 l.

16. Kuftin B.A. Kratkij epizodicheskij dnevnik Tungusskoj ekspedicii Antropologicheskogo instituta I Moskovskogo Gosudarstvennogo Universiteta i Centralnogo Muzeja Narodovedeniya letom 1927 goda [A Brief Episodic Diary of the Tunguska Expedition of the Anthropological Institute of the First Moscow State University and the Central Museum of Folk Studies in the Summer of 1927]. *Arhiv MAE RAN* [Archive of the MAE RAS], f. 12, inv. 1, d. 52. 46 l.

17. Kuftin B.A. Pejzazhnye zarisovki o Bajkal, o Sahalin. Polevye zarisovki. Karandash. 1927 g. [Landscape Sketches of Lake Baikal, Sakhalin Island. Field Sketches. Pencil. 1927]. *Arhiv MAE RAN* [Archive of the MAE RAS], f. 12, inv. 1, d. 61. 29 l.

18. Kuftin B.A. *Zhilishhe krymskikh tatar v svyazi s istoriej zaselenija poluoostrova. (Materialy i voprosy)* [The Dwelling of the Crimean Tatars in Connection with the History of Settlement of the Peninsula. (Materials and Questions)]. Moscow, Taynin. pechatnik, 1925. 78 p.

19. Lotman Ju.M., Uspenskij B.A. «Pisma russkogo puteshestvennika» Karamzina i ih mesto v razvitii russkoj kultury [Russian Travelers Letters by Karamzin and Their Place in the Development of Russian Culture]. Lotman Ju.M. *Karamzin. Sotvorenije Karamzina: statyi i issledovaniya, 1957–1990: zametki i recenzii* [Karamzin. The Creation of Karamzin: Articles and Studies, 1957–1990: Notes and Reviews]. Saint Petersburg, Iskusstvo Publ., 1997, pp. 485-564.

20. Lucevich L.F. Dokumentalnost, ego-dokument, russkaja pisatel'skaja ispoved [Documentary, Ego-Document, Russian Writers Confession]. Kurenajaja N.M., ed. *Dokument i «dokumentalnoe» v slavjanskikh kulturah: mezhdru podlinnym i mnimym* [Document and “Documentary” in Slavic Cultures: Between the Authentic and the Imaginary]. Moscow, In-t slavjanovedeniya RAN, 2018, pp. 41-63.

21. Pavlinskaja L.R., ed. *Narody Sibiri v sostave gosudarstva Rossijskogo (očerki etnicheskoi istorii)* [The Peoples of Siberia as Part of the Russian State (Essays on Ethnic History)]. Saint Petersburg, MAE RAN, 1999. 359 p.

22. Ogryzko V.V. *Otechestvennye issledovateli korenykh malochislennykh narodov Severa i Dalnego Vostoka: biobibliograficheskij slovar* [Domestic Researchers of Indigenous Peoples of the North and the Far East]. Moscow, Lit. Rossija Publ., 2013. 664 p.

23. Sirina A.A., ed. «Provincialnaja» nauka: etnografija v Irkutske v 1920-e gody: izbrannye statyi [“Provincial” Science: Ethnography in Irkutsk in the 1920s]. Moscow, Irkutsk, s.n., 2013. 464 p.

24. Repina L.P. *Istoricheskaja nauka na rubezhe XX–XXI vv.: socialnye teorii i istoriograficheskaja praktika* [Historical Science at the Turn of the 20th – 21st Centuries: Social Theories and Historiographical Practice]. Moscow, Krug Publ., 2011. 560 p.

25. Repina L.P. Socialnaja istorija i istoricheskaja antropologija: novejshe tendencii v sovremennoj britanskoj i amerikanskoj medievistike [Social History and Historical Anthropology: The Latest Trends in Modern British and American Medieval Studies]. *Odissej: Chelovek v istorii* [Odysseus: A Man in History]. Moscow, Nauka Publ., 1990, pp. 167-181.

26. Reshetov A.M. B.A. Kuftin – vydajushhij sovetskij etnoarheolog [B.A. Kuftin – An Outstanding Soviet Ethnoarchaeologist]. Tomilov N.A. et al., eds. *Integracija arheologicheskikh i etnograficheskikh issledovanij* [Integration of Archaeological and Ethnographic Research]. Vladivostok, Omsk, Izd-vo OmGPU, 2000, pp. 45-47.

27. Troickij Ju.L. Analitika ego-dokumentov: instrumentalnyj resurs istorika [Analysis of Ego Documents: An Instrumental Resource of a Historian]. *Istorija v ego-dokumentah: Issledovaniya i istochniki*

[History in Ego Documents: Research and Sources]. Yekaterinburg, AsPUr Publ., 2014, pp. 14-31.

28. Filatova N.M. Podhody k izucheniju ego-dokumentov v sovremennoj istoricheskoy nauke v svete «lingvisticheskogo povorota» [Approaches to the Study of Ego Documents in Modern Historical Science

in the Light of the “Linguistic Turn”]. Kurennaja N.M., ed. *Dokument i «dokumentalnoe» v slavjanskih kulturah: mezhdru podlinnym i mnimym* [Document and “Documentary” in Slavic Cultures: Between the Authentic and the Imaginary]. Moscow, In-t slavjanovedenija RAN, 2018, pp. 24-40.

Information About the Authors

Sergey V. Bereznitsky, Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Department of Ethnography of Siberia, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences, Universitetskaya Emb., 3, 199034 Saint Petersburg, Russian Federation, svbereznitsky@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6235-5542>

Petr V. Primak, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Theory and History of State and Law, Sevastopol State University, Universitetskaya St, 33, 299053 Sevastopol, Russian Federation, primakos@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4869-7471>

Информация об авторах

Сергей Васильевич Березницкий, доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом этнографии Сибири, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Университетская наб., 3, 199034 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, svbereznitsky@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6235-5542>

Петр Викторович Примак, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, Севастопольский государственный университет, ул. Университетская, 33, 299053 г. Севастополь, Российская Федерация, primakos@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4869-7471>

ИСТОРИЯ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ: ДОН И ПОВОЛЖЬЕ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.2.4>

UDC 93/94
LBC 63.3

Submitted: 10.07.2022
Accepted: 04.01.2023

DONSKOY/DONETSK COSSACK TOWN: ONE OR TWO SETTLEMENTS?

Yaroslav V. Prudnikov

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation;
ООО «ОКН-ПРОЕКТ» Specialized Archaeological Organization, Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* In the presented article, based on a comprehensive analysis of historical sources and historiographical material, an attempt was made to understand the problem regarding the existence of a specific Cossack town. In the historical literature, there is an opinion about the existence of two Cossack towns in the Middle Don region, within the modern Voronezh region, with the names “Donskoy” and “Donetsk.” However, not all researchers agree with this. They are talking about a town known by two names. *Methods and materials.* The study used historical-comparative, historical-genetic, and synchronous and diachronic methods of analysis. The source base of the research was the “skaski” of the Don Cossacks and atamans, the letters of the tsarist government to the Don, the diaries of P. Gordon and Ya. Markovich, cartographic material, lists of Don Cossack towns, replies of voivodes, as well as embassy books. *Analysis.* In 1676, on the left bank of the Don, between its left tributaries Tolucheyevka and Kazanka, near the mouth of the latter, a Donetsk town was founded, so named after the Sukhoi Donets River. After its destruction in 1708, the Donskoy Monastery was founded on the right bank of the Don, which, with the light hand of V.N. Tatishchev, began to be identified with the Don Cossack town that allegedly existed at this place. Yet, there is no mention of any Donskoy town in the first of the surviving paintings of Cossack towns for 1593. However, Donetsk town is well known not only from written sources but also from historical maps from the end of the 17th century. *Results.* It is safe to say that the mounted Don Cossacks had one town called “Donetsk.” The historical sources at our disposal do not report anything about the existence of the “Donskoy” town.

Key words: Donskoy town, Donetsk town, Don Cossacks, Cossack towns, Don Army.

Citation. Prudnikov Ya.V. Donskoy/Donetsk Cossack Town: One or Two Settlements? *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 2, pp. 46-54. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.2.4>

УДК 93/94
ББК 63.3

Дата поступления статьи: 10.07.2022
Дата принятия статьи: 04.01.2023

ДОНСКОЙ / ДОНЕЦКИЙ КАЗАЧИЙ ГОРОДОК: ОДНО ИЛИ ДВА ПОСЕЛЕНИЯ?

Ярослав Владимирович Прудников

Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация;
Специализированная археологическая организация ООО «ОКН-проект»,
г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В исторической литературе есть мнение о существовании двух казачьих городков в районе Среднего Дона, в пределах современной Воронежской области с названиями «Донской» и

«Донецкий». Однако ряд исследователей не согласен и говорит об одном городке, известном под двумя названиями. В представленной статье предпринята попытка разобраться в этом вопросе. *Методы и материалы.* Методологической основой работы является материалистическое понимание истории, базирующееся на теории многоконцептуального изучения истории и теории многофакторного подхода. В исследовании применялись методы анализа и синтеза, сравнительно-исторический и историко-генетический. Источниковой базой исследования послужили «скаска» донских казаков и атаманов, грамоты царского правительства на Дон, дневники П. Гордона и Я. Марковича, картографический материал, перечни (списки) донских казачьих городков, отписки воевод, а также посольские книги. *Анализ.* В 1676 г. на левом берегу Дона, между его левыми притоками Толучеевка и Казанка, недалеко от устья последней, был основан Донецкий городок, названный так по речке Сухой Донец. После его уничтожения в 1708 г. уже на правом берегу Дона был основан Донской монастырь, который с легкой руки В.Н. Татищева стал отождествляться с якобы существовавшим на этом месте Донским казачьим городком. Однако ни о каком Донском городке в первой из дошедших до нас росписей казачьих городков за 1593 г. не упоминается. Зато Донецкий городок хорошо известен не только по письменным источникам, но и по историческим картам конца XVII века. *Результаты.* Можно с уверенностью говорить, что у верховых донских казаков существовал один городок под названием «Донецкий». О существовании «Донского» городка имеющиеся в нашем распоряжении исторические источники ничего не сообщают.

Ключевые слова: Донской городок, Донецкий городок, донские казаки, казачьи городки, Войско Донское.

Цитирование. Прудников Я. В. Донской / Донецкий казачий городок: одно или два поселения? // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 2. – С. 46–54. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.2.4>

Введение. При наличии сегодня большого количества работ, посвященных истории донских казачьих городков, конкретное прошлое отдельных поселений изучено недостаточно. Это в первую очередь касается времени возникновения конкретного городка и его месторасположения. В литературе, написанной краеведами-любителями, прослеживается одна и та же тенденция: «удревнить» время появления родной станицы. Но, как правило, такие попытки не имеют надежного подтверждения в исторических источниках. До сегодняшнего дня остается не выясненным вопрос, существовало ли два казачьих городка на границе Войска Донского с названиями «Донской» и «Донецкий», или это два разных названия одного казачьего городка?

Методы и материалы. Основным исследовательским приемом является метод анализа и синтеза полученных данных, а также такие специальные исторические методы, как сравнительно-исторический, позволяющий нам сравнивать разные виды источников и находить в них как общие моменты, так и расхождения; историко-генетический, позволяющий проследить генезис представлений в историографии о существовании двух казачьих городков, с названиями Донской и Донецкий.

Источниковой базой исследования послужили «скаска» донских казаков и атаманов [2], грамоты царского правительства на Дон [13], дневники П. Гордона и Я. Марковича [6; 12], различные варианты карты Юга России Брюса-Менгдена 1699 г. [7–9], посольские книги по связям России с Ногайской Ордой [17]. В качестве историографии проблемы нами использовались труды В.Н. Татищева, И.Н. Болтина, Е.П. Маркова, З.А. Виткова, А.А. Шенникова, В.Н. Королева, Н.А. Мининкова, Т.С. Рудиченко, М.А. Рыбловой, С.В. Черницына, А.М. Булатова, О.В. Галковой, О.Н. Савицкой, Н.Б. Скворцова [1; 3–5; 10; 11; 15; 16; 18–20].

Анализ. Спор историков о времени возникновения Донецкого казачьего городка насчитывает уже не одно столетие, а первое упоминание в источниках об этом городке восходит, вероятно, к дневникам Патрика Гордона, одного из главных участников азовских походов Петра I. Описывая свое продвижение к Азову во время второго похода в 1696 г., шотландец на русской службе пишет, что 1 мая в 8 часов утра отряд под его началом подошел на кораблях к устью реки Богучар, правому притоку Дона, «что в 15-ти верстах от Донецкого – первого города, принадлежащего донским казакам» [6, с. 24]. Через 2 часа

пути отряд Гордона миновал речку Tulicefka (Толучеевка), через час еще одну речку с тем же названием. Обе речки впадали в Дон слева. В полдень русские корабли прошли мимо скита, принадлежавшего Дивногорскому монастырю, а спустя час – еще одного очень бедного скита или монастыря, принадлежавшего казакам. Около 6 часов вечера отряд Гордона достиг, наконец, Донецкого городка, первого казачьего поселения на Дону, хотя, по показаниям шотландца, он был похож скорее на «жалкое село» [6, с. 24]. Далее Гордон перечисляет по порядку все городки донских казаков, встреченные им от Донецкого и до устья Хопра. Выйдя 2 мая из окрестностей Донецкого городка, в 5 часов утра корабли Гордона миновали речку Казанку, левый приток Дона, через 2 часа прошли второй казачий городок Казанец (Казанская) на правом берегу, около полудня миновали речку Песковатку (левый приток), в 5 часов вечера достигли третьего казачьего городка Мигулинского, расположенного на левом берегу. Час спустя они достигли речки Тихой, которая впадает в Дон справа, в 8 часов вечера миновали четвертый город – Тишанский, на левом берегу. На следующий день, 3 мая в 5 утра Гордон проплыл мимо пятого городка Решетова на левом берегу, затем в полдень достиг шестого города Вешки также расположенного на левобережье, в 5 часов вечера миновал устье реки Хопер, а спустя час – седьмой город Усть-Хоперский на левом берегу [6, с. 24].

Итак, перед нами уникальное перечисление первых семи казачьих городков, расположенных вниз по Дону, относящееся к концу XVII в. и снабженное дополнительными географическими сведениями, позволяющими с большей уверенностью реконструировать их месторасположение: Донецкий; Казанец – на правом берегу; Мигулинский – на левом; Тишанский – на левом; Решетов – на левом; Вешки – на левом; Усть-Хоперский – на левом. Как нетрудно заметить, единственный городок, о котором Гордон не сообщает, на какой стороне Дона он находился – это Донецкий.

Важным источником, помогающим нам локализовать местонахождение донских казачьих городков, являются географические карты, составленные иностранными и отече-

ственными картографами в XVII–XVIII вв. В первую очередь хотелось бы обратить внимание на карту Юга России Брюса-Менгдена 1699 г. (v. 3) [9]. В 1696 г., во время Второго Азовского похода, офицеру Преображенского полка, генерал-майору Георгу фон Менгдену (Юрию Андреевичу Фамендину) было поручено измерить и описать земли от Москвы до берегов Малой Азии и Крымской Татари. На основании этой описи другой офицер Преображенского полка, капитан артиллерии (в последствии фельдмаршал и граф) Яков Даниэль Брюс составил карту [3, с. 97]. Первоначально карта была издана в 1696 г. в рукописном варианте. Во время Великого Посольства (1697–1698) эта карта была вывезена в Голландию и там награвирована и выпущена в свет в 1699 г. в Амстердаме по заказу голландского негоданта Яна Тессинга на двух разных досках с латинскими и русскими текстами [3, с. 92]. Кроме этих изданий гравированных карт Менгдена-Брюса существуют две рукописные, хранящиеся в Библиотеке Академии наук и в Отделе картографии Государственного исторического музея [3, с. 93].

Карта Юга России Брюса-Менгдена 1699 г. (v. 3) представляет собой гравированный Я. Тессингом вариант на русском языке. На ней отмечены казачьи городки в пределах так называемого «Юрта донских казаков». Вниз по реке Дон первым городком на карте обозначен «Донецкой». Он нарисован на левом берегу Дона, между его левыми притоками Толычевой (Толучеевкой) и Казанкой ближе к устью последней [9]. Если сравнить дневник П. Гордона с картой Брюса-Менгдена, то мы увидим, как эти два синхронных источника, дополняя друг друга, помогают нам лучше представить историческую географию Донской земли конца XVII века. И самое главное – с их помощью мы можем достаточно точно локализовать местонахождение Донецкого городка. Если Гордон не указал, на каком берегу находился наш городок, то карта Брюса-Менгдена предельно четко показывает его на левом берегу Дона, недалеко от впадения в него Казанки. То же описывает и Гордон, говоря, что, переночевав у Донецкого городка и спускаясь дальше вниз по Дону, в 5 часов утра они уже миновали речку Казанку [6, с. 24].

Однако есть в этих источниках и несоответствия. Так, как мы помним, следующий за Донецким казачий городок, названный у Гордона, – это Казанец. На карте же его нет вовсе, а следующим за Донецким обозначен Мигулин, на левом берегу, за речкой Песковаткой. Затем, в полном соответствии с показаниями Гордона, на левом берегу, один за другим, обозначены «Тишанской», Решетов, «Веошка». Последний в нашем списке Усть-Хоперский городок на карте показан в устье р. Хопер, на его правом берегу. У Гордона же ясно сказано, что после того, как его отряд миновал устье Хопра, примерно через час пути русские корабли достигли Усть-Хоперска [6, с. 24].

На русском рукописном варианте карты Юга России, работы Брюса-Менгдена (v. 2), Донецкий городок отмечен также на левом берегу Дона, у устья Казанки [8]. А вот дальше, вниз по Дону, обозначены городки Мигулин, Тишанский и Усть-Хоперский, но нет городков Решетова и Вешек. На последнем, имеющемся в нашем распоряжении русском рукописном варианте карты Брюса-Менгдена (v. 1), мы вновь встречаем все шесть казачьих городков, только вот месторасположение Донецкого городка здесь изменено [7]. На этой карте Донецкий городок расположен на левом берегу Дона, только уже гораздо ближе к устью Толучеевки, а не Казанки. Таким образом, исторический картографический материал существенно дополняет показания письменных источников, и позволяет нам с большей уверенностью локализовать Донецкий городок на левом берегу Дона, недалеко от места впадения в него реки Казанки.

Что касается именованья Донецкого городка Донским, то здесь, пожалуй, стоит привести показания генерального подскарбия Якова Марковича (1696–1770), содержащиеся в его дневнике [12]. Во второй его части имеется описание Сулацкого похода, в который Я. Маркович отправился в мае 1725 г. и вернулся в марте 1727 года. Во время похода этот представитель украинской казачьей старшины побывал и на Дону. В частности, 21 февраля 1727 г. Маркович доехал «до станицы Донской, прозываемой Казанка, отстоящей от Вешок за 44 версты». Отсюда, проследовав еще 25 верст и перебравшись через Дон, Маркович с товарищами подъехали к монастырю,

называемому Донецким, где в монастырской слободе они и заночевали. Дальше идут интересные рассуждения автора дневника о том, что Казанская станица последняя (если подниматься вверх по Дону) или первая станица от верховий Дона, и других казачьих станиц «тут нет». Хотя прежде здесь были казачьи станицы и «именно Донская тут, где теперь монастырь, а другие мало ниже оной, однако за змену Булавина и козаков Донских тут збунтовавшихся, оные козаки виказнени, а на то месте монастырь архимандрий устроен» [12, с. 122].

Первое упоминание в историографии об этом городке восходит к В.Н. Татищеву. Он писал в своем «Лексиконе» (изд. 1793) о существовании Донского городка на месте будущего Донецкого Успенского монастыря. Так, историк сообщал, что «главный их (донских казаков. – Я. П.) город был на Дону, называемый Донской, где ныне монастырь Донской». Относительно местоположения Донского монастыря В.Н. Татищев обозначил его расположенным «на правом берегу реки Дон, ниже Тулучеева 16 верст, где прежде был главный город донских казаков» [19, с. 267; 20, с. 169–170]. Под Донским монастырем Татищев явно подразумевал Донецкий, а Тулучеев – это левый донской приток Толучеевка [10, с. 60]. Выходит, приток левый, а сам городок располагался на правом берегу Дона.

Относительно мнения В.Н. Татищева о том, что Донской городок был главным городом донских казаков, причем еще во времена Ивана Грозного, можно с уверенностью сказать, что оно носило умозрительный характер и не имеет подтверждения в источниках. Вообще казаки верховых и низовых городков долгое время сохраняли обособленность, и объединение их в единое войско с единой организацией управления и единой столицей происходило постепенно, начиная с конца XVI века. Закончился этот процесс объединения «низов» и «верхов» только в 20-е гг. XVII в. [16, с. 50]. При этом единая организация в виде войска Донского стала складываться именно у низовых казаков и главным городом был Раздоры Донецкие, расположенный при впадении в Дон Северского Донца [15, с. 112]. По крайней мере, так считали в Москве [13, с. 3, 6].

Другой выдающийся историк XVIII столетия И.Н. Болтин (1788), вслед за В.Н. Татищевым, отметил, что еще во времена Золотой Орды казаками на реке Дон был сделан городок и «назван Донским, на самом том месте, где ныне Донской монастырь» [1, с. 342]. Поскольку И.Н. Болтин в своих исторических взглядах прямо следовал за В.Н. Татищевым, да и издал свой труд в той же типографии, то вопрос об использовании каких-либо новых источников не стоит.

Воронежский краевед Е.П. Марков высказал свое мнение по этому вопросу в конце XIX в. (1893) [11]. Он утверждал, что слобода Монастырщина в Богучарском уезде Воронежской губернии, располагавшаяся на границе с землей Войска Донского, в прошлом называлась «Донской верховой городок», а позднее Донской станицей. Эта самая верхняя по Дону казачья станица была стерта с лица земли Петром I за участие станичников в восстании К. Булавина [11, с. 129]. Марков даже высказывал предположение, что Донской городок мог быть родиной этого знаменитого атамана, а также что этот городок был первым казачьим городком на Дону, основанным еще в XV веке. Он ссылается при этом на географический словарь А.М. Щекатова (1804), в котором, со ссылкой, в свою очередь на В.Н. Татищева, говорится, что в 1487 г. Иван III выселил касимовских и мещерских татар на Дон к жившим уже там многим казакам. И далее «первый их город был там, где Донской монастырь, в 25 верстах от Богучара» [11, с. 129].

Однако вскоре Е.П. Марков начинает именовать Донской городок Донецким: «Донецкий городок, торчащий на неприступном обрыве Донского берега, на месте теперешней слободы Монастырщины» [11, с. 135]. Он приводит письмо острогожского атамана В. Тимофеева полковнику И. Сасу о движении воинских людей к Острогожску, датированное 7 июля 1692 г., опубликованное в XIII выпуске «Материалов по истории Воронежской и соседних губерний», собранных Л.Б. Вейнбергом: «Посылал я с Острогожска Степана Рыбалку с товарищи 50 человек в степь в приточные места до реки Белой Калитвы и до Козачьяго Донецкого городка» [14, с. 1335]. Со слов Тимофеева, казаки Донецко-

го городка сообщали, что калмыки, азовцы и казаки-раскольники перешли на крымскую (правую) сторону Дона между Решетовым и Вешками и, отогнав у них табуны лошадей и стада скота, двинулись на Острогожск и другие украинные города Изюмской засечной черты [14, с. 1335–1336].

Далее Е.П. Марков приводит еще одно любопытное свидетельство, относящееся уже ко времени восстания К. Булавина, в котором Петр I посылает приказ стольнику Степану Бахметеву выступить в поход для охраны «Донецкого и иных казачьих городков». Тут же исследователь делает заключение, что этот Донецкий городок и был тою «старою Донскою станицею», которой он посвятил свою статью [11, с. 142]. После подавления восстания казаков под предводительством К. Булавина, Донецкий городок был уничтожен, о чем свидетельствует указ царя Петра от 1711 г., предписывавший перенести утварь и колокола Азовского Предтечьего монастыря в «пустой юрт на место казацкой станицы, называемой Донской, учинившейся в то время Государю и Государству неверной и за то истребленною» [11, с. 142]. С тех пор, заключает Марков, заканчивается история Донецкого казачьего городка. Как мы видим, автор свободно совмещает названия Донской и Донецкий, считая их разными названиями одного и того же верхнедонского казачьего городка.

Однако логично возникает вопрос – а что, если здесь речь идет о двух разных казачьих городках? При этом один – Донецкий – располагался на левом берегу Дона, а другой – Донской – находился на правом берегу, на месте современного села Монастырщина в Богучарском районе Воронежской области.

Подробно разобрал версию Татищева об основании Донского городка советский исследователь А.А. Шенников (1987) [21]. Относительно местоположения Донского монастыря, на месте которого якобы существовал Донской городок со времен Ивана Грозного, ученый справедливо отмечает, что оно хорошо известно: на Дону немного выше станицы Казанской [21, с. 101]. Однако исследователь соотносит это место с наиболее вероятным районом обитания донских казаков, о которых писал бий Ногайской Орды Юсуф царю Ивану IV в известной грамоте от августа

1549 г.: «Холопи твои, некто Сары Азман словет, на Дону в трех и четырех местех города поделали да наших послов и людей наших, которые к тебе ходят, и назад – коли они идут к нам, и тех наших людей стерегут да розбивают, а иных до смерти бьют, а иных отпускают» [17, с. 307]. К такому выводу Шенников приходит в силу рассуждений о том, что ногайских купцов донские казаки могли грабить только на хоперско-донском междуречье или немного южнее его за Хопротом. Западнее этих мест ногайские купцы ездить не могли. Далее исследователь отмечает, что эти казаки базировались, скорее всего, на правом берегу Дона, а на Левобережье переправлялись только для грабежей. При этом район Правобережья, где, возможно, находились городки Сары Азмана, по Шенникову простирался от окрестностей станицы Казанской и далее вниз [21, с. 101–102].

Что касается названия монастыря, приведенного у В.Н. Татищева, а за ним и у И.Н. Болтина, то А.А. Шенников замечает, что у этих историков приведено неправильное его название – Донской, а правильное название – «Донецкий», поскольку назван он был по речке Сухой Донец, на берегу которой он был расположен. Исследователь справедливо сомневается в том, что, как утверждал Татищев, Донской городок был главным городом казаков, проживавших в Мещере, поскольку от Мещеры он расположен на расстоянии 500 км (!). Тем не менее А.А. Шенников утверждал, что в середине XVI в. в Среднем Подонье существовал казачий городок на месте будущего Донецкого монастыря и при этом он считался главным [21, с. 101–102]. Сообщивший же об этом Татищев пользовался то ли недошедшими до нас письменными источниками, на которые он, по своему обыкновению, не счел нужным сослаться, то ли какими-то устными легендами.

Интересная полемика по данному городку развернулась в работах выдающихся Ростовских историков В.Н. Королева и Н.А. Мининкова. Так, Н.А. Мининков (1998) считает датой основания городка – 1676 г. [15, с. 55]. А В.Н. Королев (2007), отмечая совершенно необоснованным время возникновения Донецкого городка, относимое к XV в., приводит дату 1678 г. или годом ранее [10, с. 58]. При

этом оба ученых ссылаются на один и тот же документ – «скаска» донских атаманов и казаков о времени возникновения их городков и численности проживающих в них казаков», которые представил в Разряд 9 февраля 1704 г. стольник М.Н. Кологривов. Отправлен он был для сбора данных «в прошлом 703-м году по имянному в.г. указу» по реке «Дону по левую сторону». По тем «скаскам», собранным стольником, значилось, что городок «Донецкой, построен тому ныне 27 год, в нем жителей 88 человек» [2, с. 119–123]. Получается, что В.Н. Королев отнял 27 лет от 1704 г., когда М.Н. Кологривов предоставил данные в Разряд, а Н.А. Мининков вел отчет от 1703 г. – когда, собственно, стольник записал «скаска» от казаков Донецкого городка. Как представляется, версия Н.А. Мининкова выглядит более убедительной.

В соответствии с месторасположением Донецкого городка В.Н. Королев приводит данные походных и путевых журналов Петра I, чертежной книги К. Крюйса о том, что городок находился на левой (ногайской) стороне Дона, выше речки Сухого Донца (или просто Донца), левого притока Дона [10, с. 58]. Но есть и другие предположения. Так, Н.А. Мининков пишет, что Донецкий городок был расположен выше Мигулина, несколько выше Казанского перевоза, у впадения в Дон справа речки Сухой Донец. Этот городок, по мнению ученого, находился ниже Меловой и Богучара, то есть за пределами «Воронежской вотчины», и эти земли войско Донское считало своими [15, с. 55]. Однако все в том же документе, который мы приводили относительно уточнения времени появления Донецкого городка, недвусмысленно сказано, что Максим Кологривов был послан для сбора информации «по реке Дону по левую сторону: в Донецком, Мигулинском, в Старотишанском, в Решетовском, в Вешенском, в Яблонском, в Усть-Хоперском, в Усть-Медведецком, в Распопинском, в Перекопском, в Кремьянном, в Ълавле, в Качалине, да на речке Песковатке в Песковатском, да на реке Хопре в Букановском, да на речке Большой в Большелуцком, итого в 16-ти городках» [2, с. 120]. В то же самое время другой царский стольник – Михайло Пушкин, был отправлен с аналогичным заданием, но «по правую сторону реки и по

Северскому Донцу и на запольных речках» [2, с. 120]. Непонятно, почему все же используя один и тот же источник В.Н. Королев помещает Донецкий городок на левом берегу Дона, а Н.А. Мининков на правом, когда из документа следует, что прав именно первый.

При этом еще Е.П. Марков был уверен, что современная ему слобода Монастырщина возникла на месте Донецкого городка, а она-то и находится на правом берегу Дона. Это утверждение краеведа основано на его предположении. Здесь есть правда еще один нюанс, связанный с притоком Сухой Донец. Сегодня Сухой Донец впадает в Дон справа. Однако, по утверждению того же В.Н. Королева, правый приток Дона стал называться Сухим Донцом уже позже, с 1711 г. [10, с. 58]. Поэтому и произошла путаница с локализацией Донецкого городка в историографии. Как представляется, если основываться на данных стольника М.Н. Кологривого, то Донецкий городок располагался именно на левом берегу Дона ниже Богучара и выше Мигулинского городка. Это был самый верхний казачий городок по Дону.

Донецкий городок во время подавления восстания К.А. Булавина был взят правительственными войсками В.В. Долгорукова и полностью уничтожен 26 октября 1708 г. [10, с. 59]. Больше он уже не был восстановлен, а утверждение Е.П. Маркова о том, что на месте Донецкого городка была основана слобода Монастырщина, можно считать ошибочным.

Что касается названия городка – «Донской», то по мнению В.Н. Королева, оно выглядит довольно странным. Ученый объясняет это тем, что название было дано городку пришлым населением, постоянно на Дону не проживавшим. Возможен и другой вариант – название городок получил за пределами Дона, а собственное название городка было забыто [10, с. 60].

Подробных описаний Донецкого городка до нас не дошло. Казачий городок можно считать аналогом русских застав и крепостей, появившихся на южных окраинах Московского государства в XVI–XVII вв., которые долгое время выполняли только военные функции и в окрестностях которых не было сельских поселений [5, с. 95]. Самые ранние свидетельства источников о казачьих жилищах относятся к первой трети XVII века.

В конечном итоге ответы на многие поставленные в данной статье вопросы могут дать археологические раскопки на предполагаемом месте расположения Донецкого городка. Опыт подобных археологических работ на месте донских казачьих городков уже имеется. В качестве примера можно привести археологическое изучение Кагальницкого городка, проведенное в середине прошлого века, которое позволило установить его месторасположение и устройство [4].

Результаты. Таким образом, относительно времени возникновения Донецкого городка можно с уверенностью сказать следующее. Утверждение Е.П. Маркова о том, что Донецкий городок появился еще в XV в., не находит обоснования в имеющихся источниках. Ошибочным было и отождествление Донского монастыря с Донским городком. Донецкий городок был основан в 1676 г., находился на левом берегу Дона, между его притоками Толучеевка и Казанка, недалеко от устья последней. Свое название он получил от речки Сухой Донец или просто Донец. Сегодня Сухой Донец впадает в Дон справа. Следовательно, у верховых донских казаков существовал один городок под названием «Донецкий». О существовании еще и «Донского» городка в имеющихся в нашем распоряжении исторических источниках нет информации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Болтин И. Н. Примечания на историю древняя и нынешняя России г. Леклерка. В 2 т. Т. 1. СПб.: Тип. Горн. училища, 1788. 617 с.
2. Булавинское восстание (1707–1708). М.: Изд-во политкаторжан, 1935. 524 с.
3. Булатов А. М. О карте Менгдена-Брюса // Естественнаучная книжность в культуре Руси. М.: Наука, 2005. С. 90–99.
4. Витков З. А. Кагальницкий казачий городок // Из истории Дона (XVII–XX вв.). Ростов н/Д: Ростов. кн. изд-во, 1956. Вып. 1. С. 27–50.
5. Галкова О. В., Савицкая О. Н., Скворцов Н. Б. Концептуальные основы изучения казачьих городков и крепостей Московского государства на южных окраинах России в XVI–XVII вв. // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2014. № 3. С. 95–99.
6. Гордон П. Дневник. 1696–1698. М.: Наука, 2018. 326 с.

7. Карта Юга России Брюса-Менгдена v. 1. URL: http://retromap.ru/show_pid.php?pid=g6698
8. Карта Юга России Брюса-Менгдена v. 2. URL: http://retromap.ru/show_pid.php?pid=g6696
9. Карта Юга России Брюса-Менгдена v. 3. URL: http://retromap.ru/show_pid.php?pid=g6695
10. Королев В. Н. Донские казачьи городки. Ростов н/Д: Информ.-изд. центр «Дончак», 2006. 400 с.
11. Марков Е. Старая Донская пустынь и Донецкий казачий городок. (Из путевых очерков Воронежской губернии) // Памятная книжка Воронежской губернии на 1893 год. Воронеж: Изд. Воронеж. губерн. статистич. комитета, 1893. С. 125–157.
12. Маркович Я. Дневник генерального подскарбия Якова Марковича (1717–1767 гг.). Часть вторая (1726–1729). Киев: Изд. «Киевской старины», 1895. 344 с.
13. Материалы для истории Войска Донского. Грамоты. Новочеркасск: [б. и.], 1864. 332 с.
14. Материалы по истории Воронежской и соседних губерний. Вып. XIII. Акты XVII и XVIII столетий. Воронеж: [б. и.], 1888. С. 1285–1430.
15. Мининков Н. А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1998. 512 с.
16. Мининков Н. А., Рыблова М. А. Формирование и пополнение казачьих сообществ на Дону // История донского казачества. В 3 т. Т. 1. Донское казачество в середине XVI – начале XVIII в. Ростов н/Д: Омега Паблицер, 2020. С. 43–55.
17. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1489–1549 гг. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1995. 360 с.
18. Рудиченко Т. С., Рыблова М. А., Черницын С. В. Освоение Донской земли. Системы жизнеобеспечения и традиционные занятия донских казаков // История донского казачества. В 3 т. Т. 1. Донское казачество в середине XVI – начале XVIII в. Ростов н/Д: Омега Паблицер, 2020. С. 56–68.
19. Татищев В.Н. Лексикон российский исторический, географический, политический и гражданский // Избранные произведения. Л.: Наука, 1979. С. 153–327.
20. Татищев В. Н. Лексикон российский исторический, географический, политический и гражданский. Ч. II. СПб.: Тип. Горн. училища, 1793. 216 с.
21. Шенников А. А. Червлёный Яр. Исследование по истории и географии Среднего Подонья в XIV–XVI вв. Л.: Наука, 1987. 139 с.
- the History of Ancient and Modern Russia by Mr. Leclerc. In 2 Vols. Vol. 1]. Saint Petersburg, Tip. Gorn. uchilisha, 1788. 617 p.
2. *Bulavinskoe vosstanie (1707–1708)* [Bulavin Uprising (1707–1708)]. Moscow, Izd-vo politikatorzhan, 1935. 524 p.
3. Bulatov A.M. O karte Mengdena-Brjusa [About the Mengden-Bruce Map]. *Estestvennonauchnaia knizhnost v kulture Rusi* [Natural Science Bookishness in the Culture of Russia]. Moscow, Nauka Publ., 2005, pp. 90-99.
4. Vitkov Z.A. Kagalnitskii kazachii gorodok [Kagalnitsky Cossack Town]. *Iz istorii Dona (XVII–XX vv.)* [From the History of the Don (17th – 20th Centuries)]. Rostov-on-Don, Rostov. kn. izd-vo, 1956, iss. 1, pp. 27-50.
5. Galkova O.V., Savitskaia O.N., Skvortsov N.B. Kontseptualnye osnovy izucheniia kazachikh gorodkov i krepostei Moskovskogo gosudarstva na iuzhnykh okrainakh Rossii v XVI–XVII vv. [Conceptual Foundations of the Study of Cossack Towns and Fortresses of the Moscow State on the Southern Outskirts of Russia in the 16th – 17th Centuries]. *Izvestiia Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University], 2014, no. 3, pp. 95-99.
6. Gordon P. *Dnevnik. 1696–1698* [Diary. 1696–1698]. Moscow, Nauka Publ., 2018. 326 p.
7. *Karta Juga Rossii Brjusa-Mengdena v. 1* [Bruce-Mengden Map of Southern Russia v. 1]. URL: http://retromap.ru/show_pid.php?pid=g6698
8. *Karta Juga Rossii Brjusa-Mengdena v. 2* [Bruce-Mengden Map of Southern Russia v. 2]. URL: http://retromap.ru/show_pid.php?pid=g6696
9. *Karta Juga Rossii Brjusa-Mengdena v. 3* [Bruce-Mengden Map of Southern Russia v. 3]. URL: http://retromap.ru/show_pid.php?pid=g6695
10. Korolev V.N. *Donskie kazachi gorodki* [Don Cossack Towns]. Rostov-on-Don, Inform.-izd. tsentr «Donchak», 2006. 400 p.
11. Markov E. Staraiia Donskaia pustyn i Donetskii kazachii gorodok. (Iz putevykh ocherkov Voronezhskoi gubernii) [The Old Don Desert and Donetsk Cossack Town. (From Travel Sketches of the Voronezh Province)]. *Pamiatnaia knizhka Voronezhskoi gubernii na 1893 god* [Commemorative Book of the Voronezh Province for 1893]. Voronezh, Izd. Voronezh. gubern. statistich. komiteta, 1893, pp. 125-157.
12. Markovich Ia. *Dnevnik generalnogo podskrabiiia Iakova Markovicha (1717–1767 gg.)*. *Chast vtoraiia (1726–1729)* [Diary of the General Sub-Chief Yakov Markovich (1717–1767). Part Two (1726–1729)]. Kiev, Izd. «Kievskoy stariny», 1895. 344 p.
13. *Materialy dlia istorii Voiska Donskogo. Gramoty* [Materials for the History of the Don Army. Certificates]. Novoчеркасск, s.n., 1864. 332 p.

REFERENCES

1. Boltin I.N. *Primechanija na istoriju drevnija i nyneshnija Rossii g. Leklerka. V 2 t. T. I* [Notes on

14. *Materialy po istorii Voronezhskoi i sosednikh gubernii. Vyp. XIII. Akty XVII i XVIII stoletij* [Materials on the History of Voronezh and Neighboring Provinces. Iss. 13. Acts of the 17th and 18th Centuries]. Voronezh, s.n., 1888, pp. 1285-1430.

15. Mininkov N.A. *Donskoe kazachestvo v epokhu pozdnego srednevekovia (do 1671 g.)* [Don Cossacks in the Late Middle Ages (Before 1671)]. Rostov-on-Don, Izd-vo Rostov. un-ta, 1998. 512 p.

16. Mininkov N.A., Ryblova M.A. *Formirovanie i popolnenie kazachikh soobshchestv na Donu* [Formation and Replenishment of Cossack Communities on the Don]. *Istoriia donskogo kazachestva. V 3 t. T. I. Donskoe kazachestvo v seredine XVI – nachale XVIII v.* [The History of the Don Cossacks. In 3 Vols. Vol. 1. Don Cossacks in the Middle of the 16th – Early 18th Century]. Rostov-on-Don, Omega Publisher, 2020, pp. 43-55.

17. *Posolskie knigi to svjazjam Rossii s Nogajskoj Ordoj. 1489–1549 gg.* [Embassy Books on Russian Relations with the Nogai Horde. 1489–1549]. Makhachkala, Dag. kn. izd-vo, 1995. 360 p.

18. Rudichenko T.S., Ryblova M.A., Chernitsyn S.V. *Osvoenie Donskoi zemli. Sistemy zhizneobespecheniia*

i traditsionnye zaniatiia donskikh kazakov [Development of the Don Land. Life Support Systems and Traditional Occupations of the Don Cossacks]. *Istoriia donskogo kazachestva. V 3 t. T. I. Donskoe kazachestvo v seredine XVI – nachale XVIII v.* [The History of the Don Cossacks. In 3 Vols. Vol. 1. Don Cossacks in the Middle of the 16th – Early 18th Century]. Rostov-on-Don, Omega Publisher, 2020, pp. 56-68.

19. Tatishchev V.N. *Leksikon rossiiskii istoricheskii, geograficheskii, politicheskii i grazhdanskii* [Russian Historical, Geographical, Political and Civil Lexicon]. *Izbrannye proizvedeniia* [Selected Works]. Leningrad, Nauka Publ., 1979, pp. 153-327.

20. Tatishchev V.N. *Leksikon rossiiskii istoricheskii, geograficheskii, politicheskii i grazhdanskii. Ch. II* [The Russian Historical, Geographical, Political and Civil Lexicon. Part 2]. Saint Petersburg, Tip. Gorn. uchilischa, 1793. 216 p.

21. Shennikov A.A. *Chervlenyj Jar. Issledovanie po istorii i geografii Srednego Podonyja v XIV–XVI vv.* [Scarlet Jar. Research on the History and Geography of the Middle Don Region in the 14th – 16th Centuries]. Leningrad, Nauka Publ., 1987. 139 p.

Information About the Author

Yaroslav V. Prudnikov, Postgraduate Student, Don State Technical University, Gagarina Sq., 1, 344000 Rostov-on-Don, Russian Federation; Director, ООО “OKN-ПРОЕКТ” Specialized Archaeological Organization, Ulianovskaja St, 50, Bld. 5, 344002 Rostov-on-Don, Russian Federation, jaritslejev@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-4136-4487>

Информация об авторе

Ярослав Владимирович Прудников, аспирант, Донской государственный технический университет, пл. Гагарина, 1, 344000 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация; директор, Специализированная археологическая организация ООО «ОКН-проект», ул. Ульяновская, 50, оф. 5, 344002 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, jaritslejev@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-4136-4487>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.2.5>

UDC 94(470.46)
LBC 63.3(2)-283.31

Submitted: 31.01.2024
Accepted: 04.03.2024

**“POSELITEL” YAKOV ZHIDKOV AND HIS MALORUSSIAN SLOBODAS:
AN EVENT FROM THE HISTORY OF GOVERNMENTAL COLONIZATION
OF THE LOWER VOLGA REGION IN THE 1720s**

Evgeny V. Astafyev

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation;
Tsaritsyn Genealogical Society, Volgograd, Russian Federation

Abstract. Introduction. The article is a special study of the history of the Malorussian settlements founded by Yakov Zhidkov. After the completion of the Tsaritsyn line, Peter the Great allowed him to settle the lands between the Volga and Ilovlya rivers with Malorussians (Cherkasy). *Methods and materials.* This topic was mainly touched upon in the works of Saratov and Volgograd historians and local historians. The author of the article introduces into scientific circulation the office materials of the Census Offices of the First Audit, the Supreme Privy Council, the Governing Senate and the Astrakhan Provincial Chancellery. *Analysis.* It has been established that the Malorussian settlements inhabited by Zhidkov in 1722, contrary to all regulations, very quickly began to be replenished by runaway Velikorussian peasants, which caused discontent among the landlords. As a result, Peter the Great's successors were forced to abandon this practice. In the end of 1728 – beginning of 1729, all the settlements were destroyed, the fugitive Velikorussian peasants were returned to their owners, and Malorussian were sent home. *Results.* The government colonization of the lands beyond the Tsaritsyn line by resettling the Malorussians there quickly turned into a popular colonization, which the St. Petersburg authorities had to stop. In the same year, outposts of the Cossacks of the Malorussian Sloboda regiments were temporarily placed to protect empty territories along the Volga. A few years later, the territories between the Volga and Ilovlya were settled by Cossacks transferred by the government from the Don and their families, who formed a new Volga Cossack army. The duties of the voist included the capture of robbers, fugitive peasants and soldiers, as well as countering the “thievish” raids of nomads.

Key words: Peter's era, Tsaritsyn line, colonization of the Lower Volga region, Velikorussians, Malorussians, Cherkasy, fugitive peasants and soldiers, “poselitel” / “zavodchik” Yakov Zhidkov.

Citation. Astafyev E.V. “Poselitel” Yakov Zhidkov and His Malorussian Slobodas: An Event from the History of Governmental Colonization of the Lower Volga Region in the 1720s. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 2, pp. 55-65. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.2.5>

УДК 94(470.46)
ББК 63.3(2)-283.31

Дата поступления статьи: 31.01.2024
Дата принятия статьи: 04.03.2024

**«ПОСЕЛИТЕЛЬ» ЯКОВ ЖИДКОВ И ЕГО МАЛОРОССИЙСКИЕ СЛОБОДЫ:
ЭПИЗОД ИЗ ИСТОРИИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ КОЛОНИЗАЦИИ
НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ 1720-х ГОДОВ**

Евгений Владимирович Астафьев

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация;
Царицынское генеалогическое общество, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Введение. Статья представляет собой специальное исследование истории малороссийских слобод, основанных Яковом Ивановичем Жидковым. После завершения строительства Царицынской линии Петр Великий разрешил ему заселить малороссами (черкасами) земли между реками Волгой и Иловлей.

Методы и материалы. Данная тема затрагивалась в основном в трудах саратовских и волгоградских историков и краеведов. Автор статьи вводит в научный оборот делопроизводственные материалы Переписных канцелярий Первой ревизии, Верховного тайного совета, Правительствующего Сената и Астраханской губернской канцелярии. *Анализ.* Установлено, что заселенные Жидковым в 1722 г. малороссийские слободы вопреки всем постановлениям очень быстро начали пополняться беглыми великороссийскими крестьянами, что вызвало недовольство помещиков. В итоге преемники Петра Великого были вынуждены отказаться от этой практики. В конце 1728 – начале 1729 г. все слободы были уничтожены, беглые великороссийские крестьяне возвращены владельцам, а малороссы высланы на родину. *Результаты.* Правительственная колонизация земель за Царицынской линией путем переселения туда малороссов быстро переросла в народную колонизацию, которую петербургским властям пришлось пресечь. В том же году для охраны пустующих территорий вдоль Волги временно были размещены форпосты казаков малороссийских слободских полков. Еще через несколько лет территории между Волгой и Иловлей были заселены переведенными правительством с Дона казаками и их семьями, образовавшими новое Волжское казачье войско. В обязанности войска входили поимка разбойников, беглых крестьян и солдат, а также противодействие «воровским» набегам кочевников.

Ключевые слова: Петровская эпоха, Царицынская линия, колонизация Нижнего Поволжья, великороссы, малороссы, черкасы, беглые крестьяне и солдаты, «поселитель» / «заводчик» Яков Жидков.

Цитирование. Астафьев Е. В. «Поселитель» Яков Жидков и его малороссийские слободы: эпизод из истории правительственной колонизации Нижнего Поволжья 1720-х годов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 2. – С. 55–65. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.2.5>

Введение. Колонизация Нижнего Поволжья в первой половине XVIII в. является одной из недостаточно проработанных тем в истории России. В литературе господствует мнение, что заселение и освоение Нижнего Поволжья началось после строительства Царицынской линии с появления к северу от нее самовольных поселений беглых, то есть с народной колонизации. Правительственная колонизация якобы началась после ликвидации поселений беглых с основания на этих землях в 1730-х гг. станиц Волжского казачьего войска ([13, с. 50; 15, с. 4–5; 27, с. 65–66, 118, 121, 137–138]; и др.).

Анализируемая нами тема вскользь затрагивалась в статьях по истории города Дубовки Н.И. Костомарова, П.П. Семенова [27, с. 85, 88], Г.П. Самойлова и В.И. Супруна [20], книге Н.Н. Суховой и И.Н. Плехановой [25, с. 6–8], в трудах по истории Саратовского края А.А. Гераклитова [1, с. 325–326], в исследованиях по истории Царицынской линии и Волго-Донского междуречья Т.И. Лавриновой [13; 14, с. 68–70], И.О. Тюменцева с коллективом авторов [26, с. 142], в работах по истории Волжского казачьего войска А.В. Курышева [12, с. 13, 281–293]. Ценные материалы по теме были опубликованы В.А. Гусевым [5, с. 104, 112, 195; 18, с. 8, 263, 267, 271, 276, 280, 281, 283, 285, 287].

Методы и материалы. В результате архивных разысканий нам удалось выявить ранее не использовавшиеся историками данные по исследуемой теме в материалах делопроизводства Правительствующего Сената, Верховного тайного совета, Переписных канцелярий Первой ревизии, хранящихся в фондах Российского государственного архива древних актов [6–11; 22–24], Астраханской губернской канцелярии, хранящихся в фондах Государственного архива Астраханской области [2; 19], некоторые сведения удалось почерпнуть в документах Национального архива Республики Калмыкия [21]. Критический анализ выявленных источников позволил нам провести исследование истории малороссийских слобод, основанных Я.И. Жидковым по распоряжению Петра Великого, заполнив эту лауну в истории правительственной колонизации Нижнего Поволжья 1720-х годов.

Анализ. С завершением строительства Царицынской линии в 1720 г. возникла необходимость в организации несения на ней службы и содержания укреплений. За правым флангом Линии располагались «верховые» станицы донских казаков, за левым, между реками Волгой и Иловлей, – целинные земли. Самым простым решением было бы поручить службу на Линии казакам. Но после восстания К.А. Булавина в 1707–1708 гг. Петр Пер-

вый не доверял казакам и распорядился о переброске к Линии драгунских полков регулярной армии. Сразу же остро встал вопрос об обеспечении драгун продовольствием и фуражом. «Верховые» казаки лишь недавно начали заниматься земледелием и скотоводством для собственных нужд, поэтому не могли в полной мере обеспечить армейские полки. Поставлять все из губерний Центральной России, как это делалось раньше, тоже уже было невозможно, поскольку с увеличением числа полков на Линии резко увеличились и объемы их потребностей. Таким образом, вполне логично возникла необходимость в незамедлительном заселении и сельскохозяйственном освоении пустующих территорий, расположенных за Линией [9, л. 215–219; 12, с. 10; 21, л. 102].

В 1721 г. царицынский житель Яков Иванович Жидков подал в Астраханскую губернскую канцелярию «доношение» с предложением заселить Царицынскую округу малороссиянами, бобылями и иными «охочими свободными людьми». В ответ на этот весьма своевременный проект, в 1722 г. Я.И. Жидков был вызван в Астрахань, где получил «именной императорский указ» с разрешением о наборе таковых желающих и поселении их слободами «в удобных местах по речкам Дубовке, Илавле и Пичугам или где погодитца». Фактически Петр Первый санкционировал государственную колонизацию земель за Линией [2, л. 1; 24, л. 74, 139].

Сведений о Я.И. Жидкове до нас дошло относительно немного. К тому же, они обросли домыслами. Краеведы Н.Н. Сухова и И.Н. Плеханова утверждают, что Я.И. Жидков родился в г. Вязьме, в возрасте 16 лет вступил в полковую службу в г. Изюме, дослужился до чина майора, затем в возрасте 32 лет вышел в отставку [25, с. 6]. Исследовательницы неверно прочли текст источника. В нем написано: «в городе вЫзюме» (в Изюме), а не «Вязьме», не «родился», а «жил», и не «в возрасте 16 лет», а «тому 16 лет» [24, л. 69]. Не выдерживает критики утверждение, будто Я. Жидков имел чин майора [12, с. 13; 20, с. 49]. Во-первых, в слободских казачьих полках в этот период истории не существовало звания майора. Во-вторых, даже армейский майор, вышедший в отставку и поселившийся

в Царицыне, должен был бы быть зафиксирован там в переписи 1720 г. в статусе отставного офицера, а никак не *квартирующего у вдовы бобыля* [19, л. 53; 23, л. 14]. В-третьих, можно было бы предположить, что Яков Иванович мог быть пожалован майором позднее, за освоение и заселение новых пустующих территорий, как это иногда делалось в Российской империи в XVIII в. [11, л. 137], но ни в одном документе, в том числе в списках патентов на офицерские чины, выданных в XVIII в., Я.И. Жидков не упоминается [3, с. 1574–1575].

В действительности Я.И. Жидков по происхождению был малороссийским казаком (черкашенином), родился ок. 1686 г. в Новгороде-Северском (Левобережная Украина) ([2, л. 1, 9; 16, № 4519; 20, с. 49] и др.), откуда сошел ок. 1707 г., жил в г. Изюме и «служил там полковую службу», затем перебрался в Царицын, где числился в бобылях и жил на квартире у вдовы Авдотьи Федоровны Пузанкиной [19, л. 53; 24, л. 69–69 об.; 23, л. 14]. Именно в этот период он и выступил со своим предложением о поселении новых слобод, по-видимому, придумав, как и государю угождать и беглых пристроить.

Т.И. Лавринова считает, что «именного Петровского указа» не существовало, а Петр I, будучи в Астрахани, якобы лишь устно распорядился о выдаче Я.И. Жидкову «о поселении указа» местной губернской администрацией [14, с. 69]. Действительно, во многих сохранившихся сказках жителей новых слобод говорится, что места для поселений были им назначены «по указу из Астраханской губернской канцелярии наборщиком Яковом Житковым» [24, л. 78, 79 и др.]. Однако сам Я.И. Жидков, а вслед за ним некоторые другие поселенцы прямо ссылались на данный Жидкову именной императорский указ [2, л. 1, 2; 8, л. 4; 24, л. 69, 71]. К тому же нам удалось разыскать официальные документы, косвенно подтверждающие существование этого указа. Во-первых, тайный советник Алексей Макаров в своем докладе Правительствующему Сенату от 19 апреля 1724 г. прямо ссылался на этот именной указ и в справке Сената от 1727 г. официально подтверждается, что такой указ действительно был объявлен из кабинета Его Величества [2, л. 68]. Во-вторых, копия этого указа, снятая со списка

Я. Жидкова, фигурирует в реестре документов, сданных в Астраханскую губернскую канцелярию штык-юнкером А.А. Бахметевым в конце августа 1727 года [2, л. 9 об., 89].

Строительство новых слобод и переселение в них «охочих людей» началось в 1722 году [22, л. 351]. Главным детищем бывшего царицынского бобыля, провозгласившего себя «поселителем», явилась Дубовская слобода, ставшая центральным и самым известным из всех новых селений. Вместе с ней появились слободы Иловлинская (Лавлинская, Лавля, Иловля, Тишанская, Тишанка) и Терсинская (Терса) ([23, л. 123, 130; 24, л. 137] и др.).

Я.И. Жидков лично руководил заселением полученных земель и строительством слобод. В Дубовке ему помогали его брат Фрол Васильев Жидков (1724, 1725) и атаманы Григорий Скубитенко (1727) и Василий Калашников (1728), в Иловле атаманы Василий Петров (1725) и Дмитрий Ермаков (1725), в Терсе атаманы Василий Селиванов (1724), Василий Донецкий (1724) и Осип Денисов (1724) ([2, л. 48 об.; 6, л. 1096–1096 об.; 24, л. 77, 100, 105, 106, 141, 159, 170, 172, 174, 213] и др.).

В связи с появлением новых поселений немедленно встал вопрос о необходимости постройки в них храмов. В 1724 г. царицынские священники доносили епархиальному начальству, что в их приходах насчитывается 959 человек, не исповедовавшихся в истекшем году [4, с. 246]. По-видимому, в эту статистику были включены и жители малороссийских слобод Я.И. Жидкова, которым далеко и неудобно было добираться до Царицына для посещения городских церквей и отправления всех необходимых христианских треб. 30 августа 1724 г. жители новых селений направили епископу Астраханскому и Ставропольскому Лаврентию челобитную, в которой просили разрешение на постройку церквей в слободах Дубовке, Тишанке и Терсе [24, л. 71–71 об.]. И уже 24 и 25 сентября Пресвященный Лаврентий, на основании присланного из Правительствующего Сената Императорского указа, объявил благоволение на постройку церквей в указанных трех селениях и назначил туда священников из числа местных жителей [24, л. 70, 71–71 об., 137, 165].

Буквально сразу же в новопостроенных малороссийских слободах всеми правдами и

неправдами стали селиться и беглые великороссы. В округе начали появляться их самовольные поселения вдоль небольших речек и их притоков. Всего за два-три года в Понизовье возникло несколько десятков слобод и целый ряд мелких поселков, как официально учрежденных, так и поселенных незаконно [17, № 5241].

В 1723–1725 гг. Симбирской переписной канцелярией в поселенных Я.И. Жидковым слободах была проведена подворная перепись, где в поданных сказках каждый домовладелец под страхом смертной казни поклялся, что не был на солдатской или матросской службе и не являлся крепостным крестьянином. Согласно материалам этой переписи, почти все поселяне оказались малороссами (черкасами), пришедшими из разных городов и слобод Белгородской, Киевской и других провинций Киевской губернии (Ахтырка, Барзна, Борисовка, Гадяч, Гайворон (Гайбуран), Гвоздевка, Глухов, Гусница, Ендовище, Ивангород, Киев, Киевский Подол, Кобыляки, Конотоп, Опошня, Острогжск, Печенеги, Прилуки, Раненбург, Ромны, Рыбный, Салтов, Стародуб, Сумы, Умань, Харьков, Чугуев и мн. др.). Помимо них, на жительство в Дубовку перешли несколько семейств царицынских бобылей (в том числе сам Я.И. Жидков), а в 1724 г. явился один грек, служивший в Российском флоте «за поручика» и в 1713 г. вышедший в отставку. К 1725 г. в слободке Дубовке насчитывалось 64 двора (135 душ м.п.), в Иловле 27 дворов (61 душа м.п.), в Терсе 64 двора (167 душ м.п.). Всего же в трех слободах к 1725 г. было поселено 155 дворов, в которых насчитывалось 363 души м.п. [24, л. 72–228].

Души женского пола в переписи не были учтены, однако, согласно общепринятым методикам, в этом случае их численность условно может быть принята равной числу душ мужского пола. Кроме того, в числе сохранившихся документов отсутствуют сказки атаманов, упоминаемых в текстах других сказок, поэтому суммарную статистику необходимо принять увеличенной как минимум до 160 дворов. И тем не менее, для малороссийских селений того времени – это весьма скромные показатели. Если сравнить эту цифру с отчетом Я.И. Жидкова, согласно которому к весне 1724 г. он поселил вблизи Цари-

цынской линии 115 дворов малороссов из разных городов [16, № 4519], то мы увидим, что за год число дворов в его слободах увеличилось всего лишь чуть более, чем на треть (40–45 дворов), то есть значительного добровольного притока малороссийского населения на Нижнюю Волгу в этот период не наблюдалось. Отчасти это связано и с тем, что даже живя под защитой линии, не только новопоселенцы, но и представители местной администрации нередко продолжали страдать от разбойных калмыцких нападений [26, с. 193–196].

В период проведения переписи в слободах Я.И. Жидкова были обнаружены беглые великороссы. 2 июня 1724 г. состоялся Сенатский указ, в котором Я.И. Жидков оказался упомянут сразу в двух противоположных ипостасях: в качестве нарушающего закон *Якова Иванова*, который селит на речках Дубовке, Иловле, Терсе и Карамыше беглых владельческих крестьян (помещичьих, монастырских и однодворческих) и в качестве добропорядочного *Якова Житкова*, который селит там же малороссиян согласно данному ему правительственному разрешению [16, № 4519]. Якову Жидкову поручили выслать всех выявленных беглецов и еще раз расписаться под указом о непринятии великороссов [2, л. 68].

Особого внимания заслуживает упоминание в тексте указа применительно к Я. Жидкову слободы, располагавшейся при речке Карамыше. Начало ее поселения совпало со слободами Я.И. Жидкова и относится к 1722 году. Ее основали сердобские солдаты С.Л. Лушников и А.Е. Логинов. Но, в отличие от Я.И. Жидкова, они, по-видимому, вполне открыто принимали на поселение не только малороссов, но также беглых сердобских солдат и крестьян из Ломовского и Петровского уездов. Причем, когда правительство заинтересовалось этим селением и инициировало расследование, С.Л. Лушников и А.Е. Логинов сослались на Я.И. Жидкова, который якобы и отвел им место для слободы при устье речки Карамыша на основании все того же «именного» государева указа [14, с. 68–69]. При этом сам Я.И. Жидков ни в одном известном доношении или ином документе никак не упоминал об этой слободе, равно как не принимал ни малейшего участия в управлении ее заселением. Хотя, несколько представителей

новых слобод вполне официально фигурируют в документах Царицынской комендантской канцелярии этого периода: например, «житель Карамышенской слободы Василий Немчинов» и «житель слободы Терсы Александр Светильников». В допросах переписной канцелярии от 1724 г. они неоднократно выступают в качестве подписантов за неграмотных царицынских жителей ([23, л. 19, 123, 130, 131] и др.). На наш взгляд, этот факт не может не являться косвенным подтверждением легитимности существования этих селений в 1724 г. и признания таковой легитимности – как минимум, со стороны двух наиболее авторитетных в данном вопросе органов местной и центральной власти: Царицынской комендантской канцелярии, возглавляемой полковником Л.Ю. Селивановым, и Казанской переписной канцелярии, возглавляемой бригадиром И.А. фон Менгденом.

На речках Карамыше и Терсе существовали и другие селения. Например, в том же 1724 г., согласно доношению генерала-фельдмаршала кн. М.М. Голицына, на р. Карамыше была обнаружена слобода беглых ясашных крестьян из Пензенского уезда, которых «принимали и селили» солдат Сердобской слободы Осип Кляпов, атаман Степан Трофимов и подьячий Иван Петров [2, л. 68 об.].

Проживавший до этого в г. Шацке дьячковский сын Иван Фатеев Попов, вслед за Я.И. Жидковым, в 1722 г. предложил заселить пустующие земли по р. Терсе великороссийскими дворцовыми и ясашными крестьянами. Он добился аудиенции у императора Петра Великого, которая состоялась в том же году в Москве в Приказе Большого дворца. В результате из Камер-коллегии в Шацкую провинциальную канцелярию поступил указ об освидетельствовании «порожжих» земель под будущее заселение. Не дожидаясь дальнейшего хода бюрократической машины, И.Ф. Попов выехал на р. Терсу, где сразу же «поселил» сто семейств великороссов из разных городов. В 1723 г. он отправился в Шацк, чтобы забрать указ, поскольку полагал, что к этому времени все бумаги будут уже оформлены, но вместо этого был арестован за самовольное поселение, бит кнутом и в течение года содержался под следствием. Осенью 1724 г. в поселенную им деревню был отправлен кара-

тельный отряд под командой капитана Осипа Улитина и поручика князя Осипа Дмитриевича Нерыцкого (Нерицкого), который разорил все жилища, подверг жителей наказанию кнутом и выслал всех на прежние места жительства. Сам Иван Попов еще некоторое время содержался под стражей, но в 1725 г. был отпущен «на поруки», в том же году вновь сбежал на р. Терсу и обнаружил, что многие из прежде высланных жителей его деревни опять обосновались на старом месте [2, л. 15–20; 16, № 4519].

В ноябре 1726 г. в эту деревню наведалься со своими людьми Я. Жидков, который считал, что она основана на его землях и жители этой деревни незаконно пользуются принадлежащими Жидковским слободам санными покосами, лесными угодьями, а также рыбными и звериными ловлями. Местные жители попытались дать отпор гостям и не пустить их в деревню. Во время этой стычки Я. Жидкову все же удалось арестовать Ивана Попова, у которого была найдена копия уже упомянутого нами указа из Камер-коллегии об освидетельствовании земель. Забрав этот документ, Жидков отвез Попова в Дубовку, где посадил его под караул, а затем отправил в Кабинет Ее Императорского Величества Екатерины I доношение о том, что в его дубовских угодьях на речке Терсе поселились беглые великороссияне в числе сорока дворов [2, л. 1–1 об., 10–10 об., 15].

В ответ на это донесение, 1 июля 1727 г. в поселенную И. Поповым деревню был отправлен из Царицына отряд штык-юнкера А.А. Бахметева, состоявший из одного капитала артиллерии, десяти пушкарей, пятнадцати городовых казаков и десяти солдат. Согласно выданной ему инструкции, всех пойманных беглых полагалось высечь кнутом и отправить в Саратовскую комендантскую канцелярию для дальнейшей высылки на прежние места жительства, а саму деревню сжечь. Таким же образом рекомендовано было поступать и с прочими обнаруженными в ходе рейда незаконными поселениями. При этом малороссов, в случае их обнаружения в новопоселенных слободах, в этот период еще предписано было не трогать [2, л. 5, 69].

Заехав в Дубовку, А.А. Бахметев захватил с собой Якова Жидкова в качестве прово-

жатого, взял у него необходимое для отряда число лошадей и выдвинулся на р. Терсу к деревне Попова. Между делом, также по наводке дубовского «поселителя», 13 июля отряд заехал на расположенную на реке Медведице выше Березовской станицы мельницу, которая тоже располагалась на «угодьях» Жидкова и принимала беглых. На этой мельнице были обнаружены и допрошены ее владелец, Андрей Мещеряков, его дядя и двоюродный брат, имеющие временные паспорта, а также шесть беглых крестьян разных помещиков и два беглых астраханских солдата. Кроме того, при мельнице проживал кузнец с семьей, который, узнав о приближении отряда, бросил свой скот и пожитки и бежал в неизвестном направлении вместе с женой и детьми. Всех пойманных беглых, согласно инструкции, высекли и обязали хозяина мельницы доставить их в Саратов. Затем отряд продолжил свое движение к деревне Попова, но по прибытии на место выяснилось, что все ее жители уже «розбежались». Уничтожив остатки этой деревни, А.А. Бахметев с отрядом вернулся в Дубовку и 20 августа доложил о выполнении порученного ему задания [2, л. 5–6, 43–44, 69 об.–70].

Со своей стороны, находясь под следствием, И.Ф. Попов дал целый ряд показаний против самого Я.И. Жидкова, в числе которых были убийства крестьян и укрывательство в сл. Добринке беглых малороссов (черкас). Я. Жидкову вновь пришлось предстать перед следствием. Он сам и его ближайшие помощники были допрошены, но от всех обвинений Попова отказались. В ходе проведенного рейда, в Добринской слободе действительно были пойманы десять черкас, которые были записаны в подушный оклад за кн. А.Д. Меньшиковым и помещиками Нарышкиными. Все они были высланы обратно. Доверие к Я. Жидкову со стороны правительства было подорвано. Согласно новому поручению, штык-юнкер А.А. Бахметев «взял» у Я. Жидкова копию Петровского указа о поселении, освидетельствовал ее и допросил царицынских старожил, в положенных ли местах Жидков селит малороссиян. Царицынцы подтвердили, что Дубовская слобода поселена на речке Верхней Пичуге согласно указа, а об остальных слободах они уже не помнят [2,

л. 9–9 об., 15–20, 57 об., 69 об.–76, 81 об.–83, 89–89 об., 99].

В конце того же, 1727 г., генерал-фельдмаршал кн. Михаил Михайлович Голицын подал доношение о том, что беглые поселились слободами не только на речках Карамыше и Терсе, но также «около Царицынской линии», то есть теперь речь шла уже конкретно о слободах, поселенных Я. Жидковым [10, л. 175]. Резолюцией Верховного тайного совета от 16 февраля 1728 г. этим слободам был вынесен окончательный приговор: поскольку, вопреки Петровскому разрешению, в этих слободах помимо малороссиян были обнаружены поселившиеся под их видом беглые великороссияне, то все слободы было предписано разорить до основания, малороссиян переписать вместе с семьями и отправить на родину без наказания, а беглых великороссиян висеть кнутом и отправить на прежнее местожительство. Кроме того, в резолюции содержалось требование немедленного ареста самого Я.И. Жидкова и отправки его под караулом в Сенат. Все эти решения были сформулированы в указе от 20 февраля 1728 г., в котором особое внимание было обращено на необходимость поиска и возврата беглых из Донских казачьих поселений, а также установлена смертная казнь для «пущих заводчиков и подговорщиков» [6, л. 1100–1100 об.; 10, л. 175, 189, 308 об.; 17, № 5241].

В ноябре того же года, по распоряжению генерал-фельдмаршала кн. М.М. Голицына из находящихся на дежурстве при Царицынской линии драгунских полков был сформирован сводный отряд для специальной карательной экспедиции, перед которой была поставлена цель уничтожения всех слобод и любых других обнаруженных незаконных поселений как около Царицынской линии, так и далее по рекам Иловле, Хопру, Вороне и пр. В состав отряда было включено 399 нижних чинов, 9 офицеров и 24 человека нестроевых чинов (писари, цирюльники, кузнецы и пр.). Командование экспедицией было возложено на подполковника Ямбургского драгунского полка Л.М. Протасова [6, л. 1095 об.–1097, 1100 об.].

В Дубовскую слободу отряд Л.М. Протасова прибыл в первых числах декабря 1728 года. Яков Жидков сразу же был арестован и отправлен в Москву в сопровождении унтер-офицера и четырех драгун. Обнаружен-

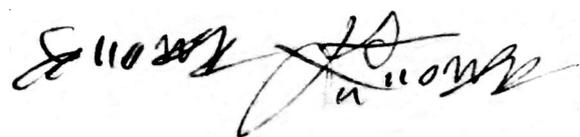
ные в Дубовке беглые великороссы были висечены кнутом, закованы в кандалы и отправлены в Воронеж под охраной шести драгун. Параллельно производимым на месте следствию и последующему разорению Дубовки, часть отряда была отправлена Л.М. Протасовым в располагавшуюся выше по течению р. Волги сл. Балыклейку (Белыклейку), для уничтожения которой хватило четырех дней. В начале января 1729 г. уже и сама Дубовка была «разорена до основания и вызжена». Переселяемых на родину малороссов обязали письменно засвидетельствовать, что они не имели от драгун никаких «обид» и получали от них оплату за постой и питание [2, л. 51, 61–62; 6, л. 1095 об.–1097, 1101].

В августе 1729 г. экспедицией были обнаружены и высланы на прежние места беглые великороссы из пос. Барановка. В августе – сентябре того же года из пос. Лысье Горы были высланы восемнадцать крестьян майора Алексея Афанасьевича Ртищева, бежавших туда из села Богоявленское (Каменка тож) Симбирского уезда, а дворы их разорены [10, л. 312–324 об.]. Вообще, за период с декабря 1728 г. по июль 1730 г. экспедиция в полном объеме выполнила возложенные на нее задачи. Согласно рапорту самого подполковника Протасова, из шестидесяти девяти обнаруженных им новопоселенных слобод и поселков было полностью разорено двадцать две слободы (общим числом 742 двора), а также выборочно уничтожено 215 дворов беглых в остальных сорока семи слободах. Всего оказалось поймано 3 133 беглых великороссиянина (45 солдатских детей, 83 однодворца, 5 казаков, 13 чувашей, 8 посадских, 12 ямщиков и 2 967 крестьян), а также выявлено и выслано (без наказания) 620 малороссиян (412 казаков, 18 мещан и 190 мужиков). Несколько основателей незаконных поселений были «по инструкции казнены смертию»: в слободе Баланде был повешен заводчик Степан Горин (крестьянин помещика Семена Прямоглядова из деревни Михеевой Коломенского уезда), в ясашной слободе Терсе – заводчик Евдоким Суворов (ясашный крестьянин села Невешкино Керенского уезда), в слободе Косолапове – заводчик Мартын Косолапов (дворцовый крестьянин села Пенков Тамбовского уезда). Заводчик ясашной слободы Терсы

Игнатий Бабушкин (крестьянин села Невешкино Керенского уезда) и заводчик слободы Волчьего Кургана крестьянин Савва Фролов были сосланы в Сибирь на каторгу [6, л. 1096, 1101; 7, л. 340; 10, л. 310–310 об.].

В числе прочих были уничтожены Иловлинская (Тишанская) и Терсинская слободы, поселенные Я.И. Жидковым. Сам он больше года находился под следствием. Согласно решению Правительствующего Сената от 17 марта 1730 г., он был приговорен к битью кнутом и ссылке в Сибирь «на каторгу на вечное житье». Однако несколькими месяцами спустя он был помилован именным указом императрицы Анны Иоанновны от 21 июля 1730 г.: велено было не устраивать ему никакого наказания, простить вину и вместо ссылки отпустить в Малороссию, в полк, где он когда-то служил. 28 июля того же года ему был выдан паспорт для проезда в Изюмский полк [2, л. 73; 6, л. 1101].

В целом не только к самому Я. Жидкову, но и к его ближайшим родственникам отнеслись вполне лояльно. Из отписки царицынского коменданта П.Ф. Кольцова известно, что жена и дети Я. Жидкова после разорения Дубовки вернулись с оставшимися пожитками в Царицын. Арестованное было в Астрахани имущество брата и ближайшего сподвижника Я.И. Жидкова, Фрола Васильевича Жидкова, проживавшего там на съемной квартире и занимавшегося на паях с несколькими казаками торговлей с персами, очень быстро было возвращено владельцам [2, л. 52–53 об., 63–64]. Племянник Я.И. Жидкова, Артемий Панченков, всего через несколько лет после описываемых событий был принят на службу лакеем ко двору императрицы Анны Иоанновны и в 1735 г. даже сумел получить компенсацию за имущество своего дяди, изъятое экспедицией подполковника Л.М. Протасова [6, л. 1093–1096 об., 1099–1100; 8, л. 4].

Факсимиле Я.И. Жидкова. 1727 г. [2, л. 79 об.]

В 1730-х гг., по новому правительственному проекту, земли между реками Волгой и

Иловлей были заселены бывшими донскими казаками, из которых было составлено новое Волжское казачье войско.

Результаты. Проведенное исследование свидетельствует, что вопреки сложившимся представлениям, заселение Я.И. Жидковым земель между Волгой и Иловлей за Царицынской линией не было стихийным, а было санкционировано Петром I, не желавшим отдавать эти земли казакам. Начавшаяся в 1722 г. правительственная колонизация этих территорий переселенцами из Малороссии в первые же годы столкнулась с мощной волной «незаконной» народной колонизации из Великороссии. Я.И. Жидков оказался не в состоянии выполнить главное условие царского указа: не принимать беглых солдат, матросов и владельцев крестьян из России. Более того, некоторые беглецы самочинно создавали поселения, прикрываясь его именем. Попытки Я.И. Жидкова противостоять им оказались безуспешными. В 1728 г. правительство Петра Второго вынуждено было аннулировать этот проект Петра Великого, в течение нескольких лет разорить поселения между Волгой и Иловлей, выслать малороссов обратно на их родину, беглых великороссов вернуть владельцам по местам их прежнего проживания, а освобожденные земли в 1730-х гг. заселить казаками Волжского войска, фактически используя их в качестве ландмилиции. В условиях борьбы с массовым бегством владельцев крестьян и солдат правительственное освоение новых территорий оказалась возможным лишь через казачью колонизацию.

БЛАГОДАРНОСТИ

Автор статьи выражает благодарность своему научному руководителю доктору исторических наук, профессору И.О. Тюменцеву и уважаемым коллегам: кандидату исторических наук И.Н. Плешакову, С.Ю. Степанову, А.С. Ракитину, Д.И. Мельнику, кандидату исторических наук Д.А. Панову, доктору исторических наук А.Л. Клейтману, Н.Н. Суховой, И.Н. Плехановой, Д.П. Шпиленко.

ACKNOWLEDGMENTS

The author of the article expresses gratitude to his scientific supervisor, Doctor of Historical Sciences.

prof. I.O. Tyumentsev and respected colleagues: Ph.D. I.N. Pleshakov, S.Yu. Stepanov, A.S. Rakitin, D.I. Melnik, Ph.D. D.A. Panov, Doctor of Historical Sciences A.L. Kleitman, N.N. Sukhova, I.N. Plekhanova, D.P. Shpilenko.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гераклитов А. А. История Саратовского края в XVI–XVIII вв. Саратов: Друкарь, 1923. 378 с.
2. Дело об уничтожении слободы Дубовской ввиду незаконного заселения ее русскими крестьянами. 1726–1727 гг. // Государственный архив Астраханской области (ГААО). Ф. 394. Оп. 1. Д. 122. 124 л.
3. «Известно и ведомо да будет каждому...». Книги записи патентов, выданных Военной коллегией в 1723–1796 гг. Регест в 2 т. / сост., вступ. ст., оформл. К. В. Татарникова. Т. 2. М.: Старая Басманная, 2020. С. 1015–1884.
4. Историческая записка об Астраханской епархии за 300 лет ее существования (с 1602 по 1902 год). Составлена по поручению Астраханской Духовной Консистории членом оной священником Иоанном Саввинским. Астрахань: Тип. В. Л. Егорова, 1903. 392 с.
5. Казаки на Дону, Волге и Кавказе: материалы по истории и генеалогии казачества / авт.-сост. В. А. Гусев. Вып. 14. Волгоград: Панорама, 2013. 368 с.
6. Канцелярия Сената. Дела по Военной Коллегии за 1727–1737 гг. // Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 248. Оп. 7. Д. 393. 1188 л.
7. Канцелярия Сената. Дела по Военной Коллегии за 1728–1731 гг. // РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Д. 388. 880 л.
8. Канцелярия Сената. Дела по Военной Коллегии за 1730–1738 гг. // РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Д. 391. 588 л.
9. Канцелярия Сената. Дела по Камер-коллегии. 1720–1723 гг. // РГАДА. Ф. 248. Оп. 15. Д. 812. 564 л.
10. Канцелярия Сената. Дела по разным предметам. 1721–1729 гг. // РГАДА. Ф. 248. Оп. 13. Д. 689. 338 л.
11. Книга прошений, поданных в Герольдмейстерскую Кантору. 1793 г. // РГАДА. Ф. 286. Оп. 2. Д. 62. 496 с.
12. Курьшев А. В. Волжское казачье войско (1730–1804): создание, развитие и преобразование в линейные казачьи полки. Волгоград: Издатель, 2011. 352 с.
13. Лавринова Т. И. Из истории заселения Волго-Донского междуречья в первой трети XVIII века

// Вопросы краеведения. Материалы краеведческих чтений. Вып. 2. Волгоград, 1993. С. 48–50.

14. Лавринова Т. И. Царицынская линия: история строительства в 1718–1720 и первые годы существования. Волгоград: Издатель, 2012. 96 с.
15. Осипов В. А. Саратовский край в XVIII веке. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1985. 88 с.
16. Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года (ПСЗРИ). Собрание 1. Т. VII. 1723–1727. СПб., 1830. 934 с.
17. ПСЗРИ. Собрание 1. Т. VIII. 1728–1732. СПб., 1830. 1004 с.
18. Поселение на Волге донских казаков: материалы по истории и генеалогии казачества / авт.-сост. В. А. Гусев. Вып. 3. Волгоград: Панорама, 2013. 288 с.
19. Ревизская сказка о душах мужского пола. Царицын. 1721 г. // ГААО. Ф. 394. Оп. 4. Д. 4. 91 л.
20. Самойлов Г. П., Супрун В. И. Рождение Дубовки // Вопросы краеведения: материалы краеведческих чтений. Волгоград, 1991. С. 46–51.
21. Сборник переписки по калмыцким делам. 1729 г. // Национальный архив Республики Калмыкия (НАРК). Ф. 36. Оп. 1. Д. 34. 720 л.
22. Сказки гарнизонных солдат г. Царицына. 1723–1724 гг. // РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4010. 659 л.
23. Сказки служилых людей г. Царицына. 1723–1724 гг. // РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4011. 285 л.
24. Сказки жителей новопоселенных украинских слобод Царицынского уезда. 1723–1724 гг. // РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3105. Л. 69–228.
25. Сухова Н. Н., Плеханова И. Н. Посад Дубовка – купеческая столица Нижнего Поволжья. В 2 т. Т. 1. М.: Старая Басманная, 2018. 612 с.
26. Царицынская линия. Памятник фортификации Петровской эпохи: строительство, эксплуатация, современное состояние и перспективы музеефикации. В 2 т. Т. 1. Исследования: [монография] / авт. коллектив: И. О. Тюменцев (рук.) [и др.]; под общ. ред. д-ра ист. наук, проф. И. О. Тюменцева. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2022. 316 с.
27. Царицынский и Камышинский уезды в описаниях краеведов (1727–1928) / под ред. М. М. Загорюлько и И. О. Тюменцева. Волгоград: Издатель, 2010. 240 с.

REFERENCES

1. Heraclitov A.A. *Istoriya Saratovskogo kraja v XVI – XVIII vv.* [History of the Saratov Region in the 16th – 18th Centuries]. Saratov, Drukar Publ., 1923. 378 p.
2. Delo ob unichtozhenii slobody Dubovskoy vvidu nezakonnoho zaseleniya yeyo russkimi krestyanami. 1726–1727 gg. [The Case of the Destruction of the Dubovskaya Settlement Due to the

Illegal Settlement of It by Russian Peasants. 1726–1727]. *Gosudarstvennyy arkhiv Astrakhanskoj oblasti (GAAO)* [State Archives of the Astrakhan Region], f. 394, inv. 1, d. 122. 124 l.

3. Tatarnikov K.V., ed. «*Izvestno i vedomo da budet kazhdomu...*». *Knigi zapisi patentov, vydannykh Voennoy kollegiyey v 1723–1796 gg. Regest v 2 t.* [“Let It Be Known to Everyone...” Books of Records of Patents Issued by the Military Collegium in 1723–1796. Regest in 2 Vols.], vol. 2. Moscow, Staraya Basmannaya Publ., 2020, pp. 1015–1884.

4. *Istoricheskaya zapiska ob Astrakhanskoj yeparkhii za 300 let yeyo sushchestvo-vaniya (s 1602 po 1902 god)*. *Sostavlena po porucheniyu Astrakhanskoj Dukhovnoy Konsistorii chlenom onoy svyashchennikom Ioannom Savvinskim* [Historical Note About the Astrakhan Diocese for 300 Years of Its Existence (From 1602 to 1902). Compiled on Behalf of the Astrakhan Spiritual Consistory by Its Member, Priest John of Savvinsky]. Astrakhan, Tip. V.L. Egorova, 1903. 392 p.

5. Gusev V.A., ed. *Kazaki na Donu, Volge i Kavkaze: materialy po istorii i genealogii kazachestva* [Cossacks on the Don, Volga and Caucasus: Materials on the History and Genealogy of the Cossacks], vyp. 14. Volgograd, Panorama Publ., 2013. 368 p.

6. Kantselyariya Senata. *Dela po Voennoy Kollegii za 1727–1737 gg.* [Office of the Senate. Cases of the Military Collegium for 1727–1737]. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov (RGADA)* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 248, inv. 7, d. 393.1188 l.

7. Kantselyariya Senata. *Dela po Voennoy Kollegii za 1728–1731 gg.* [Office of the Senate. Cases of the Military Collegium for 1728–1731]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 248, inv. 7, d. 388. 880 l.

8. Kantselyariya Senata. *Dela po Voennoy Kollegii za 1730–1738 gg.* [Office of the Senate. Cases of the Military Collegium for 1730–1738]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 248, inv. 7, d. 391. 588 l.

9. Kantselyariya Senata. *Dela po Kamerkollegii. 1720–1723 gg.* [Office of the Senate. Cases of the Chamber Collegium. 1720–1723]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 248, inv. 15, d. 812. 564 l.

10. Kantselyariya Senata. *Dela po raznym predmetam. 1721–1729 gg.* [Office of the Senate. Cases on Various Subjects. 1721–1729]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 248, inv. 13, d. 689. 338 l.

11. *Kniga prosheniy, podannykh v Geroldmeysterskuyu Kontoru. 1793 g.* [Book of Petitions Submitted to the Heraldry Office. 1793].

RGADA [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 286, inv. 2, d. 62. 496 l.

12. Kuryshev A.V. *Volzhskoye kazachye voysko (1730–1804): sozdaniye, razvitiye i preobrazovaniye v lineynyye kazachyi polki* [Volga Cossack Army (1730–1804): Creation, Development and Transformation into Linear Cossack Regiments]. Volgograd, Izdatel Publ., 2011. 352 p.

13. Lavrinova T.I. *Iz istorii zaseleniya Volgondskogo mezhdurechya v pervoy trety XVIII veka* [From the History of the Settlement of the Volga-Don Interfluvium in the First Third of the 18th Century]. *Voprosy krayevedeniya. Materialy krayevedcheskikh chteniy. Vyp. 2* [Questions of Local History. Materials of Local History Readings. Iss. 2]. Volgograd, 1993, pp. 48–50.

14. Lavrinova T.I. *Tsaritsynskaya liniya: istoriya stroitelstva v 1718–1720 i pervyye gody sushchestvovaniya* [Tsaritsyn Line: History of Construction in 1718–1720 and the First Years of Existence]. Volgograd, Izdatel Publ., 2012. 96 p.

15. Osipov V.A. *Saratovskiy kray v XVIII veke* [Saratov Region in the 18th Century]. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta, 1985. 88 p.

16. *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii, s 1649 goda (PSZRI). Sobranie 1. T. VII. 1723–1727* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire, Since 1649. Collection 1. Vol. 7. 1723–1727]. Saint Petersburg, 1830. 934 p.

17. *PSZRI. Sobranie 1. T. VIII. 1728–1732* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire, Since 1649. Collection 1. Vol. 8. 1728–1732]. Saint Petersburg, 1830. 1004 p.

18. Gusev V.A., ed. *Poseleniye na Volge donskikh kazakov: materialy po istorii i genealogii kazachestva* [Settlement of the Don Cossacks on the Volga: Materials on the History and Genealogy of the Cossacks], iss. 3. Volgograd, Panorama Publ., 2013. 288 p.

19. *Revizskaya skazka o dushakh muzhskogo pola. Tsaritsyn. 1721 g.* [Revision List About Male Souls. Tsaritsyn. 1721]. *GAAO*, f. 394, inv. 4, d. 4. 91 l.

20. Samoilov G.P., Suprun V.I. *Rozhdeniye Dubovki* [The Birth of Dubovka]. *Voprosy krayevedeniya: materialy krayevedcheskikh chteniy* [Questions of Local History: Materials of Local History Readings]. Volgograd, 1991, pp. 46–51.

21. *Sbornik perepiski po kalmytskim delam. 1729 g.* [Collection of Correspondence on Kalmyk Affairs. 1729]. *Natsionalnyy arkhiv Respubliki Kalmykiya (NARK)* [National Archives of the Republic of Kalmykia], f. 36, inv. 1, d. 34. 720 l.

22. *Skazki garnizonnykh soldat g. Tsaritsyna. 1723–1724 gg.* [Lists of the Garrison Soldiers of Tsaritsyn. 1723–1724]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 350, inv. 2, d. 4010. 659 l.

23. Skazki sluzhilykh lyudey g. Tsaritsyna. 1723–1724 gg. [Lists of Service People in the City of Tsaritsyn. 1723–1724]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 350, inv. 2, d. 4011. 285 l.

24. Skazki zhiteley novoposelonnykh ukrainkikh slobod Tsaritsynskogo uyezda. 1723–1724 gg. [Lists of Residents of the Newly Settled Ukrainian Settlements of Tsaritsyn District. 1723–1724]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 350, inv. 2, d. 3105, l. 69–228.

25. Sukhova N.N., Plekhanova I.N. *Posad Dubovka – kupecheskaya stolitsa Nizhnego Povolzhya. V 2 t. T. 1* [Posad Dubovka – The Merchant Capital of the Lower Volga Region. In 2 Vols. Vol. 1]. Moscow, Staraya Basmannaya Publ., 2018. 612 p.

26. Tyumentsev I.O. et al., eds. *Tsaritsynskaya liniya. Pamyatnik fortifikatsii Petrovskoy epokhi: stroitelstvo, ekspluatatsiya, sovremennoye sostoyaniye i perspektivy muzeyifikatsii. V 2 t. T. 1. Issledovaniya: monografiya* [Tsaritsyn Line. Monument to the Fortification of the Peter the Great Era: Construction, Operation, Current State and Prospects for Museumification. In 2 Vols. Vol. 1. Research: Monograph]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2022. 316 p.

27. Zagorulko M.M., Tyumentsev I.O., eds. *Tsaritsynskiy i Kamyshinskiy uyezdy v opisaniyakh kravevedov (1727–1928)* [Tsaritsyn and Kamyshin Districts in Descriptions of Local Historians (1727–1928)]. Volgograd, Izdatel Publ., 2010. 240 p.

Information About the Author

Evgeny V. Astafyev, Postgraduate Student, Department of History and International Relations, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation; Chairperson, Tsaritsyn Genealogical Society, them. 13th Guards Division St, 13a, apt. 8, 400005 Volgograd, Russian Federation, info@gen-volga.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1921-7088>

Информация об авторе

Евгений Владимирович Астафьев, аспирант кафедры истории и международных отношений, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация; председатель, Царицынское генеалогическое общество, ул. им. 13-й Гвардейской дивизии, 13а, кв. 8, 400005 г. Волгоград, Российская Федерация, info@gen-volga.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1921-7088>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.2.6>

UDC 94(470.45)«1917/1918»
LBC 63.3(2P-4Bor)611

Submitted: 12.10.2023
Accepted: 05.12.2023

**AWARDS OF THE LEADERS OF THE BOLSHEVIKS,
THE ORGANIZERS OF THE OCTOBER EVENTS AND THE DEFENSE OF TSARITSYN
ACCORDING TO THE DOCUMENTS OF THE STALINGRAD ISTPART¹**

Igor O. Tyumentsev

Federal Research Center the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences,
Rostov-on-Don, Russian Federation;
Volgograd Regional Research and Production Center on the Protection of Monuments of History and Culture,
Volgograd, Russian Federation;
Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article is a direct continuation of the article published in *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations* (2022) devoted to the preparation of the collective portfolio (“vignettes”) of the heroes of the Revolution of 1917 and the Defense of Tsaritsyn in 1918–1920. The *subject* of the article is an analysis of the preparation of awards for veterans in connection with the 15th anniversary of the Red Army with the *aim* of establishing the real asset of the Bolsheviks. *Methods and materials.* The award-winning materials of the Stalingrad Istpart are critically analyzed using the methods of textual analysis and prosopography. *Observations and conclusions.* In May 1932, the secretary of the Stalingrad “five” of the Lower Volga Regional Department, T.M. Seregin, prepared a list of 100 Bolshevik veterans for the award commission of the Stalingrad City Council. Stalingrad veterans, in turn, submitted a list of 34 people to the commission. The draft documents provoked sharp criticism of the Moscow Circle of veterans of the Revolution and Defense of Tsaritsyn formed by that time at the “All-Union Society of Old Bolsheviks.” The Moscow circle made a proposal to allocate a “narrow asset” (managers) to be awarded with orders and a “broad asset” (middle managers) – only to “encourage.” The proposal was rejected by the Stalingrad City Council. On the basis of both lists, a portfolio of 31 people and an award list of 34 Bolshevik senior managers were created. The proposals of Muscovites provoked a negative reaction from the Stalingrad circle of “Red Partisans” formed by that time. As a result of heated disputes, it was decided to ask the country’s leadership to award the Orders of the Red Banner to 24 people, Lenin to 6 people, regional awards to 40, and city awards to 9 veterans. A new project portfolio (“vignettes”) was compiled, on which 129 people were already placed. Thanks to these disputes, it was possible to identify the real, and not the mythical, circle of Bolshevik leaders of the October events and the Defense of Tsaritsyn and assess their contribution to the victory over the counter-revolution.

Key words: history of the Great October Socialist Revolution, defense of Tsaritsyn, collection of materials on the history of the revolutionary movement, Tsaritsyn (Stalingrad) Historical Party Commission (Istpart), state of the collected fund, preparatory materials for awarding leaders of Revolutionary events and the Civil War of 1917–1920.

Citation. Tyumentsev I.O. Awards of the Leaders of the Bolsheviks, the Organizers of the October Events and the Defense of Tsaritsyn According to the Documents of the Stalingrad Istpart. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 2, pp. 66-80. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.2.6>

НАГРАДЫ РУКОВОДИТЕЛЕЙ БОЛЬШЕВИКОВ – ОРГАНИЗАТОРОВ ОКТЯБРЬСКИХ СОБЫТИЙ И ОБОРОНЫ ЦАРИЦЫНА ПО ДОКУМЕНТАМ СТАЛИНГРАДСКОГО ИСПАРТА¹

Игорь Олегович Тюменцев

Южный научный центр РАН, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация;
Волгоградский областной научно-производственный центр по охране памятников истории и культуры,
г. Волгоград, Российская Федерация;
Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Статья является прямым продолжением опубликованной в «Вестнике Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения» (2022 г.) статьи, посвященной подготовке коллективного портфолио («виньетки») героев Революции 1917 г. и обороны Царицына в 1918–1920 годах. *Предмет* статьи – анализ подготовки награждений ветеранов в связи с 15-летием РККА с целью установления реального актива большевиков. *Методы и материалы.* Наградные материалы Сталинградского испарта критически проанализированы с помощью методов текстологии и просопографии. *Наблюдения и выводы.* В мае 1932 г. секретарь Сталинградской «пятерки» Нижневолжского краевого испарта Т.М. Серегин подготовил для наградной комиссии Сталинградского горсовета список из 100 ветеранов-большевиков. Сталинградские ветераны, в свою очередь, представили в комиссию список из 34 человек. Проекты документов вызвали острую критику образовавшегося к тому времени Московского кружка ветеранов революции и обороны Царицына при «Всесоюзном обществе старых большевиков». Московским кружком было внесено предложение выделить «узкий актив» (руководителей), которых наградить орденами, а «широкий актив» (руководителей среднего звена) – только «поощрить». Предложение было отвергнуто горсоветом Сталинграда. На основе обоих списков было создано портфолио из 31 человека и наградной список из 34 большевиков – руководителей высшего звена. Предложения москвичей вызвали отрицательную реакцию образовавшегося к тому времени из сталинградских ветеранов кружка «Красных партизан». В результате бурных споров было решено просить руководство страны наградить орденами Красного Знамени 24 человека, Ленина – 6 человек, краевыми наградами – 40 и городскими – 9 ветеранов. Был составлен новый проект портфолио, на котором помещено уже 129 человек. Благодаря этим спорам удалось определить реальный, а не мифический круг большевистских руководителей Октябрьских событий и обороны Царицына и оценить их вклад в победу над контрреволюцией.

Ключевые слова: история Великой Октябрьской Социалистической революции, оборона Царицына, сбор материалов по истории революционного движения, Царицынская (Сталинградская) историко-партийная комиссия (испарт), состояние собранного фонда, подготовительные материалы к награждению руководителей революционных событий и гражданской войны 1917–1920 годов.

Цитирование. Тюменцев И. О. Награды руководителей большевиков – организаторов Октябрьских событий и обороны Царицына по документам Сталинградского испарта // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 2. – С. 66–80. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.2.6>

Введение. В 1929–1933 гг. в Сталинграде планировались празднования Десятилетия освобождения Царицына от белогвардейских войск, 15-летие Октябрьской революции и создания Красной Армии (РККА), в связи с чем Сталинградская «пятерка» Нижневолжского краевого испарта профессор Иван Герасимович Романов, Василий Семенович Ахапкин, Николай Николаевич Соколов, Николай Александрович Синеоков, С. Линева-

кая² получили задание подготовить списки активистов-революционеров 1917–1919 гг. для их награждения [5, д. 1, л. 86].

Материалы. Среди бумаг испарта в ГАВО сохранилось несколько списков актива, которые планировались к утверждению Сталинградским горсоветом.

Анализ. Самый ранний наградной список 1929 г. дошел до нас в дефектном виде: в нем отсутствует окончание. На сохранившем-

ся 1 листе перечислены лишь 30 человек, рекомендуемых к награждению орденом Красного Знамени. Правая колонка таблицы «Примечания» не заполнена, поэтому отсутствует главный элемент представления к награде: за что хотят наградить героя. В фамилиях и инициалах имеются искажения и неточности. Видимо, это первая страница бланка для обсуждения кандидатур на заседании горсовета [5, д. 1, л. 92].

В анализируемом списке в первую очередь предлагались к награждению руководители СССР и РККА И.В. Сталин, К.Е. Ворошилов, А.И. Егоров, Л.Л. Ключев, Д.П. Жлоба. Нетрудно заметить, что при составлении списка в него не включили героически погибших в гражданскую войну Я.З. Ермана, Н.А. Руднева, И.В. Тулака. В список не попали вожди царицынских большевиков С.К. Минин, И.Ф. Павлюков, М.П. Батов, И.П. Изюмский, Т.М. Серегин, А.К. Борман А.И. Червяков. К тому времени С.К. Минин, И.Ф. Павлюков и их соратники были обвинены в участии в троцкистской и новой оппозиции. В 1927 г. С.К. Минин отошел от политической борьбы, в 1932 г. был сослан, а затем отправился на многолетнее лечение [3, с. 106–110]. И.Ф. Павлюков с трудом добился восстановления в ВКП(б) после исключения [2; 7]. В наградном списке из руководителей Царицына оставили только находящихся у власти Р.Я. Левина, Д.А. Павина, Н.В. Попова, Г.Ф. Арзамасцева и П.А. Огаркова [5, д. 1, л. 92].

Сопоставление списка 1929 г. с последующими наградными документами обнаруживает, что А.Н. Воронков, М.К. Кузьмин, А.Т. Москаленко, И.М. Поляков, К.С. Скопцов, Д.А. Скобелкин, А.И. Сухов, Г.А. Чернявский в прошлом являлись командирами или заместителями красногвардейских отрядов, а А.Н. Савилова и Д.М. Дубинин – яркими борцами за дело освобождения пролетариата. А.Ф. Бахтин, Ф.А. Виноградов, И.Ф. Казинцев, А.К. Лунев, И.К. Романенко, Н[иколай] М[оисеевич] Россенко, И.Я. Смирнов в последующих перечнях активистов не упоминаются [5, д. 1, л. 92, 10–105 об., 131–131 об.; д. 115, л. 124–126 и др.]. И.К. Романенко был младшим командиром [4, с. 82–83], а А.Ф. Бахтин – рядовым бойцом [10, ф. 1, оп. 1, д. 3, л. 2]. Вероятно, в духе тогдашней

«демократии», планировалось наградить как руководителей, так и отличившихся командиров, и рядовых бойцов [5, д. 1, л. 92]. Работа, видимо, велась негласно. Не случайно ветераны Стальной дивизии в 1930 г. просили включить в наградной список своего командира Д.П. Жлобу, тогда как он давно был включен в этот список, еще в 1929 г. [5, д. 1, л. 92, 131–131 об.]. Награждение по разработанному списку, по всей видимости, не состоялось. В честь 10-летия освобождения от белых Нижневолжский истпарт издал сборник популярных очерков Н.А. Синеокова «Революционный Сталинград» [8].

Серьезной проблемой для сталинградских истпартовцев являлось то, что на них лежал груз ответственности по собиранию огромного пласта документов и материалов по истории большевизма и революционных событий в «Красном Вердене». Другой проблемой было то, что Нижневолжский краевой истпарт, включившись во всесоюзный проект создания истории гражданской войны, затребовал собранные Царицынским (Сталинградским) истпартом, а затем «пятеркой», материалы для написания истории революции и гражданской войны в Нижневолжском крае, но это грозило оставить Сталинградскую «пятерку» без источников для их собственной работы. В связи со всем этим «пятерка» попросила горсовет подключить к их работе «Серегина, Еськова, Бочкарева, Редькина, Стрелкова, а также мобилизовать в помощь комиссии студенчество Комвуза, совпартшколы, индустриального пединститута». В отправке документов в столицу края Саратов сначала было отказано, затем их отправили в Саратов, но вскоре вернули, так как центром Нижневолжского края в 1932 г. стал Сталинград [5, д. 1, л. 86].

Неоценимую помощь в работе оказал один из бывших руководителей революционных событий в Царицыне Тимофей Михайлович Серегин, на которого в 1930 г. также было наложено партийное взыскание, но он представил документы, опровергающие клевету и добился снятия всех обвинений [1, ф. 113, оп. 59, д. 531, л. 1–2]. В 1932 г. назначен заместителем управляющего Нижневолжским краевым архивным управлением и секретарем Сталинградской «пятерки» истпарта [1; 11, с. 174–175].

С появлением Т.М. Серегина в работе «пятерки» произошли радикальные перемены. Она явно получила мощный импульс. Анализ дошедших до нас бумаг Сталинградского испарта из фонда ГАВО с многочисленными пометами на них Т.М. Серегина дает основание для осторожного предположения, что это архив секретаря Сталинградского испарта Т.М. Серегина. Именно поэтому фонд испарта отложился в ГАВО, а не в Сталинградском партархиве [5].

Т.М. Серегин активно включился в работу по составлению списка большевистского актива – героев революционных событий 1917 г. и гражданской войны в Царицыне в 1918–1920 годах. На этот раз перед «пятеркой» ставилась двоякая цель: наряду с подготовкой наградных списков разработать коллективный проектный фотоснимок – в просторечии «виньетку» для его размещения в экспозиции Музея обороны Царицына. Процесс создания «виньетки» мы проанализировали в предыдущей статье [11]. Однако затем были найдены новые документы, которые позволяют уточнить и развить сделанные ранее наблюдения.

К 1 мая 1932 г. Т.М. Серегин с коллегами по «пятерке» подготовил и представил комиссии Сталинградского горсовета, которую возглавлял один из большевистских руководителей 1917–1920 гг. Г.Ф. Арзамасцев, список из 100 ветеранов. Из него безвозвратно исчезли 7 из 30 ветеранов списка 1929 года. К оставшимся Т.М. Серегин прибавил 77 человек, в том числе обвиненного в антипартийной деятельности вождя царицынских большевиков Сергея Константиновича Минина и его товарищей [11, с. 177–185].

В августе 1932 г. список кандидатов для «виньетки» был отправлен в Москву бывшему руководителю царицынского революционного штаба в октябре 1917 г. Ивану Федосеевичу Павлюкову. Современники часто писали его отчество «Федорович» вместо «Федосеевич», что запутало историков, в том числе и автора этих строк. Ясность внесли личные дела И.Ф. Павлюкова как члена и штатного работника Общества старых большевиков, где прямо указано: «Федосеевич» [7].

В то время И.Ф. Павлюков являлся членом и штатным работником Всесоюзного об-

щества старых большевиков и вместе со своими соратниками ветеранами гражданской войны П.А. Синюковым, В.А. Скоробогатченко, В.В. Казаковым изучал полученный из Сталинграда проектный список, в котором, по их словам, было 73 активных царицынских революционеров, а не 100, как в списке Т.М. Серегина?! [5, д. 1, л. 8, 107–110].

В предыдущей статье мы высказали осторожное предположение, что для подготовки «виньетки» Сталинградская наградная комиссия использовала более ранний список-73, который послужил основой для списка первомайских награждений – 100 человек. Это наблюдение не нашло подтверждения в источниках. Все замечания, отводы и предложения московских ветеранов, судя по их документам, идут ровно до 73 номера списка 100. Причем нумерация этих кандидатур в замечаниях Московского кружка полностью совпадает с нумерацией в списке Т.М. Серегина. Далее между номерами 73 и 100 в списке-100 упоминаются А.Г. Шманов, А.В. Горликов, И.И. Ворцынский, И.И. Леонов, А.П. Григорьев, Я.В. Сорокин, Д.Т. Жлоба, И.И. Кучин, о которых москвичи говорят, что их нет в списке-73 и предлагают их представить к наградам. Видимо, список-100 Т.М. Серегина дошел до москвичей без окончания и обрывался на номере 73 перечня ветеранов. Сделанное наблюдение позволяет выяснить происхождение и содержание не дошедшего до нас списка-73 [5, д. 1, л. 8, 107–110; 11, с. 177–185].

И.Ф. Павлюков и его товарищи предложили сформировать два списка: «узкий актив» – достойные орденов люди, руководившие царицынской партийной организацией и крупными подразделениями Красной гвардии в Октябрьские дни и соединениями Красной Армии во время обороны Царицына, и «широкий актив», включающий руководителей среднего звена, которых следует поощрить краевыми и городскими наградами. К «узкому активу» они отнесли Н.Ф. Арзамасцева, М.П. Батова, С.М. Буденного, К.Е. Ворошилова, А.К. Выдрина, Д.М. Дубинина, А.И. Егорова, Я.З. Ермана, И.П. Изюмского, Б.А. Клионскую, Л.Л. Клюева, П.И. Кошакина, Р.Я. Левина, С.К. Минина, А.М. Мотькина, И.К. Нарцева, П.А. Оную, Д.А. Павина, И.Ф. Павлюкова, С.Е. Пузанова, И.Е. Родина, Н.А. Руд-

нева, А.Н. Савилову, Т.М. Серегина, И.В. Сталина, И.В. Тулака, К.Я. Федотова, С.И. Чеботарева, Ф.Т. Чекасинова, Е.А. Щаденко (всего 30 человек) и предложили прибавить к ним, не входивших в список-73: А.Г. Шманова, А.П. Григорьева, А.К. Бормана, А.И. Червякова, И.И. Леонова, Д.П. Жлобу, В.В. Казакова, Б.И. Магидова, И.С. Семенова, П.Д. Землянского, В.А. Скоробогатченко, А.В. Горликова, А. Москаленко, Я.В. Сорокина, Туманова, Левченко, Петухова, Ф.С. Попадьяина, И.В. Елторенко, П. Макеева (20 человек). В результате образовался список «узкого актива» по версии МК из 50 человек [5, д. 1, л. 8, 107–110; 11, с. 177–185].

В «широкий актив» московская «четверка» зачислила из списка-73 Г.Ф. Арзамасцева, И.[И.] Ворцынского, Г.Т. Гаврилова, Е.С. Гордиенко, С.В. Зеленского, В.З. Королева, А.П. Костина, Д.С. Крембилова, А.В. Кувардина, И.Е. Кузнецова, Ф.П. Кузнецова, М.К. Кузьмина, И.М. Морозова, Я.Г. Новикова, П.А. Огаркова, И.М. Полякова, Г.С. Савкина, И.П. Сапожникова, М.М. Тимофеева, В.И. Чалова, И.А. Челединова, Н.А. Чурбанова (22 человека) и полностью исключила оставшихся в списке-73 Н.И. Белокопытова, П.С. Водолагина, Е.И. Громозова, П.А. Дронникова (Дранникова), Ф.А. Зайчикова (Занчикова), М.А. Кириченко, Ф.К. Кислякова, П.А. Ковалева, И.Н. Колесникова, Д.Л. Котикова, И.К. Миронова, М.К. Муллена, С.Е. Новикова, И.П. Пенкина, В.З. Попова, Н.В. Попова, Я.[Г]. Семенова, М.Е. Симонова, Т.С. Ткачева, А.Я. Фастова, Н.М. Хохлова, П.Я. Чернецова, Н.С. Шарапова – 23 человека [5, д. 1, л. 8, 107–110; 11, с. 177–185].

Вместо исключенных И.Ф. Павлюков с товарищами добавили в «широкий актив» еще 15 человек – А.С. Абарбачука, А.В. Бабака, А. Андреева, Даниленко, А.Н. Данилова, П.А. Заривайко, И.Ф. Косякова, И.С. Локошоша, В.Г. Неделина, Николаенко, И.Г. Осокина, Плетнева, Татарченко, Н.С. Шарапова, Шмырева. В результате в «широком активе» оказалось 37 человек [5, д. 1, л. 8, 107–110; 11, с. 177–185].

Таким образом, московская «четверка» рекомендовала к награждениям и поощрениям список из 87 человек.

Письмо четырех, по всей видимости, произвело сильное впечатление в Сталингра-

де, поэтому руководитель «пятерки» профессор И.Г. Романов предложил царицынским ветеранам в Москве создать кружок и оказать всяческое содействие Сталинградской «пятерке» истпарта в написании истории революции и гражданской войны в Царицыне [5, д. 115, л. 149–149 об.].

Иначе отреагировал на письмо Сталинградский горсовет. 22 сентября 1932 г. его комиссия в составе С.Е. Пузанова, Т.М. Серегина, С.Е. Манюкова, А. Москаленко, М.А. Кириченко рассмотрела замечания московской «четверки» ветеранов и пришла к выводу, что делить актив на «узкий» и «широкий» нельзя. В связи с чем было предложено из всех представленных «четверкой» новых кандидатур проверить и рассмотреть вопрос о включении в актив дополнительно только А.П. Григорьева, П.Д. Землянского и П. Макеева и вывести из списка А.М. Кувардина, С.К. Минина, Г.Т. Гаврилова, И.И. Верцинского. Члены комиссии согласились с мнением И.Ф. Павлюкова и его товарищей, что А.С. Абарбарчук – активный профсоюзный работник, но никакого решения по его кандидатуре не приняли [5, д. 1, л. 69].

Вероятно, И.Ф. Павлюков, П.А. Синюков были обеспокоены тем, что их мнение не в полной мере учитывается как в определении актива Октябрьских событий, так и в ходе работ по написанию истории гражданской войны. Они инициировали общее собрание ветеранов-царицынцев в Москве и создали 19 октября 1932 г. при Всесоюзном обществе старых большевиков Московский кружок (землячество) ветеранов для содействия работе Сталинградского истпарта. Общее собрание рассмотрело и поддержало августовское письмо «четверки», за исключением информации о М.П. Батове, которого восстановили в составе актива. Помимо этого, собрание предложило наградной комиссии включить дополнительно в актив И.К. Якимовича, Я.А. Ходарева, Чванова, Лисунова, Лагатчина и Осадчего и отвести из актива, предложенного «четверкой», Ф.С. Попадьяина [5, д. 1, л. 39–40]. Затем на общем собрании 1 ноября 1932 г., буквально накануне празднования 15-й годовщины Октябрьской революции, общее собрание Московского кружка постановило вывести из списка активистов М.Е. Симо-

нова, Т.И. Козьмина, Я.Г. Семенова и А.В. Горликова, Н.В. Попова и подтвердить ввод в список А.К. Бормана [5, д. 1, л. 56, 81, 80].

Москвичи со своими предложениями явно запоздали. В сентябре – октябре 1932 г., по рекомендациям сталинградских ветеранов, с учетом наградного списка 1929 г. был сформирован список из 34 ветеранов – руководителей царицынских большевиков для награждений и размещения на виньетке. Сопоставление трех дошедших до нас списков актива из 34 человек обнаруживает, что начальный вариант наградного списка [5, д. 1, 105–105 об.] почти полностью совпадает с наградным списком [5, д. 123, л. 1–2] и списком для виньетки [11, с. 186–187]. Также как в 1929 г. в первую очередь к награждению предлагались руководители СССР и РККА И.В. Сталин, К.Е. Ворошилов, А.И. Егоров, Л.Л. Ключев, Д.П. Жлоба. Четверо из 34 кандидатов для награждения являлись молодыми героями гражданской войны, сложившими голову за Советскую власть: Ф.Н. Алябьев, Я.З. Ерман, Н.А. Руднев, И.В. Тулак. Сталинградская комиссия (списки-73 и 100) и Московский кружок одновременно поддержали 23 кандидатуры на награждение, но разошлись во мнениях относительно Т.И. Козьмина, В.С. Королева, И.И. Кучина, Н.В. Попова, Я.А. Ходырева. Московский кружок предлагал их убрать, а сталинградская наградная комиссия – оставить. В свою очередь московский кружок рекомендовал кандидатуры А.М. Мотькина, И.К. Нарцева, М.К. Муллена, Д.А. Павина, А.Н. Савиловой, С.И. Чеботарева, Ф.Т. Чекакина, но наградная комиссия с этим предложением не согласилась и эти кандидатуры отклонила. По настоянию Московского кружка из списка были удалены А.К. Выдрин, А.В. Горликов, П.И. Кошакин, а на их место в список включили чекистов А.К. Бормана и А.К. Червякова [5, д. 1, л. 8, 107–110; 11, с. 177–187].

К 7 ноября 1932 г. фотография с виньеткой была опубликована, и как видно из сопроводительных писем Сталинградского горсовета К.Е. Ворошилову, С.М. Буденному и другим, отослана всем помещенным на ней лицам. Членам Московского кружка фотографию привез командированный в Москву Т.М. Серегин [5, д. 1, л. 5, 63, 64, 65]. Москвичи остались недовольны результатом и на совещании

старостата 13 декабря 1932 г. И.Ф. Павлюкову было поручено добиваться доработки виньетки [5, д. 82, л. 79–79 об.]. В результате единственным знаменательным событием слал выход популярной брошюры И.Г. Романова и Н.Н. Соколова «Очерк истории революции в Царицыне (Сталинграде)» [9].

Дискуссия вокруг «виньетки» продолжилась жаркими спорами по поводу награждений в честь 15-летия создания РККА. Кандидатуры И.В. Сталина, К.Е. Ворошилова, С.М. Буденного, А.И. Егорова, И.И. Кучина, Л.Л. Ключева, Е.В. Щаденко, Д.П. Жлобы, Н.А. Худякова, по всей видимости, не обсуждались. Вспомнив погибших героев гражданской войны Я.З. Ермана, И.В. Тулака, Н.А. Руднева, Левченко, Ф.Н. Алябиева, московские кружковцы заявили о необходимости оказать их семьям материальную помощь. Вопрос о посмертном награждении героев они не поднимали. Кружковцы полностью поддержали предложение наградить орденом Красного Знамени И.Ф. Павлюкова, И.Ф. Левина, Т.М. Серегина, Г.Ф. Арзамасцева, А.Г. Шманова, М.Е. Симонова, И.И. Леонова, Н.В. Попова, К.Я. Федотова, А.И. Червякова, П.А. Синюкова, М.П. Батова, А.К. Бормана. По поводу упомянутых в списке-34 кандидатур Т.И. Козьмина, А.А. Чурсина, А.В. Горликова москвичи не сказали ни «да», ни «нет», однако предложили наградить орденом Красного Знамени И.К. Якимовича М.Ф. Крюкова и Г.А. Черневского, а ранее внесенных в список награждения орденом Красного Знамени И.Е. Родина, Я.А. Ходарева, В.З. Королева – наградить орденом Ленина. Одновременно они вывели из списка-34 претендентов на орден Красного Знамени В.В. Казакова, Б.А. Клеонскую и вместе с А.К. Выдриным, С.Е. Пузановым, А. Горбуновым, И.М. Морозовым, И.Н. Ткачевым, Лисуновым, А.Н. Савиловой, С.И. Чеботаревым, А.Т. Москаленко предложили их «просто поощрить». Москвичи, как видно из анализируемых документов, первыми предложили дифференцировать награждаемых на 3 категории: 1) к ордену Красного Знамени; 2) к ордену В.И. Ленина и 3) поощрить [5, д. 23, л. 174–179].

Тем временем в Сталинграде разразился скандал. Проживающие в городе ветераны революции и гражданской войны: Я.В. Паршков, А.К. Выдрин, В.З. Королев, Д.П. Твер-

дохлебов от себя лично и от имени С.И. Чеботарева, И.П. Сапожникова, А.Н. Савиловой, И.П. Изюмского, Т.М. Серегина, П.А. Агаркова заявили протест наградной комиссии из-за проведенного в ноябре 1932 г. «награждения» и образовали сталинградский кружок «Красных партизан». В их распоряжении оказался список из 40 якобы награжденных лиц, которых, по их мнению, никак нельзя считать героями и поощрять! Протестующие потребовали исправить допущенные ошибки и халатность, наградив достойных 23 февраля 1933 г. в 15-летие РККА [5, д. 23, л. 180–186, 188].

Анализ текста протеста кружка «Красных партизан» обнаруживает, что его авторы не были знакомы со списками 100, 73, 34 и портфолио-31, так как утверждали, что представленные комиссией в этих списках герои революции и гражданской войны будто бы не выдвигались сталинградской комиссией для награждения орденами. В нашем распоряжении имеется еще один наградной список на 78 человек, датированный 15 февраля 1933 г. – кануном празднования 15-й годовщины РККА (Прил. № 1). Здесь предлагалось наградить орденами Красного Знамени – 24 человек, Ленина – 6 человек, краевыми наградами – 40 и городскими – 10 человек. Можно было бы предположить, что в руки ветеранов попал перечень из 40 человек из этого списка, представленных к краевым наградам, поэтому они, не имея на руках других частей наградного списка, сочли величайшей несправедливостью, что их настоящих руководителей обошли. Однако анализ показывает, что это не так. Некоторые лица из этого перечня – 40 в ходатайстве упомянуты как «не выдвинутые» к награждению комиссией [5, д. 1, л. 102; д. 24, л. 1–2].

В попавшем в руки кружка «Красных партизан» списке-40, судя по прямым указаниям протестующих, находились 25 ветеранов, включение которых оспорили члены сталинградского кружка: А.М. Кувардин, Е.И. Громозов, В.И. Птицын, Е.С. Гордеенко, Н.С. Чуваков, Д.А. Скабелкин, И.Г. Боровиков, С.Е. Новиков, И.А. Челединова, Н.Ф. Андрейчук, Ф.И. Бражников, Д. Гермаш, А.Я. Фастов, Т.Г. Кирсанов, В.В. Лукин, А.М. Левандовский, С.Г. Генкин, А.А. Коротков, Е.С. Утин, А.Д. Алексеев, С.В. Семанович, З.Ф. Крутов, А.З. Трудов,

М.А. Каниманов. К ним следует прибавить Г.Ф. Арзамасцева, С.Е. Новикова, которые, по словам авторов протеста, «как члены комиссии выдвинули себя и внесли в список». За исключением «злоупотребивших», по мнению ветеранов – членов комиссии, властью членов комиссии все остальные – активные рядовые бойцы [5, д. 23, л. 180–188, 188]. Сделанное наблюдение позволяет высказать предположение, что в руки протестующих попал не этот список, а составленный И.Ф. Павлюковым и его товарищами перечень «широкого актива», и что именно он вызвал столь бурную реакцию. Поэтому споры разгорелись не вокруг руководящего, а вокруг среднего звена актива революционеров и защитников Царицына.

Протест привел к полной замене членов наградной комиссии. Судя по подписям на списке 15 февраля 1933 г., в нее вошли: Я.В. Паршков, Т.Ф. Серегин, И.П. Изюмский, В.З. Королев, И.К. Нарцев, С.И. Чеботарев, П.А. Агарков [5, д. 1, л. 102; д. 24, л. 1–2]. Чтобы разрядить обстановку, городские власти собрали 27 декабря 1932 г. ветеранов революции и гражданской войны на встречу воспоминаний, которая была тщательно запротоколирована и по итогам которой планировалось издать тезисы воспоминаний ветеранов [5, д. 73, 74, 80]. В процессе разбирательств была брошена тень на председателя Московского кружка ветеранов И.Ф. Павлюкова и его товарища П.А. Синюкова. Стало известно, что в протоколе заседаний Сталинградской «пятерки» от 27–28 июля 1917 г. имеется описка. Там было указано, что после того как большевистская фракция демонстративно покинула заседание Исп[олнительного] бюро в октябре 1917 г., на нем якобы остался И.Ф. Павлюков, который будто бы выступил с речью, осуждающей действия большевистской фракции [5, д. 82, л. 80]. Фамилии обоих кто-то сначала подчеркнул в наградном списке-34, а затем вымарал в копии этого списка [5, д. 24, л. 1–2; д. 123, л. 2]. Не случайно на старостате 2 декабря 1932 г. в Москве оба не присутствовали.

И.Ф. Павлюков специально ездил в Сталинград и с помощью ветеранов – свидетелей тех событий доказал, что не он, а Д.А. Павин в то время был оппортунистом. Иван Федосеевич добился, чтобы в протокол внесли исправление, а ему выдали оправда-

тельную справку [5, д. 82, л. 80]. Одновременно П.А. Синюков затеял бурную полемику с И.П. Чаловым по поводу, кто был прав, командуя красногвардейцами в боях гражданской войны [5, д. 1, л. 50–51].

В январе 1933 г. были подготовлены проекты постановлений за подписью председателя горсовета Богданова о награждении орденом Красного Знамени героев революции и гражданской войны. Комиссия, как свидетельствует проект документа, в целом поддержала предложение Сталинградского кружка. И.Ф. Павлюков и П.А. Синюков заняли в представлении достойные места. Однако вместо Г.А. Черневского, который в представлении не попал, орденом Красного Знамени решили наградить И.М. Морозова [5, д. 24, л. 146–147 об.; д. 115, л. 145–146 об.]. Полностью было принято предложение кружковцев о награждении орденом Ленина И.Е. Родина, В.З. Королева, Я.А. Ходарева, В.И. Казакова [5, д. 115, л. 145–145 об.].

10 февраля 1933 г. на Президиум Сталинградского горсовета был вынесен вопрос об обязательном согласовании наградного списка с Московским кружком ветеранов, но, судя по резолюции на выписке из протокола, вопрос с обсуждения был снят [5, д. 1, л. 64].

Наградной список 15 февраля 1933 г. включает 79 ветеранов. В отличие от ходатайства московских кружковцев и протеста сталинградских красных партизан, а также январских проектов 1933 г. постановления горсовета на награждение перечень награждаемых орденом Красного Знамени вновь открывали И.В. Сталин, К.Е. Ворошилов, С.М. Буденный, А.И. Егоров, Е.В. Щаденко. Представлявшиеся ранее к ордену Д.П. Жлоба, Н.А. Худяков должны были получить «краевую награду», а умерший И.И. Кучин и перешедший на преподавательскую работу в гражданский вуз Л.Л. Клюев в список вообще не попали. Не включили в наградной список и погибших в гражданскую войну Я.З. Ермана, И.В. Тулака, Н.А. Руднева, Левченко, Ф.Н. Алябиева. Составители списка учли предложение Московского кружка наградить орденом Красного Знамени комиссара И.К. Якимовича, но исключили из наградного списка предложенного москвичами М.Ф. Крюкова [5, д. 23, л. 187, 189–193].

Орденом Ленина кружковцы предлагали наградить И.Е. Родина, В.З. Королева, Я.А. Ходарева, В.И. Казакова. Составители списка-79 прибавили к ним С.Е. Пузанова, рекомендованного в ноябрьском 1932 г., и забытого всеми редактора газеты «Солдат Революции» Б.И. Магидова. По требованию Сталинградского кружка из наградного списка были исключены И.А. Челединов, А.Я. Фастов, А.В. Кувардин, Е.И. Громозов. В своем ходатайстве Московский кружок предложил поощрить Б.А. Клеонскую, А.К. Выдрину, С.Е. Пузанова, А. Горбунова, И.М. Морозова, И.Н. Ткачева, Лисунова, А.Н. Савилу, С.И. Чеботарева, А.Т. Москаленко. В анализируемом списке А.К. Выдрин, И.Т. Ткачев и И.М. Морозов попали в претенденты на орден Красного Знамени, С.Е. Пузанов – на орден Ленина. С.И. Чеботарев и А.Т. Москаленко в наградной список не попали. Б.А. Клеонскую, А. Горбунова, Лисунова и А.Н. Савилу в соответствии с просьбой московского кружка комиссия, подготовившая список-79, предложила поощрить местными наградами, а вместе с ними П.С. Водолагина, Т.С. Ткачева, В.И. Чалова, И.К. Нарцева, Н.А. Чурбанова, П.А. Огаркова, Д.Л. Котикова, Д.С. Кримбилова, И.М. Полякова, Д.А. Павина, Д.М. Дубинина, И.Е. Кузнецова, И.П. Сапожникова, М.А. Кириченко, П.А. Онула, М.К. Муллена, А.В. Горликова, Р.П. Тернового, Крачковского, А.Г. Григорьева, А.И. Сухова, Я.В. Сорокина, Брашкина, А.А. Чурсина – все из первомайского (1932 г.) наградного списка-100, а также ранее нигде не упоминавшихся Я.Г. Белоусова, Радич, Д.М. Германа, Д.П. Твердохлебова, В.А. Сергеева, Лебедева. К городским наградам комиссия представила упомянутых в первомайском списке 1932 г. И.Н. Колесникова, М.К. Кузьмина, В.З. Попова, П.А. Ковалева, Ф.К. Кислякова, Т.И. Козьмина и И.П. Пенкина, Н.С. Шарапова. Новыми лицами были только А.П. Костин и И.П. Твердохлебов [5, д. 23, л. 187, 189–193].

В февральский 1933 г. наградной список-79 не попали 30 человек из первомайского 1932 г. наградного списка-100: П.А. Дранников, бывший руководитель Царицынского истпарта Г.Т. Гаврилов, Я.Г. Семенов, Ф.Т. Чекасинов, Ф.А. Зайчиков, Г.С. Савкин, Н.М. Хохлов, Н.Ф. Арзамасцев, С.И. Чеботарев, И.К. Ми-

ронов, Я.Г. Новиков, М.М. Тимофеев, А.П. Костин, А.М. Мотькин, Ф.П. Кузнецов, П.Я. Черницов, Н.И. Белокопытов, П.И. Кошакин, А.Н. Короткий, И.И. Ворцынский, Вальчук, Г.А. Артёмов, С.В. Зеленский, Г.А. Чернявский, М.П. Дьячков, П.З. Чеснаков, Н.В. Харченко, А.Н. Воронков, Булаткин и Т.И. Дышловой. Сопоставление первомайского списка-100 (1932 г.) с февральским-79 (1933 г.) обнаруживает, что пополнение февральского списка в рубриках краевых и городских наград шло в основном за счет списка-100, точнее за счет не дошедшего списка виньетки-73 [5, д. 23, л. 187, 189–193; 11, с. 177–185].

В фондах Мемориального музея обороны Царицына хранится портфолио («виньетка») актива обороны Царицына, на котором помещено 129 человек! Фото датировано музейными работниками второй половиной 20-х – первой половиной 30-х гг. XX века. Подписи под портретами в большинстве случаев содержат фамилию и инициалы. Встречаются фамилии с одним или вообще без инициалов. В инициалах имеются ошибки. Некоторые фамилии помечены знаком «V». От фото А.В. Горликова черной тушью проведена стрелка к портрету П.А. Синюкова. Пометы свидетельствуют, что это не окончательный, а черновой снимок [6].

Сопоставление майского 1932 г. списка-100 с перечнем 129 лиц, помещенных на виньетке 1932 г., обнаруживает, что в последнем отсутствуют командир пулеметной роты Валчук или Войчук, И.И. Верцынский, А.Н. Воронков, М.П. Дьячков, А.Н. Короткий, Крачковский, А.В. Кувардин, С.К. Минин, Ф. Соболев, Ф.Т. Чекасинов, П.Я. Чернецов, П.З. Чеснаков, удаленные из последовавших за списком-100 перечней лиц, представленных для награждения или размещения на виньетке. Кандидатуры Я.Г. Белоусова, И.Ф. Елторенко, И.Ф. Кучмина, Б.И. Магидова, Малофеева, И.М. Морозова, А.А. Москаленко, Н.Г. Неделина, Ф.С. Попадьяна, А.С. Радича, И.С. Семенова, В.А. Скоробогатченко, И.Я. Смирнова, М.И. Сучкова, И.К. Якимовича ранее предлагались для награждения в спорах Московского и Сталинградского кружков, причем кандидатуры Я.Г. Белоусова и Б.И. Магидова появились в самый последний момент в феврале 1933 года. Имена И.И. Авдеева, А.И. Бо-

качева, П.М. Гетмана, П.И. Дыбенко, Х.А. Зеленского, И.Е. Калитвянского, И.К. Кожанова, С.С. Литвиненко, Ф.И. Лобачева, М. Лысенко, И.М. Мухоперца, И.У. Павлова, Х.М. Петушкова, Рудь, Стенягина, Н.К. Степанятова, М.[И.]. Филиппова, К.Г. Яблочкова в спорах о наградах и размещения на виньетке появились впервые [6]. Сделанное наблюдение позволяет высказать предположение, что новый «пространный» проект виньетки появился к 23 февраля 1933 г., стал своеобразным поощрением «широкого» актива и преследовал цель успокоить ветеранов. Примечательно, что ближайшие соратники и сотрудники С.К. Минина Т.Г. Гаврилов, Ф.Т. Чекасинов, Д.А. Павин, Б.А. Клеонская и др. явно оказались ущемлены в оценке их заслуг. На первые роли в ходе споров о наградах и поощрениях пытались выдвинуться Р.Я. Левин, И.Ф. Павлюков, П.А. Синюков, А.К. Борман, И.П. Изюмский, Т.М. Серегин, К.Я. Федотов, А.И. Червяков и др.

Проведенный анализ материалов Сталинградского истпарта начала 30-х гг. прошлого века о награждениях и поощрениях ветеранов Октябрьской революции и гражданской войны (1917–1922 гг.) позволяет выявить персоналии руководителей и активных борцов за Советскую власть. Перечень открывает возможность по-новому оценить дошедшие до нас воспоминания и использовать их в дальнейшей исследовательской работе. Тем более что, как показал проведенный нами анализ архивного фонда 346, большинство из этих воспоминаний, за редким исключением, остались неопубликованными или заменены воспоминаниями 50–80-х гг. XX века.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья написана в ходе реализации гранта РФФИ 2022–2023 гг., проект № 22-28-20018 «История революции и гражданской войны на Юге России (1917–1922 гг.) по документам Царицынского (Сталинградского) истпарта».

The article was written during the implementation of the Russian Science Foundation grant 2022–2023, project No. 22-28-20018 “History of the revolution and civil war in the South of Russia (1917–1922) according to documents of the Tsaritsyn (Stalingrad) Istpart.”

² Если в перечне лиц с именами и отчествами встречаются только инициалы, это означает, что имени и отчества человека установить не удалось.

ПРИЛОЖЕНИЕ

№ 1. 1933 г. 15 февраля. – Список активных участников Октябрьской революции, гражданской войны, организаторов партии, советов, Красной Армии, Красной гвардии гор[ода] Царицына–Сталинграда в 1917–[19]20 гг., составленный руководителями этих исторических событий на предмет представления к высшим, краевым и городским наградам

№	Фамилия Имя Отчество	Характеристика
К Орденоу Красного Знамени		
1	Сталин И[осиф] В[иссарионович]	Руководитель обороны Царицына, организатор 10-й армии и член Р[еволюционного] В[оенного] С[овета] К[расной] армии в 1918 г.
2	Ворошилов К[лимент] Е[фремович]	Один из организаторов обороны гор[ода] Царицын и первый командарм 10-й Красной Армии. 1918 г.
3	Буденный С[емен] М[ихайлович]	Организатор конного корпуса и командарм 1-й Конной армии. 1918–1919 гг.
4	Егоров [Александр Ильич]	2-й Командарм 10-й Красной армии. 1919 г.
5	Щаденко * ¹ [Ефим Афанасьевич]	Комиссар военного совета и Морозовско-Донецкой дивизии
6	Левин Р[увим] Я[ковлевич]	Один из руководителей большевистской организации гор[ода] Царицына в 1917 г. Председатель Исполкома С[овета] Р[абочих] С[олдатских] и К[рестьянских] Д[епутатов] в 1918 г. Председатель Парт[ийного] комитета ВКП(б)
7	Павлюков И[ван] Ф[едосеевич] * ²	Один из руководителей большевистс[кой] организации гор[ода] Царицына в 1917 г. Один из руководит[елей] Ре[волюционного] Ком[итета] в Октябрьский переворот
8	Борман А[льфред] К[арлович] * ³	Первый Председатель Ч[резвычайной] К[омиссии] гор[ода] Царицына
9	Изюмский И[ван] П[етрович]	Организатор Красной гвардии гор[ода] Царицына и 1-й Председатель Центрального Штаба. Лично руководил боевыми действиями красногвард[ейских] отрядов. 1917–1918 гг.
10	Серегин Т[имофей] М[ихайлович]	Тов[арищ] Председателя штаба обороны, один из руководителей обороны гор[ода] Царицына. 1917–1918 гг.
11	Паршков Я[ков] В[ладимирович]	Член уездного Совета Кр[естьянских] Депутатов, организатор Советов в уезде, организатор и командующий группы Красногвардейскими отрядами Иловлинского района
12	Шманов А[ндрей] Г[аврилович]	Председатель Казачьей секции, организатор боевых казачьих частей
13	Выдрин А[ким] К[узьмич]	Член первого созыва уездного Совета Крестьянских Депутатов, организатор красног[вардейски]х отрядов, н[ачальник] штаба красногвардейского отряда Иловлинского фронта 1918 г.
14	Ткачев [Иван Николаевич]	Активный участник обороны гор[ода] Царицына в 1918 г.
15	Морозов И[ван] М[аксимович]	Комиссар телеграфа 1918 г. Председатель Губисполкома
16	Якимович [Иван Константинович]	Комендант гор[ода] Царицына в 1918 г.
17	Червяков А[лександр] И[ванович]	Второй Председатель Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией в 1918 г.
18	Батов М[атвей] П[авлович]	Третий Председатель Центрального Штаба Кр[асной] гвардии в 1918 г.
19	Леонов И[осиф] И[ванович]	Начальник Штаба формирования Красной армии, Второй Председатель Центрального Штаба Красной Гвардии 1918 г.
20	Арзамасцев Г[еоргий] Ф[илиппович]	Член Штаба обороны и комендант гор[ода] Царицына, Член Революционного трибунала 1918 г.
21	Федотов К[онстантин] Я[ковлевич]	Первый Военный комиссар гор[ода] Царицына 1918 г.
22	Симонов [Михаил Ефимович]	Организатор Красной гвардии в Заволжском районе и военный комиссар гор[ода] Царицына 1919–1920 гг.
23	Синюков П[авел] А[лексеевич]	Зав[едующий] оружием Центрального Штаба Красной гвардии. Командир батальона имени «Царицынского Совета» 1917–1918 гг.
24	Попов Н[икита] В[асильевич]	Член Казачьей секции и Командир казачьей дивизии Штаба Оборон в 1918 г.

*¹ В тексте: «Щаденко.*² В тексте инициал ошибочно: «П».*³ В тексте инициалы И.П.

ИСТОРИЯ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ: ДОН И ПОВОЛЖЬЕ

№	Фамилия Имя Отчество	Характеристика
К Орденом Ленина		
1	Родин И[ван] Е[фремович]	Председатель Ю[го]-В[осточной] Ж[елезной] Д[ороги] Ревкома 1918 г.
2	Ходарев * ⁴ Я[ков] А[лексеевич]	Председатель Партийного Комитета 1917 г. Председатель гор[одского] продовольственного комитета гор[ода] Царицына 1918 г.
3	Королев В[лас] З[ахарович]	Член Парт[ийного] Комитета, организатор красногвардейских отрядов. Работник по снабжению 10-й армии продовольствием 1918 г.
4	Пузанов С[тепан] Ф[едорович]	Товарищ Председателя Центрального Штаба Красной Гвардии 1918 г.
5	Казаков Влад[имир В.]	Член Парт[ийного] Комитета. Активный участник обороны гор[ода] Царицына и организатор снабжения населения, армии в 1918 г.
6	Магидов [Борис Иосифович]	Редактор газеты «Солдат Революции», Начальник политического отдела 10-й Красной армии в 1918–1919 гг.
К краевым наградам		
1	[К]леонская * ⁵ [Бронеслава Абрамовна]	Секретарь Парт[ийного] комитета 1917–[19]18 гг.
2	Горбунов [А]	Солдат 155-го пехотного полка, активный участник Октябрьского переворота
3	Лисунов	Председатель Союза «Грузолес» 1918 г.
4	Савилова Алекс[андра] Никол[аевна]	Политработник Штаба Оборона, активный организатор Союза «Грузолес»
5	Дубинин [Дмитрий Михайлович]	Участник вооружения Красной Гвардии
6	Сапожников И[ван] П[авлович]	Активный работник по контролю над предприятиями 1918 г., красногвардеец
7	Огарков Петр Алексеевич	Член Парт[ийного] Комитета, один из организаторов Совета 1917–[19]18 гг.
8	Твердохлебов [Иван Петрович]	Один из организаторов Красной Гвардии гор[ода] Николаевска 1918 г.
9	Соломенцев Яков Иванович	
10	Павин Дмитрий Анисимович	Активный участник и организатор Красной Гвардии 1918 г. Председатель Губисполкома и ЧК 1920–1921 гг.
11	Нарцев И[ван] К[узьмич]	Председатель ж[елезно]д[орожного] Ревкома ст[анции] Волжская 1918 г.
12	Когиков Д[митрий] Л[ьвович]	Командир 1-го Никольского полка 1918 г.
13	Бастанов Г[авриил] Т[имофеевич]	Матрос-красногвардеец, активный участник в организации Красного флота
14	Чурбанов Н[иколай] А[ндреевич]	Полит[ический] комиссар в 1918 г., красногвардеец
15	Белоусов Я[ков] Г[еоргиевич]	Член 1-го созыва Царицынского совета. Зав[едующий] отделом и активный работник Парт[ийного] Комитета 1917–1918 гг.
16	Кузнецов И[ван] Е[фимович]	Активный работник по организации ж[елезно]д[орожных] рабочих и Ревкома ж[елезно]д[орожников]
17	Водолагин П[авел] С[тепанович]	Командир ж[елезно]д[орожного] красногвардейского отряда
18	Ткачев П[Тимофей] * ⁶ С[тепанович]	Член Н[ижне]-Чирского Ревкома 1918 г. и активный участник боев под станицей
19	Радич [А. С.]	Участник организации отрядов Заволжского района
20	Чалов В[асилий] И[ванович]	Начальник штаба Красной гвардии 1-го района и командир отряда в 1918 г.
21	Кримбилев (Крембилев) Д[митрий] С[идорович]	Участник обороны гор[ода] Царицына и организатор военнопленн[ых], беженцев, член Совета
22	Поляков И[ван] М[ихайлович]	Принимал активное участие в организации Красной Гвардии 2-го района 1918 г.
23	Онул П[авел] А[вторович]	3-й Товарищ председателя Штаба Оборона гор[ода] Царицына
24	Муллен [Матвей Кузьмич]	Секретарь Штаба оборона
25	Кириченко М[атвей] Андреевич	Секретарь Штаба оборона

*⁴ Правильно: Ходырев.

*⁵ Правильно: Клионская.

*⁶ Автор ошибочно указал неверный инициал. Таких случаев много. Правильно в квадратных скобках.

№	Фамилия Имя Отчество	Характеристика
К краевым наградам		
26	Козьмин (Кузьмин) Трефиль (Теофиль) И.	Секретарь Штаба обороны
27	Горликов А[ндрей Васильевич]	Председатель военной секции 1917–1918 гг. 2-й комендант города 1920 г.
28	Терновой	Организатор отдела снабжения Красной гвардии и Красной армии 1919 г.
29	Крачковский [Василий Васильевич]	Командир интернационального отряда в 1918 г.
30	Григорьев А[лександр Петрович]	Один из активных участников Обороны Царицына
31	Сухов А. И.	Активный участник по организации Морозовско-Донецкой дивизии
32	Сорокин Я[ков Васильевич]	Активный участник обороны Царицына в 1918–1918 гг.
33	Брашкин	Организатор Красногвардейских отрядов и участник на станции Ремонтной 1918 г.
34	Гермаш [Дмитрий А.]	Начальник артиллерии 1920 г.
35	Жлоба [Дмитрий Петрович]	Командир Стальной дивизии 1918–1919 гг.
36	Чурсин А.[А.]	Начальник Рупвода, активный участник обороны Царицына 1919 г.
37	Худяков [Николай Акимович]	Начальник 39-й дивизии, 10-й Красной Армии
38	Сергеев Вениамин Вениаминович	Инспектор артиллерии 10-й Армии 1919 г.
39	Лебедев	Командир части отряда Попова
40	Новиков С[емен Ефимович]	Командир отряда снабжения
К городским наградам		
1	Колесников И[ван] Н[азарович]	Активный участник по организации Ревкома на Ю[го]-В[осточной] ж[елезной] д[ороге] 1918 г.
2	Кузьмин М[ихаил] П[Кириллович] * ⁷	Помощник командира отряда, помощник командира батальона
3	Кастов	Участник и организатор Красной гвардии на Красном Октябре
4	Попов В[асилий] В[Захарович] * ⁷	Член ВЦКЗ, член Ревкома Нижне-Чирской станицы 1918 г.
5	Ковалев П[авел Андреевич]	Командир отряда и батальона
6	Шарапов М[Николай] * ⁷ С[еменович]	Секретарь Казачьей секции в 1918 г.
7	Костин А[лександр] П[авлович] * ⁸	Член штаба обороны 1918 г.
8	Кисляков Ф[едор] К[онстантинович]	Член Центрального Штаба Красной гвардии
9	Пенкин И. П.	Член Центрального штаба красной гвардии
10	Твердохлебов И[ван Петрович]	Член совета 1-го созыва гор[ода] Николаевска и командир отряда Красной Гвардии

*⁷ Автор ошибочно указал неверный инициал. Таких случаев много. Правильно в квадратных скобках.

*⁸ Имя, отчество зачеркнуты. Оставлены только инициалы.

Настоящий список заверяем:

ПОДПИСИ

1	Паршков [Я. В.]	Член уездного Совета Крестьянских Депутатов и командующий Красногвардейских отрядов Иловлинского фронта	
2	Серегин [Т. Ф.]	Тов[арищ] председателя Штаба Оборона	
3	Изюмский [И. П.]	Организатор Красной гвардии Царицына и Председатель Центрального штаба, командующий Красногвардейскими отрядами	Роспись
4	Королев [В. З.]	Организатор Красногвардейских отрядов. Член ВКП(б) с 1902 г.	
5	Нарцев И. К.	Председатель Ревкома Ю-В. ж.д.	
6	Чеботарев [С. И.]	Первый комиссар труда и председатель Губревкома	
7	Огарков [П. А.]	Член Партийного комитета 1917–[19]18 гг.	

Сталинград. 1933 г. 15/Ш.

Копия верна с подлинно[й]

Верно: Печать. Роспись (Серегин).

Документ напечатан на шести реставрированных по краям листах серой бумаги формата А4 на пишущей машинке, видимо, второй или третий экземпляр закладки. Читается плохо. Все подчеркивания при печати и крупный шрифт нами воспроизведены. Все иные подчеркивания, пометы и правки оговорены нами в сносках. Оригинальная пагинация помещена при печати в середине верхнего поля листа: «2–6». В верхнем правом углу листа сделанные простым карандашом старые пагинации: «187–192», «279–284» и действующая «187, 189–193». На последнем Л. 193 имеется зачеркнутый знак третьей старой пагинации: «152». На обороте все пять листов чисты. Заверяющая подпись Серегина написана фиолетовыми чернилами. Печать Сталинградского областного отделения архивного управления.

ГАВО. Ф. № 346. Испарт. Оп. № 1. Ед. хр. № 23. Л. 187, 189–193.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архивная справка ЦДНИВО для Энциклопедии Волгоградской области на основании дела // Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО). Ф. 113. Оп. 59. Ед. хр. 531. Л. 1–2.

2. Баранов А. В. «Троцкистская» оппозиция в контексте консолидации партийно-государственной элиты на юге России (1923–1924 гг.) // Гуманитарные и юридические исследования. 2019. № 1. С. 34–41.

3. Будченко Л. И., Болдырев Ю. Ф., Калашникова О. А., Копченова Е. Л., Филиппова А. П. Минин: портрет на фоне эпохи. Волгоград: ЦДНИВО, 2020. 204 с.

4. В боях за Царицын : сб. воспоминаний / подг. к печати Ю. А. Бондарева, В. Б. Мишина, Т. Н. Наumenko и Л. И. Новиков. Сталинград: Сталингр. кн. изд-во, 1959. 399 с.

5. Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Р-346. Сталинградская комиссия по сбору и обработке документальных материалов для написания истории Октябрьской революции и гражданской войны. Оп. № 1. Ед. хр. № 1-125.

6. Государственный историко-мемориальный музей-заповедник «Сталинградская битва». Фотография. Активные участники обороны Царицына 1917–1920 гг. № 9129603 КП (ГИК) МЗСБ КП № 3500. Инв. № 2386.

7. Личные дела И. Ф. Павлюкова // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 124. Оп. 1. Д. 1439; Оп. 5. Д. 14.

8. Революционный Сталинград: сб. ст. по истории гражданской войны и социалистического строительства в округе / сост. Н. А. Синеоков. Сталинград: Истпарт, 1930. 1-е изд. 64 с.; 2-е изд. 77 с.

9. Романов И., Соколов Н. Очерк истории революции 1917 года в Царицыне (Сталинграде). Саратов: Парт. изд-во Н.-В. краев. отд-ния, 1932. 104 с.

10. Список коммунистов Царицынской организации РКП(б) // ЦДНИВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3. Л. 2.

11. Тюменцев И. О. Герои революции и обороны Царицына в 1917–1918 гг. по версии Сталинградского истпарта // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2023. Т. 28, № 2. С. 172–190. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.2.15>

REFERENCE

1. Arhivnaja spravka CDNIVO dlja Enciklopedii Volgogradskoj oblasti na osnovanii dela [Archival

Information from the Center for Documentation of Contemporary History of the Volgograd Region for the Encyclopedia of the Volgograd Region Based On a Case]. *Centr dokumentacii novejshej istorii Volgogradskoj oblasti (CDNIVO)* [Center for Documentation of Contemporary History of the Volgograd Region], f. 113, inv. 59, dep. item 531, l. 1-2.

2. Baranov A.V. «Trotskistskaia» oppozitsiia v kontekste konsolidatsii partiino-gosudarstvennoi elity na iuge Rossii (1923–1924 gg.) [“Trotskyist” Opposition in the Context of the Consolidation of the Party-State Elite in the South of Russia (1923–1924)]. *Gumanitarnye i iuridicheskie issledovaniia* [Humanitarian and Legal Studies], 2019, no. 1, pp. 34-41.

3. Budchenko L.I., Boldyrev Iu.F., Kalashnikova O.A., Kopchenova E.L., Filippova A.P. *Minin: portret na fone epokhi* [Minin: A Portrait Against the Background of the Era]. Volgograd, CDNIVO, 2020. 204 p.

4. Bondarev Yu.A., Mishin V.B., Naumenko T.N., Novikov L.I., eds. *V boiakh za Tsaritsyn: sb. vospominaniy* [In the Battles for Tsaritsyn. Collection of Memoirs]. Stalingrad, Stalingr. kn. izd-vo, 1959. 399 p.

5. *Gosudarstvennyi arkhiv Volgogradskoi oblasti (GAVO). R-346. Stalingradskaya komissiya po sboru i obrabotke dokumental'nykh materialov dlya napisaniya istorii Oktyabrskoy revolyutsii i grazhdanskoy voyny* [State Archive of the Volgograd Region. R-346. Stalingrad Commission for Collecting and Processing Documentary Materials for Writing the History of the October Revolution and the Civil War], inv. 1, dep. item no. 1-125.

6. *Gosudarstvennyi istoriko-memorialnyi muzei-zapovednik «Stalingradskaja bitva». Fotografii. Aktivnye uchastniki oborony Tsaritsyna 1917–1920 gg.* [State Historical and Memorial Museum-Reserve “Battle of Stalingrad”. Photo. Active Participants in the Defense of Tsaritsyn 1917–1920], no. 9129603 KP (GIK) MZSB KP no. 3500, inv. no. 2386.

7. Lichnye dela I.F. Pavliukova [Personal Cases of I.F. Pavlyukova]. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsialno-politicheskoj istorii (RGASPI)* [Russian State Archive of Social and Political History], f. 124, inv. 1, d. 1439; inv. 5, d. 14.

8. Sineokov N.A., ed. *Revoliutsionnyi Stalingrad: sb. st. po istorii grazhdanskoi voiny i sotsialisticheskogo stroitelstva v okruge* [Revolutionary Stalingrad. Collection of Articles on the History of the Civil War and Socialist Construction in the District]. Stalingrad, Istpart, 1930. 1st ed. 64 p.; 2nd ed. 77 p.

9. Romanov I., Sokolov N. *Oчерк истории revoliutsii 1917 goda v Tsaritsyne (Stalingrade)* [Essay on the History of the Revolution of 1917 in

Tsaritsyn (Stalingrad)]. Saratov, Part. izd-vo N.-V. kraev. otd-niya, 1932. 104 p.

10. Spisok kommunistov Caricynskoj organizacii RKP(b) [List of Communists of the Tsaritsyn Organization of the RCP(b)]. *CDNIVO* [Center for Documentation of Contemporary History of the Volgograd Region], f. 1, inv. 1, d. 3, l. 2.

11. Tyumentsev I.O. Geroi revoliutsii i oborony Tsaritsyna v 1917–1918 gg. po versii Stalingradskogo

istparta [Heroes of the Revolution and Defense of Tsaritsyn in 1917–1918 According to the Stalingrad Istpart]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 2, pp. 172–190. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.2.15>

Information About the Author

Igor O. Tyumentsev, Doctor of Sciences (History), Professor, Chief Researcher, Federal Research Center the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Chekhov St, 41, 344006 Rostov-on-Don, Russian Federation; Chief Researcher, Volgograd Regional Research and Production Center on the Protection of Monuments of History and Culture, Kommunisticheskaya St, 19, 400005 Volgograd, Russian Federation; Professor, Department of History and International Relations, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, tijumencev@mail.ru, tijumencev@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8762-9308>

Информация об авторе

Игорь Олегович Тюменцев, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН, просп. Чехова, 41, 344006 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация; главный научный сотрудник, Волгоградский областной научно-производственный центр по охране памятников истории и культуры, ул. Коммунистическая, 19, 400005 г. Волгоград, Российская Федерация; профессор кафедры истории и международных отношений, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, tijumencev@mail.ru, tijumencev@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8762-9308>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.2.7>

UDC 94(47+57):355.691.31
LBC 63.3(2)621-2

Submitted: 21.08.2023
Accepted: 17.11.2023

CAPITAL CONSTRUCTION IN THE USSR RIVER TRANSPORT INDUSTRY BY THE GREAT PATRIOTIC WAR (THE VOLGA STEAMSHIP LINES CASE)

Olesya A. Gomanenko

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article is about capital construction in the Volga River transport industry at the beginning of the Great Patriotic War. In the mid-1930s, the Upper, Middle, and Lower Volga autonomous steamship lines were organized. At that time and up until the beginning of World War II, infrastructure facilities were intensively erected in the Volga river transport industry. *Methods and materials.* The study is based on objective principles and applies general scientific as well as specific historical methods. Research is done using archival materials. *Analysis.* In the second half of the 1930s, the material base of the Volga steamship lines was reconstructed. Capital construction in river transport included new shipbuilding, major fleet repairs, the building of pier facilities, and the acquisition of equipment. The goal of the study is to establish the capital investments in the Volga Steamship Lines and the general situation of capital construction in the river transport industry. The planned and actual data before the Great Patriotic War are considered in detail. *Results.* Capital construction in the Soviet river transport industry (the Volga included) in the second half of the 1930s suffered from interruptions, underfinancing, shortages of building materials, and bad planning. For those reasons, many construction projects got delayed. Besides, the outdated equipment of river transport needed a larger investment to be renovated, as it was much inferior to that of railway transport. All of that affected the work of the Volga Steamship Lines at the beginning of the Great Patriotic War.

Key words: river transport, Volga, capital construction, capital investments, World War II.

Citation. Gomanenko O.A. Capital Construction in the USSR River Transport Industry by the Great Patriotic War (The Volga Steamship Lines Case). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 2, pp. 81-90. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.2.7>

УДК 94(47+57):355.691.31
ББК 63.3(2)621-2

Дата поступления статьи: 21.08.2023
Дата принятия статьи: 17.11.2023

КАПИТАЛЬНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО НА РЕЧНОМ ТРАНСПОРТЕ СССР К НАЧАЛУ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (НА ПРИМЕРЕ ВОЛЖСКИХ ПАРОХОДСТВ)

Олеся Александровна Гоманенко

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В статье рассматривается капитальное строительство на волжском речном транспорте на начало Великой Отечественной войны. В середине 1930-х гг. на Верхней, Средней и Нижней Волге были организованы самостоятельные речные пароходства. В этот период вплоть до Второй мировой войны активно велись стройки на различных объектах волжской речной инфраструктуры. *Методы и материалы.* Статья основывается на принципах объективности, историзма с использованием общенаучных и специальных исторических методов. Исследование базируется на архивных материалах. *Анализ.* Во второй половине 1930-х гг. происходила реконструкция материальной базы волжских пароходств. Капстроительство на речном транспорте включало в себя постройку нового флота, а также его капремонт; строительство пути и связи; возведение береговых объектов; приобретение инвентаря. Цель настоящей статьи заключается в выяснении уровня капвложений в развитие волжских пароходств и состояния в целом капитального строитель-

ства на речном транспорте. Подробно рассматриваются плановые и фактические показатели капиталовложений накануне Великой Отечественной войны. *Результаты.* Капитальное строительство на речном транспорте СССР, в том числе волжском, во второй половине 1930-х гг. характеризовалось перебоями и недостаточными объемами финансирования, просчетами планирования, нехваткой стройматериалов. По этим причинам затягивались многие стройки на предприятиях волжских пароходств. Кроме того, требовались более значительные капитальные вливания для обновления устаревшей материально-технической базы речного транспорта, который значительно отставал от железнодорожного. Все это отразилось на работе волжских пароходств в начальный период Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: речной транспорт, Волга, капитальное строительство, капитальные вложения, Вторая мировая война.

Цитирование. Гоманенко О. А. Капитальное строительство на речном транспорте СССР к началу Великой Отечественной войны (на примере волжских пароходств) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 2. – С. 81–90. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.2.7>

Введение. Во второй половине 1930-х гг. для увеличения объемов речных перевозок, в том числе волжским транспортом, необходима была коренная реконструкция как флота, так и берегового хозяйства. Общей проблемой для всего речного транспорта СССР являлась изношенность подвижного состава. В волжских пароходствах в большинстве своем суда были деревянные и выше предельного возраста постройки (1880–1890-х гг.). Развитие портово-пристанского хозяйства по сравнению с флотом протекало еще медленнее. Например, в 1934–1935 гг. доля капвложений на строительство и модернизацию речных портов и пристаней СССР составила 7,5 % (53 млн рублей) [1, с. 136]. Это в свою очередь увеличивало разрыв между провозной способностью флота и пропускной способностью портов и пристаней. Не все, даже крупные, причалы пароходств Волги были достаточно механизированы. Часть имевшегося оборудования была устаревшей и маломощной, особенно в условиях наращивания перевозок. Несмотря на медленные темпы, портово-пристанское хозяйство волжского речного транспорта развивалось в трех основных направлениях. Первое касалось строительства всех береговых сооружений (портов, пристаней, причалов, складов и др.). Второе направление было связано с созданием портовой механизации, третье – с совершенствованием организации погрузочно-разгрузочных работ. Но для этого необходимы были значительные капвливания.

Капиталовложения в системе Наркома-та водного транспорта (НКВТ) СССР прохо-

дили через отделы капстроительства речных пароходств. Строительные отделы пароходств имели свои участки и хозяйственным способом (кроме судостроения) руководили возведением объектов берегового и гидротехнического капитального строительства. Цель исследования – выяснить уровень капиталовложений и состояние капитального строительства в волжских пароходствах на начало Великой Отечественной войны.

Методы и материалы. Исследование основывается на принципах объективности, историзма. В работе применялись общенаучные методы исследования, а также специальные исторические (историко-генетический, историко-сравнительный, историко-системный). Источниковой базой являются неопубликованные делопроизводственные документы из Российского государственного архива экономики, Государственного архива РФ, Центрального архива Нижегородской области, посвященные капитальному строительству на речном транспорте, в том числе в Верхневолжском, Средневолжском и Нижневолжском пароходствах. Историография представлена общими исследованиями о деятельности речного транспорта во второй половине 1930-х – начале 1940-х гг., а также научными статьями о реорганизации работы волжского речного флота в этот период и капстроительстве на Нижней Волге [1; 4–6; 16].

Анализ. Капитальное строительство в речных пароходствах состояло из четырех основных видов. К первому относилась постройка нового флота, а также капремонт судов, оборудования, верфей, мастерских. Вторым

видом (до 1937 г.) было строительство пути и связи, включающее и проектно-изыскательные работы. С 1937 г. путевые хозяйства, входившие ранее в состав пароходств, перешли в созданное Центральное управление речных путей с бассейновыми управлениями пути НКВТ. Береговое строительство составляло третий вид капстроительства. К нему относилось новое оборудование (с монтажом), промышленные здания, вокзалы, склады, социальные и бытовые объекты, механизация погрузочно-разгрузочных работ и капитальный ремонт. Четвертый вид капиталовложений приходился на покупку инвентаря и другие работы [8, л. 1].

Все хозяйственные объекты пароходств имели свои технические группы капстроительства. За исключением нового судостроения и ремонта флота остальное строительство велось хозспособом. Проекты, сметы и лимиты передавались пароходствам в рамках титульных списков, утвержденных центральными управлениями речного транспорта (ЦУРТ) НКВТ. Верхневолжское (ВВРП), Средневолжское (СВРП) и Нижневолжское (НВРП) пароходства входили в Волжско-Камское ЦУРТ. В 1939 г. в составе уже Наркомата речного флота (НКРФ) волжские пароходства вошли в Московско-Волжско-Камское Центральное управление речного флота (МВКЦУРФ).

Выделявшиеся пароходствам кредиты направлялись напрямую руководителям пристаней, заводов, затонов. Начальники этих хозяйственных объектов несли полную ответственность за освоение средств. Строительные отделы пароходств вели технический контроль за целевым и своевременным освоением кредитов, а также осуществляли перспективное планирование. Помимо строительных групп при хозяйственных единицах были организованы самостоятельные стройучастки для работ, находившихся вне границ территорий этих объектов (заводов, пристаней, затонов).

На программу работ по строительству и приобретениям для пароходств (вместе с централизованным судостроением) отводились средства преимущественно по линии Промышленного банка (Промбанк) и частично через Коммунальный банк (Комбанк). Кроме того, вкладывались собственные оборотные средства пароходств, минуя спецбанки. Че-

рез Промбанк осуществлялось финансирование судостроения, строительство гидротехнических сооружений, мастерских и верфей и др., а также капремонт флота, гидротехнических и береговых сооружений. В этот период 40 % всех капиталовложений шли на постройку нового флота [5, с. 75]. Комбанк ассигновал средства в основном на жилищное и культурно-бытовое строительство. В связи с увеличением объема строительных работ на речном транспорте СССР в апреле 1936 г. Отдел капстроительства был реорганизован в Центральное строительное управление НКВТ, которому подчинялись наиболее крупные строительные тресты.

Наибольшие плановые капиталовложения среди трех волжских пароходств, образованных в 1934 г., приходились на пароходства Верхней и Нижней Волги. В среднем в 1934 г. это составляло по 23 млн рублей, что в 1,8 раза меньше, чем для СВРП. Следует отметить, что всю вторую половину 1930-х гг. вплоть до начала Великой Отечественной войны ежегодные планы капвложений по Верхневолжскому пароходству оставались примерно одинаковыми (по 22 млн рублей), в отличие от «качелей» на других волжских пароходствах. По факту ВВРП в среднем каждый год осваивало около 18,5 млн рублей. К примеру, капстроительство по ВВРП в 1937 г. было выполнено на 85,4 % (18,8 млн рублей) [2, л. 9–9 об.; 7, л. 1; 9, л. 32–32 об.]. Пароходство Верхней Волги справилось с заданием по судостроению, а также строительству портов и пристаней. Невыполнение плана по капитальным вложениям пришлось в основном на жилищное строительство.

Средневолжское пароходство при ежегодных средних плановых показателях в 13,5 млн рублей осваивало капроботы на 12 млн рублей. Максимальные вложения по СВРП пришлось на 1935 и 1936 гг. (примерно по 17 млн рублей). С 1937 г. инвестиции в средневолжский речной транспорт упали на 30 % (до 12 млн рублей). По отношению к 1936 г. фактическое строительство по СВРП сократилось в два раза [13, л. 61; 14, л. 42–42 об.].

На Нижней Волге самые большие капвливания среди всех волжских пароходств в довоенный период (46 млн рублей) пришлось на 1935 г. [10, л. 39]. В связи с крупными строи-

ками в НВРП инвестиции были в два раза выше, чем по ВВРП, и в 2,6 раза больше, чем по СВРП. По этой причине средние ежегодные плановые и фактические показатели по капстроительству (около 27 млн рублей) на протяжении второй половины 1930-х гг. на Нижней Волге были самыми высокими среди остальных волжских пароходств. Но уже в 1936 г. капитальное строительство в НВРП упало на четверть, а в 1937 г. – на половину от уровня 1935 г. [4, с. 33–34]. Однако в 1937 г. капвложения по Нижневолжскому пароходству оставались самыми высокими по сравнению с ВВРП и СВРП.

На протяжении всего предвоенного периода волжский речной транспорт испытывал серьезные проблемы с планированием и финансированием объектов строительства. Спускаемые сверху задания зачастую были нереализуемы и менялись по несколько раз за год. Фактически пароходства не имели возможности выполнять подготовительные работы к новому строительству, включая техническую документацию. Управления пароходств самостоятельно составляли планы, исходя из предполагаемого финансирования, которое поступало с опозданием и не в полной мере. Поэтому планы по капроботам (особенно ввода объектов в эксплуатацию) оставались недовыполненными. Например, из-за нехватки строительных материалов и кредитов в 1937 г. средства на заявленное медико-санитарное строительство НВРП так и не получило [4, с. 34]. По этим причинам стройки часто замораживались, так как невозможно было выполнить полномасштабные работы. Перебои с поступлением средств из Промбанка в свою очередь были связаны и с тем, что пароходства не могли полностью и вовремя внести амортизационные отчисления. Амортизация, являвшаяся основным источником финансирования капстроительства, обычно вносилась в четвертом квартале. Однако этих отчислений уже не хватало, чтобы ликвидировать задолженность по судостроительным заводам из других регионов. Промбанк в первую очередь покрывал именно эти долги.

В 1938 г. капиталовложения в Средневолжское пароходство уменьшились в 1,6 раза (до 7,5 млн рублей). С планом СВРП справилось на 86 % (6,5 млн рублей). Сократились все

виды капробот, в том числе и капитальный ремонт флота, составлявший самую большую долю [15, л. 29–29 об.]. План капстроительства по нижневолжскому речному транспорту в 1938 г. был понижен в 2,4 раза по сравнению с 1937 годом. Задание НВРП выполнило на 83,3 % (9,5 млн рублей) [11, л. 3, 23, 42]. По береговому строительству пароходство Нижней Волги справилось на 81 %, по флоту – на 84,5 %. Внелимитное строительство тоже упало и было реализовано на 78 % [4, с. 35].

С заданием капитального строительства 1939 г. ВВРП справилось на 85 % (17,1 млн рублей), причем лимиты и титульные списки строительства менялись неоднократно (более 10 раз). Финансирование в течение года проходило относительно удовлетворительно. Капвложения во флот составили около 8 млн рублей (90 % от плана). Задание берегового капстроительства было выполнено на 83 % (9 млн рублей) [21, л. 186–187]. В следующем 1940 г. план берегового строительства ВВРП также менялся несколько раз и составил около 9 млн рублей [20, л. 111].

Половина работ в 1939 г. приходилась на строительство Горьковского порта с грузовыми причалами (4,2 млн рублей) [3, л. 5 об.]. При этом его сметная стоимость была на 40 % выше задания. Поэтому в территориальном плане НКРФ в 1939 г. наибольшие инвестиции среди других объектов Поволжья пришлось на Горьковскую область (20,1 млн рублей), что в полтора раза меньше, чем по Сталинградскому региону (14 млн рублей). Фактическая доля капитальных вложений по Поволжью в 1939 г. составила 18,3 % от всех инвестиций по НКРФ СССР [6, с. 39].

Капвливания по НКРФ СССР в 1939 г. (329,2 млн рублей) сократились на 17 % относительно предыдущего года. В 1940 г. за счет судостроения они возросли на 46 % (к 1939 г.) и 21 % (к 1938 г.). Всего за последние три года капитальные вложения в речной транспорт СССР составили 1 195,2 млн рублей (табл. 1) [12, л. 4]. За восемь лет (1933–1940 гг.) капроботы по речному флоту составили около 3 млрд рублей, треть из них поступила на судостроение. Инвестиции возрастали ежегодно до 1936 г., после чего пошли на спад (табл. 2). Несмотря на увеличившиеся вливания в 1940 г., это произошло за счет стро-

ительства нового флота. Однако инвестиции в судостроение в этом случае были на уровне 1937 г. [18, л. 26].

Таким образом, в 1940 г. капиталовложения по НКРФ в среднем составили 353,0 млн рублей (не считая внелимитные и прочие вливания), из которых половина шла на строительство нового флота (табл. 3) [12, л. 4; 17, л. 63–64]. Собственные судостроительные предприятия НКРФ для МВКЦУРФ в 1940 г. построили четыре газохода (мощностью 360 л. с.), 2 ед. буксирного флота (300 л. с.) и 100 деревянных сухогрузных барж (грузоподъемностью 34 750 т). Заводы Наркомата тяжелой промышленности (НКТП) для МВКЦУРФ возвели столько же газоходов и одну металлическую наливную баржу (4 000 т). Ни одной единицы грузопассажирского флота не было спущено. Всего судостроение заводов НКРФ за 1940 г. построило 52 самоходные единицы мощностью 8 250 л. с. и 524 ед. несамоходного флота с тоннажем 199 460 тонн. Предприятия НКТП для НКРФ спустили 19 паровых судов мощностью 7 100 л. с. и столько же непаровых с тоннажем 7 590 т [17, л. 67–67 об.]. Общее количество речных судов в целом увеличилось. Мощность самоходного флота СССР в 1940 г. составила 805,8 л. с. (в том числе 473,0 л. с. буксирного); грузоподъемность несамоходного – 6 020,0 тыс. т (в том числе 4 379,0 тыс. т сухогрузного и 1 641,0 тыс. тонн наливного) [19, л. 2а].

К этому времени развитие водного транспорта сильно отставало от железнодорожного. Удельный вес речного флота в общей работе транспортной системы СССР за вторую половину 1930-х гг. существенно снизился. Если в 1932 г. доля железнодорожного транспорта в грузообороте составляла 77,5 %, а речного – 11,5 %, то в 1937 г. – уже 82 и 7,6 % соответственно [16, с. 138]. Капиталовложения в водный транспорт были недостаточными, а с 1938 г. существенно понизились. С одной стороны, это связано было с окончанием капстроительства ряда объектов парокондуктов. С другой стороны, рост индустриальных грузов требовал соответствующего нового флота и пристанского хозяйства, которые не были приспособлены в полной мере к перевозке и переработке (перегрузке) таких грузов. Кроме того, начало Второй мировой войны еще

больше затормозило инвестиции в речной флот, в частности в пользу военного судостроения. Так, если в 1939 г. план капвложений по Верхневолжскому речному пароходству составлял около 20 млн рублей, то в 1941 г. – на 37 % меньше [18, л. 99–101; 21, л. 186–187].

Первоначально объем капремонт на 1941 г. по НКРФ был установлен на сумму 548,4 млн рублей. В связи с военными действиями часть строительства приостановилась. Кроме того, из-за передачи трех заводов Наркомату судостроительной промышленности (НКСП) годовой план капремонт по этим заводам (12,8 млн рублей) также перебрасывался на НКСП. Таким образом, уточненный план НКРФ на 1941 г. составил 535,6 млн рублей, а по сумме планов четырех кварталов – 359,5 млн рублей. За 1941 г. годовой план был выполнен примерно на 42,9 % (около 230 млн рублей) и на 64 % от суммы четырех кварталов (табл. 4) [18, л. 133–134].

Выполнение плана по сверхлимитным стройкам составило 35,5 % (по осуществлявшемуся строительству), а по временно приостановленным стройкам – 30,9 % к годовому плану. Начало войны, неудовлетворительное снабжение строительными материалами, недостаток рабочей силы – все это не могло не сказаться на итоговых показателях капитальных работ по НКРФ. В свою очередь, это тормозило ввод в эксплуатацию законченных объектов строительства [18, л. 133–134]. Московско-Волжско-Камское центральное управление речного флота, к которому относились волжские пароходства, освоило годовой план капремонт 1941 г. на 40,8 % (43,9 млн рублей) (табл. 5) [18, л. 148].

На судостроение НКРФ приходилось около половины от всех видов капремонт, по МВКЦУРФ – 56 % (25,3 млн рублей). Если по плану ввода в действие новых самоходных судов в 1941 г. предполагалось закончить постройку 222 ед. мощностью 29 550 л. с., то по факту ввели в эксплуатацию в 2,6 раза меньше (86 ед.). По МВКЦУРФ – это три судна (1 650 л. с.). Несамоходных судов по НКРФ было построено в 1,6 раза ниже планируемого – 484 ед. грузоподъемностью 206 000 т (по тоннажу в два раза меньше). Около 14 % нового непарового флота пришлось на МВКЦУРФ (67 ед. грузоподъемностью

39 400 т) [18, л. 148, 151–152]. Но нужно учитывать, что в 1941 г. в эксплуатацию на Волге вводился флот, строившийся еще в 1937–1940 годах. По ВВРП, СВРП и НВРП – это семь из 30 таких судов [18, л. 147].

Плановые капитальные работы по волжским пароходствам в 1941 г. сократились, особенно по ВВРП. Половина капвложений приходилась на судостроение и восстановительный ремонт. Выполнение плана капитального строительства на 1 сентября 1941 г. по Верхневолжскому и Нижневолжскому пароходствам соответствовало общему итоговому показателю по НКРФ в 42 %. В Средневолжском пароходстве неучтенным осталось временно приостановленное строительство, поэтому показатель выполнения плана крайне низкий (11 %). В итоге при плане капробот по ВВРП в 12,5 млн рублей факт составил 5,2 млн рублей. По НВРП из 9,4 млн рублей освоено было 4,1 млн рублей, по СВРП из 5,6 млн рублей – десятая часть (622,2 тыс. рублей) (табл. 6) [18, л. 99–101].

Результаты. Таким образом, на протяжении второй половины 1930-х гг. капитальное строительство в речных пароходствах, в том числе волжских, сталкивалось с рядом трудностей. Одна из главных проблем заключалась в том, что для наращивания объемов перевозок требовалась полномасштабная модернизация обветшавшей материальной и технической базы водного транспорта. Для этого необходимы были соответствующие весомые капиталовложения. Другая проблема заключалась в недочетах планирования, когда плановые показатели постоянно менялись. Имевшееся финансирование происходило с перебоями, что влекло за собой недоста-

ток строительных материалов, удорожание и затягивание строек.

Если на протяжении 1930-х гг. на Волгу приходилась треть всех перевозок речным транспортом, то к 1940 г. – уже 22 %. С навигации 1940 г. наблюдалось снижение темпов перевозок. Это происходило не только по волжским пароходствам, но и по всей стране. Накануне Великой Отечественной войны модернизация речного транспорта совсем замедлилась в пользу военного судостроения. В итоге к началу войны речной транспорт сильно отставал в своем развитии от железнодорожного. Это в свою очередь отразилось на его работе в начальный период войны и затянуло перестройку на военный лад, что особенно коснулось Нижневолжского пароходства.

В навигацию 1941 г. грузоперевозки по волжским пароходствам (кроме Средней Волги) существенно понизились, как и в целом по НКРФ. Сократилось и пассажирское сообщение. Однако доля перевезенных волжскими пароходствами пассажиров по СССР возросла с 33 % в 1940 г. до 42 % в 1941 г., что было связано с начавшейся эвакуацией. Навигация 1941 г. заканчивалась в трудных условиях. Так, на пристанях Нижней Волги скопилось свыше полумиллиона эвакуированных человек. Первая военная навигация показала неготовность водного транспорта к работе в экстремальных условиях. Война требовала увеличения перевозок, в том числе военных, и переработки большого количества грузов. Однако флот и портово-пристанское хозяйство не были достаточно развиты для того, чтобы быстро приспособиться к условиям войны. В результате переход на военные рельсы затянулся вплоть до Сталинградской битвы.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1. Капиталовложения по НКРФ СССР за 1938–1940 гг., млн руб. (сметная стоимость)

Table 1. Capital investments of the People’s Commissariat of the River Fleet (the NKRF of the USSR) in 1938–1940, mln rubles (estimated value)

Капиталовложения	1938 г.	1939 г.		1940 г.		Итого за 1938–1940 гг.
		План	Факт	План	Факт	
Всего	358,0	284,0	233,4	451,1	347,0	938,4
В том числе судостроение	141,5	121,3	99,4	208,7	161,7	402,6
Внелимитные	37,8	16,5	19,2	22,9	21,3	78,3
Прочее	–	87,6	76,6	118,3	111,9	178,5
<i>Итого</i>	395,8	388,1	329,2	592,3	480,2	1 195,2

Таблица 2. Капитальные работы и приобретения по НКРФ СССР за 1933–1940 гг., млн руб. (фактическая стоимость)

Table 2. Capital works and acquisitions of the NKRF of the USSR in 1933–1940, mln rubles (actual value)

Год	Всего *	В том числе судостроение	В том числе внелимитные (с 1936 г.)	Внеплановые
1933	275,9	101,2	–	–
1934	297,8	108,2	–	–
1935	383,3	150,0	–	–
1936	446,3	217,2	12,5	–
1937	370,1	164,9	17,4	6,0
1938	386,4	138,5	32,4	–
1939	262,5	98,1	21,1	–
1940	374,8	160,4	21,6	3,7
<i>Итого</i>	2 797,1	1 138,5	105,0	9,7

Примечание. * – за 1939 и 1940 гг. указаны капвложения без учета капитального ремонта флота.

Note. * – for 1939 and 1940, capital investments are indicated without taking into account the overhaul of the fleet.

Таблица 3. Выполнение плана капитальных работ по НКРФ СССР и МВКЦУРФ на 1 января 1941 г. по оперативным сводкам, млн руб. (сметная стоимость)

Table 3. Execution of the capital works plan of the NKRF of the USSR and the Moscow-Volga-Kama Central Directorate of the River Fleet as of January 1, 1941, according to situation reports, mln rubles (estimated value)

Показатели	План	Факт	% выполнения
Всего по НКРФ*	451,1	360,7	80,0
В том числе по МВКЦУРФ	56,0	42,1	75,1
В том числе судостроение по НКРФ	208,7	172,8	82,8
В том числе по НКРФ восстановительный ремонт флота	14,6	10,1	69,1
В том числе по НКРФ строительство портов и пристаней	25,7	20,1	79,1

Примечание. * – без учета внелимитных и прочих капвложений.

Note. * – excluding non-limit and other capital investments.

Таблица 4. Выполнение годового плана капитального строительства по НКРФ СССР за 1941 г., млн руб.

Table 4. Execution of the annual capital construction plan of the NKRF of the USSR in 1941, mln rubles

Вид капитальных работ	План	Факт	% выполнения
Судостроение и восстановительный ремонт флота	251,2	122,5	48,8
Береговое строительство	284,4	107,5	37,8
В том числе жилищное культурно-бытовое строительство	28,4	14,0	49,3
<i>Итого</i>	535,6	230,0	42,9

Таблица 5. Выполнение плана капитального строительства по центральным управлениям речного флота НКРФ СССР за 1941 г., тыс. руб.

Table 5. Execution of the capital construction plan of the Central Directorates of the River Fleet in 1941, thousand rubles

Центральные управления речного флота	План	Факт	В том числе:			% выполнения
			судостроение	восстановительный ремонт флота	береговое строительство	
Московско-Волжско-Камское	107 594,0	43 890,1	25 344,0	2 442,0	16 105,0	40,8
Северное	116 019,0	44 237,0	24 219,0	3 186,0	16 832,0	38,1
Южное	48 825,0	23 457,0	19 991,0	525,0	2 941,0	48,0
Восточное	79 239,5	42 204,0	27 239,0	509,0	14 456,0	53,3
Всего по НКРФ	535 616,9	225 171,0	106 090,0	7 286,0	111 795,0	42,0

Таблица 6. Выполнение годового плана капстроительства по ВВРП, СВРП и НВРП на 1 сентября 1941 г., тыс. руб.

Table 6. Execution of the annual capital construction plan of the Upper, Middle, and Lower Volga Steamship Lines as of September 1, 1941, thousand rubles

Пароходство	План	В том числе по строившимся объектам			Факт на 01.09.1941	В том числе по строившимся объектам			% выполнения
		судостроительный и восстановительный ремонт	береговое строительство	по временно приостановленному береговому строительству и судостроению		судостроительный и восстановительный ремонт	береговое строительство	по временно приостановленному береговому строительству и судостроению	
ВВРП	12 490,0	8 012,0	3 478,0	1 000,0	5 184,0	4 061,8	815,2	307,0	41,5
СВРП	5 643,6	2 793,4	2 850,2	—	622,2	297,2	325,0	—	11,0
НВРП	9 345,7	4 495,7	2 850,0	2 000,0	4 113,6	2 704,0	617,5	792,1	44,0
<i>Итого</i>	27 479,3	15 301,1	9 178,2	30 000,0	9 919,8	70 630,0	1 757,7	1 099,1	36,1

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Амусин М. Д. Речной транспорт в период завершения социалистической реконструкции народного хозяйства СССР (1933–1937 годы). М.: Речной транспорт, 1963. 238 с.
2. Годовой отчет ВВРП по капвложениям. 1937 г. // Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 1631. Оп. 7. Д. 262. 117 л.
3. Годовой отчет по капвложениям Горьковского речного порта ВВРП за 1939 г. // ЦАНО. Ф. 1631. Оп. 7. Д. 653. 88 л.
4. Гоманенко О. А. Капитальное строительство на речном транспорте во второй половине 1930-х гг. (на примере Нижневолжского речного пароходства) // Войны в истории. Генезис, предпосылки, причины международных военных конфликтов в истории. Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени : сб. материалов Одиннадцатой Международ. конф. молодых ученых и специалистов «Clio-2021». М.: Полит. энцикл., 2021. С. 32–35.
5. Гоманенко О. А. Промышленные предприятия речного транспорта Нижней Волги во второй половине 1930-х годов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2022. Т. 27, № 1. С. 71–79. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.1.6>
6. Гоманенко О. А. Реорганизация работы водного транспорта СССР во второй половине 1930-х годов (на примере волжских речных пароходств) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2019. № 2 (59). С. 36–42. DOI: <https://doi.org/10.21672/1818-510X-2019-59-2-036-042>
7. Объяснительная записка к годовому отчету ВВРП по капвложениям. 1937 г. // ЦАНО. Ф. 1631. Оп. 7. Д. 263. 316 л.
8. Объяснительная записка к отчету ВВРП по капвложениям за 1935 г. // Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 7458. Оп. 1. Д. 2385. 61 л.
9. Отчет ВВРП по капвложениям за 1937 г. // РГАЭ. Ф. 7458. Оп. 1. Д. 4250. 82 л.
10. Отчет НВРП по капвложениям за 1936 г. // РГАЭ. Ф. 7458. Оп. 1. Д. 3566. 49 л.
11. Отчет НВРП по капвложениям. 1938 г. // РГАЭ. Ф. 7458. Оп. 1. Д. 4924. 42 л.
12. Отчет НКРФ по основной (эксплуатационной) деятельности за 1940 г. // РГАЭ. Ф. 9469. Оп. 2. Д. 422. 111 л.
13. Отчет СВРП по капвложениям за 1936 г. // РГАЭ. Ф. 7458. Оп. 1. Д. 3561. 193 л.
14. Отчет СВРП по капвложениям за 1937 г. и объяснительная записка к нему. Т. 2. // РГАЭ. Ф. 7458. Оп. 1. Д. 4272. 71 л.

15. Отчет СВРП по капвложениям. 1938 г. // РГАЭ. Ф. 7458. Оп. 1. Д. 4920. 61 л.
16. Речной транспорт за 50 лет Советской власти. М.: Транспорт, 1967. 335 с.
17. Сводные отчеты по капитальному строительству НКРФ за 1940 г. // РГАЭ. Ф. 9469. Оп. 2. Д. 11. 69 л.
18. Сводные отчеты по капитальному строительству НКРФ за 1941 г. // РГАЭ. Ф. 9469. Оп. 2. Д. 15. 153 л.
19. Сводный отчет по учету ущерба, причиненного немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками, хозяйству НКРФ СССР. 1944 г. // Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-7021. Оп. 2. Д. 356. 49 л.
20. Титульные списки по капвложениям и пояснительная записка к ним ВВРП. 1940 г. // ЦАНО. Ф. 1631. Оп. 7. Д. 713. 114 л.
21. Эксплуатационный отчет ВВРП. 1939 г. // ЦАНО. Ф. 1631. Оп. 7. Д. 571. 190 л.

REFERENCES

1. Amusin M.D. *Rechnoj transport v period zavershenija socialisticheskoj rekonstrukcii narodnogo hozjajstva SSSR (1933–1937 gody)* [River Transport in the Final Stage of the USSR Economy Reconstruction (1933–1937)]. Moscow, Rechnoj transport Publ., 1963. 238 p.
2. Godovoj otchet VVRP po kapvlozhenijam. 1937 g. [The Annual Report on the Capital Investments of the VVRP in 1937]. *Centralnyj arhiv Nizhegorodskoj oblasti (CANO)* [Central Archive of the Nizhny Novgorod Region (CANNR)], f. 1631, inv. 7, d. 262. 117 l.
3. Godovoj otchet po kapvlozhenijam Gorkovskogo rechnogo porta VVRP za 1939 g. [The Annual Report on the Capital Investments in the Gorky River Port of the VVRP in 1939]. *CANO* [CANNR], f. 1631, inv. 7, d. 653. 88 l.
4. Gomanenko O.A. Kapitalnoe stroitelstvo na rechnom transporte vo vtoroj polovine 1930-h gg. (na primere Nizhnevolzhskogo rechnogo parohodstva) [The Capital Construction in the River Transport in the Second Half of the 1930s (The Case of the Lower Volga Steamship Line)]. *Vojny v istorii. Genезis, predposylki, prichiny mezhdunarodnyh voennyh konfliktov v istorii. Istoricheskie dokumenty i aktualnye problemy arheografii, istochnikovedenija, rossijskoj i vseobshhej istorii novogo i novejshego vremeni: sb. materialov Odinnadcatoj Mezhdunar. konf. molodyh uchenyh i specialistov «Clio-2021»* [Wars in History. The Genesis, Preconditions and Causes of International Military Conflicts in History. Historical Documents and Current Problems of Archaeography, Source Studies, Russian and World History in the Modern Era. Proceedings of the Eleventh International Conference

of Young Researchers and Specialists “Clio-2021”]. Moscow, Polit. encikl., 2021. pp. 32-35.

5. Gomanenko O.A. Promyshlennye predpriyatija rechnogo transporta Nizhnej Volgi vo vtoroj polovine 1930-h godov [Water Transport Industrial Establishments in the Lower Volga in the Latter Half of the 1930s]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 1, pp. 71-79. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.1.6>

6. Gomanenko O.A. Reorganizacija raboty vodnogo transporta SSSR vo vtoroj polovine 1930-h godov (na primere volzhskih rechnyh parohodstv) [Reorganization of the USSR Inland Water Transport in the Second Half of the 1930s (The Case of the Volga Steamship Lines)]. *Kaspijskij region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture], 2019, no. 2 (59), pp. 36-42. DOI: <https://doi.org/10.21672/1818-510X-2019-59-2-036-042>

7. Obyasnitelnaja zapiska k godovomu otchetu VVRP po kapvlozhenijam. 1937 g. [Explanatory Note to the Annual Report of the VVRP on the Capital Investments in 1937]. *CANO* [CANNR], f. 1631, inv. 7, d. 263. 316 l.

8. Obyasnitelnaja zapiska k otchetu VVRP po kapvlozhenijam za 1935 g. [Explanatory Note to the Report of the VVRP on the Capital Investments in 1935]. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv ekonomiki (RGAE)* [Russian State Archive of Economy (RSAE)], f. 7458, inv. 1, d. 2385. 61 l.

9. Otchet VVRP po kapvlozhenijam za 1937 g. [Report of the VVRP on the Capital Investments in 1937]. *RGAE* [RSAE], f. 7458, inv. 1, d. 4250. 82 l.

10. Otchet NVRP po kapvlozhenijam za 1936 g. [Report of the NVRP on Capital Investments in 1936]. *RGAE* [RSAE], f. 7458, inv. 1, d. 3566. 49 l.

11. Otchet NVRP po kapvlozhenijam. 1938 g. [Report of the NVRP on Capital Investments in 1938]. *RGAE* [RSAE], f. 7458, inv. 1, d. 4924. 42 l.

12. Otchet NKRF po osnovnoj (eksploatacionnoj) dejatel'nosti za 1940 g. [NKRF of the USSR Report on the Operational Activity in 1940]. *RGAE* [RSAE], f. 9469, inv. 2, d. 422. 111 l.

13. Otchet SVRP po kapvlozhenijam za 1936 g. [Report of the SVRP on Capital Investment in 1936]. *RGAE* [RSAE], f. 7458, inv. 1, d. 3561. 193 l.

14. Otchet SVRP po kapvlozhenijam za 1937 g. i obyasnitel'naja zapiska k nemu. T. 2. [Report of the SVRP on Capital Investment in 1937 and the Explanatory Note on That. Vol. 2.]. *RGAE* [RSAE], f. 7458, inv. 1, d. 4272. 71 l.

15. Otchet SVRP po kapvlozhenijam. 1938 g. [Report of the SVRP on Capital Investment in 1938]. *RGAE* [RSAE], f. 7458, inv. 1, d. 4920. 61 l.

16. *Rechnoj transport za 50 let Sovetskoj vlasti* [River Transport for 50 Years of Soviet Power]. Moscow, Transport, 1967. 335 p.

17. Svodnye otchety po kapitalnomu stroitel'stvu NKRF za 1940 g. [Summary Reports on the NKRF of the USSR Capital Construction in 1940]. *RGAE* [RSAE], f. 9469, inv. 2, d. 11. 69 l.

18. Svodnye otchety po kapitalnomu stroitel'stvu NKRF za 1941 g. [Summary Reports on the NKRF of the USSR Capital Construction in 1941]. *RGAE* [RSAE], f. 9469, inv. 2, d. 15. 153 l.

19. Svodnyj otchet po uchetu ushherba, prichinnogo nemecko-fashistskimi zahvatchikami i ih soobshhnikami, hozjajstvu NKRF SSSR. 1944 g. [The Summary Report on Accounting of the Damage Caused by Fascist Aggressors and Their Accomplices, to Economy of NKRF USSR. 1944]. *Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii* [State Archive of the Russian Federation], f. 7021, inv. 2, d. 356. 49 l.

20. Titulnye spiski po kapvlozhenijam i pojasnitelnaja zapiska k nim VVRP. 1940 g. [Itemized Lists of Capital Investments and an Explanatory Note on Them by the VVRP]. *CANO* [CANNR], f. 1631, inv. 7, d. 713. 114 l.

21. Eksploatacionnyj otchet VVRP. 1939 g. [The Operational Report of the VVRP in Navigation of 1939]. *CANO* [CANNR], f. 1631, inv. 7, d. 571. 190 l.

Information About the Author

Olesya A. Gomanenko, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Pedagogy, Psychology and Social Work, Volgograd State University, Prosp. Universitetskij, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, gomanenko@volsu.ru, gomanenko.olesya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9178-1145>

Информация об авторе

Олеся Александровна Гоманенко, кандидат исторических наук, доцент кафедры педагогики, психологии и социальной работы, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, gomanenko@volsu.ru, gomanenko.olesya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9178-1145>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.2.8>

UDC 94(470.45):642.5“1944/1947”

LBC 63.3(2P-4Вор)631-2

Submitted: 05.07.2023

Accepted: 15.11.2023

COMMERCIAL TRADE IN THE SYSTEM OF PUBLIC CATERING OF THE STALINGRAD REGION IN 1944–1947

Andrei V. Lunochkin

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. Introduction. The article deals with the creation and development of a commercial trade system in public catering in the city of Stalingrad and the Stalingrad region at the end of the Great Patriotic War and in the first post-war years. **Methods.** In this study, historical-descriptive (idiographic), historical-genetic, and historical-comparative methods, as well as quantitative methods, were used in the examination of newspaper sources. **Analysis and results.** In order to replenish the budget and meet the demand of the population, already in the spring of 1944, free trade in alcoholic beverages began in the canteens of Stalingrad. In the spring and summer of 1945, the first restaurants and commercial halls at canteens opened in the city. The opening of commercial tea houses in the system of state and cooperative trade became widespread in early 1946 after the decrees of the USSR government were issued. This process took place in the face of an acute shortage of inventory, kitchen equipment, and utensils. A feature of Stalingrad was the complete lack of premises for new catering establishments. As a rule, commercial tea houses were opened at or instead of existing canteens. Since a significant part of the products for commercial tea houses were purchased from collective farms and the population at market prices, the cost of even the simplest dishes was 8–10 times higher than in ration canteens. Procurement of products occurred with difficulty due to the priority of mandatory supplies of agricultural products to the state. After the drought in 1946, even commercial tea houses and restaurants limited the sale of bread. At the same time, there was a second wave of the establishment of commercial restaurants and cafes. In 1947, commercial canteens with a small selection of dishes appeared, occupying a middle position between restaurants and tea houses. Having completed the task of attracting funds from the population, commercial catering enterprises, at the same time, did not become centers for cultural leisure. Most of the teahouses were located in adapted premises that needed repair and were poorly maintained. The assortment of dishes was not maintained, and violations of technology and theft by workers flourished. Most of the profits came from the sale of purchased goods, primarily alcoholic beverages.

Key words: public catering, commercial trade, restaurants, tea houses, canteens, Stalingrad, Stalingrad region, 1944–1947.

Citation. Lunochkin A. V. Commercial Trade in the System of Public Catering of the Stalingrad Region in 1944–1947. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 2, pp. 91–101. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.2.8>

УДК 94(470.45):642.5“1944/1947”

ББК 63.3(2P-4Вор)631-2

Дата поступления статьи: 05.07.2023

Дата принятия статьи: 15.11.2023

КОММЕРЧЕСКАЯ ТОРГОВЛЯ В СИСТЕМЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ПИТАНИЯ СТАЛИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ В 1944–1947 ГОДАХ

Андрей Валентинович Луночкин

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается создание и развитие системы коммерческой торговли в общественном питании г. Сталинграда и Сталинградской области в конце Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы. В целях пополнения бюджета и удовлетворения спроса населения уже весной 1944 г. в столовых Сталинграда началась свободная торговля спиртными напитками. Весной – летом 1945 г. в городе

открылись первые рестораны и коммерческие залы при столовых. Массовый характер открытие коммерческих чайных в системе государственной и кооперативной торговли приобрело в начале 1946 г. после выхода постановлений правительства СССР. Этот процесс происходил в условиях острой нехватки инвентаря, кухонного оборудования и посуды. Особенностью Сталинграда было полное отсутствие помещений для новых предприятий общепита. Как правило, коммерческие чайные открывались при существующих столовых или взамен их. Поскольку значительная часть продуктов для коммерческих чайных закупалась у колхозов и населения по рыночным ценам, стоимость даже самых простых блюд была в 8–10 раз выше, чем в пайковых столовых. Заготовка продуктов происходила с трудностями из-за приоритета обязательных поставок сельхозпродукции государству. После засухи 1946 г. даже в коммерческих чайных и ресторанах была ограничена продажа хлеба. В это же время прошла вторая волна создания коммерческих ресторанов и кафе. В 1947 г. появились коммерческие столовые с небольшим набором блюд, занявшие среднее положение между ресторанами и чайными. Выполнив задачу привлечения средств населения, коммерческие предприятия общепита в то же время не стали центрами проведения культурного досуга. Большинство чайных находились в приспособленных, нуждающихся в ремонте помещениях, содержались плохо. Ассортимент блюд не выдерживался, процветали нарушения технологии и воровство продуктов работниками. Большая часть прибыли получалась от торговли покупными товарами, в первую очередь алкогольными напитками.

Ключевые слова: общественное питание, коммерческая торговля, рестораны, чайные, столовые, Сталинград, Сталинградская область, 1944–1947 годы.

Цитирование. Луночкин А. В. Коммерческая торговля в системе общественного питания Сталинградской области в 1944–1947 годах // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 2. – С. 91–101. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.2.8>

Введение. Введение коммерческой торговли в общественном питании СССР в конце Великой Отечественной войны стало одной из примет возвращения страны к мирной жизни. Качественные блюда, хорошая посуда, приятная обстановка в ресторанах и чайных отвечали запросам уставшего от войны населения. Речь шла не только об улучшении питания, но и о возможности культурного проведения досуга. Еще одной причиной введения коммерческих начал в общественном питании было стремление государства привлечь денежные средства, скопившиеся во время войны на руках у населения, в том числе и в сельской местности. Сталинград и область относились к числу регионов, наиболее пострадавших от войны. В городе находился многочисленный контингент строителей и рабочих, не имевших собственного жилья и семьи. Значение общественного питания для социальной сферы Сталинграда в силу этого было больше, чем в других городах.

Надо отметить, что исследователей в основном привлекает организация коммерческой торговли в магазинах. Деятельность «Обсоторга», в чьем ведении она и находилась, рассмотрена в небольшой статье Е.Д. Твердюковой [30]. Коммерческой торговле продовольствием в Ленинграде посвящена статья

А.С. Бизина [3], организации торговли на Дальнем Востоке – работа Л.А. Дударь [7]. Едва ли не единственной работой, специально посвященной деятельности коммерческих чайных, является статья С.В. Журавлева. Он подробно проследил, как обсуждалась и изменялась идея создания коммерческого общепита в правительстве, обратил внимание на основные достижения и проблемы этого типа предприятий. По его мнению, организуя коммерческую торговлю, государство пыталось конкурировать с выросшим за военное время негосударственным сектором экономики [8, с. 297].

Целью настоящей статьи является изучение процесса становления и развития системы коммерческого общественного питания в Сталинградской области в послевоенное время. На этом примере можно выяснить результативность государственной политики в этом направлении, расширить наше представление о восстановлении экономики и социальной жизни Нижнего Поволжья.

Методы и материалы. В настоящем исследовании применялись историко-описательный, историко-генетический, историко-сравнительный методы, а также количественные методы при изучении материалов периодической печати. Использованы неопубликованные источники из фондов Государственно-

го архива Волгоградской области (ГАВО): Р-3648 «Областное управление торговли исполнительного комитета Сталинградского областного совета депутатов трудящихся» (далее – облторготдел), Р-3436 «Управление торговли Волгоградского городского совета народных депутатов Министерства торговли РСФСР» (гортторготдел), Р-2866 «Сталинградский городской трест столовых, ресторанов и кафе Сталинградского городского управления торговли» (трест столовых), Р-2882 «Ресторан “Волга” Сталинградского городского треста столовых, ресторанов и кафе», Р-4179 «Волгоградский областной союз потребительских обществ» (облпотребсоюз). В них отложились документы текущего делопроизводства – приказы народных комиссариатов (наркоматов) и министерств торговли РСФСР и СССР, решения Сталинградских областного и городского Советов депутатов трудящихся и их исполнительных комитетов, приказы и распоряжения областного и городского отделов торговли, директора городского треста столовых, отчеты этих организаций и результаты проверки деятельности отдельных предприятий общественного питания. Использовались также материалы периодической печати (областной газеты «Сталинградская правда»). Это объявления об открытии коммерческих чайных и ресторанов, статьи, фельетоны и критические заметки об их работе.

Анализ. Ранее всего в Сталинграде началась коммерческая торговля спиртными напитками на розлив. С марта 1944 г. в семи столовых (по одной в каждом районе) посетители, получая блюда по карточкам, могли свободно купить водку, вино, пиво и брагу [13, л. 43]. Начинание оказалось очень прибыльным. За 1944 г. только предприятиями треста столовых было реализовано спиртных напитков на 5 053 тыс. руб. из общего товарооборота 18 903 тыс. руб. [23, л. 7]. С 5 июня 1944 г. на дебаркадере речного вокзала начал работать первый в послевоенном Сталинграде ресторан. Транзитные пассажиры могли купить здесь обед без карточек по командировочному удостоверению (хлеб, правда, выдавался по карточкам). В ресторане продавались и винно-водочные изделия по коммерческим ценам [13, л. 162]. Осенью 1944 г. с окончанием навигации ресторан закрылся, но в ноябре этого года

уже работал ресторан «Интурист», который могли посещать и советские граждане [10, с. 182].

Первый опыт коммерческой торговли оказался успешным, и в 1945 г. она стала быстро развиваться. Уже в марте приказом наркома торговли СССР регионам были установлены задания по коммерческой продаже мороженого. Сталинградская область должна была произвести и реализовать 190 т мороженого, из которых 110 т приходились на г. Сталинград [27, л. 9]. В городах области, на станциях железных дорог и речных пристанях, как и до войны, появились лотки и павильоны, предлагавшие сладкое лакомство. Стограммовый стаканчик сливочного мороженого стоил 14 руб., молочного с наполнителем 12 руб., молочного 10 руб. и фруктового 8 руб. [17, л. 27].

Седьмого апреля 1945 г. вышло распоряжение Совета народных комиссаров (СНК) СССР об открытии в Сталинграде коммерческого магазина и ресторана 1-го разряда до 25 июня 1945 года. Для подготовки к открытию и руководству их деятельностью была учреждена Сталинградская контора Главсобрторга при наркомате торговли СССР [14, л. 50]. Областные власти определили для ресторана место на первом этаже разрушенного Центрального универмага, но там требовалось капитальное восстановление. Временно, до окончания реконструкции универмага, ресторан, получивший название «Волга», разместили на дебаркадере речного вокзала [14, л. 18]. После окончания навигации ресторан перешел в помещение бывшего кафе «Метро» [29, 1945, 23 дек.]. Расположенное ниже уровня земли в склоне Центральной набережной, оно было одной из достопримечательностей довоенного Сталинграда. Коммерческие рестораны и буфеты открывались и на вокзалах железных дорог. Постановление СНК СССР от 23 апреля 1945 г. предусматривало открытие ресторана на станции Сталинград-I в срок до 25 августа [14, л. 55]. Он расположился во временном деревянном здании вокзала, поскольку от довоенного остались только развалины. Буфет разместили в уцелевшем левом крыле старого вокзала [27, л. 28].

Поскольку из-за высоких цен и малой вместимости рестораны не могли существенно повлиять на ситуацию с общественным питанием, Сталинградскому тресту столовых была поставлена задача к 20 августа открыть

«общедоступные столовые по продаже без продовольственных карточек горячих, холодных блюд, водки и водочных изделий и других алкогольных напитков» по коммерческим ценам. На самом деле открывались не новые столовые, а коммерческие залы при существующих. Такие отделы открылись при девяти самых крупных столовых [29, 1945, 25 авг.]. К блюдам, реализуемым по коммерческим ценам, производилась продажа хлеба без карточек в размере 50 г на порцию. Трест столовых смог перевыполнить задание и дополнительно к указанным открыл коммерческую продажу при столовой № 25 Баррикадного района. Еще в трех столовых была открыта продажа водки и винно-водочных изделий. Нужно отметить, что цены на водку решениями правительства постоянно снижались. С 12 июня 1945 г. цена 0,5 литра водки в предприятиях общепита составила 125 рублей, в августе она была понижена до 90 рублей [17, л. 39, 76].

Настоящий перелом в развитии коммерческого общепита произошел после выхода постановления СНК СССР от 30 декабря 1945 г. «Об открытии коммерческих чайных в городах, рабочих поселках и районных центрах». Правда, областная газета еще 14 декабря известила читателей о том, что городской отдел торговли собрался организовать «общественные чайные»: «В них можно будет получить по дешевой цене сладкий горячий чай, бутерброды, булочки». Две такие чайные намечалось открыть в Кировском районе, по одной – в Ворошиловском, Красноармейском и Ерманском районах [29, 1945, 14 дек.]. Постановление правительства изменило эти планы. Теперь, помимо чая и холодных закусок, в чайных должны были предлагать посетителям горячие блюда, кондитерские изделия, а также алкогольные напитки. Цены в них должны были быть в среднем на 10 % ниже, чем в ресторанах Особторга, а на холодные и горячие закуски и кулинарные изделия – на 20 % ниже. За небольшую плату (1 рубль за каждую услугу) работники чайной могли разогреть пищу, принесенную с собой, и даже приготовить несложные блюда и закуски из продуктов посетителя. Чайные должны были стать не просто местом потребления пищи, но и центрами культурного отдыха. В них должны были иметься газеты, журналы, патефон с набором пластинок и ра-

диоготочка. Продукты для коммерческих чайных было разрешено закупать у местных колхозов, колхозников и других граждан «по складывающимся ценам после выполнения ими обязательных государственных поставок», то есть по рыночным ценам [25, л. 34].

Согласно этому постановлению и решению исполнительного комитета областного Совета депутатов трудящихся (далее обласполком. – А. Л.) от 9 января 1946 г., в первом полугодии 1946 г. облторготдел должен был открыть 10 чайных: к 1 апреля – три в Сталинграде, по одной в городах Камышине, Урюпинске и Фролово, а также в райцентрах Суровикино и Палласовке. К 1 июня 1946 г. должны были открыться чайные в райцентрах Нижней Добринке и Ременниково [25, л. 33]. Правда, вскоре планы были скорректированы. Вместо чайных в Суровикино и Палласовке предстояло открыть еще две в Сталинграде [26, л. 5].

22 марта 1946 г. вышло постановление Совета министров СССР «Об организации коммерческих чайных в системе потребительской кооперации», нацелившее и потребкооперацию на массовое открытие чайных в сельской местности. Облпотребсоюз должен был в срок до 20 апреля открыть чайные в 22 районах области, а до 15 мая – в остальных 18 районах [25, л. 10].

Для оснащения новых коммерческих чайных наркоматом торговли СССР было выделено для Сталинградской области значительное количество остродефицитных инвентаря и оборудования: 300 чайников для чая, 6 самоваров, 300 столовых ложек, 500 вилок, 2 000 глубоких и 3 135 мелких тарелок, 300 пар чашек с блюдами, 40 комплектов для специй (горчичница, перечница и солонка), 4 кипятильника, 5 радиоприемников, «по мере поступления от промышленности» должны были быть поставлены и патефоны [15, л. 8].

Большой проблемой, особенно для разрушенного Сталинграда, стал поиск помещений для новых чайных. Из 5 чайных, предполагавшихся к открытию в городе в начале 1946 г., готовое помещение имелось только для одной. Тем не менее трест столовых собирался в дополнение к чайным развернуть в первом полугодии 1946 г. сеть из 7 коммерческих закусочных на районных колхозных рынках [24, л. 113–114].

В результате принятых мер первые две чайные в Сталинграде открылись уже в начале января 1946 года. Для быстроты они были созданы при существующих столовых в Кировском и Краснооктябрьском районах [12, л. 28]. После открытия навигации 1946 г. ресторан «Волга» вернулся из здания довоенного «Метро» на дебаркадер речного вокзала, а в освобожденном помещении открылась чайная № 24 треста столовых. В июле 1946 г. в системе треста столовых Сталинграда работали уже 9 коммерческих чайных и 4 закусочных [29, 1946, 7 июля]. Открылись в срок и первые чайные в городах области. Так, чайная в Урюпинске открылась уже 3 января 1946 г. (в помещении бывшего кафе) [6, л. 58]. Успешная работа руководства Сталинградского облторготдела по открытию коммерческих чайных была отмечена в приказе министра торговли РСФСР от 10 июля 1946 г. [15, л. 23].

С чайными облпотребсоюза дело обстояло не так хорошо. Системе потребкооперации не хватало средств и ресурсов, чтобы сразу открыть четыре десятка чайных по всей области. 22 мая 1946 г. вопрос о чайных облпотребсоюза обсуждался на заседании облисполкома. К этому времени были открыты 20 чайных из 22 запланированных к открытию к 20 апреля, и всего 10 из 18, которые нужно

было открыть к 15 мая [26, л. 17]. Руководство потребкооперации вняло строгому предупреждению и увеличило усилия по открытию чайных. В результате к декабрю 1946 г. в области работало уже 66 коммерческих чайных облпотребсоюза. Правда, всего 14 из них были открыты заново, остальные использовали помещения бывших столовых [2, л. 40, 58].

В мае 1946 г. был возрожден городской парк культуры и отдыха на левом берегу Волги (Бакалда). Для обслуживания отдыхающих ресторан Особторга «Волга» открыл там отдел с горячими и холодными закусками и обедами, а также два ларька с холодными закусками [22, л. 31]. Трест столовых также открыл на Бакалде 4 стола для продажи «полного ассортимента коммерческих чайных» [20, л. 29]. Коммерческие буфеты открывались и на станциях железных дорог. В феврале 1946 г. в конторе Дорресторана числились головные буфеты на ст. Сталинград-I, Филоново, Котельниково, Камышин, и линейные на ст. Бекетовка, Кривая Музга, Арчеда, Иловля, Себряково, Ильмень, а также буфет в аэропорту [6, л. 29].

Поскольку значительная часть продуктов для коммерческих чайных закупалась на рынке, цены даже на простые блюда были там намного выше пайковых. Для примера можно привести таблицу 1 [1, л. 12].

Таблица 1. Меню-прейскурант чайной № 16. Сталинград, сентябрь 1946 г.

Table 1. Menu-price list of tea house No. 16. Stalingrad, September 1946

Наименование блюда	Цена, руб.	Выход, гр.	Наименование блюда	Цена, руб.	Выход, гр.
Чай парами с сахаром	2	20	Яйца всмятку	5-00	1 шт.
Чай стаканами	1	10	Первое блюдо		
Буфетные товары			Суп рисовый с мясом	9-00	22/550
Печенье Волжское	8-00	100	Суп рисовый молочный	9-00	550
Конфеты Атракцион	30-00	100	Щи с мясом	9-00	22/550
Конфеты Новинка	15-00	100	Второе блюдо		
Хлеб 95 %	1-10	100	Котлета мясная рубленая	12-00	98/125
Вино-водочные			Битки рубленые	12-00	98/125
Наливка алчевая	13-50	100	Отварное мясо	12-00	75/125
Водка горькая	12-50	100	Рагу из баранины с рисом	16-00	75/125
Шампанское	132	1 бут.	Барашек жареный с рисом	20-00	68/125
Холодные закуски			Яичница натуральная	10-00	В тексте пробел
Котлеты с гарниром	12-00	90/80	Яичница со свежими помидорами	10-00	180
Отварное мясо	12-00	68/80	Омлет с помидорами	10-60	175
Бутерброд с икрой	7-00	70	Молоко натуральное	2-70	200
Салат из свежих помидор	1-90	100	Арбуз	1-80	180
Яйца вареные	5-00	1 шт.	Дыня	1-80	115

В небольших городах области ассортимент чайных был скромнее, как можно видеть из таблицы 2 [6, л. 137].

Самый скромный обед из первого, второго блюда и чая с хлебом стоил в коммерческой чайной не менее 25 рублей. В это же время в пайковой столовой можно было получить обед за 2,5–3 рубля. Посещение чайной для большинства рабочих и служащих было довольно дорогим мероприятием. Так, в 1946 г. среднемесячная зарплата рабочих крупнейших сталинградских предприятий колебалась от 512 до 876 рублей [9, с. 63]. В малых городах и поселках зарплаты были еще меньше. Но несмотря на высокие цены, коммерческие чайные сразу стали популярными среди населения. Благодаря им товарооборот общепита стал быстро расти, планы перевыполнялись. Так, в 1946 г. товарооборот Сталинградского треста столовых составил 55 400 тыс. руб. при плане 47 300 тыс. [4, л. 5], а в 1947 г. вырос до 98 830 тыс. рублей. При этом оборот пайковых столовых города в 1947 г. составил 20 443 тыс. руб., а коммерческих предприятий – 78 387 тыс. рублей [5, л. 20–21].

Новая волна открытия коммерческих предприятий общепита началась осенью 1946 г. после повышения пайковых цен. Цены же в коммерческом общепите остались прежними, что привлекло к ним больше посетителей. В октябре Военторг открыл кафе-закусочную на 64 посадочных места в Сталин-

граде [19, л. 7], в ноябре кафе-закусочную в Камышине и в феврале 1947 г. в Урюпинске [11, л. 12]. В ноябре 1946 г. железнодорожники открыли ресторан на вокзале Сталинград-II [19, л. 12]. В декабре 1946 г. три коммерческие чайные в Сталинграде открыл и облпотребсоюз, хотя обычно он действовал только в сельской местности [2, л. 62]. Большим событием стало открытие после ремонта с 1 октября 1946 г. ресторана в гостинице «Интурист» Сталинграда. Здесь играл джазовый оркестр, имелся большой выбор блюд. По уровню обслуживания и качеству приготовления пищи «Интурист» сразу стал лучшим рестораном города. В новогоднюю ночь 1947 г. здесь был организован настоящий праздник с елкой, конфетти и танцами [29, 1946, 24 дек.].

Поскольку чайные все же были не очень доступны населению из-за дороговизны, с начала 1947 г. стали открываться коммерческие столовые. В них производилась продажа завтраков, обедов и отдельных блюд, горячих и безалкогольных напитков по нормам, предусмотренным для столовых, а сверх того – не более 2–3 мясных и рыбных блюд, изготовленных по нормам коммерческих чайных. Хлебобулочные изделия, пирожки и другие буфетные товары продавались по ценам коммерческих чайных. Уже в феврале 1947 г. трест столовых открыл в Сталинграде три новые коммерческие столовые и перевел две чайные на условия работы коммерческих столовых [20, л. 15]. Практика перевода нерен-

Таблица 2. Меню чайной г. Фролово. 30 октября 1946 г.

Table 2. Menu of the tea house in Frolovo. October 30, 1946

Наименование блюда	Единица измерения	Цена, руб.	Наименование блюда	Единица измерения	Цена
Чай	Стакан	1–00	Водка горькая	100 гр.	12–50
Кофе	Стакан	2–50	Яйца вареные	шт.	5–00
Какао	Стакан	5–00	Борщ украинский с мясом	550 гр.	7–00
Шоколад ванильный	100 гр.	45–00	Рассольник с мясом	550 гр.	6–00
Пирожки с мясом	шт.	3–00	Лапша с мясом	550 гр.	6–00
Пирожки с повидлом	шт.	3–00	Мясо отварное с картофелем	260 гр.	10–00
Сельдь с гарниром	Порция	6–50	Котлеты, биточки мясные с гарниром	295 гр.	9–00
Бутерброд с колбасой	шт.	6–00	Свинина пареная с картофелем	240 гр.	18–00
Бутерброд с икрой	шт.	5–50	Рагу из баранины	320 гр.	12–00
Вино плодоягодное	100 гр.	4–56	Баранина жареная	230 гр.	12–00
Вино «Славянка»	100 гр.	13–25			

табельных чайных в коммерческие столовые и закусочные продолжалась и далее. Так, в апреле 1947 г. чайная № 16, расположенная на территории Ерманского рынка, была закрыта «как не имеющая достаточно производственных помещений», на ее базе открыта закусочная [20, л. 33]. В ноябре 1947 г. была закрыта за нерентабельность чайная № 1 в Тракторозаводском районе, взамен открыта коммерческая столовая в Ворошиловском районе [20, л. 59].

В то же время расширялся и самый комфортный и дорогой сегмент коммерческого общепита. Заработал ресторан на вокзале станции Котельниково. В мае 1947 г. открылись ресторан на пристани в Камышине и ресторан в горсаду Урюпинска [11, л. 30]. Ряд чайных, расположенных в лучших местах, повысили свой статус. Так, 10 июня 1947 г. после капитального ремонта чайная № 24 в Сталинграде была преобразована в «образцовое коммерческое кафе «Метро» [29, 1947. 3 июня]. Чайная № 8 в Краснооктябрьском районе также стала «образцовым кафе № 8». Помещение чайной № 7 в Доме грузчика в Ворошиловском районе Сталинграда было капитально переоборудовано под «образцово-показательный ресторан № 7» на 120 посадочных мест [5, л. 43].

Снабжение новых коммерческих предприятий с самого начала происходило с большими сложностями. Прежде всего это касалось продуктов, распределявшихся централизованно. Их часто не хватало. Проверка работы первых двух коммерческих чайных Сталинграда в марте 1946 г. показала: «винно-водочные изделия и пиво бывают с большими перебоями, ассортимент хлебобулочных изделий отсутствует, нет достаточного ассортимента продуктов, меню крайне ограничено и качество приготовления блюд неудовлетворительное» [18, л. 70]. В области дела обстояли так же. В мае 1946 г. заведующий чайной в г. Урюпинске жаловался в отчете: «продовольственно-буфетными товарами чайная обеспечена очень плохо, кондитерских товаров: баранок, сушек чайная за все время работы не получила ничего и сейчас не имеет» [6, л. 58].

Усугубила положение с продуктами и засуха 1946 года. Острая нехватка хлеба заставила государство пойти на ограничение его

продажи даже в коммерческой сети. Согласно приказу министра торговли СССР от 30 октября 1946 г. в коммерческих ресторанах, чайных, закусочных, кафе и кафе-закусочных посетителям полагалось 100 г хлеба к блюду или обеда, а при покупке нескольких блюд или чая – 50 г сортового хлеба или хлебобулочных изделий [15, л. 33]. Вскоре последовал новый циркуляр от 2 ноября, еще более ужесточивший продажу хлеба. Посетителям полагалось не более 50 г хлеба к чаю, кофе, какао или молоку независимо от количества заказанных напитков. К сладким блюдам хлеб отпускать запрещалось. Продажа бутербродов ограничивалась двумя штуками в одни руки, продажа выпечки производилась лишь вместе с напитками, причем не более 1 шт. посетителю [15, л. 35].

Чайным не хватало не только хлеба. В условиях неурожая местные власти стремились в первую очередь выполнить план государственных поставок, а коммерческие закупки продуктов могли помешать этому. В ряде районов области (Даниловском, Ждановском, Николаевском и др.) райисполкомы вовсе запретили уполномоченным чайных производить закупку сельхозпродукции. 25 декабря 1946 г. облисполком был вынужден принять решение о недопустимости таких мер [26, л. 37].

Коммерческие предприятия общепита должны были стать оазисами комфортного, культурного времяпровождения. Однако действительность отличалась от планов. Для ресторанов и кафе еще находились более-менее приличные залы, инвентарь и посуда, хотя даже в образцово-показательном «Ресторане № 7» в Сталинграде и спустя год после открытия не имелось гардероба и туалета для посетителей [5, л. 45]. А вот помещения бывших столовых, где разместилось большинство чайных, вовсе не могли похвалиться благоустройством. Это были в основном времянки, находившиеся в плачевном состоянии. В марте 1946 г. одна из двух первых открывшихся в Сталинграде чайных имела «грязные стены и мокнувшие потолки, мебель совершенно не приспособлена для чайных, столы покрыты рваными, давно выносившими свой срок клеенками» [18, л. 70]. На 1 января 1947 г. из 9 чайных треста столовых в трех помещениях требовали ремонта, еще четыре чайные рас-

полагались в небольших помещениях, не имевших отдельных разделочных и вспомогательных помещений. Кафе и закусочные не имели отопления и могли работать только в летний период [4, л. 3, 27, 63].

Наложили свой отпечаток на состояние дел и неистребимые традиции советского общепита. Несмотря на все усилия руководства, в коммерческих предприятиях процветали те же нарушения, что и в пайковых. Не соблюдался ассортиментный минимум, частыми были обман посетителей и воровство. Так, в марте 1947 г. при проверке чайной № 17 г. Сталинграда оказалось: «из первых блюд готовилось только одно блюдо, а из вторых в день проверки приготовлено не было ничего. Контрольное взвешивание мясных котлет из взятых 5 порций установило недовес в среднем по 30 граммов на одну котлету, а на час проверки было уже продано 400 кг таких котлет, что составило 12 кг общего недовеса. При контрольной проверке установлен недовес по бутербродам с кетовой икрой – вместо 90 грамм на бутерброде оказалось 55 грамм» [16, л. 75]. В чайных было грязно. Документы тех лет пестрят материалами, говорящими о вопиющих нарушениях технологии приготовления блюд в коммерческих чайных – «лапша была разбавлена сладким заваренным чаем», «борщ был приготовлен без картофеля», и т. п.

Порядка не было и в системе потребительской кооперации. Журналист областной газеты писал: «В просторном зале чайной № 3, несмотря на выходной, пусто. Садимся за стол, просим подать меню. Читаем его по порядку: “рагу, биточки, щи мясные, лапша, гуляш, кисель, чай”. Однако на кухне оказывается только лапша и тушеное мясо. <...> К сожалению, подобные факты встречаются и во многих других чайных. Чайная № 4 (в Бекетовке) расположена в полуподвальном помещении. В нем грязно и неуютно, при входе в зал посетитель попадает в непроглядную тьму, рискуя поломать ноги. Характерно, что в чайной не бывает чая» [29, 1947, 20 июня].

Значительная часть оборота коммерческих предприятий приходилась на продажу покупных товаров. Так, в 1946 г. оборот общепита облторготдела равнялся 16 493,8 тыс. руб., но собственная продукция составила всего 2 339,9 тыс. руб. [28, л. 166]. Львиную долю

выручки приносила продажа водки, вина и пива. Многие чайные, особенно на рабочих окраинах, были постоянно заполнены пьяными компаниями, фактически превратившись в распивочные.

К осени 1947 г. сеть коммерческих предприятий общественного питания Сталинградской области была уже довольно разветвленной. Областному отделу торговли принадлежало 15 чайных, два ресторана, одно кафе и одна коммерческая столовая [11, л. 30]. В системе облпотребсоюза работали 74 чайных (из них 5 в Сталинграде) и 40 закусочных (21 в Сталинграде) [28, л. 196]. Сталинградский городской трест столовых имел один ресторан, одно кафе, 7 чайных, 2 закусочных и 7 коммерческих столовых [29, 1947, 27 сент.].

Результаты. Эпоха коммерческих ресторанов, чайных и столовых закончилась с отменой карточной системы и введением единых цен на продовольствие в декабре 1947 года. За это время на территории Сталинградской области удалось создать довольно широкую сеть таких заведений, в том числе и в сельской местности. Можно выделить три этапа в развитии сети коммерческого общепита. В первой половине 1946 г. открывались только чайные, как это и требовали постановления правительства. Как правило, они открывались на базе и взамен ранее существовавших пайковых столовых. Во второй половине 1946 г. стала быстро разворачиваться сеть ресторанов и кафе. В 1947 г. к чайным, ресторанам и кафе добавились коммерческие столовые, занявшие самую нижнюю нишу коммерческого общепита.

В целом коммерческие учреждения общепита выполнили свои задачи. Граждане получили доступ к дефицитным деликатесным продуктам и культурному отдыху, бюджет стал получать заметно больше доходов. С другой стороны, не только в ресторанах, но и чайных цены были очень высоки, а выбор блюд невелик. Доля продукции собственного производства в обороте коммерческого общепита заметно уступала объему покупных товаров, прежде всего алкогольных напитков. Большинство чайных не слишком отличались от пайковых столовых своим интерьером, чистотой, посудой и качеством приготовления пищи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акты обследования сети общепита // Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. Р-3436. Оп. 4. Д. 38. 253 л.
2. Анализ хозяйственной деятельности за 1946 г. // ГАВО. Ф. Р-4179. Оп. 4. Д. 27. 70 л.
3. Бизин А. С. Государственная коммерция продовольствием в первые послевоенные годы (на материалах Ленинграда) // *Метаморфозы истории*. 2023. Вып. 27. URL: <https://history-metamorph.ru/S230861810024725-7-1>
4. Годовой статистический отчет и объяснительная записка о хозяйственной деятельности треста столовых за 1946 г. // ГАВО. Ф. Р-2866. Оп. 1. Д. 47. 133 л.
5. Годовой статистический отчет и объяснительная записка о хозяйственной деятельности треста столовых за 1947 г. // ГАВО. Ф. Р-2866. Оп. 1. Д. 60. 63 л.
6. Дислокация предприятий общественного питания по Сталинградской области за 1946 г. // ГАВО. Ф. Р-3648. Оп. 3. Д. 93. 168 л.
7. Дударь Л. А. Коммерческая и образцово-показательная торговля на советском Дальнем Востоке в 1930–1940 гг. // *Советский Дальний Восток в сталинскую эпоху и постсталинскую эпоху: сб. науч. ст.* Владивосток, 2014. С. 46–51.
8. Журавлев С. В. Коммерческие чайные – послевоенная альтернатива советского общепита? // *Труды Института российской истории РАН*. 2017. № 14. С. 296–314.
9. Кузнецова Н. В. Динамика цен и заработной платы в Нижнем Поволжье в условиях продовольственного кризиса 1946–1947 годов // *Вестник Волгоградского государственного университета*. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2012. № 1 (21). С. 59–66.
10. Луночкин А. В. Восстановление системы общественного питания Сталинграда в 1943–1945 гг. // *Вестник Волгоградского государственного университета*. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2023. Т. 28, № 1. С. 175–184. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.1.16>
11. Отчеты по общепиту за 1947–1948 гг. // ГАВО. Ф. Р-3648. Оп. 3. Д. 152. 234 л.
12. Приказы, акты и переписка по открытию новых коммерческих чайных // ГАВО. Ф. Р-3436. Оп. 4. Д. 41. 253 л.
13. Приказы директора треста по основной деятельности // ГАВО. Ф. Р-2866. Оп. 1. Д. 9. 417 л.
14. Приказы и распоряжения Наркомторга // ГАВО. Ф. Р-3648. Оп. 3. Д. 40. 214 л.
15. Приказы и распоряжения Наркомторга // ГАВО. Ф. Р-3648. Оп. 3. Д. 49. 39 л.
16. Приказы и распоряжения Сталинградского треста столовых // ГАВО. Ф. Р-2882. Оп. 2. Д. 1. 574 л.
17. Приказы по горторготделу. 1945 г. // ГАВО. Ф. Р-3436. Оп. 3. Д. 6. 90 л.
18. Приказы по горторготделу. 1946 г. // ГАВО. Ф. Р-3436. Оп. 4. Д. 2. 330 л.
19. Приказы, распоряжения и акты на открытие столовых в городе // ГАВО. Ф. Р-3436. Оп. 4. Д. 36. 19 л.
20. Приказы Сталинградского городского отдела торговли. 1947 г. // ГАВО. Ф. Р-2866. Оп. 1. Д. 53. 67 л.
21. Распоряжения по горторготделу // ГАВО. Ф. Р-3436. Оп. 4. Д. 3. 95 л.
22. Решения исполкома Сталинградских облсовета и горсовета депутатов трудящихся // ГАВО. Ф. Р-3436. Оп. 4. Д. 15. 173 л.
23. Решения облисполкома и горисполкома, относящиеся к деятельности треста // ГАВО. Ф. Р-2866. Оп. 1. Д. 22. 32 л.
24. Решения облисполкома и горисполкома, относящиеся к деятельности треста // ГАВО. Ф. Р-2866. Оп. 1. Д. 24. 120 л.
25. Решения облисполкома // ГАВО. Ф. Р-3648. Оп. 3. Д. 74. 60 л.
26. Решения облисполкома // ГАВО. Ф. Р-3648. Оп. 3. Д. 92. 37 л.
27. Решения и распоряжения исполнительного комитета Сталинградского областного Совета депутатов трудящихся. 1945 г. // ГАВО. Ф. Р-3648. Оп. 3. Д. 41. 49 л.
28. Справки и другие материалы о дислокации и строительстве торговой сети за 1947 г. // ГАВО. Ф. Р-3648. Оп. 3. Д. 122. 212 л.
29. Сталинградская правда: газета. Сталинград, 1944–1947.
30. Твердюкова Е. Особторг. Коммерческая торговля в СССР в 1944–1947 гг. // *Родина*. 2010. № 10. С. 132–134.

REFERENCES

1. Akty obsledovaniya seti obshchepita [Catering Network Inspection Acts]. *Gosudarstvennyy arhiv Volgogradskoy oblasti (GAVO)* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-3436, inv. 4, d. 38. 253 l.
2. Analiz khozyaystvennoy deyatelnosti za 1946 g. [Analysis of Economic Activity for 1946]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-4179, inv. 4, d. 27. 70 l.
3. Bizin A.S. Gosudarstvennaya kommerciya prodovolstviem v pervye poslevoennye gody (na materialah Leningrada) [State Food Commerce in the First Post-War Years (Based on the Materials of Leningrad)]. *Metamorfozy istorii* [Metamorphosis of History], 2023, iss. 27. URL: <https://history-metamorph.ru/S230861810024725-7-1>

4. Godovoj statisticheskij otchet i obyasnitel'naya zapiska o hozyajstvennoj deyatel'nosti tresta stolovykh za 1946 g. [Annual Statistical Report and Explanatory Note on the Economic Activities of the Canteen Trust for 1946]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-2866, inv. 1, d. 47. 133 l.

5. Godovoj statisticheskij otchet i obyasnitel'naya zapiska o hozyajstvennoj deyatel'nosti tresta stolovykh za 1947 g. [Annual statistical Report and Explanatory Note on the Economic Activities of the Canteen Trust for 1946]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-2866, inv. 1, d. 60. 63 l.

6. Dislokaciya predpriyatij obshchestvennogo pitaniya po Stalingradskoj oblasti za 1946 g. [Dislocation of Catering Establishments in the Stalingrad Region for 1946]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-3648, inv. 3, d. 93. 168 l.

7. Dudar L.A. Kommercheskaya i obrazcovopokazatel'naya trgovlya na sovetskom Dalnem Vostoke v 1930–1940 gg. [Commercial and Exemplary Trade in the Soviet Far East in 1930–1940]. *Sovetskiy Dal'niy Vostok v stalinskuyu epokhu i poststalinskuyu epokhu: sb. nauch. st.* [The Soviet Far East in the Stalin Era and Post-Stalin Era. Collection of Scientific Articles]. Vladivostok, 2014, pp. 46–51.

8. Zhuravlev S.V. Kommercheskie chajnye – poslevoennaya alternativa sovetskogo obshchepita? [Are Commercial Teahouses a Post-War Alternative to Soviet Catering?]. *Trudy Instituta rossijskoj istorii RAN*, 2017, no. 14, pp. 296–314.

9. Kuznecova N.V. Dinamika cen i zarabotnoj platy v Nizhnem Povolzh'ye v usloviyah prodovol'stvennogo krizisa 1946–1947 godov [Dynamics of Prices and Wages in the Lower Volga Region During the Food Crisis of 1946–1947]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 2012, iss. 1 (21), pp. 59–66.

10. Lunochkin A.V. Vosstanovlenie sistemy obshchestvennogo pitaniya Stalingrada v 1943–1945 gg. [Restoration of the Public Catering System of Stalingrad in 1943–1945]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 1, pp. 175–184. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.1.16>

11. Otchety po obshchepitu za 1947–1948 gg. [Public Catering Reports for 1947–1948]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-3648, inv. 3, d. 152. 234 l.

12. Prikazy, akty i perepiska po otkrytiyu novykh kommercheskikh chajnykh [Orders, Acts and Correspondence for the Opening of New Commercial Teahouses]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-3436, inv. 4, d. 41. 253 l.

13. Prikazy direktora tresta po osnovnoj deyatel'nosti [Orders of the Director of the Trust for the Main Activity]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-2866, inv. 1, d. 9. 417 l.

14. Prikazy i rasporyazheniya Narkomtorga [Orders and Writs of the Peoples Commissariat of Trade]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-3648, inv. 3, d. 40. 214 l.

15. Prikazy i rasporyazheniya Narkomtorga [Orders and Writs of the Peoples Commissariat of Trade]. *GAVO*, f. R-3648, inv. 3, d. 49. 39 l.

16. Prikazy i rasporyazheniya Stalingradskogo tresta stolovykh [Orders and writs of the Stalingrad Canteen Trust]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-2882, inv. 2, d. 1. 574 l.

17. Prikazy po gortorgotdelu. 1945 g. [Orders for the City Trade Department. 1945]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-3436, inv. 3, d. 6. 90 l.

18. Prikazy po gortorgotdelu. 1946 g. [Orders for the City Trade Department. 1946]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-3436, inv. 4, d. 2. 330 l.

19. Prikazy, rasporyazheniya i akty na otkrytie stolovykh v gorode [Orders, Writs and Acts for the Opening of Canteens in the City]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-3436, inv. 4, d. 36. 19 l.

20. Prikazy Stalingradskogo gorodskogo otdela trgovli. 1947 g. [Orders for Stalingrad City Trade Department. 1947]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-2866, inv. 1, d. 53. 67 l.

21. Rasporyazheniya po gortorgotdelu [Writs for Stalingrad City Trade Department]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-3436, inv. 4, d. 3. 95 l.

22. Resheniya ispolkoma Stalingradskikh oblsoveta i gorsoveta deputatov trudyashchihsya [Decisions of the Executive Committee of the Stalingrad Regional Council and the City Council of Workers Deputies]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-3436, inv. 4, d. 15. 173 l.

23. Resheniya oblispolkoma i gorispolkoma, otnosyashchiesya k deyatel'nosti tresta [Decisions of the Regional Executive Committee and City Executive Committee Related to the Activities of the Trust]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-2866, inv. 1, d. 22. 32 l.

24. Resheniya oblispolkoma i gorispolkoma, otnosyashchiesya k deyatel'nosti tresta [Decisions of the Regional Executive Committee and City Executive Committee Related to the Activities of the Trust]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-2866, inv. 1, d. 24. 120 l.

25. Resheniya oblispolkoma [Decisions of the Regional Executive Committee]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-3648, inv. 3, d. 74. 60 l.

26. Resheniya oblispolkoma [Decisions of the Regional Executive Committee]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-3648, inv. 3, d. 92. 37 l.

27. Resheniya i rasporyazheniya ispolnitelnogo komiteta Stalingradskogo oblastnogo Soveta deputatov trudyashchihsya. 1945 g. [Decisions and Writs of the Executive Committee of the Stalingrad Regional Council of Workers Deputies. 1945]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-3648, inv. 3, d. 41. 491.

28. Spravki i drugie materialy o dislokacii i stroitelstve torgovoj seti za 1947 g. [References and Other Materials on the Location and Construction

of the Trading Network for 1947]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-3648, inv. 3, d. 122. 2121.

29. *Stalingradskaya pravda: gazeta* [Stalingradskaya Pravda: Newspaper]. Stalingrad, 1944–1947.

30. Tverdyukova E. Osobtorg. Kommercheskaya trgovlya v SSSR v 1944–1947 gg. [Special Trade. Commercial Trade in the USSR in 1944–1947]. *Rodina*, 2010, no. 10, pp. 132–134.

Information About the Author

Andrei V. Lunochkin, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of History and International Relations, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, andrei.lunochkin@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7431-8906>

Информация об авторе

Андрей Валентинович Луночкин, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, andrei.lunochkin@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7431-8906>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.2.9>

UDC 94(470.45)“1953/1964”:796

LBC 63.3(2Рос-4Вор)632-7

Submitted: 02.02.2024

Accepted: 04.03.2024

DEVELOPMENT OF CHILDREN AND YOUTH SPORTS IN THE STALINGRAD (VOLGOGRAD) REGION IN 1953–1964

Ivan A. Lunochkin

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article examines the development of children’s and youth sports in the Stalingrad (Volgograd) region during the so-called “Khrushchev’s thaw.” *Methods.* The source base is documents of the current office work of regional and city authorities, institutions that manage physical culture and sports, regional councils of voluntary sports societies, as well as periodical press materials and reference literature. The method of comparative analysis was used, with the help of which the dynamics of the development of children’s and youth sports schools and the results of young athletes were established. *Analysis.* The article shows the state of children’s and youth sports in the Stalingrad region by 1953, the development of the material and technical base, the growth of the system of additional sports education institutions, the successes of young Stalingrad athletes at the largest competitions in the country during the period under study, and the achievements, problems, and shortcomings of children’s and youth sports in the Volgograd region by 1964. *Results.* It was established that by the beginning of 1953, children’s and youth sports in the Stalingrad region were at a low level of development. Several small children’s (teenager’s) sports schools did not have their own material base and served only the population of the center of Stalingrad. At all-Russian competitions, young athletes did not show high results. In the first half of the 1950s, several talented coaches moved to Stalingrad to work and created their own schools in a number of leading sports. From the mid-1950s to the early 1960s, several large sports facilities were put into operation, and new children’s schools were opened in Stalingrad and the cities of the region. Since 1960, children’s sports schools have appeared on a voluntary basis at children’s social enterprises and major enterprises. As a result, by 1964, the number of children’s schools and those involved in them had increased sixfold. The level of training has increased significantly. The regional team was among the top five permanent leaders of the All-Russian Spartakiads for schoolchildren. The greatest successes were achieved in swimming, water polo, diving, gymnastics, weightlifting, and basketball. At the same time, the gap remained in athletics, football, tennis, cycling, shooting, and chess. There remained a large gap in the level of achievement between leading athletes and the bulk of children’s school students.

Key words: physical culture, sports, children’s (teenager’s) sports schools, Stalingrad (Volgograd) region, All-Russian Spartakiads for schoolchildren, youth sports schools.

Citation. Lunochkin I.A. Development of Children and Youth Sports in the Stalingrad (Volgograd) Region in 1953–1964. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 2, pp. 102-111. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.2.9>

УДК 94(470.45)“1953/1964”:796

ББК 63.3(2Рос-4Вор)632-7

Дата поступления статьи: 02.02.2024

Дата принятия статьи: 04.03.2024

РАЗВИТИЕ ДЕТСКО-ЮНОШЕСКОГО СПОРТА В СТАЛИНГРАДСКОЙ (ВОЛГОГРАДСКОЙ) ОБЛАСТИ В 1953–1964 ГОДАХ

Иван Андреевич Луночкин

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В статье рассматривается развитие детско-юношеского спорта в Сталинградской (Волгоградской) области в период так называемой «хрущевской оттепели». *Методы и материалы.* Источни-

ковой базой стали документы текущего делопроизводства областных и городских органов власти, учреждений, руководивших физической культурой и спортом, областных советов добровольных спортивных обществ (ДСО), а также материалы периодической печати и справочная литература. Использован метод сравнительного анализа, с помощью которого установлена динамика развития детско-юношеских спортивных школ и результатов юных спортсменов. *Анализ.* В статье показаны состояние детско-юношеского спорта в Сталинградской области к 1953 г., развитие материально-технической базы, рост системы учреждений дополнительного спортивного образования, охарактеризованы успехи юных сталинградских спортсменов на крупнейших соревнованиях страны в течение исследуемого периода, достижения, проблемы и недостатки детско-юношеского спорта Волгоградской области к 1964 году. *Результаты.* Установлено, что к началу 1953 г. детско-юношеский спорт в Сталинградской области находился на низком уровне развития. Несколько небольших детских (юношеских) спортивных школ (ДСШ, ЮСШ) не имели собственной материальной базы и обслуживали лишь население центра Сталинграда. На всероссийских соревнованиях юные спортсмены не показывали высоких результатов. В первой половине 1950-х гг. в Сталинград переехали на работу несколько талантливых тренеров, создавших свои школы по ряду ведущих видов спорта. С середины 1950-х по начало 1960-х гг. были введены в строй несколько крупных спортивных сооружений, открывались новые ДСШ в Сталинграде и городах области. С 1960 г. появились ДСШ на общественных началах при ДСО и крупнейших предприятиях. В итоге к 1964 г. количество ДСШ и занимающихся в них выросло в 6 раз. Значительно вырос уровень подготовки. Сборная области находилась в пятерке постоянных лидеров Всероссийских спартакиад школьников. Наибольшие успехи были достигнуты в плавании, водном поло, прыжках в воду, гимнастике, тяжелой атлетике, баскетболе. Вместе с тем сохранялось отставание в легкой атлетике, футболе, теннисе, велосипедном спорте, стрельбе, шахматах. Оставался большим разрыв в уровне достижений между ведущими спортсменами и основной массой учащихся ДСШ.

Ключевые слова: физическая культура и спорт, детские (юношеские) спортивные школы, Сталинградская (Волгоградская) область, Всероссийские спартакиады школьников, спортивные школы молодежи.

Цитирование. Луночкин И. А. Развитие детско-юношеского спорта в Сталинградской (Волгоградской) области в 1953–1964 годах // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 2. – С. 102–111. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.2.9>

Введение. После успешного дебюта советских спортсменов на Олимпийских играх 1952 г. в Хельсинки руководство страны стало обращать заметно больше внимания на развитие физической культуры и спорта. Значительное место в спортивной политике заняла забота о развитии детско-юношеского спорта, как массовой основы для появления будущих чемпионов. Основой подготовки юных спортсменов стали учреждения дополнительного спортивного образования – детские (юношеские) спортивные школы. В связи с этим изучение опыта реализации данной деятельности на местном уровне представляется актуальным. Выяснение истории развития системы детско-юношеского спорта в Сталинградской (Волгоградской) области, являющееся целью данной статьи, позволит оценить эффективность проводившейся политики и дополнит наши представления о социально-культурной жизни СССР периода «хрущевской оттепели».

Историография. В общих работах по истории спорта неизменно отмечалось боль-

шое значение системы детско-юношеских спортивных школ для подготовки резерва спорта высоких достижений [13, с. 196]. А.А. Гуменюк обратил внимание на то, что курс на их развитие был составной частью молодежной политики СССР, направленной на борьбу с девиантным поведением подростков [4, с. 270]. В работе, посвященной истории спортивного плавания Волгограда, есть упоминания о видных спортсменах, получивших подготовку в детских спортивных школах, и их тренерах [1]. Однако предметом специального исследования данная тема еще не становилась.

Методы и материалы. В статье использованы источники из фондов Государственного архива Волгоградской области (ГАВО): Комитета по образованию администрации Волгоградской области (Ф. Р-3423), Комитета по физической культуре и спорту администрации г. Волгограда (Ф. Р-5966), Комитета по физической культуре и спорту администрации Волгоградской области (Ф. Р-6112), Волгоградского областного совета доброволь-

ного спортивного общества (ДСО) «Урожай» (Ф. Р-6517), Сталинградского областного совета ДСО «Строитель» (Ф. Р-6565), Волгоградского областного совета ДСО «Динамо» (Ф. Р-6788). Это приказы и распоряжения центральных и местных органов управления физической культурой и спортом, результаты проверок работы детских спортивных школ, их отчеты и планы работы и т. д. Важным источником информации стали материалы периодической печати: статьи и выступления на тему детского спорта в местных газетах «Сталинградская (Волгоградская) правда» и «Молодой ленинец». В работе был использован метод сравнительного анализа: изучение динамики развития детских спортивных школ и результатов юных спортсменов.

Анализ. За развитие детско-юношеского спорта в СССР отвечали сразу несколько ведомств. Спортивные секции в общеобразовательных школах контролировали местные органы Министерства просвещения: областной (облоно) и городской (гороно) отделы образования. Они же содержали и ДСШ. С 1945 по 1958 г. Сталинград был городом республиканского подчинения, и его учреждения областным не подчинялись. Первая в Сталинграде ДСШ гороно открылась в августе 1946 г. [38]. В сентябре 1951 г. к ней прибавилась вторая, названная в отчете юношеской [14, л. 58]. В 1952 г. в них занималось 490 человек, было организовано 8 отделений по 5 видам спорта: гимнастика (2 отделения, 220 чел.), художественная гимнастика (30 чел.), легкая атлетика (80 чел.), плавание (2 отделения, 95 чел.), баскетбол (2 отделения, 65 чел.) [14, л. 31].

Кроме гороно, свои ДСШ (ЮСШ) имели и добровольные спортивные общества (ДСО). В марте 1951 г. открылась ЮСШ крупнейшего в городе ДСО «Строитель». В 1952 г. в ней занималось 159 детей по отделениям классической борьбы, плавания и гимнастики. В ЮСШ при Управлении Сталинградской железной дороги занималось 80 человек по отделениям гимнастики и легкой атлетики, ЮСШ ДСО «Торпедо» специализировалась на футболе (40 чел.). При ДСО «Динамо» работал коллектив «Юный динамовец», где 221 обучающийся занимался футболом, плаванием, хоккеем и конькобежным спортом [14, л. 32–33].

В этих школах занимались дети младшего и среднего школьного возраста. Для перспективных спортсменов старшего школьного возраста в 1945 г. была открыта спортивная школа молодежи (СШМ) городского комитета по делам физкультуры и спорта (горком физкультуры). В 1953 г. была открыта и СШМ № 2. Приказом горкома физкультуры № 106 от 15.06.1953 г. был утвержден контингент учащихся этих школ: «Городская спортшкола молодежи № 1: а) легкая атлетика – 20; б) плавание и прыжки в воду – 30; в) гребной спорт – 20; г) классическая борьба – 10; д) вольная борьба – 10; е) парусный спорт – 10; ж) бокс – 20. С 1 августа организовать отделение гимнастики. Городская спортшкола молодежи № 2: а) отделение футбола – 30; б) бокса – 20; в) штанги – 10» [22, л. 181]. Впрочем, такое положение длилось недолго, и в 1955 г. обе школы снова были объединены в одну городскую спортивную школу молодежи [23, л. 467].

Материальные условия работы ДСШ к началу 1953 г. были довольно тяжелыми. Школы гороно не имели собственных помещений даже для учебной части, не говоря уже о спортивных сооружениях. Все их отделения базировались в общеобразовательных школах, используя их спортивные залы. Поскольку днем эти залы были заняты под уроки физкультуры и школьные секции, тренироваться юным спортсменам приходилось только вечером. Трудности с транспортом приводили к тому, что в этих ДСШ обучались преимущественно ученики той общеобразовательной школы, где они размещались. Понятно, что это не способствовало отбору способных детей. Учащиеся ДСШ ДСО пользовались спортивными сооружениями своих обществ, но в Сталинграде это были, как правило, открытые стадионы и спортплощадки. Для занятий в зимнее время помещений почти не было. На весь город имелся лишь один крытый плавательный бассейн размером 11 × 4 м в бане Краснооктябрьского района. В октябре 1952 г. он был полностью передан в распоряжение спортсменов, но места все равно не хватало. Занятия и взрослых, и молодых пловцов шли там непрерывно с раннего утра до позднего вечера. В одном из самых мощных ДСО «Строитель» в 1953 г. из-за ремонта клуба отделение гимна-

стики ДСШ не работало 4 месяца, отделение борьбы три раза меняло место занятий и с сентября по декабрь также не работало совсем [15, л. 129]. Довольно скромными были и успехи молодых сталинградских спортсменов. На I Всероссийской спартакиаде школьников 1954 г. сборная Сталинграда заняла 17-е место, а Сталинградской области – 71-е [2, с. 12].

С другой стороны, в первой половине 1950-х гг. в Сталинград приехала целая плеяда талантливых спортсменов из других городов, ставших также отличными тренерами. Это В.Г. Юдин (плавание), А.К. Сотосов (прыжки в воду), В.Г. Гладченко (легкая атлетика), М.Д. Касьяник (тяжелая атлетика), П.Г. Левитан (бокс) и многие другие. Они смогли существенно оживить спортивную жизнь города и объединить вокруг себя способную молодежь. Появились первые успехи, прежде всего в плавании. Так, уже на I Всероссийской спартакиаде школьников сталинградские пловцы заняли 2-е командное место [2, с. 91]. Школьники Т. Королева и Д. Цивилев установили республиканские рекорды в плавании. Ученик П.Г. Левитана боксер Муравьев занял второе место на юношеском первенстве РСФСР 1954 г. [7].

В середине 1950-х гг. после выхода постановлений Совета министров РСФСР 9 января 1954 г. «О мерах по дальнейшему развитию физкультурной и спортивной работы в РСФСР» и особенно 15 апреля 1955 г. «О мерах улучшения массовой физкультурной работы и повышения мастерства спортсменов РСФСР в связи с подготовкой и проведением Спартакиады народов СССР» внимание местных властей к развитию физической культуры и спорта существенно увеличилось. В Сталинграде вошло в строй сразу несколько крупных спортивных объектов: клубы ДСО «Строитель», «Динамо», водная база «Строитель» на Центральной набережной, открытый круглогодичный бассейн ДСО «Спартак». Условия для спортивной работы заметно улучшились, стали открываться новые школы. Так, 12 ноября 1955 г. была учреждена ДСШ по плаванию ДСО «Спартак» с контингентом 60 чел. [23, л. 64]. В этом же году работала ДСШ ДСО «Трудовые резервы» с отделениями легкой атлетики и гимнастики, в отда-

ленном Кировском районе Сталинграда начала работу ДСШ горono № 3. В 1956 г. открылась четвертая, а в 1958 г. пятая ДСШ горono в самом отдаленном Тракторозаводском районе.

В финале III Всероссийской олимпиады школьников в 1956 г. сталинградские спортсмены заняли первое командное место в плавании. В личном первенстве они в 13 видах заняли 7 первых и 5 вторых мест. Вне конкуренции выступала ученица седьмого класса средней школы № 15 Галина Камаева. Она стала дважды чемпионкой Спартакиады: на дистанции 100 м на спине и 100 м способом дельфин, улучшив к тому же два всесоюзных рекорда в группе девушек 14–15 лет. Десять сталинградских пловцов были включены в состав сборной РСФСР для участия во Всесоюзной спартакиаде школьников [5]. Они выступили там очень достойно. Г. Камаева победила на своей коронной дистанции 100 м вольным стилем. Она же и ученица 9-го класса средней школы № 18 Роза Плейко стали чемпионами в комбинированной эстафете 4 × 100 м. По итогам Спартакиады Г. Камаева была включена в состав сборной СССР для подготовки к Олимпийским играм в Мельбурне (но окончательный отбор не прошла).

Наивысший результат молодые сталинградцы показали на IV Всероссийской спартакиаде школьников 1957 г., где сборная города заняла общее второе место. Гимнасты стали первыми, третьего места добились баскетболисты, четвертого места – велосипедисты и прыгуны в воду, пятое место заняли ватерполисты и легкоатлеты. Но подлинным триумфом стала Спартакиада для сталинградских пловцов, снова ставших победителями. Финал Спартакиады по плаванию прошел в Сталинграде, и родные стены не подвели. В заплывах на 100 м вольным стилем и 100 м на спине уверенно победила чемпионка и рекордсменка СССР Галина Камаева. На дистанции 200 м брассом первое место заняла выпускница 10-го класса средней школы № 8 Алла Симакина. Среди юношей на этой дистанции победил ученик 9-го класса средней школы № 19 Олег Окунев. В состав сборных команд РСФСР на Всесоюзной спартакиаде вошли 18 сталинградских спортсменов, из них 8 были пловцами [2].

В городах области, заметно уступавших Сталинграду в социально-экономическом развитии, детско-юношеский спорт находился на более низком уровне. В годовом отчете обкома физкультуры за 1954 г. отмечалось, что во втором по величине областном городе Камышине «уже 2 года существует спортшкола молодежи, но за истекшее время она не подготовила ни одного спортсмена 1 разряда» [3, л. 5]. В 1956 г. в Камышине работала также ДСШ облоно с 30 учебными группами по различным видам спорта [31, л. 119]. Правда, как сообщалось в справке облоно, «она не имеет необходимой материальной базы, помещения, не укомплектована педагогическими кадрами, не оказывает по существу никакого влияния на улучшение постановки физвоспитания в школах города» [36, л. 6].

Стремясь поднять уровень детско-юношеского спорта, исполком Сталинградского областного Совета депутатов трудящихся в июле 1957 г. принял план, по которому должно было быть открыто три ДСШ в городах области:

«1) Калач – 120 чел. (30 гимнастика, 60 легкая атлетика, 30 волейбол);

2) Михайловка – 180 чел. (30 гимнастика, 60 легкая атлетика, 60 плавание, 30 баскетбол);

3) Жирновск – 120 чел. (30 гимнастика, легкая атлетика 60, 30 баскетбол)» [32, л. 27]. План был выполнен, правда, вместо Калача ДСШ была открыта в г. Урюпинске.

Спортивные результаты юных представителей области росли, но медленно. На II Всероссийской спартакиаде школьников сборная Сталинградской области заняла 52-е место, на III Спартакиаде – 61-е, а на IV – 43-е место [2, с. 12]. В 1958 г. Сталинград лишился статуса города республиканского подчинения, став обычным областным центром. В результате областные власти получили значительно большие материальные возможности, что привело к дальнейшему росту числа ДСШ, их специализаций и количества занимающихся.

С середины 1950-х гг. вторым спортивным центром области стал быстро растущий город гидроэнергетиков Волжский. В 1956 г. там открылась первая ДСШ. Когда в августе 1957 г. Камышинская спортшкола молодежи

была за удручающие результаты работы закрыта, ее контингент и штаты тренеров были переданы в Волжский, где имелась «хорошая спортивная база и необходимые тренерские кадры» [19, л. 67]. В 1958 г. в Волжском заработал 25-метровый крытый бассейн, подобного не было даже в Сталинграде. Он стал базой для городской спортивной школы молодежи по плаванию, которой руководила приехавшая в Волжский мастер спорта Т.В. Баландина (за выдающиеся заслуги в подготовке молодых спортсменов в 1963 г. она получила звание заслуженного тренера РСФСР). С осени 1959 г. в Волжском был организован коллектив «Юный динамовец», включавший секции по водным видам, легкой атлетике и гимнастике [8, л. 10].

В 1960 г. в Сталинградской области действовало уже 12 ДСШ облоно: 6 в Сталинграде, 2 в Волжском и по одной в Камышине, Михайловке, Урюпинске и Жирновске, в которых работало 83 тренера и занимались 3 722 человек. За этот год был подготовлен 241 спортсмен по взрослым разрядам и 431 по юношеским [33, л. 1–2]. В марте – августе 1960 г. была проведена Первая областная юношеская спартакиада, в которой участвовали ДСШ ДСО и сборные команды ДСШ гороно Сталинграда, Волжского и Камышина. Победила команда ДСШ гороно Сталинграда [12, л. 53].

Новым явлением в начале 1960-х гг. стала кампания по увеличению общественного начала в подготовке спортсменов. Эта инициатива обсуждалась на собрании физкультурного актива Сталинграда 12 ноября 1960 г., где известные тренеры вызвались взяться за работу со школьниками бесплатно, в свободное время. Так, тренер по боксу П.Г. Левитан создал группу из учеников средней школы № 7, тренер по легкой атлетике В.Г. Гладченко вел работу с учениками средней школы № 19. Облсовет ДСО «Буревестник» создал при Институте физической культуры ДСШ на общественных началах из 15 секций, где преподавали самые успешные тренеры города. Облсовет ДСО «Труд» открыл в 1960–1962 гг. семь ДСШ на крупнейших предприятиях области: на Тракторном заводе, заводах «Баррикады», «Красный Октябрь», Судоверфи, Химзаводе, в Волжском в тресте «Волгоградгидрострой» и на текстильном комбинате в

Камышине. В них занималось 1 643 учащихся на отделениях легкой атлетики, спортивной гимнастики, спортивных игр, плавания и прыжков в воду и велоспорта, работало 34 штатных тренера [16, л. 59]. Кроме этого, работала центральная ДСШ при облсовете ДСО «Труд» (оставшаяся от его предшественника ДСО «Строитель»), где работало 17 тренеров, 910 детей занимались 11 видами спорта [17, л. 335–337]. Свои ДСШ открыли ДСО «Локомотив» и «Водник». В 1962 г. ДСШ на общественных началах открылась в Камышине. В футбольной, волейбольной и баскетбольной секциях там занимались 200 детей. Занятия вели студенты-заочники Волгоградского института физкультуры и местные преподаватели [35].

Выступая в 1961 г. на конференции областного Союза спортивных обществ и организаций, его председатель Н.И. Тареник указал: «У нас в области 23 ДСШ, где обучается свыше 7 тыс. детей. Против 1958 г. число занимающихся выросло в 4,5 раза» [10, л. 54]. ДСШ на общественных началах создавались не только в крупных городах. Так, в 1964 г. они были открыты в райцентрах Дубовке, Быково, Николаевске, Котово и в трех совхозах Камышинского, Старополтавского и Нехаевского районов [11, л. 36–38]. По плану, к 1970 г. в области должно было работать уже 23 ДСШ на общественных началах, в которых занималось бы 1 150 чел. [20, л. 1]. Правда, действительность перечеркнула эти планы. Долго работать на одном энтузиазме тренеров не получилось. Уже в 1961 г. проверка показала, что ДСШ завода «Красный Октябрь» существует только на бумаге, в действительности же дети посещали обычные заводские секции вместе со взрослыми [26, л. 167]. В одной из справок начала 1965 г. содержалось признание: «В большинстве ДСО профсоюзов детские спортивные школы закрыты в связи с тем, что завкомы профсоюзов не стали выделять средства на содержание школ из ассигнований на детскую работу» [29, л. 84].

На 1 января 1964 г. сеть ДСШ Волгоградского облоно состояла из 12 школ, в которых работало 80 тренеров и занималось 3 357 спортсменов [34, л. 1]. Из них в Волгограде работало 6 школ. ДСШ № 1 специализировалась на гимнастике, здесь в 23 группах

занималось 230 детей. В ДСШ № 2 баскетболом в 14 группах занималось 209 чел. и волейболом в 12 группах 186 человек. В этой школе начинал свою карьеру прославленный советский тренер по баскетболу Е.Я. Гомельский. В 1963 г. он возглавил взрослую волгоградскую баскетбольную команду «Динамо», но продолжил работать и с детским спортом. ДСШ № 3 (Кировский район) имела 7 групп (112 чел.) по баскетболу, 10 групп (140 чел.) по спортивной гимнастике и 5 групп (75 чел.) по художественной гимнастике. В ДСШ № 4 занималось 10 групп (129 чел.) плаванием, 3 группы (45 чел.) водным поло, 1 группа (14 чел.) велоспортом и 11 групп (128 чел.) художественной гимнастикой. Директором здесь работала В.И. Мокринская, одна из основательниц волгоградской школы художественной гимнастики. ДСШ № 5 (Тракторозаводский район) специализировалась по легкой атлетике, здесь в 19 группах занималось 243 юных спортсмена. В ДСШ № 6 (Красноармейский район) 4 группы (55 чел.) занимались легкой атлетикой и 13 групп (144 чел.) спортивной гимнастикой. В г. Волжском работало три ДСШ облоно. Школа № 1 специализировалась только по легкой атлетике (24 группы, 373 чел.). ДСШ № 2 по легкой атлетике (13 групп, 180 чел.) и спортивной гимнастике (20 групп, 234 чел.). В ДСШ № 3 занимались только баскетболом (18 групп, 306 чел.). ДСШ г. Камышина готовила легкоатлетов (18 групп, 244 чел.), в ДСШ г. Михайловки занимались легкой атлетикой (6 групп, 98 чел.) и спортивной гимнастикой (7 групп, 80 чел.). Наконец, ДСШ г. Урюпинска специализировалась на спортивной гимнастике (15 групп, 177 чел.). За 1963 г. во всех ДСШ облоно было подготовлено 299 спортсменов взрослых разрядов и 894 юношеских [34, л. 1].

В 1964 г. была открыта ДСШ № 4 облоно в Волжском, и их общее количество увеличилось до 13 с контингентом 3 794 человек. В Волжском система ДСШ получила наибольшее развитие в области. Здесь в них занималось 10,7 % от всех обучающихся в общеобразовательных школах. В других городах области этот показатель был существенно ниже: в Урюпинске 3,36 %, Михайловке 2,83 %. Меньше всего охват учащихся был в областном центре, всего 1,6 %. В общей сложности

же в области в 1964 г. вместе с ДСШ ДСО действовало 24 ДСШ, в них работало 168 тренеров и занималось 6 729 детей [37, л. 35–41]. В 1953 г., как указывалось выше, имелось только 6 ДСШ с 960 обучающимися. За 10 лет был достигнут шестикратный рост.

Активно работала и Волгоградская СШМ. В 1959 г. в ней занималось 398 чел., работало 4 штатных тренера и 24 совместителя. За 1959 г. школа подготовила 7 мастеров спорта и 23 перворазрядника. В финальных соревнованиях III Спартакиады народов РСФСР участвовало 39 учащихся СШМ по борьбе вольной и классической, тяжелой атлетике, гимнастике и плаванию [21, л. 340–341]. За 1961 г. было подготовлено 10 мастеров спорта и 30 перворазрядников [27, л. 262], в 1962 г. СШМ подготовила 8 мастеров спорта и 30 перворазрядников [9]. В 1963 г. при Центральном стадионе Волгограда была также открыта футбольная школа молодежи, где обучались 100 чел., но в апреле 1964 г. из-за экономии средств она была слита с городской СШМ [30, л. 134].

В целом волгоградский детско-юношеский спорт неплохо выглядел на фоне остальных регионов. На VIII Всероссийской спартакиаде школьников 1963 г. вне конкуренции опять выступили пловцы, первое место заняли также девушки-баскетболистки и команда по спортивной гимнастике. Чемпионами Спартакиады по спортивной гимнастике в личном зачете стали ученица средней школы Волгограда № 3 В. Кузнецова и ученик средней школы № 15 Волгограда Г. Соколов. Правда, такой же традицией явилось отставание легкоатлетов, чья команда стала только 21-й. Плохо выступили велосипедисты, футболисты, шахматисты, не прошедшие отбор в финал. В итоге волгоградская сборная поделила 4–5 места с Воронежской областью [28, л. 128]. Признанием заслуг Волгограда в молодежном спорте стало проведение финала VIII Всесоюзной спартакиады школьников 1963 г. в Волгограде на только что введенном в строй Центральном стадионе города.

Несмотря на успехи, в организации детско-юношеского спорта оставались проблемы. В докладе на совместном пленуме Волгоградского горкома комсомола и городского совета Союза спортивных обществ и организаций

12 апреля 1960 г. председатель последнего Н.И. Тареник так охарактеризовал местный юношеский спорт: «Он пока у нас хаотичен и неорганизован» [24, л. 34]. Одним из главных недостатков в работе ДСШ являлось отсутствие системы отбора одаренных детей. В докладе на втором пленуме горспортсоюза 27 октября 1959 г. отмечалось, что «ДСШ и СШМ до сих пор комплектуются новичками, а не разрядниками, направленными коллективами физкультуры» [6, л. 9]. Проверка ДСШ № 5 Сталинграда в марте 1960 г. выявила, что приемные испытания не проводились, 50 % учащихся были приняты без заявления и согласия родителей. Отсев обучающихся доходил до 30–35 % [25, л. 68–69]. Это касалось и преемственности в работе ДСШ и СШМ. Так, в 1963 г. ни один выпускник из всех шести ДСШ Волгограда не подал заявление на прием в СШМ. В результате, как отмечалось в материалах проверки городской спортшколы молодежи: «Отделения комплектуются не из лучших спортсменов, выпускников ДСШ, а из новичков ниже 2 разряда: прыжки 100 %, гимнастика 79,7 %, кл. борьба 70,3 %, и т. д.» [18, л. 114–115]. За весь 1964 г. 10 ДСШ области не подготовили ни одного перворазрядника, а две (ДСШ № 2 Волгограда и ДСШ г. Михайловки) не дали даже спортсменов второго разряда [29, л. 85]. Разрыв между группой ведущих атлетов и основной массой учащихся ДСШ не сокращался. Оставались традицией и слабые успехи юных волгоградцев в легкой атлетике, велоспорте, теннисе, стрельбе и шахматах и некоторых других видах спорта.

Результаты. За 1953–1964 гг. в Сталинградской (Волгоградской) области был достигнут впечатляющий рост детско-юношеского спорта. Создана обширная система детских и юношеских спортивных школ, существенно укрепилась материальная база и тренерский состав. Уровень подготовки юных спортсменов значительно поднялся. Сборная команда области превратилась из аутсайдера в одного из лидеров Всероссийских спартакиад школьников. Молодые пловцы, ватерполисты и гимнасты из города на Волге стали известны и на всесоюзном уровне. Это стало возможным не только благодаря росту материальных затрат на развитие спорта, но и приезде в область группы блестящих тренеров.

С другой стороны, продолжал отставать ряд важных видов спорта, таких как легкая атлетика, футбол, теннис, велоспорт, стрельба, шахматы. Заметен был и отрыв ведущих спортсменов от основной массы обучающихся в ДСШ. Из шести ДСШ Волгограда три находились в центре города, что также не способствовало привлечению талантливой молодежи с окраин. Однако, без сомнения, основа для дальнейшего развития волгоградского спорта была создана.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авдиенко В. Б., Давыдов В. Ю. История спортивного плавания: Сталинград-Волгоград. Волгоград: Изд-во ВГАФК, 2011. 210 с.
2. Всероссийские спартакиады школьников. 1954, 1955, 1956 и 1957 гг. М.: Учпедгиз, 1958. 232 с.
3. Годовой описательный отчет о работе Сталинградского обкома физкультуры и спорта // Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. Р-6112. Оп. 1. Д. 39. 19 л.
4. Гуменюк А. А. Молодежная политика в СССР в 1953–1985 годы (по материалам Нижнего Поволжья) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 269–277.
5. Демященко Ю. Победа юных пловцов // Сталинградская правда. 1956. 29 июля.
6. Доклад Второму пленуму горсовета // ГАВО. Ф. Р-5966. Оп. 3. Д. 63. 449 л.
7. Дубровин Н. К новым успехам, друзья! // Молодой ленинец. 1954. 19 июля.
8. Информационный и статистический отчеты коллектива «Юный динамовец» // ГАВО. Ф. Р-6788. Оп. 1. Д. 116. 11 л.
9. Касьяник М. За первое место // Волгоградская правда. 1963. 1 янв.
10. Материалы II областной конференции облспортсоюза // ГАВО. Ф. Р-6112. Оп. 3. Д. 16. 228 л.
11. Материалы о состоянии физического воспитания в сельских школах // ГАВО. Ф. Р-6517. Оп. 2. Д. 231. 64 л.
12. Материалы областной летней спартакиады коллектива «Юный динамовец» // ГАВО. Ф. Р-6788. Оп. 1. Д. 108. 167 л.
13. Мельникова Н. Ю., Трескин А. В. История физической культуры и спорта. М.: Спорт, 2017. 432 с.
14. Отчет горкома физкультуры о его деятельности за 1952 г. // ГАВО. Ф. Р-5966. Оп. 1. Д. 49. 104 л.
15. Отчет о работе детской спортивной школы за 1953 г. // ГАВО. Ф. Р-6565. Оп. 1. Д. 49. 156 л.
16. Отчеты по организации физкультурно-массовой работы // ГАВО. Ф. Р-6112. Оп. 3. Д. 27. 172 л.
17. Переписка по вопросам спортивно-массовой работы // ГАВО. Ф. Р-5966. Оп. 3. Д. 77. 436 л.
18. Переписка по спортивным и организационно-массовым вопросам // ГАВО. Ф. Р-5966. Оп. 3. Д. 78. 340 л.
19. Переписка с комитетом физкультуры и спорта при Совете министров РСФСР // ГАВО. Ф. Р-6112. Оп. 3. Д. 8. 186 л.
20. Перспективный план областного совета ДСО о расширении детских спортивных школ // ГАВО. Ф. Р-6517. Оп. 2. Д. 217. 3 л.
21. Постановления и протоколы заседаний Сталинградского горспортсоюза // ГАВО. Ф. Р-5966. Оп. 3. Д. 72. 485 л.
22. Приказы горздравотдела и сектора физкультуры // ГАВО. Ф. Р-5966. Оп. 1. Д. 40. 435 л.
23. Приказы горкомитета физкультуры по руководству деятельностью // ГАВО. Ф. Р-5966. Оп. 2. Д. 23. 495 л.
24. Протокол совместного пленума горкома ВЛКСМ и Горспортсоюза // ГАВО. Ф. Р-5966. Оп. 3. Д. 76. 230 л.
25. Протоколы заседаний президиума горспортсоюза // ГАВО. Ф. Р-5966. Оп. 3. Д. 59. 245 л.
26. Протоколы заседаний президиума совета облспортсоюза // ГАВО. Ф. Р-6112. Оп. 3. Д. 18. 282 л.
27. Протоколы заседаний президиума совета облспортсоюза // ГАВО. Ф. Р-6112. Оп. 3. Д. 24. 397 л.
28. Протоколы пленумов совета облспортсоюза // ГАВО. Ф. Р-6112. Оп. 3. Д. 23. 290 л.
29. Протоколы пленумов совета облспортсоюза // ГАВО. Ф. Р-6112. Оп. 3. Д. 55. 109 л.
30. Распоряжения совета облспортсоюза // ГАВО. Ф. Р-6112. Оп. 3. Д. 52. 306 л.
31. Решения и постановления облсовета о спортмассовой работе // ГАВО. Ф. Р-6112. Оп. 3. Д. 1. 155 л.
32. Решения облсовета депутатов трудящихся // ГАВО. Ф. Р-6112. Оп. 3. Д. 7. 39 л.
33. Сводные статотчеты о работе за 1960 г. // ГАВО. Ф. Р-3423. Оп. 1. Д. 1596. 14 л.
34. Сводный статотчет за 1963 г. // ГАВО. Ф. Р-3423. Оп. 1. Д. 2018. 4 л.
35. Спортивная школа на общественных началах // Волгоградская правда. 1962. 23 дек.
36. Справка о состоянии и мерах улучшения физического воспитания в школах области // ГАВО. Ф. Р-3423. Оп. 1. Д. 1285. 8 л.
37. Справка о проведении организационно-массовой работы // ГАВО. Ф. Р-6112. Оп. 3. Д. 41. 81 л.
38. Юбилей детской спортивной школы // Сталинградская правда. 1956. 15 авг.

REFERENCES

1. Avdienko V.B., Davydov V.Yu. *Istoriya sportivnogo plavaniya: Stalingrad-Volgograd* [History of Sports Swimming: Stalingrad-Volgograd]. Volgograd, Izd-vo VGAFK, 2011. 210 p.
2. *Vserossijskie spartakiady shkolnikov. 1954, 1955, 1956 i 1957 gg.* [All-Russian Spartakiads for Schoolchildren. 1954, 1955, 1956 and 1957]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1958. 232 p.
3. Godovoj opisatelnyj otchet o rabote Stalingradskogo obkoma fizkultury i sporta [Annual Descriptive Report on the Work of the Stalingrad Regional Committee of Physical Education and Sports]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-6112, inv. 1, d. 39. 191.
4. Gumenyuk A.A. Molodezhnaya politika v SSSR v 1953–1985 gody (po materialam Nizhnego Povolzhya) [Youth Policy in the USSR in 1953–1985 (Based on Materials from the Lower Volga Region)]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 2017, vol. 17, iss. 2, pp. 269–277.
5. Demyashchenkov Yu. Pobeda yunyh plovcov [Victory of Young Swimmers]. *Stalingradskaya Pravda*, 1956, July 29.
6. Doklad Vtoromu plenumu gorsoveta [Report to the Second Plenum of the City Council]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-5966, inv. 3, d. 63. 449 l.
7. Dubrovin N. K novym uspekham, druzya! [To New Successes, Friends!]. *Molodoj leninec*, 1954, July 19.
8. Informacionnyj i statisticheskij otchety kollektiva «Yunyj dinamovec» [Information and Statistical Reports of the “Young Dynamo” Team]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-6788, inv. 1, d. 116. 111.
9. Kasyanik M. Za pervoe mesto [For First Place]. *Volgogradskaya pravda* [Volgogradskaya pravda. Newspaper], 1963, Jan. 1.
10. Materialy II oblastnoj konferencii oblsporsoyuza [Proceedings of the Regional Conference of the Regional Sports Union]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-6112, inv. 3, d. 16. 228 l.
11. Materialy o sostoyanii fizicheskogo vospitaniya v selskih shkolah [Materials on the State of Physical Education in Rural Schools]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-6517, inv. 2, d. 23. 64 l.
12. Materialy oblastnoj letnej spartakiady kollektiva «Yunyj dinamovec» [Proceedings of the Regional Summer Sports Festival of the “Young Dynamo” Team]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-6788, inv. 1, d. 108. 167 l.
13. Melnikova N.Yu., Treskin A.V. *Istoriya fizicheskoy kultury i sporta* [History of Physical Culture and Sports]. Moscow, Sport Publ., 2017. 432 p.
14. Otchet gorkoma fizkultury o ego deyatelnosti za 1952 g. [Report of the City Physical Education Committee on Its Activities for 1952]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-5966, inv. 1, d. 49. 104 l.
15. Otchet o rabote detskoj sportivnoj shkoly za 1953 g. [Report on the Work of the Childrens Sports School for 1953]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-6565, inv. 1, d. 49. 156 l.
16. Otchety po organizacii fizkulturno-massovoj raboty [Reports on the Organization of Physical Culture Work]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-6112, inv. 3, d. 27. 172 l.
17. Perepiska po voprosam sportivno-massovoj raboty [Correspondence on Issues of Mass Sports Work]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-5966, inv. 3, d. 77. 436 l.
18. Perepiska po sportivnym i organizacionno-massovym voprosam [Correspondence on Sports and Organizational Issues]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-5966, inv. 3, d. 78. 340 l.
19. Perepiska s komitetom fizkultury i sporta pri Sovete ministrov RSFSR [Correspondence with the Committee of Physical Culture and Sports Under the Council of Ministers of the RSFSR]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-6112, inv. 3, d. 8. 186 l.
20. Perspektivnyj plan oblastnogo soveta DSO o rasshirenii detskih sportivnyh shkol [Long-Term Plan of the Regional Council of Childrens Sports Schools on the Expansion of Childrens Sports Schools]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-6517, inv. 2, d. 217. 3 l.
21. Postanovleniya i protokoly zasedanij Stalingradskogo gorsportsoyuza [Resolutions and Minutes of Meetings of the Stalingrad City Sports Union]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-5966, inv. 3, d. 72. 485 l.
22. Prikazy gorzdravotdela i sektora fizkultury [Orders of the City Health Department and the Physical Education Sector]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-5966, inv. 1, d. 40. 435 l.
23. Prikazy gorkomiteta fizkultury po rukovodstvu deyatelnostyu [Orders of the City Physical Education Committee on Activity Management]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-5966, inv. 2, d. 23. 495 l.
24. Protokol sovmestnogo plenuma gorkoma VLKSM i Gorsportsoyuza [Protocol of the Joint Plenum of the City Committee of the Komsomol and the City Sports Union]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-5966, inv. 3, d. 76. 230 l.
25. Protokoly zasedanij prezidiuma gorsportsoyuza [Protocols of Meetings of the Presidium of the City

Sports Union]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-5966, inv. 3, d. 59. 245 l.

26. Protokoly zasedanij prezidiuma soveta oblsportsoyuza [Protocols of Meetings of the Presidium of the Regional Sports Union Council]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. P-6112, inv. 3, d. 18. 282 l.

27. Protokoly zasedanij prezidiuma soveta oblsportsoyuza [Protocols of Meetings of the Presidium of the Regional Sports Union Council]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-6112, inv. 3, d. 24. 397 l.

28. Protokoly plenumov soveta oblsportsoyuza [Protocols of the Plenums of the Regional Sports Union Council]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-6112, inv. 3, d. 23. 290 l.

29. Protokoly plenumov soveta oblsportsoyuza [Protocols of the Plenums of the Regional Sports Union Council]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-6112, inv. 3, d. 55. 109 l.

30. Rasporyazheniya soveta oblsportsoyuza [Orders of the Council of the Regional Sports Union]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-6112, inv. 3, d. 52. 306 l.

31. Resheniya i postanovleniya oblsoveta o sportmassovoj rabote [Decisions and Resolutions of the Regional Council on Sports Work]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-6112, inv. 3, d. 1. 155 l.

32. Resheniya oblsoveta deputatov trudyashchihsya [Decisions of the Regional Council of Workers Deputies]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-6112, inv. 3, d. 7. 39 l.

33. Svodnye statotchety o rabote za 1960 g. [Summary Statistical Reports on Work for 1960]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-3423, inv. 1, d. 1596. 14 l.

34. Svodnyj statotchet za 1963 g. [Summary Statistical Report for 1963]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-3423, inv. 1, d. 2018. 4 l.

35. Sportivnaya shkola na obshchestvennyh nachalah [Sports School on a Voluntary Basis]. *Volgogradskaya pravda*, 1962, Dec. 23.

36. Spravka o sostoyanii i merah uluchsheniya fizicheskogo vospitaniya v shkolah oblasti [Information on the State and Measures to Improve Physical Education in Schools in the Region]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-3423, inv. 1, d. 1285. 8 l.

37. Spravka o provedenii organizacionno-massovoj raboty [Information on Organizational and Mass Work]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-6112, inv. 3, d. 41. 8 l.

38. Yubilej detskoj sportivnoj shkoly [The Anniversary of the Children's Sports School]. *Stalingradskaya pravda*, 1956, Aug. 15.

Information About the Author

Ivan A. Lunochkin, Postgraduate Student, Department of History and International Relations, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, lunochkin98@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0000-6872-3617>

Информация об авторе

Иван Андреевич Луночкин, аспирант кафедры истории и международных отношений, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, lunochkin98@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0000-6872-3617>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.2.10>

UDC 94:930.2(44)
LBC 63.3(4Фра)4-7

Submitted: 17.10.2023
Accepted: 29.02.2024

HAGIOGRAPHICAL SOURCES RELATED TO THE CULT OF SAINTS MEDARD AND GILDARD

Anton I. Kasparov

Saint Petersburg State Chemical and Pharmaceutical University, Saint Petersburg, Russian Federation;
Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* Four hagiographical texts about St. Medard of Soissons, two about Eleutherius of Tournai, and one each about Gildard of Rouen, Evodius of Rouen, Bandarid of Soissons, and Laud of Coutances have survived. All of them are connected with the cult of Sts. Medard and Gildard, who, in later tradition, came to be erroneously called brothers. *Methods and materials.* The study was carried out on the basis of critical, historical-genetic and biographical methods. *Analysis.* The results of the critical analysis of the mentioned monuments allowed us to conclude that all of them differ in the time of their creation and the value of the information reflected in them, describing the life and activity of these holy bishops of the Merovingian era. Several texts were already created at the turn of the 6th – 7th centuries by the famous hagiographer Venantius Fortunatus. They can be important sources both for the reconstruction of the real biography of St. Medard and for the study of the history of the Merovingian period. The other texts were created later (in the Carolingian period and during the Classical Middle Ages), and the information about Medard and his time, added by their authors to the facts already known from Merovingian hagiography, does not represent historical value for the 6th century. *Results.* On the example of these monuments, it is possible to trace a characteristic change in the function of hagiography, when the Merovingian texts, compiled to glorify the cult of the saint, are replaced by hagiographies, the creation of which is connected with the confirmation of the land claims of the church in the 9th century, with the struggle around the united church of Noyon and Tournai, unfolding in the 11th – 12th centuries, as well as with the development of the myth about the kinship of Medard and Gildard, and so on. The mentioned phenomenon reflects some peculiarities of the appeal to the cults of Merovingian saints in different epochs, in particular the change of the purposes of creating their hagiographies in accordance with the requirements of the time.

Key words: Merovingian hagiography, saints, Medard, Eleutherius, Gildard, Laud, source study, promotion of the cult.

Citation. Kasparov A.I. Hagiographical Sources Related to the Cult of Saints Medard and Gildard. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 2, pp. 112-122. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.2.10>

АГИОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ, СВЯЗАННЫЕ С КУЛЬТОМ СВЯТЫХ МЕДАРДА И ГИЛЬДАРДА

Антон Игоревич Каспаров

Санкт-Петербургский государственный химико-фармацевтический университет,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация;
Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* До нашего времени дошло четыре агиографических текста о святом Медарде Суассонском, два – об Элефтерии Турнэском и по одному – о Гильдарде Руанском, Эводио Руанском, Бандариде Суассонском и Лауде Кутанском. Все они связаны с культом святых Медарда и Гильдарда, которых в поздней традиции стали ошибочно называть братьями. *Методы и материалы.* Исследование агиографических текстов об указанной группе меровингских святых проведено на основе критического, историко-генетического и биографического методов. *Анализ.* Результаты критического анализа указанных памятников позволили сделать вывод о том, что все они различаются по времени создания и ценности отраженных в них сведений, описывающих жизнь и деятельность этих святых епископов меровингского времени. Несколько текстов было создано уже на рубеже VI–VII вв. известным агиографом Венанцием Фортунатом. Они могут быть важными источниками как для реконструкции реальной биографии святого Медарда, так и для изучения истории меровингского периода. Остальные же тексты были созданы позже (в каролингский период и в период классического Средневековья), а сведения о Медарде и его времени, добавленные их авторами к фактам, уже известным из меровингской агиографии, не представляют исторической ценности для VI века. *Результаты.* На примере этих памятников можно проследить характерное изменение функции агиографии, когда на смену меровингским текстам, составленным для прославления культа святого, приходят жития, создание которых связано с подтверждением земельных притязаний церкви в IX в., с борьбой вокруг объединенной церкви Нуайона и Турнэ, развернувшейся в XI–XII вв., а также с развитием мифа о родстве Медарда и Гильдарда и пр. Указанное явление отражает некоторые особенности обращения к культу меровингских святых в разные эпохи, в частности изменение целей создания их житий в соответствии с требованиями времени.

Ключевые слова: меровингская агиография, святые, Медард, Элефтерий, Гильдард, Лауд, источниковедение, продвижение культа.

Цитирование. Каспаров А. И. Агиографические источники, связанные с культом святых Медарда и Гильдарда // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 2. – С. 112–122. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.2.10>

Введение. Период правления первых франкских королей из династии Меровингов, приходящийся на первую половину VI в., представляет собой «темные века» истории Западной Европы. Это обусловлено крайней немногочисленностью и фрагментарностью дошедших до нашего времени традиционных письменных источников, что, в свою очередь, делает необходимым обращение к агиографическим памятникам, описывающим события этого периода, и включение их данных в соответствующий исторический дискурс. При этом, прежде чем использовать данные подобных источников, необходимо провести критический анализ их исторической ценности и, как следствие, возможности их использования для

реконструкции событий рассматриваемого времени.

Как показывает анализ агиографических источников о меровингских святых, развитие традиции их почитания на протяжении длительного времени ярче проявляется при исследовании «блоков» связанных между собой культов подвижников. Это позволяет проследить взаимосвязь агиографических сочинений и времени появления различных текстов и редакций, привязанных к определенным событиям.

В данной статье мы обратимся к культу святых, сформировавшимся вокруг святых «братьев» – Медарда и Гильдарда, и на их примере продемонстрируем развитие тенденций использования агиографической лите-

ратуры в VI–XII веках. Для этого необходимо провести критический анализ текстов об этих святых.

Методы и материалы. Исследование проведено на основе нескольких методов. В качестве основного был использован критический метод, предполагающий научное исследование агиографических источников о рассматриваемых святых, их авторства, датировки, целей создания, а также научное толкование с целью понять адекватность отражения в тексте реалий анализируемого периода. Кроме того, в рамках историко-генетического метода удалось проследить эволюцию культа меровингских святых начиная с его формирования в меровингский период. Использование биографического метода позволило реконструировать факты жизни и деятельности исследуемых святых.

Анализ. Медард (Medardus). До нашего времени дошло несколько достоверных сообщений о Медарде, епископе Нуайона. Согласно сведениям, приведенным Григорием Турским, Медард, «отличавшийся великой святостью», умер в весьма преклонном возрасте около 560 г. в правление короля Хлотаря I (511–561), который «похоронил его с большими почестями в Суассоне и начал строить на месте его погребения храм, который впоследствии достроил и отделал его сын Сигиберт». В этом храме был после смерти похоронен сыновьями и сам король Хлотарь I, а впоследствии и его сын Сигиберт I [5, pp. 152, 154, 189].

Кроме этого, до нас дошли агиографические источники о святом, которые были составлены Венанцием Фортунатом, известным автором конца VI века. Ему атрибутируют *Житие I* и *Житие в стихах (Vita metrica)*. По-видимому, первоначально было составлено стихотворное изложение [12, p. 97; 24]. В своих сочинениях Фортунат оставил мало фактического материала, позволяющего описать жизнь святого. В основе сюжета большинства составленных им чудес лежит мотив борьбы с внешними опасностями, которую вел Медард во время проживания на своей загородной вилле. Так, основную опасность представляли воры, пытавшиеся украсть виноград [21, p. 69] или горшок, полный меда [21, p. 69], а также свиней на выгуле [21, pp. 70-71]. При этом ощутимая угроза спокой-

ной сельской жизни исходила и от войск короля, которые во время похода не стеснялись грабить и опустошать земли, через которые проходили. С этим, по-видимому, не мог справиться и сам Хлотарь I, и тогда в дело пришлось вмешаться Медарду, после чего войска продолжили свой путь, покинув область Нуайона [21, p. 70].

О самом Медарде автор сообщил лишь то, что отцом его был франк из знатного рода, а мать – рабыня галло-римлянка, жили они в области Вермандуа [21, p. 68]. Там же Медард посещал школу, где получил достаточно хорошее образование, учился вместе с Элефтерием, которому еще в детстве Медард предсказал должность епископа и который стал впоследствии епископом Турнэ [4, p. 114]. После смерти епископа Вермандуа Медард был избран на его место, которое он занимал в течение 15 лет до своей смерти. Умер он в 560 г., и король Хлотарь I велел перенести его тело в Суассон, где его с почестями захоронил, тем самым положив начало культу святого. После смерти короля в 561 г. его тело также было захоронено в храме св. Медарда. В период соперничества со своим братом Хильпериком король Сигиберт I (561–575) захватил Суассон и дополнительно украсил храм, возведенный на могиле святого. Оказывая покровительство Медарду, он заботился о месте захоронения отца и тем самым повышал свой престиж, что помогало ему доказывать свое право на власть над этими землями. Вероятно, по заказу короля и было составлено *Житие в стихах*. Скорее всего, его автором был придворный поэт Фортунат, прибывший на свадьбу Сигиберта с Брунгильдой в 566 году. По всей видимости, в ответ на это житие король Хильперик I (561–584) составил около 575 г. свою оду, восхваляющую св. Медарда [25]. Причастность к культу этого святого активно использовалась сыновьями Хлотаря I для поддержания своего авторитета и законности своего правления.

Через несколько десятилетий во время правления Теодоберта II (596–612) был составлен текст *Жития I*, главная цель которого состояла в том, чтобы обратить внимание молодого короля на культ, основанный его прадедом и дедом, о чем сам автор упоминает в тексте [21, pp. 72-73]. В связи с этим *Житие I*

хотя и не имеет большой исторической ценности, но представляет собой соответствующий эпохе текст, в целом продолжающий позднеантичные традиции.

Неизвестный автор *Жития II* составил свой текст, по собственному признанию, на основе сочинений Фортуната, Григория Турского и других житийных текстов [22, р. 82]. Это, несомненно, произошло не ранее второй половины IX в., так как автор упоминает о реконструкции храма Людовиком Благочестивым, о сожжении его норманнами и последующем его восстановлении [22, р. 85]. При этом автор добавляет и некоторые данные от себя. Так, он впервые упоминает имя отца Медарда – Нектард (*Nectardus*) [22, р. 82]. Кроме того, он дает обоснование упоминаемому эпизоду с грабительским проходом войск Хлотаря через область Нуайона, указывая, что он связан с войной короля со своим сыном Храмом [22, р. 83]. Но основное внимание в *Житии II* уделяется эпизоду дарения королем из казны в пользу храма св. Медарда некоего места *Croviacus* [22, р. 84], а также упоминанию о доходах монастыря св. Медарда, к которым на страницах текста проявлен заметный интерес [22, р. 86]. Именно с этими фактами и связано, на наш взгляд, появление данного текста в каролингское время на рубеже IX–X веков. При этом стоит отметить, что все новые факты о Медарде, которые появились в *Житии II*, не могут считаться достоверными и этот текст не может выступать источником по мерovingскому периоду.

Житие III – еще более поздний текст, составленный Радбодом (*Radbodus*) (1068–1098), епископом Нуайона и Турнэ. По его мнению, Медард управлял кафедрой, когда Галлия была разорена «вандалами, гуннами, венграми и другими народами». Упоминание в ряду этих народов венгров, которые появились на границах франкских королевств в X в., четко указывает на то, что текст был составлен не ранее этого времени [23, р. 90]. В своей работе он опирался на известные ему предыдущие версии – *Жития I* и *II*, переплетая их данные в своем тексте. Радбод добавил от себя некоторые чудеса и имя матери Медарда, которое он, скорее всего, почерпнул из *Жития Гильдарда*, где оно появляется впервые, о чем будет сказано ниже. Кроме того,

на страницах *Жития III* впервые появляется история о том, что Медард после смерти своего друга, епископа Турнэ (Элефтерия), был избран на эту кафедру, тем самым объединив под своим началом два диоцеза [23, pp. 90-91]. Подобное объединение кафедр действительно имело место вплоть до XII в., однако оно, по-видимому, не имело отношения к фигуре епископа Медарда, а произошло несколько позже, на рубеже VI–VII вв. [4, р. 99]. В 1146 г. кафедра в Турне была восстановлена Римским папой Евгением III, но этот вопрос, по-видимому, стал весьма актуальным уже в конце XI в., во время епископства Радбода. В связи с этим он включил в текст жития эту историю, тем самым используя авторитет святого Медарда как инициатора объединения кафедр для обоснования сакрального смысла этой процедуры. Таким образом, Радбод пытался противостоять разделению кафедры, чем и было обусловлено, на наш взгляд, и его обращение к образу Медарда, и создание новой версии его жизнеописания.

Завершив на этом рассмотрение агиографических сочинений о св. Медарде, перейдем к анализу текстов о святых, непосредственно с ним связанных. К таковым относится св. Элефтерий, о котором из достоверных источников известно, что он с ранних лет был знаком с Медардом.

Элефтерий (*Eleutherius*). Существует два текста об Элефтерии, епископе Турнэ, который, как мы знаем из достоверного *Жития Медарда I*, учился вместе с последним в школе (*scola*) и которому Медард еще в детстве предсказал назначение на должность епископа. *Житие Элефтерия II* – более полный текст [17], состоящий из семи глав, но полностью повторяющий первые две главы (из трех) *Жития Элефтерия I* [15]. Исходя из этого, некоторые исследователи предположили, что *Житие I* – более ранний текст, относящийся к каролингской эпохе, а *Житие II* было составлено на основе первого текста и дополнено чудесами святого несколько столетий спустя [3]. Однако здесь мы склонны согласиться с доводами Л. Ван дер Эссена, который показал, что *Житие I* и *Житие II* представляют собой один и тот же текст, составленный одним автором в XII веке. Так, *Житие I*, исходя из сообщения автора

Historiae Tornacensis, было составлено клириком Генри, которому 26 апреля 1141 г. св. Элефтерий, явившись в видении, поведал свою биографию. По словам того же автора, в дальнейшем Генри, благодаря новым видениям, расширил первоначальный текст, в результате чего было составлено *Житие II* [9, р. 328; 13, pp. 394-397].

Несомненно, его текст был создан в рамках борьбы вокруг объединенной кафедры Нуайона и Турнэ, развернувшейся в конце XI – середине XII века. В защиту этого объединения епископом Радбодом было создано уже упомянутое выше *Житие Медарда III*. Клирик Генри в 1141 г. создал *Житие Элефтерия* в поддержку самостоятельности кафедры Турнэ накануне того, как в 1146 г. она была восстановлена римским папой Евгением III.

Генри был знаком с текстами *Житий Медарда*, откуда он перенес рассказ о предсказании Элефтерию в юности сана епископа [16, р. 187] и факт присутствия св. Медарда при захоронении Элефтерия, но по понятным причинам не включил избрание Медарда епископом Турнэ [16, р. 189]. Генри в своем труде пытался создать историю о крещении Турнэ и епископа Элефтерия, благодаря этому у него получилась фантастическая история о епископе, берущая начало во времена Диоклетиана и продолжающаяся при Хлодвиге и его сыновьях. Автора нисколько не смутило то, что между этими событиями пролегал 200 лет. Для анализа прагматики текста укажем на два эпизода, подчеркивающие цель его создания. Согласно сведениям, которые приводит Генри, Элефтерий был назначен епископом Турнэ в Риме непосредственно римским папой [16, р. 187], а также инициировал и провел Собор, резко выступавший против арианства [17, р. 191]. Все эти вымышленные Генри факты должны были показать высокий авторитет самостоятельной кафедры Турнэ. Таким образом, *Житие Элефтерия* было составлено в XII в., основной его целью было утверждение самостоятельности кафедры Турнэ. Это предвосхитило ее отделение от Нуайона, состоявшееся в 1146 году.

Согласно установившейся агиографической традиции, у св. Медарда был брат Гильдард, который являлся епископом Руана и также был причислен к лику святых. В связи с

этим представляется необходимым рассмотреть агиографический текст о последнем и провести его историко-культурный анализ.

Гильдард (Gildardus). Гильдард – епископ Руана, живший в начале VI в., о котором доподлинно известно только то, что он присутствовал на Орлеанском Соборе в 511 году. В 538 г. (по некоторым данным, в 533 г.) документы Соборов от Руана подписывал другой епископ – Флавий (*Flavius*) [4, р. 206]. Таким образом, Гильдард умер до этого времени. Никаких других исторических сведений о нем не осталось.

До настоящего времени сохранилось *Житие Гильдарда*, которое было составлено для того, чтобы восполнить пробел о жизни этого святого, которая, по словам его автора, «из-за небрежности древних» до сих пор не была описана [19, pp. 394-395]. В основе этого агиографического сочинения находятся *Жития Медарда I и II* и *Житие Лауда*, которые стали источниками не только отдельных биографических фактов, но и текстуальных заимствований [19, pp. 400-401].

Автор *Жития Гильдарда* дополнил миф о том, что Гильдард был братом-близнецом св. Медарда, имя отца которых – Нектард (*Nectardus*) – автор заимствовал из *Жития Медарда II*, а имя матери придумал сам. Оно впоследствии проникло в *Житие Медарда III*. Желание связать двух святых родственными узами появилось после того, как в 838/841 г. тело Гильдарда в связи с угрозой нападения норманнов было перенесено из Руана в аббатство св. Медарда в Суассоне [11]. После обретения мощей св. Гильдарда в IX в. в аббатстве возникло желание связать культ этого святого со св. Медардом, что нашло отражение в *Житии Гильдарда* и было основной целью его создания. Объединенный культ двух святых получил в дальнейшем распространение на территории современных Франции и Англии, однако этот миф выглядит неправдоподобно.

Помимо мифа о родстве Гильдарда и Медарда, автор привнес в текст еще один эпизод, в котором он представил Медарда и Ремигия Реймского непосредственными участниками крещения короля Хлодвига [19, р. 397]. Подобный исторический миф показывает растущую необходимость в продвижении культа, которая, по-видимому, осознавалась в

монастыре во времена автора. Это возводило св. Медарда в ранг святителя франков и, по замыслу автора, должно было существенно повысить авторитет святого.

Все вышесказанное не оставляет сомнений в том, что текст был создан в монастыре св. Медарда. Использование автором текстов *Жития Медарда II*, составленного во второй половине IX – начале X в., и *Жития Лауда*, составленного около 1050 г., позволяет провести нижнюю границу даты создания *Жития Гильдарда*, а заимствование имени матери епископом Радбодом, составившим текст *Жития Медарда III*, дает основания для установления верхней границы. На основании этих указаний можно заключить, что *Житие Гильдарда*, по-видимому, было составлено во второй половине XI века.

С культом св. Гильдарда связано несколько святых, относящихся к территории современной Нормандии, к которым, в частности, относятся св. Лауд и Эводий. Критический анализ агиографических текстов, посвященных этим святым, приведен ниже.

Лауд (Laudus). Этому святому посвящено *Житие Лауда*. По словам его автора, «в то время, когда Хильдеберт I был одним из первых королей, которые правили франками с почтением и согласно закону Божьему», в Кутансе был епископ Поссесор (*Possessor*). Он был славен многими чудесами и своим примером укрепил многих в христианской вере. Он правил 35 лет, пока не скончался и не был похоронен с большими почестями. Во время его похорон двум пресвитерам этой церкви приснился сон, в котором ангел указал на Лауда как нового епископа. Проснувшись, пресвитеры поведали об этом, и, с согласия клира и народа, было решено просить короля, чтобы он назначил Лауда епископом. Король незамедлительно согласился, так как также был убежден в необходимости такого назначения ангельским видением [20, pp. 496-497].

Столь типичное для агиографии повествование внезапно оборачивается скандалом. Прибывший в королевский дворец архиепископ Руанский Гильдард обнаруживает, что избраннику Лауду всего 12 лет, и отказывается благословлять его на управление кафедрой. Между тем после некоторых уговоров короля он, «воодушевленный божественным

вдохновением» благословил Лауда, и тот, по словам биографа, все-таки стал епископом в 12 лет [20, p. 498]. Такой нетривиальный поворот в тексте не оставляет сомнений в том, что основной целью создания *Жития* являлось оправдание избрания на должность епископа Кутанса юноши, возраст которого не соответствовал этой должности. На наш взгляд, здесь можно усмотреть историческую связь с фигурой епископа Жоффруа де Монтбрея (*Geoffrey de Montbray*) (1049–1093), который тоже был посвящен на кафедру Кутанса в довольно раннем возрасте [6, pp. 134-135]. При этом автор, по-видимому, преувеличил ситуацию, так как едва ли Жоффруа был посвящен в сан в 12 лет. Однако несомненно то, что занял он эту должность в достаточно юном возрасте и это вызвало резонанс. Все это привело к тому, что в 1050 г. Жоффруа предстал перед Церковным Собором в Реймсе, обвиненный в симонии, однако ему удалось защитить себя от обвинений. Вероятно, именно в это время составляется *Житие Лауда*, призванное показать, что первый святой Кутанса тоже был посвящен в епископский сан в раннем возрасте. Этот текст должен был, благодаря авторитету святых Лауда и Гильдарда, повлиять на общественное мнение и снять подобные обвинения с епископа Жоффруа. Упомянув имя предшественника – Лауда – на епископской кафедре, автор, скорее всего, ориентировался на *Фасты епископов Кутанса*, которые уже сформировались в это время [4, pp. 237-238]. Исходя из всего вышесказанного, можно утверждать, что *Житие Лауда* было составлено в середине XI в., в начале деятельности епископа Жоффруа де Монтбрея.

Закончив с историей о назначении Лауда епископом в 12 лет, агиограф переходит к описанию добродетелей св. Лауда, что можно воспринять как описание образа идеального епископа в глазах автора [20, pp. 498-499]. Эта «программная речь», на наш взгляд, была направлена не столько на внешнюю аудиторию, сколько имела функцию наставления для молодого прелата, который, по словам современника, больше понимал в командовании солдатами на поле брани, чем в обучении клириков пению псалмов в церкви [10, pp. 17-18].

Все вышесказанное, вероятно, было главным мотивом для создания текста жития, в

остальном же автор ограничился единственным чудом, когда св. Лауд излечил слепую, и эпизодом о посещении епископом Хильдеберта I, которого король принял «наилучшим образом» [20, pp. 499-500]. Кроме этого, агиограф сообщает лишь то, что Лауд умер спустя 46 лет после своего назначения епископом. При этом биограф, по-видимому, сознательно умолчал о месте захоронения и поклонения святому, что свидетельствует о том, что прославление культа святого не было целью этого текста. Причина такого отношения, возможно, лежит в том, что во времена автора *Жития* культ св. Лауда и резиденция епископов Кутанса находились в храме св. Спасителя в Руане, после того как в 875 г. норманны превратили церковь Кутанса в руины [14, pp. 38-40]. Агиограф оставил без внимания этот вопрос, для того чтобы не придать тексту излишне современный характер или не впасть в откровенную фальсификацию.

Таким образом, *Житие Лауда* представляет собой текст, составленный во второй половине XI в. с целью оправдать избрание на епископскую кафедру Жоффруа де Монтбрея, и поэтому не имеет исторической ценности для VI века. Автор жития использовал авторитет св. Гильдарда для оправдания рукоположения в епископы юноши. При этом агиограф, по всей видимости, знал о реальном епископе Лауде только то, что он был избран следующим епископом после Поссесора. По крайней мере, биограф не упоминает о том, что епископ Лауд участвовал в Соборах 535–549 гг., где оставил свою подпись. Помимо этого, в *Житие* отсутствуют сведения о годах жизни епископа, так как в этом тексте мы сталкиваемся с откровенным вымыслом.

Эводий (Evodius). Эводий – один из ранних епископов Руана, занимавший кафедру в первой половине V века. Он является одним из предшественников Гильдарда на кафедре и также причислен к лику святых [4, p. 206]. При этом автор *Жития Эводия* по неизвестной причине отнес рождение святого ко времени короля Хлотаря I, тем самым искусственно перенес жизнь святого на столетие позже [18, p. 246]. Этот факт наглядно показывает желание автора сделать Эводия современником Гильдарда и опереться на авто-

ритет известного святого. При этом данный пассаж также наглядно демонстрирует абсолютное отсутствие у автора знания о деятельности епископа Эводия, при этом он сам не скрывает, что составил текст намного позже описываемых событий (*de praesenti seculo*) [18, p. 247]. На самом деле автор мог мало рассказать о жизни святого. Он создал простой и непритязательный текст, состоящий из различных чудес святого: от излечения немого и рук девушки, приумножения денег для раздачи бедным и масла для службы до остановки пожара в городе, грозившего ему полным уничтожением. Судя по тексту, целью создания *Жития* было продвижение культа святого, причем не только в Руане, но и в Лез-Андели (*Les Andelys*), указанном в качестве места смерти святого [18, p. 247].

Сообщая о родителях святого, автор указал, что они жили при Хлотаре, сыне Людовика (*Ludovici*) (поздняя форма имени Хлодвига), тем самым показывая нам, что он, скорее всего, составил этот текст в IX веке. Биограф сообщил, что тело святого было захоронено в храме в Руане [18, p. 247], но не упомянул о перенесении мощей святого в связи с нападениями норманнов в IX в. в область Суассона, где они оставались вплоть до XIX века [1, pp. 325-327; 7]. Последнее может свидетельствовать о том, что автор составил житие до этого события, вероятно в IX веке.

В заключение этого обзора культов, связанных с Медардом и Гильдардом, стоит проанализировать *Житие Бандариды*, которое имеет непосредственную связь с агиографической традицией о Медарде.

Бандарид (Bandaridus). Епископ Суассона Бандарид, по словам автора его *Жития*, принял кафедру после смерти своего предшественника, епископа Лупа (*Lupus*), который присутствовал на I Орлеанском Соборе в 511 году [15, p. 63]. О существовании самого епископа Бандариды письменно известно только из этого текста [4, p. 90]. В историчность этого персонажа можно поверить на основании того, что могила святого, захороненного в базилике св. мучеников Криспина и Криспиниана в Суассоне, существовала и во времена автора и являлась объектом поклонения [15, p. 68]. Последнее было, по-видимому, единственным, что знал автор о святом, ког-

да взялся составлять его жизнеописание. В остальном он сочинил красивую легенду о святом епископе, которая не имеет отношения к его реальной жизни.

По словам автора, епископ Бандарид был избран «во времена короля Лотаря (*Lotharii*)». Подобная транскрипция имени короля Хлотаря I указывает на то, что текст был создан уже в каролингское время. На это также указывает и образ меровингского короля, воссозданный в тексте. По мнению автора, Хлотарь «скорее не король, а жестокий тиран (*non autem vere rex, sed tyrannus crudelis*)» [15, p. 65]. Завистники в окружении короля постоянно клеветали против Бандарида и приписывали ему плохие поступки, представляя его милосердие как вред, наносимый Церкви, а его твердость – как притеснение. Поэтому в очередной раз обвиненный перед королем Бандарид был отправлен в изгнание без всякого решения Собора епископов [15, pp. 63-64]. Это вполне вписывается в рамки каролингской пропаганды, стремившейся представить королей из династии Меровингов не заботившимися о христианской вере и притеснявшими христианских служителей, в отличие от «наихристианнейших» королей сменявшей их династии Каролингов [8, pp. 199-200].

Согласно тексту, местом своего изгнания Бандарид избрал Англию, куда и перебрался. Там он присоединился к общине монахов и вел смиренный образ жизни. Через семь лет, когда случился неурожай и наступил голод, народ Суассона потребовал от короля возвращения опального епископа. И король вынужден был отправить людей на поиски Бандарида, которые с трудом его разыскали [15, pp. 64-65]. Сначала Бандарид наотрез отказался возвращаться под власть «тирана», но после долгих уговоров и с разрешения местного аббата общины опальный епископ возвращается назад. Встреченный народом с радостью и почетом, святой епископ совершил чудо, когда из места, где он воткнул свой посох, заструился ключ. Кроме того, вскоре после его возвращения земля, страдавшая от неурожая, снова стала плодородной [15, pp. 65-67]. Святой изгнал демона из дочери короля, за что, по словам биографа, король одарил его золотом и серебром и велел передать в его ведение некоторые земли из фиска и монастырь

св. мучеников Криспина и Криспиниана [15, p. 67]. Таким образом, автор *Жития* составил свой текст, желая подтвердить давность притязаний епископа Суассона на некоторые земли и контроль над монастырем, в храме которого был захоронен святой. Не приходится сомневаться, что этот мотив был основным при создании данного текста. Здесь стоит добавить, что, на наш взгляд, сам монастырь св. Криспина и Криспиниана был основан позднее VI в., так как Григорий Турский упоминает в окрестностях Суассона только базилику, посвященную этим мученикам, возле которой впоследствии, по-видимому, была организована монашеская община [5, p. 240].

При этом автор не пожелал упустить возможность связать Бандарида с особо почитаемым культом св. Медарда, сделав его основным действующим лицом при захоронении этого святого. При этом агиограф показывает знание *Жития Медарда I*, непосредственно ссылаясь на него в своем тексте [15, p. 67; 21, p. 72]. Этот эпизод вдохновил Радбода, который включил его в свое *Житие Медарда III*, в результате чего епископ Бандарид непосредственно появился на страницах одного из поздних текстов о Медарде [23, p. 92].

Таким образом, можно заключить, что *Житие Бандарида* было создано в IX–X вв. с целью подтвердить права епископа Суассона на некоторые земли, а также в результате борьбы за контроль над монастырем св. мучеников Криспина и Криспиниана. Сам текст не имеет под собой исторической основы и несет в себе элементы каролингской пропаганды, направленной против королей из династии Меровингов. И хотя зачастую ранние Меровинги в каролингской агиографии избегали подобных «клише», здесь мы имеем пример обратного представления.

Результаты. На примере культа св. Медарда и связанных с ним культов можно проследить эволюцию применения агиографической литературы в VI–XII веках. В конце VI в. известным агиографом Венанцием Фортунатом для продвижения и прославления культа святого были созданы *Житие Медарда I* и *Житие Медарда в стихах*. Эти два текста отражают реалии VI в. и являются источниками по этому периоду, демонстрирующими формирование и поддержку культа св. Медар-

да непосредственно королем Хлотарем I и его ближайшими потомками. Эти два текста являются единственными достоверными источниками по VI в. в рамках всего рассмотренного цикла текстов, данные которых можно использовать в исторических реконструкциях, связанных с меровингским периодом.

Основная же масса текстов рассмотренного цикла была составлена уже в каролингский период и классическое Средневековье. Начиная с каролингского периода в западно-европейской литературе происходит «открытие» новой функции агиографии, когда ее начинают использовать для подтверждения различных притязаний. По этой причине в IX–X вв. вновь обратились к культу св. Медарда и был составлен новый агиографический текст о нем – *Житие Медарда II*. При этом неизвестный каролингский агиограф решил применить текст о почитаемом святом для подтверждения претензий на землю и других доходов монастыря св. Медарда, которые, по словам автора, были дарованы Медарду еще в VI веке. В это же время было составлено *Житие Бандарида*, также посвященное подтверждению имущественных притязаний.

Следующий всплеск интереса к этому культу проявился уже в XI–XII веках. Этот интерес был связан с борьбой за разьединение кафедр Нуайона и Турнэ, объединенных под властью одного епископа на рубеже VI–VII веков. Радбод, епископ Нуайона и Турнэ, в конце XI в., выступая за сохранение объединения этих кафедр, составил *Житие Медарда III*, в котором объединение кафедр отнес к деятельности самого Медарда, авторитетом которого он пытался заручиться, отставив свою позицию. В ответ на это в начале XII в. были созданы *Жития Элефтерия*, материал для которых пришел некоему клирику во сне. Эти тексты последовательно отстаивали позицию о самостоятельности кафедры Турнэ, показывая, что епископ Элефтерий в VI в. был активным деятелем того времени и даже созывал поместный собор. В это же время было составлено *Житие Гильдарда*, пытавшееся утвердить миф о том, что Медард и Гильдард были братьями.

Подробное рассмотрение всех этих агиографических текстов IX–XII вв. позволяет прийти к выводу, что детали жизни самих ме-

ровингских святых, которые поздние авторы добавляют от себя к уже известным по меровингским текстам фактам, нельзя принимать как достоверные. Сами эти тексты не могут рассматриваться как источники по VI в., а сведения из подобных текстов нельзя включать в исторические реконструкции по меровингскому периоду. Однако эти сочинения прекрасно отражают борьбу вокруг конкретных вопросов, волновавших церковь во время их создания, и представляют собой интересные источники по периоду IX–XII веков.

В заключение стоит еще раз отметить, что пример текстов «цикла Медарда и Гильдарда» прекрасно иллюстрирует развитие агиографической литературы в VI–XII вв. и изменение ее функции. В VI в. после смерти св. Медарда был основан культ этого святого, тесно связанный с королевской семьей Мерovingов. Это вылилось в появление двух агиографических текстов, созданных для прославления и продвижения культа святого и содержащих в себе достоверную намеренную и ненамеренную информацию об описываемом периоде. В этой связи можно говорить, что эти два меровингских текста являются продолжателями раннехристианской и позднеантичной агиографических традиций. В каролингскую эпоху вновь обратились к уже древнему культу св. Медарда, но это сознательное обращение было связано не с желанием продвижения культа, а с возможностью использования агиографии для подтверждения земельных притязаний церкви. В рамках этой новой функции агиографии в данном цикле были созданы два из трех текстов, в которых ко времени жизни этих святых относят дарения церкви, тем самым формируя сфальсифицированную доказательную базу, опирающуюся на авторитет меровингских святых. В XI–XII вв. культы рассмотренных меровингских святых вновь были востребованы, но на этот раз уже не в «банальных» притязаниях на землю. Агиография о меровингских святых была использована для более специфических и частных интересов. Было составлено три текста в рамках развернувшейся в XI в. борьбы за объединенную кафедру Нуайона и Турнэ, а также для подтверждения мифа о родстве Медарда и Гильдарда, мощи которых с IX в. хранились в одном монастыре.

Концепция развития агиографической литературы, предложенная И. Делеэ и прежде всего основанная на базе исследования некоторых раннехристианских святых, предлагает следующие типы: *passio historique* – тексты, составленные современниками о святых; *passio épique* – более поздние тексты, в которых образ святого переосмысливается и превращается в народного героя на основе сложившегося на этой территории литературного наследия и эпоса [2]. Однако даже в рамках этого цикла можно обнаружить несовершенство данной концепции для агиографии меровингских святых и необходимость ее развития. Для этого пласта святых со своей стороны мы можем предложить следующую концепцию: *passio historique* – *passio falsifié* – *passio épique*. Здесь недостоверные тексты (*passio falsifié*), которые в большом количестве стали составлять начиная с каролингского периода (сер. VIII – X в.), были созданы для подтверждения различных притязаний, которые пытались обосновать апелляциями к ранним меровингским святым, по большей части не имевшим никакого отношения к реальным событиям. Для подобных текстов не совсем подходит определение *passio épique*, данное И. Делеэ. На наш взгляд, подобные тексты стоит выделить в отдельную группу.

В результате в рассмотренном цикле текстов можно выделить: *passio historique* (*Житие Медарда I, Стихотворное житие Медарда*); *passio falsifié* (*Житие Медарда II, Житие Медарда III, Житие Элефтерия, Житие Лауда*) и *passio épique* (*Житие Гильдарда, Житие Эводия*).

REFERENCES

1. Brossard de Ruville. *Histoire de la ville Andelis et de ses dépendances. Vol. 1.* Les Andelys, 1863. 504 p.
2. Delehay H. *Les Passions des martyrs et les genres littéraires.* Bruxelles, Société des Bollandistes, 1921. 447 p.
3. D’Haenens A. *Eleuthere. Dictionnaire d’histoire et de géographie ecclésiastiques.* Paris, Letouzey et Ané, 1963, vol. 15, cols 150-153.
4. Duchesne L. *Fastes épiscopaux de l’ancienne Gaule. T. 3.* Paris, 1915. 270 p.
5. Gregorius Turonensis. *Historia Francorum. Monumenta Germaniae Historica. Scriptores Rerum Merovingicarum. T. 1.1.* Hannover, 1951. 641 p.
6. Le Patourel J. Geoffrey of Montbray, Bishop of Countances, 1049–1093. *The English Historical Review*, 1944, vol. 59, no. 234 (May), pp. 129-161.
7. Lifshitz F. Eight Men in: Rouennais Traditions of Archiepiscopal Sanctity. *The Haskin Society Journal*, 1990, vol. 2, pp. 63-74.
8. Hen Y. *Culture and Religion in Merovingian Gaul, A.D. 481–751.* Leiden, Brill, 1995. 308 p.
9. Waitz G., ed. *Historiae Tornacensis. Monumenta Germaniae Historica. Scriptore (In Folio), T. 14.* Hannover, 1883, pp. 327-351.
10. Ordericus Vitalis. *The Ecclesiastical History of England and Normandy, Vol. III.* London, 1854. 492 p.
11. Translatio Gildardi. *Analecta Bollandiana. T. 8.* Paris, Bruxelles, 1889, pp. 393-402.
12. Van Dam R. *Gregory of Tours: Glory of Confessors.* Liverpool, Liverpool University Press, 1988. 127 p.
13. Van Der Essen L. *Etude Critique et Littéraire sur les Vitae des Saints Merovingiens de l’Ancienne Belgique.* Paris, 1907. 447 p.
14. Van Houts E. *The Normans in Europe.* Manchester, Manchester University Press, 2000. 320 p.
15. *Vita Bandaridi. Acta sanctorum, augusti, t. 1.* Antwerpen, 1733, pp. 63-68.
16. *Vita Eleutherii I. Acta sanctorum, febraris, t. 3.* Antwerpen, 1658, pp. 187-189.
17. *Vita Eleutherii II. Acta sanctorum, febraris, t. 3.* Antwerpen, 1658, pp. 189-195.
18. *Vita Evodii. Acta sanctorum, octobris, t. 4.* Antwerpen, 1780, pp. 246-248.
19. *Vita Gildardi. Analecta Bollandiana. T. 8.* Paris, Bruxelles, 1889, pp. 393-402.
20. *Vita Laudi. Catalogus Codicum Hagiographicorum Latinorum Antiquiorum Saeculo XVI qui asservatur in bibliotheca nationale Parisiensi, T. 1.* Bruxellis, 1889, pp. 496-500.
21. Krusch B., ed. *Vita Medardi I. Monumenta Germaniae Historica. Auctores Antiquissimi. T. 4.2.* Berlin, 1885, pp. 67-73.
22. *Vita Medardi II. Acta sanctorum, junii, t. 2.* Antwerpen, 1698, pp. 82-86.
23. *Vita Medardi III. Acta sanctorum, junii, t. 2.* Antwerpen, 1698, pp. 87-94.
24. Leo F., ed. *Vita Medardi metrica. Monumenta Germaniae Historica. Auctores Antiquissimi. T. 4.1.* Berlin, 1881, pp. 44-48.
25. Strecker K., ed. *Ymnus in solemnitate sancti Medardi episcopi. Monumenta Germaniae Historica. Poetae, T. 4.2,3.* Berlin, 1923, pp. 455-457.

Information About the Author

Anton I. Kasparov, Lecturer, Department of Social and Humanitarian Disciplines, Saint Petersburg State Chemical and Pharmaceutical University, Professora Popova St, 14A, 197022 Saint Petersburg, Russian Federation; Candidate for a Degree, Department of History and International Relations, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, akdrama@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0009-7567-7626>

Информация об авторе

Антон Игоревич Каспаров, преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Санкт-Петербургский государственный химико-фармацевтический университет, ул. Профессора Попова, 14А, 197022 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация; соискатель кафедры истории и международных отношений, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, akdrama@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0009-7567-7626>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.2.11>

UDC 94
LBC 63.3(2)

Submitted: 24.11.2022
Accepted: 24.01.2023

**POPULATION OF THE KARGOPOLSKY UYEZD
AT THE BEGINNING OF THE 18th CENTURY
(ACCORDING TO THE CENSUS BOOK
OF THE CITY OF KARGOPOL AND THE UYEZD OF 1712–1713)**

Andrey I. Pobegimov

Independent Researcher, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article examines the population of the Kargopolsky Uyezd (the Onega River basin) at the beginning of the 18th century (numbers, social structure, population migrations, and marital relations). *Methods and materials.* Methods of historical research are used: analysis, synthesis. The *source base* consisted of census books. *Analysis.* At the beginning of the 18th century, the population of 25 volosts and the Oshevskaya settlement of the Kargopolsky Uyezd consisted of 95% of tax-paying peasants and only 5% of other categories of the population (the clergy of a parish, beggars, sharecroppers, batches, farmsteaders, and Cossacks). A large number of monasteries (11 monasteries and pustyns) and the presence of a city with a townsman population – owners of land plots in the county – led to the formation of large and medium-sized landowners represented by individual monasteries and townspeople. In turn, this created a need for labor. *As a result*, the author came to the conclusion that the existing structure of land ownership was the reason for the activity of migration processes. There are a significant number of newcomers in the monastery and township courtyards; these were mainly immigrants from the Olonetsky Uyezd. Marriage ties were between representatives of neighboring volosts, often within the same volost and village.

Key words: batches, sharecroppers, farmsteaders, beggars, clergy of a parish, townspeople, migrations, marital relations.

Citation. Pobegimov A.I. Population of the Kargopolsky Uyezd at the Beginning of the 18th Century (According to the Census Book of the City of Kargopol and the Uyezd of 1712–1713). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 2, pp. 123-132. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.2.11>

УДК 94
ББК 63.3(2)

Дата поступления статьи: 24.11.2022
Дата принятия статьи: 24.01.2023

**НАСЕЛЕНИЕ КАРГОПОЛЬСКОГО УЕЗДА В НАЧАЛЕ XVIII в.
(ПО ПЕРЕПИСНОЙ КНИГЕ ГОРОДА КАРГОПОЛЯ И УЕЗДА 1712–1713 гг.)**

Андрей Иванович Побежимов

Независимый исследователь, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В статье рассмотрено население Каргопольского уезда (бассейн р. Онеги) в начале XVIII в. (численность, социальная структура, миграции населения, брачные связи). *Методы и материалы.* Используются методы исторического исследования: анализ, синтез. *Источниковую базу* составили переписные книги. *Анализ.* В начале XVIII в. население 25 волостей и Ошевенской слободы Каргопольского уезда на 95 % состояло из тяглых крестьян и только 5 % приходилось на другие категории населения (церковный причт, нищие, половники, бобыли, подворники, казаки). Большое количество монастырей (11 монастырей и пустыней) и наличие города с посадским населением – владельцами земельных участков в уезде привело к образованию крупных и средних земельных собственников в лице отдельных монастырей и посад-

ских людей. В свою очередь, это вызывало потребность в рабочей силе. В результате автор пришел к выводам: сложившаяся структура землевладения послужила причиной активности миграционных процессов; наблюдается значительное количество пришлого населения в монастырских и посадских дворах, в основном это были выходцы из Олонецкого уезда. Брачные связи были между представителями соседних волостей, чаще в пределах одной волости и деревни.

Ключевые слова: бобыли, половники, подворники, нищие, причт, посадские люди, миграции, брачные связи.

Цитирование. Побежимов А. И. Население Каргопольского уезда в начале XVIII в. (по переписной книге города Каргополя и уезда 1712–1713 гг.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 2. – С. 123–132. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.2.11>

Введение. Каргопольский у. находился в бассейне р. Онеги. Он охватывал берега оз. Лаче, верхнее и среднее течение р. Онеги с притоками, реками Кена и Волошка. В переписных книгах (далее – ПК) Каргополя и уезда 1712 и 1713 гг. говорится: «В Каргопольском уезде кроме посада и Турчасовского посада и стана и Мехреньгского, Устьмошского, Мошенского станов же и монастырских вотчин 35 волостей» [6, л. 829 об.]. ПК составлялись в период петровских преобразований, связанных с усилением государственного гнета, и в этом отношении Каргопольский у. ничем не отличался от других станов. Мужское население привлекалось на строительство Санкт-Петербурга (580 чел.), для работ на Олонецкой верфи (69 чел.), где во всех случаях говорится: «умер под Олонцами». Население забиралось в даточные солдаты или рекруты (57 чел.) [6]. В других станах Турчасовском (поморские волости) и Мехреньгском в это время происходил массовый исход населения. Поморские земли опустели наполовину. Похожая ситуация наблюдалась и в Мехреньгском стане. Уровень эмиграции (уход населения в другие уезды) в этих станах значительно превышал уровень иммиграции (приток переселенцев из других уездов) [11; 12, с. 11–14].

Предстоит выяснить численность, социальную структуру, миграции (уровень, направления миграции, соотношение эмиграции и иммиграции), брачные связи населения Каргопольского у. в начале XVIII века. Поставленные задачи определяют научную новизну исследования.

Методы и материалы. Источниковую базу исследования составили Книги Переписные города Каргополя и уезда в 1712 и

1713 гг. стольника коменданта Петра Васильевича Коробнина. ПК хорошей сохранности, на 837 листах, в кожаном переплете. Бумага серая, не плотная, написана русской скорописью XVIII в., предположительно тремя почерками. По скрепам на листах определяются имена переписчиков: подьячий Андрей Лютуев, подьячий Андрей Митусов, подьячий Степан Чесноков. ПК состоит из четырех разделов. В первом разделе представлен перечень всех волостей Каргопольского у. и станов (Устьмошского, Мошенского, Мехреньгского, Турчасовского) с волостями и монастырями. Во втором разделе – перепись города Каргополя. В третьем разделе – перепись 25 волостей с Ошевенской слободой. По итогам переписи каждой волости приводятся данные по количеству жилых, пустых деревень, дворов, изб; численности крестьян мужского и женского пола, попов, причетников, нищих, увечных; в конце раздела – по 35 волостям Каргопольского у.: численность жилых, пустых деревень, дворов, изб. В четвертом разделе дается описание 6 монастырей Каргопольского у. [6].

В статье применены традиционные методы исследования письменных источников: интерпретация (выявляется заключенная в источнике информация), анализ (критика источника), синтез (реконструкция исторического прошлого). При анализе источника используется также количественный метод – производится подсчет численности различных групп населения Каргопольского уезда.

Дискуссия (историография). Возникновение интереса к истории русского населения Каргопольского у. относится к концу XIX – началу XX века. Именно в это время выходит большое количество публикаций краеведческо-

го характера. В трудах А. Воронова, Г.И. Куликовского, А. Мельницкого, И. Полякова, П.Н. Рыбникова, Я. Светлова выясняется происхождение, особенности диалекта, характера, обычаи и занятия населения [3; 7; 8; 13–15]. М.М. Богословский впервые представил выборочные данные из переписных книг Каргопольского у. 1648 г. по всем станам и волостям [1, с. 14–15; приложение, с. 10; 9]. По материалам Платежной книги 1555–1556 гг. и Сотных Каргопольского уезда 1561–1562 гг. Ю.С. Васильев дал полное описание Каргопольского у. в середине XVI в., в том числе численность и социальный состав населения [2; 10; 17]. В наши дни Н. Тормосова изучила историю каргопольских поселений периода XIX – конца XX века. Также была определена численность населения в волостях Каргополья [18]. Стали появляться работы, связанные с историей отдельных волостей Каргопольского уезда. Стоит отметить исследование А.Ю. Жукова по истории Каргопольской половины Водлозерской волости. Наряду с другими вопросами в статье рассмотрено развитие населения волости [4]. В работе использовались Сотные на Водлозерскую волость 1568–1569 гг. и переписные книги Каргопольского у. 1648 г. [9; 16]. Надо сказать, что период начала XVIII в. в истории населения Каргопольского у. не получил должного освещения в отечественной историографии.

Анализ. В начале XVIII в. население 25 волостей и Ошевенской слободы Каргопольского у. насчитывало 20 176 человек. Самой многочисленной группой были тяглые крестьяне, они составляли около 95 % от общего числа населения. Второй по числу населения группой были попы и причетники с семьями – 480 человек. Они жили на погостах и церковных деревнях, в среднем от 17 до 20 человек. Наиболее крупные погосты (место, где находилась церковь с церковными дворами и избами) по численности церковного причта: Волосовский (41 чел.), Троицкий (35 чел.), Олгский (33 чел.), Надпорожский (32 чел.), Олеховский (32 чел.), Кенозерский (30 чел.) [6, л. 116–837].

Кроме крестьян существовала другая группа земледельцев – половники. Половники – это наемные рабочие, обрабатывавшие чужую землю на определенных условиях [1, с. 133–134]. В волостях Каргопольского у. по-

ловники встречаются в монастырских и деревенских дворах посадских людей. Всего насчитывалось 11 дворов с половниками. Каргопольские монастыри не часто использовали труд половников: из 50 монастырских дворов, дворишек, изб и келий только в 3 дворах жили половники. В Кенорецкой вол. в д. Олеховская «в дворенке монастырском жили половники в давние годы государственные дворцовые крестьяне» [6, л. 350, 358]. Чаше можно встретить половников в деревенских дворах посадских людей: из 41 двора в 8 жили половники. В вол. Троицкой в д. Тугаринская Песочная тож «двор каргопольца посадского человека Дмитрия Типихина, а в ней половник той же волости Евдоким Тарасов» [6, л. 695].

Бобыли отличались от крестьян податным положением – их дворы писались как тяглыми, так и оброчными [5, с. 58–61]. К началу XVIII в. эта категория населения постепенно исчезает, во всех волостях Каргопольского у. насчитывалось бобыльских 19 дворов, 6 дворишек и 5 изб бездворных, большая часть из них находилась в деревнях, 4 двора на погостах и 4 двора в Слободе Ошевенского монастыря. Все дворы и избы к этому времени были пустыми. Единственное бобыльское дворишко было населено только по причине пожара, что случился в д. Кишалинская в волости Устьволожская в 1713 г., в результате деревня полностью сгорела. В той деревне находилось 2 жилых двора, и их обитатели были вынуждены поселиться в бобыльском дворенке [6, л. 695]. Каргопольские бобыли в количестве 25 человек жили в крестьянских дворах и на погостах – на поповских и причетнических дворах, постепенно сближаясь с другими социальными группами: рабочими по найму (казаки, подворники) и нищими. В вол. Троицкой в д. Горка Ситникова «во дворе крестьянин Иван Зотиков, у него казак той же волости деревни Боковской бобыль Иван Ефимов». «На погосте во дворе поп Иван Ивдин, у него наемный работник той же волости Никоновской деревни бобыль Иван Кирилов»; «Во дворе посвященный церковный дьячок Петр, пономарь Федор Ивдины дети, у них казак из найму той же волости с погоста бобыль Андрей Семенов» [6, л. 533, 534, 535]. Можно встретить бобылей по примеру населения погостов, записанных нищими. В вол. Олга «на

погосте в избе вдовы Парасковьи Фоминой Петровской жены Титова живет нищий бо-быль Петр Нестеров» [6, л. 677] .

Казаками называли наемных рабочих [1, с. 141]. По ПК числится 18 казаков, примерно треть из них писаны на погостах. В вол. Тихманьгской «у церкви во дворе поп Иоанн Петров, у него казак Ягремской волости Иван Иванов» [6, л. 700]. Казаки упоминаются также в деревенских дворах посадских людей и крестьян. В вол. Ольховская в д. Ефимовская «двор пуст каргопольца посадского человека кузнеца Семена Мартемьянова, а в нем жил наемный казак Троицкой волости д. Куршинской Григорий Иванов» [6, л. 389. 402, 396]. В вол. Устьволожской в д. Котельниковская Титовская тож «во дворе крестьянин Ларион Григорьев, у него казак с погоста Максим Васильев» [6, л. 115 об., 422 об., 700].

Главное отличие нищих состояло в том, что они не платили никаких повинностей в пользу государства. Нищие жили в кельях и избах, питаясь от церкви и приходских людей [5, с. 58–60]. В волостях Каргопольского у. их насчитывалось 191 человек. Примерно половина всех нищих жила в крестьянских дворах. На погостах нищие жили в основном в избах. Всего на погостах насчитывалось 42 нищенских избы, в которых проживало 83 человека. По количеству нищенских изб выделялись Кенозерский погост (из 15 дворов и изб – 9 нищенских изб), Кенорецкий (из 14 дворов и изб – 5 нищенских изб), Троицкий (в д. Семеновская при погосте – 6 изб нищенских), Плеский (из 11 дворов и изб – 5 нищенских изб) [6]. Все они располагались на севере Каргопольского у. и были отдалены от города Каргополя. Напротив, в некоторых близлежащих к Каргополю погостах (Тихманьгский, Ягремский, Полуборский, Верхнечурьезский, Малолалгский, Ряговский) нищенские избы и сами нищие или полностью отсутствовали, или насчитывалось не более одной избы и одного-двух человек. Возможно, сказывалась конкуренция со стороны Каргополя – города с большим количеством церквей, богадельных изб и постоялых дворов [6, л. 8–75].

Группа населения, всегда живущая рядом с нищими и по образу жизни близкая им, объединяла людей, полностью посвятивших жизнь служению богу (старцы, старицы, страстотер-

пцы, монахи), они являлись неотъемлемой частью северной волости. В волостях Каргопольского у. числилось 159 человек, в основном их можно встретить на погостах, в монастырях и монастырских владениях, за редким исключением – в деревнях. В Водлозерской вол. в д. Осиповская Госьнаволоков «двор пуст Никиты Фомина, а он Никита в доме во схинонашествии умер в давних годах» [6, л. 318].

Подворники – это работники, жившие на чужих дворах и оплачивавшие свое проживание работой. Так же как и нищие, они не платили никаких государственных податей [5, с. 58–68]. Подворниками также называли съемщиков жилого помещения во дворе, квартирантов [1, с. 140]. Вероятно, имело место и то и другое: подворник был и квартирантом, и, будучи квартирантом, в большинстве случаев – работником. В волостях Каргопольского у. было всего 2 подворника. В вол. Ольга в д. Калитинская «во дворе крестьянин Флор, Марк Герасимовы дети, у них подворница нищая вдова Ксения Иванова дочь» [6, л. 673 об.].

Многие посадские люди имели земельные участки в волостях. Таким образом, они принадлежали сразу к двум общинам: по владениям в городе являлись членами посадской общины, по земельным владениям – членами волостной общины [1, с. 124]. Некоторые из них переезжали в волость и таким образом уходили от несения посадского тягла, а те, кто жил в городе, старались максимально использовать свои земельные владения в деревнях. Из 42 деревенских дворов и изб, принадлежавших посадским людям, только 8 были пустыми. В вол. Верхнечурьюгская в д. Раевская «двор пуст каргопольца посадского человека Алексея Киприянова, а он Алексей живет в Каргополе на посаде в своем жилом дворе» [6, л. 195]. По количеству дворов в волостях посадское землевладение не сильно уступало монастырскому. Мы видим в деревенских посадских дворах крестьян, казаков и полоников с семьями. По размерам и организации хозяйства (использование наемного труда) посадские дворы были похожи на монастырские, при некоторых из них также были скотные избы. В вол. Надпорожская в д. Осташевская «двор каргопольской приказной избы подьячего Василия Прокопьева, в том дворе живут той же волости деревни Филипповской

крестьянин Иван Петров, Большешалгской волости деревни Колобово Григорий Тихонов сын Бодухина, нищая вдова той же волости Анна Андреевская жена Гордеева, у того двора изба пустая скотская» [6, л. 389, 402, 396]. Есть примеры владения одним посадским человеком несколькими дворами. В вол. Ковезская в д. Мотовиловская Пустая «двор пуст каргопольца Петра Семенова сына Белоусова, а он Петр живет в Каргополе на посаде в своем дворе». В д. Рябевская той же волости «двор каргопольца Петра Белоусова, а в нем работник Семен Ануфриев, у него сосед Гаврило Сергеев. Двор пуст его же Петра Белоусова, а в нем жил исполовник той же волости крестьянин Степан Иванова сын, а он Степан помер в 1709 году»; «Место дворовое пустое его же Петра Белоусова, а в нем жил исполовники той же волости Максим Титов, а он Максим умер в давних годах» [6, л. 648, 650, 650 об.].

Наличие крупных погостов, монастырей (11 монастырей и пустыней), монастырского и посадского землевладения стимулировало движение населения внутри и за пределами Каргопольского уезда. Население погостов формировалось в основном из представителей «той же волости», но есть и приходцы. В Водлозерском погосте – «нищая сирота той же волости другой половины Олонецкого уезда из деревни Кугонаволок Ирина Федорова дочь, пономарь той же волости другой половины Олонецкого уезда с погоста Василий Лукьянов»; в Троицком погосте – «казак Водлозерской волости Иван Еремеев, каргополка вдова Марфа Созонова дочь Осиповская жена Маргынова»; в Олгском погосте – «наймит Большешалгской волости деревни Заречье Михайло Никитин» [6, л. 302–724].

В монастырях, пустынях и 50 монастырских дворах и избах насчитывалось 119 человек, пришедших из разных волостей Каргопольского и соседних с ним уездов. В Ошевенском монастыре в Слободе в д. Лисицынская отмечен «государственный дворцовый крестьянин Верхнечурьегской волости Харитон Иванов, на скотном дворе дворцовый крестьянин Кенозерской волости деревни Вершинной Горы Василей Федоров, Кирилова монастыря крестьянин Леонтий Алексеев, в избе живет на время для рубки кирпича церковно-

го строения Холмогорского уезда Макар Васильев»; в д. Верхний Кривцы – «двор монастырский, в котором живет крестьянин Вологодского уезда Заболоцкой волости Николаевского прихода Алексей Тихонов сын Дякова»; в Водлозерской вол. на пустоше Лузь подле Лузь озера во дворе Юрьегорского монастыря – «скотники государевы дворцовые крестьяне Олонецкого уезда Оштинского погоста д. Юрьевы Клементий Марков, Причестенского погоста Афонасей Петров, скотница Выгозерского погоста д. Нюхчозеро вдова Степанида Еремеева жена Мосеева, Водлозерской волости д. Куганаволок вдова Парасковья Клементьевская жена Якимова»; в д. Коркала подле Идмала озера «двор монастырский, в нем живет скотник Турчасовского стану Городской волости деревни Матвеевской государственный крестьянин Семен Тимофеев сын Клементьев»; в волости Усть-воложская в д. Езуловская Спасова монастыря Строкиной пустыни на монастырском дворе – «работники для пашни деревенского участка государственные дворцовые крестьяне Каргопольского уезда Нименгской волости деревни Нискоглядовой Никита, Степан, нищая вдова Охтомской волости деревни Притечной Ефимия Григорьева жена Лукьянова»; в пустыне Наглимозерской – «Олонецкого уезда крестьянин Водлозерской волости деревни Спирино Григорий Алексеев» [6, л. 224–428, 835].

Дворы посадских людей также привлекали наемных работников из разных мест. В 42 посадских дворах числилось 92 человека. В Тихманьгской вол. в д. Трениковская «во дворе посадского человека живет половник Олонецкого уезда Андомской волости Ульян Федоров»; в Надпорожской вол. в д. Пустыриха «во дворе каргопольцев посадских людей Ивана да Авраама Прибыткова живут на время работники Олонецкого уезда Кижского погоста Николай и Иван Григорьев»; в Большешалгской вол. в д. Саунинская Лысаковская «двор каргопольца посадского человека Никиты Прибыткова у него казак Олонецкого уезда Вытегорского погоста д. Пустоши Андрей Осипов»; «в той же деревне двор каргопольца иконописца Ивана Семенова сына Иконникова, в том дворе живут Соловетцкого монастыря Лемецкой волости Иван, Еремей, Григорий, Петр Петровы дети» [6, л. 90–703 об.].

В крестьянских дворах мы также видим переселенцев, преимущественно из различных волостей Каргопольского, Олонецкого, Белозерского уездов и Чарондонской округи, всего насчитывалось 62 человека. В вол. Верхнечурьюгская в д. Черепановская живет «Олонецкого уезда Пудожского погоста крестьянин Захар Андреев», «Олонецкого уезда Вытегорского погоста крестьянин Андрей Иванов»; в вол. Троицкая в д. Колодинская – «Иван Иванов Олонецкого уезда Кижского погоста»; в вол. Олга в д. Поршевская – «Белозерского уезда Надпорожского стана волости Федосина Горка деревни Терехово государственный крестьянин Лука Семенов»; в д. Вахрушевская – «Олонецкого уезда Шуйского погоста д. Рогадкина Михайло, Евсей Афонасьевы дети»; в Малошалгской вол. в д. Есино – «Чарондонской округи крестьянка вдова Гликерья Климовская жена Ерофеева»; в вол. Ваденской в д. Головинская – «нищая Чарондонской волости Гликерья Созоновская жена Григорьева» [6, л. 139–666, 746, 767 об., 823]. Не указано, какое положение занимали мигранты в семьях каргопольских крестьян. Только в одном случае говорится, что в вол. Лекшмозерская в д. Осиевская Надочиозерской «во дворе крестьянина Ивана Кондратьева живет сосед Олонецкого уезда Пудожского погоста Корбозерской волости с Пелусозера Иван Евсеев с двумя сыновьями» [6, л. 139 об.].

Самой многочисленной группой мигрантов из других уездов были выходцы из соседнего Олонецкого уезда. Всего насчитывалось 112 человек, 72 из них жили в монастырских и посадских дворах, остальные – в крестьянских. Для сравнения, из Белозерского, Вологодского уездов и Чарондонской округи было 11 приходцев. Есть пример заселения целой деревни крестьянами из Олонецкого уезда. В Кенозерской вол. в д. Турово Сельцо «во дворе дворцовые крестьяне Олонецкого уезда Андомского погоста д. Слобода Степан Екимов, нищий Олонецкого уезда Толвуйского погоста д. Белохино Семен Афонасьев» [6, л. 270 об.].

Наблюдается также уход населения из Каргопольского у., в основном из его западных волостей (Кенозерская, Лекшмозерская, Водлозерская, Верхнечурьюгская), в Олонецкий уезд. Надо сказать, что цели у мигрантов

этих двух уездов были разными: выходцев из Карелии больше интересовала работа по найму, каргопольцев – торговля хлебом и, главное, «уход в раскол». Упоминается 12 случаев «ухода в раскол», и в 7 из них – «в церковном расколе сгорели заживо в давних годах». В Кенозерской вол. в д. Осташевская – «крестьянин Осип Никитин сшел в Олонецкий уезд в 1712 году»; в д. Фоминская и Горбачевская тож – «крестьяне Андрей, Семен, Василий Степановы дети съехали для продажи хлеба в Олонецкий уезд»; в д. Фоминская и Горбачевская тож – «крестьяне Иван, Семен съехали для продажи хлеба в Олонецкий уезд, Еремей живет на Выгу в расколе Савины дети». В Водлозерской вол. в д. Осиповская Александровская Коргостров тож – «крестьянин Сидор в давних годах сшел в Олонецкий уезд безвестно». В Лекшмозерской вол. 8 дворов в деревнях Ившинская, Хвальнская, Кильна, Масельга, Соцково, Ульяновская Пустая стали пустыми по причине «ухода в раскол» их жителей. В д. Ившинская – «крестьянин Трифан “ушел в раскол” в давние годы», в д. Соцково – крестьянин Иван на Олонце в церковном расколе сгорел с женой в давних годах». В Архангельской вол. в д. Мишковская – «крестьянин Михайло Ефимов и жена его Марфа Петрова дочь ушли в раскол». В вол. Верхнечурьюгская в д. Исаковская Абунина тож – «крестьяне Емельян и Логин Михайловы дети Шилова, зять Терентий Пахомов и сын его Афонасей живут в Олонецком уезде на Выгу» [6, л. 128–491 об.].

Миграция населения Каргопольского у. была также связана с отхожим промыслом, одно из направлений – работа на сплаве в Вологде. В Кенозерской вол. в д. Кутин Наволок «Никита сшел на сплав к Вологде»; в Троицкой вол. в д. Осиново «Гаврило в отлучке на Вологде на сплаве». Возможно, что в поисках заработка жители деревень уходили в Каргополь, Архангельск, и при этом известно всего 8 случаев ухода в Сибирские Города и 4 – в Важский уезд. В Кенозерской вол. в д. Кривцова – «крестьянин Иван сшел в Важский уезд от хлебной скудности». В вол. Большая Шалга в д. Глазова – «Алексей Яковлев съехал к Каргопольскому Городу, дядя двоюродный Петр Гаврилов в отлучке у Архангельского Города». В вол. Кенозерская в д. Фоми-

на – «Василей Алексеев съехал с женой и детьми в Сибирские Города в давних годах» [6, л. 240, 569].

Известно 10 случаев ухода в монастыри. В вол. Лекшмозерской в д. Орлово – «крестьянин Федор Федоров уехал на Соловки»; в Кенозерской вол. в д. Тырышкина Гора «Василей Михайлов живет в Хергозерской пустыне»; в Почезерской вол. в д. Першинская – «крестьянин Иван Селиванов живет в Ошевенском монастыре»; в Кенорецкой вол. на Погосте – «крестьянин Сава Макаров постригся в Кенский монастырь, а жены и детей не осталось» [6, л. 146–304].

Люди перемещались из волости в волость, из деревни в деревню в результате брачных связей. Браки происходили в основном между представителями соседних волостей, но чаще в пределах одной волости и деревни. В вол. Полуборская в д. Окуловская – «зять Печниковской волости д. Лисицыной Михайло Федоров»; в д. Медвежья – «зять Павловской волости деревни Солухинской Яков Семенов»; в д. Гриневская Осиево тож – «зять той же волости деревни Рябова Алексей Петров сорока лет»; в д. Пронина – «зять Красноляжской волости деревни Кучепалда Иван Устинов». В вол. Верхнечурьюгская в д. Лепшинская – «зять Олонецкого уезда Алексей Афанасьев»; в д. Никишевская – «зять той же волости д. Расляково Матфей»; в д. Исаковская Абунина тож – «зять той же волости д. Давыдовской Никита Михайлов»; в д. Исаковская Абунина тож – «зять Красноляжской волости из д. Шеины Терентий Пахомов сын»; в той же деревне – «зять той же волости из д. Нифонтольской Михаил»; в д. Нифонтовская – «зять той же деревни Иван Никитин». В Ошевенском монастыре в д. Ершова – «зять крестьянин Верхнечурьюгской волости Иван Тимофеев»; в Слободе Ошевенского монастыря – «зять той же деревни Терентий Максимов»; в д. Дальний Халуй – «зять той же деревни Василей Яковлев». В вол. Кенозерская в д. Рышкова – «зять той же волости Иван Ефремов». В вол. Кенорецкая в д. Аверкиева – «зять той же волости д. Стерешевской Иван Осипов»; в д. Драникова Гриневская – «зять Архангельской волости д. Осиновой Андрей Иванов»; в д. Прощелыгинская Сомыловская тож – «зять

Павловской волости Никольской половины д. Калитинской Исак Степанов». В вол. Надпорожская в д. Перфильева – «зять Архангельской волости д. Борановская Иван Васильев». В вол. Олеховская в д. Еркинская – «зять Надпорожской волости д. Митинской Василей Тимофеев»; в д. Пантелеевская – «зять Ловзунгской волости с погоста Гаврило Агеев». В Устьволожской вол. в д. Ларионовская – «зять той же волости деревни Трегубово Степан Сергеев»; в д. Онашенская – «зять той же деревни Лука Иванов»; в д. Туровская – «зять той же волости д. Семаковской Афонасей Яковлев»; в д. Екимовская – «зять Малошалгской волости д. Середка Данило Иванов». В вол. Волосовская в д. Заболотная Веселковская тож – «зять той же волости д. Ганевской Ефрем Афонасьев». В вол. Архангельская в д. Маргачевская – «зять Федор Федоров из той же деревни»; в д. Никулинская – «зять той же волости из д. Мариинской Фома Мартынов». В вол. Троицкая в д. Фефиловская – «теща Кенозерской волости д. Качаковы Горки вдова Анна Федорова дочь жена Трофимова»; в д. Онуковская – «зять той же волости д. Андреевской Спиридон Селиверстов»; в д. Никольская – «зять той же волости д. Михалевской Яков Михайлов»; в д. Никольская – «зять той же деревни Василей Петров». В вол. Плеская в д. Антушевская – «зять Каргопольского уезда Почезерской волости д. Нечаево крестьянин Иван Фомин сын»; в д. Ручевская – «зять Троицкой волости д. Осиново Никита Андреев»; в д. Михайловская – «зять Троицкой волости д. Шарково Василей Иванов». В вол. Ольга в д. Калитинская – «зять той же волости Иван Федоров». В волости Ряговской в д. Лазарева – «зять той же деревни Никифор Иванов», зять Устьволожской волости д. Кадышыха Афонасей Петров»; в д. Фомины Горы – «зять Устьволожской волости д. Семеновской Федор Никитин». В вол. Нименгской в д. Некрасова – «зять той же деревни Петр Максимов». В вол. Вохтомской в д. Грихнов пал – «зять той же деревни Петр Яковлев»; в д. Нечаевская – «зять той же деревни Иван Федулов»; в д. Шестаковская – «зять той же деревни Артемий Яковлев» [6, л. 190–675, 749–817 об.].

Результаты. К началу XVIII в. в Каргопольском у. образовалась сложная социальная структура (крестьяне, церковный причт,

нищие, половники, бобыли, подворники, казаки). Самыми многочисленными после крестьян были такие категории населения, как церковный причт и нищие. Во многом это объясняется наличием здесь крупных погостов. Присутствие города, большого количества монастырей и, как следствие, монастырского и посадского землевладения способствовало значительному притоку населения в Каргопольский у. из соседних районов (Олонецкий у., Белозерский у., Вологодский у., Чарондонская округа). Преобладало западное направление. В основном это были выходцы из восточных погостов Олонецкого уезда. В отличие от других станов Турчасовского и Мехреньгского, в Каргопольском у. уровень иммиграции (приход населения из других уездов) значительно превышал уровень эмиграции (уход населения в другие уезды). Брачные связи осуществлялись между представителями соседних волостей, чаще в пределах одной волости и деревни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богословский М. М. Земское самоуправление на русском севере в XVII в. : Чтения при Московском университете. Кн. I. М., 1910. 321 с.
2. Васильев Ю. С. Каргопольский уезд // Аграрная история северо-запада России XVI века. Вологда: Вологод. гос. пед. ун-т, 1978. С. 39–46.
3. Воронов А. Древний народный обычай // Олонецкие губернские ведомости. 1887. № 95. С. 885–886.
4. Жуков А. Ю. Водлозерская волость Каргопольского уезда: середина XVI – первая треть XVIII века // Водлозерские чтения : Ильинский погост: материалы науч. конф. (Петрозаводск, 6–10 авг. 2007 г.). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ. С. 153–160.
5. Иванов П. Северная писцовая книга как материал для истории обложения М.: Печатня А.И. Снегиревой, 1900. 72 с.
6. Книги Переписные города Каргополя и уезда в 1712 и 1713 годах стольника коменданта Петра Васильевича Коробнина // Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 350. Оп. 1. Ед. хр. 167. Л. 1–837.
7. Куликовский Г. И. «Общественный пир» в Каргопольском уезде // Олонецкие губернские ведомости. 1895. № 9. С. 5–6.
8. Мельницкий А. Говоры жителей северо-восточной части Вытегорского уезда Олонецкой губернии // Живая старина. СПб., 1893. Вып. 3. С. 35–44.
9. Переписная книга посада Турчасова и черных волостей Турчасовского уезда. Переписи воеводы Василия Ивановича Жукова 1648 г. // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 168. Л. 1–805.
10. Платежная книга Каргопольского уезда, составленная около 1560 г. по книгам письма Якова Сабурова и Ивана Кутузова 1555–1556 гг. // Материалы по истории Европейского Севера СССР : Северный археографический сборник. Вып. 2. Вологда: Вологод. пед. ин-т, 1972. С. 268–289.
11. Побежимов А. И. Население Мехреньгского стана Каргопольского уезда к началу XVIII в. // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2016. Т. 2, № 4. С. 129–139.
12. Побежимов А. И. Население Поморской части Турчасовского стана Каргопольского уезда в начале XVIII в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 3 (41). С. 11–15.
13. Поляков И. Исследование по Каменному веку в Олонецкой губернии, в долине Оки и на верховьях Волги И. Полякова, члена-сотрудника Императорского Русского Географического общества. СПб. : Тип. В. Киршбаум, 1881. 159 с.
14. Рыбников П. Н. Из обычаев обонежского народа : (Этнографические заметки) // Памятная книжка Олонецкой губернии за 1867 г. Петрозаводск, 1867. С. 131–136.
15. Светлов Я. О говоре жителей Каргополя // Живая старина. 1892. Вып. 3. С. 28–39.
16. Сотные на Водлозерскую волость 1568–1569 гг. // Материалы по истории Европейского Севера СССР : Северный археографический сборник. Вып. 2. Вологда: Вологод. пед. ин-т, 1972. С. 479–483.
17. Сотные на волости Каргопольского уезда с книг письма Никиты Григорьевича Яхонтова 1561–1562 гг. // Материалы по истории Европейского Севера СССР : Северный археографический сборник. Вып. 2. Вологда: Вологод. пед. ин-т, 1972. С. 300–483.
18. Тормосова Н. Каргополье. История исчезнувших волостей. Каргополь: Правда Севера, 2011. 711 с.

REFERENCES

1. Bogoslovskij M.M. *Zemskoe samoupravlenie na russkom severe v XVII v.: Chtenija pri Moskovskom universitete. Kn. I* [Zemstvo Self-Government in the Russian North in the 17th Century. Readings at the Moscow University. Book 1]. Moscow, 1910. 321 p.
2. Vasilyev Ju.S. *Kargopolskij uезд* [Kargopol County]. *Agrarnaja istorija severo-zapada Rossii XVI veka* [Agrarian History of the North-West of

Russia in the 16th Century]. Vologda, Vologod. gos. ped. un-t, 1978, pp. 39-46.

3. Voronov A. Drevnij narodnyj obyčaj [An Ancient Folk Custom]. *Olonckie gubernskie vedomosti* [Olonec Regional News], 1887, no. 95, pp. 885-886.

4. Zhukov A.Ju. Vodlozerskaja volost Kargopolskogo uезда: seredina XVI – pervaja tret XVIII veka. *Vodlozerskie chtenija: Ilyinskij pogost: materialy nauch. konf. (Petrozavodsk, 6–10 avg. 2007 g.)* [Vodlozerskaya Volost of Kargopolsky Uyezd: The Middle of the 16th – First Third of the 18th Century. Vodlozersky Readings. Ilyinsky Pogost: Proceedings of the Scientific Conference (Petrozavodsk, Aug. 6–10, 2007)]. Petrozavodsk, Izd-vo PetrGU, pp. 153-160.

5. Ivanov P. *Severnaja piscovaja kniga kak material dlja istorii oblozhenija* [The Northern Scribes Book as a Material for the History of Taxation]. Moscow, Pechatnja A.I. Snegirevoj, 1900. 72 p.

6. Knigi Perepisnye goroda Kargopolja i uезда v 1712 i 1713 godah stolnika komendanta Petra Vasilyevicha Korobnina [The Census Books of the City of Kargopol and the County in 1712 and 1713 by the Stolnik Commandant Pyotr Vasilyevich Korobnin]. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 350, inv. 1, dep. item 167, l. 1-837.

7. Kulikovskij G.I. «Obshhestvennyj pir» v Kargopolskom uезде [“Public Feast” in Kargopolsky District]. *Olonckie gubernskie vedomosti* [Olonec Regional News], 1895, no. 9, pp. 5-6.

8. Melnickij A. Govory zhitelej severo-vostochnoj chasti Vytegorskogo uезда Oloneckoj gubernii [The Dialects of the Inhabitants of the North-Eastern Part of the Vytegorsky District of the Olonets Province]. *Zhivaja starina* [Living Antiquity]. Saint Petersburg, 1893, iss. 3, pp. 35-44.

9. Perepisnaja kniga posada Turchasova i chernyh volostej Turchasovskogo uезда. Perepisi voevody Vasilija Ivanovicha Zhukova 1648 g. [The Census Book of the Posad of Turchasov and the Black Volosts of Turchasov County. Census Voivode Vasily Ivanovich Zhukov 1648]. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 1209, inv. 1, no. 168, l. 1-805.

10. Platezhnaja kniga Kargopolskogo uезда, sostavlenaja okolo 1560 g. po knigam pisma Jakova Saburova i Ivana Kutuzova 1555–1556 gg. [The Payment Book of Kargopolsky Uyezd, Compiled Around 1560 from the Books of Letters by Yakov Saburov and Ivan Kutuzov 1555–1556]. *Materialy po istorii Evropejskogo Severa SSSR: Severnyj arheograficheskij sbornik. Vyp. 2* [Proceedings on the History of the European North of the USSR. Northern

Archeographical Collection. Iss. 2]. Vologda, Vologod. ped. in-t, 1972, pp. 268-289.

11. Pobezhimov A.I. Naselenie Mehrengskogo stana Kargopolskogo uезда k nachalu XVIII v. [The Population of the Mekhrensksy Camp of the Kargopolsky Uyezd by the Beginning of the 18th Century]. *Vestnik Tjumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovanija. Humanitates*, 2016, vol. 2, no. 4, pp. 129-139.

12. Pobezhimov A.I. Naselenie Pomorskoj chasti Turchasovskogo stana Kargopolskogo uезда v nachale XVIII v. [The Population of the Pomeranian Part of the Turchasovskiy Camp of Kargopolsky Uyezd at the Beginning of the 18th Century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija*, 2016, no. 3 (41), pp. 11-15.

13. Poljakov I. *Issledovanie po Kamennomu veku v Oloneckoj gubernii, v doline Oki i na verhovjah Volgi I. Poljakova chlena-sotrudnika Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo obshhestva* [A Study on the Stone Age in the Olonets Province, in the Oka Valley and on the Upper Volga by I. Polyakov, a Member of the Imperial Russian Geographical Society]. Saint Petersburg, Tip. V. Kirshbaum, 1881. 159 p.

14. Rybnikov P.N. Iz obyčaeв obonezhskogo naroda: (Etnograficheskie zametki) [From the Customs of the Obonezh People. (Ethnographic Notes)]. *Pamjatnaja knizhka Oloneckoj gubernii za 1867 g.* [Memory Book of the Olonec Region for 1867]. Petrozavodsk, 1867, pp. 131-136.

15. Svetlov Ja. O govore zhitelej Kargopolyja [About the Dialect of the Inhabitants of Kargopol]. *Zhivaja starina* [Living Antiquity], 1892, iss. 3, pp. 28-39.

16. Sotnye na Vodlozerskuju volost 1568–1569 gg. [Sotniks for Vodlozerskaya Volost 1568–1569]. *Materialy po istorii Evropejskogo Severa SSSR: Severnyj arheograficheskij sbornik. Vyp. 2* [Proceedings on the History of the European North of the USSR. Northern Archeographical Collection. Iss. 2]. Vologda, Vologod. ped. in-t, 1972, pp. 479-483.

17. Sotnye na volosti Kargopolskogo uезда s knig pisma Nikity Grigoryevicha Jahontova 1561–1562 gg. [Sotniks in the Parish of Kargopolsky District from the Books of the Letter of Nikita Grigoryevich Yakhontov 1561–1562]. *Materialy po istorii Evropejskogo Severa SSSR: Severnyj arheograficheskij sbornik. Vyp. 2* [Proceedings on the History of the European North of the USSR. Northern Archeographical Collection. Iss. 2]. Vologda, Vologod. ped. in-t, 1972, pp. 300-483.

18. Tormosova N. *Kargopolye. Istorija ischeznuvshih volostej* [Kargopolye. The History of the Disappeared Volosts]. Kargopol, Pravda Severa Publ., 2011. 711 p.

Information About the Author

Andrey I. Pobegimov, Candidate of Sciences (History), Independent Researcher, 198334 Saint Petersburg, Russian Federation, andrey-pi@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5015-234X>

Информация об авторе

Андрей Иванович Побежимов, кандидат исторических наук, независимый исследователь, 198334 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, andrey-pi@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5015-234X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.2.12>

UDC 327
LBC 66.4(0),3

Submitted: 31.10.2023
Accepted: 30.01.2024

**THE IDEA OF COMPETITION IN INTERNATIONAL POLITICAL THEORY:
SOME CURRENT ASPECTS OF THE DISCUSSION ¹**

Vladimir A. Gutorov

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

Alexander A. Shirinyants

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation;
MGIMO University, Moscow, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article presents an attempt to identify the origins as well as the immediate causes of the diversity of interpretations of the concept of “competition” in modern political theory through a comparative analysis of the results of discussions of foreign scientists adhering to utterly diversified methodological, philosophical, and ideological positions. *Methods and materials.* The analysis of these discussions is carried out from an interdisciplinary perspective, combining the methodologies of modern political theory, political economy, political ethics and psychology, the methodology of history, the theory of international relations, and other scientific areas. More than 60 works by prominent foreign experts, published mostly in the last decade, were used as source materials for the study. Many of them are openly polemical and controversial. *Analysis.* A noteworthy moment in theoretical debates at the turn of the 20th and 21st centuries is the desire of many specialists to distance themselves from traditional neoliberal rhetoric and explore the latest trends and modifications of competition at the levels of world and national politics from fundamentally new methodological positions. The ideas of creating alternative theoretical models that ensure harmony between competition and cooperation and thereby help overcome almost half a century of dominance of the neoliberal world order paradigm have a wide resonance. Their immediate consequence is the emergence of new conceptual interpretations that characterize the specific features of the formation of the idea of the new international order, with corresponding changes in the field of political terminology. *Results.* The main section of the article presented an attempt to characterize the modern foreign policy turn towards “new strategic competition” and highlight, in particular, the emerging theoretical problem, which experts sometimes refer to as the “paradigm of armed interdependence.” Amid discussions around the Ukrainian conflict in Western scientific literature, some interpretations of the problem of political and economic rivalry between the United States and China look paradoxical: they often reflect the clear desire of the American ruling elite to maneuver and, if possible, avoid the prospect of waging a war on two fronts. *Authors' contribution.* V.A. Gutorov analyzed the main directions of discussions related to the problem of conceptualizing the notion of “competition” in international political theory. A.A. Shirinyants carried out a direct analysis of the theoretical and ideological debates around the diverse problems of global and regional rivalry between the world powers.

Key words: competition, world order, cooperation, neoliberalism, political theory, world politics, military conflict.

Citation. Gutorov V.A., Shirinyants A.A. The Idea of Competition in International Political Theory: Some Current Aspects of the Discussion. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 2, pp. 133-144. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.2.12>

**ИДЕЯ КОНКУРЕНЦИИ В МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ:
НЕКОТОРЫЕ АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ДИСКУССИИ¹****Владимир Александрович Гуторов**

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Александр Андреевич ШиринянецМосковский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация;
Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России,
г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В статье выявляются истоки и причины многообразия интерпретаций понятия «конкуренция» в современной политической теории путем сравнительного анализа результатов дискуссий зарубежных ученых, придерживающихся самых различных методологических, философских и идеологических позиций. *Методы и материалы.* Анализ дискуссий осуществляется с междисциплинарных позиций, объединяющих методологию современной политической теории, политической экономики, политической этики и психологии, теории международных отношений и других научных направлений. В качестве исходных материалов исследования были использованы более 60 работ видных зарубежных специалистов, опубликованных по большей части в последнее десятилетие. Многие из них имеют откровенно полемический характер. *Анализ.* Примечательным моментом теоретических дебатов на рубеже XX–XXI вв. является стремление многих специалистов дистанцироваться от традиционной неолиберальной риторики и исследовать современные тенденции и модификации конкуренции на уровнях мировой и национальной политики с принципиально новых методологических позиций. Широкий резонанс имеют идеи создания альтернативных теоретических моделей, обеспечивающих гармонию между конкуренцией и сотрудничеством и тем самым способствующих преодолению почти полувекового господства парадигмы неолиберального мирового порядка. Непосредственным их следствием является возникновение новых концептуальных интерпретаций, характеризующих особенности формирования идеи нового международного порядка с соответствующими изменениями в области политической терминологии. *Результаты.* Дана характеристика современного внешнеполитического разворота к «новой стратегической конкуренции», выделена актуальная теоретическая проблема «парадигмы вооруженной взаимозависимости», показано, что на фоне дискуссий вокруг украинского конфликта в западной научной литературе парадоксально выглядят некоторые трактовки проблемы политического и экономического соперничества США и Китая: в них нередко отражается явное стремление американской правящей элиты маневрировать и по возможности избежать перспективы вести войну на два фронта. *Вклад авторов.* В.А. Гуторов проанализировал основные направления дискуссий, связанных с проблемой концептуализации понятия «конкуренция» в международной политической теории. А.А. Ширинянец осуществил непосредственный анализ теоретических и идеологических дебатов вокруг многообразных проблем глобального и регионального соперничества мировых держав.

Ключевые слова: конкуренция, мировой порядок, сотрудничество, неолиберализм, политическая теория, мировая политика, военный конфликт.

Цитирование. Гуторов В. А., Ширинянец А. А. Идея конкуренции в международной политической теории: некоторые актуальные аспекты дискуссии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 2. – С. 133–144. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.2.12>

Введение. Конкуренция глубоко интегрирована в структуру современной жизни и бесспорно является одним из центральных организующих принципов мировой политики. Идея соперничества между государствами за достижение «превосходства» практически во

всех социальных сферах – от здравоохранения и образования, экономики и управления до обороны и борьбы за сферы влияния – является источником многообразных концептуальных подходов к теоретическому анализу природы и базовых структурных характеристик

этого феномена. Несмотря на повсеместный скепсис, поиск универсального определения, которое можно было бы использовать для исследований конкуренции во всех социальных сферах, по-прежнему остается предметом современных дискуссий. Примечательным моментом теоретических дискуссий на рубеже XX–XXI вв. является стремление многих специалистов дистанцироваться от традиционной неолиберальной риторики и исследовать новейшие тенденции и модификации конкуренции на уровнях мировой и национальной политики с принципиально новых методологических позиций.

Целью данной статьи является выявление путем сравнительного анализа зарубежных источников многообразия интерпретаций понятия «конкуренция» в современной политической теории. В качестве исходного материала исследования были использованы порядка 60 работ видных зарубежных специалистов, опубликованных по большей части в последнее десятилетие. В современной западной литературе по международным отношениям «конкуренция» или «конкурентное поведение» обычно рассматриваются в рамках трех наиболее приоритетных направлений. Приверженцы теории политического реализма и неореализма сделали конкуренцию явным фокусом своих исследований, противопоставляя в концептуальном плане «конкуренцию» «сотрудничеству» как одному из двух возможных полюсов государственного поведения в условиях международной анархии. В целом в современной международной теории актуальность дискуссий вокруг концепта конкуренции и связанных с ним таких проблем, как кризис неолиберальной модели мирового порядка, отношения между США и Китаем, соперничество между США, странами Евросоюза и Россией в контексте украинского конфликта, приоритеты международной безопасности и т. д., в значительной степени воспринимается как нечто само собой разумеющееся. Вместе с тем, на наш взгляд, сама идея конкуренции редко проблематизируется в теоретическом и методологическом плане. В статье обозначенные выше проблемы рассматриваются с междисциплинарных позиций, объединяющих методологию современной политической теории, политической экономии, истории и тео-

рии международных отношений и других научных направлений. Мы считаем, что такая междисциплинарная перспектива необходима для понимания разнообразия форм и контекстов, в рамках которых концепции и практики конкуренции структурируют современную мировую политику. Представленная в статье аналитика международных дискуссий рассматривается авторами как попытка выявить и определить специфику конкретных условий, при которых конкуренция становится глобально значимой политической категорией. В статье анализируются различные виды теоретических и практических «реакций» ученых и политических акторов на конкретные формы мировой политической конкуренции, порожденные постоянно меняющимися институциональными и идеологическими контекстами.

Методы. Анализ обозначенных выше дискуссий осуществляется с междисциплинарных позиций, объединяющих методологию современной политической теории, политической экономии, политической этики и психологии, теории международных отношений и других научных направлений. Авторы разделяют многие аспекты методологии, разработанной П. Бурдые. Лежащий в ее основе тезис о постоянной международной конкуренции за различные формы экономического, культурного или символического «капитала» в современном научном дискурсе считается почти априорным и сам по себе редко подвергается сомнению.

Анализ. В современной академической науке, не говоря уже о политической публицистике, актуальность связанных с конкуренцией проблем – будь это дебаты вокруг кризиса неолиберального мирового порядка, международной безопасности, американо-китайских и российско-американских отношений, мировой торговли, энергетики, защиты окружающей среды, технологических инноваций – в значительной степени принимается как данность и считается само собой разумеющейся. Пандемия COVID-19 только усилила эти тенденции [8].

Понятие «конкуренция» анализируется в политологии, социологии, теории международных отношений, педагогике, экономике, социальной психологии, философии, социальной антропологии и других дисциплинах. Многочисленные его интерпретации постоянно ви-

доизменяются как внутри отдельных наук, так и на междисциплинарном уровне, нередко вызывая диаметрально противоположные реакции. Как отмечают редакторы новейшего научного сборника «Конкуренция: что она собой представляет и почему она имеет место»: «Многие авторы в значительной степени довольствуются акцентировкой на самом понятии “конкуренция”, предоставляя ее определение читателю. Лишь немногие ученые интересовались фундаментальным вопросом о том, как возникает конкуренция, по-видимому, полагая, что она может рассматриваться как естественное условие человеческого существования и поэтому вряд ли нуждается в активном истолковании. Более того, многие авторы утверждают, что в рамках интерпретации общественной жизни они могут просто констатировать наличие конкуренции, не исследуя убеждения сторон, которые предположительно в ней участвуют» [7, р. V].

Тем не менее, несмотря на повсеместный скепсис и сомнения, поиск универсального определения, которое можно было бы использовать для исследований конкуренции во всех социальных сферах, по-прежнему остается предметом современных дискуссий. Стимулирующий момент данного поиска заключается в том, что речь идет не только об идее «вездесущности» соперничества как глубинного свойства человеческой природы, но и о многогранности и полисемантической самого понятия. Важным аспектом дискуссий является также проблема статуса ценностно-нормативного измерения конкурентного поведения и психологии, существенно влиявшая начиная с первой половины XIX в. на разработку научно ориентированных «идеальных моделей» (например, концепция «совершенной конкуренции» Антуана Огюстена Курно и др.) [27, р. 50, 358 sq.; 36, р. 1–7; 28, passim].

Американский психолог Пол Уочтел в своей знаменитой работе «Нищета изобилия: психологический портрет американского образа жизни» открыто связывает идею конкуренции с самой сутью американской политической идеологии, утверждая, что «конкуренция – это почти наша государственная религия» [58, р. 284].

Так или иначе, практически любое определение конкуренции имеет моральный под-

текст и зависит прежде всего от того, рассматривается ли она в качестве полезной или, наоборот, приносящей вред. Как отмечает норвежский философ Свейн Олаф Торнбьернсен: «Мы живем в обществе, которое несет на себе отпечаток конкуренции. Мы используем это слово часто и в самых разных контекстах, но что оно на самом деле означает? Одним из предварительных определений могло бы быть следующее: конкуренция включает в себя общественный процесс, связанный с отдельными людьми, группами или учреждениями, которые участвуют в одном и том же событии и сталкиваются с одними и теми же проблемами. Достигнутые в этом процессе успехи измеряются и ранжируются по отношению друг к другу... Конкуренция, в которой мы участвуем, принимает бесчисленные формы...» [56, р. 148–149].

Акцентировка Торнбьернсеном «неисчислимости» форм конкуренции в современном мире, несомненно, не может противоречить универсальной дихотомии, имеющей этическую природу: вездесущность и многогранность ее характеристик, как уже отмечалось выше, во многом определяется ее диаметрально противоположными, субъективными оценками. Уже в XIX в., по мере нарастания идеологической конфронтации между тремя ведущими европейскими идеологиями – либерализмом, социализмом и консерватизмом, моральное одобрение или неприятие конкуренции становится существенным элементом идеологического дискурса. На рубеже XX–XXI вв. кризис неолиберальной модели глобального порядка, на протяжении нескольких предшествующих десятилетий составлявшей идеологическую основу гегемонии Запада, способствовал радикальному пересмотру форм и способов аналитики феномена конкуренции в социальной науке и политической теории.

Примечательным моментом данного изменения было стремление многих специалистов дистанцироваться от традиционной неолиберальной риторики и исследовать современные тенденции и модификации конкуренции на уровнях мировой и национальной политики с принципиально новых методологических позиций. В 2012 г. группа ведущих американских и европейских экономистов в опу-

ликованном в издательстве «Рутледж» сборнике эссе с характерным названием «Альтернативные теории конкуренции: вызовы ортодоксии» подвергла резкой критике распространенную в неолиберальных кругах «конвенциональную мудрость, согласно которой свободные рынки являются лучшим средством обеспечения экономического роста, занятости и развития» [2, р. 1]. Два года спустя британский экономист и политолог Уильям Дейвис в книге «Пределы неолиберализма: власть, суверенитет и логика конкуренции» четко выявил причины aberrаций в трактовках конкуренции неолиберальными теоретиками. Главным объектом его анализа стал «критический вопрос», который затрагивает то, как неолиберализм реализуется на практике. Суть данного вопроса состоит в следующем: должна ли конкуренция определяться степенью формального равенства, гарантированного в ее начале, или же степенью условного неравенства, порождаемого ее результатом? «В конечном счете, – отмечает Дейвис, – конкуренция должна, так или иначе, поддерживать каждое [из этих условий], в противном случае ее предполагаемая справедливость или жизнеспособность рухнет... Таким образом, неолиберализм становится жертвой собственного успеха, превращая количественную экономическую оценку в “окончательный” тест на достоверность во всех сферах управления и принятия решений» [11, р. 42, 194].

Аналогичные идеи легли в основу инновационного поворота в направлении углубленной интерпретации феномена конкуренции в мировой политике. Его сторонники, как правило, ориентировались на предельно простые и нейтральные определения конкуренции, зафиксированные, например, в «Оксфордском словаре английского языка»: «Деятельность или состояние, обусловленные стремлением получить или выиграть что-либо, побеждая или устанавливая превосходство над другими» [43, ad loc]².

Как известно, в сферу международной политической теории парадигма конкуренции была инкорпорирована Гансом Моргентау еще в конце 1940-х годов. В первом издании работы «Политика среди наций» он выделял «два созвездия» баланса сил – «модель прямого противостояния» и «модель конкуренции» [35,

р. 131–133]. Тем не менее в общей структуре его аргументации конкуренция относится, скорее, к сфере внутренней политики и слабо связана с международным контентом: она рассматривается Моргентау не в универсальном плане, но лишь как одно из специфических «ценных свойств», характеризующих преимущества западной цивилизации, которая заменяет «грубые методы личной борьбы» «изоцированными инструментами социальной, коммерческой и профессиональной конкуренции». Внутри западных государств «борьба за власть ведется не смертоносным оружием, а конкурсными экзаменами, соревнованием за социальные отличия, периодическими выборами на государственные и частные должности и, прежде всего, конкуренцией за обладание деньгами и вещами, измеряемыми в деньгах. В обществах западной цивилизации обладание деньгами стало характерным символом обладания властью» [35, р. 172–173].

В рамках обозначенного выше направления дискуссии многие идеи Моргентау стали приобретать новую акцентировку в соответствии с духом времени. В 2010 г. вышла в свет работа Чарльза Л. Глейзера «Рациональная теория международной политики: логика конкуренции и сотрудничества». В ней были четко сформулированы «два основных вопроса теории международных отношений»: может ли международное положение государства порождать конкуренцию; почему те, кто стремятся к безопасности, вообще должны конкурировать? «В общих чертах, – отмечает Глейзер, – сама дилемма небезопасности и безопасности дает [следующий] ответ: конкуренция может возникнуть, потому что государство считает слишком рискованной политику, необходимую для снижения уровня безопасности своего противника; в таком случае лишённые безопасности государства соревнуются за безопасность» [15, р. 51].

Глейзер задается вопросами и о том, должно ли международное положение государства всегда порождать конкуренцию? Почему те, кто стремятся к безопасности, не должны всегда конкурировать? Он приходит к выводу, что «международная среда не создает для государств общей тенденции проводить конкурентную политику; иногда сотрудничество будет для государства наилучшим вари-

антом. Хотя сотрудничество может быть рискованным, соперничество также может быть рискованным – государство может начать наращивание вооружений, чтобы не отстать, но затем проиграет в последующей гонке вооружений. Следовательно, государство может предпочесть сотрудничество конкуренции просто потому, что сотрудничество с большей вероятностью сохранит его военный потенциал, чем гонка вооружений» [15, р. 51–52].

Сравнительный анализ содержащихся в книге Глейзера дефиниций и выводов с работами специалистов в области экономической теории и стратегического менеджмента, которые были опубликованы в этот же временной период, а также в предыдущее десятилетие, свидетельствует об устойчивой ориентации ученых на лишенные идеологической ангажированности концепции конкуренции, восходящие к античной классике и эпохе раннего модерна (Фукидид, Аристотель, Макиавелли, Гвичардини, Боден и др.) ([39, р. 16–20]; ср.: [4; 12; 59]). В настоящее время не кажется парадоксальным тот факт, что европейская «античная матрица» непосредственно или косвенно начинает доминировать в сознании современных ученых-гуманитариев, представляющих различные континенты, традиции и системы образования. Об этом свидетельствуют сами названия научных трудов – монографий, сборников статей и материалов конференций, в которых, в частности, выражается явно скептическая позиция в отношении традиционной этически окрашенной концепции взаимозависимости (см.: [6; 10]), которую современные специалисты предпочитают трактовать в сугубо прагматическом плане. «Взаимозависимость, – отмечают Джозеф Сэмюэль Най и Дэвид Эндрю Уэлч, – часто представляет собой расплывчатый термин, используемый в различных противоречивых смыслах, как и другие политические слова, такие как *национализм*, *империализм* и *глобализация*... В аналитическом смысле *взаимозависимость* относится к ситуациям, в которых действующие лица или события в разных частях системы влияют друг на друга. Проще говоря, взаимозависимость означает взаимную зависимость. Такая ситуация сама по себе не является ни хорошей, ни плохой, ее может быть больше или меньше... Четыре

различия освещают аспекты взаимозависимости: ее источники, выгоды, относительные издержки и симметрия. Взаимозависимость может возникать в физических (природных) или социальных (экономических, политических или перцептивных) явлениях. Оба обычно проявляются одновременно. Данное уточнение помогает выявить уровень выбора в ситуациях эквивалентной или взаимной зависимости. Военная взаимозависимость – это взаимная зависимость, возникающая в результате военного соперничества» [42, р. 273].

Дополнительным свидетельством нового прагматического поворота может считаться и тот факт, что в области экономической теории классическая модель конкуренции нередко становится своеобразным «пробным камнем», с помощью которого оцениваются различные модели маркетинга, «свободной торговли», менеджмента, безработицы и экономических кризисов в современном мире (см.: [13; 50]; ср.: [32]). Представители различных направлений теории международных отношений, оценивая роль государства в экономической сфере, как правило, разделяют мнение, согласно которому, несмотря на отсутствие универсального закона о конкуренции, большинство законов, применяемых в настоящее время государствами, направлены на защиту благосостояния потребителей и поощрение добросовестной конкуренции путем регулирования антиконкурентного поведения (см.: [29; 45; 46; 57]). Они почти единодушно поддерживают идеи о необходимости разработки антимонопольного законодательства, направленного против доминирования международных корпораций на мировом и национальных рынках, лишаящих основную массу населения свободы выбора (см.: [5; 14; 24; 31; 38; 51; 52; 60]).

Широкий резонанс имеют также идеи создания альтернативных моделей экономики, обеспечивающих гармонию между конкуренцией и сотрудничеством и тем самым способствующих преодолению почти полувекового господства неолиберального мирового порядка (см., например: [40; 47]).

Конечно же, гесиодовская «пагубная Эрида» играет не менее значительную роль в современной исторической и политической аналитике, выполняя вполне конкретную фун-

кцию, направленную на переосмысление исторического опыта соперничества мировых держав в XX веке (см., например: [3; 9]). Данный опыт в определенном плане способствует исследованию чрезвычайно сложных геополитических проблем, связанных с превращением Китая в мировую державу и перспективами конкуренции и сотрудничества России, Китая, Индии, США и стран Евросоюза в Евразии ([17; 21; 44; 54; 62; 63]; см. также: [22; 23; 33]).

В настоящее время в плане интенсивности теоретическая аналитика конкуренции мировых держав достигла пика популярности. Данная тенденция нередко вызывает различного рода преувеличенные оценки и реакции: откровенный научный энтузиазм довольно часто соседствует с крайним скепсисом и даже неприкрытым сарказмом. «Путь от свежей идеи к клише, – отмечает Валентин Наумеску, главный редактор новейшего международного сборника «Внешняя политика великих держав: подходы к изучению глобальной конкуренции и войне России против Запада», – иногда бывает сложным и удивительно коротким. Мы должны знать, как этого избежать, сохраняя суть и устанавливая различия. Конкуренция великих держав в настоящее время является интенсивно используемым термином. Мы живем в “эпоху соперничества великих держав”. На уровне правительств, дипломатии, аналитических центров, СМИ и научных кругов почти каждое мнение так или иначе затрагивает этот вопрос. Но откуда оно взялось и каковы были его первоначальные и нынешние значения?» [16, р. 7].

Истоки подобных скептических реплик понятны. Тем не менее абсолютное большинство серьезных ученых и политических аналитиков сегодня явно не склонно отождествлять либеральное утопическое, имеющее явно идеологический подтекст, восприятие идеи конкуренции в мировой политике с тем прагматическим научным канонам ее интерпретации, сформировавшимся на протяжении многих десятилетий (см. подробнее: [19, р. 241–242, 279–280]). Как справедливо отмечал еще в конце 1980-х гг. Пол Кеннеди, этот канон сконцентрирован, прежде всего, «на взаимодействии между экономикой и стратегией, поскольку каждое из ведущих государств в

международной системе стремилось увеличить свое богатство и свою мощь, стать (или остаться) одновременно богатым и сильным. Относительная сила ведущих наций в мировых делах никогда не остается постоянной, главным образом из-за неодинаковых темпов роста различных обществ и технологических и организационных прорывов, которые предоставляют одному обществу больше преимуществ, чем другому» ([26, р. XV–XVI]; ср.: [41, р. 5]).

Опыт показывает, что именно данное, обозначенное Кеннеди и его сторонниками, направление дискуссий вокруг глобальных проблем конкуренции в мировой политике дает наилучшие результаты. Сегодня постоянным источником теоретических инноваций являются, с одной стороны, анализ основных этапов противостояния США и Китая, и украинский военный конфликт, – с другой. Его непосредственное следствие – возникновение новых концептуальных интерпретаций особенностей формирования нового международного порядка с соответствующими изменениями в области политической терминологии. Как отмечает, например, Ариэль Гонсалес Леваджи, автор новейшей работы «Соперничество великих держав в Южных океанах», разворачивающийся на украинской территории конфликт между участниками военного блока НАТО и Россией «является показательным симптомом процесса трансформации мировой политики, который в конечном итоге разрушил сами основы стабильности международного порядка. Международный финансовый кризис 2008–2009 годов и динамизм развивающихся держав, зародившийся на форуме БРИКС, способствовали смещению геоэкономического центра с Атлантики на Тихий океан, а также геополитического центра атлантического пространства в сторону Большой Евразии с соответствующими разветвлениями основных глобальных механизмов доминирования и распределения ресурсов» [30, р. 9 sq.].

Примечательным идеологическим моментом нового этапа глобального противоборства России и Запада является возврат обеих сторон конфликта к «историческим корням»: на смену риторическим либеральным стереотипам, характерным для эпохи конца 1980-х – середины 1990-х гг., вновь приходят традици-

онные исторические образы восприятия друг друга. На протяжении нескольких столетий Запад в качестве «Другого» России играл важную роль в определении ее национальной идентичности (см. об этом: [18]). Порожденный войной новый виток русофобии и антироссийской пропаганды, в основе которой лежит стереотипный образ России как «отсталого, почти варварского общества с репрессивной политической системой» [48, р. 24], спровоцировал естественную реакцию в духе шмиттианской дихотомии «друг / враг».

Конечно же, такой подход разделяют далеко не все западные специалисты. Например, в своей книге «Война на Украине: разрыв отношений России с Западом» американский политический публицист Бенджамин Абелу следующим образом разъясняет позиции противоборствующих сторон: «На протяжении почти 200 лет, начиная с разработки доктрины Монро в 1823 году, Соединенные Штаты предъявляли претензии в отношении безопасности практически всего Западного полушария. Любая иностранная держава, размещающая военные силы вблизи территории США, знает, что пересекает красную линию. Таким образом, политика США воплощает в себе убежденность в том, что решающее значение имеет лишь одно – где потенциальный противник разместит свои силы. Фактически это убеждение является краеугольным камнем американской внешней и военной политики, а его нарушение считается поводом для войны» [1, р. 8]. Однако, когда дело касается России, Соединенные Штаты и их союзники по НАТО на протяжении десятилетий действовали, игнорируя именно этот принцип, продолжая перемещать свои вооруженные силы к границам России и пренебрегая реакцией на это российских лидеров. «Если бы Россия, – замечает Абелу, – предприняла аналогичные действия в отношении территории США, скажем, разместив свои вооруженные силы в Канаде или Мексике, Вашингтон начал бы войну и оправдал бы эту войну как превентивный ответ на военное посягательство иностранной державы» [1, р. 8]. С этой точки зрения, конфликт на Украине можно рассматривать не как безудержный экспансионизм «злонамеренного российского лидера», а как жесткую реакцию на ошибочную политику Запа-

да. «Речь идет, заключает Абелу, – о попытке восстановить зону вокруг западной границы России, свободную от угроз наступления со стороны США и их союзников. Неправильно поняв, почему Россия вторглась в Украину, Запад теперь основывает экзистенциальные решения на ложных предпосылках. Поступая таким образом, он углубляет кризис и, возможно, приближается к ядерной войне» ([1, р. 8]; ср.: [20]).

Работа Абелу вызвала одобрительные рецензии таких видных ученых, как Ноам Хомский, Ричард Саква и др. Джон Миршеймер назвал книгу «бесценной» для понимания того, как война снова пришла в Европу. «Бенджамин Абелу, – заявил он, – демонстрирует, что кризис в Украине был предсказуем, вполне прогнозируем и его можно было избежать» ([1, р. I–II]; ср.: [55]).

Стремление к объективности встречается и в работах других западных специалистов, опубликованных в 2022–2023 годах. Например, в книге Мика Райана «Преобразованная война: будущее конкуренции и конфликтов великих держав двадцать первого века» дается высокая оценка российского военного потенциала и стратегии [49, р. 72 sq.]. В работе британского политического эксперта Эндрю Монагана «Большая стратегия России в эпоху глобального силового соперничества» подробно анализируются перспективы роста конкурентных возможностей России в условиях нарастания военных угроз и экономического кризиса в Западной Европе и других регионах мира [37, 118 sq.]. В предисловии к четвертому тому международного сборника «Великое силовое соперничество», посвященного урокам последней афганской войны, его редакторы Адиб Фархади и Энтони Маспо специально акцентируют внимание на том, что уроки поражения США в Афганистане и рост значения альянса Китая и России радикально изменяют перспективы конкуренции великих держав [53, р. VII].

Результаты. Представленный выше краткий обзор теоретических дискуссий отчетливо показывает, что по мере того как международные процессы становятся все более интегрированными и глобализованными, политика в области конкуренции сталкивается с новыми проблемами. В спорах ве-

дущих международных экспертов рассматриваются постоянно возникающие теоретические и методологические вопросы, имеющие важное значение для анализа новых тенденций в сфере конкурентной политики, и приводятся примеры ее теоретических и практических корректировок.

Во введении мы попытались обозначить основные направления и контуры этих теоретических споров. В основном разделе была представлена попытка охарактеризовать современный внешнеполитический разворот к «новой стратегической конкуренции» и выделить, в частности, возникающую теоретическую проблему, которую специалисты иногда именуют как «парадигму вооруженной взаимозависимости». Новейшим непосредственным следствием такого рода взаимозависимости является явно наметившийся «прагматический поворот» в обсуждении содержания и политической атрибутики понятия «конкуренция», которое всего несколько лет назад практически не выходило за пределы сугубо теоретического дискурса.

Нужно особо отметить, что на фоне дискуссий вокруг украинского конфликта в западной научной литературе парадоксально выглядят некоторые трактовки проблемы политического и экономического соперничества США и Китая: в них нередко отражается явное стремление американской правящей элиты маневрировать и по возможности избежать перспективы вести войну на два фронта. Данная тенденция наглядно проявляется в новейшей книге Джозефа Ная «Мягкая сила и конкуренция великих держав: зыбучие пески в балансе сил между Соединенными Штатами и Китаем». Демонстрируя в этой работе бескомпромиссную позицию в отношении России, американский политолог следующим образом развивает собственную, довольно оригинальную концепцию будущих отношений между двумя странами: «США и Китай – две крупнейшие экономики мира. Мы сильно взаимозависимы. Китай – растущая держава, а США – авторитетная (established) держава, но это не обязательно должно привести к войне, которая будет разрушительной как для обеих стран, так и для мировой экономики. Китай и США не представляют экзистенциальной угрозы друг для друга. Напротив, обе

страны могут выиграть от сотрудничества. Хотя некоторая степень конкуренции великих держав неизбежна, лучше всего думать о ней с точки зрения *управляемой конкуренции или кооперативного соперничества...* (курсив наш. – В. Г., А. Ш.). Рациональная стратегия конкуренции великих держав требует тщательной общей оценки. Недооценка порождает самодовольство, а переоценка вызывает страх» [41, р. V–VI]. Аналогичную позицию занимает американский политолог Али Уайн, автор концепции «селективной конкуренции» США в отношении Китая и России ([61, р. XII]; ср.: [25, р. 47–49; 64]).

Обозначенные в работах Ная и Уайна теоретические конструкции, на первый взгляд, крайне резко контрастируют с реалиями разворачивающегося на наших глазах нового витка военно-политического и экономического противоборства двух великих держав. Однако вряд ли речь в данном случае может идти о политической и, тем более, научной некомпетентности авторов обеих концепций. Перед нами лишь очередная, не лишенная конъюнктурности попытка разработки универсальной «магической формулы» конкуренции, которая в равной степени пригодна не только для дипломатического политеза, но и для разработки реальных политических стратегий в отношении практически любого противника или партнера – от государств, не желающих подчиняться западному диктату, до стран Евросоюза, которых США на данный момент практически лишили какой-либо конкурентоспособности.

В итоге возникает совершенно отчетливое впечатление, что обозначенная выше конъюнктурная «традиция» в ближайшей перспективе имеет тенденцию к дальнейшему росту, что, естественно, будет вызывать эрозию глубинного цивилизационного содержания конкуренции, на теоретический анализ которого в свое время было потрачено чрезвычайно много интеллектуальных усилий.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Публикация подготовлена при поддержке Программы развития МГИМО «Приоритет-2030».

The publication was supported by the MGIMO University “Priority-2030” programme.

² При определении конкуренции другие словари «указывают на такие понятия, как “акт конкуренции; соперничество”; “соревнование за какие-либо почести, призы, преимущества”; и “соперничество, предлагаемое конкурентом”. Один бизнес-словарь определяет этот термин как “деятельность, осуществляемую множеством людей или организаций, каждая из которых пытается добиться большего, чем все остальные”. Это также относится к “ситуации, в которой различные организмы, живущие на одной территории, пытаются конкурировать за ограниченное количество пищи, воды, пространства и т. д.”» [34, p. 3].

REFERENCES

1. Abelow B. *How the West Brought War to Ukraine: Understanding How U.S. and NATO Policies Led to Crisis, War, and the Risk of Nuclear Catastrophe*. Great Barrington, Massachusetts USA, Siland Press, 2022. 88 p.
2. Moudud J.K., Bina C., Mason P.L., eds. *Alternative Theories of Competition: Challenges to the Orthodoxy*. London; New York, Routledge, 2012. 334 p.
3. Becker B. *France and Germany in the South China Sea, c. 1840-1930: Maritime Competition and Imperial Power*. Cham, Palgrave Macmillan, 2021. 484 p.
4. Buch-Hansen H., Wigger A. *The Politics of European Competition Regulation: A Critical Political Economy*. London; New York, Routledge, 2011. 179 p.
5. Bosco D., Gal M.S., eds. *Challenges to Assumptions in Competition Law*. Cheltenham, UK, Northampton, MA, USA, Edward Elgar, 2021. 266 p.
6. Adi I.R., Achwan R., eds. *Competition and Cooperation in Social and Political Sciences: Proceedings of the Asia Pacific Research in Social Sciences and Humanities, Depok, Indonesia, 7–9 November 2016: Topics in Social and Political Sciences*. London; New York, Routledge, 2018. 391 p.
7. Arora-Jonsson S., Brunsson N., Hasse R., Lagerström K., eds. *Competition: What It Is and Why It Happens*. Oxford, Oxford University Press, 2021. 244 p.
8. Brands H., Gain F.J., eds. *COVID-19 and World Order: The Future of Conflict, Competition, and Cooperation*. Baltimore, Johns Hopkins University Press, 2020. 455 p.
9. Crawford T.W. *The Power to Divide: Wedge Strategies in Great Power Competition*. Ithaca; London, Cornell University Press, 2021. 292 p.
10. Chou C.P., Spangler J., eds. *Cultural and Educational Exchanges between Rival Societies: Cooperation and Competition in an Interdependent World*. Singapore, Springer, 2018. 169 p.
11. Davies W. *The Limits of Neoliberalism: Authority, Sovereignty and the Logic of Competition*. Los Angeles, etc., Sage, 2014. 220 p.
12. Tomljenović V., Bodiřoga-Vukobrat N., Malnar V.B., Kunda I., eds. *EU Competition and State Aid Rules: Public and Private Enforcement*. Berlin; Heidelberg, Springer-Verlag, 2017. 313 p.
13. Franke N. *Built to Belong: Discovering the Power of Community over Competition*. New York; Nashville, Worthy Publishing, 2021. 256 p.
14. Gilbert R.J. *Innovation Matters: Competition Policy for the High-Technology Economy*. Cambridge, Massachusetts; London, The MIT Press, 2020. 356 p.
15. Glaser Ch.L. *Rational Theory of International Politics: The Logic of Competition and Cooperation*. Princeton; Oxford, Princeton University Press, 2010. 314 p.
16. Naumescu V., ed. *Great Powers' Foreign Policy: Approaching the Global Competition and the Russian War against the West*. Leiden; Boston, Brill, 2023. 497 p.
17. Gresh G.F. *To Rule Eurasias Waves: The New Great Power Competition at Sea*. New Haven; London, Yale University Press, 2020. 363 p.
18. Gutorov V.A., Shirinyants A.A., Shutov A.Yu. Two Civilizations: The Relations of Russia and Western Europe at the Beginning of the 21st Century. *Baltic Region*, 2018, vol. 10, no. 4, pp. 132-141.
19. Hearn J. *The Domestication of Competition: Social Evolution and Liberal Society*. Cambridge; New York, Cambridge University Press, 2023. 321 p.
20. Hess M. *Economic War: Ukraine and the Global Conflict Between Russia and the West*. London, Hurst & Company, 2023. 280 p.
21. Honghua Men. *Order of East Asia: Regional Transformation, Competition Among Main Powers, and China's Strategy*. Singapore, Springer, 2020. 276 p.
22. Hont I. *Jealousy of Trade: International Competition and the Nation-State in Historical Perspective*. Cambridge, Massachusetts; London, The Belknap Press of Harvard University Press, 2005. 560 p.
23. Hont I. *Politics in Commercial Society: Jean-Jacques Rousseau and Adam Smith*. Cambridge, Massachusetts; London, Harvard University Press, 2015. 138 p.
24. Hudson R. *Co-Produced Economies: Capital, Collaboration, Competition*. London; New York, Routledge, 2019. 245 p.
25. Kassab H.S. *Globalization Multipolarity and Great Power Competition*. New York; London, Routledge, 2022. 171 p.
26. Kennedy P. *The Rise and Fall of the Great Powers: Economic Change and Military Conflict from 1500-2000*. London; Sydney; Wellington, Unwin Hyman, 1988. 677 p.

27. Kreps D.M. *Foundations I: Choice and Competitive Markets*. Princeton; Oxford, Princeton University Press, 2012. 563 p.
28. Kreps D.M. *Microeconomic Foundations II: Imperfect Competition, Information, and Strategic Interaction*. Princeton, Princeton University Press, 2023. 800 p.
29. Kumar S., Qiu L. *Social Media Analytics and Practical Applications: The Change to the Competition Landscape*. Boca Raton; London; New York, CRC Press, 2022. 66 p.
30. Levaggi A.G. *Great Power Competition in the Southern Oceans: From the Indo-Pacific to the South Atlantic*. Cham, Switzerland, Palgrave Macmillan, 2023. 269 p.
31. Malinauskaite J. *Harmonisation of EU Competition Law Enforcement*. Cham, Switzerland, Springer, 2020. 272 p.
32. Malinovskii V.K. *Insurance Planning Models: Price Competition and Regulation of Financial Stability*. New Jersey; London, etc., World Scientific, 2022. 332 p.
33. Kapossy B., Nakhimovsky I., Reinert S.A., Whatmore R., eds. *Markets, Morals, Politics: Jealousy of Trade and the History of Political Thought*. Cambridge, Massachusetts; London, Harvard University Press, 2018. 316 p.
34. Mazarr M.J., Blake J.S., Casey A., McDonald T., Pezard J., Spirtas M. *Understanding the Emerging Era of International Competition: Theoretical and Historical Perspectives*. Santa Monica, Calif., RAND Corporation, 2018. 166 p.
35. Morgenthau H.J. *Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace*. New York, Alfred A. Knopf, 1948. 445 p.
36. Molenaar C. *The End of Competition: The Impact of the Network Economy*. New Jersey, etc., World Scientific Publishing, 2020. 233 p.
37. Monaghan A. *Russian Grand Strategy in the Era of Global Power Competition*. Manchester, Manchester University Press, 2022. 224 p.
38. Mosca M. *Monopoly Power and Competition: The Italian Marginalist Perspective*. Cheltenham; Northampton, MA, Edward Elgar, 2018. 242 p.
39. Moudud J.K. *Strategic Competition, Dynamics, and the Role of the State: A New Perspective*. Cheltenham; Northampton, MA, Edward Elgar, 2010. 164 p.
40. Nanda N. *Indias Industrial Policy and Performance: Growth, Competition and Competitiveness*. London; New York, Routledge, 2021. 194 p.
41. Nye J.S. *Soft Power and Great-Power Competition: Shifting Sands in the Balance of Power Between the United States and China*. Singapore, Springer, 2023. 208 p.
42. Nye J.S., Welch D.A. *Understanding Global Conflict & Cooperation: Intro to Theory & History*. Ninth Edition. Harlow, Pearson Education Ltd, 2014. 371 p.
43. Stevenson A., ed. *Oxford Dictionary of English*. New York, Oxford University Press, 2010. 2112 p.
44. Pieper M. *The Making of Eurasia: Competition and Cooperation Between Chinas Belt and Road Initiative and Russia*. London; New York; Oxford; New Delhi; Sydney, I.B. Tauris, 2022. 166 p.
45. Robertson V.H.S.E. *Competition Laws Innovation Factor: The Relevant Market in Dynamic Contexts in the EU and the US*. Oxford, etc., Hart, 2020. 352 p.
46. Rodger B.J., Muccoloch A. *Competition Law and Policy in the EU and UK*. Sixth Edition. London; New York, Routledge, 2021. 391 p.
47. Rolland S.E., Trubek D.M. *Emerging Powers in the International Economic Order: Cooperation, Competition and Transformation*. Cambridge, Cambridge University Press, 2019. 237 p.
48. Kanet R.E., Moulioukova D., eds. *Russia and the World in the Putin Era: From Theory to Reality in Russian Global Strategy*. London; New York, Routledge, 2022. 306 p.
49. Ryan M. *War Transformed: The Future of Twenty-First-Century Great Power Competition and Conflict*. Annapolis, Naval Institute Press, 2022. 312 p.
50. Salin P. *Competition and Free Trade*. London; New York, Routledge, 2018. 145 p.
51. Stucke M.E., Ezrachi A. *Competition Overdose: How Free Market Mythology Transformed Us from Citizen Kings to Market Servants*. S.I., Harper Business, 2020. 416 p.
52. Tepper J., Hearn D. *The Myth of Capitalism: Monopolies and the Death of Competition*. Hoboken, Jersey, Wiley & Sons Inc., 2019. 320 p.
53. Farhadi A., Maspo A., eds. *The Great Power Competition. Volume 4: Lessons Learned in Afghanistan: Americas Longest War*. Cham, Springer, 2023. 461 p.
54. Buszynski L., Do Thanh Hai, eds. *The South China Sea: From a Regional Maritime Dispute to Geo-Strategic Competition*. London; New York, Routledge, 2020. 242 p.
55. The War in Ukraine: Russia's Ruptured Relations with the West. Geopolitics, Supply Chains and Power Dynamics in 2023. *The Economist Intelligence Unit*, 2023. 9 p.
56. Thorbjurnsen S.O. *What Happens to People in a Competitive Society: An Anthropological Investigation of Competition*. Cham, Palgrave Macmillan, 2019. 423 p.
57. Unoki K. *Competition Laws, National Interests and International Relations*. New York, Routledge, 2019. 219 p.

58. Wachtel P.L. *The Poverty of Affluence: A Psychological Portrait of the American Way of Life*. New York, Free Press, 1983. 316 p.

59. Wang Sh.-Ch. *Transatlantic Space Politics: Competition and Cooperation Above the Clouds*. London; New York, Routledge, 2013. 217 p.

60. Wardhaugh B. *Competition, Effects and Predictability: Rule of Law and the Economic Approach to Competition*. Oxford, etc., Hart, 2020. 240 p.

61. Wyne A. *Americas Great-Power Opportunity: Revitalizing U.S. Foreign Policy to Meet*

the Challenges of Strategic Competition. Cambridge, Polity, 2022. 233 p.

62. Yuan Feng. *China and Multilateralism: From Estrangement to Competition*. London; New York; Routledge, 2020. 186 p.

63. Young-Chan Kim. *China-India Relations: Geo-political Competition, Economic Cooperation, Cultural Exchange and Business Ties*. Cham, Springer, 2020. 228 p.

64. Zhou J. *Great Power Competition as the New Normal of China-US Relations*. Cham, Palgrave Macmillan, 2022. 283 p.

Information About the Authors

Vladimir A. Gutorov, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Head of the Department of Theory and Philosophy of Political Science, Saint Petersburg State University, Smolnogo St, 1/3, 191124 Saint Petersburg, Russian Federation, gut-50@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8063-2558>

Alexander A. Shirinyants, Doctor of Sciences (Politics), Professor, Head of the Department of the History of Socio-Political Doctrines, Lomonosov Moscow State University, Prosp. Lomonosovskiy, 27/4, 119991 Moscow, Russian Federation; Researcher, Research Laboratory “Strategy, Status and Ethics in International Society”, MGIMO University, Prosp. Vernadskogo, 76, 119454 Moscow, Russian Federation, jants@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6949-2256>

Информация об авторах

Владимир Александрович Гуторов, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой теории и философии политологии, Санкт-Петербургский государственный университет, ул. Смольного, 1/3, 191124 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, gut-50@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8063-2558>

Александр Андреевич Ширинянец, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой истории социально-политических учений, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, просп. Ломоносовский, 27/4, 119991 г. Москва, Российская Федерация; научный сотрудник исследовательской лаборатории «Стратегия, статус и этика в международном обществе», Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, просп. Вернадского, 76, 119454 г. Москва, Российская Федерация, jants@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6949-2256>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.2.13>

UDC 327.7

LBC 66.4(4/8)

Submitted: 26.12.2022

Accepted: 09.07.2023

COOPERATION MECHANISMS OF TURKISH-SPEAKING COUNTRIES IN THE PERIOD FROM 1991 TO 2022¹

Zhang Yuyan

Lanzhou University, Lanzhou, China

Abstract. Introduction. Studying the cooperation strategies of Turkish-speaking countries has important practical significance. Establishing cooperation mechanisms is an important way to implement cooperation strategies. The purpose of this study is to attempt to comprehensively analyze the process of establishing cooperation mechanisms among Turkish-speaking countries over the past 33 years. *Methods and materials.* The research on the cooperation mechanisms of Turkish-speaking countries in the international academic community can be divided into two stages: before and after the establishment of the Organization of Turkic States. However, these studies have not systematically revealed the fundamental changes and development prospects of the cooperation mechanisms among Turkish-speaking countries. This article aims to address these issues through the methods of case studies and comparative analysis. *Analysis.* Turkish-speaking countries have experienced four stages of establishing cooperation mechanisms, marked by the convening of the Summits of heads of Turkish-speaking states (1991–2008), the establishment of the Turkic Council (2009–2018), expanding its membership (from 2018 to November 2021), and its renaming to the Organization of Turkic States (from November 2021). *Results.* This study draws the several conclusions. Firstly, in the post-Soviet era, Turkish-speaking countries have worked hard to form discussions on the nature and prospects of their relations, which has led to changes in the cooperative narrative logic, actors, and characteristics of activities in the “Turkic world.” Secondly, the main factor affecting the current and future cooperation of Turkish-speaking countries is their national interests, not pan-Turkism. Thirdly, one of the most important factors affecting the implementation of Türkiye’s cooperation strategy is the position of the Turkish-speaking countries in Central Asia. Fourthly, cooperation between Turkish-speaking countries is currently at its highest level. Based on the mechanisms they have established, these countries have the potential to become a pole in the multipolar world.

Key words: cooperation mechanisms, Turkic world, pan-Turkism, cooperation strategy, Türkiye’s foreign policy, Eurasia.

Citation. Zhang Yuyan. Cooperation Mechanisms of Turkish-Speaking Countries in the Period from 1991 to 2022. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 2, pp. 145-156. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.2.13>

УДК 327.7

ББК 66.4(4/8)

Дата поступления статьи: 26.12.2022

Дата принятия статьи: 09.07.2023

МЕХАНИЗМЫ СОТРУДНИЧЕСТВА ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ СТРАН В ПЕРИОД С 1991 ПО 2022 ГОД¹

Чжан Юйянь

Ланьчжоуский университет, г. Ланьчжоу, Китай

Аннотация. Введение. Изучение стратегии сотрудничества тюркоязычных государств имеет большое практическое значение. Одним из важных способов осуществления стратегии сотрудничества является создание механизмов сотрудничества. Цель данной работы заключается в попытке комплексного анализа процесса создания тюркоязычными странами механизмов сотрудничества за последние 33 года. *Методы и материалы.* Изучение механизмов сотрудничества тюркоязычных стран в международном академическом

сообществе можно разделить на два этапа: до и после появления Организации тюркских государств. Однако полученные исследования недостаточно систематизированы, чтобы выявить коренные изменения в механизмах сотрудничества тюркоязычных стран и перспективы их развития. Статья посвящена решению данных проблем, используя метод сравнительного анализа. *Анализ.* Тюркоязычные страны прошли в построении механизмов сотрудничества четыре этапа, отмеченные проведением Саммитов глав тюркоязычных государств (1991–2008 гг.), созданием Тюркского совета (2009–2018 гг.), расширением его членства (2018 – ноябрь 2021 г.) и переименованием его в Организацию тюркских государств (с ноября 2021 г.). *Результаты.* Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, за постсоветский период усилия тюркоязычных стран по формированию дискурса о природе и перспективах отношений на основе языкового фактора и культурной близости привели к изменениям в нарративной логике сотрудничества, акторах и характеристиках деятельности в рамках феномена «тюркский мир». Во-вторых, главным фактором, влияющим на текущее и будущее сотрудничество тюркоязычных стран, являются государственные интересы этих стран, а не пантюркизм. В-третьих, одним из наиболее значимых факторов, влияющих на реализацию стратегии сотрудничества Турции, является позиция тюркоязычных государств Центральной Азии. В-четвертых, в настоящее время на самом высоком уровне со времени распада Советского Союза находится сотрудничество тюркоязычных стран, которые, опираясь на созданные ими механизмы, обладают потенциалом для того, чтобы стать одним из полюсов в многополярном мире.

Ключевые слова: механизмы сотрудничества, тюркский мир, пантюркизм, стратегия сотрудничества, внешняя политика Турции, Евразия.

Цитирование. Чжан Юйянь. Механизмы сотрудничества тюркоязычных стран в период с 1991 по 2022 год // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 2. – С. 145–156. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.2.13>

Введение. Мир переживает 33-летний переход от биполярного к многополярному порядку после распада Советского Союза. В этом процессе одним из важных средств обеспечения державами достойного места в постбиполярном мире является стратегия сотрудничества, основанная на идеологии (например, НАТО), геэкономике (например, ЕАЭС), геополитике (например, ЕС) или безопасности (например, ШОС), а также на комплексности (например, АСЕАН осуществляет стратегию сотрудничества на основе геополитики, геэкономике и социально-культурной особенности). Думается, что надлежит привлечь внимание научных кругов к стратегии сотрудничества тюркоязычных стран по трем причинам.

1) Объект исследования имеет особый и важный характер. Теперь в мире существует шесть тюркоязычных стран (Турция, Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан и Туркменистан) с общей площадью 4,73 млн кв. км и населением около 170 млн человек. Они обладают высоким уровнем представительства и большим правом голоса в Евразии. Состояние сотрудничества между ними имеет важное значение для геополитики, геэкономике и безопасности Евразии. Одним из ярких примеров является конфликт вокруг Нагорного Карабаха.

2) Содержание исследования необходимо рассматривать в контексте идеологической борьбы и игры великих держав. Большое влияние на национальное сознание, межнациональные отношения и пути развития тюркоязычных стран Евразии оказывает идеология пантюркизма, которая является важным элементом игры великих держав в Евразии. Например, ученые из России полагают, что пантюркизм – мощная идеологическая и политическая база интеграционных процессов среди тюркоязычных стран и народов, но он носит агрессивный наступательный характер, угрожает интересам России в южных регионах СНГ и ее территориальной целостности [2; 14]. Ученые из КНР по-прежнему критически относятся к пантюркизму, а также к сотрудничеству тюркоязычных стран [12; 18; 20].

3) Стратегия сотрудничества между тюркоязычными странами является сложной и изменяющейся. У Турции, Казахстана и Узбекистана большие амбиции в отношении «тюркского мира» и даже Евразии. В то же время каждая страна имеет свои прагматические государственные интересы и осуществляет многовекторную дипломатию. Под влиянием этих факторов взаимодействие между тюркоязычными странами не всегда стратегическое, особенно в начале 2000-х гг., ког-

да отношения Казахстана и Узбекистана были не самыми простыми. Подобные ситуации время от времени меняют стратегию сотрудничества между тюркоязычными странами. Например, В.А. Аватков выделил три ключевых этапа взаимодействия Турции с постсоветским пространством: 1991–2002 гг. – «эпоха надежд», 2002–2014 гг. – «эпоха поэтапности», 2014 – н.в. – «эпоха туркоцентричной интеграции» [1]. Однако, по мнению автора, если посмотреть на процесс создания механизмов сотрудничества, то взаимодействие между ними проходит совершенно другую стадию развития.

Цель данной работы заключается в попытке комплексного анализа процесса создания тюркоязычными странами механизмов сотрудничества за период с 1991 по 2003 год. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1) Какие знаковые события и ключевые фигуры сыграли важную роль в создании тюркоязычными странами механизмов сотрудничества? Каковы перспективы их дальнейшего сотрудничества?

2) Какова роль пантюркизма в сотрудничестве тюркоязычных стран? Стимулирует ли он осуществление Турцией стратегий сотрудничества?

3) Каковы различия и изменения в подходе тюркоязычных стран Центральной Азии к созданию механизмов сотрудничества с Турцией? Каковы их потребности в них?

Методы и материалы. Изучение механизмов сотрудничества тюркоязычных стран в международном академическом сообществе можно разделить на два этапа: до и после появления Организации тюркских государств (далее – ОТГ). До появления ОТГ ученые в основном изучали развитие Совета сотрудничества тюркоязычных государств (далее – Тюркский совет). К примеру, российские ученые давно проявляли интерес к этому вопросу и анализировали негативное влияние Тюркского совета на Россию с точки зрения интеграции СНГ, геополитической конкуренции и развития тюркоязычных регионов страны [1; 4; 13; 22; 23]. Армянские, иранские и китайские ученые склонны рассматривать Тюркский совет как результат пантюркистской экспансии [18; 20; 29; 33]. В Турции, Азербайджане, Казахстане и Кыргызстане появи-

лось много исследований, которые доказывают, что Тюркский совет имеет большие перспективы и присоединение к нему имеет важное значение для развития Узбекистана и Туркменистана [3; 15; 16; 27; 28]. После появления ОТГ российские ученые относятся к ней более негативно и обращают много внимания на стремление Турции к практике пантюркизма в Евразии [7; 10; 11]. Отношение к ОТГ ученых тюркоязычных стран полностью противоположно российским. Турецкое академическое сообщество не только пытается объяснить русскоязычному миру уникальность и преимущества ОТГ [17], но и демонстрирует англоязычному миру важную роль ОТГ в Евразии и мире, используя западные методы исследований, такие как социальный конструктивизм, многосторонность, функционализм и анализ SWOT [26; 30; 34]. Подобные исследования появились и в других тюркоязычных странах [25; 31].

Вышеупомянутые исследования до настоящего времени не были в достаточной мере систематизированы, чтобы выявить коренные изменения в механизмах сотрудничества тюркоязычных стран за последние 33 года и перспективы их развития. Данная работа посвящена комплексному исследованию процесса построения тюркоязычными странами механизмов сотрудничества за последние 33 года, анализу перспектив их дальнейшего сотрудничества и решению вышеуказанных задач. При исследовании использован метод изучения конкретных ситуаций: проведен анализ значения членства Узбекистана в Тюркском совете, проанализированы причины неучастия Украины в нем и т. д. В работе также использован метод сравнительного анализа: прослежено изменение отношения Турции к пантюркизму в разные периоды сотрудничества с тюркоязычными странами, проведено сравнение Тюркского совета и ОТГ и др.

Анализ. Распад Советского Союза предоставил условие для начала сотрудничества тюркоязычных стран. С тех пор тюркоязычные страны прошли четыре этапа в построении механизмов сотрудничества.

Первый этап (1991–2008 гг.): адаптация к идентичности и неустойчивое сотрудничество тюркоязычных стран.

Анкара определила главной целью превращение Турции в глобальное государство в XXI веке. Для этого Турция должна стать некой моделью прежде всего для тюркоязычных стран Евразии и региональным лидером. В октябре 1992 г. главы шести тюркоязычных стран собрались в Анкаре, чтобы созвать первый Саммит глав тюркоязычных государств (далее – СГТГ) [21]. С тех пор СГТГ стал главным механизмом сотрудничества тюркоязычных стран. В период с 1992 по 2010 г. было проведено всего 10 саммитов. Хотя на каждой встрече главы призывали к укреплению сотрудничества в политической, экономической, культурной и безопасной областях и подписывали ряд деклараций, меморандумов и т. д., но лишь немногие из них были реализованы. Причин такого результата четыре:

1) Влияние пантюркизма. В 1990-е гг. сотрудничество Турции с другими тюркоязычными странами и регионами всегда было сопряжено с духом пантюркизма, что представляет собой результат не только длительного развития пантюркизма во внутренней и внешней политике Османской Турции, но и попытки турецкого правительства создать «тюркский союз» под своим патронатом. В советский период пантюркизм подвергался жесткой критике и даже силовому давлению. Первые лидеры новых независимых тюркоязычных стран Евразии, которые выросли в советский период, относились к пантюркизму более или менее скептически и даже критически.

2) Изменения в сфере национального самосознания Турции. Во время холодной войны Турция была важной страной в усилиях НАТО по подрыву Советского Союза на Кавказе и в Центральной Азии. Одним из способов было разжигание сепаратистских настроений среди тюркоязычных народов в Советском Союзе. После окончания холодной войны западные страны разошлись во мнениях относительно роли Турции, чья мечта вступить в Европейский союз все больше проваливалась. Свою линию поддержки Турции проводили США и Англия. Цель американской политики – ослабление Западной Европы (прежде всего Франции и Германии) как возможного геополитического конкурента на Кавказе (и в Центральной Азии), а также вытеснение России из региона [9, с. 305]. Появление в это

время нескольких независимых тюркоязычных стран подхлестнуло амбиции Турции на статус великой державы и более активный интерес к Востоку. Факты свидетельствуют о том, что тогдашняя Турция проявила себя как «старший брат» в «тюркском мире», относясь к другим государствам, как к «младшим братьям», а не равноправным партнерам.

3) Адаптация и поддержание независимой государственной идентичности. После распада Советского Союза новые тюркоязычные страны встали на путь создания независимого государства. В процессе адаптации к своей новой идентичности они придавали большое значение независимости и суверенитету, и главным содержанием государственного строительства стало получение титульной нацией доминирующего положения во всех социальных сферах. Для сохранения новой идентичности отвергалось все, что может подорвать независимость и суверенитет государства, и все, что может ослабить статус титульной нации.

4) Нарушение системы образования в новых независимых государствах из-за распада Советского Союза. В 1990-е гг. в этих странах появилось ухудшение экономической ситуации, усиление этнических конфликтов и миграция русскоязычных жителей в Россию, большинство из которых были самыми молодыми и интеллигентными. Одним из результатов стала нехватка преподавателей в системе образования и снижение образовательного уровня в этих государствах, а Россия тогда не могла помочь им. Турция быстро заметила это. Образование стало приоритетным направлением сотрудничества тюркоязычных стран, но характеризовалось преимущественно турецким экспортом в другие тюркоязычные страны и регионы, причем не без пантюркистского компонента.

Второй этап (2009–2017 гг.): построение механизмов и расширение сотрудничества.

Настоящим механизмом сотрудничества тюркоязычных стран с точки зрения полноты, зрелости, эффективности и воздействия являлся Тюркский совет, созданный Турцией, Азербайджаном, Казахстаном и Кыргызстаном в 2009 году. После его создания в сотрудничестве тюркоязычных стран произошли явные изменения:

– Механизм стал лучше разработан и более зрелым. Тюркский совет трансформировал бывшую однообразную модель сотрудничества, опирающуюся в основном на СГТГ, в комплексную с подчиненными и вспомогательными органами². Стоит отметить, что подчиненные и вспомогательные органы Тюркского совета не сосредоточены в одной стране во избежание доминирования какой-либо страны. Например, Секретариат находится в Стамбуле, Международная Тюркская академия – в Астане, Международная организация тюркской культуры – в Анкаре, а Парламентская ассамблея тюркоязычных государств – в Баку.

– Способ сотрудничества стал более разнообразным. До создания Тюркского совета сотрудничество тюркоязычных стран было преимущественно двусторонним, что подчеркивалось сотрудничеством Турции с другими тюркоязычными странами. После его создания более активно развивалось многостороннее сотрудничество. Тюркский совет, координируя интересы и отношения своих членов, выразил общую позицию по ряду актуальных международных и региональных вопросов и начал рассматривать свои отношения с ЕАЭС, ШОС, инициативой «Пояс и путь» и т. д. В целом он стал новой региональной организацией в Евразии.

– Был достигнут прорыв в сфере сотрудничества. До создания Тюркского совета сотрудничество тюркоязычных стран осуществлялось в основном в области образования и культуры, а сотрудничество в экономической и политической областях часто имело больше декларативный эффект, чем практический. После его создания их сотрудничество не только продолжалось в области культуры и образования, но и глубже распространялось на сферы экономики, политики, безопасности, военного дела, науки и техники, транспорта, таможни и туризма и т. д.

На этом этапе сотрудничество тюркоязычных стран характеризовалось следующими особенностями. Во-первых, создание Тюркского совета ознаменовало собой первый случай, когда идея интеграции тюркского мира получила физический механизм спустя 20 лет после распада Советского Союза [24]. Тюркский совет можно считать достаточно полно-

ценным интеграционным проектом, который не только координирует действия стран-участниц на международной арене, но и ставит цель – упрощение таможенных и транзитных процедур, а также объединение усилий силовых органов в борьбе с международным терроризмом [22]. Во-вторых, сближение Турции с тюркоязычными странами Евразии происходит не вследствие распространения абстрактных идей пантюркистской идеологии, а благодаря конкретным экономическим, политическим, военным и иным интересам сторон [9, с. 308]. Анкара надеется повысить свою роль в региональных и международных делах и войти в круг великих держав на основе укрепления сотрудничества с тюркоязычными странами Евразии, которые надеются через Турцию установить тесные контакты с Западом и получить финансовые инвестиции, а также найти рынки для сбыта своих сырьевых и энергоресурсов [19, с. 36–37]. В-третьих, роль Казахстана в развитии сотрудничества тюркоязычных стран становится еще более очевидной, и координация между Анкарой и Астаной является важной гарантией создания механизмов сотрудничества. В-четвертых, расширение способа сотрудничества от двустороннего до многостороннего и прорыв в сфере сотрудничества тюркоязычных стран побуждали Россию и Китай уделять больше внимания Евразии.

Третий этап (2018 – ноябрь 2021 г.): расширение членства и геополитический баланс.

Тюркский совет был создан в октябре 2009 г., тогда Туркменистан отказался присоединиться к нему по причине позитивного нейтралитета во внешней политике. Узбекистан также не вступил в него из-за сложных отношений с Россией, Турцией и Казахстаном. Например, тогдашний президент И.А. Каримов соревновался с Н.А. Назарбаевым за региональное лидерство в Центральной Азии, что оказало негативное влияние на развитие отношений с Тюркским советом, где Казахстан уже имел преимущество. Некоторые ученые также утверждают, что Узбекистан и Туркменистан с глубоким подозрением относятся к пантюркистским попыткам Турции [24]. Однако эти две страны имели большое значение для Тюркского совета, поскольку в Узбекистане проживает половина тюркоязыч-

ного населения Центральной Азии, а Туркменистан занимает четвертое место в мире по величине разведанных запасов природного газа [5], и его экономический потенциал нельзя недооценивать. Нехватка представительства являлась основным препятствием для развития Тюркского совета. Расширение членства было поставлено на повестку дня после провозглашения экс-президентом Турции А. Гюль лозунга «Шесть государств – одна нация» на 10-м СГТГ в сентябре 2010 года. Сначала, в сентябре 2018 г., Венгрия получила статус наблюдателя, затем в сентябре 2019 г. Узбекистан вступил в Тюркский совет в качестве члена. 12 ноября 2021 г. Туркменистан стал государством-наблюдателем ОТГ – бывшего Тюркского совета.

Вступление Узбекистана в Тюркский совет являлось важным событием в укреплении сотрудничества тюркоязычных стран, что не только придало новый импульс деятельности Тюркского совета и повысило его важность в Евразии, но и обеспечивало внутренний и внешний геобаланс в сотрудничестве тюркоязычных стран. Во-первых, Узбекистан является «хребтом» Центральной Азии [6], граничащим не только со всеми странами региона, но и с Афганистаном. Его включение значительно разнообразило повестку дня Тюркского совета. Во-вторых, Узбекистан с населением 36 миллионов человек является самой большой страной в регионе, его включение значительно увеличило количество тюркоязычного населения в Тюркском совете и изменило прежнюю ситуацию, когда в совете доминировали 80 миллионов турок и 10 миллионов азербайджанцев на западном крыле, придав совету внутренний баланс на восточном и западном крыльях [8]. В-третьих, присоединение Узбекистана значительно усилило экономическую, политическую и военную мощь Тюркского совета и укрепило его способность конкурировать с другими региональными и международными организациями в Евразии.

При расширении членского состава Тюркский совет соблюдал следующие принципы. Во-первых, объект расширения членства имел специфический характер. Тюркский совет, основанный на общности истории, культуры, самобытности и языка, ориентировал на объе-

динение всех тюркоязычных стран, поэтому Узбекистан и Туркменистан были главными объектами ее расширения. Во-вторых, ключ к успеху в расширении членства состоит из двух частей: с одной стороны, рассмотрение страной-объектом последствий расширения для своих национальных интересов и, с другой стороны, оценка Тюркским советом тех выгод, которые он может извлечь для себя в результате расширения. Например, Украина стремилась вступить в Тюркский совет с целью разделения этнических связей украинцев со славянами, решения крымского вопроса, развития экономики и получения внешней помощи, но на просьбу Украины Тюркский совет откликнулся отрицательно из-за напряженности в отношениях между Россией и Украиной и бдительности России в отношении сотрудничества тюркоязычных стран. В-третьих, стратегия выравнивания являлась важным соображением Турции в процессе расширения членского состава Тюркского совета. На втором этапе «двуглавое руководство» в Тюркском совете стало все более очевидным с усилением роли Казахстана в сотрудничестве тюркоязычных стран. Присоединение Узбекистана и Туркменистана в определенной степени ослабило роль Казахстана. В-четвертых, расширение членства способствовало повышению статуса Тюркского совета. Географическое расширение партнеров вскоре привело к увеличению могущества Тюркского совета. С ростом могущества лидеры основных тюркоязычных стран стали недовольны статусом Тюркского совета как межправительственной организации и начали претендовать на его продвижение.

Четвертый этап (с ноября 2021 г.): продвижение механизма и тенденции сотрудничества.

Тюркский совет – это межправительственная организация, чей внутренний динамизм значительно усилился после институционализации и расширения членства. Следующим шагом должно стать повышение своей внешней конкурентоспособности. 12 ноября 2021 г. в Стамбуле состоялся 8-й Саммит глав государств Тюркского совета, на котором было принято решение повысить статус Тюркского совета до международной организации, переименовав его в ОТГ. Турция, Азербайд-

жан, Казахстан, Кыргызстан и Узбекистан по-прежнему являются членами ОТГ, а Венгрия и Туркменистан – наблюдателями.

ОТГ продолжает сохранять институциональные механизмы Тюркского совета, одновременно и планирует создать ряд новых органов. Эта тенденция уже продемонстрирована на 9-м саммите ОТГ, состоявшемся в ноябре 2022 г. в Самарканде. Кроме того, существуют еще четыре тенденции в развитии сотрудничества тюркоязычных стран. Во-первых, сотрудничество перейдет к более обязывающей структуре, гарантированной ОТГ. Подписанные документы «Протокол о внесении изменений в Нахичеванское соглашение», «Правила процедуры Организации Тюркских государств», «Стратегия Организации тюркских государств на 2022–2026 годы» придадут ОТГ более правовой характер на международном уровне. Во-вторых, геополитическое расширение в предстоящий период будет происходить в основном в форме включения государств-наблюдателей. В «Самаркандской декларации» написано, что стороны «рассматривают турецких киприотов как часть тюркского мира и приветствуют статус ТРСК в качестве наблюдателя ОТГ» [32], хотя это предложение не получило полной поддержки тюркоязычных стран Центральной Азии. В-третьих, продолжая сотрудничество в культурной, образовательной и экономической областях, ОТГ будет укреплять работу в политической и военной областях. Например, одним из приоритетов в работе ОТГ за последние годы являются распространение в средних школах учебников «Общая тюркская история», «География тюркского мира» и «Общая тюркская литература» и создание единого тюркского алфавита на основе латиницы. Что касается военной области, то ОТГ выражает озабоченность в связи с конфликтом вокруг Нагорного Карабаха, «январскими беспорядками» в Казахстане и Афганской проблемой, демонстрируя свою решимость бороться со всеми формами терроризма, экстремизма, незаконного оборота наркотиков, сепаратизма, дискриминацией, ксенофобией, дезинформацией и др. В-четвертых, как координировать свои действия с третьими странами, такими как Россия, и международными организациями станет одним из направлений усилий ОТГ, а

формирование партнерского статуса является ее целью.

Результаты. Распад Советского Союза предоставил условие для возрождения пантюркизма в Евразии. Турция увидела возможность получения статуса великой державы, активно развивая отношения с новыми независимыми тюркоязычными странами и создавая общую концепцию «тюркского мира». До сих пор процесс создания тюркоязычными странами механизмов сотрудничества прошел четыре этапа. На первом этапе (1991–2008 гг.) основным механизмом укрепления сотрудничества Турции с другими тюркоязычными странами являлся СГТГ, цель которого заключалась в создании «тюркского союза» под эгидой Турции, ориентированной на утверждение статуса важной силы в новой геополитической конкуренции Евразии. Однако уровень их сотрудничества оказался ниже ожиданий Турции под влиянием пантюркизма и адаптации новых стран к своей идентичности. Тем более не был создан зрелый механизм с обязательной силой. На втором этапе (2009–2018 гг.) Тюркский совет стал важной межправительственной организацией по сотрудничеству четырех тюркоязычных стран. Его создание ознаменовало собой первый случай, когда идея интеграции «тюркского мира» получила физический механизм, так что способ их сотрудничества стал более разнообразным, сферы сотрудничества расширились и Турция стала важным участником Большой игры в Евразии. На этом этапе фанатизм Турции и обеспокоенность других тюркоязычных стран по поводу пантюркизма ослабевали, а прагматические государственные интересы стали целью их сотрудничества. Роль Казахстана в развитии их сотрудничества стала еще более очевидной. На третьем этапе (2018 – ноябрь 2021 г.) в Тюркский совет были включены Узбекистан, Туркменистан и Венгрия путем расширения членства, что повысило его силы и обеспечивало внутренний и внешний геобаланс. Причем расширение членства соответствовало Турецкой стратегии выравнивания между другими тюркоязычными странами. На четвертом этапе (с ноября 2021 г.) для повышения своей внешней конкурентоспособности Тюркский совет был переименован в ОТГ – региональную международную орга-

низацию. В настоящее время наблюдается ряд новых тенденций в сотрудничестве тюркоязычных стран. Особенно разработан план по установлению партнерского статуса для третьих стран и других международных организаций.

За последние 33 года сотрудничество тюркоязычных стран приобрело новое измерение и практику. Более того, в дискурсе сотрудничества тюркоязычных стран произошли коренные изменения. В 1990-е гг. снижение влияния пантюркизма на сотрудничество тюркоязычных стран и опасения аутсайдеров по этому поводу вскоре стали важной частью формирования дискурса в Турции. Теперь изменились логика повествования об их сотрудничестве, субъекты и содержание дискурса. Субъекты дискурса сначала распространились с Турции на Казахстан и Азербайджан, затем продолжили распространяться на все тюркоязычные страны. Логика их повествования изменилась так: сначала от оправдания отсутствия пантюркистского характера в их сотрудничестве к подчеркиванию необходимости и важности их сотрудничества, затем к расширению содержания и продвижению механизма сотрудничества на основе соблюдения норм и принципов международного права. В настоящее время тюркоязычные страны начинают в качестве региональной международной организации заявлять о себе на международной арене и определять свои отношения с другими странами и организациями.

Следует подчеркнуть, что роль Турции в сотрудничестве тюркоязычных стран имеет важное, но не единственное значение, потому что роль пантюркизма и активность других тюркоязычных стран изменились. Главным фактором, влияющим на текущее и будущее сотрудничество тюркоязычных стран, являются государственные интересы этих стран, а не пантюркизм. По сути, все страны осуществляют многовекторную дипломатию, которая, как ожидается, будет в максимальной степени отвечать своим интересам. Укрепление сотрудничества и создание механизмов тюркоязычных стран – это лишь одно из направлений их внешней политики. Тот, кто может принести наибольшие выгоды для тюркоязычных стран Евразии, способен занять преимущественное положение в выборе ими

объектов сотрудничества. Так же обстоит дело и с Турцией, которая более активно сотрудничает с тюркоязычными странами Евразии именно потому, что Анкара видит возможность достижения своих государственных интересов. Необходимо изменить традиционный подход к анализу нынешнего положения и перспектив сотрудничества тюркоязычных стран с точки зрения пантюркизма, а заменить его анализом прагматических государственных интересов.

С точки зрения развития механизмов сотрудничества одним из наиболее значимых факторов, влияющих на реализацию стратегии сотрудничества Турции, является позиция тюркоязычных государств Центральной Азии. То же самое касается и будущего. Во-первых, государственные интересы тюркоязычных стран Центральной Азии не всегда совпадают, а иногда даже противоречат друг другу. На протяжении многих лет двусторонние отношения между ними сопровождаются неразрешимыми противоречиями (например, пограничные территориальные споры Узбекистана и Кыргызстана, борьба за региональное лидерство Казахстана и Узбекистана). Данные противоречия также являются важным фактором, влияющим на дальнейшее углубление их многостороннего сотрудничества. Во-вторых, эти страны имеют разные ожидания от ОТГ и вряд ли могут служить общим интересам тюркского мира. Возрастание роли Казахстана в качестве региональной державы, стремление Кыргызстана к сбалансированной внешней политике, усиление Узбекистаном культурно-исторического влияния в тюркском мире не только трудно удовлетворить одновременно, но и мешает углублению многостороннего сотрудничества. В-третьих, Узбекистан и Туркменистан не проявляют активности по многим вопросам сотрудничества тюркоязычных государств, таким как использование в школах единых учебников.

Реальность показывает, что тенденция к усилению сотрудничества тюркоязычных стран уже стала необратимой. В настоящее время их сотрудничество находится на самом высоком уровне, особенно они создали свою региональную международную организацию – ОТГ. Данные явления свидетельствуют об успешном осуществлении Турцией стратегии

сотрудничества в тюркоязычных странах, которые, опираясь на созданные ими механизмы, обладают огромным потенциалом для того, чтобы стать одним из полюсов в многополярном мире, однако ни одна тюркоязычная страна, включая Турцию, не может сделать это в одиночку.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья написана при поддержке гранта Национального фонда социальных наук Китая (грант № 23VXJ034) и проекта для ключевых исследовательских баз Ланьжоуского университета «Изменение ситуации в Центральной Азии и строительство “Одного пояса, одного пути”» (грант № 2023jbkyjd003) [本文系中国国家社科基金研究专项项目 (项目批准号: 23VXJ034) 的阶段性成果, 并得到兰州大学“中央高校基本科研业务费专项资金”重点研究基地项目“中亚地区形势变化与‘一带一路’建设” (项目编号: 2023jbkyjd003) 的资助].

The article was written with the support of National Social Science Foundation of China (Grant No. 23VXJ034) and the key research base project of Lanzhou University «Changes in the Situation in Central Asia and the Construction of “the Belt and Road”» (Grant No. 2023jbkyjd003) [本文系中国国家社科基金研究专项项目 (项目批准号: 23VXJ034) 的阶段性成果, 并得到兰州大学“中央高校基本科研业务费专项资金”重点研究基地项目“中亚地区形势变化与‘一带一路’建设” (项目编号: 2023jbkyjd003) 的资助].

² В состав подчиненных органов Тюркского совета входят Совет глав государств, Совет министров иностранных дел, Совет старейшин, Совет старших должностных дел и Секретариат, а в состав вспомогательных органов – Парламентская ассамблея тюркоязычных государств, Международная Тюркская академия, Международная организация тюркской культуры, Международный фонд тюркской культуры и наследия, Тюркский деловой совет, Союз тюркских университетов, Тюркская Торгово-промышленная палата и др.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аватков В. А. Постсоветское пространство и Турция: итоги 30 лет // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. № 5. С. 162–176. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-5-8
2. Барсегов Ю. Г. Геополитическая угроза России с Юга. М.: [б. и.], 1996. 26 с.
3. Башкурт М. Дорожная карта социально-экономического сотрудничества тюркоязычных государств // Экономика. 2014. № 2 (2). С. 51–55.
4. Варбанец П. Станет ли тюркский союз альтернативой вступлению Турции в ЕС? // Центральная Азия и Кавказ. 2009. № 1 (61). С. 64–71.
5. Виктор Катона. Ресурсы Каспийского региона: Туркменистан, Казахстан, Иран и Россия. Российский совет по международным делам. 25.09.2017. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/resursy-kaspiyskogo-regiona-turkmenistan-kazakhstan-iran-i-rossiya/>
6. Виктор Ким. Роль Узбекистана в развитии региональных транспортных коммуникаций неоспорима. Медиа группа «ASIA-Plus». 24.09.2020. URL: <https://asiaplustj.info/ru/news/opinion/20200924/rol-uzbekistana-v-razvitii-regionalnih-transportnih-kommunikatsii-neosporima?ysclid=ls5i5sqiwig649403982>
7. Гасанова А. Б. К. «Неопантюркизм» и Организация Тюркских Государств // Запад – Восток – Россия 2021. Ежегодник. М.: Нац. исслед. ин-т мировой экономики и междунар. отношений им. Е. М. Примакова РАН, 2022. С. 52–56.
8. Гасанова М. Взгляд из Баку: Узбекистан в Тюркском совете // IA REGNUM. 16.09.2019. URL: <https://regnum.ru/news/2720737.html>
9. Мкртычян А. А. Пантюркизм в геостратегии Турции на Кавказе как глобальная проблема современных международных отношений (Политологический анализ): дис. ... д-ра полит. наук. М., 2003. 343 с.
10. Надеин-Раевский В. А. История пантюркизма и его современные сторонники. Ч. 1. Пантюркизм: основные вехи истории // Перспективы: электрон. журн. 2022. № 1 (28). С. 62–73. DOI: 10.32726/2411-3417-2022-1-62-73
11. Надеин-Раевский В. А. История пантюркизма и его современные сторонники. Ч. 2. Новый этап пантюркистских надежд // Перспективы: электрон. журн. 2022. № 2 (29). С. 94–108. DOI: 10.32726/2411-3417-2022-2-94-108
12. Пан Жипин. О Турции и пантюркизме // Исторические исследования. 2004. № 4. С. 60–68. [潘志平. 论土耳其与泛突厥主义. 史学集刊. 2004年第4期] (In Chinese).
13. Парубочая Е. Ф. Саммиты тюркских государств (2006–2010 гг.): реальная платформа для сближения стран // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. 2011. № 2 (20). С. 98–105.
14. Сабирова Л. А., Сюткин Е. П. Пантюркизм как политическая угроза России // NovaInfo. 2019. № 99. С. 81–86.
15. Сабов И. Н. Имиджевое позиционирование Турции в Центральной Азии: проблемы институционализации интеграции тюркского мира // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. 2021. Т. 21, № 3. С. 197–203.

16. Саякова С. Ш., Башкурт М. Диагностика социально-экономической интеграции тюркоязычных государств // Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана. 2016. № 7. С. 131–134.
17. Сман А., Дусанбекова М. А., Гахарманова Н. Б. О некоторых аспектах создания и деятельности Организации тюркских государств // Danish Scientific Journal. 2022. № 65. С. 17–22. DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.7270335>
18. Хоу Айцзюнь. Движение «Неопантюркизма» и идеологическая безопасность Китая: вызовы и ответы // Исследования международной безопасности. 2016. № 2. С. 125–146. [侯艾君.“新泛突厥主义”运动及中国意识形态安全.挑战与应对.国际安全研究.2016年第2期](In Chinese). DOI: 10.14093/j.cnki.cn10-1132/d.2016.02.006
19. Чесноков А. В. Пантюркизм в общественно-политической жизни Азербайджана и тюркоязычных стран Центральной Азии (90-е гг. XX – начало XXI в.): дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 2005. 195 с.
20. Чжан Юйянь. Демистификация плана Тюркского мира // Хуанью. 2021. № 24. С. 30–31. [张玉艳.解密突厥世界计划.环球.2021年第24期](In Chinese).
21. Чжэн Цзиньфа. Первый Саммит глав тюркских государств // Ежедельник Outlook. 1992. № 46. P. 41–42. [郑金发.首次突厥国家首脑会议.瞭望周刊.1992年第46期](In Chinese).
22. Шангараев Р. «Армия Турана» – проект Турции по военной интеграции тюркского мира: угрозы и перспективы // Обозреватель. 2021. № 7 (378). С. 70–84. DOI: 10.48137/2074-2975_2021_7_70
23. Южаков В. А. Тюркскому совету 10 лет: оценка перспективы интеграции с ЕАЭС и Россией // Мировое и национальное хозяйство. 2020. № 2 (51). С. 1–17.
24. Ян Бо. Об учебнике Общей тюркской истории // Вэньхуэй Бао. 15 октября 2015 г. [杨波.从突厥语国家统一历史教科书谈起.文汇报.2015年10月15日]. (In Chinese). URL: <http://www.m4.cn/opinion/2015-10/1289903.shtml>
25. Buyar C., Ünal U. Contribution of Organization of Turkic States Members to World Heritage at a Time of Cultural Convergence from the Past to the Future // Bilig. 2022. № 100. P. 1–35. DOI: 10.12995/bilig.10001
26. Demir C. The Organization of Turkic States: Implications for the Regional Balance of Power // Güvenlik Stratejileri Dergisi. 2022. № 18. С. 39–71. DOI: 10.17752/guvenlikstrjtj.1104776
27. Kaplan M., Yuvacı A., Amanov S. One Nation, Many Voices? External Cohesion of the Turkic Council States in the United Nations General Assembly, 1993–2011 // Bilig – Turk Dunyası Sosyal Bilimler Dergisi. 2015. № 74. P. 125–149.
28. Keser A., Çütücü İ. and Eren M. V. Does Country-Level Governance Matter for National Development? An Analysis on the Founding States of Turkic Council // Applied Economics. 2022. № 5. P. 522–535. DOI: 10.1080/00036846.2021.1966373
29. Kocaman Ö. Adjusting to the “New Normal” of Post COVID-19: The Role of Organization of Turkic States in Multilateral Cooperation // Perceptions: Journal of International Affairs. 2022. № 26. P. 189–215.
30. Minasyan Nelli. The New Tendencies in Organizing the Process of Pan-Turkic Ideas: Cooperation Council of Turkic-speaking States // American Historical Review. 2016. № 5 (2). P. 2100–2106.
31. Mustofaev M. The Organization of Turkic States: A New Approach to Global and Regional Challenges // Perceptions: Journal of International Affairs. 2022. № 27. P. 105–120.
32. Samarkand Declaration of the Ninth Summit of the Organization of Turkic States. URL: https://www.turkicstates.org/assets/pdf/temel_belgeler/ninth-summit-declarataion-16-en.pdf
33. Yesevi Ç. G. Examining the Organization of Turkic States: A Teacher and Norm-Creator // Perceptions: Journal of International Affairs. 2022. № 27. P. 2–25.
34. Zeynvand Lorestani Hanzaleh et al. Presentation a Model of Leadership in the Organization of Turkic Languages Ethnic Based on the Lewis Cultural Model // Journal of Culture-Communication Studies. 2021. № 54. P. 233–256.

REFERENCES

1. Avatkov V.A. Postsovetskoe prostranstvo i Turciya: itogi 30 let [Post-Soviet Space and Turkey: Results of 30 Years]. *Kontury globalnyh transformacij: politika, ekonomika, pravo* [Contours of Global Transformations: Politics, Economics, Law], 2021, no. 5, pp.162-176. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-5-8
2. Barsegov Yu.G. *Geopoliticheskaya ugroza Rossii s Yuga* [Geopolitical Threat to Russia from the South]. Moscow, s.n., 1996. 26 p.
3. Bashkurt M. Dorozhnaya karta socialno-ekonomicheskogo sotrudnichestva tyurkoyazychnyh gosudarstv [Road Map of Socio-Economic Cooperation of Turkic-Speaking States]. *Ekonomika* [Economics], 2014, no. 2 (2), pp. 51-55.
4. Varbanets P. Stanet li tyurkskiy soyuz alternativoy vstupleniyu Turtsii v ES? [Will the Turkic Union Become an Alternative to Turkey's Accession to the EU?]. *Tsentrlnaya Aziya i Kavkaz* [Central Asia and the Caucasus], 2009, no. 1 (61), pp. 64-71.
5. Victor Katona. *Resursy Kaspiiskogo regiona: Turkmenistan, Kazakhstan, Iran i Rossiia. Rossiiskii sovet po mezhdunarodnym delam* [Resources of the

Caspian Region: Turkmenistan, Kazakhstan, Iran and Russia. Russian Council on International Affairs], 2017, Sent. 25. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/resursy-kaspiyskogo-regiona-turkmenistan-kazakhstan-iran-i-rossiya/>

6. Victor Kim. *Rol Uzbekistana v razvitii regionalnykh transportnykh kommunikatsii neosporima. Media gruppy «ASIA-Plus»* [Role of Uzbekistan in Development of Regional Transport Communication Is Out of Discussion], 2020, Sent. 24. URL: <https://asiaplustj.info/ru/news/opinion/20200924/rol-uzbekistana-v-razvitii-regionalnih-transportnih-kommunikatsii-neosporima?ysclid=ls5isqiwg649403982>

7. Hasanova A.B.K. «Neopantjurkizm» i Organizacija Tjurkskih Gosudarstv [“Neopanturkism” and the Organization of Turkic States]. *Zapad – Vostok – Rossija 2021. Ezhegodnik* [West – East – Russia 2021. Yearbook]. Moscow, Nats. issled. in-t mirovoy ekonomiki i mezhdunarodnykh otnosheniy im. Ye.M. Primakova RAN, 2022, pp. 52-56.

8. Gasanova M. Vzgljad iz Baku: Uzbekistan v Tyurkskom sovete [View from Baku: Uzbekistan in the Turkic Council]. *IA REGNUM* [REGNUM News Agency], 2019, Sent. 16. URL: <https://regnum.ru/news/2720737.html>

9. Mkrtychyan A.A. *Pantjurkizm v geostrategii Turcii na Kavkaze kak globalnaya problema sovremennykh mezhdunarodnykh otnoshenij (Politologicheskij analiz): dis. ... d-ra polit. nauk* [Pan-Turkism in the Geostrategy of Turkey in the Caucasus as a Global Problem of Modern International Relations (Political Analysis). Dr. polit. sci. diss.]. Moscow, 2003. 343 p.

10. Nadein-Raevsky V.A. *Istorija pantjurkizma i ego sovremennye storonniki. Ch. 1. Pantjurkizm: osnovnye vehi istorii* [The History of Pan-Turkism and Its Modern Supporters. Pt. 1. Pan-Turkism: Major Milestones in History]. *Perspektivy: electron. zhurn.* [Perspectives. Electronic Journal], 2022, no. 1 (28), pp. 62-73. DOI: 10.32726/2411-3417-2022-1-62-73

11. Nadein-Raevsky V.A. *Istorija pantjurkizma i ego sovremennye storonniki. Ch. 2. Novyj etap pantjurkistskih nadezhd* [The History of Pan-Turkism and Its Modern Supporters. Pt. 2. A New Stage of Pan-Turkist Hopes]. *Perspektivy: electron. zhurn.* [Perspectives. Electronic Journal], 2022, no. 2 (29), pp. 94-108. DOI: 10.32726/2411-3417-2022-2-94-108

12. Pan Zhipin. O Turcii i pantjurkizme [About Turkey and Pan-Turkism]. *Istoricheskie issledovaniya* [Historical Research], 2004, no. 4, pp. 60-68.

13. Parubochaya E.F. *Sammity tjurkskih gosudarstv (2006–2010 gg.): realnaja platforma dlja sblizhenija stran* [Summits of Turkic States (2006–2010): A Real Platform for Rapprochement of Countries]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo*

universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2011, no. 2 (20), pp. 98-105.

14. Sabirova L.A., Syutkin E.P. *Pantjurkizm kak politicheskaya ugroza Rossii* [Pan-Turkism as a Political Threat to Russia]. *NovInfo*, 2019, no. 99, pp. 81-86.

15. Sabov I.N. *Imidzhevoe pozicionirovanie Turcii v Centralnoj Azii: problemy institucionalizacii integracii tjurkskogo mira* [Image Positioning of Turkey in Central Asia: Problems of Institutionalization of Integration of the Turkic World]. *Vestnik Kyrgyzsko-Rossijskogo Slavjanskogo universiteta* [Vestnik of the Kyrgyz-Russian Slavic University], 2021, vol. 21, no. 3, pp. 197-203.

16. Sayakova S.Sh., Bashkurt M. *Diagnostika socialno-ekonomicheskoy integracii tyurkoyazychnykh gosudarstv* [Diagnostics of Socio-Economic Integration of Turkic-Speaking States]. *Nauka, novye tekhnologii i innovacii Kyrgyzstana* [Science, New Technologies and Innovations of Kyrgyzstan], 2016, no. 7, pp. 131-134.

17. Sman A., Dusanbekova M.A., Gakharmanova N.B. *O nekotoryh aspektah sozdaniya i dejatel'nosti Organizacii tjurkskih gosudarstv* [On Some Aspects of the Creation and Activities of the Organization of Turkic States]. *Danish Scientific Journal*, 2022, no. 65, pp. 17-22. DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.7270335>

18. Hou Aijun. *Dvizhenie «Neopantjurkizma» i ideologicheskaja bezopasnost' Kitaja: vyzovy i otvety* [The Neopanturkism Movement and Chinas Ideological Security: Challenges and Answers]. *Issledovanija mezhdunarodnoj bezopasnosti* [International Security Studies], 2016, no. 2, pp. 125-146. DOI: 10.14093/j.cnki.cn10-1132/d.2016.02.006

19. Chesnokov A.V. *Pantjurkizm v obshchestvenno-politicheskoy zhizni Azerbajdzhana i tyurkoyazychnykh stran Centralnoj Azii (90-e gg. XX – nachalo XXI v.): dis. ... kand. ist. nauk* [Pan-Turkism in the Socio-Political Life of Azerbaijan and the Turkic-Speaking Countries of Central Asia (90s of the 20th – Beginning of the 21st Century). Cand. hist. sci. diss.]. Ivanovo, 2005. 195 p.

20. Zhang Yuyan. 2021. *Demistifikaciya plana Tyurkskogo mira* [Demystification of the Plan of the Turkic World]. *Huancyu*, 2021, no. 24, pp. 30-31.

21. Zheng Jinfā. *Pervyj Sammit glav tyurkskih gosudarstv* [First Summit of Heads of Turkic States]. *Ezhenedel'nik Outlook* [Outlook Weekly], 1992, no. 46, pp. 41-42.

22. Shangaraev R. «Armiia Turana» – proekt Turtsii po voennoi integratsii tiurkskogo mira: ugrozy i perspektivy [“Army of Turan” – Turkeys Project for the Military Integration of the Turkic World: Threats and Prospects]. *Obozrevatel* [Reviewer], 2021, no. 7 (378), pp. 70-84. DOI: 10.48137/2074-2975_2021_7_70

23. Yuzhakov V.A. Tjurkskomu sovetu 10 let: ocenka perspektivy integracii s EAES i Rossiej [Turkic Council 10 Years: Assessment of the Prospect of Integration with the EAEU and Russia]. *Mirovoe i nacionalnoe hozjajstvo* [World and National Economy], 2020, no. 2 (51), pp. 1-17.

24. Yang Bo. Ob uchebnike Obshchej tyurkskoj istorii [About the Textbook of General Turkic History]. *Venhuiej Bao*, 2015, Oct. 15. URL: <http://www.m4.cn/opinion/2015-10/1289903.shtml>

25. Buyar C., Ünal U. Contribution of Organization of Turkic States Members to World Heritage at a Time of Cultural Convergence from the Past to the Future. *Bilig*, 2022, no. 100, pp. 1-35. DOI: 10.12995/bilig.10001

26. Demir C. The Organization of Turkic States: Implications for the Regional Balance of Power. *Güvenlik Stratejileri Dergisi*, 2022, no. 18, pp. 39-71. DOI: 10.17752/guvenlikstrj.1104776

27. Kaplan M., Yuvacı A., Amanov S. One Nation, Many Voices? External Cohesion of the Turkic Council States in the United Nations General Assembly, 1993–2011. *Bilig – Turk Dunyası Sosyal Bilimler Dergisi*, 2015, no. 74, pp. 125-149.

28. Keser A., Çütücü İ., Eren M.V. Does Country-Level Governance Matter for National Development? An Analysis on the Founding States of Turkic Council. *Applied Economics*, 2022, no. 5, pp. 522-535. DOI: 10.1080/00036846.2021.1966373

29. Kocaman Ö. Adjusting to the “New Normal” of Post COVID-19: The Role of Organization of Turkic States in Multilateral Cooperation. *Perceptions: Journal of International Affairs*, 2022, no. 26, pp. 189-215.

30. Minasyan Nelli. The New Tendencies in Organizing the Process of Pan-Turkic Ideas: Cooperation Council of Turkic-Speaking States. *American Historical Review*, 2016, no. 5 (2), pp. 2100-2106.

31. Mustofaev M. The Organization of Turkic States: A New Approach to Global and Regional Challenges. *Perceptions: Journal of International Affairs*, 2022, no. 27, pp. 105-120.

32. *Samarkand Declaration of the Ninth Summit of the Organization of Turkic States*. URL: https://www.turkicstates.org/assets/pdf/temel_belgeler/ninth-summit-declarataion-16-en.pdf

33. Yesevi Ç.G. Examining the Organization of Turkic States: A Teacher and Norm-Creator. *Perceptions: Journal of International Affairs*, 2022, no. 27, pp. 2-25.

34. Zeynvand Lorestani H. et al. Presentation a Model of Leadership in the Organization of Turkic Languages Ethnic Based on the Lewis Cultural Model. *Journal of Culture-Communication Studies*, 2021, no. 54, pp. 233-256.

Information About the Author

Zhang Yuyan, Doctor of Sciences (Politics), Associate Professor, Institute for Central Asian Studies and School of Politics and International Relations, Lanzhou University, South Tianshui Road, 222, 730000 Lanzhou, China, zhangyuyan@lzu.edu.cn, <https://orcid.org/0000-0003-0923-0737>

Информация об авторе

Чжан Юйянь, доктор политических наук, доцент Института исследований Центральной Азии и Института политологии и международных отношений, Ланьчжоуский университет, ул. Тяньшуй Наньлу, 222, 730000 г. Ланьчжоу, Китай, zhangyuyan@lzu.edu.cn, <https://orcid.org/0000-0003-0923-0737>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.2.14>

UDC 327.82
LBC 66.49

Submitted: 01.03.2023
Accepted: 23.06.2023

THE MAIN OBSTACLES TO EU PUBLIC DIPLOMACY IN CHINA

Alexander N. Marchukov

HSE University, Moscow, Russian Federation

Cristina A. Morari

Moldova State University, Chisinau, Moldova

Abstract. *Introduction.* The article is devoted to the key obstacles that complicate the implementation of public diplomacy programmes of the European Union in China. The relevance of this study is due to the existing efforts of Brussels to significantly strengthen its political influence not only in the countries neighbouring the EU but also in the Asia-Pacific region. *Methods.* The methodological basis of the research is social constructivism (the concept of “Normative Power Europe”), which pays great attention to norms in international relations. The empirical basis of the study involves official EU documents, expert reports and publications of Russian and foreign scholars. *Analysis.* The article examines the main actors and areas of public diplomacy of the European Union in China. The impact of restrictive measures by the Chinese government on EU public diplomacy as well as the EU foreign policy strategy towards China are analyzed. *Results.* In China, the EU’s public diplomacy faces a set of different challenges: administrative barriers from the Chinese government; ambivalence of the EU’s foreign policy towards China; the shortcomings of the existing EU public diplomacy system (lack of financial and human resources as well as a “mediocre” assessment of the effectiveness of public diplomacy programmes). According to the authors, the commitment of the EU political elites to certain values and norms that constitute “Normative Power Europe” creates serious challenges for the implementation of the EU’s public diplomacy in China. *Authors’ contribution.* K.A. Morari identified key actors and areas of public diplomacy of the European Union in China. In addition, A.N. Marchukov highlighted the main obstacles that hinder Brussels’ attempts to “win the hearts and minds” of the Chinese public.

Key words: public diplomacy, digital diplomacy, cultural diplomacy, normative power, foreign policy, European Union, China.

Citation. Marchukov A.N., Morari C.A. The Main Obstacles to EU Public Diplomacy in China. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 2, pp. 157-166. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.2.14>

УДК 327.82
ББК 66.49

Дата поступления статьи: 01.03.2023
Дата принятия статьи: 23.06.2023

ОСНОВНЫЕ ПРЕПЯТСТВИЯ ДЛЯ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ ЕС В КИТАЕ

Александр Николаевич Марчуков

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
г. Москва, Российская Федерация

Кристина Андреевна Морарь

Молдавский государственный университет, г. Кишинев, Молдова

Аннотация. *Введение.* Данная статья посвящена ключевым препятствиям, которые осложняют реализацию программ публичной дипломатии Европейского союза в Китае. Актуальность данного исследования обусловлена существующим стремлением Брюсселя значительно усилить свое политическое влияние не

только в соседних с ЕС странах, но и в Азиатско-Тихоокеанском регионе. *Методы.* Методологической основой исследования выступает социальный конструктивизм (концепт «нормативной силы» ЕС), придающий особое значение нормам в международных отношениях. Эмпирической базой исследования служат официальные документы ЕС, экспертные доклады и публикации российских и зарубежных ученых. *Анализ.* В статье исследованы основные акторы и направления публичной дипломатии Евросоюза в Китае. Проанализировано влияние ограничительных мер со стороны китайского правительства на публичную дипломатию ЕС, а также внешнеполитическая стратегия Евросоюза по отношению к Китаю. *Результаты.* Публичная дипломатия Европейского союза в Китае сталкивается с целым рядом различных вызовов: административными барьерами со стороны китайского правительства; амбивалентностью внешнеполитического курса ЕС по отношению к Китаю; изъянами существующей системы публичной дипломатии ЕС (недостатком финансовых и кадровых ресурсов, а также «посредственной» оценкой результативности программ публичной дипломатии). По мнению авторов, приверженность политических элит ЕС определенным ценностям и нормам, составляющим его «нормативную силу», создает серьезные проблемы для публичной дипломатии Евросоюза в Китае. *Вклад авторов.* К.А. Морарь выявила ключевые акторы и направления публичной дипломатии Евросоюза в Китае. А.Н. Марчуков выделил основные препятствия, которые мешают попыткам Брюсселя «завоевать сердца и умы» китайской общественности.

Ключевые слова: публичная дипломатия, цифровая дипломатия, культурная дипломатия, нормативная сила, внешняя политика, Европейский союз, Китай.

Цитирование. Марчуков А. Н., Морарь К. А. Основные препятствия для публичной дипломатии ЕС в Китае // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 2. – С. 157–166. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.2.14>

Introduction. In recent years, the European Union has been persistently looking for opportunities to strengthen its political position in the international arena. One of the tools that contributes to the growth of Brussels' global influence is public diplomacy, a form of diplomacy in which an international actor seeks to influence public opinion abroad [31]. The European Union is persistently trying to exert pressure on the political elites of several countries around the world, drawing substantially on the possibilities of cultural diplomacy, advocacy, scientific, and educational cooperation [21; 23; 35; 38; 47].

Relations with China play a special role for the European Union, given the close economic ties between the two geopolitical actors as well as the significant political influence of the Chinese state in world politics [5; 15]. It is no coincidence that as far back as 2003 the European Union announced the beginning of a “comprehensive strategic partnership” with China, realising what dividends such cooperation in the economic sphere could bring. However, despite significant successes in bilateral trade, for many years Brussels accumulated complaints against Beijing in various spheres of social life. These covered matters such as the intellectual property protection of European companies, violations of human rights, the use of undemocratic methods

of public administration, etc. [24]. Ultimately, these differences in relations between the EU and China were reflected in the EU foreign policy document “EU-China Strategic Outlook: Commission and HR/VP Contribution to the European Council (March 21–22, 2019)”, in which Beijing is considered both a strategic partner and a systemic competitor of Brussels [16]. Here, systemic competition refers to the ability of China's political regime, which is often labelled as authoritarian in the West, to challenge the Western liberal international order led by the United States and the EU.

In 2023, the EU has continued to adhere to an ambivalent foreign policy strategy towards China, taking into account the persistence of old problems and the emergence of new challenges in bilateral relations. For example, in recent years, Brussels has accused China of interfering in political processes in Europe, spreading disinformation around COVID-19, as well as supporting Russia in the Russian-Ukrainian conflict, etc. In the current situation of tension between the EU and China, the use of public diplomacy programmes is of particular importance. It is believed that some of them (for example, cultural diplomacy) can minimise the existing mutual hostility between countries [32; 43].

Unfortunately, the European Union's public diplomacy in China is insufficiently researched in modern scientific literature [18]. Probably, the shortage of important publications in the area is explained by the complexity of the analysis of public diplomacy's supranational actors. As a rule, existing studies are more devoted to the practical aspects of the implementation of public diplomacy programmes by the European Union for communication with Chinese society than to the obstacles faced by European diplomats in China [37; 39; 45]. However, understanding the scale of the challenges is extremely important for developing an effective strategy of public diplomacy in this country. A realistic, comprehensive perception of threats is necessary not only for European diplomats but also for other actors in world politics who rely on public diplomacy in China as a foreign policy instrument. The authors admit that some of the challenges that the European Union faces in China may also be an obstacle for national states (the United States, the United Kingdom, Russia).

Considering the organisation of political power in China, it may seem (especially from a Western perspective) that the existing political regime in China causes challenges for the EU. However, the rather complex structure of the political and organisational structure of the EU should not be ignored either. It can influence the EU's foreign policy in different parts of the world. Given the above, it can be assumed that the EU's public diplomacy in China faces a set of challenges, among which the Chinese government's administrative barriers are not the only obstacles. This assumption is the working hypothesis of this study. The current study aims to find the most significant obstacles to the EU's public diplomacy that prevent Brussels from qualitatively improving relations with China.

Methodology. The methodological basis of the study is social constructivism, which considers the relationship between states as determined by ideational factors [42]. According to social constructivists, norms are of particular importance in international relations since they form the foreign policy of international relations actors [20; 22; 42, etc.]. Proponents of this approach are convinced that the subjects of world politics already have a certain value worldview before choosing a suitable scenario for their foreign policy actions [19].

The "Normative Power Europe" concept, proposed by one of the supporters of social constructivism, I. Manners, is of great importance for the current study. According to it, the European Union can constitute "normality" in the international environment through its "normative components" (liberty, democracy, the rule of law, respect for human rights, etc.) [28]. Promoting standards, values, and principles of the "European project," the EU seeks to strengthen its influence in various regions of the world [29]. As for public diplomacy, it is the main instrument for the diffusion of European norms in China [37].

The empirical basis of the study is the official EU documents defining its foreign policy behaviour. In addition, this research is based on expert reports and publications by recognised scholars that make it possible to understand the strategy and tactics of EU public diplomacy in China.

Analysis. The main actors and directions of EU public diplomacy in China. Before analysing the EU public diplomacy challenges in China, it is necessary to reveal the key political actors that are involved in public diplomacy practice in this country. In addition, it is important to identify the most significant public diplomacy areas used by European diplomats in Chinese territory.

The most important institution of the EU's public diplomacy is *the Delegation of the European Union to China*, which was opened in 1988 in Beijing. It coordinates the efforts of the EU member states in the field of public diplomacy, regularly organising joint events both with the diplomatic institutions of European countries and their cultural institutions. Such interaction is often very productive since it allows the participating parties to save significant financial resources, especially small countries with their limited budgets for public diplomacy. It is noteworthy that, despite the importance of cooperation with China for the European Union, its Delegation in Beijing does not have a special department dealing with public diplomacy, unlike the EU Delegation in Washington [44]. The staff of the Political Affairs, Press, and Information Section handle all issues related to the public.

Another important actor in Brussels' public diplomacy in China is *the EU National Institutes for Culture (EUNIC)*, which has been an official

partner of the European External Action Service (EEAS) since 2017. It consists of organisations engaged in cultural diplomacy. There are two EUNIC clusters in China (in Beijing and Hong Kong) that include both cultural organisations (for example, the Alliance Française, the Austrian Cultural Forum, the Goethe Institute, the Danish Cultural Institute, the Polish Institute, etc.) and diplomatic institutions of EU member states (the Consulate of the Czech Republic, the Embassies of Cyprus, Estonia, Sweden, Spain, etc.). The EUNIC regularly organises events in the field of cultural diplomacy aimed at promoting European cultural values among the Chinese public. For example, in 2022, the International Festival of Inclusive Culture (DAWA) was organised in Shanghai, designed to contribute to diversity and inclusivity through art.

The European Union Chamber of Commerce in China, established in 2000 to protect the economic interests of European companies, can also be considered an actor in EU public diplomacy. It strives to intensively interact with various groups of the Chinese public (government officials, lobbyists, scholars, businessmen, etc.) to create the most attractive conditions for European business in China. Currently, the organisation operates in nine Chinese cities: Beijing, Nanjing, Shanghai, Shenyang, Guangzhou, Shenzhen, Chengdu, Chongqing, and Tianjin, and unites over 1800 members, including such well-known companies as Bayer, Enel, IKEA, Louis Vuitton, etc.

In the West, the public diplomacy taxonomy proposed by the British historian N.J. Cull is often used to analyse public diplomacy [9]. According to this reputable scholar, there are five main areas of public diplomacy: cultural diplomacy (organisation of cultural events abroad); exchange programmes (educational and professional visits abroad); advocacy (PR campaigns); international broadcasting (activities of international TV and radio companies); and listening (public opinion surveys). This classification is also characteristic of digital diplomacy, a kind of public diplomacy that exists exclusively in the virtual space [10; 25].

The analysis of EU public diplomacy in China has shown that the most popular directions of interaction between European diplomats and Chinese audiences are cultural diplomacy, exchange programmes, and advocacy. In more

detail, the EUNIC focuses exclusively on the organisation of cultural events; the European Union Chamber of Commerce relies on media campaigns to promote the business interests of European companies in China; and the EU Delegation uses all three areas mentioned above. As for listening and international broadcasting, their role in EU public diplomacy in China is almost invisible.

It is noteworthy that Brussels pays great attention to the dissemination of information about its political institutions and foreign policy. There are two main reasons for this strategy. Firstly, the Chinese audience is not sufficiently aware of the political and economic structure of the EU and its foreign policy guidelines. Secondly, crises have shaken Europe over the past decade (uncontrolled immigration, economic turmoil, Brexit, the COVID-19 pandemic, etc.) had a certain negative impact on EU's image in China [46].

To increase the recognition of the EU in China, Brussels has launched the project "EU Policy and Outreach Partnership in China," whose budget was 2 million euros in 2019. One of its key goals is to form an EU image among the Chinese public as a strong, cohesive actor focused on dialogue [17].

A significant role in the dissemination of information about European integration among Chinese students and faculty belongs to the Jeanne Monnet programme. It supports the establishment of EU study centres at university campuses, allocates research grants, assists in organising scientific events, etc. [12; 14]. The grantees of the programme are such well-known educational institutions in China as Tsinghua University, Renmin University of China, Fudan University, Shanghai University, etc.

The EU cultural diplomacy in China includes various events through which Chinese citizens get the opportunity to learn more about the European cultural heritage (music, painting, architecture, etc.). One of them is the annual EU Film Festival, which opens up the cinematic art of the EU member states to the general public. Another well-known example of Brussels' cultural diplomacy in China is the celebration of Europe Day, an important date for Europeans, marking the beginning of European integration.

EU exchange programmes in China are represented by some projects aimed at improving

mutual understanding between European and Chinese society. First of all, it should be mentioned the world-famous academic exchange programmes “Erasmus+” that allow Chinese students and teachers to learn more about the EU educational system through scientific and educational visits [3; 11; 14].

Special attention should be also given to joint projects in the field of technical cooperation, playing a significant role in EU public diplomacy in China (EU North Asia Aviation Programme, projects in the field food safety regulation, programmes in the fields of environment, green economy, wildlife protection, etc.) [7;37]. This type of cooperation can be considered as exchange programmes since it is based on building a dialogue through solving common problems in the technical field.

The similar goal is pursued by European and Chinese “think tanks” that seek to discuss the most pressing issues of bilateral relations: the development of economic relations after the COVID-19 pandemic, the fight against climate change, respect for human rights, etc. Among those involved in EU science diplomacy in China are such European organisations as the Swedish Institute of International Relations, the Netherlands Institute of International Relations Clingendael, the Egmont Royal Institute of International Relations, the Mercator Institute of Chinese Studies, the French Institute of International Relations (IFRI), etc.

The Chinese government’s restrictions as an obstacle to EU public diplomacy. By looking at the EU’s public diplomacy in China, it cannot be overlooked that the Chinese government seeks to limit any activity of foreign states aimed at exerting political influence on the Chinese public. The spread of Western political values (primarily the values of liberal democracy) seems to China’s political elites to be a threat to the existing regime [40], since it is based on several other ideological foundations. The EU is no exception, whose “normative power” can compete with the Chinese Communist Party’s ideology.

It is not surprising that the national government took some measures that complicated the activities of public diplomacy actors from foreign countries. A special law was specially prepared that regulated the activities of international non-governmental organisations;

popular Western social networks (Facebook, Twitter, YouTube, etc.) were banned; the activity of many international broadcasters (for example, the BBC) was suspended. The Chinese government’s restrictions had become a serious challenge for EU public diplomacy actors involved in EU public diplomacy, forcing them to adapt to new conditions.

First, it should be noted that academia often considers non-governmental organisations as the most important subject of public diplomacy since they usually demonstrate high level of public confidence (because of their autonomy from the state). The law on non-governmental organisations adopted in China in 2016 obliged foreign organisations to cooperate with national state organisations that were primarily interested in developing China’s cultural, scientific, and technical ties with their counterparties. As a result, Brussels’ ability to use non-governmental organisations to promote its political agenda was severely limited.

The ban on using Western social networks greatly complicated the work of European diplomats with Chinese youth, since the younger generation traditionally shows considerable interest in such platforms. Moreover, it is believed that Facebook is extremely effective in establishing trusting relationships with subscribers, and Twitter can serve as a valuable instrument for advocacy.

International broadcasting faces difficulties in China too. For many years, the news channel “Euronews” (partially subsidised by the European Commission) has been an important Brussels’ media tool. In China, the EU cannot use Euronews programmes for advocacy, which makes it impossible to broadcast political messages to a wide audience.

Undoubtedly, China’s restrictive policy towards the public diplomacy of foreign countries has become a serious obstacle to the dissemination of European values and norms among the Chinese audience. Nevertheless, the European Union is still finding ways to promote its influence in China. For a long time, European diplomats have used popular Chinese social networks Weibo (the Delegation of the European Union) and WeChat (the European Union Chamber of Commerce) as alternatives to Facebook and Twitter [4]. The activity on Weibo is the most successful example of EU digital diplomacy in China. By

February 2023, the EU Delegation to China had managed to gather 566,000 Chinese subscribers on its Weibo page [41]. At present, the current page is actively used by EU diplomats to promote European culture and the EU brand.

Ambivalence of the EU's foreign policy towards China and public diplomacy.

The document "EU-China Strategic Outlook: Commission and HR/VP Contribution to the European Council (March 21–22, 2019) is a vivid example of the ambivalence of EU foreign policy towards China. As mentioned earlier, in accordance with this document, the EU considers China both an important partner for economic interests and a systemic rival [16]. In the context of the development of EU-China relations, such formulations in the official document look frankly unfriendly towards Beijing. Speaking of rivalry, US foreign policy also periodically affects the political and economic interests of the European Union (it is enough to turn to Trump's presidency). Nevertheless, the American state is not considered by Brussels as a systemic rival. The reason is to be found in the values and norms shared by the EU, the USA, and China.

The EU's commitment to liberal democratic values prevents European elites from perceiving China as an ideologically close subject of international relations (unlike the United States). From the perspective of the majority of EU member states, China shows disregard for democratic values and norms in its domestic and foreign policies. Many of these values have a sacred character for Europeans. They are also reflected in some fundamental documents of the European Union [33]. It seems that EU political leaders perceive China as a kind of "violator of universal norms" that cannot be trusted because of its "otherness." This image of an "ideological rival" constructed by the EU political establishment seems to influence Brussels' foreign policy. As a result, the EU's foreign policy is becoming more intolerant and suspicious of the Chinese government. Such an attitude is extremely dangerous for the development of dialogue with China, since part of the Chinese public may see criticism of the national political regime by the European Union as criticism of Chinese society and its citizens.

The EU's "normative power" also reduces to a certain extent the possibility of effective use of public diplomacy by Brussels. The fact is that

the EU's ability to form "normality" in international relations implies that the EU has all the necessary grounds for this. Ian Manners considers a special Europe's historical experience and the legal nature of the European Union as a basis for "Normative Power Europe" [28]. The problem is that at a certain stage, this "normative leadership" of the EU turns into the conviction of Brussels in its "exceptionalism" [6; 30; 34]. A similar situation is observed in China, where the EU seeks to play the role of a "mentor," explaining to a "mentee" (China) the importance of following the rules established by the West [37]. It is obvious that China, with its rich thousand-year history and current large-scale influence in the modern system of international relations, requires a more respectful (equal) attitude. The lack of understanding of this fact by European elites complicates the EU's public diplomacy in China.

Flaws of the EU public diplomacy system as a challenge.

An analysis of the literature on EU public diplomacy demonstrates that the EU public diplomacy system suffers from a set of significant shortcomings that negatively affect the promotion of the EU's influence in China. One of them is the financial and personnel deficit that has existed in Brussels for many years [1; 13]. The lack of necessary resources often hinders the development of new forms of public diplomacy (for example, digital diplomacy), forcing Europeans to continue to rely on traditional approaches in the field. It is not surprising that today the EU digital diplomacy is not always able to effectively solve foreign policy tasks [36]. It is still in dire need of diplomats with the necessary competencies as well as hired public relations specialists capable of generating new ideas [2].

Some authors note that EU diplomats in many countries around the world do not demonstrate the ability to set up communication with foreign followers on social networking sites, despite the existing belief in the expert community that establishing a dialogue with the audience is a necessary condition for effective digital diplomacy [8; 26; 27]. A similar statement is true for EU public diplomacy in China. The EU delegation staff also avoids direct interaction with the Chinese public on the social network "Weibo," especially when communication concerns acute and controversial topics of bilateral relations. Such a strategy hinders the emotional rapprochement of

European diplomats and the Chinese audience by fostering an internal conflict of values between the two sides [36].

The conservatism of EU public diplomacy is also clearly manifested in the unwillingness to expand the social media arsenal used in China, although new social media platforms could help to increase audience reach. In addition, Chinese social networking sites like Douban and Tiktok could open up significant opportunities for communication with a youth audience. However, EU diplomats are in no hurry to try new social network sites, focusing on the means of communication they are familiar with (Weibo and WeChat).

Another important problem with EU public diplomacy is the lack of a coherent system of public diplomacy evaluation [2]. Brussels still does not have high-quality methods to assess the effectiveness of programmes implemented abroad. From our point of view, the efforts of European diplomats to assess the effectiveness of the implemented measures based on counting the total number of participants are erroneous. Methods are needed that would clearly show how the planned programmes contribute to the achievement of specific EU foreign policy goals, including in China [2].

Results. The study shows that EU public diplomacy in China faces a number of different obstacles. A significant part of them is caused by the commitment of the European Union to certain values and norms. In other words, the EU's "normative power" creates a set of problems for its public diplomacy in China. It is perceived as a threat by China's political regime. In response, the Chinese government is trying to limit the spread of "alien" norms among the Chinese population through administrative barriers.

In addition, the commitment of the EU political elites to liberal democracy values and the encouragement to disseminate them in China from a position of "normative" authority complicate the establishment of trusting relations between European diplomats and the Chinese public. Brussels also sees "other" in Beijing, based on the fact that some of their values and norms do not coincide.

The imperfection of the EU public diplomacy system also negatively affects diplomatic activities in China. The financial difficulties do not allow EU public diplomats to hire the necessary experts

in the field of media and PR; personnel shortages limit the scope of activities; and the lack of a reliable system of public diplomacy evaluation prevents an objective assessment of the outcomes of diplomatic work. As a result, the EU's public diplomacy in China looks rather old-fashioned, relying on such traditional instruments of public diplomacy as cultural diplomacy and exchanges in their most primitive form (organisation of fine art exhibitions, film festivals, music events, etc.). Unfortunately, EU public diplomats in China tend not to generate new ideas as much as their American colleagues do through innovative public diplomacy areas (hip-hop diplomacy, skateboard diplomacy, virtual exchanges).

From the authors' point of view, the European External Action Service needs to modernise the existing system of public diplomacy and also take into account the specifics of the countries where it is planned to use certain public diplomacy programmes. In countries where socially significant values and norms differ markedly from the European version (China, Russia, Turkey, etc.), the EU's "normative power" will continue to face significant opposition from the local public and political elites that can adversely affect bilateral relations. Brussels needs to rethink its place in world politics, recognising that at present its ability to use "normative power" at the global level has its limitations. Such a vision would undoubtedly have a beneficial effect on EU public diplomacy, which could become less ambitious and more in line with existing socio-political conditions.

REFERENCES

1. Abratis J. *Communicating Europe Abroad: EU Delegations and Public Diplomacy*. Los Angeles, Figueroa Press, 2021. 62 p.
2. Baumler B. *EU Public Diplomacy: Adapting to an Ever-Changing World*. Los Angeles, Figueroa Press, 2019. 54 p.
3. Beniuc L., Beniuc V. The Public Diplomacy of European Union. *Relații internaționale. Plus*, 2019, vol. 2 (16), pp. 190-202. URL: https://ibn.idsi.md/sites/default/files/imag_file/190-202_0.pdf
4. Bjola C., Jiang L. Social Media and Public Diplomacy: A Comparative Analysis of the Digital Diplomatic Strategies of the EU, US and Japan in China. *Digital Diplomacy: Theory and Practice*. New York, Routledge, 2015, pp. 71-88.

5. Bond I., Godement F., Maull H., Stanzel V. *Rebooting Europe's China Strategy*. Berlin, German Institute for International and Security Affairs, 2022. URL: <https://www.institutmontaigne.org/ressources/pdfs/publications/note-rebooting-europes-china-strategy.pdf>
6. Chaban N., Elgström O. A Perceptual Approach to EU Public Diplomacy: Investigating Collaborative Diplomacy in EU-Ukraine Relations. *The Hague Journal of Diplomacy*, 2020, vol. 15 (4), pp. 488-516.
7. Crookes P. EU Soft Power with China: Technical Assistance in the Field of Intellectual Property Rights. *European Foreign Affairs Review*, 2014, vol. 19, pp. 77-96.
8. Cull N.J. *Public Diplomacy: Foundations for Global Engagement in the Digital Age*. Cambridge, Polity Press, 2019. 272 p.
9. Cull N.J. Public Diplomacy: Taxonomies and Histories. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 2008, vol. 616, no. 1, pp. 31-54.
10. Cull N.J. The Long Road to Public Diplomacy 2.0: The Internet in US Public Diplomacy. *International Studies Review*, 2013, vol. 15 (1), pp. 123-139.
11. De Martino M. Promotion of Political Values Through International Programs of Academic Mobility. *RUDN Journal of Political Science*, 2020, vol. 2, pp. 312-319.
12. De Martino M. The Jean Monnet Programme as a Tool to Reinforce the Role of the EU as a Regional and Global Actor. *RUDN Journal of Political Science*, 2015, vol. 1, pp. 28-38.
13. Duke S. The European External Action Service and Public Diplomacy. *Discussion Papers in Public Diplomacy*, 2013, vol. 127. URL: https://www.clingendael.org/sites/default/files/pdfs/The%20European%20External%20Action%20Service%20and%20Public%20Diplomacy_0.pdf
14. Eremina Y. «Myagkaya sila» v politike Evropejskogo Soyuza: obrazovatelnyj component [Soft Power in European Union Foreign Policy: Educational Component]. *Vestnik Diplomaticheskoy akademii MID Rossii. Rossiya i mir* [Herald of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia. Russia and the World], 2020, vol. 3, pp. 106-121.
15. EU-China Relations Factsheet. *The Diplomatic Service of the European Union*, 2022, 1 April. URL: https://www.eas.europa.eu/sites/default/files/documents/EU-China_Factsheet_01Apr2022.pdf
16. EU-China Strategic Outlook: Commission and HR/VP Contribution to the European Council (21–22 March 2019). *European Commission*, 2019, 12 March. URL: <https://commission.europa.eu/system/files/2019-03/communication-eu-china-a-strategic-outlook.pdf>
17. EU Policy and Outreach Partnership in China (EUPOP China). *Service for Foreign Policy Instruments*. URL: <https://partnership-instrument-map.ec.europa.eu/#:~:text=The%20PI's%20budget%20for%202014,strategic%20interest%20to%20the%20EU>
18. Fanoulis E., Revelas K. The Conceptual Dimensions of EU Public Diplomacy. *Journal of Contemporary European Studies*, 2023, vol. 31 (1), pp. 50-62.
19. Finnemore M. Constructing Norms of Humanitarian Intervention. *The Culture of National Security: Norms and Identity in World Politics*. New York, Columbia University Press, 1996, pp. 153-185.
20. Finnemore M., Sikkink K. International Norm Dynamics and Political Change. *International Organization*, 1998, vol. 4, pp. 887-917.
21. Guceac I., Porcescu S. Diplomația publică – componentă indispensabilă a discursului extern în condițiile globalizării. *Akados*, 2010, vol. 1 (16), pp. 6-10.
22. Jepperson R., Wendt A., Katzenstein P.J. Norms, Identity, and Culture in National Security. *The Culture of National Security: Norms and Identity in World Politics*. New York, Columbia University Press, 1996, pp. 33-78.
23. Hauer-Tyukarkina O.M. *Sovremennaya imidzhevaya politika Evropejskogo soyuza* [Contemporary Image Policy of the European Union]. Moscow, Goryachaya liniya-Telekom Publ., 2017. 168 p.
24. Kashin V., Shein S., Krasikova L., Melnikova J., Potashev N. Evropejskij soyuz i Kitajskaya Narodnaya Respublika: (ne) strategicheskoe partnerstvo? [The European Union and the People's Republic of China: A (Non-) Strategic Partnership?]. *Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam* [Russian International Affairs Council], 2022. URL: <https://russiancouncil.ru/papers/RIAC-EU-China-WorkingPaper65ru.pdf>
25. Marchukov A.N. «Publichnaya diplomatiya 2.0» kak instrument vneshnepoliticheskoy deyatel'nosti [Public Diplomacy 2.0 as a Tool of Foreign Political Activity]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Regional Studies. International Relations], 2014, vol. 4, pp. 104-113. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu4.2014.4.10>
26. Marchukov A.N. Sovremennye vyzovy dlya publichnoj diplomatii ES [Contemporary Challenges for EU Public Diplomacy]. *Sovremennaya Evropa* [Modern Europe], 2022, vol. 6, pp. 51-66. DOI: 10.31857/S0201708322060043
27. Manor I. *Are We There Yet: Have MFAs Realized the Potential of Digital Diplomacy?* Brill, Leiden, 2016. 110 p.
28. Manners I. Normative Power Europe: A Contradiction in Terms? *Journal of Common Market Studies*, 2002, vol. 40 (2), pp. 235-258.

29. Manners I., Whitman R. Normative Power and the Future of EU Public Diplomacy. *European Public Diplomacy: Soft Power at Work*. New York, Palgrave Macmillan, 2013. pp. 183-203.
30. Nitoiu C., Pasatoiu F. Public Diplomacy and the Persistence of the Conflict and Cooperation Dichotomy in EU-Russia Relations. *Journal of Contemporary European Studies*, 2023, pp. 21-34. DOI: 10.1080/14782804.2022.2100983
31. Pamment J. Public Diplomacy. *The International Encyclopedia of Strategic Communication*. Boston, Wiley-Blackwell, 2018, pp. 1-12. URL: <https://doi.org/10.1002/9781119010722.iesc0138>
32. Predatu E. Delimitări ale diplomației publice. *Analele Universității Creștine "Dimitrie Cantemir"*, 2010. vol. 2, pp. 160-168. URL: <https://istorie.ucdc.ro/revcad/aucdci2-2010.pdf>
33. Romanova T. Evrosoyuz kak normativnaya sila i problemy ee vospriyatiya v Rossii kak bar'er naputi politiko-pravovogo sblizheniya [The European Union as a Normative Power and the Problems of its Perception in Russia as a Barrier on the Way to the Political and Legal Alignment]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta* [The Bulletin of Saint Petersburg University. International Relations], 2011, vol. 6 (1), pp. 52-66.
34. Romanova T.A., Pavlova E.B. Ot grazhdanskoj (myagkoj) i normativnoj sily k stressoustojchivosti (resilience): evolyuciya idejnyh osnov vneshnej deyatel'nosti Evrosoyuza [From Civil (Soft) and Normative Power to Stress Resistance (Resilience): The Evolution of the Ideological Foundations of the European Union]. *Mezhdunarodnye processy* [International Processes], 2018, vol. 16, pp. 73-90. DOI: 10.17994/IT.2018.16.2.53.5
35. Saliu H. The Specifics and Complexity of EU Public Diplomacy. *Social Science Forum*, 2021, vol. 37, pp. 189-207.
36. Sihao X. *EU Digital Diplomacy in China*. The European Institute for Asian Studies, 2022, 31 August. URL: <https://eias.org/publications/eu-digital-diplomacy-in-china/>
37. Song W., Ai W. Role Conflict, Its Compromise, and the European Union's Public Diplomacy in China. *Journal of Contemporary European Studies*, 2023, vol. 31 (1), pp. 35-49. DOI: 10.1080/14782804.2022.2056731
38. Sutyryn V.V. Transformaciya Vostochnogo partnerstva ES posle 2014 goda [Transformation of the EU Eastern Partnership After 2014]. *Sovremennaya Evropa*, 2020, vol. 2, pp. 111-122. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope22020111122>
39. Thiel M. EU Public Diplomacy in the United States: Sociopolitical Challenges & EU Delegation Agency. *Journal of Contemporary European Studies*, 2023, vol. 31 (1), pp. 8-20.
40. Taylor M. Inside the EU-China Human Rights Dialogue: Assessing the Practical Delivery of the EU's Normative Power in a Hostile Environment. *Journal of European Integration*, 2022, vol. 44, pp. 365-380.
41. *The Official Account of Delegation of the European Union to the People's Republic of China on Weibo*. URL: <https://www.weibo.com/euinchina>
42. Wendt A. *Social Theory of International Politics*. Cambridge, Cambridge University Press, 1999. 447 p.
43. Wiseman G. *Isolate or Engage Adversarial States, US Foreign Policy, and Public Diplomacy*. Stanford, Stanford University Press, 2015. 327 p.
44. Who We Are. *The Delegation of the European Union to the People's Republic of China*, 2021, 2 August. URL: https://www.eeas.europa.eu/china/european-union-and-china_en?s=166
45. Yang Y. Does the Academic Programme Work? The Jean Monnet Programme and European Union Public Diplomacy. *Journal of European Integration*, 2015, vol. 37, pp. 611-628.
46. Zhang L. Research Progress in Chinese Perceptions of the EU: A Critical Review and Methodological Reflection. *Asia Europe Journal*, 2020, vol. 18 (1), pp. 17-36.
47. Zonova T.V. Publichnaya diplomatiya Evropejskogo soyuza [Public Diplomacy of European Union]. *Publichnaya diplomatiya: teoriya i praktika* [Public Diplomacy: Theory and Practice]. Moscow, Aspekt Press, 2017, pp. 70-88.

Information About the Authors

Alexander N. Marchukov, Candidate of Sciences (Politics), Research Fellow, Department of International Relations, HSE University, Pokrovskaya St, 20, 101000 Moscow, Russian Federation, alexander.marchukov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6416-6371>

Cristina A. Morari, Candidate of Sciences (Politics), Senior Lecturer, Department of International Relations, Moldova State University, Mateevicha St, 60, MD-2009 Chisinau, Moldova, morari.kristina@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0000-3201-3402>

Информация об авторах

Александр Николаевич Марчуков, кандидат политических наук, научный сотрудник, департамент международных отношений, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», ул. Покровская 20, 101000 г. Москва, Российская Федерация, alexander.marchukov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6416-6371>

Кристина Андреевна Морарь, кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры международных отношений, Молдавский государственный университет, ул. Матеевича, 60, MD-2009 г. Кишинев, Молдова, morari.kristina@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0000-3201-3402>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.2.15>

UDC 327(470)
LBC 66.49(2P)

Submitted: 23.05.2023
Accepted: 25.01.2024

SCIENCE DIPLOMACY AS ASSESSED BY HEADS OF REPRESENTATIVE OFFICES OF THE RUSSIAN FEDERATION IN SWITZERLAND

Ekaterina A. Antyukhova

MGIMO University, Moscow, Russian Federation

Igor V. Kuznetsov

Consulate General of Russia in Geneva, Geneva, Switzerland

Vlada D. Olshanskaya

Russian Embassy in Switzerland, Bern, Switzerland

Abstract. *Introduction.* The article analyses the relevant content of the “science diplomacy” concept and describes the key trends of its implementation, taking into account the points of view of current Russian diplomats on the problem. Science diplomacy is becoming a relevant area of diplomatic activity under the conditions of modern globalization processes. As an important area of the activity of the state, it implies not only the establishment of effective science cooperation with other countries but also optimal use of its own scientific potential with a view to upholding the national interests and improving the image of the state. *Methods and materials.* The authors have reviewed a number of expert points of view from modern researchers. Based on the use of general and special scientific methods, some important conclusions have been drawn concerning the specifics of the development and relevant content of science diplomacy. By comparing and systematising the empirical data obtained from a number of sources, some scientifically significant directions of state activity in this area have been determined. *Analysis.* By summarising cases from diplomatic practice, the authors seek to determine the role of science diplomacy in the implementation of the current foreign policy tasks of the Russian Federation. According to the results of interviews with S.V. Garmonin, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Russian Federation in the Swiss Confederation, and A.B. Dorovskikh, Consul General of Russia in Geneva, the basic principles of the practical filling of the “science diplomacy” concept in the activities of the Ministry of Foreign Affairs are formulated. *Results.* The authors come to the conclusion about the consistent improvement of the forms and methods of implementing the scientific direction of Russian diplomacy. At the same time, against the background of a deterioration of the international environment and the politicisation of many areas of international cooperation by the countries of the collective West, there exists the task of further improving the effectiveness of the activities of Russian diplomatic structures to defend the scientific and technological sovereignty of the country. *Authors' contribution.* E.A. Antyukhova wrote the sections “Introduction” and “Results,” participated together with V.D. Olshanskaya in writing the section “Materials and Methods,” and prepared the final scientific edition of the text of the work. I.V. Kuznetsov developed the concept of the article and the questionnaire for the interview. V.D. Olshanskaya and E.A. Antyukhova wrote the sections “Analysis” and “Materials and Methods” and also acted as an interviewer.

Key words: science diplomacy, diplomacy for science, science in diplomacy, diplomacy in science, “soft power”, public diplomacy, second track.

Citation. Antyukhova E.A., Kuznetsov I.V., Olshanskaya V.D. Science Diplomacy as Assessed by Heads of Representative Offices of the Russian Federation in Switzerland. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 2, pp. 167-182. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.2.15>

**НАУЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ В ОЦЕНКЕ ГЛАВ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ШВЕЙЦАРИИ****Екатерина Андреевна Антюхова**Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России,
г. Москва, Российская Федерация**Игорь Викторович Кузнецов**

Генеральное консульство России в Женеве, г. Женева, Швейцария

Влада Дмитриевна Ольшанская

Посольство России в Швейцарии, г. Берн, Швейцария

Аннотация. *Введение.* В статье анализируется актуальное содержание понятия «научная дипломатия» и характеризуются основные направления ее реализации с учетом точек зрения по проблеме действующих российских дипломатов. В условиях развития глобализационных процессов научная дипломатия становится актуальным направлением дипломатической деятельности. В качестве важного компонента политики государства она предполагает не только налаживание эффективного научного сотрудничества с другими странами, но и оптимальное использование собственного научного потенциала в целях обеспечения национальных интересов и повышения имиджа государства. *Методы и материалы.* Авторами были рассмотрены экспертные точки зрения ряда современных исследователей. На основе использования общенаучных и специальных научных методов были сделаны важные выводы относительно специфики развития и актуального содержания научной дипломатии. С помощью сопоставления и систематизации полученных из источников эмпирических данных были определены значимые с научной точки зрения направления деятельности государства в данной сфере. *Анализ.* Путем обобщения конкретных примеров из дипломатической практики авторы пытаются определить роль научной дипломатии в реализации внешнеполитических задач Российской Федерации. По результатам интервью, взятых у Чрезвычайного и Полномочного посла Российской Федерации в Швейцарской Конфедерации С.В. Гармонина и Генерального консула России в Женеве А.Б. Доровских, сформулированы принципы практического наполнения понятия «научная дипломатия» в деятельности МИД. *Результаты.* Авторы приходят к выводу о последовательном совершенствовании форм и методов реализации научного направления российской дипломатии. Вместе с тем на фоне осложнения международной обстановки и политизации странами коллективного Запада многих сфер международного сотрудничества констатируется задача дальнейшего повышения эффективности деятельности российских дипломатических структур по отстаиванию научно-технологического суверенитета страны. *Вклад авторов.* Е.А. Антюхова написала разделы «Введение» и «Результаты», участвовала совместно с В.Д. Ольшанской в написании раздела «Материалы и методы», подготовила итоговую научную редакцию всего текста работы. И.В. Кузнецов разработал концепцию статьи и опросник для интервью. В.Д. Ольшанская написала раздел «Анализ» и совместно с Е.А. Антюховой – раздел «Материалы и методы», а также провела интервью.

Ключевые слова: научная дипломатия, дипломатия для науки, наука в дипломатии, дипломатия в науке, «мягкая сила», публичная дипломатия, второй трек.

Цитирование. Антюхова Е. А., Кузнецов И. В., Ольшанская В. Д. Научная дипломатия в оценке глав представительств Российской Федерации в Швейцарии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 2. – С. 167–182. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.2.15>

Introduction. The complex processes of transformation of the modern international architecture have heightened scientific interest in the theoretical and methodological aspects of diplomatic activity. At the same time, one of the basic determining trends in the development of

the modern international system is the increasing role of non-state actors as well as non-state channels of international interaction, which considerably determine the degree of effectiveness of the implementation of the domestic and foreign policies of the state. This

trend has a direct impact on the evolution of the institution of diplomacy, contributing to the emergence and development in recent decades, along with the traditional diplomatic mechanisms, of the so-called “Track Two Diplomacy”.

Science diplomacy, as a tool closely related to the methods of the so-called “Track Two,” one of the components of which is the “diplomacy of the expert community,” provides an opportunity to develop a dialogue with foreign partners even in cases of significant disagreements on political issues.

The “Track Two” methods imply the use of a certain set of practices for political purposes that go beyond the informal interaction of state structures as well as the contacts of non-state actors. Despite the fact that the relations between unofficial actors are not able to fully replace the official diplomatic relations, they are able to facilitate resolving some controversial and conflict situations in state-to-state relations, as well as the realisation of the national interests of the state in the foreign arena [24, p. 153].

The interrelation between the methods of diplomacy and science in addressing issues of interest to a number of countries or the entire world community has become a subject of active study relatively recently, but science diplomacy has already become authoritative as a separate area of diplomatic practice aimed at the realisation of state goals within the framework of promoting global scientific and technological progress.

More and more often, the issues of concluding new international agreements are solved with the involvement of expert groups, and intercountry and global scientific cooperation, in turn, is largely regulated with the involvement of the diplomatic departments of the countries affected [1, p. 105].

Despite the fact that elements of science diplomacy in international relations first appeared at the turn of the 19th and 20th centuries, the formation of its concept is largely connected to the development of the “Track Two”¹ [4] diplomacy phenomenon against the background of globalisation processes of the late 20th century. Its main task is to build a trusted background of communication and create new dialogue formats that act as additional tools to increase the efficiency of the negotiation process [38].

The emergence of new channels of government-to-government cooperation, primarily

in the fields of culture and scientific research, contributes to the formation of a parallel to the traditional diplomacy mechanism for resolving controversial issues and conflict situations in government-to-government relations [11, p. 665].

Science diplomacy, which was previously often regarded as one of the components of public diplomacy or the so-called “Track Two,” has finally grown into a separate field in the early 21st century due to its scale and diversity and is one of the important phenomena characterising the current stage of international interaction.

At the same time, in the era of global transformations and digital transition, the primary task of science diplomacy is to distinguish scientific trends and their impact on the lives of the international community, as well as to work out in diplomatic ways collective responses to global challenges facing the entire planet.

The active development of science diplomacy is closely associated with the emergence of a sustainable system of scientific relations at the international level, due to which it has recently become a relatively independent direction of the foreign policy activities of modern state and non-state actors.

Science diplomacy found its conceptual and institutional design as a relatively independent direction of state policy only in the 2000s and 2010s. Thus, within the EU in 2008, the European Strategy for Cooperation in Science and Technology was approved, and the European Strategic Forum for International Scientific and Technological Cooperation began to function [25]. In 2017, the government of the People’s Republic of China, within the framework of the project “One Belt and One Road,” initiated a special programme involving the development of international cooperation by the Chinese state in the field of innovation cooperation [23, p. 113].

In the Russian Federation, the conceptual definition of science diplomacy as one of the priority directions of state activity in the foreign arena was first formulated in the provisions of the Strategy for International Scientific and Technical Cooperation, approved by the Decree of the President of Russia on December 1, 2016 [32].

Nowadays, in Russian science, the problem of the role and significance of science diplomacy in the modern system of international relations is

at the initial stage of its comprehension. The scientific sphere is one of the priority areas of development of the globalisation trend, which is connected with the universal character of the basic values underlying scientific activities: rationality, objectivity, and universality. The interaction between science and international politics is characterised by a certain duality.

Scientific activity, on the one hand, should be independent from the influences of the political situation. At the same time, in modern conditions, scientific potential acts as one of the key elements of the “soft power” toolkit, with the help of which the state is able to more effectively realise its goals in the foreign arena. The universal nature of the problems solved within the framework of the scientific sphere of activity creates a favourable basis for building new formats of interaction between both state and non-state actors, contributing to the optimal establishment of political dialogue. In the context of the new polycentric architecture of the international order, science diplomacy performs an important function in harmonising and bringing together the interests of international political and scientific institutions.

In the current context of growing international tension, geopolitical changes and the politicisation of traditionally neutral aspects of international cooperation, the fact that the state possesses an effectively constructed model of scientific diplomacy that allows it to respond flexibly to both technical and political challenges is becoming more and more relevant [2, p. 97]. The importance of science diplomacy for the Russian Federation is enshrined in its national development strategy [35], which assumes the country’s entry into the top 10 leading states in scientific development by 2030.

Despite the growing importance of science diplomacy in the system of modern international relations, domestic studies now lack a common understanding of its content. Within the concept of “soft power,” more and more attention is paid to the analysis of the role of scientific and technological potential in the toolkit of the state’s foreign policy influence [8].

Methods and materials. The formulation of the basic principles of science diplomacy began after World War II and was associated with the creation of a number of interregional and global initiatives designed to ensure that scientists worked

together for the benefit of progress. However, the theoretical understanding of the basic tools of science diplomacy came much later.

The conceptual report “New Horizons of Science Diplomacy” [6], made in 2010 by the British Royal Society together with the American Association for the Advancement of Science, presented the main “dimensions” of this area of the diplomatic activity: “science for diplomacy,” understood as an apolitical in its nature scientific cooperation, which is an instrument for improving bilateral and multilateral relations; “science in diplomacy,” which involves the use of scientific expertise in solving foreign policy issues; and “diplomacy for science,” which provides the support of representatives of the scientific community and their initiatives with diplomatic tools [20, p. 199].

The London Report became an important basis for further study of various aspects of science diplomacy and its role in modern world politics. However, its definitions reflect the complex nature and certain eclecticism of this concept.

One of the most common definitions of science diplomacy is its understanding as a set of practices that emerge at the intersection of science, technology and foreign policy.

This definition was given in February 2019 in the Madrid Declaration on Science Diplomacy, which is a basic document related to the interpretation of the content of this concept in modern conditions [31]. It formulated a general vision of the role of science diplomacy in solving modern global problems as well as made an attempt to determine promising areas for its development within the framework of the transformational processes of the international system. The provisions of the Madrid Declaration imply the approval and dissemination of certain basic principles for the development of scientific cooperation, based on the recognition of science and technology as the most important aspects of international relations and the foreign policy of modern states. At the current stage, science diplomacy goes beyond exclusively scientific cooperation and is focused to a large extent on solving diplomatic problems. It is associated with various forms of activity at the intersection of the scientific and political spheres of society.

At the turn of the 20th and 21st centuries, scientific works began to pay growing attention

to the study of various aspects of the impact of science on the development of international diplomacy, as well as the role of scientific programmes as tools of the foreign policy influence of the state. The role of the scientific factor was given a prominent place in the studies devoted to analysing the phenomenon of “soft power” in the foreign policy of modern states.

According to one of the points of view present in the scientific literature, it also seems possible to designate science diplomacy as an independent direction of modern diplomatic activity, the goals of which correspond to the foreign policy goals of the state [12].

German researchers T. Flink and U. Schreiter attempted a comprehensive analysis of the role and place of science diplomacy in the system of realisation of the foreign policy goals of the state and also identified the key goals of state policy in this sphere. From their perspective, the factor of influence of scientific achievements on mass public opinion is of particular importance and can be effectively used in the implementation of the strategy of “soft power” [11, p. 675].

The Belgian researcher L. Van Langenhofe [21, p. 9] presented his view on the tools of science diplomacy, dividing its methods into strategic (programme documents), supportive and operational (distribution of resources and access to infrastructure, advisory councils, joint funding of projects).

The works of P.-B. Ruffini [23], J. Copeland [9], and L.S. Davis [5] are of particular interest within the framework of foreign studies. They attempt to come up with a detailed analysis of the role of science diplomacy as one of the topical areas of modern international relations, within which scientific and political activities are closely interlinked. A special place is given to the consideration of the evolution of the forms of interaction between diplomacy and science in the history of international relations.

The key aspects analysed by foreign authors are the problems of increasing the effectiveness of mechanisms of cooperation between scientific and diplomatic institutions, as well as the possibilities of using the scientific sphere of international cooperation in order to implement the objectives of state policy in the foreign arena. The role and place of science diplomacy in the system of “soft power” mechanisms, as well as the

correlation between the categories of “science diplomacy” and “culture diplomacy,” is a separate discussion issue relevant within the framework of modern scientific research.

The research of the French scientist and diplomat P.B. Ruffini, “Science and diplomacy: a new dimension in international relations,” points at the variability of the existing approaches to determining the place of science diplomacy in the system of foreign policy tools of the state. Analysing the phenomenon of science diplomacy, the author expresses his view about its role as a relatively independent direction of international interaction [23, p. 15].

The Canadian researcher D. Copeland, pointing out the insufficiency of traditional diplomacy in the conditions of the development of the modern international system, characterises science diplomacy as an important and promising direction of “Track Two” diplomacy, contributing to the implementation of the potential of “soft power” [9, p. 4].

The monograph “Science Diplomacy: New Day or False Dawn?” edited by L. Davis and R. Patman underlines the important role of science diplomacy as a means of confronting new threats and challenges that humanity faced in the early 21st century, including the threat of international terrorism. At the same time, the work contains a widespread research point of view on the need to improve the mechanisms of science diplomacy as a promising means for the development of bilateral and multilateral relations among international actors [5, p. 12].

In the Russian Federation, research in the field of science diplomacy is closely associated with the urgent problems of various aspects of “soft power” and its relay channels in the field of foreign policy.

The most complete definition of the notion of “science diplomacy” is given in the Concept of International Scientific and Technical Development, adopted in 2019. It is characterised as “a special form of scientific and technical cooperation, which refers to public diplomacy and is a system of interaction between scientists, scientific teams and organizations, as well as the activities of the authorities related to it” [18]. At the same time, modern experts note the need to clearly distinguish between the content of public and science diplomacy.

As the Russian researcher I.N. Vasilyeva notes, public diplomacy "...is primarily aimed at forming public opinion with a certain audience." In this respect, "the sphere of science diplomacy goes beyond public diplomacy, because public diplomacy uses such a common tool as mass media" [36, p. 72].

The main state bodies responsible for the implementation of Russian science diplomacy are the Ministry of Foreign Affairs (represented by the Department for New Challenges and Threats supervising the issues of scientific cooperation), Rossotrudnichestvo, and the Ministry of Science and Higher Education [19, p. 20].

The key goal of the agencies is formulated in the Strategy for Scientific and Technological Development of Russia [32, p. 20] in the following way: "protecting the identity of the Russian sphere of scientific research in the context of internationalisation of scientific research and increasing the efficiency of the scientific process through mutually beneficial international profile interaction" (Clause 29, Subparagraph "e"; Clause 35, Subparagraph "d").

The Federal Agency for the Commonwealth of Independent States, Compatriots Living Abroad and International Humanitarian Cooperation (Rossotrudnichestvo) acts as the key state structure in the sphere of ensuring international humanitarian cooperation of the Russian Federation and the implementation of the main directions of the state policy of international humanitarian relations. One of the priority areas of the activities of this federal agency is the popularisation of the achievements of Russian science. The report based on the results of Rossotrudnichestvo's activities in 2022 notes that more than 300 events of various formats, the geography of which covered 82 countries in different regions of the world, were held with its participation [7].

In the research literature, there exists a point of view about the possible classification of science diplomacy tools according to their goals. Within its framework, the following stands out: "science for foreign policy," which includes directly scientific goals on a global scale; science as a strategic driver of the country's attractiveness, which presupposes increasing the attractiveness of the prospects for scientific cooperation of the state; and the legal framework of international

scientific activities, which includes treaties, cooperation agreements and other international legal acts regulating international scientific activities [41].

From the perspective of the nature of its content, science diplomacy differs from scientific cooperation, which has a predominantly commercial content and is largely independent of state actors. At its core, science diplomacy combines, on the one hand, the interests of states aimed at achieving their foreign policy goals and, on the other hand, the needs of representatives of the scientific community seeking to expand cooperation within their professional sphere. Within the framework of the activities of state institutions interacting with institutions in the fields of education, science, diplomacy and economics, science diplomacy is primarily an instrument for the realisation of national interests in the foreign arena [39, p. 61].

Taking into account mainly the practical nature of science diplomacy, the team of authors conducted interviews with the heads of the Russian diplomatic missions in Switzerland: the Extraordinary and Plenipotentiary Ambassador S.V. Garmonin and the Russian Consul General in Geneva, A.B. Dorovskikh. The consultations conducted made it possible to create an idea of the main actors, tools and strategies of Russian diplomacy, as well as its similarities with and differences from the Swiss approach. For convenience, the materials obtained from the interviews were divided into thematic blocks.

Analysis. The analysis of the content and main directions of science diplomacy is based on the predominant application of the empirical approach, which implies the description and generalisation of the aspects that determine its difference from other forms of international scientific and scientific-technical interaction.

According to S.V. Garmonin, during any discussion on the formation and prospects for the development of science diplomacy, it is necessary to proceed from the fact that the vast majority of global challenges of our time inevitably have a scientific aspect; they are characterised by interdisciplinarity and transboundary nature. It is obvious to a diplomat that science is closely connected with modern international relations. Thus, science diplomacy emerged from the need to solve scientific problems through diplomatic

methods and the recognition of the impact of scientific aspects on political trends.

Today, the fight against global warming, issues of international supply chains, the problem of energy security and many others can be attributed to the problems that both diplomats and representatives of the scientific community have to address.

According to the Russian Consul General in Geneva, A.B. Dorovskikh, the main driver of scientific diplomacy as a trend is the processes of globalisation, which entailed not only the intensification of traditional international relations and the creation of new ones but also the emergence of challenges of a radically new character, including issues of ensuring strategic security, economic stability, climate change and anthropogenic impact on the environment.

The factors mentioned above have led to the strengthening of the role of science in the international policy of states. Thus, according to the diplomat, science diplomacy is any contact between the interests of science and diplomacy when it is in the interests of the state, for example, promoting international technical cooperation, which is reflected in the so-called “megascience” projects, which are expensive scientific and research complexes on an international scale.

If there exist scientific ties conditioned by objective need or general scientific interest, it may be necessary to improve diplomatic interaction between states to address issues of an applied nature. In addition, scientific expertise often forms the documentary basis of many international negotiations.

A.B. Dorovskikh proposes to initially divide the trend of “diplomacy for science” into two main levels: “large,” including large-scale government programmes developed by the government to promote domestic science, attract international specialists and expand scientific ties, and a more “applied” level aimed at fulfilling the programmes of scientific policy laid down and financed by the government, as well as ensuring the uninterrupted work of representatives of the domestic scientific community abroad.

The implementation of “diplomacy for science” implies the use of the diplomatic mechanism of the state in the interests of increasing the effectiveness of international scientific and scientific-technical cooperation,

aimed at joint resolutions in respect of the global threats and challenges facing modern society, as well as the implementation of scientific projects that are considered to be costly from the point of view of a single state. In order to solve these problems, various formats of diplomatic interaction are used under present-day conditions, the ultimate goal of which is the signing of intergovernmental agreements on joint implementation of scientific projects and promotion of scientific research in a certain area.

An important legal basis for the practical implementation of the direction of “diplomacy for science” in the context of the development of modern Russian-Swiss relations was the intergovernmental agreement on scientific and technical cooperation concluded in December 2012, which was the result of the active efforts of the representatives of the Russian diplomatic corps in Switzerland.

Article 3 of the document defines a list of specific directions of bilateral cooperation in the scientific field, including “the implementation of joint research and technological projects and exchange of devices and research materials; exchange of scientists and specialists, including young researchers, in order to implement scientific and technical programmes, projects and other activities related to the development of scientific and technical cooperation; organization and holding of seminars, symposia, conferences, exhibitions and other meetings of a scientific nature; exchange of scientific and technical information and promotion of creation of scientific and/or innovative infrastructure and information networks to support them” [29].

The “diplomacy for science” direction provides for a set of efforts aimed at developing interstate interaction in the scientific field. One of the typical examples of this kind of activity is the implementation of the international project for the construction of the Large Hadron Collider by the European Organization for Nuclear Research (CERN).

With regard to Russian diplomatic practice, as an important result of the implementation of the “diplomacy for science” direction, one can note the agreement on strengthening the international Arctic scientific cooperation aimed at developing the coordination of scientific activities in the study of the Arctic region concluded in 2017 [20].

Facilitating the implementation of the main tasks within the framework of the direction “diplomacy for science” implies the implementation by the foreign policy department in coordination and with the assistance of other relevant structures of a set of measures aimed at promoting the active participation of domestic scientists in the realisation of international scientific projects, as well as the integration of domestic science into the emerging global scientific space.

Among the key objectives of Russia’s scientific and technical development, A.B. Dorovskikh singles out the task of increasing the contribution of domestic science to determining the global scientific agenda and its implementation. It is assumed that this area of activity should be implemented mainly through the participation of the Russian Federation in major international science clusters or “megascience” projects, as well as the promotion of such initiatives within the country, one of the most vivid examples of which is the functioning of the federal territory “Sirius”.

The development of ways to achieve these goals is carried out at the inter-ministerial level and is further transferred to the intergovernmental level. Thanks to this process, despite unfavourable political conditions, Russia makes a significant intellectual and financial contribution to the implementation of international scientific programmes within the framework of the European Organization for Nuclear Research (CERN) [37, p. 515], the Facility for Antiproton and Ion Research (FAIR), the International Thermonuclear Experimental Reactor (ITER) [3], etc.

These examples show that important “applied” tasks that should be implemented within the framework of the track “diplomacy in science” can include the work on lobbying and the legal consent of the international community to build a large-scale and complex scientific infrastructure on the territory of a single state, which will allow it to demonstrate the scientific potential and attractiveness of the host country, thereby creating an inflow of foreign specialists and investments in the sphere of scientific developments.

The work on organising a large-scale exhibition, “Expo 2030,” the application for which Russia was forced to disclaim in the face of unprecedented pressure from a number of Western states, which, in its turn, can be considered a sad

case of the influence of politics on science and sabotage of potential achievements, could serve as an example of such an important project.

Analysing the notion of “diplomacy of science,” S.V. Garmonin notes that this trend can be called the most practice-oriented due to its close connection with the daily activities of a foreign institution. The main tasks facing the employees responsible for the “scientific” abstract [37] are making it possible to conduct uninterrupted scientific exchange, expanding two- and multilateral contacts, eliminating obstacles of a bureaucratic, institutional nature. This explains why in most embassies, senior diplomats, who serve as guides between Russian scientists and their foreign colleagues, deal with scientific and technical dossiers.

Referring to the practice of the Embassy in Bern, the ambassador gives the example of repeated contacts with leading Swiss universities seeking to establish relations with Russian partners. Nevertheless, according to S.V. Garmonin, science more and more often appears to be a hostage of politics; a vivid example is the problem of interrupted cooperation with Russian scientists, in particular, on the scientific development of the Arctic [27]. Some leading Swiss specialists, as the diplomat reports, have already announced the need to bring the issue of “unblocking” cooperation to the political level.

Against the background of the COVID-19 pandemic, the Russian ambassador draws attention to the newly-emerging term “vaccine diplomacy,” which reflects the complexity of the content of science diplomacy.

A vivid example of “science for diplomacy” was Russia’s most rapid creation of a highly functional vaccine, which became a significant factor in enhancing the country’s international reputation and an important element of its “soft power”.

On the other hand, the creation and distribution of Russian vaccines illustrates the principle of “diplomacy for science” as well. The Ministry of Foreign Affairs actively provided comprehensive assistance and support in organising contacts with foreign institutions and supervisory authorities, obtaining permits for the use of Russian drugs abroad, solving complex issues of transportation, disseminating objective information about the vaccine, and signing

contracts for supplying and selling it abroad. In this respect, the desire of Western partners, which is contrary to their own statements, to turn the vaccine into a political tool by artificially delaying and, in some cases, openly sabotaging the process of registering Sputnik abroad is disappointing.

With regard to Switzerland's experience in the field of science diplomacy, it should be noted that the real challenge for Swiss diplomacy was the downgrading of the status of the Confederation to an unassociated "third country" within the framework of the scientific programme "Horizon 2020" against the background of the failed negotiations on the issues of the Framework Agreement with the European Union [28]. So, due to a purely political issue, Swiss scientists, young researchers and students lost the opportunity to apply for support for their projects at the EU level and to exchange information and experience with colleagues. The search for ways to restore the participation of the Swiss side in the pan-European scientific exchange is a vivid example of the action of "diplomacy for science".

The organizational role of diplomacy in promoting and formalizing international scientific initiatives should be called an important component, as noted by S.V. Garmonin [13, p. 122]. A good example of the participation of European diplomacy in ensuring inter-country scientific cooperation is the long history of the creation of the European Organization for Nuclear Research. The opening and successful functioning of the centre required long negotiations on the development of the system of functioning, rules of financing and other organisational aspects of the activities of the international centre.

Speaking of "science in diplomacy," we must not forget that diplomacy is most often defined as art, a dynamically developing industry with flexible approaches and rules. The use of scientific tools in diplomacy serves two main goals: it helps to streamline, describe and classify the approaches of modern diplomatic practice, as well as define the main global and cross-border scientific trends that are crucial for the entire world community [26, p. 216].

One of the most famous examples of the successful functioning of "science in diplomacy" is the existence of the European Organization for Nuclear Research (CERN), located in Switzerland. It can even be said that the opening of CERN in

1954 helped to launch the process of restoring horizontal ties in post-war Europe and to begin to raise the level of mutual trust, uniting for the sake of solving problems beyond national borders.

The International Panel on Climate Change (GEC) serves similar goals. In general, scientific cooperation between European countries has reached an unprecedented level, developing not only in parallel with the activities of international political institutions and with their support but actually creating new institutions that become influential actors in the political field [30, p. 179]. The degree of influence of these actors is such that they are able not only to function in addition to national institutions but also, in some cases, to compete with them, promoting solutions that find themselves in conflict with the interests of individual European countries in the scientific and technical field [1, p. 102].

It is worth mentioning the impact of scientific problems on the state and dynamics of international relations. A vivid example is the activities of the Transnational Red Sea Center, which was created at the initiative of the Swiss Federal Department (Ministry) of Foreign Affairs and unites representatives of countries with not the best bilateral relations for cooperation on biological diversity in waters.

Unfortunately, as we have seen in recent days, such initiatives can be used in the opposite way: as a political confrontation. So, under the tremendous political pressure from NATO states, Russia had to leave the Council of the Baltic Sea States, which turned de facto into a tool of anti-Russian policy. The sad consequences of this decision will have to be felt by both scientists and residents of all coastal countries.

Switzerland occupies a special place in the development of scientific diplomacy as a country with extensive experience and significant potential expressed in such indicators as the number of scientific publications per inhabitant of the country, as well as the share of universities, research institutes and researchers being members of international associations [16, p. 21].

Swiss science diplomacy officially started in 1958 with the sending of the first attaché on scientific cooperation to the United States. In 1969, specialists of this profile were sent to Japan and the USSR; later, they appeared on many foreign missions, where their main tasks were

maintenance of contact and assistance to Swiss scientists working abroad [40].

The main tool of Swiss science diplomacy for more than 20 years has been the Swissnex network of research cooperation centres, the successor of the Swiss House for Advanced Research and Education, which existed in 2000–2008 and operated at the diplomatic missions of the Confederation in 20 countries [28].

Switzerland's reputation as one of the centres of scientific innovation and know-how stimulates the foreign service to pay special attention to the issues of international scientific and technical cooperation. Science diplomacy as a tool of the foreign policy course is mentioned in such important documents as the Strategy of the Confederation Foreign Policy and the plan of actions on reforming the OSCE in 2022-2025 prepared by the FDFA [21].

In 2021, for the first time in the history of the Swiss Confederation, the Institute of the Official Special Representative for Science Diplomacy was established, headed by Alexander Fazel. In May 2022, the Week of Science Diplomacy was first held in Geneva, within the framework of which an "open forum" was organised with 30 participants from 20 countries, the majority of which were represented by Western European states, whereas the number of participants from the countries that are at the forefront of scientific progress (China, India, South Korea, etc.) in total did not exceed 10 people.

A vivid example of science diplomacy activities is the initiative of the Swiss side to create the Geneva Science and Diplomacy Anticipator (GESDA) in 2019, the Federal Adviser and Head of the FDFA I. Kassis's creation [28]. This structure, which is funded by both the federal government and the cantonal authorities, is designed not only to facilitate the interaction of leading scientists in the world community but also to search for solutions to common problems.

Its activities are carried out on three "tracks": "prevention," which describes the most significant trends in science and technology; "acceleration," which promotes dialogue between scientists, diplomats and representatives of business circles; and "application in practice," which renders support to science diplomacy programmes designed to assist in the implementation of the UN Sustainable Development Goals. The first

summit, held on October 7–8, 2021, in Geneva, gathered 900 participants from various states. Again, it was a political moment. The Russian Federation was not invited to take part in the summit, and there was only one representative accredited from China and from Japan, the countries that occupy the first places in the world in terms of the number of patents registered annually.

The Science Breakthrough Radar, launched in 2021 by GESDA experts, can also be called an interesting tool of science diplomacy. It is a regularly updated classification of scientific trends and forecasts (with a perspective horizon of 5, 10 and 15 years) that have the potential to affect international relations [22].

At the national level, the "science in diplomacy" direction is implemented through an extensive network of research institutes, university centres, the Swiss National Science Foundation and the Conference of University Rectors. The leading roles are also played by the interdisciplinary "Laboratory of Research Diplomacy," conducted by the universities of Geneva and Zurich together.

Analysing the similarities and differences between the Swiss and domestic approaches to the implementation of the goals of science diplomacy, the Russian diplomat draws attention to the specificity of actors (government agencies, institutions, individuals) responsible for their implementation (see Table).

Together with the overall similarity of the methods used and the institutions responsible for solving the problems of science diplomacy, a distinctive feature of the "Swiss model" is the concept of "international Geneva" (Fr. *Genève internationale*) promoted by the Confederation. According to it, the city playing the role of an international site for a significant number of headquarters of international funds and organisations helps to attract additional attention to the Confederation as the "host country".

Close attention to the development of scientific and technological cooperation as a tool to increase the potential of Switzerland's "soft power" has affected the statistics as well. Thus, the Confederation is a traditional leader in the leading international ratings of investments, the number of patents issued for scientific research, as well as the number of joint publications by

A comparative list of actors in science diplomacy in Russian and Swiss diplomatic practice

	Russia	Switzerland
Embassy (responsible executive or group)	Attaché for Scientific and Technical Cooperation	Scientific Attaché
Associate Centre	Network of Russian Centres of Science and Culture (RCSC)	Network of Swissnex Centres
Non-governmental organisations, foundations, research centres	Research institutes of leading universities in the country	Laboratories of scientific diplomacy at the Universities of Geneva and Zurich
Initiatives receiving government support	Russian Direct Investment Fund (RDIF)	“Innosuisse” Innovation Development Fund
Main funding channel	Public funds	Financing of scientific developments at the expense of manufacturers

Swiss scientists in cooperation with foreign colleagues.

Analysing the state of Russian-Swiss cooperation along the track of science diplomacy, we should keep in mind the significant potential of agreements on scientific and technical cooperation. Thus, in 2012, our countries signed a bilateral agreement at the level of the relevant ministers on scientific and technical cooperation, the development of which lasted for six years. In order to develop the agreement from 2013 to 2019, there existed on a regular basis a mixed commission on scientific and technical cooperation, the meetings of which were interrupted by the COVID-19 pandemic.

It is noteworthy that on the Swiss side, the role of coordinator of the implementation of the programme of scientific and technical cooperation with Russia was given not to a governmental structure but to the University of Geneva with the support of the Federal Polytechnic University of Lausanne (Fr. Ecole Polytechnique Federale de Lausanne, EPFL). It was assumed that the main practical tools for the development of cooperation should be student mobility programmes and joint research projects (in particular, the organisation of research competitions).

As A.B. Dorovskikh notes, in today’s rapidly changing geopolitical situation, along with the increasingly complex nature of the emerging problems, the scientific community needs to take an active – and sometimes proactive – part in international relations, presenting opinions based on the results of the research, which could be grounds for important political decisions.

Scientific and technical cooperation can be used as a tool for building and improving relations

between states while also being an element of “soft power,” a state policy aimed at creating a positive image of the country, that is, both at “brain gain” to the country and at developing ties abroad by non-military methods.

The history of the diplomatic service knows many cases when scientists not only presented their expert opinions and recommendations but directly participated in peacebuilding [30].

A vivid example of such events is the unofficial contacts of the scientific circles within the Pugwash Conferences, which played their role not only in the resolution of the Vietnamese conflict in 1975 but also formed the basis of the Treaty on the Limitation of Anti-Ballistic Missile Systems between the USSR and the USA. Likewise, within the Dartmouth Conferences held between Soviet (later Russian) and American specialists, the methodology of “sustainable dialogue” was developed. It is still used in local conflict resolutions and negotiations with the warring parties [16, p. 21].

More modern examples include the construction of nuclear power plants abroad. Thanks to the efforts of scientists and the Rosatom Corporation, today Russia is one of the world leaders in the number of power units installed in foreign countries. Such projects as the Akkuyu Nuclear Power Plant in Turkey, the El Dabaa Nuclear Power Plant in Egypt, the Bushehr Nuclear Power Plant in Iran, the Paks Nuclear Power Plant-2 in Hungary, the Tianwan Nuclear Power Plant in China and others allow us to not only expand the economic partnership between our country and foreign colleagues but also significantly strengthen diplomatic and scientific ties.

According to A.B. Dorovskikh, scientific policy “appears where science intersects with an

administrative resource, in the positive sense of the word.” Thus, its appearance should first of all be conditioned by the need for sensitive regulation of scientific and technical activities directed to something useful for the state, but at the same time, it is important to minimise the risks of a negative influence on scientific progress.

In the Russian Federation, scientific policy is regulated by the Federal Law “On Science and State Scientific and Technical Policy,” according to which the main goals of state policy in this industry are the development of the country’s scientific and technical potential, the gradual development of the contribution of science and technology to the state economy, the solution of social problems, as well as ensuring Russia’s international scientific leadership at leading sites [10].

The priority directions for the development of science diplomacy in the Russian Federation are also determined by the Decrees of the President of the Russian Federation “On National Goals and Strategic Objectives of the Development of the Russian Federation for the Period until 2024” [33] and “On the Strategy of Scientific and Technological Development of the Russian Federation” [32] and are reflected in the Concept of Foreign Policy of the Russian Federation [17], as well as in the Concept of Humanitarian Policy of the Russian Federation and the Concept of International Scientific and Technical Cooperation of the Russian Federation [18].

The provisions of the Concept of Foreign Policy of the Russian Federation, in particular, note: “In order to strengthen the role of Russia in the world humanitarian space, to form its positive perception abroad, to strengthen the position of the Russian language in the world, to counter the Russophobia campaign carried out by unfriendly foreign states and their associations, as well as to increase mutual understanding and strengthen confidence between states, the Russian Federation intends to give priority attention: 1) to popularizing and protecting domestic achievements in the fields of culture, science, education and art from discrimination abroad, as well as strengthening the image of Russia as a state that is attractive for life, work, study and tourism...” [14].

In the Concept of Humanitarian Policy of the Russian Federation, approved by Decree of the President of the Russian Federation of September 5, 2022, the development of science

diplomacy is one of the key national interests of Russia’s humanitarian policy abroad. The text of the document notes: “The national interests of the Russian Federation in the humanitarian sphere abroad are: popularization of domestic achievements in the field of culture, science, education, sports, information and communication technologies; development of international cooperation in the field of culture, science, education, sports and tourism; promotion of international youth cooperation, including in the cultural, scientific and sports fields...” [34].

While developing a scientific policy, the state sets tasks of both an internal and external nature. Among the external tasks, we can distinguish the following:

- the need to increase efficiency in disseminating information about domestic culture and science, their potential and the most outstanding representatives, improving its image and reputation on the global stage;
- participation of Russian specialists in international programmes on scientific cooperation aimed at solving global problems;
- reducing the brain drain and becoming a pole of attraction for representatives of the international scientific community.

One of the tools for achieving these tasks, as well as protecting national interests, is science diplomacy, and an increasing interaction of research and diplomatic practices will further contribute to their implementation, regardless of the geopolitical situation.

In the context of increasing sanctions pressure exerted on Russia by the states of the collective West, the participation of Russian scientific organisations and Russian scientists in the implementation of megascience projects carried out within the framework of such international organisations and international cooperation formats as the CIS, SCO, BRICS and ASEAN is of particular importance.

At the beginning of the 2020s, about 1.5 thousand Russian researchers annually participated in the implementation of international scientific projects and represented the interests of the Russian Federation in leading foreign scientific centres, including CERN in Switzerland.

Today, the Russian Federation is an active member of a number of international scientific organisations, as well as a number of international

projects belonging to the “megascience” category. These include the International Space Station (ISS), the Kurchatov Centre for Synchrotron Radiation (KCSR) and a number of others. The participation of Russian researchers and scientific organisations in “global” science projects as well as the establishment of scientific education centres (SECs) and world-class research centres (WCRCs) in the Russian Federation is promoted through diplomatic channels. In the early 2020s, there were 10 SECs and 17 WCRCs in our country, in the activities of which foreign researchers participated [15, p. 22].

Results. To sum up the analysis of the practical aspects of using science diplomacy in solving state foreign policy issues, it is possible to formulate a number of recommendations for the further application of this tool in the future:

- to maintain and increase the degree of information openness and to continue working on the image of the Russian scientific community;
- to systematise the legal basis (of the existing bilateral and international agreements);
- to create individual “road maps” of scientific cooperation for every country;
- to revise and improve the training programmes in the field of science diplomacy (for example, to create an educational standard in the field of training “science attaches” following the example of the existing institute of “agriculture attache”);
- to maintain Russia’s membership in international organisations and on thematic scientific and technical sites against the background of the ongoing sanctions pressure from the West, to counteract the course towards the “politicisation of science”;
- to systematise the experience of foreign countries in the field of science diplomacy; to study the practices of public-private partnerships to finance and promote projects in the field of science and technology; to analyse the existing scientific infrastructure and methods of supporting innovations in foreign countries;
- to encourage the creation of mixed working groups of scientists and diplomats to develop ways to solve global problems (global warming, terrorism, etc.) at the practical and legal levels (for example, the preparation of draft international agreements);
- to keep diplomatically supporting the access of Russian scientists to carrying out research at “megascience” facilities;

- to develop a single information portal for foreign researchers with information on the scientific projects implemented by Russia in each country;

- to promote the image of Russia as a modern international centre for scientific research and an integral participant in international scientific and technological progress.

It seems also possible to use and practically apply various forms of analysis within the framework of science diplomacy, focused on the development of Russia’s scientific and technological potential. This kind of activity involves identifying the most promising areas of scientific cooperation, determining effective forms and methods of development of international scientific interaction, identifying the role of state and non-state actors in the implementation of strategic objectives of Russian science diplomacy. Its important components are collecting and generalising primary and secondary data based on the use of a set of quantitative and qualitative methods.

The analysis conducted makes it possible to state the overall successful and consistent nature of work on the development of science diplomacy as a special area of Russian foreign policy.

As is shown by the example of the activities of Russian foreign institutions in Switzerland, Russian diplomacy is involved in ensuring the functioning of international cooperation programmes, large “megascience” projects, the activities of expert scientific foundations, and so on.

At the same time, the current unfavourable international situation, which is primarily characterised by the trend towards politicisation of all areas of international cooperation, poses new challenges for Russian diplomacy in defending the country’s scientific and technical sovereignty on international platforms, reorienting the directions of international cooperation, and providing truthful reporting on the activities of Russian scientists. Additionally, the main task in this area remains to respect state interests and promote a gradual increase in the efficiency of Russian scientists’ activities for the benefit of the country.

The recommendations given in the article on its improvement are intended to contribute to the preservation and development of science diplomacy as a tool to support channels of international communication and cooperation to confront the global challenges of our time.

NOTE

¹ The term “science diplomacy” was first used in the article by American researchers W. Davidson and J. Montville in 1981. The authors characterised science diplomacy as an important component of “Track Two Diplomacy,” which acted as “an informal, unstructured interaction” between actors in international processes. As the article noted, the “fundamental feature” of Track Two Diplomacy is its ability to “resolve or mitigate the manifestations of actual or potential conflict by appealing to the natural human capacity to respond to expressions of reason and goodwill”.

REFERENCES

- Balyshv A.V., Konnov V.I. Globalnaia nauka i natsionalnye nauchnye kultury. Mezhdunarodnye Protsessy [Global Science and National Scientific Cultures]. *Mezhdunarodnye protsessy* [International Processes], 2016, no. 3, pp. 96-111. DOI: 10.17994/IT.2016.14.3.46.7
- Bukalova S.V. Nauchnaja diplomatija: sushhnost i rol v sisteme mezhdunarodnyh otnoshenij [Science Diplomacy: Essence and Role in the System of International Relations]. *Mirovaja politika* [World Politics], 2018, pp. 95-103. DOI: 10.25136/2409-8671.2018.2.25855
- CERN ne budet prodlevat nauchnye kontakty s Rossiej i Belarusyju [CERN Is not Going to Extend Scientific Contacts with Russia and Belarus]. URL: <https://www.swissinfo.ch/rus/cern-не-будет-продлевать-научные-контакты-с-Россией-и-Беларусью/47684526>
- Davidson W.D., Montville J.V. “Foreign Policy According to Freud”. *Foreign Policy*, no. 45 (Winter 1981–1982), p. 155.
- Davis L.S., Patman R.G. *Science Diplomacy: New Day or False Dawn?* Singapore, World Scientific Publishing Co. Pte. Ltd., 2015. 296 p.
- Doklad Britanskogo korolevskogo obshchestva «Novye gorizonty nauchnoi diplomatii» [Report of the Royal Society of Great Britain “New Horizons for Science Diplomacy”]. London, Science Policy Centre, 2010. 32 p. URL: https://www.aas.org/sites/default/files/New_Frontiers.pdf
- Doklad o rezultatakh deiatelnosti Rossotrudnichestva po realizatsii vozlozhennykh na nego polnomochii za 2022 god [Report on the Results of Rossotrudnichestvo’s Activities in Implementing its Powers for 2022], Moscow, 2023, p. 14. URL: <https://rs.gov.ru/app/uploads/2023/04/drond-2022-god-dlya-razmeshheniya.pdf>
- Colglazier W.E., Montgomery K. *Opportunities and Challenges for Science Diplomacy*, 10.12.2022. URL: <https://doi.org/10.1126/scidip.adf7733>
- Copeland D. Science Diplomacy: What’s It All About? CEPI–CIPS. *Policy Brief*, 2011, no. 13, pp. 1-4. URL: <https://www.cips-cepi.ca/wp-content/uploads/2011/11/Copeland-Policy-Brief-Nov-11-5.pdf>
- Federalnyj zakon «O nauke i gosudarstvennoj nauchno-tehnicheskoy politike» ot 23.08.1996 g. № 127-FZ [Federal Law “On Science and State Science and Technology Policy” Dated 23.08.1996 No. 127-FZ]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/9973>
- Flink T., Schreiterer U. Science Diplomacy at the Intersection of S&T Policies and Foreign Affairs: Toward a Typology of National Approaches. *Science and Public Policy*, 2010, no. 37 (9), pp. 665-677. URL: https://www.researchgate.net/publication/254440761_Science_diplomacy_at_the_intersection_of_ST_policies_and_foreign_affairs_Toward_a_typology_of_national_approaches
- Gajr fon G.A. Kak nauka preodolevaet granicy. Nauchnaja diplomatija – diplomatija budushhego [How Science Transends Borders. Science Diplomacy as Future Diplomacy]. *Mezhdunarodnaja zhizn* [The International Affairs], 2021, no. 9, pp. 48-57.
- Gutenjov M. Nauchnaja diplomatija kak instrument dostizhenija vneshnepoliticheskikh celej [Science Diplomacy as Means for Achieving Foreign Policy Goals]. *Mirovaja ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [International Economics and International Relations], 2021, no. 6, pp. 119-127. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-6-119-127>
- Gutenev M.Iu., Sergunin A.A. Arkticheskaia nauchnaia diplomatija Rossii: teoriia i praktika [Russia’s Arctic Science Diplomacy: Theory and Practice]. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii* [International Organisations Research Journal], 2022, vol. 17, no. 3, pp. 155-174.
- Ilina I.E., Malenko S.V., Vasileva I.N., Rebrova T.P. Model realizatsii nauchnoi diplomatii: zarubezhnyi i rossiiskii opyt [Model of Science Diplomacy Implementation: Foreign and Russian Experience]. *Upravlenie naukoj i naukometriia* [Science Governance and Scientometrics], vol. 16, iss. 1/2021, pp.10-46.
- Kiselev V.N. Novoe izmerenie nauchnoj diplomatii [New Dimension of Science Diplomacy]. *Vestnik RFFI* [Russian Foundation for Basic Research Journal], 2018, no. 1 (97), pp. 18-25.
- Kontseptsiiia vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii (utv. Prezidentom Rossiiskoi Federatsii V.V. Putiny 31 marta 2023 g.) [The Concept of the Foreign Policy of the Russian Federation (Approved by the President of the Russian Federation V.V. Putin on 31 March 2023)]. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/>
- Kontseptsiiia mezhdunarodnogo nauchno-tehnicheskogo sotrudnichestva Rossiiskoi Federatsii (odobrena resheniem Pravitelstva

Rossiiskoi Federatsii ot 8 fevralia 2019 g. № TG-P8-952) [The Concept of International Scientific and Technical Cooperation of the Russian Federation (Approved by the Decree of the Government of the Russian Federation No. nu-B8-952 Dated February 8, 2019)], 2019. 21 p. URL: https://minobrnauki.gov.ru/upload/2021/07/kontseptsiya_MNTS_Rossiyskoy_Federatsii.pdf

19. Krasnova G.A., Rajhardt R.O., Shakirov O.I., Solov'ev D.B. *Novye gorizonty nauchnoj diplomatii v Rossii* [New Horizons of Russian Science Diplomacy]. Moscow, 2020. 40 p.

20. Kryzhina M.D. Nauchnaja diplomatija v interpretacijah rossijskih specialistov [Science Diplomacy as Interpreted by Russian Experts]. *Mezhdunarodnye protsessy* [International Processes], 2018, no. 4 (55), pp. 193-208.

21. Langenkhofer L. *Globalnaia nauchnaia diplomatia dlia multilateralizma* [Global Science Diplomacy for Multilateralism]. URL: <https://www.sciencediplomacy.org/authors/luk-van-langenhove>

22. *Nauchnaia diplomatia: ne trend, a neobkhodimost* [Science Diplomacy: Not a Trend but a Necessity]. URL: <https://www.swissinfo.ch/fre/-la-diplomatie-scientifique-n-est-pas-une-mode-mais-une-necessite-/47045648>

23. Ruffini P.-B. *Science and Diplomacy: A New Dimension of International Relations*. Cham, Springer International Publishing AG, 2017. 132 p.

24. Sabzalieva E., Crespo M.S., Martinez M., Kachynska N. Science Diplomacy Policy Processes in Comparative Perspective: The Use of Scientific Cooperation Agreements in Canada, India, Norway and the UK. *Minerva*, 2021, iss. 59, pp. 149-172.

25. *Science Diplomacy for France. Directorate General for Global Affairs, Development and Partnerships*, 2013. URL: http://www.diplomatie.gouv.fr/IMG/pdf/science-diplomacy-for-france-2013_cle83c9d2.pdf

26. Shestopal A.V., Konnov V.I. Kultura, nauka, diplomatia: perspektivy praktiko-orientirovannogo podkhoda [Culture, Science, Diplomacy: Prospects of Practice-Oriented Approach]. *Mezhdunarodnye protsessy* [International Processes], 2018, no. 3, pp. 214-224. DOI: 10.17994/IT.2018.16.3.54.13

27. *Shvejcarskih uchenyh bespokoit iskljuchenie rossijan iz peregovorov po klimatu* [Swiss Scientists Are Worried About Russians Being Excluded from Climate Talks]. URL: <https://www.tdg.ch/lexclusion-de-la-russie-des-negociations-climatiques-inquiete-525376671464>

28. *Shvejczarskie uchenye opasayutsya stat «sopustvuyushhim ushherbom» v sluchae sryva peregovorov po dogovoru s ES* [Swiss Scientists Fear Becoming ‘Collateral Damage’ in Breakdown of EU Treaty Talks]. URL: <https://www.science.org/content/>

article/swiss-scientists-fear-becoming-collateral-damage-breakdown-eu-treaty-talks

29. *Soglashenie mezhdru Pravitelstvom Rossijskoj Federacii i Federalnym Sovetom Shvejcarskoj Konfederacii o nauchno-tehnicheskome sotrudnichestve* [Agreement Between the Government of the Russian Federation and the Federal Council of the Swiss Confederation on Scientific and Technical Cooperation]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/44473/

30. Talagaeva D.A. Evropejskoe issledovatel'skoe prostranstvo v dejstvii: programma «Gorizont 2020» [European Research Area in Action: Horizon 2020 Programme]. *Polis*, 2018, no. 1, pp. 175-183. DOI: 10.17976/jpps/2018.01.12

31. *The Madrid Declaration on Science Diplomacy*. February, 2019. URL: <https://www.s4d4c.eu/s4d4c-1st-global-meeting/the-madrid-declaration-on-science-diplomacy>

32. *Ukaz Prezidenta RF ot 01.12.2016 № 642 «O strategii nauchno-tehnologicheskogo razvitiya Rossijskoj Federacii»* [Decree of the President of the Russian Federation of 01.12.2016 No. 642 “On the Strategy of Scientific and Technological Development of the Russian Federation”]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41449>

33. *Ukaz Prezidenta RF «O nacionalnyh celjah i strategicheskikh zadachah razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2024 g.»* [Decree of the President of the Russian Federation “On National Goals and Strategic Tasks of Development of the Russian Federation for the Period Until 2024”]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/57425>

34. *Ukaz Prezidenta RF «Ob utverzhdenii koncepcii gumanitarnoj politiki Rossijskoj Federacii za rubezhom»* [Decree of the President of the Russian Federation “On Approval of the Concept of Humanitarian Policy of the Russian Federation Abroad”]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48280>

35. *Ukaz «O nacionalnyh celjah razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda»* [Decree “On the National Development Goals of the Russian Federation until 2030”]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/63728>

36. Vasileva I.N. Nauchnaia diplomatia kak raznovidnost publichnoi diplomatii v ramkakh vneshnei politiki RF [Scientific Diplomacy as a Type of Public Diplomacy within the Framework of Russian Foreign Policy]. *Nauka. Innovatsii. Obrazovanie* [Science. Innovation. Education], 2019, vol. 14, no. 1, pp. 70-102. URL: https://www.researchgate.net/publication/332677581_Science_Diplomacy_as_a_Form_of_Public_Diplomacy_in_the_Government_Foreign_Policy_of_Russian_Federation

37. Vasilyeva I.N., Pokrovskij D.S., Rebrova T.P. Formy i metody mezhgosudarstvennogo obmena nauchno-tehnicheskoy informaciej: rossijskij i zarubezhnyj opyt [Forms and Methods of Inter-State Scientific and Technological Exchange: Russian and International Experience]. *Upravlenie naukoy i naukometrija* [Science Governance and Scientometrics], 2020, no. 4, pp. 486-527.

38. Velikaia A., Semedov S. Amerikano-iranskaia «vtoraia dorozhka» diplomatii [US-Iran “Second Track” Diplomacy]. *Mezhdunarodnaia zhizn* [The International Affairs], no. 10. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2580>

39. Venugopalan I., Jasmeet K.B., eds. *Science, Technology and Innovation Diplomacy in Developing Countries: Perceptions and Practice*. Singapore, Springer Singapore, 2023. 356 p.

40. Zagitova K. *Nauchnaja diplomatija nabiraet «mjagkuyu silu»* [Science Diplomacy Gains More Soft Power]. URL: <https://issek.hse.ru/news/203621872.html>

41. Zocatelli Z. *Scientific Diplomacy: Not a Trend, but a Necessity*. URL: <https://www.swissinfo.ch/fre/-la-diplomatie-scientifique-n-est-pas-une-mode-mais-une-necessite-/47045648>

Information About the Authors

Ekaterina A. Antyukhova, Doctor of Science (Politics), Associate Professor, Professor, Department of World Political Processes, MGIMO University, Prosp. Vernadskogo, 76, 119454 Moscow, Russian Federation, e.antyukhova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0860-4792>

Igor V. Kuznetsov, Attache, Assistant to the Consul General of Russia in Geneva, Consulate General of Russia in Geneva, Schaub St, 24, 1202 Geneva, Switzerland, kuznetsov.mfa@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0001-9755-3634>

Vlada D. Olshanskaya, Third Secretary of the Russian Embassy in Switzerland, Assistant to the Russian Ambassador to Switzerland, Russian Embassy in Switzerland, Brunnadernrain, 37, 3006 Bern, Switzerland, vlada.olsha@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0004-2878-334X>

Информация об авторах

Екатерина Андреевна Антюхова, доктор политических наук, доцент, профессор кафедры мировых политических процессов, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, просп. Вернадского, 76, 119454 г. Москва, Российская Федерация, e.antyukhova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0860-4792>

Игорь Викторович Кузнецов, атташе, помощник Генерального консула России в Женеве, Генеральное консульство России в Женеве, ул. Шауб, 24, 1202 г. Женева, Швейцария, kuznetsov.mfa@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0001-9755-3634>

Влада Дмитриевна Ольшанская, третий секретарь Посольства России в Швейцарии, помощник Посла России в Швейцарии, Посольство России в Швейцарии, Бруннадернрайн, 37, 3006 г. Берн, Швейцария, vlada.olsha@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0004-2878-334X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.2.16>

UDC 94(47).084.8
LBC 63.3(2)

Submitted: 23.10.2023
Accepted: 25.02.2024

ANTI-RUSSIAN SANCTIONS: HISTORY AND MODERNITY

Vladimir V. Moiseev

Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov, Belgorod, Russian Federation

Vladimir P. Trut

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

Leonid A. Sivachenko

Belarusian-Russian University, Mogilev, Republic of Belarus

Abstract. *Introduction.* The article examines the historical retrospective and the modern application of sanctions by Western countries as political and economic pressure on Russia to achieve geopolitical goals. A historical analysis of the content of the sanctions pressure on our country from unfriendly states will not only reveal its essence and main goals but also help in developing methods to overcome or mitigate the negative effects of sanctions on the economy and socio-political sphere. *Methods and materials.* The sources of this article are official government documents, published statistical materials, scientific research by domestic and foreign researchers, including works of the modern period, as well as official government decisions of the United States and the European Union on anti-Russian sanctions. The authors consider the consequences of sanctions for the socio-economic development of the Russian Federation. *Analysis.* As a result of the study, the sanctions imposed by Western countries against our country in various historical periods were analyzed. Special attention is paid in the article to the consideration of the goals and content of the large-scale Western sanctions imposed against the Russian Federation at the present stage, especially after the start of a special military operation in Ukraine. *Results.* The analysis showed that anti-Russian sanctions have become the main instrument of pressure on the politics and economy of Russia as a sovereign state. Simultaneously with the huge increase in the number of sanctions (about 19 thousand different restrictions and prohibitions), their tightening took place. The banking, energy, manufacturing and some other sectors of the Russian economy suffered certain losses from their impact. *Authors' contributions.* V.V. Moiseev prepared material on the history of anti-Russian sanctions; V.P. Trut participated in writing the section of the article devoted to modern anti-Russian sanctions. L.A. Sivachenko presented the author's content, which expanded the content of the article on the history and modern anti-Russian sanctions. All the authors were directly involved in the development of the concept of the article, its writing, analysis of the proposed issues, justification and formulation of conclusions.

Key words: anti-Russian sanctions, history, modernity, historical analysis, special military operation.

Citation. Moiseev V.V., Trut V.P., Sivachenko L.A. Anti-Russian Sanctions: History and Modernity. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 2, pp. 183-192. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.2.16>

УДК 94(47).084.8
ББК 63.3(2)

Дата поступления статьи: 23.10.2023
Дата принятия статьи: 25.02.2024

АНТИРОССИЙСКИЕ САНКЦИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Владимир Викторович Моисеев

Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова,
г. Белгород, Российская Федерация

Владимир Петрович Трут

Донской государственный технический университет, г. Ростов на-Дону, Российская Федерация

Леонид Александрович Сиваченко

Белорусско-Российский университет, г. Могилев, Республика Беларусь

Аннотация. *Введение.* В статье рассматривается историческая ретроспектива и современное применение санкций западными странами в качестве политико-экономического давления на Россию для достижения геополитических целей. Исторический анализ содержания санкционного давления на нашу страну со стороны недружественных государств позволит не только вскрыть его сущность и основные цели, но и окажет помощь в выработке методов преодоления или купирования негативных последствий санкций для экономики и социально-политической сферы. *Методы и материалы.* Источниками данной статьи являются официальные правительственные документы, опубликованные статистические материалы, научные исследования отечественных и зарубежных исследователей, включая работы современного периода, а также официальные государственные решения США и Евросоюза по антироссийским санкциям. Авторами рассмотрены последствия санкций для социально-экономического развития РФ. *Анализ.* В результате исследования были проанализированы санкции, вводившиеся западными странами против нашего государства в различные исторические периоды. Особое внимание в статье уделяется рассмотрению целей и содержания введенных крупномасштабных западных санкций против Российской Федерации на современном этапе, особенно после начала специальной военной операции на Украине. *Результаты.* Проведенный анализ показал, что антироссийские санкции стали основным инструментом давления на политику и экономику России как суверенного государства. Одновременно с огромным ростом количества санкций (порядка 19 тысяч различных ограничений и запретов) происходило их ужесточение. От их воздействия понесли определенные потери банковский, энергетический, обрабатывающий и некоторые другие секторы российской экономики. *Вклад авторов.* В.В. Моисеев подготовил материал по истории антироссийских санкций, В.П. Трут участвовал в написании раздела статьи, посвященного современным антироссийским санкциям. Л.А. Сиваченко представил авторский контент, расширивший наполнение статьи по истории и современным антироссийским санкциям. Все авторы принимали непосредственное участие в разработке концепции статьи, ее написании, анализе предложенной проблематики, обосновании и формулировке выводов.

Ключевые слова: антироссийские санкции, история, современность, исторический анализ, специальная военная операция.

Цитирование. Моисеев В. В., Трут В. П., Сиваченко Л. А. Антироссийские санкции: история и современность // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 2. – С. 183–192. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.2.16>

Введение. Изучение истории антироссийских санкций и их использование вызывают значительный общественно-политический и научный интерес. В научном плане в работах историков, политологов и экономистов исследуются содержание и целесообразность санкций, их влияние на экономику, политику и социальную сферу России в разные периоды времени, особенно на современном этапе.

Вопросы теории и практики санкционной политики освещены в ряде зарубежных публикаций, монографий и научных статей. Среди них, в частности, исследования А. Аддиса [29], М.С. Даджани [30], М.П. Докси [31], Г.С. Хуфбауэра [35], Г.С. Хуфбауэра, Дж.Дж. Шотта, К.А. Элиота, Б. Оегг [36] и других авторитетных зарубежных ученых. Так, известные аме-

риканские исследователи Гэри Хафбауэр, Джеффри Шотт, Кимберли Эллиотт и Барбара Оегг в своей работе «Экономические санкции пересмотрены», выдержавшей три издания, аргументировано обосновали их классификацию. В зависимости от политических целей санкции могут быть направлены на 1) смену политического режима; 2) управляемый хаос и дестабилизацию политической системы; 3) снижение военно-промышленного потенциала; 4) сокращение производства военной техники, оружия и боеприпасов; 5) предотвращение или полное прекращение военных действий и т. д. [36]. История антироссийских санкций подтверждает этот вывод.

Среди современных публикаций зарубежных авторов по данному вопросу выделяется работа Дэвида Х. Ранделла и Майкла

Гфеллера, в которой американские эксперты на основе анализа многочисленных фактов делают однозначный вывод о том, что практически все санкции, введенные против России для нанесения ущерба ее экономике, оказались во многом тщетными [34].

Влияние санкций на российскую экономику, военно-промышленный потенциал и социальную сферу анализировали такие отечественные ученые, как Е.Я. Арапова [1], Ф.А. Басов [2], С.В. Бахин и И.Ю. Еременко [3], И.Ф. Газизов и Р.М. Галиев [5], В.Л. Иноземцев [7], С.В. Казанцев [10], А.Б. Лихачева [12], В.В. Саюнов [21], И.Н. Тимофеев [25], И.Г. Шепелев [27] и др.

Анализ отечественной и зарубежной научной литературы показал, что исторический аспект антироссийских санкций исследован недостаточно. Не получила должного внимания проблема санкционного давления на СССР, влияния антироссийских санкций на социально-экономическое развитие в современных условиях. Эти и другие проблемы авторы попытались осветить в данной статье.

Материалы и методы. Исследование проводилось с использованием мнений экспертов, статистических данных, официальных документов и выступлений Президента, Председателя Правительства РФ, сообщений о деятельности различных ведомств и других источников по минимизации последствий от санкций. Изучение источников базировалось на принципах историзма и объективности. Историко-системный и проблемно-хронологический методы исследования дали возможность проследить процессы нарастания санкционного давления начиная с советского периода и до наших дней. Используя их в анализе западных санкций против СССР и современной России, авторы смогли раскрыть как их сходство, так и различия, позволили показать в целом негативное влияние антироссийских санкций на социально-экономическое развитие Российской Федерации.

Анализ. Авторы считают возможным разделить антироссийские санкции, действовавшие в XX и XXI вв., на несколько исторических этапов:

- 1) санкционное давление на СССР;
- 2) санкции на Российскую Федерацию до 2014 г.;

- 3) санкционное давление в связи с российско-украинским конфликтом (2014–2021 гг.);
- 4) усиление санкций с началом специальной военной операции (СВО).

Первые санкции против Советской России были опробованы уже в 1917 году. Поводом для их введения стали переговоры между советским правительством и Германией о заключении сепаратного мира, а также декрет ВЦИК от 21 января 1918 г. о национализации предприятий, включая принадлежавшие иностранцам, и аннулировании государственных займов царской России.

Санкции, просуществовавшие до 1925 г., запрещали поставку в Советскую Россию (с 1922 г. – СССР) современных технологий и товаров двойного назначения. Оказавшись в ситуации резкого сокращения импорта, необходимого для начавшейся индустриализации, Советский Союз пошел по пути привлечения тысяч инженерно-технических специалистов и других носителей «ноу-хау», в том числе из-за рубежа. С этой целью при Строительном комитете ВСНХ в 1928 г. было образовано Центральное бюро иностранной консультации (ЦБИК), которое решало практические вопросы, связанные с наймом иностранных конструкторов, инженеров и техников для советских промышленных, строительных и проектных организаций [6]. Такая кадровая политика сыграла важную роль в купировании негативных санкционных ограничений.

С началом холодной войны США в рамках «доктрины Трумэна» стали применять в отношении СССР новый тип экономических санкций, заключавшийся в ограничении его доступа к высоким технологиям и продукции. Так, в 1949 г. в США был принят «Закон об экспортном контроле», который запрещал продавать в Советский Союз и другие социалистические страны стратегически важные материалы, оборудование и вооружение [9].

В декабре 1979 г. после ввода советских войск в Афганистан отношения СССР с Западом резко обострились. Президент США Д. Картер заявил о зерновом эмбарго, которое лишало Советский Союз импорта из США 17 млн т зерна. Это эмбарго СССР удалось преодолеть за счет закупок зерна в Аргентине, Австралии, Испании и Канаде. В 1981 г. США ввели новый запрет: не поставлять в

СССР механизмы и другое оборудование, необходимое для строительства новых магистральных нефте- и газопроводов из Сибири в Европу. Советский Союз в этой ситуации был вынужден продать тонны золота, чтобы закупить трубы большого диаметра в Европе [16].

После распада Советского Союза экономическое давление на нашу страну не прекратилось. Например, печально известная поправка «Джексона-Веника» к закону о торговле США, принятая американскими конгрессменами в 1974 г. и действовавшая как дискриминационная мера в отношении СССР, была автоматически перенесена на Российскую Федерацию и отменена лишь спустя 38 лет, в декабре 2012 г., несмотря на многочисленные обещания снять введенные ею санкции. В том же ряду стоит известный «закон (акт) Магнитского», принятый в США в 2012 г., по которому вводились персональные визовые и финансовые санкции в отношении ряда представителей российских правоохранительных органов, подозреваемых в коррупции. В марте 2014 г. комитет по иностранным делам Европейского парламента представил свой «список Магнитского», в котором значилось уже 32 россиянина, в отношении которых вводились аналогичные визовые ограничения и заморозка их возможных банковских счетов.

Очередной этап санкционного давления на Российскую Федерацию начался в связи с присоединением Крыма и событиями на Донбассе. Весной 2014 г. США сгенерировали и ввели самый большой пакет антироссийских санкций. К санкционной политике США вскоре присоединился Евросоюз и ряд других стран, образовав коалицию из 50 антироссийски настроенных государств. В результате их санкций развитие экономики РФ стало замедляться. Так, в 2014 г. рост ВВП составил всего 0,6 %, в 2015 г. – уже минус 3,7 %, в 2016 г. – минус 0,2 %, а всего за 2014–2016 гг. – минус 3,8 % [14, с. 25].

Новый виток антироссийских санкций был инициирован США с принятием закона от 2 августа 2017 г. «О противодействии противникам Америки посредством санкций». США запрещали предоставление займов, поставку вооружения, высокотехнологичного оборудования и передачу американских технологий

российским компаниям, занимающимся разведкой и добычей нефти на арктическом шельфе, в глубоководных и сланцевых пластах [15, с. 78–79].

Европейский союз, действуя в унисон с США, установил запрет на инвестиции в российскую экономику, особенно в энергетику, нефте- и газодобычу. Кроме того, США предприняли меры, чтобы Россия не смогла приобрести уникальную технику через третьи страны (параллельный импорт) [8]. В результате Россия лишилась оборудования для буровых установок и платформ, насосов высокого давления, морской техники для работы в Арктике. Это санкционное давление вкупе с подрывом двух газопроводов «Северный поток» и «Северный поток-2» в разы сократили объем экспорта газа в Европу [18], нанеся ощутимый урон стратегической отрасли российской экономики.

С началом специальной военной операции России на Украине США и государства Евросоюза разработали и применили против России дополнительный комплекс политических, экономических и иных санкций, добиваясь ее прекращения. К санкциям присоединились Австралия, Великобритания, Канада, Южная Корея, Новая Зеландия, Сингапур, Тайвань и Швейцария. Первый пакет комплексных антироссийских санкций был разработан Евросоюзом уже в конце февраля 2022 г. после признания Российской Федерацией ДНР и ЛНР. Санкции устанавливали запрет на сделки с ценными бумагами федерального займа РФ, пытаясь таким образом сократить финансирование СВО.

Преследуя ту же цель, США в конце февраля 2022 г. добиваются заморозки международных резервов Центрального банка РФ на сумму более 300 млрд долларов. В марте 2022 г. Евросоюз, действуя в согласии с США, утверждает второй пакет санкций, которым заблокировал банковские счета России в своей юрисдикции. Эти санкции стали ощутимым ударом по финансовой системе России.

Еще одним антироссийским выпадом стали санкции, запретившие продавать нашей стране самолеты и запасные части к ним, передавать в лизинг, страховать воздушные суда. В результате более 600 боингов и аэрбасов, которые находились в лизинге, в марте 2022 г.

лишились лицензии; 78 российских воздушных судов иностранного производства, выполнявших полеты в день ввода санкций, были арестованы в зарубежных аэропортах, остальные были лишены регистрации и права полетов за границу [14, с. 196–197].

В сложившейся ситуации вся надежда возлагалась на отечественный авиапром. Однако, согласно данным Росстата, в 2021 г. произведено не более 20 отечественных авиалайнеров. Для сравнения: в 2021 г. только одна европейская компания «Airbus» выпустила 611 самолетов [28]. По некоторым данным, советские авиазаводы производили столько авиалайнеров, «сколько их выпускали все остальные страны мира, вместе взятые» [26].

Следует подчеркнуть, что сложное, а порой критическое положение после наложения санкций в 2022 г. сложилось не только в авиапроме, но и других отраслях российской экономики, сильно зависимых от импорта. После введения санкций на поставку комплектующих в мае 2022 г. практически остановилось производство легковых автомобилей на заводе АВТОВАЗ. О критической ситуации, сложившейся в других секторах экономики, можно судить исходя из сведений Минпромторга о том, что доля импорта в российском тяжелом машиностроении превышала 60–80 %, станкостроении – 90 %, фармацевтике – 70–80 %, в легкой и радиоэлектронной промышленности – до 90 % [37].

В апреле 2022 г. США и Евросоюз объявили о новых экономических рестрикциях: был запрещен импорт из России алкоголя, древесины, морепродуктов, ограничен ввоз удобрений, введен запрет на поставки угля в страны ЕС, а также частичное или полное эмбарго на традиционные экспортные товары: уголь, лес и металлы. Характеризуя последствия запрета для бизнеса, владелец Новолипецкого металлургического комбината В. Лисин заявил, что в этой ситуации для бизнеса будет «не развитие, а выживание» [15, с. 100].

На замедление российской экономики, усиление ее технологической отсталости было направлено Постановление Совета ЕС 2022/1904 от 6 октября 2022 г., которое вносило поправки в ряд статей Регламента Евросоюза № 833/2014, запрещавшие предоставлять ин-

женерные и другие услуги РФ в области информационных технологий [33].

С целью затруднить России международные платежи практически все ее ведущие банки были отключены от мировой платежной системы SWIFT [15, с. 27]. Эти и другие санкционные меры нанесли потери как банковскому сектору, так и в целом экономике нашей страны.

Достойный ответ правительство и Центробанк РФ нашли в отношении отключения банков нашей страны от американских платежных систем «Visa» и «Master Card». Задолго до введения этой санкции в стране была разработана и внедрена платежная система «МИР», получившая одобрение десятков миллионов россиян.

Демонстративный уход сотен иностранных компаний с российского рынка с началом СВО ставил целью не только оказание технологического и товарного воздействия на российскую экономику, но и влияние на рядовых россиян, которые лишались доступа ко многим привычным товарам. Разрыв и медленное налаживание новых транспортно-логистических цепочек привели к сжатию объема экспортно-импортных операций; только импорт сократился почти на треть.

Здесь следует отметить, что уход иностранных фирм с российского рынка вкупе с санкциями, запрещавшими или ограничивавшими поставки товаров народного потребления, были открытым психологическим давлением на граждан с целью вызвать у них недовольство, спровоцировать массовые антиправительственные выступления по методикам «цветных революций». В этой же плоскости лежат и многочисленные санкции по отношению к российским спортсменам и спортивным федерациям, культурным, научным и образовательным организациям.

Наиболее сильным санкционным давлением на Россию, по нашему мнению, является введение в 2023 г. эмбарго на экспорт российской нефти, сначала на морские поставки, а затем и по нефтепроводу «Дружба». В этом же ряду стоит и ограничение поставок «черного золота» по цене не выше \$60 за баррель сырой нефти. Цель этих рестрикций ясна: лишить страну-экспортера прибыли и финансовых ресурсов для ведения СВО. Российским

правительством был найден выход из создавшейся ситуации: потоки нефти были перенаправлены в Китай, Индию и другие азиатские страны. Важную роль в увеличении поставок газа должен был сыграть новый магистральный газопровод из России в Китай через Монголию. Став продолжением газопровода «Сила Сибири-2», он позволит увеличить экспорт в Китай дополнительно до 50 миллиардов кубометров газа в год [13]. К сожалению, в первой половине 2024 г. строительство этого газопровода не началось из-за затянувшихся российско-китайских переговоров.

18 декабря 2023 г. Совет Европейского союза объявил об утверждении 12-го пакета антироссийских санкционных мер. В пакете содержался расширенный список юридических и физических лиц, в том числе работающих в разных государственно-политических структурах РФ, например, в Центральной избирательной комиссии [32]. Наличие последних в санкционном списке ЕС красноречиво свидетельствует о попытке вмешательства Евросоюза во внутривнутриполитические процессы, происходящие в России.

Одновременно в этом пакете содержались условия для «разморозки» активов некоторых российских юридических и физических лиц. Так, АО «АльфаСтрахование» получило разрешение осуществлять платежи в пользу организаций и граждан ЕС, Европейской экономической зоны или Швейцарии. Примечательно, что 12-й пакет предусматривал некоторое ослабление запретов и ограничений, касающихся прав собственности и активов некоторых весьма богатых россиян, среди них: миллиардеры П.О. Авен, А.Р. Ротенберг, Б.Р. Ротенберг, Г.Н. Тимченко, М.М. Фридман и др. Им разрешалась продажа или передача своих активов в европейские организации в срок до 30 июня 2024 г. [32]. При этом обнаруживается тенденция оказания давления на российских бизнесменов в зависимости от их политических позиций и отношения к СВО.

Результаты. Таким образом, проведенный анализ показал, что антироссийские санкции, включающие ограничительные и дискриминационные меры в промышленной, технологической, торговой, финансовой, дипломатической, процессуальной, спортивной, культурной и других сферах, с течением времени

трансформировались в прямое вмешательство во внутренние дела России как суверенного государства. При этом преследовались не только экономические, но и конкретные политические цели. Примером могут служить пресловутые поправки «Джексона-Веника», которые администрация США была готова отменить в обмен на проведение российскими властями политики в угоду этой державе.

США и их союзники по санкционной политике использовали секторальные экономические и финансовые меры воздействия на Россию, а также экспортный и импортный контроль, визовые ограничения, вторичные санкции и другие инструменты давления. Причем санкционное давление на Россию осуществлялось с постоянным усилением. По утверждению Председателя Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации В.В. Володина только в течение последних десяти лет было введено 18 772 различных ограничений и запретов [24]. Для сравнения, в отношении Ирана в настоящий момент действуют свыше 4 тысяч санкций, против Сирии – более 2 600, а Северной Кореи – свыше 2 тысяч санкций [19]. В отношении Белоруссии уже введено 1 155 санкций, как против государства, так и против крупных государственных компаний, например, МАЗа и БелАЗа, а также в отношении конкретных физических лиц. 3 августа 2023 г. Евросоюз «в ускоренном порядке» ввел новые санкции, запрещающие продажу ее товаров и технологий для использования в авиации и космической отрасли [23].

Таким образом, главным объектом санкционного давления в настоящее время стала Российская Федерация, руководство которой проводит самостоятельную и независимую политику против однополярного мира во главе с США, их желания глобального управления и влияния.

Следует признать, что антироссийские санкции в какой-то мере достигли своих целей: банковский, энергетический и оборонный секторы российской экономики заметно пострадали от введенных ограничений и запретов. Опубликованные Росстатом данные свидетельствуют о том, что санкционное давление стало причиной снижения ВВП РФ в 2022 г. на 2,1 % [4], что указывает на некоторые кри-

зисные явления в экономике и привело к сокращению бюджетных доходов. Дефицит федерального бюджета в 2022 г., по утверждению главы Минфина А. Силуанова, составил 3,3 трлн рублей [22]. Выход был найден в масштабной девальвации рубля, с помощью которой дефицит госбюджета был практически ликвидирован. Однако обесценивание рубля на фоне сокращения товарной массы не могло не повлиять на рост цен и инфляцию, которая, по официальным данным, в 2022 г. достигла двузначного числа – 11,94 % [17]. Подобная ситуация с ростом цен и девальвацией национальной валюты сохранилась и в 2023–2024 годах [20].

Отмечая негативное влияние антироссийских санкций на социально-экономическое развитие страны, следует подчеркнуть, что им не удалось ни разрушить экономику, ни вызвать массовые антиправительственные выступления россиян, ни заставить руководство Российской Федерации отказаться от СВО и других решений.

Ключевую роль в устойчивости российской экономики сыграли, по нашему мнению, эффективные меры Президента, Правительства, Центрального банка, Госдумы РФ по минимизации последствий, перестройке экономики в соответствии с новыми вызовами. Была сформирована специальная Правительственная комиссия, разработаны первоочередные антикризисные мероприятия, направленные на повышение устойчивости российской экономики, в том числе по замещению импортных технологий, товаров и комплектующих.

Министерством промышленности и торговли РФ был разработан документ о параллельном импорте, который оказался способным не только наладить новую логистику, но и увеличить поставки в страну, находящуюся под санкциями, недостающих товаров для населения и комплектующих для предприятий. Уже к началу 2023 г. по параллельному импорту было ввезено 2 млн т различных товаров и комплектующих на сумму 17 млрд долларов [11]. В результате 11-й пакет антироссийских санкций, согласованный Евросоюзом 21 июня 2023 г. и направленный на противодействие параллельному импорту, не принес его инициаторам ожидаемых результатов.

Анализ целей и содержания санкционного воздействия недружественных государств на СССР и Россию показывает, что ими будут предприняты новые попытки влияния на нашу страну. Евросоюз в начале 2024 г. был занят подготовкой 13-го пакета санкций. При этом негативные последствия как уже введенных, так и новых санкций, вероятно, будут усиливаться, и россиянам нужно встретить новые вызовы более подготовленными. Для этого необходимы активные и выверенные действия, в частности, по дальнейшему развитию всей нашей экономики, импортозамещению, развитию фондового рынка, снижению дефицита бюджета, максимальной адаптации к сложной экономической ситуации. По нашему мнению, основным фактором, который поможет преодолеть беспрецедентное санкционное давление, должна стать национально ориентированная экономическая политика, основанная на инновациях и человеческом капитале. Никакие санкции не страшны государству, обладающему технологическим суверенитетом и независимостью от импорта, о чем убедительно свидетельствует наш исторический опыт.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арапова Е. Я. Новые модальности глобальной санкционной политики // *Международная аналитика*. 2023. № 14 (1). С. 37–51.
2. Басов Ф. А. Германия, Европарламент и политика санкций в отношении России // *Мировая экономика и международные отношения*. 2016. Т. 60, № 12. С. 62–68.
3. Бахин С. В., Еременко И. Ю. Односторонние экономические «санкции» и международное право // *Закон*. 2017. № 11. С. 162–175.
4. В Росстате сообщили о снижении ВВП РФ по итогам 2022 г. на 2,1 %. URL: <https://tass.ru/ekonomika/17096797>
5. Газизов И. Ф., Галиев Р. М. Анализ влияния санкций на экономику России // *Экономика и современный менеджмент: теория и практика*. 2015. № 6 (50). С. 46–54.
6. Галушка А. С., Ниязметов А. К., Окулов М. О. Кристалл роста к российскому экономическому чуду. М.: Наше завтра, 2021. 360 с.
7. Иноземцев В. Л. Возможная ошибка в санкционной политике // *Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре*. 2021. № 4 (138). С. 23–36.

8. История американо-российских и российско-американских санкций. URL: <https://yandex.ru/search/?text=https%3A%2F%2Fria.ru%2F20210415%2F+sanktsii1728420320.html.&clid=2270455&banerid=0758004868%3A638c9429ed2a8d1c0328ccca&win=570&lr=11030>
9. Кагалтынов Э. Санкции США против СССР. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3367840>
10. Казанцев С. В. Антироссийские санкции: оценка ущерба. Новосибирск: ООО «Офсет-ТМ», 2021. 212 с.
11. Ларина А. Объем параллельного импорта составил \$17 млрд. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5694631>
12. Лихачева А. Б. О стратегических эффектах односторонних санкций: российский опыт // Финансовый журнал. 2021. Т. 13, № 4. С. 52–66.
13. Матвеева О. Газопровод с несколькими неизвестными. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6125524>
14. Моисеев В. В. Импортозамещение в экономике России. 2-е изд., испр. и доп. М.: Директ-Медиа, 2022. 304 с.
15. Моисеев В. В. Санкции и их влияние на экономику современной России. М.: Директ-Медиа, 2024. 472 с.
16. Наш ответ на санкции Рейгана в 1982 году. URL: <https://dzen.ru/b/YjcXxf51AwDb0TL6>
17. Об индексе потребительских цен в декабре 2022 года. Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Dok_01-2023.htm
18. Родионов К. «Газпром»: новый минимум поставок. URL: <https://oilcapital.ru/news/2023-04-25/evropeyskiy-rynok-gaza-itogi-pervogo-kvartala-2023-2912179>
19. Россия – абсолютный рекордсмен по числу введенных санкций. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2023/02/24/rossiya-absolyutnyy-rekordsmen-po-chislu-vvedyonnyh-sankciy>
20. Росстат оценил инфляцию в РФ в 2023 году в 7,42 %. URL: <https://www.interfax.ru/business/940012>
21. Саюнов В. В. О секторальных санкциях в нефтегазовой отрасли // Минеральные ресурсы России: экономика и управление. 2018. № 2. С. 71–78.
22. Силуанов заявил, что дефицит бюджета РФ в 2022 г. составил 3,3 трлн руб., или 2,3 % ВВП. URL: <https://www.interfax.ru/business/880140>
23. Стали известны подробности новых санкций ЕС против Белоруссии. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2023/08/03/stali-izvestny-podrobnosti-novyh-sankciy-es-protiv-belorussii>
24. Телеграм-канал Председателя Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации В.В. Володина. URL: https://t.me/vv_volodin/727
25. Тимофеев И. Н. Политика санкций в меняющемся мире: теоретическая рефлексия // Полис. Политические исследования. 2023. № 2. С. 103–119.
26. Харалужный А. Гражданское авиастроение: советское и постсоветское. URL: <https://topwar.ru/169354-kogda-ja-vizhu-slomannye-krylja-aviastroenie-sovetskoe-i-postsovetskoe.html>
27. Шепелев И. Г., Морозов С. Г. Анализ санкций против России, определение возможного их влияния на развитие отечественного оборонно-промышленного комплекса и промышленности в целом // Экономика, управление, инвестиции. 2014. № 2 (4). С. 53–62.
28. Airbus обошел Boeing по объему поставок пассажирских самолетов в 2021 году. URL: <https://www.interfax.ru/world/814977>
29. Addis A. Economic Sanctions and the Problem on Evil // Human Rights Quarterly. 2003. № 25. P. 573–623.
30. Dajani M. S. Economic Sanctions: Ideals and Experience. London; Boston: Routledge & Kegan Paul, 1983. 263 p.
31. Doxey M. P. International Sanctions in Contemporary Perspective. London: Macmillan Press, 1987. 175 p.
32. EU Adopts 12th Package of Sanctions Against Russia for Its Continued Illegal War Against Ukraine. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_23_6566
33. EU Council Regulation 2022/1904. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32022R1904>
34. Gfeller M., Randell D. How Russia won the sanctions war with the West // Newsweek, 2024. Jan. 17th. URL: <https://www.newsweek.com/how-russia-won-sanctions-war-west-opinion-1861645>
35. Hufbauer G. C. Revision of Economic Sanctions: History and Current Policy: Monograph. Washington: Institute of International Economics, 1985. 753 p.
36. Hufbauer G. C., Schott J. J., Elliott K. A., Oegg B. Economic Sanctions Reconsidered. 3rd ed. Washington, DC.: Peterson Institute for International Economics, 2007. 233 p.
37. Moiseev V. V., Sudorgin O. A., Nitsevich V. F., Slatinov V. B. Government of Import Substitution as a Factor of Russian Economy Development // Smart Innovation, Systems and Technologies. 2020. № 138. P. 706–716.

REFERENCES

1. Arapova E. Ja. Novye modalnosti globalnoj sankcionnoj politiki [New Modalities of Global Sanctions Policy]. *Mezhdunarodnaja analitika* [International Analytics], 2023, no. 14 (1), pp. 37–51.

2. Basov F.A. Germanija, Evroparlament i politika sankcij v odnoshenii Rossii [Germany, the European Parliament and the Policy of Sanctions Against Russia]. *Mirovaja ekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija* [World Economy and International Relations], 2016, vol. 60, no. 12, pp. 62-68.
3. Bahin S.V., Eremenko I.Ju. Odnostoronnije ekonomicheskie «sankcii» i mezhdunarodnoe pravo [Unilateral Economic “Sanctions” and International Law]. *Zakon* [Law], 2017, no. 11, pp. 162-175.
4. *V Rosstate soobshhili o snizhenii VVP RF po itogam 2022 g. na 2,1 %* [Rosstat Reported a 2.1% Decrease in Russia’s GDP by the End of 2022]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/17096797>
5. Gazizov I.F., Galiev R.M. Analiz vlijaniya sankcij na ekonomiku Rossii [Analysis of the Impact of Sanctions on the Russian Economy]. *Ekonomika i sovremennij menedzhment: teorija i praktika* [Economics and Modern Management: Theory and Practice], 2015, no. 6 (50), pp. 46-54.
6. Galushka A.S., Nijazmetov A.K., Okulov M.O. *Kristall rosta k rossijskomu ekonomicheskomu chudu* [Crystal of Growth to the Russian Economic Miracle]. Moscow, Nashe zavtra Publ., 2021. 360 p.
7. Inozemcev V.L. Vozmozhnaja oshibka v sankcionnoj politike [A Possible Mistake in the Sanctions Policy]. *Neprikosnovennyj zapas: debaty o politike i kulture* [Inviolable Reserve: Debates on Politics and Culture], 2021, no. 4 (138), pp. 23-36.
8. *Istorija amerikano-rossijskih i rossijsko-amerikanskih sankcij* [The History of American-Russian and Russian-American Sanctions]. URL: <https://yandex.ru/search/?text=https%3A%2F%2Fria.ru%2F20210415%2F+sanktsii1728420320.html.&clid=2270455&banerid=0758004868%3A638c9429ed2a8d1c0328ccca&win=570&lr=11030>
9. Kagaltynov E. *Sankcii SShA protiv SSSR* [U.S. Sanctions Against the USSR]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3367840>
10. Kazancev S.V. *Antirossijskie sankcii: oцена ushherba* [Anti-Russian Sanctions: Damage Assessment]. Novosibirsk, OOO «Offset-TM», 2021. 212 p.
11. Larina A. *Obyem parallelnogo importa sostavil \$17 mlrd* [The Volume of Parallel Imports Amounted to \$17 Billion]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5694631>
12. Lihacheva A.B. O strategicheskikh effektakh odnostoronnih sankcij: rossijskij opyt [On the Strategic Effects of Unilateral Sanctions: Russian Experience]. *Finansovyy zhurnal* [Financial Journal], 2021, vol. 13, no. 4, pp. 52-66.
13. Matveeva O. *Gazoprovod s neskolkim neizvestnymi* [A Gas Pipeline with Several Unknowns]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6125524>
14. Moiseev V.V. *Importozameshhenie v ekonomike Rossii* [Import Substitution in the Russian Economy]. Moscow, Direkt Media Publ., 2022. 304 p.
15. Moiseev V.V. *Sankcii i ih vlijanie na ekonomiku sovremennoj Rossii* [Sanctions and Their Impact on the Economy of Modern Russia]. Moscow, Direkt Media Publ., 2024. 472 p.
16. *Nash otvet na sanktsii Reygana v 1982 godu* [Our Response to Reagan’s Sanctions in 1982]. URL: <https://dzen.ru/b/YjcXxf51AwDb0TL6>
17. *Ob indeksse potrebitelskih cen v dekabre 2022 goda. Rosstat* [On the Consumer Price Index in December 2022. Rosstat]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Dok_01-2023.htm
18. Rodionov K. «Gazprom»: novyj minimum postavok [Gazprom: A New Minimum of Supplies]. URL: <https://oilcapital.ru/news/2023-04-25/evropeyskiy-rynok-gaza-itogi-pervogo-kvartala-2023-2912179>
19. *Rossija – absoljutnyj rekordsmen po chislu vvedennyh sankcij* [Russia Is the Absolute Record Holder in the Number of Sanctions Imposed]. URL: <https://eaily.com/ru/news/2023/02/24/rossiya-absolyutnyy-rekordsmen-po-chislu-vvedyonnyh-sankcij>
20. *Rosstat ocenil infljaciju v RF v 2023 godu v 7,42 %* [Rosstat Estimated Inflation in the Russian Federation in 2023 at 7.42%]. URL: <https://www.interfax.ru/business/940012>
21. Sajunov V.V. O sektoralnyh sankcijah v neftegazovoj otrasli [On Sectoral Sanctions in the Oil and Gas Industry]. *Mineralnye resursy Rossii: ekonomika i upravlenie* [Mineral Resources of Russia: Economics and Management], 2018, no. 2, pp. 71-78.
22. *Siluanov zajavil, chto deficit bjudzhetu RF v 2022 g. sostavil 3,3 trln rub., ili 2,3 % VVP* [Siluanov Stated That the Budget Deficit of the Russian Federation in 2022 Amounted to 3.3 Trillion Rubles, or 2.3% of GDP]. URL: <https://eaily.com/ru/news/2023/08/03/stali-izvestny-podrobnosti-novyh-sankcij-es-protiv-belorussii>
23. *Stali izvestny podrobnosti novyh sankcij ES protiv Belorussii* [Details of the New EU Sanctions Against Belarus Have Become Known]. URL: <https://eaily.com/ru/news/2023/08/03/stali-izvestny-podrobnosti-novyh-sankcij-es-protiv-belorussii>
24. *Telegram-kanal Predsedatelja Gosudarstvennoj Dumy Federalnogo Sobranija Rossijskoj Federacii V.V. Volodina* [Telegram Channel of the Chairman of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation V.V. Volodin]. URL: https://t.me/vv_volodin/727
25. Timofeev I.N. Politika sankcij v menjajushhemsja mire: teoreticheskaja refleksija [The Policy of Sanctions in a Changing World: Theoretical Reflection]. *Polis. Politicheskie issledovanija* [Polis. Political Research], 2023, no. 2, pp. 103-119.
26. Haraluzhnyj A. *Grazhdanskoe aviastroenie: sovetское i postsovetское* [Civil Aircraft Engineering: Soviet and Post-Soviet]. URL: <https://topwar.ru/>

169354-kogda-ja-vizhu-slomannye-krylja-aviastroenie-sovetskoe-i-postsovetskoe.html

27. Shepelev I.G., Morozov S.G. Analiz sankcij protiv Rossii, opredelenie vozmozhnogo ih vlijaniya na razvitie otechestvennogo oboronno-promyshlennogo kompleksa i promyshlennosti v celom [Analysis of Sanctions Against Russia, Determination of Their Possible Impact on the Development of the Domestic Military-Industrial Complex and Industry as a Whole]. *Ekonomika, upravlenie, investicii* [Economics, Management, Investments], 2014, no. 2 (4), pp. 53-62.

28. Airbus oboshel Boeing po obyemu postavok passazhirskih samoletov v 2021 godu [Airbus Surpassed Boeing in Terms of Passenger Aircraft Deliveries in 2021]. URL: <https://www.interfax.ru/world/814977>

29. Addis A. Economic Sanctions and the Problem on Evil. *Human Rights Quarterly*, 2003, no. 25, pp. 573-623.

30. Dajani M.S. *Economic Sanctions: Ideals and Experience*. London, Boston, Routledge & Kegan Paul, 1983. 263 p.

31. Doxey M.P. *International Sanctions in Contemporary Perspective*. London, Macmillan Press, 1987. 175 p.

32. *EU Adopts 12th Package of Sanctions Against Russia for Its Continued Illegal War Against Ukraine*. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_23_6566

33. *EU Council Regulation 2022/1904*. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32022R1904>

34. Gfeller M., Randell D. How Russia Won the Sanctions War with the West. *Newsweek*, 2024, Jan. 17th. URL: <https://www.newsweek.com/how-russia-won-sanctions-war-west-opinion-1861645>

35. Hufbauer G.C. *Revision of Economic Sanctions: History and Current Policy: Monograph*. Washington, Institute of International Economics, 1985. 753 p.

36. Hufbauer G.C., Schott J.J., Elliott K.A., Oegg B. *Economic Sanctions Reconsidered*. Washington, DC, Peterson Institute for International Economics, 2007. 233 p.

37. Moiseev V.V., Sudorgin O.A., Nitsevich V.F., Slatinov V.B. Government of Import Substitution as a Factor of Russian Economy Development. *Smart Innovation, Systems and Technologies*, 2020, no. 138, pp. 706-716.

Information About the Authors

Vladimir V. Moiseev, Doctor of Sciences (History), Professor, Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov, Kostyukova St, 46, 308012 Belgorod, Russian Federation, din_prof@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9036-3889>

Vladimir P. Trut, Doctor of Sciences (History), Professor, Don State Technical University, Gagarina Sq., 1, 344003 Rostov-on-Don, Russian Federation, trut.vladimir@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2833-629X>

Leonid A. Sivachenko, Doctor of Sciences (Engineering), Professor, Belarusian-Russian University, Prosp. Mira, 43, 212005 Mogilev, Republic of Belarus, 228011@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-7078-9815>

Информация об авторах

Владимир Викторович Моисеев, доктор исторических наук, профессор, Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова, ул. Костюкова, 46, 308012 г. Белгород, Российская Федерация, din_prof@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9036-3889>

Владимир Петрович Трут, доктор исторических наук, профессор, Донской государственный технический университет, пл. Гагарина, 1, 344003 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, trut.vladimir@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2833-629X>

Леонид Александрович Сиваченко, доктор технических наук, профессор, Белорусско-Российский университет, ул. Мира, 43, 212005 г. Могилев, Республика Беларусь, 228011@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-7078-9815>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.2.17>

UDC 327.5(556)
LBC 66.4(5Ирн-4Кур)

Submitted: 16.08.2023
Accepted: 29.02.2024

RUSSIA-UKRAINE MILITARY CONFLICT AND ITS INFLUENCES ON KURDISTAN REGION OF IRAQ

Dalsooz Jalal Hussein

Soran University, Soran, Kurdistan, Iraq

Abstract. Introduction. This article, empirically and theoretically, analyses to what extent the Kurdistan region of Iraq (KRI), as a far-away non-state actor, has been affected by the Russian-Ukrainian military conflict. **Analysis.** The theory of globalisation highlights that under this circle, a number of sectors in the Kurdistan region, for instance, energy, economy, migration, individual psychology and education, have been profoundly influenced. The article further points out that both direct war-involved actors globally have been heavily relied on, in light of some basic human needs, simultaneously recognises both states as either developed or supported by developed countries as well as rich in various resources, in particular the state of Russia; thereby, they could easily leave significant influence on any actors anywhere at any time. **Results.** Eventually, the article points to some suggestions on how the KRI can rationally cope with the consequences of the Russian-Ukrainian military conflict.

Key words: Russian-Ukrainian military conflict, Kurdistan region of Iraq, globalization, state dependence, energy, migration.

Citation. Dalsooz Jalal Hussein. Russia-Ukraine Military Conflict and Its Influences on Kurdistan Region of Iraq. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 2, pp. 193-204. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.2.17>

УДК 327.5(556)
ББК 66.4(5Ирн-4Кур)

Дата поступления статьи: 16.08.2023
Дата принятия статьи: 29.02.2024

РОССИЙСКО-УКРАИНСКИЙ ВОЕННЫЙ КОНФЛИКТ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ИРАКСКИЙ КУРДИСТАН

Далсуз Джаляль Хуссейн

Университет Сорана, г. Соран, Курдистан, Ирак

Аннотация. Введение. В данной статье эмпирически и теоретически анализируется, в какой степени Курдистанский регион (КРИ) – как далеко расположенный негосударственный субъект – пострадал от российско-украинского военного конфликта. **Анализ.** В рамках теории глобализации анализируются ряд секторов КРИ, например, энергетика, экономика, миграция, индивидуальная психология и образование, как центральные сферы, которые подверглись глубокому влиянию. В статье указывается на то, что оба непосредственных участника войны во всем мире в значительной степени опирались на некоторые базовые человеческие потребности, одновременно признавая оба государства либо развитыми, либо поддерживаемыми развитыми странами, а также богатыми различными ресурсами, в частности, государства Россия, тем самым они могли легко оказывать значительное влияние на любых акторов где угодно и когда угодно. **Результаты.** В конечном итоге в статье указываются некоторые предположения о том, как КРИ может рационально справиться с последствиями российско-украинского военного конфликта.

Ключевые слова: российско-украинский военный конфликт, Иракский Курдистан, глобализация, государственная зависимость, энергетика, миграция.

Цитирование. Далсуз Джаляль Хуссейн. Российско-украинский военный конфликт и его влияние на Иракский Курдистан // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 2. – С. 193–204. – (На англ. яз.) – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.2.17>

Introduction. Wherever war takes place, there is no doubt the directly involved actors will be the most vulnerable. Here in this article, we would like to point to the other actors (indirectly involved actors – the third actors) and categorise them based on the idea of who will be the most affected, having sort of understood that geographically, who is closer has been most affected. But this does not mean that the distant state can remain safe and avoid crises. This view has been very likely from a historical point of view, since communities in the past did not live as developed as they do today and did not have the same advanced tools as they do today. Contrary to today, in the age of globalisation and state dependence, crises (especially wars between states) have become very complex. The direct involved actors, based on realist scholars of thought, have widely attempted to expand their security and distribution of relative power capabilities, as well as bring in the third actors for their own interests, no matter where these actors are located. Sometimes the third actor even has nothing to do with the crisis that occurred but ends up being directly affected by it. The impact of interstate warfare on other actors in the world stays much greater when the states directly involved in the war are counted as developed and superpower states or assisted by superpowers. The Russian and Ukrainian conflict has been counted as one of the most effective crises in the

21st century and has deeply affected all actors around the world. Day after day, these war consequences become more and more apparent as well as effective, especially when both states directly involved in conflict have been heavily relied on by the world states for different levels (e.g., agriculture, energy, etc.), especially the state of Russia, which is one of the most powerful, developed, and rich countries in the world and can easily have a significant impact on any actor around the world at any time. This article focuses on explaining to what extent the conflict between Russia and Ukraine has affected the Kurdistan region of Iraq. However, the distance between the capital cities of Kiev, Ukraine (the central point of conflict) and the Erbil, Kurdistan region of Iraq, is 1918 km, but the Kurdistan region would not be able to keep itself far from the effects of the Russian-Ukraine war (see Fig. 1).

This article is divided into the following segments: firstly, theoretical reaching the subject of study, and pointing out that both school of thought realism as well as dependency have been able to clearly analysis, how the conflict leave significant impact on the other; secondly, turning the article to practical point of view and directly points to the economic consequences on Kurdistan region in particular, the conflict leaves significant effect on oil and other agriculture products; thirdly, the article explains, how Iraq including Kurdistan have been drawn to be involved in the crisis as third or even

Distance Map Between Kiev and Erbil

Kiev, Ukraine ↔ Erbil, Iraq = 1192 miles = 1918 km.

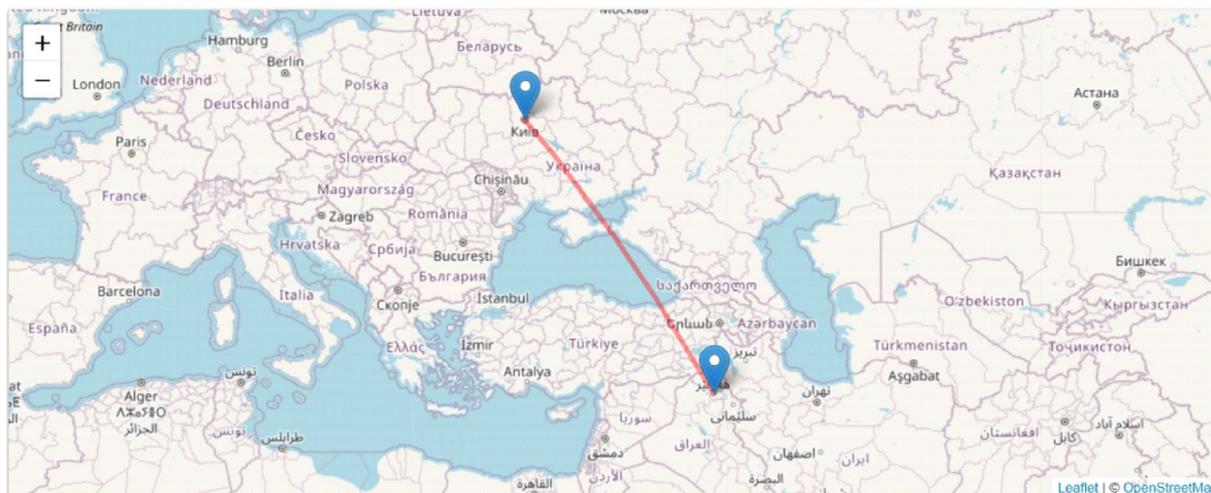

Fig. 1. Distance map between Kiev, Ukraine, and Erbil, Kurdistan, Iraq

Note. Source: <https://www.distancecalculator.net/from-kiev-to-erbil>

forth party; fourthly, it analyses that the Russian and Ukrainian conflict leaves significant impact on Kurdistan region in terms of humanitarian toll (psychology and education); and concluding the article and rising some suggestion points.

Theoretical approaching. The Ukrainian-Russian conflict is described as one of the most effective events in the 21st century. The consequences of this conflict have reached such a level that, at the end, it has led to the division of the world into two opposing fronts, even allowed them to stand against each other at certain levels, and prompted many states, either directly or indirectly, to take part, or at least to give support to one side of the directly involved actors [22]. Eventually, the conflict brings the world to feel unsafe, and even some believe that “the 3rd world war is on the way”. This has left a deep influence on all sectors of human life in terms of economy, transportation, immigration, education, security, etc. [6].

Turning the article to a theoretical approach might help us better understand the subject of our study. When we talk about the interstate conflict and its impact on other actors around the world, we should directly jump to knock on the door of the school of thought “globalisation.” The literature in the circle of the theory of globalisation and conflict is extensive; however, in this article, two arguments lead to further debate: realism and dependency.

In classical realism, it is posited that states, particularly the great powers, are the most essential and influential actors in “the anarchic structure of the international political system”. States are usually concerned about their security and the distribution of relative power capabilities [24] in “the inherently hostile environment of international relations”. Indeed, in this regard, the realists are deeply passionate about the state and ignore other actors (in particular non-state actors) [27, p. 1303]. But the Neorealist theorists, such as Waltz, start with a new evolution and bring up non-state actors within the parameters of realism, recognising the importance of non-state actors in parallel with states. Consequently, such actors, together with states, set the scene for the international agenda [40, p. 129]. Waltz further goes on to say that it is true that states are the chief agents, but other actors are directing states – and vice versa – to create places and spaces to share their positions.

It was becoming quite clear from the very essential point of the conflict between Russia and Ukraine that both, in particular Russia, have been very worried about its security. In this regard and based on structural realism, the great power, to reach its security target, always seeks to dominate its neighbourhood [40]. This has led to a core point of conflict between Russia and Ukraine. And both Russia and Ukraine, to achieve their dreams around security, have tried to use different strategies as well as heavily rely on the role of other actors around the world, including non-state actors. As J.P. Mulford mentioned, in this new age of warfare, non-state actors play a larger role than ever before [15]. And simultaneously, if non-state actors play a crucial role in today’s global arena, then we cannot close our eyes to the reality that non-state actors can safely avoid the sparks of global events. To follow this idea, analysing the situation of the Kurdistan region under the influence of Russian and Ukrainian conflict is the best example. In the upcoming section, this will be further explained.

According to classical realism, politics is the primary cause of conflict, rather than any other factors. But, undoubtedly, in the age of globalization, aside of politics, the other factors will be actively involved in conflict, and therefore all this together will have a significant impact on the States directly involved in the conflict, as well as on other actors around the world. Under this understanding, we can highlight two further schools of thought about the influences of war: “the war renewal” and “the ruins of war.” On one hand, the “war renewal”, which is in line with Keynesian economic theory, contends that war can have positive effects because the war weakens the impact of powerful special interests, “fosters innovation, and boosts economic efficiency by increasing human capital.” Koubi looked at the influence of armed conflicts between countries on the growth of the economies of big states between 1960 and 1989 [25]. According to his study, “war’s features and incidence are causally connected to the differences in economic growth across nations”. On the other hand, the “ruins of war” view war as a catastrophic event with no economic benefit [19]. Within this regard, Chassang and Miquel pointed out that poor nations, either directly (un)involved in war or located far or close to where the war takes place,

are more likely to suffer from interstate war, “especially when poor countries are suffering from negative income shocks” [17]. It has become quite clear how the poor countries in East Africa, the Middle East and Central Asia have been deeply affected by the Russia-Ukraine conflict.

As it is clear, both Russia and Ukraine are very wealthy with some products. In particular, the state of Russia, a part of its superpower, has a strong comparative trade advantage in several commodities such as oil, coal, wheat, sunflower seeds, fertiliser and some other products. Russia is also counted as the 14th largest world economy by goods exported. It exports \$337 billion worth of goods [8]. This leads to the fact that a great number of global countries (e.g., countries in Africa, Asia, Europe, the Middle East, and South America) are heavily dependent on both Russia and Ukraine. These countries, consequently, are going to be particularly impacted by the consequences of the Russia-Ukraine conflict.

This idea has brought us to the circle of states-dependency within the frame of the “economic globalisation” school of thought, as Dos Santos analysed, “a situation in which the economy of certain countries is conditioned by the development and expansion of another economy to which the former is subjected” [14, p. 231]. This theory further highlights that the states in the circle of dependency bring the “periphery” as well as “underdeveloped” nations to be stayed and faced even more difficult. This has been quite observable during the conflict between Russia and Ukraine. States that are dependent on Russia as well as Ukraine, like Belarus, Armenia, the Kyrgyz Republic, Lebanon, the Maldives, Montenegro and Uzbekistan, are the most vulnerable [10], and other countries like Syria, Yemen, Afghanistan, Georgia, East Africa and European countries have been even worse affected. There is no doubt that the other nations and in particular the non-state actors, have not survived the impact of this war. The Kurdistan region of Iraq as a non-state actor is another example that has been greatly impacted on different levels. In the next sections, the case of the Kurdistan region will be further put under discussion.

Kurdistan region and the consequences of the Russia-Ukraine conflict. As aforementioned above, the directly involved actors in the conflict are the most vulnerable, but the other actors

around (in particular, undeveloped actors) could not be safely survived. From a practical point of view, Iraq is considered a non-developed country and a heavy importer, as well as highly dependent on others to fulfil its internal requirements. The Kurdistan region, as a non-state actor, is located in the north of Iraq, and it is considered that the Kurdistan region is one of the actors who has been in some way or another greatly impacted by the Russian-Ukrainian conflict.

Economy. Directly, turning to the economic point of view, in the wake of the Russia-Ukraine crisis, global oil prices soared to more than \$120 per barrel “amid concerns about a shortfall in global supplies from Russia” [33]. This is, in one way, highly impacted on the Kurdistan region of Iraq and the other states in the area since the Kurdistan region highly relies on oil for collecting its budget and infrastructure. Before the beginning of Russian operations in Ukraine, in 2020, the price of oil was about 41.96 dollars [4] (see Fig. 2). As the Kurdistan region of Iraq is not a sovereign state, there are some limits for the Kurdistan region to sell its own energy independently, which is why it sold its energy at lower prices than the others in the world market. According to the Kurdistan region government, the average price of Kurdistan oil in 2020 was 28.1 dollars per barrel, with the gross value of crude oil sold via pipelines standing at 4,443,842,235 dollars [9]. However, with the early start of Russia’s military operation against Ukraine in January 2022, the average price of oil sold by the Kurdistan Region was 86.730 dollars per barrel [20].

In this regard, the Russian-Ukraine conflict, based on the school of thought of the “war renewal”, has positively affected the life situation of each person in the Kurdistan region of Iraq, as well as leaving some gains for the government in terms of the Kurdistan region’s infrastructure. Even before the conflict began, during the oil crisis of 2016–2022, the Kurdistan Region was unable to provide enough budget for the salaries of its employees. And it followed a salary-saved strategy. It was basically about to cut some amount from each employee’s salary. This came to an end when the Kurdistan region felt that the price of oil gradually increased, and eventually, the Kurdistan Regional Government Prime Minister declared that “we will distribute

Average annual Brent crude oil price from 1976 to 2022 (in U.S. dollars per barrel)

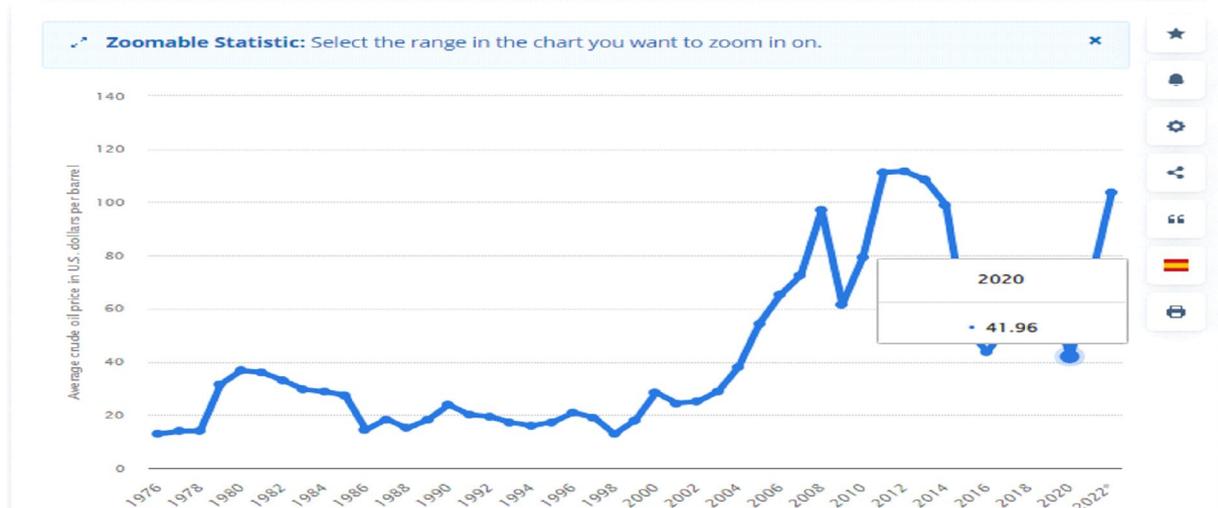

Fig. 2. The oil price from 1976 to 2022

Note. Source: <https://www.statista.com/statistics/262860/uk-brent-crude-oil-price-changes-since-1976/>

salaries of the Kurdistan [region’s] people without cuts...” [30].

Meanwhile, another impact of the war is reflected in the Consumer Price Index (CPI). According to the Kurdistan Region Government website, the price of food and other daily life services has recently dramatically increased in the Kurdistan region. Indeed, in the age of globalisation based on the theory of dependency, since the state of Iraq, including the Kurdistan region, relies heavily on imported products to meet its local

needs, any event as well as any change that takes place around the world would have directly affected Iraq and Kurdistan as well. If we just take the annual inflation rate for the last two years (2021 and 2022) as an example, then it becomes quite clear how the Russian-Ukrainian conflict has impacted the cost of life in the Kurdistan Region. The CPI recorded 113.69 in the Kurdistan Region for December 2022, where it shows an annual increase of 6.5% compared to December 2021 (106.70) [29] (Fig. 3).

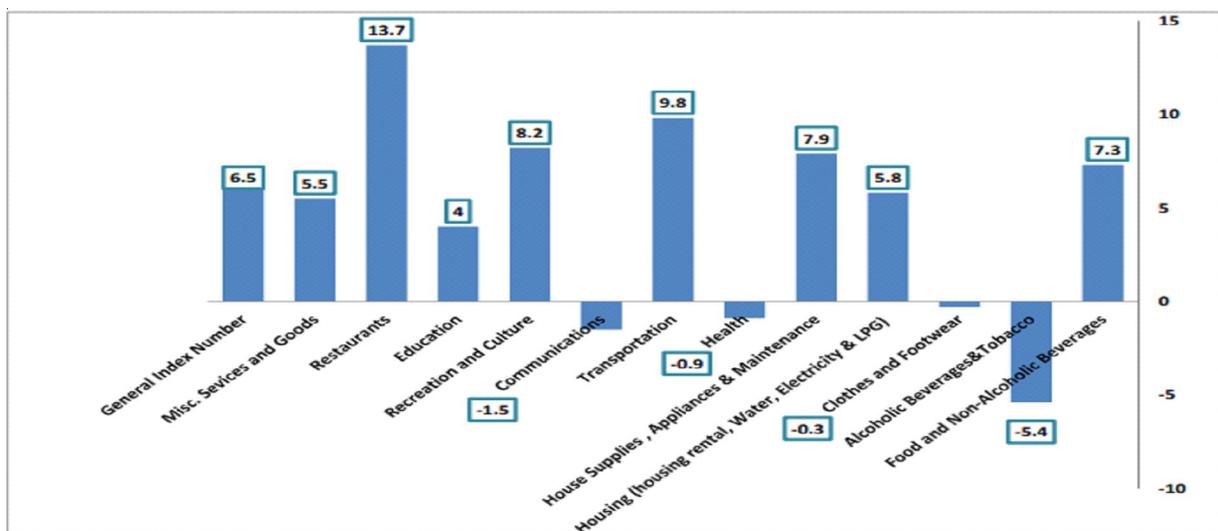

Fig. 3. The CPI annual increase

Note. Source: <https://krso.gov.krd/content/upload/1/root/cpi-report-for-dec-2022.docx.pdf>

The CPI annual increase is due to an increase in the prices of the following sections:

1. Restaurants by 13.7%,
2. Transportation by 9.8%,
3. Recreation and Culture by 8.2%,
4. House Supplies, Appliances and Maintenance by 7.9%,
5. Food and non-alcoholic beverages by 7.3%,
6. Housing (housing rental, water, electricity and LPG) by 5.8%,
7. Misc. Services and Goods by 5.5%,
8. Education by 4%.

Involvement in conflict as a third actor.

Since the beginning of the crisis, Western states (in particular, NATO) – under classical realism – have been very concerned about their security situation as well as the distribution of the relative power capabilities of Russia; thereby, they have shown considerable sympathy for Ukraine. At the same time, they reacted and imposed tough sanctions against Russia, and among them, the United States has taken further steps even against those countries that have dealt with Russia, for example, the Islamic Republic of Iran.

It seems that Iran did not take these US assessments seriously, which is why in 2021 Iran signed a long-term agreement with both US-unfriendly states, China, and extended its long-term agreement with Russia [21]. Later, starting with the beginning of the Russian-Ukrainian conflict, Iran further expanded its relations with Russia and provided Russia with a number of weapons, especially drones, which greatly upset the United States. In this regard, to end this situation, the US has followed some strategies against the state of Iran. For instance, while the Biden administration embarked on a broad effort to halt Iran's ability to produce and deliver drones to Russia, the US also, as previously stated, made an endeavour that has echoes of its year's long programme to cut off Tehran's access to nuclear technology [39].

As part of its strategy against Iran, the USA put the pressure on countries, such as Iraq, that, in one way or another, provided or dealt with Iran, in particular, from an economic point of view. This strategy against Iran was not new; during the Donald Trump administration, it reached its peak. And even President Donald Trump has "warned that countries doing business with Iran will 'NOT

be doing business with the United States' as his administration reimposed sanctions on Iran" [36].

But it would not be easy for Iraq to digest this, as it has direct contacts with Iran in various security, social, religious, political and economic fields. Since the 2003 invasion, Iran's primacy in Iraq has remained mostly at its peak. Iran has managed to exert great control over various sectors, in particular the Iraqi economy [32]. And as Iraq became Iran's most important trading partner, the volume of annual trade exchange between both states dramatically increased. Even though both states have reached a number of free trade agreements, the last agreement was signed in 2014 [11]. For example, Iran's non-oil exports to Iraq in 2008 amounted to about 2.8 billion dollars, and in 2019, this amount reached 9 billion dollars [35]. And according to Ihsan al-Shammari, a political scientist at the University of Baghdad, "that Iraq has become an 'economic lifeline' for Iran" [2] (see Fig. 4).

Further, Iraq has been heavily depending on Iranian gas for electricity production, within this regard, according to a spokesman of the Ministry of Electricity-Iraq, Iraq imports 50 to 70 million cubic metres of gas from Iran [29]. In this regard, especially during the Donald Trump administration, all countries dealing with Iran were strongly warned. But with all the above-mentioned intercourse between both states, and in particular, Iraq, it is quite difficult to be directly and easily persuaded, as well as to be stopped from dealing with Iran. On the other hand, the Trump administration took into account the situation in Iraq and made it easier for Iraq to deal with Iran only under limited circumstances.

When Biden came to power, both the Iraqi and Iranian administrations built too much optimism on him, believing that he could in some way or even significantly ease relations between Iran and Iraq and remove the tough Trump measure against Iran. But this optimism did not last long. America found out that Iran supported Russia in the fight for Ukraine and relied heavily on smuggling American dollars from Iraq (including the Kurdistan region). America was deeply convinced that Iran was using this money, as well as its good relationship with Iraq, to create its weapons. Therefore, the US took some measures against Iraq in order to be able to control its borders and limit Iran from smuggling American dollars from Iraq.

Fig. 4. The role of Iran in Iraq

Note. Sources: <https://studies.aljazeera.net/en/reports/2014/10/20141017476934755.html>

Hence, in this regard, the USA has put significant economic pressure on Iraq, and this has led to the fact that the Iraqi currency (dinar) has lost almost 20 percent of its value in 2023. As a result, this led to a sharp increase in prices for almost all products in the Kurdistan region of Iraq. So, according to the Rudaw report, flour, rice, legumes, tea, and cooking oil are among the goods whose prices have increased dramatically [38].

Migration. On the other hand, a number of Kurds – in particular, youths – were dissatisfied with their living conditions, considering that they did not have such a chance to meet all the basic life necessities in the Iraqi Kurdistan Region, so they tried to leave their home country and migrated to Europe. “According to Ari Jalal, head of the Sulaymaniyah-based Summit Foundation for Refugees and Displaced Affairs, at least 40,000 Iraqis have left the country” [18] since the beginning of 2021 until December 2021, 70 percent of whom came from the Kurdistan region. Throughout history, people have testified to different routes to migrate to Europe, either via sea or land. For example, just in the year 2015, around 972,551 people travelled via sea and 43,000 by land. According to the International Organization for Migration (IOM), people have mainly entered Europe via six EU nations: Greece, Bulgaria, Italy, Spain, Malta and Cyprus (see Fig. 5).

But later, in 2020, Iraqi migrants changed their way and headed via Belarus to Europe (see Fig. 6); in particular, in 2020, the tension between Belarus and Europe reached a higher level. And in May 2021, Alexander Lukashenko, the president of Belarus, very strongly reacted to Europe and allowed migrants to flood into Western Europe by no longer taking action to prevent illegal crossings [5]. Just in October 2021, there were around 11,300 attempts to illegally enter the state of Poland from Belarus [37].

It seemed that the state of Belarus, with the assistance of Russia, used migrants as “political weapons” and the European Union named migrants as “hybrid attacks”, with the aim of making pressure on Europe [28].

With the intensification of the conflict between Ukraine and Russia, the situation of Kurdish immigrants has become even more difficult. This is due to the fact that those who have already reached Belarus and tried to cross the border could neither cross the border (since Europe has completely closed all its borders in the direction of Belarus) nor be further able to stay in Belarus because “the life situation at the borders became critical during the winter, with hundreds of people stranded for weeks in freezing conditions” [12] and even 24 people died. And recently, in 2023, even the state of Belarus adhered to a new strategy regarding immigrants because

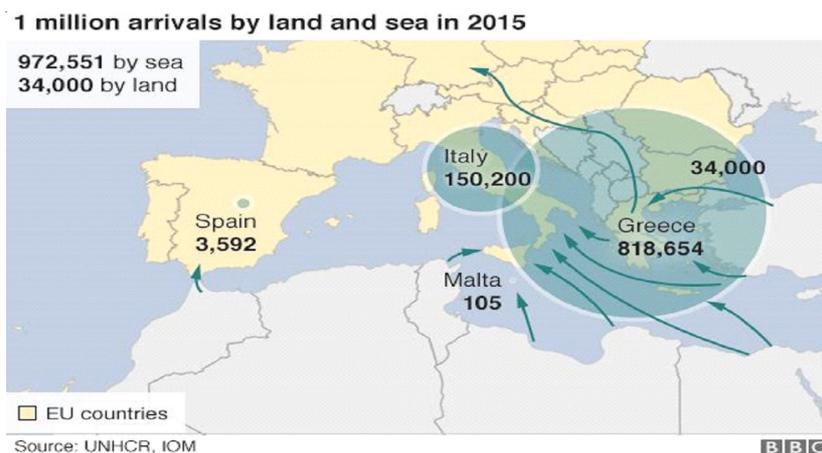

Fig. 5. Migration to Europe

Note. Source: <https://www.bbc.com/news/world-europe-35158769>

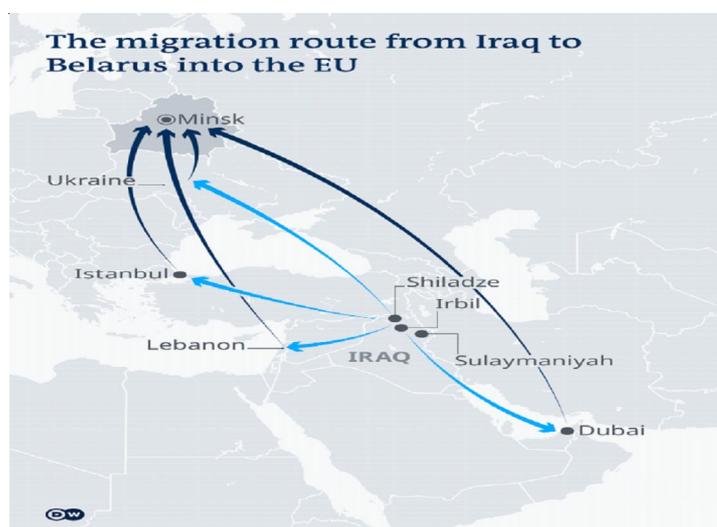

Fig. 6. The migration route from Iraq to Belarus into the EU

Note. Source: <https://www.infomigrants.net/en/post/36063/the-route-from-iraq-to-belarus-how-are-migrants-getting-to-europe>

it understood that immigration weapons are not as effective as before against Europe; thereby, Belarus followed a policy of either putting migrants in prison or deporting them to Kurdistan [3].

Psychology. Another impact of the Russian-Ukraine conflict is related to individual psychological situations. With the early start of the war, almost all the Kurdish media in the Iraqi Kurdistan region started to heavily talk about the Russian-Ukrainian crisis, and even this event became the most mainstream of all watchable channels. Some are thinking that this is a Western political strategy that, through constant media broadcasting of the Ukraine and Russia crises, will be able to draw international voices against Russia [41].

According to the BBC report for 2023, “television (in the Kurdistan region) is the main medium for news” [41]. A survey conducted by Gallup on the media status in the Kurdistan region found that “more than nine in ten (92.1%) adults say they watch TV news at least weekly” [34]. The most popular watchable channels in the Kurdistan region – namely, Rudaw, Kurdistan 24, NRT, Kurdsat, Kurdistan TV, Payam TV, Speda TV and KNN – very heavily started to broadcast the Ukrainian-Russian conflict. Consequently, they attracted everyone’s attention and largely affected almost everyone, especially children. Since the Iraqis, including Kurds, have had a very bad experience of war in 1990, 2003 and 2014, and that about 13 million children were directly affected

just during the 2003 Iraq war [7], it is also according to both Murthy and Lakshminarayana, who have done very fruitful research and come to the conclusion that war as well as the TV programmes to endure mainstream violence will cause a “definite increase in the incidence and prevalence of mental disorders” among Iraqi civilians, including Kurdistan [26]. They also refer to some recent quotations from the media that depict the direct impact of war on mental health: “We are living in a state of constant fear” (in Iraq, including the Kurdistan region); “War takes a toll on Iraqi mental health”; “War trauma leaves a physical mark”; “War is hell... it has an impact on the people who take part that never heals”; “War is terrible and beyond the understanding and experience of most people”; “A generation has grown up knowing only war” [13]. This brings us to the conclusion that the broadcast of such programmes on television for a long time – even some TV channels have devoted almost all programmes to showing the war in Ukraine and Russia – will undoubtedly have a very bad effect on everyone, in particular children [16]. And according to a study that took a survey among 45 Kurdish families regarding the impact of world conflicts on mental Kurdish health, post-traumatic stress disorder (PTSD) was present in 87% of children and 60% of their carers’ [1].

Education. Beyond all the above impacts, the Ukraine-Russian conflict has also affected the situation of Kurdish students who are studying either in Ukraine or in Russia. Students from the Kurdistan region eagerly followed degrees at European and Russian universities before the beginning of the Russian operation; some 200 students studied in Ukraine [23] and another great number studied in Russia. The Kurdistan region government/ministry of higher education made a quick decision regarding the students studied in Ukraine; upon their return, they would be able to continue their studies at the Iraqi Kurdistan universities. But when it comes to the Iraqi Kurdish students in Russia, there are still some difficulties that, until the writing of this article, have not been solved. The Western countries imposed heavy sanctions on Russia and allowed the rest of the states to have very limited relations with Russia. This has left a very negative consequence on Kurdish students since they cannot, or in a very difficult way, receive their needs from their

families. I even personally met a number of them who have faced significant difficulties regarding transferring money and other necessities from Iraq to Russia.

Conclusion and discussion. This article analyses how the latest and most serious 21st century war (the Ukrainian-Russian conflict) affected every actor around the world, including non-state actors (Kurdistan region of Iraq). Nevertheless, it is clear that the Kurdistan Region is geographically far from the field of the war and even though the Kurdistan region did not have direct or indirect asides from Russia or Ukraine, undoubtedly the conflict left significant consequences for the Kurdistan region. Therefore, choosing the KRI as a case study lets our article be unique, as far as the KRI has nothing to do with this conflict but can’t be safely sustained from its sparks.

In this regard, this study, based on the globalisation school of thought, reached the reality that any actor (states or non-state actors) in any place around the world could not have a chance to keep itself safe from conflict-sparks, in particular undeveloped countries. The article points to “the war renewal” and “the ruins of war.” The thought of “war renewal” evaluated the case of the Kurdistan region of Iraq. Within this, the article points to the oil and gas prices. Since the war just began, energy prices have been rising significantly, simultaneously, the Kurdistan region has heavily relied on oil sales to replenish the infrastructure of its borders, and that has had a strongly positive consequence for the Kurdistan region. Another impact of the Russian-Ukrainian war is related to the price of products, which remarkably increased during the war in the Kurdistan region. This is examined under the school of dependency thought within the circle of economic globalisation, since the state of Iraq (including the Kurdistan region) has heavily relied on importing products to meet its local needs. Ultimately, this has had significant impacts on the price of all products in Iraq, pointing to the fact that the consumer price index in the Kurdistan region in 2022 reached 113.69 as an example, which was a relatively high level from 2003. In addition to all the above-mentioned direct consequences, there is still some indirect impact of the Russian-Ukrainian conflict on the Kurdistan region. Explaining that the war divided all the states of the world to either support Russia or

side with Ukraine; even the conflict intensified more and led to the direct involvement of a third actor, in this regard, we pointed to the state of Iran, which provided some military support to Russia against Ukraine. This has allowed the Western countries (in particular the USA and NATO) to impose sanctions against Iran as well as against those countries that could provide assistance to Iran and deal with it. In this regard, Iraq comes to the fore, including the Kurdistan region, which since 2003 has had many interests with Iran, very specifically in economics and military. Kurdish individual psychology, as well as the education sector, were two other sectors in the Kurdistan region that have not survived the negative impact of the Russian-Ukrainian war.

The best suggestion here for the Kurdistan region to at least mitigate the negative effects of the war is that the Kurdistan region should distance itself in any way from showing support and/or from providing affection to either side. This suggestion is based on the idea that both the United States, the Ukrainian's main supporter in the conflict, and Russia [31] have broad interests as well as deep strategy in the Kurdistan region; therefore, in any movement of the Kurdistan region towards any side (Russia or Ukraine), of course the opposing state creates a major obstacle in front of Kurdistan and that leaves a significant negative impact on it. Simultaneously, the Kurdistan region even should think very deeply about avoiding being either a third or fourth party in support of the war, because both direct actors involved in the conflict are developed countries or are supported by developed countries; thereby, in any case, they are able to find out and create problems for the Kurdistan region. The Kurdistan region also needs and has to deal with this situation carefully, and while Kurdistan is quite sure that it, as a non-state actor, has no influence on the war, that is why it has only to think about how it has been able to deal rationally with the consequences of the Ukrainian-Russian war.

REFERENCES

1. Ahmad A., Sofi M.A., Sundelin-Wahlsten V., et al. Posttraumatic Stress Disorder in Children After the Military Operation "Anfal" in Iraqi Kurdistan. *Eur J Child Adolescent Psychiatry*, 2000, vol. 9, pp. 235-243.
2. Ali N. *Prospects for Economic Relations Between Iran and Iraq*, 2022, Jan. 3. URL: <https://www.bayancenter.org/en/2022/01/3048/>
3. Amaya V. *Out of Sight – Refugees and Migrants at the Belarus-Poland Border*, 2022, June 1. URL: https://jrs.net/en/news/out-of-sight-refugees-and-migrants-at-the-belarus-poland-border/?gclid=Cj0KCQjwxMmhBhDJARIsANFGOSStIOgPBpMXU4H-K5BI3_w1Zr-Gt06bi2KBpcXTxwAvZfD9VGjs8G0waAsZzEALw_wcB
4. Liang A., Thomas D. Ukraine War: Oil Prices Fall Back After Cap on Russian Crude Kicks. *BBC News*, 2022, Dec. URL: <https://www.bbc.com/news/business-63855030>
5. Arwa I. *Why Thousands of Iraqi Kurds Risk Their Lives to Reach Europe*. Aljazeera, 2021, Dec. 2. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2021/12/2/why-thousands-of-iraqi-kurds-risk-their-lives-to-reach-europe>
6. Jumaniyazov A.A. Impact of the Russian-Ukrainian Crisis on the Middle East and North Africa. *Oriental Journal of History, Politics and Law*, 2022, vol. 2, no. 2, pp. 48-55.
7. *Iraq Media Guide*, Feb. URL: <https://www.bbc.com/news/world-middle-east-14546541>
8. Chassang S., Miquel G.P. Economic Shocks and Civil War. *Quarterly Journal of Political Science*, 2009, vol. 4 (3), pp. 211-228.
9. Kurdistan Regional Government of Iraq Oil Production, Export, Consumption and Revenue for the Period 1 January 2022 to 31 March 2022. *KRG Government*, 2022, July 5. URL: <https://govkrd.b-cdn.net/Government%20Open%20Data/Deloitte%20Reports/Deloitte%20Reports%202022/RCOG%20Q1%202022%20Report%20on%20Oil%20and%20Gas%20review.pdf>
10. Dos Santos T. The Structure of Dependence. *The American Economic Review*, 1970, vol. 60 (2), pp. 231-236.
11. Dr. Massaab Al-Aloosy. The Regional Contest Over Iraq's Electricity. *Gulf International Forum*, 2022, Aug. 1. URL: <https://gulfiif.org/the-regional-contest-over-iraqs-electricity/>
12. Ioanes E. Why Belarus Is Using Migrants as a Political Weapon. *VOX*, 2021, Nov. 14. URL: <https://www.vox.com/2021/11/14/22781335/belarus-hybrid-attack-immigrants-border-eu-poland-crisis>
13. *Media Use in Iraq and Iraqi Kurdistan*, 2014. URL: <https://www.usagm.gov/wp-content/media/2015/03/Iraq-brief-FINAL.pdf>
14. Barklie G. Which Countries Rely on Russian Trade? *Investment Monitor*, 2022, March 29. URL: <https://www.investmentmonitor.ai/special-focus/ukraine-crisis/which-countries-rely-on-russian-trade/>
15. Huseynov V. Revisiting the Ukraine Crisis: Realist Reflections on Causes and Consequences. *CES Working Papers*, 2017, vol. 9, iss. 4, pp. 582-596.

16. Clark J. *Threat of War Is Affecting Mental Health of Iraqi Children, Says Report*, 2003, Feb. 15. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC1125236/>
17. Kang S., Meernik J. Civil War Destruction and the Prospects for Economic Growth. *The Journal of Politics*, 2005, vol. 67 (1), pp. 88-109.
18. Karwan F.D. *Unstable Iraqi Dinar Sends Prices Soaring in Kurdistan Region*. Rudaw, 2023, Apr. 2. URL: <https://www.rudaw.net/english/kurdistan/04022023#:~:text=The%20Iraqi%20dinar%20has%20lost,by%2022%20percent%20in%202020>
19. Koubi V. War and Economic Performance. *Journal of Peace Research*, 2005, vol. 42 (1), pp. 67-82. URL: <https://doi.org/10.1177/0022343305049667>
20. *Kurdistan Region Government, Kurdistan Region Oil Price and Production Crashed due to Spread of COVID-19 During 2020*, 2021. URL: <https://gov.krd/english/news-and-announcements/posts/2021/june/kurdistan-region-oil-price-and-production-crashed-due-to-spread-of-covid-19-during-2020/>
21. *Kurdistan Region Statistics Office -Ministry of Planning -Kurdistan Regional Government. Consumer Price Index (CPI)*, 2023. URL: <https://krso.gov.krd/en/statistics/price-index>
22. Haddad M. *Where Does Your Country Stand on the Russia-Ukraine War?* 2023, Feb. 16. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2023/2/16/mapping-where-every-country-stands-on-the-russia-ukraine-war>
23. Momen Z. What the Russia-Ukraine War Means for Iraqi Kurdistan. *Amwaj.media*. URL: <https://amwaj.media/article/what-does-russia-s-war-on-ukraine-mean-for-iraqi-kurdistan>
24. Morgenthau H.J. *Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace*. New York, Knopf, 1948. 516 p.
25. Mulford J.P. Non-State Actors in the Russo-Ukrainian War. *Connections. The Quarterly Journal*, 2016, vol. 15 (2), pp. 89-107.
26. Murthy R.S., Lakshminarayana R. Mental Health Consequences of War: A Brief Review of Research Findings. *World Psychiatry: Official Journal of the World Psychiatric Association (WPA)*, 2006, vol. 5 (1), pp. 25-30.
27. Powell R. Absolute and Relative Gains in International Relations Theory. *The American Political Science Review*, 1991, vol. 85 (4), pp. 1303-1320.
28. Mudge R. *From Iraq to Belarus – How Migrants Get to Europe*, 2021, Nov. 9. URL: <https://www.dw.com/en/the-route-from-iraq-to-belarus-how-are-migrants-getting-to-europe/a-59636629>
29. *Iran Strengthens Political, Economic Hold over Iraq*, 2022, Dec. 12. URL: <https://www.rudaw.net/english/middleeast/iraq/121220221>
30. *KRG to End Salary Cuts from This Month: PM Barzani*, 2021, July 25. URL: <https://www.rudaw.net/english/kurdistan/250720211>
31. *Russian Policy in Iraq and the Kurdistan Region*, 2023, Apr. 14. URL: <https://rudawrc.net/en/event/russian-policy-in-iraq-and-the-kurdistan-region-2023-04-16>
32. McKenzie S. *Trump Warns Countries Against Doing Business with Iran as Sanctions Kick Back*, 2018, Aug. 7. URL: <https://edition.cnn.com/2018/08/07/politics/trump-iran-sanctions-warning-intl/index.html>
33. Raga S., Pettinotti L. *Economic Vulnerability to the Russia-Ukraine War: Which Low- and Middle-Income Countries Are Most Vulnerable?* 2022, Apr. 13. URL: <https://odi.org/en/publications/economic-vulnerability-to-the-russiaukraine-war-which-low-and-middle-income-countries-are-most-vulnerable/>
34. Hussain S. Some Kurdish Have Reached Belarus with the Purpose to Be Able to Reach Europe but They Have Been Arrested in Belarus. *Rudaw*, 2023, Apr. 23. URL: <https://www.rudaw.net/sorani/kurdistan/230420238>
35. *Iran Urges Implementation of Free Trade Agreement with Iraq*, 2016, Aug. 20. URL: <https://www.bilaterals.org/?iran-urges-implementation-of-free>
36. *U.S. Scrambles to Stop Iran from Providing Drones Russia*, 2022. URL: <https://www.nytimes.com/2022/12/28/us/politics/iran-drones-russia-ukraine.html>
37. *Migrant Crisis on Belarusian Border with EU*, 2021, Nov. 15. URL: <https://commonslibrary.parliament.uk/migrant-crisis-on-belarusian-border-with-eu/>
38. Shokri U. *The Iranian Gas Dues Problem and Resupplying Iraq and Turkey*, 2022, June 24. URL: <https://attaqa.net/2022/06/24/%D8%A7%D9%84%D8%AC%D9%85%D8%B9%D8%A9the-iranian-gas-dues-problem-and-resupplying-iraq-and-turkey-article/>
39. *Tehran's Ties With Beijing and Moscow*, 2023. URL: https://www.unitedagainstnucleariran.com/tehrans-ties-beijing-and-moscow?gclid=CjwKCAiAuaKfBhBtEiwAht6H70GteR0V0QdqjOaByWah4HoaxSYB0zV8evIkGuciu17ERPs4lsejOxoCc1UQAvD_BwE
40. Waltz K.N. *Theory of International Politics*. Massachusetts, Addison-Wesley, 1979. 129 p.
41. Zinin Yu.N. The Situation in Ukraine During the Period of Russia's Special Military Operation Through the Prism of the Middle Eastern Media. *Russia and the Muslim World*, 2023, no. 3 (329), pp. 23-39.

Information About the Author

Dalsooz Jalal Hussein, PhD (Political Science and Regional Study), Lecturer, Faculty of Law, Political Sciences and Management / Department of International Relations, Soran University, Kawa St, 44008 Soran, Kurdistan, Iraq, dalsoozjalal@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5002-9221>

Информация об авторе

Далсуз Джаляль Хуссейн, доктор философии по специальности «Политология и регионоведение», преподаватель факультета юриспруденции, политических наук и менеджмента / департамент международных отношений, Университет Сорана, ул. Кава, 44008 г. Соран, Курдистан, Ирак, dalsoozjalal@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5002-9221>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.2.18>

UDC 327(470+571)(560)«2010/2021»
LBC 66.4(2Рос),9

Submitted: 13.07.2022
Accepted: 26.12.2023

CRISIS MANAGEMENT IN RUSSIA-TURKEY RELATIONS (BASED ON THE EXAMPLE OF THE SYRIAN CRISIS 2010–2021)

Mehdi Sanaei

University of Tehran, Tehran, Iran

Kamran Hooshyar

University of Tehran, Tehran, Iran

Abstract. *Introduction.* In recent years, issues related to the Syrian crisis, including the shooting down of a Turkish fighter jet by Syria on June 22, 2012, the forced landing of a Syrian passenger plane in Ankara on October 10, 2012, and the shooting down of a Russian Su-24 jet by Turkey on November 24, 2015, have become a serious challenge for Russia and Turkey. Moscow and Ankara took completely opposite positions and moved to direct confrontation, but gradually these two actors managed to avoid an escalation of tensions by synchronizing their positions. *Methods and materials.* The main research question is: how did Russia and Turkey deal with competition and tension in their relations, which pushed them to cooperate? In response to this hypothesis, it is assumed that along with all the constant and variable factors, including geopolitics, economic cooperation, and opposition to Western unilateralism, this cooperation between the two leaders, Putin and Erdogan, has led to a kind of crisis management and a reduction in tensions between the two countries. This has created a delicate balance of competition and cooperation between the two countries. As a theoretical approach, this study examines international crisis management and its applied interpretation in political research on conflict management (conflict situations) and the role of personality and the “rational actor” model in decision-making theory. The research method in this article is a case study; several crisis cases were analyzed, and the main influencing factors in controlling the relationship between the two countries were identified. *Results.* The main conclusion of the study is that in crisis management, the role of the individual in the image of an intelligent leader in the implementation of policies with full control over subordinate organizations played a significant role. *Authors' contribution.* Mehdi Sanaei is responsible for the concept of the article, the development of its theoretical part, the identification and discussion of controversial issues about crisis and conflict management, and the assessment of information sources. Kamran Hooshyar studied the literature and expert opinions, tested the hypothesis about the large role of the heads of state of Russia and Turkey as political leaders in cooperation, and analyzed the economic and political aspects of cooperation between the two states.

Key words: Russia-Turkey relations, foreign policy decision-making, rational choice of decision makers, international crises and conflicts, conflict management.

Citation. Mehdi Sanaei, Kamran Hooshyar. Crisis Management in Russia-Turkey Relations (Based on the Example of the Syrian Crisis 2010–2021). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 2, pp. 205-220. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.2.18>

УДК 327(470+571)(560)«2010/2021»
ББК 66.4(2Рос),9

Дата поступления статьи: 13.07.2022
Дата принятия статьи: 26.12.2023

КРИЗИС-МЕНЕДЖМЕНТ В РОССИЙСКО-ТУРЕЦКИХ ОТНОШЕНИЯХ (НА ПРИМЕРЕ СИРИЙСКОГО КРИЗИСА 2010–2021 гг.)

Мехди Санаи

Тегеранский университет, г. Тегеран, Иран

Камран Хушьяр

Тегеранский университет, г. Тегеран, Иран

Аннотация. В последние годы вопросы, связанные с сирийским кризисом, включая сбитый Сирией турецкий истребитель 22 июня 2012 г., вынужденную посадку сирийского пассажирского самолета в Анкаре 10 октября 2012 г., сбитый Турцией российский самолет Су-24 24 ноября 2015 г., стали серьезным вызовом для России и Турции. Москва и Анкара заняли совершенно противоположные позиции и перешли к прямому противостоянию, но постепенно этим двум акторам удалось избежать эскалации напряженности, синхронизировав свои позиции. Главный вопрос исследования заключается в том, как Россия и Турция справились с конкуренцией и напряженностью в своих отношениях, что подтолкнуло их к сотрудничеству? Наряду со всеми постоянными и переменными факторами, включая геополитику, экономическое сотрудничество, противодействие односторонности Запада, сотрудничество двух лидеров – Путина и Эрдогана привело к своего рода антикризисному управлению и снижению напряженности между двумя странами, создало хрупкий баланс конкуренции и сотрудничества. В качестве теоретического подхода в данном исследовании рассматривается международное антикризисное управление и его прикладная интерпретация в политических исследованиях об управлении конфликтами (конфликтными ситуациями), роль личности и модель рационального актора в теории принятия решений. Методом исследования является кейс-стади: проанализировано несколько кризисных кейсов и определены основные влияющие факторы во взаимоотношении двух стран. Основной вывод исследования заключается в том, что в антикризисном управлении большую роль сыграл образ интеллигентного лидера в реализации политики с полным контролем над подчиненными организациями. *Вклад авторов.* Мехди Санаи принадлежит концепция статьи, разработка ее теоретической части, выявление и обсуждение дискуссионных вопросов об управлении кризисами и конфликтами, оценка источников информации; Камран Хушьяр изучил литературу и экспертные мнения, проверил гипотезу о большой роли в сотрудничестве глав государств России и Турции как политических лидеров, проанализировал экономические и политические аспекты сотрудничества двух государств.

Ключевые слова: российско-турецкие отношения; принятие внешнеполитических решений; рациональный выбор лиц, принимающих решения; международные кризисы и конфликты, управление конфликтами.

Цитирование. Мехди Санаи, Камран Хушьяр. Кризис-менеджмент в российско-турецких отношениях (на примере сирийского кризиса 2010–2021 гг.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 2. – С. 205–220. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.2.18>

Введение. Отношения России и Турции, взлеты и падения в их контактах в разные периоды имеют большое значение в региональной и международной сферах. В современную эпоху наряду с обширным экономическим сотрудничеством все еще существует старая конкуренция за сферы влияния, и мы всегда видим, что соперничество возникает после периода сотрудничества. Историю и эволюцию взаимоотношений между этими двумя странами можно определить, исходя из смены национальных лидеров. 20-летнее пребывание Путина и Эрдогана у власти сблизило системы управления двух стран и усилило их прямое влияние на внешнеполитические решения. Усилиями лидеров двух стран экономические отношения на высоком уровне приблизились к стратегическому уровню, хотя безопасность и геополитическая конкуренция являются препятствием для прочного союза между Москвой и Анкарой. «Сирийская война», которая на-

чалась в 2010 г. и продолжается по сей день, стала демонстрацией действий мировых и региональных держав и того, как эти игроки ведут себя, чтобы получить максимальную выгоду, включая Россию и Турцию.

В случае с российским Су-24 дело дошло до того, что большинство политологов ожидали войны. Но в итоге это не только не произошло, но и две страны перешли к сотрудничеству и новым инициативам в отношениях. Именно после этого инцидента был запущен Астанинский процесс с участием трех стран – России, Ирана и Турции – по урегулированию сирийского кризиса.

Главный вопрос исследования заключается в том, как Россия и Турция справились с конкуренцией и напряженностью в своих отношениях и перешли к сотрудничеству. Гипотеза исследования состоит в том, что, несмотря на частые периоды напряженности между Москвой и Анкарой, конфликт в регио-

нальной политике, особенно в сирийском кризисе, роль двух лидеров в его управлении являлась более значимой, чем другие факторы, такие как геополитика, экономика и обеспеченность по поводу вмешательства Запада.

Для проверки гипотезы в первой части исследования обсуждались и анализировались критические события в отношениях между двумя странами во время сирийского кризиса и управления ими, затем были выявлены основные факторы в контроле отношений между двумя странами. В анализе мы также упомянули способы разрешения кризиса и, наконец, проанализировали результаты в отношениях между двумя странами. На самом деле мы обнаружили, что основным фактором контроля и разрешения кризиса является роль двух лидеров в рамках теории рациональных акторов. Сфера исследования в основном сосредоточена на геополитических вопросах внешней политики двух стран, а с точки зрения локации наибольшее внимание уделено ближневосточному пространству с упором на сирийскую проблематику. Что касается времени, то в основном охвачен период с 2010 по 2021 год.

Методы исследования и литература.

Роль личности во внешней политике. Первые примеры, связанные с внешней политикой, в трудах Фукидида и Макиавелли говорят о важности роли лидера и различиях стилей руководства [38]. Роль личности во внешней политике охватывает когнитивные процессы, предысторию, личные характеристики, мотивы и убеждения [31]. Принятие решений является результатом индивидуальной человеческой деятельности, то есть в конечном счете решения принимают индивидуумы, а не государства, что Л. Дженсен описывает как «правовую абстракцию» [32]. В международных отношениях существуют важные события, которые можно отнести к идеям и личным действиям ключевых фигур, лидеров. В России и Турции, где мы встретим доминирующего лидера, существуют оптимальные условия для выражения личности при принятии внешнеполитических решений.

В ходе анализа внешней политики в кризисной ситуации уделяется больше внимания роли отдельных лиц в процессе принятия решений. По сравнению с дипломатией, в кризисной ситуации появляется новый фактор – «риск вой-

ны». Это означает, что не только переговоры, но и возможное или фактическое применение силы становится неотъемлемой частью анализа. Поэтому в кризисной ситуации исход решений лидеров становится гораздо яснее, а именно – в форме войны или мира [39].

Модель рационального актора Аллисона. В кубинском «ракетном кризисе» – пожалуй, самом опасном инциденте, который приблизил мир к третьей мировой войне, представлены три модели принятия решений, служащие основой для анализа других кризисов с точки зрения внешней политики. Это модель рационального актора, модель организационного поведения и модель правительственной политики. Модель рационального актора Аллисона основана на предположении, что лица, принимающие решения, действуют рационально, при этом в центре внимания анализа находятся цели, которых хотят достичь политические акторы, и политические меры, используемые для достижения этих целей. Лицо, принимающее решения, – это вполне разумный человек, который оказывается в ситуациях, когда различные решения и методы действий точно измерены и оценены. Как и в случае с кубинским кризисом, аналитики, основываясь на модели рациональной политики, описывали политику и действия Советского Союза как рациональные, правильные с точки зрения стратегических целей страны [21]. Кроме того, ожидается, что рациональный актор сможет определить альтернативы и последствия каждой из них и выбрать одну из этих альтернатив, стремясь максимизировать удовлетворение [45].

Управление кризисами и конфликтами. Напряженность и конфликтность в отношениях между правительствами уже давно изучаются мыслителями, а компромиссное решение конфликтов является одним из человеческих желаний, до реализации которого пока еще далеко, несмотря на технологические достижения. Однако методы разрешения конфликтов между правительствами не сильно изменились, и большинство конфликтов разрешается с использованием рычагов власти [24]. До окончания холодной войны методы и инструменты управления конфликтами в международных отношениях подразделялись на три категории: военные, экономические и полити-

ческие, и главную роль в этих методах играл рычаг силы. Эти методы включали дипломатические переговоры, экономические или политические санкции, военные угрозы (формирование оборонительных коалиций, разоружение), вмешательство третьих сторон или посредничество [23]. Дипломатические переговоры заключались в обмене мнениями между вовлеченными сторонами, чтобы они могли договориться о принципах и на основе этого положить конец конфликту или даже кризису. Одним из самых известных примеров являются советско-американские переговоры во время кубинского «ракетного кризиса». Дипломатические переговоры всегда были одним из наиболее важных инструментов управления конфликтами, и особенно во время войны, когда биполярный порядок, правящий миром, и возможность ядерной войны делали военные столкновения разрушительными, этот инструмент был важен в управлении конфликтами. Но после холодной войны военная сила все чаще использовалась для управления конфликтами, такими как нападение НАТО на Косово или наступление коалиционных сил под руководством США на Ирак [46].

Поскольку предметом статьи является антикризисное сотрудничество, мы также обращаемся к рассмотрению самого кризиса и управления им. «Кризис – это ситуация, которая угрожает приоритетным для лиц, принимающих решения, целям, интересам и ценностям, ограничивает время реагирования до того, как решение может быть изменено, и удивляет членов блока принятия решений своим появлением» [28].

Основная цель антикризисного сотрудничества – найти разумное решение для нестандартных ситуаций таким образом, чтобы сохранить основные интересы и ценности [36]. В лексиконе времен холодной войны указанное понятие имело отношение к «дипломатии принуждения». Эта концепция относится к использованию угроз, чтобы убедить противника изменить политику, либо как сдерживание, чтобы не было предпринято наступательное движение, либо как принуждение, чтобы переломить уже сделанный наступательный ход. Д. Клаттербак описывает цель антикризисного управления как необходимость «разрешения опасной конфронтации без войны, но с сохра-

нением жизненных интересов» [24]. По сути, антикризисное управление – это применение стратегий, призванных помочь организации справиться с внезапным и важным негативным событием [40]. В итоге планирование и реализация рассматриваются как основные этапы процесса антикризисного управления.

Из вышеизложенных концептуальных и теоретических вопросов видно, что только комплексный подход приведет к полному и всестороннему пониманию рассматриваемых явлений. По словам Ч. Германа, важную роль в кризисном управлении играет воля лидеров и контроль ими ситуации, снижение скорости кризисного развития, координация военных и дипломатических дел, недопущение военных действий и подчеркивание приоритета дипломатического решения [29].

Анализ. *Сирийский кризис и антикризисное сотрудничество в российско-турецких отношениях.* Сирийский кризис стал полем для проверки отношений России и Турции на геополитической арене. С одной стороны, из-за длительной гражданской войны в Сирии, присутствия в этой войне американских войск, региональных держав Западной Азии и их марионеточных сил, а с другой – из-за беспрецедентной напряженности между двумя странами. Можно сказать, что характер отношений между Россией и Турцией никогда не был настолько турбулентным, как во время сирийской гражданской войны. Сирия является примером участия сторон и управления конфликтом в ситуации, когда их интересы конкурируют между собой и часто противоречат друг другу. Гражданская война в Сирии была первым военным присутствием России после распада Советского Союза за пределами ее традиционной сферы влияния и предоставила этой стране возможность вновь стать великой державой, способной влиять на результаты сражений вдали от своих границ. Кроме того, в этой войне Россия выступила против американских войск и напрямую пыталась уменьшить роль Америки в этой части Западной Азии [27]. Правительство семьи Асада в Сирии, которое в советское время считалось одним из правительств, близких к Советскому Союзу, оказалось перед угрозой свержения, и, если такое произойдет, доминирование Америки в Западной Азии и Средиземномо-

рье усилятся. А с падением Асада Россия потеряет доступ к порту Тартус в Сирии, который был одной из важнейших советских баз за пределами территории страны и давал возможность присутствия в Средиземноморье [25]. Учитывая эти условия, присутствие России в Сирии для защиты режима Асада соответствовало ее геополитическим интересам, и Российская Федерация заявила о своей поддержке режима с начала гражданской войны. Наконец, с победой Асада в гражданской войне Россия смогла укрепить свои отношения с сирийским режимом и стать решающим игроком в Западной Азии.

Турция поддерживает повстанческие группировки с начала гражданской войны. Создание правительства с идеологией «Братьев-суннитов» в Сирии вместо правительства алевитов было названо одним из мотивов Турции занять свою позицию в Сирии [33]. Кроме того, учитывая территориальные проблемы, связанные с провинциями Хатай, регионом Искендерун и разделом прав на воду в Евфрате, ослабление сирийского правительства поставит Турцию в более выгодное положение для реализации своих требований [7]. Самое главное, что гражданская война в Сирии принесла множество изменений в сфере безопасности и политики, и Турция не могла оставаться безразличной к событиям своего южного соседа. Поэтому Турция увидела в этой угрозе возможность увеличить свою мощь и влияние в окружающем регионе и Средиземном море и попыталась повернуть ход событий в свою пользу. Кроме того, согласование политики США и Евросоюза в поддержку оппозиционных Асаду группировок и их позиция по смене правительства в Дамаске обеспечили широкую поддержку действиям Турции в Сирии на международной арене.

В ходе войны в Сирии в отношениях между Россией и Турцией случились некоторые критические моменты, такие как сбитый Сирией турецкий истребитель 22 июня 2012 г., вынужденная посадка сирийского пассажирского самолета в Анкаре 10 октября 2012 г. и самое острое событие – это сбитый Турцией 24 ноября 2015 г. российский Су-24.

Первое и второе события касались отношений между Сирией и Турцией, но Россия непосредственно участвовала в этих кризисах

и помогала в их разрешении. Премьер-министр Эрдоган был в Мексике для участия в саммите G20, и 19 июня состоялась его дружеская встреча с Путиным. Когда Сирия сбивала турецкий истребитель, он сразу же уехал из Мексики в Турцию. Также состоялось заседание Совета национальной безопасности Турции и экстренное заседание НАТО. Турецкая армия была приведена в боевую готовность. Звучали утверждения, что российские техники выпустили ракеты из сирийского порта Тартус, чтобы отправить сообщение Турции. Эти претензии были отвергнуты Россией сразу после реакции турецких властей, которые заявили, что не рассматривают такую возможность [44]. Заместитель главы Партии справедливости и развития О. Челик помог снизить напряженность между двумя странами заявлением о том, что причастность России к этому инциденту не рассматривается. «Для России нелогично ввязываться в такой безумный вопрос, нет никакой возможности участия России в таком конфликте с какими-либо российскими военными элементами против турецкого боевика» [48]. Министр иностранных дел РФ С. Лавров отметил, что «у России есть объективные данные о ситуации со сбитым турецким самолетом. Сейчас самое главное, чтобы ни один инцидент не привел к волнению между двумя сторонами» [12].

Пока отношения становились напряженными, 27 июня телефонный разговор Путина и Эрдогана принес сторонам мир. Детали инцидента должны были быть выяснены. Понимая, что отсутствие прямого сообщения между Сирией и Турцией усугубит кризис, русские быстро заполнили эту пустоту. Эрдоган совершил однодневную поездку в Москву 18 июля 2012 г. для обсуждения сирийского вопроса. В турецких СМИ некоторые интерпретировали эту поездку как стратегический ход. В этом кризисе раскрылась роль России как посредника, который вел переговоры от имени Сирии по урегулированию кризиса. В результате укрепилось мнение о том, что, несмотря на сирийский кризис, две страны были привержены сохранению отношений. Основным фактором управления этой напряженностью была своевременная реакция сторон конфликта и особенно телефонные звонки двух лидеров. Следует также отметить, что в условиях кри-

зиса Турция немедленно запросила встречу с НАТО.

Вынужденная посадка сирийского пассажирского самолета в Анкаре. 10 октября 2012 г. произошел еще один инцидент: сирийский пассажирский самолет Airbus A-320, вылетевший из московского аэропорта Внуково, был вынужден совершить посадку в Анкаре в связи подозрением турецкими властями в перевозке оружия на его борту [47]. Вынужденная посадка заняла первые полосы российской прессы и вызвала бурные дискуссии. 12 октября В. Путин провел оперативное заседание Совета безопасности России по Сирии [11]. Интересно отметить, что 8 октября между В. Путиным и Р. Эрдоганом состоялся телефонный разговор, во время которого стороны обсудили двусторонние отношения.

В западных СМИ говорилось, что информация о российском грузе была передана в Анкару американской разведкой, что разозлило Россию. Официальный представитель МИД Франции С. Лальо заявил, что турецкие власти расследовали пассажирский рейс из Москвы в Дамаск в соответствии с международными законами, что говорит о французской заинтересованности [37].

Использование Турцией осторожных выражений при описании расследования предотвратило углубление кризиса. А. Давутоглу отметил, что «авиакризис не может повлиять на отношения с Россией» [18]. С. Лавров сказал, что такое развитие событий не вредит отношениям двух стран, но напомнил, что в Москве ожидали объяснений со стороны Турции по поводу наличия оружия в сирийском самолете [5].

Наиболее вероятно, что перенос запланированного визита В. Путина в Турцию (14–15 октября 2012 г.) был ответом на вынужденную посадку. Пока в прессе продолжались дискуссии о новой дате этой поездки, Россия объявила, что она состоится 3–4 декабря 2012 года. Конфискованные грузы в самолете Турция не вернула [19]. В. Путин приехал в Турцию в декабре, и все забылось. Именно постоянное общение между двумя лидерами предотвратило эскалацию напряженности в отношениях между двумя странами.

Сбитый Турцией российский Су-24. 24 ноября 2015 г. российский Су-24 был сбит

турецким истребителем F-16 после 17-секундного нарушения воздушного пространства Турции. Пожалуй, это был самый публичный конфликт между Россией и страной НАТО за последние несколько десятилетий. Тем временем сбитый самолет и жестокое убийство пилота вызвали патриотический гнев в России, выходящий далеко за рамки воображения Анкары. Снова и снова в критический момент турецкие власти тут же обращались за поддержкой к НАТО, что заставило В. Путина назвать инцидент «ударом в спину» [15]. Первоначально заявив, что правила ведения боевых действий ясны, Р. Эрдоган выразил сожаление по поводу крушения самолета и высказал надежду на разрешение кризиса.

Эскалация риторики сопровождалась серией жестких экономических мер России против турецких компаний и экспорта. Москва прервала свои военные контакты с Турцией и разместила в Сирии системы противовоздушной обороны С-400 и другую военную технику, фактически закрыв сирийское воздушное пространство для Турции [42]. Россия активизировала свои воздушные операции против сирийских повстанческих группировок, поддерживаемых Турцией, и, как сообщалось, даже нацелилась на турецкий конвой с гуманитарной помощью [41]. Многоязычная российская пропагандистская кампания усилила критику Турции.

В инциденте с Су-24 Эрдоган стремился не только показать, что Турция является крупной державой в регионе, но и то, что он может воспользоваться поддержкой НАТО, если Россия ответит. Однако Вашингтон и другие западные столицы выступили с расплывчатой реакцией, свидетельствующей об их нежелании идти на конфликт с Москвой. Вашингтон и Берлин отклонили просьбу Анкары отменить запланированный отвод систем Patriot от турецкой границы, что усилило недоверие Турции к НАТО [22]. Вашингтон поддерживал курдскую группировку (YPG) вопреки желанию Турции свергнуть Асада. Учитывая неблагонадежность Запада, Эрдоган пришел к выводу, что не может давить на Россию. Поэтому в июне 2016 г., стремясь выйти из своей дипломатической изоляции и заручиться «благословением» Москвы на операцию против YPG, Анкара стала считать это

более приоритетной задачей, чем свержение Асада. Эрдоган выразил сожаление по поводу краха истребителя Су-24 и подчеркнул свое желание улучшить отношения с Кремлем.

Приняв модель силы и принуждения в управлении кризисом после этого инцидента, Россия попыталась оказать давление на Турцию со всех возможных сторон и застала ее врасплох. Россия полностью разорвала отношения с Турцией, ввела экономические санкции, оказала давление на турецких бизнесменов и граждан, сделала сирийское небо небезопасным для иностранных сил, со стороны врага Турции, курдских группировок, начала ожесточенную информационную войну против Турции. И все же для выхода из кризиса Турции был оставлен путь, который предполагал официальные извинения и выплату компенсации.

Р. Эрдоган также использовал любую возможность для общения и разговоров с В. Путиным. Последующие события, особенно военный переворот против Р. Эрдогана, заставили Турцию предпринять шаги по восстановлению отношений с Россией.

Это показывает, что, если бы попытка перезапуска отношений между двумя лидерами не состоялась, возможно, будущее отношений было бы другим.

Факторы отношений между Россией и Турцией. Анализируя критические моменты и события сирийского кризиса, были выявлены три основных фактора, влияющие на качество отношений между Россией и Турцией. К ним можно отнести роль личности, Запада и экономических отношений. В антикризисном управлении роль людей становится очень важной. Чтобы понять антикризисное управление между Россией и Турцией, мы должны упомянуть основную роль двух лидеров во внешней политике этих двух стран.

Внешнюю политику России в настоящее время определяет сам В.В. Путин, что закреплено ст. 80 и 85 Конституции РФ [4].

В Турции за эти годы Эрдоган взял под свой контроль всю полноту власти. Вдохновитель Партии развития и справедливости А. Давутоглу был смещен из-за разногласий с Эрдоганом и заменен Бинали Йылдырымом. Согласно референдуму 2017 г., а также после президентских и парламентских выборов в Турции в июне 2018 г., система правления Тур-

ции официально эволюционировала (через 95 лет!) из парламентской в президентскую [30]. Все полномочия, особенно формирование и роспуск правительства и парламента, назначение вице-президентов, были переданы президенту [10].

В ходе переворота против Р. Эрдогана 15 июля 2016 г. В. Путин был первым, кто связался с турецким лидером, а некоторые СМИ даже заявили, что российские спецслужбы уже узнали о перевороте и проинформировали Эрдогана [14]. Также турецкое правительство рассказало об аресте офицеров – участников государственного переворота, которые были причастны к крушению Су-24, и каким-то образом подтвердилось, что эти инциденты были осуществлены руками Запада. Ровно через месяц после переворота, 9 августа 2016 г., лидеры двух стран встретились в Санкт-Петербурге с целью продолжения диалога по двусторонним отношениям и международной повестке дня. И это был его первый официальный визит в Россию после переворота.

Во время напряженности в Идлибе Москва хотела вернуть базу поддерживаемых Турцией исламистов под контроль режима Асада. Но Анкара опасалась прибытия новых беженцев в Турцию, где проживало более 3,6 млн сирийских беженцев. Изначально соглашение между Путиным и Эрдоганом в Сочи в сентябре 2018 г. регулировало идлибский кризис. Россия предотвратила атаку Дамаска на Идлиб, а взамен Анкара обязалась создать гражданскую буферную зону и совместно с российскими силами контролировать ее, очистить территорию от боевиков, радикальных повстанцев и тяжелого вооружения, а также открыть стратегическую магистраль двумя способами. После очевидного невыполнения Турцией соглашения, особенно после ракетных обстрелов российской базы Хмеймим, Россия применила тактику принуждения, используя беженцев в качестве рычага давления на Турцию, возобновив к тому же атаку режима на Идлиб в мае 2019 г. при поддержке с воздуха. К январю 2020 г. действия режима вынудили почти миллион беженцев приблизиться к турецкой границе и создали угрозу турецким военным элементам в регионе. Кризис достиг своего апогея, когда в результате авиаударов России и Сирии погибли де-

сятки турецких солдат. Анкара призвала к экстренному совещанию НАТО, а Россия направила в регион два фрегата с вооружением «Калибр» и несколько десантных кораблей.

Чтобы оказать давление на Россию, Анкара направила многотысячные войска для предотвращения падения Идлиба. Она также предложила четырехстороннюю модель с Францией и Германией для разрешения кризиса. Запад не помог. Рычаги давления у Турции были ограничены, но она могла пойти на большие риски, такие как выход из переговоров в Астане, захват части северной Сирии, что совершенно не отвечало интересам России. Дипломатическое решение не сработало. Три раунда переговоров представителей внешнеполитических ведомств двух стран в присутствии спецпредставителя президента России А. Лаврентьева 8, 10 и 18 февраля не дали результатов. Министр иностранных дел Турции М. Чавушоглу заявил в ходе последнего раунда переговоров: «Если окончательное решение идлибской проблемы не будет достигнуто в ближайшие дни, есть вероятность проведения саммита глав стран Путина и Эрдогана» [9].

Турция в очередной раз обратилась к России, договорившись по телефону с В. Путиным 28 февраля 2020 года. Она начала масштабную контратаку, нанеся страшный удар силам Асада. М. Сучков считает, что «Москва согласилась на одностороннее прекращение огня. Турецкая военная машина воспользовалась этой возможностью и показала сирийской армии лишь часть своих возможностей. Поведение Москвы вызвало предсказуемую критику в Дамаске, но это был тактический ход с российской стороны. Единственное, что сейчас может удержать стороны от скатывания к военному противостоянию, – это личная встреча двух президентов» [16]. После того как поддерживаемые Россией правительственные силы сопротивлялись успеху территориальных завоеваний Турции в Идлибе, В. Путин и Р. Эрдоган снова взяли ситуацию под свой контроль в ходе личных переговоров в Москве 5 марта 2020 года. Российский президент сказал: «Переговоры были непростыми, но завершились позитивно. Такой тесный личный контакт позволяет нам решать самые сложные вопросы» [6].

В условиях антикризисного управления доминирующий лидер играет роль главного координатора. Похоже, российские и турецкие стратеги хорошо нашли рычаги торга и предоставили их главенствующему лидеру своей страны. В этой ситуации все больше проявляется важность роли доминирующего и рационального лидера.

Запад используется как постоянный рычаг давления между Россией и Турцией. Турция – член НАТО, и Россия пытается удержать ее в своей орбите, чтобы создать вызов Западу. Для Турции также важно работать с Россией в направлении внешнеполитической независимости. Также односторонность Запада, особенно США, вызывает недовольство двух стран, верящих в формирование многополярного миропорядка.

Недовольство Турции вызвали события, связанные с сирийской войной, а также неудавшийся военный переворот в Турции в 2016 г. и разная реакция стран НАТО и Запада на эти кризисы. Информация о причастности западных сил к перевороту и присутствие Ф. Гюлена в Америке ухудшили это положение. И.А. Свистунова считает, что «Турция, похоже, практически достигла своего предела в отношениях с Евросоюзом. Турецкая Республика не может стать официальным членом этого христианского клуба» [13]. В отношениях между Турцией и Евросоюзом есть еще один раздражающий фактор – вопрос раздела газовых месторождений Восточного Средиземноморья, в котором Евросоюз поддерживает Грецию и Республику Кипр. Такие действия Запада вызвали сильное разочарование у турецких лидеров, что заставило их более решительно изменить направление внешней политики [20].

Турция считает Россию угрозой с точки зрения безопасности. Обеспокоенность Анкары усилением российского военного присутствия в Черном море после 2014 г. увеличивает ее потребность в НАТО. Беспокойство Анкары вызвано не только кризисом в отношениях с Россией, проявившимся в 2015 г., но и пониманием того, что действия России приведут к изменению стратегического баланса в регионе. Говоря об угрозе со стороны России и прося помощи у НАТО, Турция в то же время заключает с Россией военную сделку

по приобретению зенитной системы С-400, что имело не экономическое, а политическое значение [1]. Турция пытается развивать свою деятельность по всем направлениям, включая установление особых отношений с Россией – врагом НАТО номер один. Это противоречит основной политике НАТО. Более того, хотя Турция поддержала территориальную целостность Украины и не признала результаты крымского референдума, она также отказалась присоединиться к западным санкциям против России. Следует сказать, что обе страны используют другую сторону в качестве выигрышной карты, и определить, кто лучше играет с этой картой, немного сложно, потому что акторы и элиты двух стран обладают высокой квалификацией.

Экономический фактор также использовался в качестве переговорного рычага в кризисах России и Турции. Заслуживают упоминания такие стратегические проекты, как создание трубопроводов в Черном море, строительство атомной электростанции и продажа Россией системы С-400, большой поток российских туристов и товарооборот в сфере продовольствия и сельского хозяйства. С 2000 г. по настоящее время объем торговли между двумя странами увеличился с 5 млрд долл. до 38 млрд долларов. Из России в Турцию отправляется в основном энергетическое сырье (нефть, газ, уголь и др.), что составляет 70–75 % экспорта и $\frac{2}{3}$ всего двустороннего товарооборота [43]. Зависимость Турции от импорта энергоносителей из России выросла. Даже в критические моменты власти Турции не хотели прекращать экономическое сотрудничество, в первую очередь в энергетической сфере. Министр энергетики Турции Т. Йылдыз упомянул тот факт, что после прекращения поставок газа из Ирана «Газпром» увеличил поставки газа в Турцию в 1,5 раза [3].

Потребность России в турецком маршруте также возросла, что дало Турции возможность воспользоваться экономическими преимуществами российского эмбарго, включая роль посредника в торговле энергоносителями, зерном и другими российскими экспортными товарами, а также стать энергетическим хабом. В конце 2022 г. производство и экспорт нефти и углеводородных продуктов в Турции значительно увеличились за счет им-

порта сырья из России [17]. У российской стороны есть острая потребность в том, чтобы Турция сохраняла торговые пути на Запад, поэтому она идет Турции на многие уступки. В. Путин заявил: «Турция стала одним из самых надежных маршрутов поставок наших энергоресурсов, в том числе газа, не только для собственных нужд, но и для стран Евросоюза» [2].

Экономика оказала значительное влияние на контроль отношений со стороны высших руководителей обеих стран. Экономический фактор сыграл роль переговорного рычага в условиях кризиса. Понимая эту важность, два утилитарных лидера и бизнесмена даже в период эскалации напряженности вернули отношения в исходное русло.

Процесс управления сирийском кризисом. В 2016 г. Турция и Россия решили обсудить сирийскую проблему, несмотря на совершенно противоположные взгляды на ситуацию. Заинтересованность Турции в урегулировании в Сирии объясняется возможным осознанием бесперспективности борьбы с режимом Асада, а также угрозами как с террористического, так и с курдского фронтов. Как отмечает И.А. Матвеев, не надо забывать об успешном военном вторжении России в Сирию и изменении хода войны, что повысило авторитет России. Также прагматичный подход России привел к большому успеху в мирном процессе, и фактически российская модель мира достигла своей завершенности по сравнению с другими представленными моделями в виде Женевского формата и Лиги арабских государств [7].

Ф. Лукьянов, известный российский аналитик, поясняет: «Участие России и Турции в Сирии основано не на общих целях или доверии, а на понимании того, что без взаимодействия ни одна из сторон ничего не может добиться в одиночку» [35]. Первоначальные планы Р. Эрдогана по замене режима Б. Асада правительством во главе с «Братьями-мусульманами» под опекой Анкары изменились под влиянием опасности появления автономного курдского государства на южной границе Турции [26]. Анкаре также нужно было решение России на использование сирийского воздушного пространства. Москва присоединилась к военным операциям Турции против

YPG в 2016 («Щит Евфрата») и 2018 гг. («Оливковая ветвь»).

Напротив, Анкара использовала свое влияние на сирийскую оппозицию, чтобы помочь заключить пару сделок в декабре 2016 г. по вытеснению повстанцев из Алеппо и установить общенациональный режим прекращения огня. Наконец, России удалось убедить Турцию использовать свое влияние на оппозицию в Сирии в качестве посредника и ускорить процесс урегулирования сирийского кризиса. В результате упрочилась координация усилий для решения сирийского кризиса. Россия предложила создать помимо Женевского Астанинский формат переговоров. После общего отчаяния Запада в решении сирийского кризиса 14 декабря 2016 г. было принято решение о создании новой платформы с участием вовлеченных в кризис стран. В телефонном разговоре главы двух государств договорились пригласить представителей вооруженной оппозиции от конфликтующих сторон: России, от правительства Сирии и Турции, от вооруженной оппозиции.

Мирные переговоры при поддержке России, Турции и Ирана начались в Астане и отодвинули Вашингтон в сторону. К лету 2023 г. встречи в Астанинском формате состоялись 19 раз. Важнейшим достижением было то, что удалось посадить за один стол сирийское правительство и оппозицию, а также посредством этого формата контролировались и ограничивались действия вовлеченных в кризис сторон. Эти переговоры привели к созданию четырех так называемых зон деэскалации по всей Сирии, что в конечном итоге способствовало возвращению режима в районы, контролируемые повстанцами.

Россия пытается облегчить диалог между Турцией и режимом Б. Асада, потому что знает, что финальный этап выхода из сирийского кризиса лежит в мире между Дамаском и Анкарой. Когда решение кризиса продвинулось вперед, Анкара безоговорочно приняла режим Б. Асада. Москва призвала Турцию и Сирию урегулировать свои разногласия по пограничным и курдским вопросам, возродив Аданское соглашение 1998 г., согласно которому Дамаск и Анкара урегулировали двустороннюю напряженность путем подавления Рабочей партии Курдистана. В январе 2020 г.

Россия способствовала первой встрече с начала войны глав сирийской и турецкой разведок [49]. Предпринимаются усилия для двусторонней встречи Р. Эрдогана и Б. Асада.

Россия с ее двумя стратегическими инструментами, то есть ее относительно сильной военной силой и профессиональной дипломатией, практически захватила сирийскую военную арену, и Турция была вынуждена учитывать интересы России и взаимодействовать с ней [34]. И.А. Матвеев назвал стратегию России в решении конфликта «Матрицей безопасности». В ней Россия хорошо применяет функции дипломатические, военные, правоохранительные и гуманитарные [8]. Во время падения российского Су-24 и в Идлибском кризисе Турция быстро обратилась в НАТО, но не получила подходящего ответа, это заставило Турцию вновь вступить в контакт с Россией, чтобы сохранить свои основные интересы. Россия дала добро на начало новой операции Турции «источник Мира». Если бы идлибский кризис не был под контролем, в Турцию хлынул бы огромный поток беженцев, Россия стала бы стороной конфликта в борьбе с курдами, ей пришлось бы разрешить использовать авиацию и боевые действия. Без России проблема бы не решилась. С другой стороны, протяженная граница Турции с Сирией и влияние Турции в оппозиционных группах заставили Россию учитывать интересы Турции.

Результаты. Таким образом, при изучении этапов сирийского кризиса в 2010–2021 гг. можно выделить основные факторы, влияющие на двусторонние отношения между двумя странами: роль личности, Запад и экономическое сотрудничество. Утверждаем, что лидеры двух стран для достижения своих целей рационально оценивают и выбирают такие факторы в качестве рычага давления, как Запад и экономика. Также по сравнению с Турцией у России есть больше рычагов для сдерживания любой страны благодаря эффективному использованию инструментов управления конфликтами: мощная военная сила, политическое влияние на международных форумах, например постоянное членство в Совете Безопасности ООН.

Расширение неравноправных экономических отношений между двумя странами

привело к зависимости Турции от российских энергоносителей и торговли с этой страной, что добавило еще один эффективный рычаг к возможностям России по сдерживанию конфликта с Турцией (экономические санкции). Отношения сотрудничества и одновременной конкуренции между двумя странами не являются отдельными компонентами, протекающими параллельно друг другу, но экономические отношения обеспечивают сильный фактор давления для России в геополитической конкуренции.

Зависимость экономики Турции от России не ограничивается только энергетикой: российские туристы являются крупнейшими клиентами этой отрасли в Турции, а Россия является потребителем турецких продуктов питания и сельскохозяйственной продукции. Экономические санкции, которые Россия с приказом Путина ввела против Турции после катастрофы Су-24 и привели к изменению поведения Турции, показали, что экономическая составляющая в отношениях двух стран в 2015 г. была выгодна России. Поскольку в руках России находится оружие неравных экономических отношений, геополитическая напряженность и конфликты между двумя странами никогда не выйдут за рамки дозволенного Россией и ее лидером. Таким образом, пока у России есть возможность сдерживать Турцию в трансграничной конкуренции, геополитическая напряженность и конфликты, похоже, не смогут повлиять на двустороннее экономическое сотрудничество. Большая зависимость экономики Турции от России является гарантией того, что без присутствия Запада Россия будет иметь преимущество в трансграничной конкуренции. Крупные проекты, которые два лидера курировали с самого начала, по-прежнему нельзя игнорировать. После крушения российского истребителя Су-24 в Сирии и эскалации напряженности между двумя странами, приведшей к временной приостановке отношений, именно эти экономические факторы использовались Россией и Путиным в качестве рычагов давления.

Еще одним фактором, который может повлиять на отношения двух стран и их стабильность, являются их отношения с Европейским союзом и США. Как отмечалось в кон-

тексте исследования, часть двусторонних отношений формируется в ответ на отношения каждой из двух стран с Западом. Россия не хочет, чтобы Турция продвигалась на запад, и делает все возможное, чтобы удержать Турцию, идя на уступки. Геополитический баланс между Россией и Западом до сих пор реализуется во внешней политике Турции. Хотя Турция была не очень довольна Западом и НАТО из-за их бездействия в сирийском кризисе, она использовала их как рычаг давления и торга против Москвы. В критические моменты Турция быстро обращалась к НАТО и Западу. Итак, лидеры этих двух стран, тщательно рассчитывая и оценивая западный фактор в своих отношениях, стараются оптимально использовать его для достижения своих национальных интересов и целей.

Сирийский кризис стал лабораторией, в которой проверялись отношения между Россией и Турцией в разных условиях, и даже стал успешным опытом управления другими кризисами, такими как ливийский, карабахский и украинский. Важнейшим моментом в управлении этими кризисами была своевременная реакция властей двух стран, которые пытались отделить сирийский кризис от отношений и подчеркивали предпочтение политического решения. Две страны хорошо понимали значимость друг друга в решении кризиса, и только для того, чтобы набрать больше очков в переговорах двух лидеров, провели ряд тактических мероприятий. Мы должны обратить серьезное внимание на тот факт, что инструменты переговоров России и Путина были в совершенно более высокой степени по сравнению с Турцией и Эрдоганом, которые сделали сцену конкуренции и конфликта в Сирии контролируемой и направляемой Москвой. Россия с ее двумя стратегическими инструментами, то есть ее относительно сильной военной силой и профессиональной дипломатией, практически захватила сирийскую военную арену, и Турция была вынуждена учитывать интересы России и взаимодействовать с ней.

В ходе анализа внешней политики в кризисной ситуации уделяется больше внимания роли отдельных лиц в процессе принятия решений. В кризисной ситуации исход решений лидеров становится гораздо яснее, а именно – в форме войны или мира. Изучив несколько кри-

тических событий в ходе сирийской войны, мы поняли, что все они были решены на последнем этапе этими двумя лидерами и именно их искусство управления предотвратило эскалацию кризиса. Роль личности в образе рационального лидера в реализации политики с полным контролем над подведомственными организациями имела огромное значение в кризисном регулировании отношений России с Турцией. Россия как представитель правительства Дамаска и групп его сторонников, с одной стороны, и Турции, с другой, представляла многие оппозиционные группы, что привело к переговорам в Астане, а затем к двусторонним переговорам между Путиным и Эрдоганом в России, в Сочи, что помогло выйти из кризиса. Именно авторитет и полный контроль власти двух лидеров в своих странах, их постоянная ежедневная и еженедельная коммуникация и упор на политическое решение кризиса привели к реализации решений и договоренностей уже на уровне министерств обороны, разведки и иностранных дел, и это стало главным фактором успешного управления кризисом в Сирии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бужинский Е. Турция – Россия – США: С-400 – это не коммерция, это политика // Валдай: Междунар. дискус. клуб. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/turtsiya-rossiya-ssha-s-400>
2. Единственный надежный газопровод «Турецкий поток» потерял экспортную лицензию // Газета.ру. 2022. 30 сент. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2022/09/30/15552019.shtml>
3. Инцидент с самолетом не испортит энергосотрудничество, надеется Турция // РИА Новости. 2012. 11 окт. URL: <https://ria.ru/20121011/771698670.html>
4. Конституция РФ с изменениями 2022 года // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <http://duma.gov.ru/news/55446/>
5. Лавров: Инцидент с самолетом не отразится на российско-турецких отношениях // Российская газета. 2012. 15 окт. URL: <https://rg.ru/2012/10/15/lavrov-site.html>
6. Латухина К. Президенты России и Турции нашли решение идлибского кризиса // RG.RU. 2020. 5 марта. URL: <https://rg.ru/2020/03/05/prezidenty-gossii-i-turcii-nashli-reshenie-idlibskogo-krizisa.html>
7. Матвеев И. А. Политэкономика Сирии в конфликте: в 2 т. Т. 1: Битва за выживание / отв. ред. В. А. Кузнецов. М.: ИВ РАН, 2022. 344 с.
8. Матвеев И. А. Политэкономика Сирии в конфликте: в 2 т. Т. 2: Трудный путь к восстановлению / отв. ред. В. А. Кузнецов. М.: ИВ РАН, 2022. 392 с.
9. МИД Турции: Путин и Эрдоган могут встретиться из-за ситуации в Идлибе // РИА Новости. 2020. 18 февр. URL: <https://ria.ru/20200218/1564924131.html>
10. Президент всея османов Эрдоган на пути к абсолютной власти в Турции // Lenta.ru. 2017. 26 янв. URL: https://lenta.ru/articles/2017/01/26/erdogan_2029
11. Путин провел оперативное совещание Совбеза России по Сирии // РИА Новости. 2012. 12 окт. URL: <https://ria.ru/20121012/772672272.html>
12. РФ готова предоставить данные по сбитому турецкому самолету – Лавров // РИА Новости. 2012. 30 июня. URL: <https://ria.ru/20120630/688887282.html>
13. Свистунова И. А. В поисках новой модели: отношения Турции и США в сфере безопасности // Вестник МГИМО-Университета. 2016. № 2 (47). С. 53–61. DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2016-2-47-53-61>
14. СМИ: Россия предупредила Эрдогана о готовящемся военном перевороте // ТАСС. 2016. 21 июля. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3472671>
15. Странновато и унижительно – Путин о действиях Турции после инцидента с Су-24 // РИА Новости. 2016. 12 янв. URL: <https://ria.ru/20160112/1358388713.html>
16. Сучков М. Кризис амбиций: как Россия и Турция дошли до военного конфликта в Идлибе. URL: <https://www.rbc.ru/opinions/politics/02/03/2020/5e5caae79a7947ebcf8ae1b5>
17. Турция заработала до \$2,5 млрд на экспорте нефтепродуктов из российской нефти // Ведомости. 2022. 12 окт. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2022/10/13/945243-turtsiya-zarabotala-na-eksporte-nefteproduktov>
18. Турция объяснила, почему принудительно посадила сирийский самолет // РИА Новости. 2012. 10 окт. URL: <https://ria.ru/20121010/771254931.html>
19. Турция пока не вернула груз с самолета Москва – Дамаск // Коммерсантъ. 2012. 31 окт. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2057353>
20. Унал Х. Турция и Россия в условиях многополярного мира // Валдай: Междунар. дискус. клуб. 2023. 1 марта. URL: https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/turtsiya-i-rossiya-v-usloviyakh-mnogopolyarnogo-mira/?sphrase_id=608121
21. Allison G. T. Conceptual Models and the Cuban Missile Crises // The American Political Science Review. 1969. Vol. LXIII, № 3 (Sept.). P. 689–718.
22. Bekdil B. E. Germany Pulls Patriot Systems From Turkey // Defense News. 2015. Dec. 23. URL:

<https://www.defensenews.com/home/2015/12/23/germany-pulls-patriot-systems-from-turkey>

23. Butcher C., Hallward M. C., eds. *Understanding International Conflict Management*. London: Routledge, 2019. URL: <https://www.abebooks.com/Understanding-International-Conflict-Management-Charity-Butcher/30518140725/bd>

24. Clutterbuck R. L. *International Crisis and Conflict*. N. Y.: St. Martin's Press, 1993. 277 p. URL: [https://books.google.kz/books?id=RFWHDAAAQBAJ&pg=PR4&lpq=PR4&dq=3.+Clutterbuck,+Richard+R.+L.,+\(1993\)](https://books.google.kz/books?id=RFWHDAAAQBAJ&pg=PR4&lpq=PR4&dq=3.+Clutterbuck,+Richard+R.+L.,+(1993))

25. Delanoë I. *Russian Naval Forces in the Syrian War // Russia's War in Syria*. Philadelphia: Foreign Policy Research Institute, 2020. P. 1–10. URL: <https://www.fpri.org/wp-content/uploads/2020/10/report-chapter-6-delanoë.pdf>

26. Erdemir A., Ciddi S., Hardie J. *Collusion or Collision? Turkey-Russia Relations Under Erdogan and Putin*. Washington DC: FDD PRESS, 2021. 57 p. URL: <https://www.fdd.org/wp-content/uploads/2021/11/fdd-monograph-collusion-or-collision.pdf>

27. Hale W. *Turkey, the US, Russia, and the Syrian Civil War // Insight Turkey*. 2019. № 21 (4). P. 25–40. DOI: 10.25253/99.2019214.02

28. Hermann Ch. F. *International Crisis as a Situational Variable // International Politics and Foreign Policy / ed. J. N. Rosenau*. N. Y.: The Free Press, 1969. P. 409–421.

29. Hermann Ch. *International Crises: Insights from Behavioral Research*. N. Y.: Free Press, 1972. 334 p.

30. *How Does the Turkish Political System Work?* URL: <https://irna.ir/xjy9GR>

31. Irving J., Mann L. *Decision Making: A Psychological Analysis of Conflict Choice and Commitment*. N. Y.: The Free Press, 1977. 488 p.

32. Jensen L., *Explaining Foreign Policy*. Englewood Cliffs; N. J.: Prentice-Hall, 1982. 278 p.

33. Karapetyan M. *The Alevi/Alawite Factor in Turkey-Syria Relations in the Light of the Syrian Crisis // Journal of Liberty and International Affairs*. 2018. № 4 (3). P. 24–40.

34. Lewis D. *Russian Diplomacy and Conflict Management // Russia's Global Reach*. 2021. P. 109–117. URL: <https://www.marshallcenter.org/en/publications/marshall-center-books/russias-global-reach/chapter-13-russian-diplomacy-and-conflict-management>

35. Lukyanov F. *Stress Test Passed: Russia and Turkey Continue to Work in Syria // Russia in Global Affairs*. URL: <https://eng.globalaffairs.ru/articles/stress-test-russia-turkey>

36. McCarthy Sh P. *The Function of Intelligence in Crisis Management: Towards an Understanding of the Intelligence Producer-Consumer Dichotomy*. Brookfield, VT: Ashgate, 1998. 321 p.

37. Özbay F. *Turkish-Russian Relations in the Shadow of the Syrian Crisis // Journal of Caspian Affairs*. 2015. Vol. 1, № 1. P. 73–91.

38. Preston Th. *Leadership and Foreign Policy Analysis // International Studies*. 2017. 22 Dec. DOI: <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190846626.013.255>

39. Richardson J. *Crisis Diplomacy: The Great Powers since the Mid-Nineteenth Century*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. 426 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511559112>

40. Rose G. *Neoclassical Realism and Theories of Foreign Policy // World Politics*. 1998. Vol. 51, № 1 (Oct.). P. 144–172. URL: <http://www.jstor.org/stable/25054068>

41. *Russia Bombards Syrian Rebels near Site of Downed Russian Jet // Reuters*. 2015. 25 Nov. URL: <https://www.reuters.com/article/us-mideast-crisis-syria-latakia/russia-bombards-syrian-rebels-near-site-of-downed-russian-jet-idUSKBN0TE1FN20151125>

42. *Russia Deploys Cutting-Edge S-400 Air Defense System to Syrian Base After Su-24 Downing // RT (Russia)*. 2015. 26 Nov. URL: www.rt.com/news/323596-s400-russia-syria-airbase-turkey

43. *Russian International Affairs Council (Russia). Deepening Russia-Turkey Relations Report, 2019*. URL: <https://russiancouncil.ru/en/activity/publications/deepening-russia-turkey-relations/>

44. *Rusya'nın bu çılgınlığı yapmasının mantığı yok // Milliyet*. 2012. 27 June. URL: <https://www.milliyet.com.tr/siyaset/rusyanin-bu-cilginligi-yapmasının-mantigi-yok-1559446>

45. Shahryarifar S. *A Defence on the Prominence of Rational Actor Model within Foreign Policy Analysis // Khazar Journal of Humanities and Social Sciences*. URL: http://dSPACE.khazar.org/bitstream/20.500.12323/3349/1/YEN-_2_Volume19number1.7.IR-pub-.pdf

46. Stern P. C., Druckman D. *International Conflict Resolution After the Cold War*. Washington, DC: National Academy Press, 2000. 640 p.

47. *Suriye uçağı Ankara'ya indirildi // SABAH*. 2012. 11 Oct. URL: <https://www.sabah.com.tr/gundem/2012/10/11/suriye-ucagi-ankarayaindirildi?paging=2>

48. *Tarihi G. Ankara'ya verileri ilettik // Hürriyet*, 2012. URL: <https://www.hurriyet.com.tr/gundem/ankara-ya-verileri-ilettik-20999241>

49. *Turkish, Syrian Top Spies Meet in First Official Contact in Years // Reuters*. 2020. 14 Jan. URL: <https://www.reuters.com/article/U.S.-syria-security-turkey/turkish-syrian-top-spies-meet-in-first-official-contact-in-years-idUSKBN1ZC2BJ7>

REFERENCES

1. Buzhinskij E. Turcija – Rossiya – SShA: S-400 – eto ne kommercija, eto politika [Türkiye –

Russia – USA: S-400 Is Not Commerce, It's Politics]. *Valday: Mezhdunar. diskus. klub* [Valdai: International Discus Club]. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/turtsiya-rossiya-ssha-s-400>

2. Edinstvennyj nadezhnyj gazoprovod «Tureckij potok» poterjal eksportnuju licenziju [The Only Reliable Gas Pipeline, Turkish Stream, Has Lost Its Export License]. *Gazeta.ru*, 2022, Sent. 30. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2022/09/30/15552019.shtml>

3. Incident s samoletom ne isportit energosotrudnichestvo, nadeetsja Turcija [An Airplane Incident Will Not Spoil Energy Cooperation, Türkiye Hopes]. *RIA Novosti*, 2012, Oct. 11. URL: <https://ria.ru/20121011/771698670.html>

4. Konstitucija RF s izmenenijami 2022 goda [Constitution of the Russian Federation as Amended in 2022]. *Gosudarstvennaya Duma Federalnogo Sobraniya Rossijskoy Federatsii* [The State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation]. URL: <http://duma.gov.ru/news/55446/>

5. Lavrov: Intsident s samoletom ne otrazitsya na rossijsko-tureckikh otnosheniyakh [The Plane Incident Will Not Affect Russian-Turkish Relations]. *Rossijskaja gazeta*, 2012, Oct. 15. URL: <https://rg.ru/2012/10/15/lavrov-site.html>

6. Latuhina K. Prezidenty Rossii i Turcii nashli reshenie idlibskogo krizisa [The Presidents of Russia and Turkey Found a Solution to the Idlib Crisis]. *RG.RU*, 2020, Mar. 5. URL: <https://rg.ru/2020/03/05/prezidenty-rossii-i-turcii-nashli-reshenie-idlibskogo-krizisa.html>

7. Matveev I.A. *Politekonomija Sirii v konflikte: v 2 t. T. 1: Bitva za vyzhivanie* [Political Economy of Syria in Conflict: In 2 Vols. Vol. 1: The Battle for Survival]. Moscow, IV RAN, 2022. 344 p.

8. Matveev I.A. *Politekonomija Sirii v konflikte: v 2 t. T. 2: Trudnyj put k vosstanovleniju* [Political Economy of Syria in Conflict: In 2 Vols. Vol. 2: The Difficult Path to Recovery]. Moscow, IV RAN, 2022. 392 p.

9. MID Turcii: Putin i Erdogan mogut vstretitsja iz-za situacii v Idlibe [Turkish Foreign Ministry: Putin and Erdogan May Meet over the Situation in Idlib]. *RIA Novosti*, 2020, Febr. 18. URL: <https://ria.ru/20200218/1564924131.html>

10. Prezident vseja osmanov Erdogan na puti k absoljutnoj vlasti v Turcii [All-Ottoman President Erdogan Is on His Way to Absolute Power in Turkey]. *Lenta.ru*, 2017, Jan. 26. URL: https://lenta.ru/articles/2017/01/26/erdogan_2029

11. Putin provel operativnoe soveshhanie Sovbeza Rossii po Sirii [Putin Held an Operational Meeting of the Russian Security Council on Syria]. *RIA Novosti*, 2012, Oct. 12. URL: <https://ria.ru/20121012/772672272.html>

12. RF gotova predostavit dannye po sbitomu tureckomu samoletu – Lavrov [Russia Is Ready to Provide Data on the Downed Turkish Plane – Lavrov]. *RIA Novosti*, 2012, June 30. URL: <https://ria.ru/20120630/688887282.html>

13. Svistunova I.A. V poiskah novoj modeli: otnoshenija Turcii i SShA v sfere bezopasnosti [In Search of a New Model: Turkey-US Security Relations]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 2016, no. 2 (47), pp. 53-61. DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2016-2-47-53-61>

14. SMI: Rossija predupredila Erdogana o gotovjashhemsja voennom perevorote [Media: Russia Warned Erdogan About an Impending Military Coup]. *TASS*, 2016, July 21. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3472671>

15. Strannovato i unizitelno – Putin o dejstvijah Turcii posle incidenta s Su-24 [Strange and Humiliating – Putin on Turkey's Actions After the Su-24 Incident]. *RIA Novosti*, 2016, Jan. 12. URL: <https://ria.ru/20160112/1358388713.html>

16. Suchkov M. *Krizis ambicij: kak Rossija i Turcija doshli do voennogo konflikta v Idlibe* [Crisis of Ambition: How Russia and Turkey Reached a Military Conflict in Idlib]. URL: <https://www.rbc.ru/opinions/politics/02/03/2020/5e5caae79a7947ebcf8ae1b5>

17. Turcija zarabotala do \$2,5 mlrd na eksporte nefteproduktov iz rossijskoj nefti [Türkiye Earned up to \$2.5 Billion from the Export of Petroleum Products from Russian Oil]. *Vedomosti*, 2022, Oct. 12. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2022/10/13/945243-turtsiya-zarabotala-na-eksporte-nefteproduktov>

18. Turcija objasnila, pochemu prinuditelno posadila sirijskij samolet [Türkiye Explained Why It Forcibly Landed a Syrian Plane]. *RIA Novosti*, 2012, Oct. 10. URL: <https://ria.ru/20121010/771254931.html>

19. Turcija poka ne vernula gruz s samoleta Moskva – Damask [Türkiye Has Not Yet Returned the Cargo from the Moscow-Damascus Plane]. *Kommersant*, 2012, Oct. 31. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2057353>

20. Unal Kh. Turcija i Rossija v uslovijah mnogopoljarnogo mira [Türkiye and Russia in a Multipolar World]. *Valday: Mezhdunar. diskus. klub* [Valdai: International Discus Club], 2023, Mar. 1. URL: https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/turtsiya-i-rossiya-v-usloviyakh-mnogopoljarnogo-mira/?sphrase_id=608121

21. Allison G.T. Conceptual Models and the Cuban Missile Crises. *The American Political Science Review*, 1969, vol. LXIII, no. 3 (Sept.), pp. 689-718.

22. Bekdil B.E. Germany Pulls Patriot Systems from Turkey. *Defense News*, 2015, Dec. 23. URL: <https://www.defensenews.com/home/2015/12/23/germany-pulls-patriot-systems-from-turkey>

23. Butcher C., Hallward M.C., eds. *Understanding International Conflict Management*. Routledge, 2019. URL: <https://www.abebooks.com/Understanding-International-Conflict-Management-Charity-Butcher/30518140725/bd>
24. Clutterbuck R.L. *International Crisis and Conflict*. New York, St. Martin's Press, 1993. 277 p. URL: [https://books.google.kz/books?id=RFWHDAQAQBAJ&pg=PR4&lpg=PR4&dq=3.+Clutterbuck,+Richard+R.+L.,+\(1993\)](https://books.google.kz/books?id=RFWHDAQAQBAJ&pg=PR4&lpg=PR4&dq=3.+Clutterbuck,+Richard+R.+L.,+(1993))
25. Delanoë I. Russian Naval Forces in the Syrian War. *Russia's War in Syria*. Philadelphia, Foreign Policy Research Institute, 2020, pp. 1-10. URL: <https://www.fpri.org/wp-content/uploads/2020/10/report-chapter-6-delanoe.pdf>
26. Erdemir A., Ciddi S., Hardie J. *Collusion or Collision? Turkey-Russia Relations Under Erdogan and Putin*. Washington DC, FDD PRESS, 2021. 57 p. URL: <https://www.fdd.org/wp-content/uploads/2021/11/fdd-monograph-collusion-or-collision.pdf>
27. Hale W. Turkey, the US, Russia, and the Syrian Civil War. *Insight Turkey*, 2019, no. 21 (4), pp. 25-40. DOI: 10.25253/99.2019214.02
28. Hermann Ch.F. International Crisis as a Situational Variable. Rosenau J.N., ed. *International Politics and Foreign Policy*. New York, The Free Press, 1969, pp. 409-421.
29. Hermann Ch. *International Crises: Insights from Behavioral Research*. New York, Free Press, 1972. 334 p.
30. *How Does the Turkish Political System Work?* URL: <https://irna.ir/xjy9GR>
31. Irving J., Mann L. *Decision Making: A Psychological Analysis of Conflict Choice and Commitment*. New York, The Free Press, 1977. 488 p.
32. Jensen L. *Explaining Foreign Policy*. Englewood Cliffs, New Jersey, Prentice-Hall, 1982. 278 p.
33. Karapetyan M. The Alevi/Alawite Factor in Turkey-Syria Relations in the Light of the Syrian Crisis. *Journal of Liberty and International Affairs*. 2018, no. 4 (3), pp. 24-40.
34. Lewis D. Russian Diplomacy and Conflict Management. *Russia's Global Reach*, 2021, pp. 109-117. URL: <https://www.marshallcenter.org/en/publications/marshall-center-books/russias-global-reach/chapter-13-russian-diplomacy-and-conflict-management>
35. Lukyanov F. Stress Test Passed: Russia and Turkey Continue to Work in Syria. *Russia in Global Affairs*. URL: <https://eng.globalaffairs.ru/articles/stress-test-russia-turkey>
36. McCarthy Sh.P. *The Function of Intelligence in Crisis Management: Towards an Understanding of the Intelligence Producer-Consumer Dichotomy*. Brookfield, VT, Ashgate, 1998. 321 p.
37. Özbay F. Turkish-Russian Relations in the Shadow of the Syrian Crisis. *Journal of Caspian Affairs*, 2015, vol. 1, no. 1, pp. 73-91.
38. Preston Th. Leadership and Foreign Policy Analysis. *International Studies*, 2017, 22 Dec. DOI: <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190846626.013.255>
39. Richardson J. *Crisis Diplomacy: The Great Powers Since the Mid-Nineteenth Century*. Cambridge, Cambridge University Press, 1994. 426 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511559112>
40. Rose G. Neoclassical Realism and Theories of Foreign Policy. *World Politics*, 1998, vol. 51, no. 1 (Oct), pp. 144-172. URL: <http://www.jstor.org/stable/25054068>
41. Russia Bombs Syrian Rebels near Site of Downed Russian Jet. *Reuters*, 2015, Nov. 25. URL: <https://www.reuters.com/article/us-mideast-crisis-syria-latakia/russia-bombards-syrian-rebels-near-site-of-downed-russian-jet-idUSKBN0TE1FN20151125>
42. Russia Deploys Cutting-Edge S-400 Air Defense System to Syrian Base After Su-24 Downing. *RT (Russia)*, 2015, Nov. 26. URL: www.rt.com/news/323596-s400-russia-syria-airbase-turkey
43. *Russian International Affairs Council (Russia). Deepening Russia-Turkey Relations Report*, 2019. URL: <https://russiancouncil.ru/en/activity/publications/deepening-russia-turkey-relations/>
44. Rusya'nın bu çılgınlığı yapmasının mantığı yok. *Milliyet*, 2012, June 27. URL: <https://www.milliyet.com.tr/siyaset/rusyanin-bu-cilginligi-yapmasin-mantigi-yok-1559446>
45. Shahryarifar S. A Defence on the Prominence of Rational Actor Model Within Foreign Policy Analysis. *Khazar Journal of Humanities and Social Sciences*. URL: http://dSPACE.khazar.org/bitstream/20.500.12323/3349/1/YEN-_2_Volume19number1.7.IR-pub-.pdf
46. Stern P.C., Druckman D. *International Conflict Resolution After the Cold War*. Washington, DC, National Academy Press, 2000. 640 p.
47. Suriye uçağı Ankara'ya indirildi. *SABAH*, 2012, Oct. 11. URL: <https://www.sabah.com.tr/gundem/2012/10/11/suriye-ucagi-ankarayaindirildi?paging=2>
48. Tarihi G. Ankara'ya verileri ilettik. *Hürriyet*, 2012. URL: <https://www.hurriyet.com.tr/gundem/ankara-ya-verileri-ilettik-20999241>
49. Turkish, Syrian Top Spies Meet in First Official Contact in Years. *Reuters*, 2020, Jan. 14. URL: <https://www.reuters.com/article/U.S.-syria-security-turkey/turkish-syrian-top-spies-meet-in-first-official-contact-in-years-idUSKBN1ZC2BJ7>

Information About the Authors

Mehdi Sanaei, PhD (Political Science), Associate Professor, University of Tehran, Enghelab St, 14395-515 Tehran, Iran; Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Islamic Republic of Iran to the Russian Federation (2013–2019), Sanaei.mhd@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3844-5921>

Kamran Hooshyar, PhD Student, Faculty of World Studies, University of Tehran, Enghelab St, 14395-515 Tehran, Iran, khpasargad89@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0006-8023-1045>

Информация об авторах

Мехди Санаи, PhD в области политологии, доцент, Тегеранский университет, ул. Энгелаб, 14395-515, г. Тегеран, Иран; чрезвычайный и полномочный посол ИРИ в РФ (2013–2019), Sanaei.mhd@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3844-5921>

Камран Хушьяр, аспирант, факультет мировых исследований, Тегеранский университет, ул. Энгелаб, 14395-515, г. Тегеран, Иран, khpasargad89@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0006-8023-1045>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.2.19>

UDC 327

LBC 66.4(2Рос)

Submitted: 11.12.2022

Accepted: 05.03.2023

**THE REPUBLIC OF TATARSTAN IN THE FOREIGN POLICY OF RUSSIA:
FROM CLAIMS ON SOVEREIGNTY TO PARTICIPATION
IN THE PROMOTION OF NATIONAL INTERESTS**

Idar R. Nasyrov

Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article analyzes the processes of transformation in the attitude of Russian regions toward international activities since the early 1990s. The study is based on the experience of the Republic of Tatarstan, in which the evolution of understanding the status and competencies of the federation subunits in the field of international activity took place in the midst of the complex internal political processes of the Russian statehood formation. *Methods and materials.* The paper uses a historical-system method and a political-scientific institutional approach to study the processes of the development of external relations in Tatarstan. It describes how the republic has played a part in the establishment of a contemporary model of international cooperation by Russian regions. The functional method is used for analyzing the interrelations that underlie goal-setting in the activities of regional authorities. Scientific works by domestic and foreign authors are used to form the analytical and conceptual tools of the research as well as to understand the regional level of international relations. *Analysis.* The first stages of the development of external relations for the Republic of Tatarstan took place in the context of the inclusion of the region into a renewed Russian state as a full-fledged subject of constitutional and legal relations. This occurred against the backdrop of the rapid growth of the ethno-nationalist Tatar movement. Emerging interaction with state authorities promotes the use of regional potential in the field of international activity for the implementation of certain areas of Russian foreign policy. *Results.* The practice of Tatarstan's cooperation with international actors of various statuses and the creation of institutional, contractual, and legal foundations of external relations led to an understanding of the need for support from federal authorities for the effective use of external resources for the regions' development. The experience of the Republic of Tatarstan, which, together with the whole country, went through successive stages of building federal relations and creating a modern model of international and interregional cooperation among Russian regions, confirms the conclusion that constructive interaction with the federal center is the basis for successful implementation of national and regional interests in the field of international cooperation in a dynamically changing foreign policy and foreign economic conditions. This is of particular importance in view of the ongoing attempts to undermine the unity of Russia from outside.

Key words: foreign policy, national interests, decentralization, regions, Tatarstan.

Citation. Nasyrov I.R. The Republic of Tatarstan in the Foreign Policy of Russia: From Claims on Sovereignty to Participation in the Promotion of National Interests. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 2, pp. 221-236. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.2.19>

**РЕСПУБЛИКА ТАТАРСТАН ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ:
ОТ ПРЕТЕНЗИЙ НА СУВЕРЕНИТЕТ К УЧАСТИЮ
В ПРОДВИЖЕНИИ ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ****Ильдар Рустамбекович Насыров**

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В статье анализируются процессы трансформации отношения российских регионов к вопросам осуществления международной деятельности в период с начала 1990-х годов. Исследование основывается на рассмотрении опыта Республики Татарстан, в которой эволюция понимания статуса и компетенций субъектов Федерации в сфере международной деятельности проходила в контексте сложных внутривластных процессов становления государственности России. *Методы и материалы.* В работе применяются историко-системный метод и политологический институциональный подход для изучения процессов развития внешних связей Татарстана, описания вклада республики в формирование современной модели международного сотрудничества российских регионов, а также функциональный метод анализа взаимосвязей, лежащих в основе целеполагания в деятельности региональных органов власти. Научные работы отечественных и зарубежных авторов используются для формирования аналитического и понятийного аппарата исследования, осмысления регионального уровня международных связей. *Анализ.* Первые этапы развития внешних связей Республики Татарстан проходили в условиях вхождения региона в состав обновленного Российского государства как полноправного субъекта конституционно-правовых отношений на фоне стремительного роста этнонационалистического татарского движения. Формирующееся взаимодействие с органами государственной власти федерального уровня способствовало использованию регионального потенциала в сфере международной деятельности для реализации отдельных направлений российской внешней политики. *Результаты.* Практика сотрудничества Татарстана с международными акторами различного статуса, создания институциональных, договорных и правовых основ осуществления внешних связей привела к пониманию необходимости опоры на поддержку федеральных органов власти для эффективного использования внешних ресурсов в целях развития регионов. Опыт Республики Татарстан, прошедшей вместе со всей страной последовательные этапы построения федеративных отношений и создания современной модели международного сотрудничества российских регионов, подтверждает вывод, что конструктивное взаимодействие с Федеральным центром является основой успешной реализации национальных и региональных интересов в сфере международного сотрудничества в динамично меняющихся внешнеполитических и внешнеэкономических условиях. Это приобретает особую значимость в связи с продолжающимися попытками расшатывания единства России извне.

Ключевые слова: внешняя политика, национальные интересы, децентрализация, регионы, Татарстан.

Цитирование. Насыров И. Р. Республика Татарстан во внешней политике России: от претензий на суверенитет к участию в продвижении общенациональных интересов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 2. – С. 221–236. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.2.19>

Введение. После распада СССР понимание о месте и статусе субъектов Российской Федерации в современной системе международных отношений вырабатывалось в процессе становления ее новой государственности. С начала 1990-х гг. Республика Татарстан с большой заинтересованностью включилась в поиск партнеров и единомышленников за рубежом для социально-экономического развития, участия в современных этнополитических процессах. Республика прошла

непростой путь от претензий на государственный суверенитет и международную правосубъектность на начальных этапах эволюции российского федерализма к полноформатному вхождению в общее пространство международного сотрудничества России.

Накопленный опыт привел к пониманию, что внешние связи регионов должны осуществляться в русле единой российской внешней политики в формате постоянного взаимодействия с федеральными органами влас-

ти [12, с. 131–134]. Согласованность с государственными приоритетами действий субъектов Федерации является залогом успешного развития их международных связей, создает возможности использования ресурса регионов для продвижения национальных интересов в современных политических реалиях.

Цель настоящей статьи состоит в исследовании процессов и причин трансформации отношения Республики Татарстан как субъекта Российской Федерации к вопросам построения официальных и деловых контактов с зарубежными партнерами и ожиданий региональных элит от развития трансграничного сотрудничества, осознания прагматичности форматов работы региона на международной арене на основе поддержки со стороны федеральных органов власти, а также в рассмотрении примеров привлечения других субъектов Федерации к реализации отдельных направлений российской внешней политики в рамках международных проектов с участием Татарстана и успешных практик взаимодействия республики с федеральными органами власти в области внешних связей.

Актуальность изучения вопросов скоординированной работы российских регионов в сфере международных и внешнеэкономических связей по приоритетным направлениям российской внешней политики обосновывается необходимостью совместного ответа на серьезные современные вызовы, стоящие перед страной.

Методы и материалы. В представленной работе историко-системный метод и политологический институциональный метод используются для изучения исторических процессов развития внешних связей Татарстана на основе целостного, системного подхода, описания вклада республики в формирование современной модели международного сотрудничества российских регионов. Функциональный метод применяется для изучения взаимосвязей, лежащих в основе целеполагания органов власти регионов при определении путей развития внешних связей.

Научные работы отечественных и зарубежных авторов, исследующие процессы вовлечения субъектов Российской Федерации в сферу международной деятельности на фоне эволюции государственности страны и сопут-

ствующей внешнеполитической ситуации, формируют аналитический и понятийный аппарат исследования, используются для осмысления регионального уровня международных связей.

Источники в формате официальных документов, материалов сайтов органов власти, СМИ и специализированных электронных ресурсов используются для пояснения особенностей трансформации модели участия Республики Татарстан в процессах международной кооперации и в продвижении национальных интересов, оценки значения ее составляющих.

Анализ. Дезинтеграционные процессы в СССР второй половины 1980-х гг. распространились и на этнические автономии в составе союзных республик. Это привело к росту политического самосознания в региональных элитах, повышению значимости вопросов территориальной идентичности [13, с. 48].

С начала 1990-х гг. Татарстан предпринимал активные действия по участию в строительстве новой российской государственности, стремясь сохранить этнокультурное многообразие и специфику национальных республик в составе России. Развитая и диверсифицированная экономика региона в сочетании с многовековыми традициями торговых и культурных связей татар с партнерами из стран Востока и Европы одновременно стимулировали интерес к потенциалу международного сотрудничества.

30 августа 1990 г. Верховным Советом Татарской Советской Социалистической Республики была принята Декларация о государственном суверенитете. Впоследствии положение о государственном суверенитете было поддержано на республиканском референдуме 21 марта 1992 г. и закреплено первой редакцией Конституции Республики Татарстан от 6 ноября 1992 г. [3, с. 6–7, 20–23].

В этом контексте надо заметить, что Б.Н. Ельцин, в статусе председателя Верховного Совета РСФСР, посетил Казань 6 августа 1990 г. в преддверии принятия Декларации Татарстана о государственном суверенитете и, продолжая свою известную фразу «Берите столько суверенитета, сколько сможете проглотить», добавил: «Но вы находитесь в центре России – и об этом нужно подумать» [11]. Таким образом, в данной ситуации речь шла о взаимоприемлемом компромиссе, заключа-

шесся в расширении полномочий автономных республик, включая сферу внешних связей, в составе единого государства.

Для российских внутривластных процессов, проходивших в начале 1990-х гг., была характерна тенденция «декларированной децентрализации», которая впоследствии не имела законодательного воплощения [17, с. 10]. Отдельные действия Татарстана, имевшие международный контекст, такие как принятие Акта государственной независимости Республики Татарстан от 24 октября 1991 г. и декларации Верховного Совета Татарстана о вхождении республики в Содружество независимых государств на правах учредителя от 26 декабря 1991 г. [3, с. 11–12], провозглашенной вскоре после беловежских соглашений, также не получили заявленного политического продолжения. Анализ текстов указанных документов показывает, что они были приняты исходя из задач участия Татарстана в подготовке и подписании соглашений между бывшими республиками СССР. Иными словами, официальные власти региона не ставили в этом контексте целей получения Татарстаном статуса независимого государства, полноправного актора международной политики. Фактически происходил поиск места Республики Татарстан в современных внешне- и внутривластных реалиях.

Вместе с тем развитие внешних связей с опорой на специфику этнокультурных и духовных интересов Татарстана, попытки расширительного толкования понятия суверенитета республики использовались регионом как дополнительный аргумент при взаимодействии с Федеральным центром. Этому способствовали международные контакты республики с политическими лидерами мусульманских стран и Турции, взаимодействие с международными исламскими институтами, участие в проектах культурной интеграции тюркского мира.

Центристская позиция М.Ш. Шаймиева, избранного в июне 1991 г. Президентом Республики Татарстан, сдерживала радикально-экстремистские силы масштабного этнонационалистического татарского движения того времени, провозгласившие лозунг создания независимого Татарстана как государства татар. Можно предположить, что взвешен-

ность позиции регионального руководства также исходила из того, что идею государственной независимости поддерживало немногим более 10 % населения республики (по данным социологического опроса, проведенного Верховным Советом Татарстана) [24, с. 120–121]. Сложная внутривластная борьба за конституционно-правовой статус Республики Татарстан и переговоры по формату договорных отношений о вхождении региона в состав Российской Федерации затянулись на несколько лет. Один из участников переговорного процесса, начавшегося в августе 1991 г., И.Р. Тагиров отмечает, что встречи делегаций России и Татарстана способствовали пониманию возможности асимметричного федеративного устройства страны [26, с. 9].

Подписание Татарстаном 15 февраля 1994 г. Договора о разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий с Российской Федерацией сняло основные угрозы сепаратизма в России (за исключением территории Чечни), исходившие от целого ряда республик, для которых период 1991–1993 гг. воспринимался как время «национального возрождения» [9, с. 33–34].

Исследователи так называемой «модели Татарстана» отмечают, что ярко проявившиеся в республике тенденции сепаратизма 1990-х гг., в 2020-е гг. сменились «продуктивной интеграцией в общероссийское пространство» [22, с. 136]. Ниже будут рассмотрены основные составляющие и этапы данного процесса в контексте встраивания субъектов Федерации в систему международных отношений России.

Динамичное придание международным отношениям комплексного многоуровневого характера способствовало привлечению в данную сферу регионов, что также характеризовалось в терминах локализации внешней политики [32, р. 10–11]. В основе происходившей фрагментации международных отношений лежали: рост этнического самосознания народов; наполнение традиционной повестки межгосударственных отношений широким спектром проблем политической нестабильности вследствие естественных и спровоцированных конфликтов разного уровня; нарастание миграционных потоков; междивизиационные и мировоззренческие разногласия; гло-

бальные задачи борьбы с изменением климата и загрязнением окружающей среды, а также с развитием новых форм заболеваний. Указанные проблемы проецировались и на развитие социально-политической ситуации в субъектах Федерации с учетом их региональной специфики.

Отсутствие полноценного регулирования международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации в начале 1990-х гг., наряду с недостатком опыта взаимоотношений с международными партнерами, создавали предпосылки для поиска путей построения работающих внешних связей методом проб и ошибок [18, с. 186–203; 27, с. 219, 223–225]. Широту позиций региональной политической палитры в этот период можно проиллюстрировать попытками трактовать первые контакты с иностранными партнерами как «становление Республики Татарстан в качестве субъекта международного права» [28, с. 7].

В интервью татарстанским журналистам Т.Ю. Акулов, проработавший 20 лет советником первого Президента Республики Татарстана М.Ш. Шаймиева по международным вопросам, в частности, вспоминает, что татарстанская делегация даже «съездила в НАТО», где, впрочем, встретила полное непонимание целей своего визита [23].

Неосмотрительные действия субъектов Федерации в сфере международных отношений, непосредственно связанной с вопросами национальной безопасности, зачастую воспринимались как вызов целостности государства. Зарубежные авторы интерпретируют усложнение взаимоотношений регионов с Федеральным центром за счет международной повестки, преимущественно как вызов унитарной концепции государства [34, р. 87–88]. Для регионального измерения международных отношений используется термин «парадипломатия» [30, р. 15] с целью подчеркнуть и определить вторичность данной сферы по отношению к дипломатическим связям полноправных международных акторов.

Интерес зарубежных официальных лиц, предпринимателей и представителей экспертного сообщества к Татарстану с самого начала был вызван не только экономическим и ресурсным потенциалом региона, но и его этнокультурными особенностями как террито-

рии совместного проживания татар, входящих в семью тюркских народов и исповедующих ислам, и примерно равного по численности русского населения. В данном контексте особое внимание привлекала исторически сложившаяся практика успешного построения межкультурных и межконфессиональных отношений на территории республики в сочетании с большей открытостью российских мусульман к межнациональным взаимодействиям [21, с. 53–54]. Татарстанский опыт впоследствии оказался востребованным для участия региона в реализации восточного вектора внешней политики России.

В 1990-е гг. в фокусе внимания международного экспертного сообщества и политиков также была позиция республики по вопросам становления федеративных отношений в России, что подтвердилось повышенным интересом к публичной лекции М.Ш. Шаймиева в Гарвардском университете 3 октября 1994 года. Будучи прагматичным политиком, в завершении своего выступления первый президент Республики Татарстан главный акцент сделал на укреплении экономического сотрудничества Республики Татарстан с зарубежными компаниями, в том числе из США [20].

Уже на начальных этапах развития внешних связей республике удавалось устанавливать контакты с политическими лидерами иностранных государств. В октябре 1992 г. первый Президент Татарстана М.Ш. Шаймиев посетил Турцию, где состоялась его встреча с Президентом Турецкой Республики Тургутузом Озалом. В июне 1993 г. Казань в рамках своего визита в Россию посетил Президент Венгрии Арпад Генц.

Республика начинает накапливать опыт официальных контактов и деловых отношений с иностранными государствами, выходит на подписание международных соглашений не только со странами СНГ (Украина, Кыргызстан, Азербайджан, Белоруссия), но и с Венгрией, Литвой, Болгарией, имеющими давние исторические связи с татарами [12, с. 174].

Одновременно Татарстан приступает к формированию института зарубежных представительств, открывая в 1992 г. миссии в Узбекистане и Азербайджане с привлечением местного актива татар. Хотя открытие зарубежных представительств республики

могло бы интерпретироваться как попытка создания неких политических структур в иностранных государствах, но представительства Татарстана изначально ориентировались на торгово-экономические и культурные вопросы сотрудничества, работу с соотечественниками в контексте российской внешней политики. Аналогичная практика широко используется регионами многих децентрализованных государств. Только в Брюсселе насчитывается около 250 представительств регионов стран Европы. Более того, средняя численность сотрудников полутора десятка зарубежных представительств немецких земель составляет около 15 человек [35, р. 257–258, 263]. К началу 2020-х гг. 15 зарубежных представительств Республики Татарстан, действующих в постоянном контакте с российскими загранучреждениями, стали важной составляющей системы поддержки и развития внешних связей [7, с. 137]. Для субъектов Российской Федерации, имеющих суммарно около 50 представительств на территории иностранных государств [18, с. 273], опыт Республики Татарстан в данной сфере приобретает особое значение.

Налаживанию взаимодействия с федеральными органами власти для построения работы Республики Татарстан в международной сфере на системной основе в 1990-х гг. способствовали положения Договора о разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий с Российской Федерацией от 15 февраля 1994 г. и соглашения о разграничении полномочий в области внешнеэкономических связей [3, с. 70–72, 82–87].

Подготовка визитов официальных делегаций Республики Татарстан и крупных международных мероприятий осуществляется по согласованию с МИД РФ, при поддержке российских загранучреждений, что способствует проведению содержательных официальных и деловых встреч. В рамках визитов в Российскую Федерацию Казань посещают главы государств и правительств иностранных государств, высокие зарубежные делегации [12, с. 175, 177–178, 187].

Практика включения представителей регионов в состав российских делегаций приобретает широкое распространение [10, с. 6]. Это обеспечивает поддержку региональной составляющей международных связей и од-

новременно обогащает палитру отношений России с другими странами.

На основе межгосударственных договоренностей в 1996 г. в Казани открывается Генеральное консульство Турецкой Республики. К настоящему времени в Казани работают генконсульства Турции, Ирана, Казахстана, Венгрии, Китая, Узбекистана, Туркменистана, отделение Посольства Республики Беларусь. В феврале 2020 г. Правительство РФ одобрило открытие в Казани генконсульства Саудовской Аравии, а в феврале 2023 г. принято решение об открытии в столице Татарстана генконсульства Киргизии. По числу дипломатических представительств иностранных государств, размещенных на своей территории, Татарстан вышел на первое место в Приволжском федеральном округе. Деятельность генконсульств признается важным ресурсом поддержки международных контактов российских регионов [14, с. 31].

Принятие 4 января 1999 г. Федерального закона № 4-ФЗ «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации» в основном завершило формирование нормативно-правовой базы и построение системы координации и поддержки международного сотрудничества российских регионов.

Встраивание в единое поле российской внешней политики международной деятельности Республики Татарстан как равноправного субъекта Федерации, подписание в июне 2007 г. новой редакции Договора о разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан и впоследствии завершение срока его действия сделали особые отношения республики с Федеральным центром, в том числе в сфере внешних связей, достоянием истории. Одновременно с начала 2000-х гг. начинается период реализации крупнейших международных проектов на территории региона. 1 сентября 1999 г. Президент Российской Федерации Б.Н. Ельцин подписал Указ № 1141 «О праздновании 1000-летия основания г. Казани». Инициативы Республики Татарстан по расширению форматов международного сотрудничества на уровне регионов получают поддержку со стороны

В.В. Путина, избранного Президентом России в марте 2000 года. В рамках подготовки к юбилею столицы Татарстана, ставшему событием международного масштаба, запускается федеральная целевая программа «Сохранение и развитие исторического центра г. Казани» (утверждена Постановлением Правительства Российской Федерации от 14 марта 2002 г. № 180).

Республика Татарстан укрепляет взаимодействие с МИД России, которое открывает в 2001 г. свое представительство в Казани. Международные контакты и проекты осуществляются при согласовании с внешнеполитическим ведомством страны. Подтверждением высокого уровня конструктивных взаимоотношений с внешнеполитическим ведомством стало подписание в марте 2003 г. Протокола о взаимодействии между Министерством иностранных дел Российской Федерации и Республикой Татарстан в целях организации совместной работы по подготовке мероприятий международной части к празднованию 1000-летия Казани, а также информирования международной общественности о предстоящем юбилее и его историко-культурном значении.

Поддержка со стороны федеральных органов власти существенно повышает эффективность трансграничной кооперации регионов, нацеленной в первую очередь на развитие внешнеэкономического сотрудничества. Внешнеторговый оборот республики динамично растет, достигая к 2013 г. максимума в 27 млрд долл. США по сравнению с уровнем в 1 млрд долл. США в 1992 г. [12, с. 176].

После создания в апреле 2015 г. АО «Российский экспортный центр», Республика Татарстан налаживает тесное взаимодействие с этим институтом поддержки несырьевого экспорта в рамках подписанного в июне 2016 г. двустороннего соглашения о сотрудничестве по вопросам развития экспортной деятельности и соглашения о создании пилотного центра консультационной поддержки экспорта продукции АПК, заключенного в мае 2017 года. Это направление работы четко коррелируется с задачами, поставленными Указом Президента РФ от 7 мая 2018 г. «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года».

Для поддержки внешних связей Республика Татарстан устанавливает контакты с международными организациями, участвует в создании Организации непредставленных наций и народностей. В 1993 г. была основана международная организация тюркской культуры (ТЮРКСОЙ) и практически с этого времени Республика Татарстан присоединяется к работе ТЮРКСОЙ в качестве наблюдателя [28, с. 8], участвует в проведении множества международных мероприятий культурной направленности. В частности, в 2014 г. была реализована содержательная программа Года «Казань – культурная столица тюркского мира». В дальнейшем осложнение российско-тюркских отношений после инцидента с российским самолетом СУ-24 в ноябре 2015 г. привело к свертыванию данного направления работы на основании телеграммы Минкульта РФ от 27 ноября 2015 г., опубликованной на официальном сайте министерства.

Практика контактов Республики Татарстан с крупными международными организациями, такими как ЮНЕСКО или Конгресс местных и региональных властей Совета Европы, подтверждает целесообразность и высокую эффективность координации действий с МИД России и другими федеральными институтами для обеспечения продуктивного сотрудничества.

Со второй половины 1990-х гг. осуществляется реализация образовательных и научно-исследовательских проектов при поддержке ЮНЕСКО. С 2001 г. под эгидой ЮНЕСКО и Совета Европы при содействии Правительства Российской Федерации началась работа в формате научно-практической конференции «Великий Волжский путь» с участием представителей из 25 стран, отдельные этапы которой проходили на разных площадках в течение четырех лет.

Целенаправленное продвижение и популяризация историко-культурных объектов республики приводит к последовательному включению в Список всемирного наследия ЮНЕСКО Казанского Кремля (2000 г.), Болгарского историко-археологического комплекса (2014 г.), Успенского собора и монастыря острова-града Свияжск (2017 г.). Первый Президент Татарстана М.Ш. Шаймиев удостоивается статуса специального посланника ЮНЕСКО по укреплению межкультурного диалога.

Республике Татарстан удалось инициировать и, при поддержке Федерального центра, провести на своей территории ряд крупнейших международных проектов, некоторые из которых оказались настоящими драйверами развития республики, преобразили ее столицу. В августе 2005 г. в рамках мероприятий празднования 1000-летия Казани республика принимала Саммит глав государств стран СНГ. Масштабная подготовка города, успешное проведение юбилейных мероприятий с участием представительных международных и российских делегаций стали важным этапом в развитии региона, способствовали расширению деловых контактов с зарубежными партнерами.

Активная работа Татарстана по укреплению сотрудничества со странами ближнего зарубежья, наряду с признанием Казани удобной площадкой для организации встреч самого высокого уровня, способствовали проведению в республике в мае 2017 г. заседания Совета глав правительств СНГ, совмещенного с заседанием Евразийского межправительственного совета. Всего столица Татарстана приняла порядка 20 заседаний межправительственных комиссий, советов и подкомиссий Российской Федерации с иностранными государствами [4]. Подобные мероприятия, проводимые в субъектах Федерации, помимо решения своих основных внешнеполитических задач, содействуют наполнению повестки межгосударственного сотрудничества региональными проектами.

К еще одному важному событию в новейшей истории Республики Татарстан можно отнести Всемирную летнюю Универсиаду 2013 г. в Казани. Подготовка к Универсиаде велась в течение пяти лет и охватила не только создание многопрофильной современной спортивной базы, но и комплексную модернизацию транспортной и городской инфраструктуры столицы республики с учетом требований к организации крупных международных мероприятий. Необходимо отметить, что заявка Казани на проведение Универсиады и процесс подготовки к ней были поддержаны на уровне Президента Российской Федерации.

Проведение в 2019 г. в Казани мирового чемпионата по профессиональному мастерству WorldSkills инициировало общероссийские тенденции перехода на передовые методы

подготовки кадров для различных отраслей экономики. Участие в подобных проектах одновременно признается существенным фактором инвестиционной привлекательности территорий [29, с. 128].

Недвусмысленным маркером общенациональной значимости и поддержки масштабных мероприятий, инициированных Татарстаном, стало посещение их Президентом Российской Федерации и Председателем Правительства РФ.

Особое место в сфере внешних связей Республики Татарстан занимает взаимодействие с партнерами из исламских государств, в первую очередь Ближнего и Среднего Востока. Основой этих отношений, имеющих многовековую историю, стала культурная и духовная общность народов, взаимные экономические интересы.

На рубеже 2000-х гг. данное направление сотрудничества, осуществляемое в русле российской внешней политики, приобрело особую актуальность. Преодолевая имеющиеся разногласия и создавая собственные интеграционные структуры, мусульманские страны постепенно начали восприниматься как коллективный субъект мировой политики [16, с. 41].

В 2006 г. для укрепления многосторонних отношений с мусульманскими странами создается Группа стратегического видения «Россия – исламский мир». С самого начала ее работы Татарстан активно участвует в поддержке и организации широкой палитры проводимых мероприятий. По поручению Президента Российской Федерации В.В. Путина с июня 2014 г. Р.Н. Минниханов обеспечивает координацию деятельности Группы. Согласованность деятельности Группы с актуальными внешнеполитическими приоритетами государства обеспечивается постоянными консультациями с МИД России, регулярными контактами главы Татарстана на федеральном уровне. Республика Татарстан продолжает развивать взаимодействие с подразделениями Организации исламского мира, которая воспринимается как аналог ООН для мусульманских стран [19, с. 11]. На этом фоне происходит укрепление евразийского имиджа Российской Федерации, выстраивающей сбалансированные отношения со странами Запада и

Востока [2, с. 146]. Важное место в обширной программе деятельности Группы стратегического видения «Россия – исламский мир», ежегодно утверждаемой Президентом Республики Татарстан Р.Н. Миннихановым, занимают вопросы межконфессионального диалога, которым уделяется особое внимание и со стороны Организации исламского сотрудничества [1, с. 16]. По согласованию с МИД России, с целью привлечения российских регионов к укреплению контактов с мусульманскими странами, введена практика проведения заседаний Группы стратегического видения «Россия – исламский мир» в других субъектах Федерации: Республике Башкортостан (2019 г.), Республике Дагестан (2018 г.), Чеченской Республике (2017 г.).

Широкому распространению опыта международного сотрудничества Татарстана способствует активное участие субъектов Российской Федерации в мероприятиях, проводимых на территории республики: международной научно-практической конференции «Внешние связи регионов Российской Федерации. Опыт Республики Татарстан» (2017 г.), международного экономического форума России и стран Организации исламского сотрудничества, Казанского международного конгресса евразийской интеграции, мероприятия по случаю 1100-летия принятия ислама Волжской Булгарией и множества других.

Татарстан ведет большую работу в сфере экономических и культурных связей со странами ближнего зарубежья, включая отношения межрегионального уровня. Особенностью современного этапа стало наращивание числа совместных проектов, инициированных крупнейшими предприятиями республики на территории стран СНГ – Азербайджане, Беларуси, Казахстане, Туркменистане, Узбекистане [8, с. 16–17].

Сотрудничество с Турцией и Китаем, другими странами Евразии также входит в число динамично развивающихся направлений внешнеэкономических связей Татарстана. Помимо традиционно высокого уровня контактов с руководством Турецкой Республики и многопланового культурного сотрудничества, внешнеэкономические связи с этой страной характеризуются тем, что Татарстан стал российским регионом с наибольшим удельным весом турец-

ких инвестиций (свыше 2 млрд долл. США), а на территории республики действует около 10 крупных совместных предприятий в сфере производства автокомпонентов, выпуска стекла, панелей МДФ, бумажной и другой продукции, успешно развивается производственная кооперация с участием крупнейших предприятий Татарстана. Плодотворное сотрудничество республики с турецкими строительными и девелоперскими компаниями насчитывает двадцатилетнюю историю [8, с. 18].

Сотрудничество с Китайской Народной Республикой вышло на новый уровень после посещения Казани председателем КНР Ху Цзиньтао в марте 2007 г. в ходе его визита в Россию. К настоящему времени Татарстан подписал более 20 соглашений о сотрудничестве с китайскими провинциями и двусторонних документов межмуниципального уровня. Среди разнообразия совместных проектов, охватывающих сферы от образования и информатизации до сельского хозяйства, к недавнему времени крупнейшим было производство бытовой техники Haier в Закамской экономической зоне Татарстана [8, с. 17]. В ноябре 2022 г. в особой экономической зоне «Алабуга» российской автомобилестроительной компанией «Соллерс» в партнерстве с китайскими коллегами было запущено предприятие по производству коммерческих автомобилей под собственным брендом.

Вовлеченность Республики Татарстан в международные проекты национального уровня также проявляется в ходе реализации федеральных программ строительства и развития транзитных транспортных коридоров по направлениям Север – Юг, Запад – Восток. Наращивание логистических мощностей в республике усиливает положение Татарстана как крупного транспортно-логистического центра на пересечении стратегически важных международных товарных потоков [25, с. 114].

С первых шагов становления внешних связей Республики Татарстан взаимодействие с соотечественниками, особенно с татарскими общинами за рубежом, входит в число приоритетных составляющих международной деятельности. Важность вовлеченности республики в данное направление работы была подчеркнута на встрече Президента Российской Федерации В.В. Путина с пред-

ставителями делегаций III съезда Всемирного конгресса татар, состоявшейся в Казани в августе 2002 года. Участвуя в работе Правительственной комиссии по делам соотечественников за рубежом при МИД России и опираясь на поддержку Россотрудничества, с которым Татарстан в декабре 2012 г. подписал соглашение о взаимодействии, республика ведет обширную деятельность по сохранению родного языка и народных традиций татар, проживающих во многих странах мира. Это способствует реализации отечественной политики «мягкой силы» [6, с. 95–97].

Разнообразие международных связей Республики Татарстан, множество успешно реализованных экономических и гуманитарных проектов, популяризация историко-культурного наследия и продвижение туристического потенциала региона способствуют формированию положительного образа России в мире.

В условиях антироссийских санкций региональный уровень сотрудничества рассматривается в качестве одного из дополнительных резервов укрепления международных связей государства. Продуктивность этого подхода, в частности, подтверждается опытом развития стратегии всесторонней чжоубианской дипломатии (*omnidirectional zhoubian diplomacy*), разработанной Китаем в начале 1990-х гг. для преодоления международной изоляции из-за событий на площади Тяньаньмэнь [33, р. 573–574]. Динамичное развитие многосторонних международных контактов Китая вскоре подкрепились интенсивным участием практически всех провинций страны в транснациональных связях [31]. Реализация этой дипломатической стратегии КНР, направленной в первую очередь на укрепление отношений с соседними государствами [33, р. 576], к числу альтернативных «точек опоры» отнесла также участие в международной кооперации китайских провинций.

В настоящее время Татарстан продолжает целенаправленную работу по наращиванию сотрудничества на постсоветском пространстве, со странами Азии и Ближнего Востока, прорабатываются возможности делового партнерства с африканскими государствами.

На церемонии инаугурации Казани в качестве молодежной столицы Организации исламского сотрудничества 2022 г. министр ино-

странных дел Российской Федерации С.В. Лавров отметил, что «Татарстан является одним из бесспорных лидеров российских регионов в развитии внешних связей» и подтвердил готовность оказания поддержки республике во всех начинаниях [5].

Результаты. В настоящее время используется периодизация исторических этапов развития внешних связей Республики Татарстан, основанная на анализе развития институтов, условий и форматов осуществления международных связей региона [12, с. 186–188]. Представляется целесообразным обобщить и актуализировать данный подход в контексте исследования эволюции понимания статуса и компетенций субъектов Федерации в области международной деятельности, формирования конструктивных отношений Татарстана с Федеральным центром в указанной сфере, участия республики в реализации отдельных направлений российской внешней политики, динамики международных процессов:

1-й этап (начало 1990-х гг. – февраль 1994 г.). Период поиска путей и возможностей международной кооперации на уровне регионов в условиях пробелов в правовом регулировании данной сферы, но при понимании руководством республики необходимости вхождения ее в состав обновленного Российского государства как полноправного субъекта конституционно-правовых отношений. На этот период также приходятся первые контакты Татарстана с организацией тюркской культуры ТЮРКСОЙ, созданной в рамках реанимированного Турцией «тюркского проекта» [15, с. 98, 100], и по линии Организации непредставленных наций и народностей. Этап завершается подписанием 15 февраля 1994 г. договора о разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий с Российской Федерацией и соглашения о разграничении полномочий в области внешнеэкономических связей, вошедшего в пакет соглашений, уточняющих положения указанного договора.

2-й этап (февраль 1994 г. – 1998 г.). Активное формирование институциональных и договорных основ международной деятельности Татарстана с опорой на положения Договора о разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий с Российской Федерацией и сопутствующих ему

соглашений, имевших компромиссный характер, отражающий сложность переходного периода становления новой российской государственности. Многообразие и недостаточная согласованность подходов к развитию таких существенных составляющих внешних связей, как контакты субъектов Федерации с главами и членами правительств иностранных государств, взаимодействие с международными организациями, подписание международных соглашений, включая «диагональные» с иностранными государствами, открытие представительств за рубежом свидетельствовали о необходимости установления единого порядка координации международного сотрудничества российских регионов. Это привело к принятию в январе 1999 г. Федерального закона № 4-ФЗ «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации».

3-й этап (1999–2014 гг.). Полноформатное вхождение Татарстана в единое поле российской внешней политики, реализация множества крупных международных проектов на территории республики, динамичное наращивание внешнеэкономического и культурно-гуманитарного сотрудничества на основе постоянного взаимодействия с федеральными органами власти. Подтверждением достигнутого высокого уровня поддержки международных инициатив Татарстана стал Указ Президента РФ «О праздновании 1000-летия основания г. Казани», подписание республикой с МИД России в марте 2003 г. Протокола о взаимодействии в области осуществления международных и внешнеэкономических связей, участие Татарстана в деятельности Группы стратегического видения «Россия – исламский мир» с момента ее создания в начале 2006 года. Для этого этапа характерно сохранение преимущества позиций руководства региона по вопросам осуществления внешних связей в рамках единой российской внешней политики после вступления в должность Президента Республики Татарстан Р.Н. Минниханова в марте 2010 года. Совместная работа с Комиссией РФ по делам ЮНЕСКО способствовала включению в эти годы двух объектов на территории Татарстана в список объектов Всемирного наследия.

4-й этап (2014 г. – начало 2022 г.). Осуществление международной деятельности в

условиях антироссийских санкций. Позже возникли ограничения в связи с пандемией COVID-19, которые привели к снижению объемов международных и внешнеэкономических контактов, глобальному кризису в логистике поставок. На этом фоне сохраняются продуктивные деловые контакты Татарстана с компаниями из развитых стран, расширяется спектр сотрудничества с государствами ближнего зарубежья, продолжается поиск новых партнеров в Азии и исламских странах. Данный этап характеризуется вкладом республики в сохранение отношений сотрудничества России со странами Европы, США и Японией за счет совместных проектов регионального уровня, адаптацией к усложнению логистики международных перевозок, а также формированием новых географических векторов международного сотрудничества. При поддержке федеральных структур продолжается плодотворное взаимодействие Татарстана с ЮНЕСКО, представители республики активно работают в составе российской делегации в Конгрессе местных и региональных властей Совета Европы, республика принимает престижные международные соревнования.

5-й этап (с февраля 2022 г.). Нарастающее усиление антироссийских санкций на фоне специальной военной операции на Украине, под которые попали также и ведущие предприятия Татарстана, привели к разрыву полноценного сотрудничества со многими деловыми партнерами из недружественных государств, ограничили доступ к технологиям, внешнеторговые операции. Республика участвует в переориентации на активизацию сотрудничества со странами СНГ, Азии, Ближнего Востока, установлении деловых контактов на африканском континенте. Ограничивается, а в отдельных случаях прекращается взаимодействие республики с рядом международных организаций: Советом Европы, включая Конгресс местных и региональных властей (выход России с 15 марта 2022 г.); ЮНЕСКО (перенос из Казани 45-й сессии Комитета всемирного наследия, запланированной на июнь 2022 г.); спортивными федерациями (перенос из Казани матча за Суперкубок УЕФА по футболу 2023 г., чемпионата мира по плаванию на короткой воде 2022 г. и чемпионата мира по вод-

ным видам спорта 2025 г.). Татарстан развивает международные связи в соответствии с актуальными внешнеполитическими приоритетами и задачами, определенными Президентом Российской Федерации. Существенную позитивную роль при этом играет накопленный опыт сотрудничества республики со странами ближнего зарубежья, исламского мира и Азии. Свидетельством вклада Татарстана в развитие восточного вектора российской внешней политики стало придание в январе 2023 г. федерального статуса международному экономическому форуму «Россия – исламский мир: KazanSummit» с уточнением его названия (указ Президента РФ от 17 января 2023 г. № 17). Переизбрание в октябре 2022 г. мэра Казани И.Р. Метшина президентом Консультативного комитета местных органов власти (UNACLA) при ООН подтверждает возможности регионов способствовать поддержанию контактов с международными организациями даже в условиях нарастающих антироссийских санкций.

Целенаправленное и заинтересованное участие Республики Татарстан в международном сотрудничестве обусловлено сочетанием комплекса политических, экономических и социально-гуманитарных факторов. Это динамично развивающийся регион с мощной диверсифицированной экономикой, во многом ориентированной на внешние рынки и кооперацию с зарубежными партнерами. Татарское купечество и интеллигенция имеют давние традиции торговых и культурных связей на пространстве Евразии. Татарстан является центром притяжения и объединения многочисленной татарской общины, насчитывающей около миллиона соотечественников за рубежом, и одновременно территорией совместного проживания сопоставимых по численности представителей православного русского населения и татар, исповедующих ислам. Последнее, в частности, обуславливает интерес республики к участию в развитии межцивилизационного и межконфессионального диалога. В период формирования современной российской государственности республика выступала последовательным сторонником федерализма, сохранения идентичности и национальных культур народов Российской Федерации.

По мере накопления опыта взаимодействия республики с международными акторами, создания институциональных, договорных и правовых основ осуществления внешних связей регионального уровня укреплялось осознание необходимости опоры на поддержку федеральных органов власти для успешного использования внешних ресурсов в целях социально-экономического развития регионов.

Опираясь на поддержку со стороны государства, Татарстан смог эффективно использовать потенциал внешних связей для модернизации экономики, реализации важных гуманитарных проектов, внедрения мирового опыта развития территорий.

Пройдя вместе со всей страной последовательные этапы построения федеративных отношений, участвуя в создании современной модели международного и межрегионального сотрудничества российских регионов, Республика Татарстан включилась в продвижение общенациональных интересов в мире. Скоординированная работа с МИД России и другими федеральными органами власти способствовали привлечению Татарстана к реализации отдельных направлений российской внешней политики с учетом экономических и этнокультурных особенностей региона. Среди них – участие в процессах Евразийской интеграции, построение пояса добрососедства по периметру российских границ, укрепление отношений со странами исламского мира, поддержка соотечественников и формирование позитивного образа России в мире.

Активная позиция Республики Татарстан по вопросам развития многостороннего международного сотрудничества регионов в постоянном взаимодействии с Федеральным центром способствует реализации общенациональных и региональных интересов, адаптации комплекса внешних связей к динамично меняющимся внешнеполитическим и внешнеэкономическим условиям, решению задач, поставленных Президентом Российской Федерации. Это приобретает особое значение на фоне попыток внешних сил развалить страну изнутри.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдулатипов Р. Г. Исламский вектор внешней политики России // *Международная жизнь*. 2020. № 6. С. 14–21.

2. Ашрафуллина Л. Ф. Роль Татарстана в создании евразийского имиджа России // *Власть*. 2010. № 8. С. 146–148.
3. Белая книга Татарстана. Путь к суверенитету: сб. офиц. док. 1990–1995 / отв. ред., сост. Р. С. Хакимов. Казань: Ин-т истории Акад. наук Татарстана, 1996. 102 с.
4. Внешние связи Республики Татарстан. Портал Официальный Татарстан. URL: <https://tatarstan.ru/about/vs.htm>
5. Выступление Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова на церемонии инаугурации «Казань – молодежная столица ОИС-2022», Москва, 15 марта 2022 г. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1804384/
6. Гиматдинов Р. Р., Насыров И. Р. Взаимодействие с соотечественниками на уровне российских регионов: опыт Татарстана // *Вестник МГИМО-Университета*. 2015. № 3 (42). С. 94–102.
7. Гиматдинов Р. Р., Насыров И. Р. Институт зарубежных представительств Республики Татарстан // *Международная жизнь*. 2015. № 3. С. 136–149.
8. Гиматдинов Р. Р., Насыров И. Р., Садыкова Э. Л. Участие регионов в реализации внешней политики Российской Федерации // *Международная жизнь*. 2019. № 8. С. 12–25.
9. Дробижева Л. М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2003. 376 с.
10. Дубровина О. Ю. Международные связи субъектов Сибирского федерального округа: политические аспекты // *Вестник РУДН. Серия: Политология*. 2010. № 3. С. 5–11.
11. Ельцин Борис: «Берите столько суверенитета, сколько сможете проглотить» // *Ельцин Центр*. 2015. 6 авг. URL: <https://yeltsin.ru/news/boris-elcincberite-stolko-suverineteta-skolko-smozhete-proglotit/>
12. Международные и внешнеэкономические связи регионов России: опыт Республики Татарстан / под ред. И. Р. Гафурова [и др.]. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2017. 472 с.
13. Мелешкина Е. Ю. Региональная идентичность как фактор становления региональных политик в Российской Федерации // *Вестн. Моск. ун-та. Серия 12, Политические науки*. 1999. № 6. С. 48–59.
14. Мухаметов Р. С. Парадипломатия российских регионов: возможности и ограничения (на примере Свердловской области) // *Социум и власть*. 2022. № 1 (91). С. 26–36. DOI: <https://doi.org/10.22394/1996-0522-2022-1-26-36>
15. Надеин-Раевский В. История пантюркизма и его современные сторонники. Ч. 2. Новый этап пантюркистских надежд // *Перспективы: электрон. журн*. 2022. № 2. С. 94–108. DOI: [10.32726/2411-3417-2022-2-94-108](https://doi.org/10.32726/2411-3417-2022-2-94-108)
16. Наумкин В. В. Ислам как коллективный игрок? // *Международные процессы*. 2006. Т. 4, № 10. С. 41–54.
17. Петухов А. В. Эволюция российского федерализма: политико-правовой анализ // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки*. 2009. № 3. С. 3–11.
18. Плотникова О. В. Международное сотрудничество регионов: концептуальные подходы. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. 356 с.
19. Попов В. В. О партнерстве цивилизаций // *Международная аналитика*. 2017. № 2 (20). С. 7–23. DOI: <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2017-0-2>
20. Публичная лекция Президента Республики Татарстан Минтимера Шаймиева в Гарвардском университете (США), 3 окт. 1994 г. URL: <https://shaimiev.tatarstan.ru/index.htm/ppub/1347751.htm>
21. Рыжова С. В. Российская идентичность на православно-исламском пограничье // *Социологические исследования*. 2020. № 8. С. 51–61. DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250010566-5>
22. Сагитова Л. В. Политика идентичности Татарстана в контексте становления федеративных отношений в современной России // *Вестник Московского государственного областного университета*. 2018. № 4. С. 135–148. DOI: <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2018-4-916>
23. «Сегодня можно партизанить, но с умом»: Тимур Акулов о внешних связях молодого Татарстана, 26 апреля 2018 г. URL: <http://www.tatarnews.ru/articles/9931>
24. Сергеев С. А., Сергеева З. Х. Татарский этнонационализм в Республике Татарстан: от рассвета до заката // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК*. 2009. Т. 5, № 1. С. 116–127.
25. Судьин А. В. Транзитный потенциал транспортной системы Татарстана // *Восточная аналитика*. 2019. № 2. С. 110–115.
26. Тагиров И. Р. О национальной государственности татарского народа // *Гасырлар авазы – Эхо веков*. 2009. № 2. С. 3–10.
27. Фарукшин М. Х. Сравнительный федерализм: учеб. по спецкурсу. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. 284 с.
28. Шафигуллина Л. Р. ТЮРКСОЙ: развитие международного культурного сотрудничества Татарстана в 1990–2000 гг. // *Гасырлар авазы – Эхо веков*. 2012. № 3/4. С. 7–15.
29. Щербакова Д. В., Медведь А. А. Факторы инвестиционной привлекательности регионов России // *Управленческое консультирование*. 2018. № 11. С. 119–131. DOI: <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2018-11-119-131>
30. Duchacek I. D. The International Dimension of Subnational Self-Government // *Publius: The Journal of Federalism*. 1984. Vol. 14, № 4. P. 5–31.

DOI: <https://doi.org/10.1093/oxfordjournals.pubjof.a037513>

31. Exploring the Global Dimensions of Paradiplomacy. Forum of Federations. Library. URL: <https://forumfed.org/document/exploring-the-global-dimensions-of-paradiplomacy/>

32. Hocking B. Localizing Foreign Policy : Non-Central Governments and Multilayered Diplomacy. N. Y.: St. Martin's Press, 1993. 254 p.

33. Hsiung J. C. China's Omni-Directional Diplomacy: Realignment to Cope with Monopolar US Power // Asian Survey. 1995. Vol. 35, № 6. P. 573–586.

34. Kincaid J. Foreign Relations of Sub-National Units: Constituent Diplomacies in Federal Systems // Federalism in a Changing World: Learning from Each Other / eds.: R. Blindenbacher and A. Koller. Montreal: McGill-Queens University Press, 2002. P. 74–96.

35. Tatham M., Thau M. The More the Merrier: Accounting for Regional Paradiplomats in Brussels // European Union Politics. 2014. Vol. 15, № 2. P. 255–276. DOI: <https://doi.org/10.1177/1465116513512539>

REFERENCES

1. Abdulatipov R.G. Islamskii vektor vneshnei politiki Rossii [Islamic Vector of Russia's Foreign Policy]. *Mezhdunarodnaia zhizn* [International Affairs], 2020, no. 6, pp. 14–21.

2. Ashrafullina L.F. Rol Tatarstana v sozdanii evraziiskogo imidzha Rossii [The Role of Tatarstan in Creating the Eurasian Image of Russia]. *Vlast* [The Authority], 2010, no. 8, pp. 146–148.

3. Khakimov R.S., ed. *Belaia kniga Tatarstana. Put k suverenitetu: sb. ofits. dok. 1990–1995* [White Book of Tatarstan. The Path to Sovereignty. Collection of Official Documents. 1990–1995]. Kazan, In-t istorii Acad. nauk Tatarstana, 1996. 102 p.

4. *Vneshnie svyazi Respubliki Tatarstan. Portal Ofitsialnyi Tatarstan* [External Relations of the Republic of Tatarstan. Integrated Portal Official Tatarstan]. URL: <https://tatarstan.ru/about/vs.htm>

5. *Vystuplenie Ministra inostrannykh del Rossiiskoi Federatsii S.V. Lavrova na tseremonii inauguratsii «Kazan – molodezhnaia stolitsa OIS-2022»*, Moskva, 15 marta 2022 g. [Speech by the Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation Sergey Lavrov at the Inauguration Ceremony “Kazan – The Youth Capital of the OIC-2022”, Moscow, March 15, 2022]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1804384/

6. Gimatdinov R.R., Nasyrov I.R. Vzaimodeistvie s sootchestvennikami na urovne rossiiskikh regionov: opyt Tatarstana [Interaction with Compatriots at the Level of Russian Regions: The Experience of

Tatarstan]. *Vestnik MGIMO-Universiteta* [MGIMO Review of International Relations], 2015, no. 3 (42), pp. 94–102.

7. Gimatdinov R.R., Nasyrov I.R. Institut zarubezhnykh predstavitelstv Respubliki Tatarstan [Institute of Foreign Missions of the Republic of Tatarstan]. *Mezhdunarodnaia zhizn* [International Affairs], 2015, no. 3, pp. 136–149.

8. Gimatdinov R.R., Nasyrov I.R., Sadykova E.L. Uchastie regionov v realizatsii vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii [Participation of Regions in the Implementation of the Foreign Policy of the Russian Federation]. *Mezhdunarodnaia zhizn* [International Affairs], 2019, no. 8, pp. 12–25.

9. Drobizheva L.M. *Sotsialnye problemy mezhnatsionalnykh otnoshenii v postsovetskoi Rossii* [Social Problems of Interethnic Relations in Post-Soviet Russia]. Moscow, Centr obshechelovecheskikh thennostey, 2003. 376 p.

10. Dubrovina O.Iu. Mezhdunarodnye svyazi subiektov Sibirskogo federalnogo okruga: politicheskie aspekty [International Relations of the Subjects of the Siberian Federal District: Political Aspects]. *Vestnik RUDN. Seriya: Politologiya* [Vestnik RUDN. Political Science], 2010, no. 3, pp. 5–11.

11. Eltsin Boris: «Berite stolko suvereniteta, skolko smozhete progлотit» [Take as Much Sovereignty as You Can Swallow]. *Eltsin Tsentr*, 2015, Aug. 6. URL: <https://yeltsin.ru/news/boris-elcin-berite-stolko-suvereniteta-skolko-smozhete-progлотit/>

12. Gafurov I.R., Gimatdinov R.R., Nasyrov I.R. et al., eds. *Mezhdunarodnye i vneshneekonomicheskie svyazi regionov Rossii: opyt Respubliki Tatarstan* [International and Foreign Economic Relations of Russian Regions: The Experience of the Republic of Tatarstan]. Kazan, Izd-vo Kazan. un-ta, 2017. 472 p.

13. Meleshkina E.Iu. Regionalnaia identichnost kak faktor stanovleniia regionalnykh politik v Rossiiskoi Federatsii [Regional Identity as a Factor in the Formation of Regional Policies in the Russian Federation]. *Vestn. Mosk. un-ta. Seriya 12. Politicheskie nauki* [Moscow University Bulletin. Series 12. Political Science], 1999, no. 6, pp. 48–59.

14. Mukhametov R.S. Paradiplomatiia rossiiskikh regionov: vozmozhnosti i ogranicheniia (na primere Sverdlovskoi oblasti) [Paradiplomacy of the Russian Regions: Opportunities and Limitations (On the Example of the Sverdlovsk Region)]. *Sotsium i vlast* [Society and Power], 2022, no. 1 (91), no. 26–36. DOI: <https://doi.org/10.22394/1996-0522-2022-1-26-36>

15. Nadein-Raevskii V. Istoriia panturkizma i ego sovremennye storonniki. Ch. 2. Novyi etap panturkistskikh nadezhd [History of Pan-Turkism and Its Modern Supporters. Part 2. A New Stage of Pan-Turkic Hopes]. *Perspektivy: elektron. zhurn.*

[Perspectives. Electronic Journal], 2022, no. 2, pp. 94-108. DOI 10.32726/2411-3417-2022-2-94-108

16. Naumkin V.V. Islam kak kollektivnyi igrok? [Islam as a Collective Player?]. *Mezhdunarodnye protsessy* [International Trends], 2006, vol. 4, no. 10, pp. 41-54.

17. Petukhov A.V. Evoliutsiia rossiiskogo federalizma: politiko-pravovoi analiz [Evolution of Russian Federalism: Political and Legal Analysis]. *Izvestiia vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Obshchestvennye nauki* [University Proceedings. Volga Region. Social Sciences], 2009, no. 3, pp. 3-11.

18. Plotnikova O.V. *Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo regionov: kontseptualnye podkhody* [International Cooperation of Regions: Conceptual Approaches]. Novosibirsk, Izd-vo SO RAN, 2005. 356 p.

19. Popov V.V. O partnerstve tsivilizatsii [On the Partnership of Civilizations]. *Mezhdunarodnaia analitika* [Journal of International Analytics], 2017, no. 2 (20), pp. 7-23. DOI: <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2017-0-2>

20. *Publichnaia leksiia Prezidenta Respubliki Tatarstan Mintimera Shaimieva v Garvardskom universitete (SShA)* [Public Lecture by the President of the Republic of Tatarstan Mintimer Shaimiev at Harvard University (USA)], October 3, 1994. URL: <https://shaimiev.tatarstan.ru/index.htm/ppub/1347751.htm>

21. Ryzhova S.V. Rossiiskaia identichnost na pravoslavno-islamskom pograniche [Russian Identity on the Orthodox-Islamic Borderland]. *Sotsiologicheskie issledovaniia* [Sociological Studies], 2020, no. 8, pp. 51-61. DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250010566-5>

22. Sagitova L.V. Politika identichnosti Tatarstana v kontekste stanovleniia federativnykh otnoshenii v sovremennoi Rossii [Identity Policy of Tatarstan in the Context of the Formation of Federative Relations in Modern Russia]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta* [Bulletin of Moscow Region State University], 2018, no. 4, pp. 135-148. DOI: <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2018-4-916>

23. «Segodnia možno partizanit, no s umom»: Timur Akulov o vneshnikh svyaziakh molodogo Tatarstana [“Today You Can Partisan, but Wisely»: Timur Akulov on the External Relations of Young Tatarstan], April 26, 2018. URL: <http://www.tatarnews.ru/articles/9931>

24. Sergeev S.A., Sergeeva Z.Kh. Tatarskii etnonatsionalizm v Respublike Tatarstan: ot rassveta

do zakata [Tatar Ethnonationalism in the Republic of Tatarstan: From Dawn to Dusk]. *Politicheskaia ekspertiza: POLITEKS* [Political Expertise: POLITEX], 2009, vol. 5, no. 1, pp. 116-127.

25. Sudyin A.V. Tranzitnyi potentsial transportnoi sistemy Tatarstana [Transit Potential of the Transport System of Tatarstan]. *Vostochnaia analitika* [Eastern Analytcs], 2019, no. 2, pp. 110-115.

26. Tagirov I.R. O natsionalnoi gosudarstvennosti tatarskogo naroda [On the National Statehood of the Tatar People]. *Gasyrlar avazy – Ekho vekov* [Echo of Ages], 2009, no. 2, pp. 3-10.

27. Farukshin M.Kh. *Sravnitelnyi federalizm: ucheb. po spetskursu* [Comparative Federalism: A Textbook for a Special Course]. Kazan, Izd-vo Kazan un-ta, 2001. 284 p.

28. Shafigullina L.R. TIURKSOI: razvitie mezhdunarodnogo kulturnogo sotrudnichestva Tatarstana v 1990–2000 gg. [TURKSOY: Development of International Cultural Cooperation of Tatarstan in 1990–2000]. *Gasyrlar avazy – Ekho vekov* [Echo of Ages], 2012, no. 3/4, pp. 7-15.

29. Shcherbakova D.V., Medved A.A. Faktory investitsionnoi privlekatelnosti regionov Rossii [Factors of Investment Attractiveness of Russian Regions]. *Upravlencheskoe konsultirovanie* [Administrative Consulting], 2018, no. 11, pp. 119-131. DOI: <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2018-11-119-131>

30. Duchacek I.D. The International Dimension of Subnational Self-Government. *Publius: The Journal of Federalism*, 1984, vol. 14, no. 4, pp. 5-31. DOI: <https://doi.org/10.1093/oxfordjournals.pubjof.a037513>

31. *Exploring the Global Dimensions of Paradiplomacy. Forum of Federations. Library*. URL: <https://forumfed.org/document/exploring-the-global-dimensions-of-paradiplomacy/>

32. Hocking B. *Localizing Foreign Policy: Non-Central Governments and Multilayered Diplomacy*. New York, St. Martin's Press, 1993. 254 p.

33. Hsiung J.C. China's Omni-Directional Diplomacy: Realignment to Cope with Monopolar US Power. *Asian Survey*, 1995, vol. 35, no. 6, pp. 573-586.

34. Kincaid J. Foreign Relations of Sub-National Units: Constituent Diplomacies in Federal Systems. Blindenbacher R., Koller A. eds. *Federalism in a Changing World: Learning from Each Other*. Montreal, McGill-Queens University Press, 2002, pp. 74-96.

35. Tatham M., Thau M. The More the Merrier: Accounting for Regional Paradiplomats in Brussels. *European Union Politics*, 2014, vol. 15, no. 2, pp. 255-276. DOI: <https://doi.org/10.1177/1465116513512539>

Information About the Author

Ildar R. Nasyrov, Doctor of Sciences (Politics), Associate Professor, Professor, Department of Regional Studies and Digital Humanities, Kazan (Volga Region) Federal University, Kremlyovskaya St, 18, 420008 Kazan, Russian Federation, Ildar.Nasyrov@tatar.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7117-3636>

Информация об авторе

Ильдар Рустамбекович Насыров, доктор политических наук, доцент, профессор кафедры регионоведения и цифровой гуманитаристики, Казанский (Приволжский) федеральный университет, ул. Кремлевская, 18, 420008 г. Казань, Российская Федерация, Ildar.Nasyrov@tatar.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7117-3636>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.2.20>

UDC 323

LBC Ф3(2Рос),4

Submitted: 28.01.2024

Accepted: 29.02.2024

THE ROLE OF POLITICAL INSTITUTIONS IN THE ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE SOUTH OF RUSSIA IN THE NEW REALITY¹

Inna V. Mitrofanova

Federal Research Centre the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences,
Rostov-on-Don, Russian Federation;
Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Olga A. Chernova

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* Ineffective resolution of economic problems by political institutions can jeopardize a country's technological sovereignty in the face of existing geopolitical challenges. The purpose of the article is to identify areas for increasing the efficiency of the functioning of political institutions from the point of view of ensuring the economic security of the southern Russian regions, considering the challenges of socio-economic development that exist for them. *Methodology and methods.* This study centers on the Southern Federal District, which acts as an administrative entity responsible for implementing regional-level economic policies. The research utilized content analysis of scientific publications and comparative analysis of regional socio-economic indicators of economic development as part of implementing economic policy. The method for analyzing the influence of political institutions on economic development was based on the principle of balancing the combination of tactical and strategic decisions in assessing the effectiveness of implemented measures and was based on the basic principles of the theory of factors of production. *Analysis.* An analysis of the results of the economic policy pursued in the southern Russian regions showed that a relatively high level of resistance to sanctions challenges is ensured mainly by the export capabilities of agricultural products. However, the continued high level of import dependence on production increases the risk of conflict over the use of production factors between export-oriented companies and companies oriented to the domestic market, which creates significant threats to the implementation of national growth models. The turn of state economic policy towards the global East and South poses the tasks of the authorities of the southern Russian regions to develop transport infrastructure, as well as state support for companies participating in the construction of new production and supply chains. At the same time, increasing migration flows from border areas requires solving the problem of ensuring the socio-economic well-being of both the people moving and the host community. *Results.* It was found that the existing political risks to the economic development of southern Russian regions are associated with a lack of balance between the political decisions made and the strategic objectives of achieving technological sovereignty. It is concluded that the conditions of modern economic reality require economic and political mobilization to achieve value consensus and consolidation in society in order to solve the problems of economic development, implemented through the responsibility and patriotic position of political and economic elites at all levels of government. *Authors' contribution.* I.V. Mitrofanova: development and justification of the concept; interpretation and synthesis of research results; O.A. Chernova: formation of methodology; development of research design; content analysis; formulation of conclusions.

Key words: political institutions, technological sovereignty, economic policy, economic development, southern Russian regions, political risks.

Citation. Mitrofanova I.V., Chernova O.A. The Role of Political Institutions in the Economic Development of the South of Russia in the New Reality. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 2, pp. 237-254. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.2.20>

РОЛЬ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ ЮГА РОССИИ В УСЛОВИЯХ НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ¹

Инна Васильевна Митрофанова

Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН,
г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация;
Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Ольга Анатольевна Чернова

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В условиях существующих геополитических вызовов неэффективное решение политическими институтами экономических проблем может привести к значительным негативным последствиям, представляющим угрозу технологическому суверенитету страны. Цель статьи – выявление направлений повышения эффективности функционирования политических институтов с точки зрения обеспечения экономической безопасности южнороссийских регионов в существующих для них вызовах социально-экономического развития. *Методология и методы.* Объект исследования – Южный федеральный округ (ЮФО). Методы исследования: контент-анализ научных публикаций и сравнительный анализ показателей социально-экономического развития регионов в рамках реализации экономической политики. Методология исследования опиралась на принцип сбалансированности сочетания тактических и стратегических решений в оценке эффективности реализуемых мер и базировалась на основных положениях теории факторов производства. *Анализ* результатов проводимой в южнороссийских регионах экономической политики показал, что разворот государственной экономической политики на глобальные Восток и Юг ставит перед властями южнороссийских регионов задачи развития транспортной инфраструктуры, а также осуществления государственной поддержки компаний, участвующих в построении новых производственно-сбытовых цепочек. Одновременно усиление миграционных потоков из приграничных территорий требует решения проблем обеспечения социально-экономического благополучия как переезжающих людей, так и принимающего сообщества. *Результаты.* Было установлено, что существующие политические риски экономическому развитию южнороссийских регионов связаны с отсутствием баланса между принимаемыми политическими решениями и стратегическими задачами достижения технологического суверенитета. Условия современной экономической реальности требуют экономической и политической мобилизации для достижения ценностного консенсуса и консолидации общества в целях решения задач экономического развития, реализуемой через ответственность и патриотическую позицию политических и экономических элит на всех уровнях управления. *Вклад авторов.* И.В. Митрофанова – разработка и обоснование концепции, интерпретация и обобщение результатов исследования; О.А. Чернова – формирование методологии, разработка структуры исследования, проведение контент-анализа, формулировка выводов.

Ключевые слова: политические институты, технологический суверенитет, экономическая политика, экономическое развитие, южнороссийские регионы, политические риски.

Цитирование. Митрофанова И. В., Чернова О. А. Роль политических институтов в экономическом развитии Юга России в условиях новой реальности // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 2. – С. 237–254. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.2.20>

Введение. Политические институты являются важным фактором экономического развития страны и ее регионов. Исследования в области политической экономии подчеркивают важность политического дизайна в формировании определенных социально-эко-

номических результатов, особенно в период различных потрясений и шоковых событий [36; 41; 42; 47]. Одновременно кризисы часто выявляют недостатки существующих политических институтов, давая возможность переосмыслить их значимость в воссоздании ста-

бильных социально-экономических условий жизнедеятельности. Вопрос о том, в какой мере и как политические институты способствуют экономическому развитию, по-прежнему остается дискуссионным. При этом реальная практика демонстрирует, что выбор и эффективность реализуемых политических мер определяется: во-первых, спецификой существующих вызовов экономического развития [31; 32; 37]; во-вторых, спецификой местных и региональных социально-политических факторов и условий [36; 44].

В настоящее время перед экономикой Юга России стоят беспрецедентные вызовы, обусловленные как еще ощущаемыми последствиями коронакризиса, так и действующими в отношении России экономическими санкциями со стороны западных стран, обусловленными началом проведения специальной военной операции (далее – СВО). Поэтому критически важным становится вопрос о том, как именно политические институты могут способствовать экономическому процветанию российских регионов. Формируемая новая реальность, будучи непосредственно связанной с политическими институтами, предполагает радикальные изменения в направлении их воздействия на экономику [52]. При этом существующие геополитические вызовы экономическому развитию регионов России требуют выхода за рамки традиционных задач поддержания экономического роста и включают потребность в обеспечении национальной безопасности в целях предотвращения экономических катастроф и снижения социальной напряженности. Как справедливо отмечают Ш. Саха и К. Сен, роль политических институтов в смягчении последствий политических кризисов может отличаться от их роли в смягчении экономических кризисов [51]. Это повышает актуальность исследования роли политических институтов в условиях беспрецедентной текущей экономической ситуации, характеризующейся как новая реальность.

Цель данной статьи – выявление направлений повышения эффективности функционирования политических институтов с точки зрения обеспечения экономической безопасности южнороссийских регионов в существующих для них вызовах социально-экономического развития. При этом особый ак-

цент сделан на необходимости обеспечить взаимосвязанность политических и экономических инструментов в условиях существующих экономических вызовов. Гипотеза исследования состоит в том, что политические институты могут быть использованы в качестве инструментов экономического развития региона.

Методы и методология исследования. Для исследования влияния политических институтов на решение задач экономического развития регионов проводился контент-анализ научных публикаций в рассматриваемой предметной области. Методология анализа влияния политических институтов на экономическое развитие опиралась на принцип сбалансированности сочетания тактических и стратегических решений в оценке эффективности реализуемых мер, а также принцип учета легитимности политической системы и ее институтов.

В основу исследования политических рисков южнороссийских регионов в условиях новой экономической реальности положена теория факторов производства. Это позволило акцентировать внимание на том, что перспективы экономического развития во многом определяются характером распределения экономических ресурсов. Поэтому в зависимости от того, в какой мере государство способно обеспечить их справедливое распределение, определяется эффективность функционирования политических институтов. При этом, в отличие от имеющихся исследований, фокусирующихся на конкретных ключевых вмешательствах политических институтов в политику экономического развития, связанных с обеспечением граждан определенными общественными благами (образование, медицина, энергоснабжение и пр.), в данном исследовании фокус сделан на расширении экономических возможностей для обеспечения технологического суверенитета как ключевого фактора преодоления «зависимого развития».

Объектом исследования выступает Южный федеральный округ (далее – ЮФО) как административное формирование, реализующее на региональном уровне государственную экономическую политику. Источником послужили официальные данные Росстата, а также находящиеся в свободном досту-

пе материалы исследований НИУ «Высшая школа экономики», публикации органов государственной власти.

Результаты исследования. Влияние политических институтов на экономическое развитие. При ответе на вопрос, что детерминирует экономическое развитие и является основным источником трансформаций в современной экономике, большинство исследователей называют политические институты – совокупность социально сконструированных, устойчивых норм, правил и принципов общественного взаимодействия, на основе которых функционирует публичная власть [1; 39]. Экономическое развитие региональных экономик непосредственно согласуется с функционированием политических институтов, поскольку не может быть обеспечено исключительно действием рыночных сил. Посредством реализации фискальных и финансово-кредитных мер политические институты влияют на возможности накопления физического капитала, на стимулирование инновационных преобразований в экономике, на индивидуальные предпочтения мотивации к накоплению или к желанию инвестировать, на направления инвестиционных вложений и пр.

Чаще всего в научных кругах полемика разворачивается вокруг вопроса о том, какой режим, демократический или авторитарный, в большей степени способствует экономическому развитию. В свете быстрого экономического роста Китая и Сингапура все большее число ученых склоняется в пользу авторитарной политики, эмпирически доказывая отрицательное или нулевое влияние демократии на экономический рост [38; 47]. В то же время китайские исследователи отмечают, что, несмотря на то что гегемония сыграла решающую роль в текущем экономическом успехе страны, политический институт в Китае реализует стратегии экономического развития за счет создания рыночных механизмов [50]. При этом государственные компании являются менее эффективными и производительными, чем частные компании, что в условиях дискриминации частного сектора и высоких институциональных барьеров для них отрицательно влияет на долгосрочный экономический рост [57]. Сингапур, также имея статус авторитарной страны, тем не менее

поддерживает самую свободную экономику в мире, подтверждая аргумент, что политические институты, отличаясь значительным разнообразием, могут играть существенную роль в укреплении рынка [34]. Это позволяет исследователям говорить о формировании уникального типа политического устройства Китая и Сингапура, определяемого как государственный капитализм, а не как авторитарный режим [56].

Политическая власть, исходящая от политических институтов, является решающим фактором в определении «набора» экономических институтов, устанавливая нормы экономического взаимодействия, определяющие ограничения и мотивы ключевых акторов экономического развития. Можно выделить два основных направления влияния политических институтов на экономическое развитие: поддержка предпринимательства и поощрение конкуренции; влияние на доступ к финансовым ресурсам посредством установления нормы кредитования и фискальной политики.

Поддержка предпринимательства и поощрение конкуренции во многом связаны с решением задачи сокращения разрыва между богатыми и бедными, поскольку неравенство во владении факторами производства приводит к замедлению экономического роста. Так, опыт Китая демонстрирует, что их экономический успех во многом связан с политическими реформами, направленными на мобилизацию и управление ресурсами и человеческим капиталом таким образом, чтобы способствовать инновациям и развитию гармоничного общества с высоким уровнем дохода [35]. Стремление к политике, сохраняющей экономические позиции лиц, контролирующих экономику, подрывает возможности экономического роста [50]. Оппортунизм, коррупция, погоня за рентой в рядах политических элит – все это отвлекает финансовые ресурсы от инноваций, развития человеческого капитала, технологий. Следовательно, эффективность экономических инструментов определяется эффективностью действующих политических институтов, которые должны обеспечивать ограничение влияния и власти тех, кто определяет правила, выступая фактором защиты людей от самого государства [49].

Как известно, основным барьером экономического развития является доступ к финансовым ресурсам. Поэтому вторым важнейшим направлением влияния политических институтов на экономическое развитие является регулирование деятельности финансового рынка.

Во всем мире для стимулирования спроса и предложения на финансовом рынке правительства используют инструмент ключевой процентной ставки. Например, для стимулирования развития приоритетных отраслей экономики в 2016 г. Европейским центральным банком были введены отрицательные ставки [19]. Данная мера являлась довольно нестандартной и, несмотря на продемонстрированную успешность в устранении недостатков трансмиссии денежно-кредитной политики, этот опыт не был транслирован в другие страны. Так, М.В. Ершов, А.С. Танасова, Е.Ю. Соколова считают, что вполне достаточным для того, чтобы активизировать инвестиционную деятельность в регионах, является снижение процентной ставки до уровня рентабельности приоритетных отраслей экономики [8].

Еще одним каналом политического влияния на повышение предложения на финансовом рынке становится поощрение конкуренции среди неформальных финансовых институтов. Однако это, как и рост инвестиционной активности, еще не гарантирует экономический рост. Если развитие финансовой системы не отражается на реальном секторе, то это негативно влияет на экономику. Кроме того, как отмечают К. Магаццино, М. Меле и Ф.С. Сантерамо, низкое качество финансовых институтов в странах с невысоким уровнем экономического развития приводит к тому, что доступ к кредитам мало влияет на экономический рост и, более того, может вести к финансовой нестабильности в результате возникновения проблемных долгов [43].

Доступ к финансовым ресурсам также регулируется посредством проведения фискальной политики, которая всегда находится в руках правительства и злоупотребления в которой приводят к замедлению экономических реформ, провоцируя финансовые стрессы, которые, в свою очередь, передают импульсы к реальному сектору экономики [14]. Действительно, как показывает исследование

А. Гольпе, А. Санчес-Фуэнтес, Х.А. Видес, переменные фискальной политики являются катализаторами всех экономических процессов, определяющих макроэкономическую стабильность [40]. Поэтому поддержание «разумного» налогового бремени является важной составляющей фискальной политики с точки зрения поддержания процессов экономического роста.

Оценивая роль политических институтов в решении экономических проблем российских регионов в условиях СВО, исследователи подчеркивают, что основную регулиющую роль в управлении стрессом в экономике продолжает играть денежно-кредитная политика, определяющая масштабы рефинансирования банковского сектора [16; 17]. Так, для компенсации возросших инфляционных рисков Центробанк России в феврале 2022 г. повысил ключевую ставку более чем в два раза. По мнению С.Ю. Глазьева, такая политика удорожания и сжатия денежного предложения отражает неподчинение институтов государственного регулирования экономики задачам ее развития, поскольку искусственно сдерживает процессы модернизации [7]. В этой связи отдельными политическими лидерами и общественными деятелями предлагаются альтернативные проводимому Правительством России курсу экономического развития реформы. В частности, к кардинальному изменению проводимой экономической политики призывает зампред Комитета Госдумы по экономической политике М.Г. Делягин, поддерживая мягкую национализацию стратегически значимых отраслей промышленности, предприятий инфраструктурных монополий, а также банков [15]. При этом он отмечает, что существующая структура бюджета в целом инерционна и не отражает стоящих перед Россией задач.

Тем не менее содержание экономических мер региональных властей в полной мере отражает политическую идеологию, выступающую за обеспечение технологического суверенитета и укрепление национальной безопасности страны [2; 21]. Региональные власти в осуществлении своих полномочий ориентируются на формирование новой модели развития – ограниченно открытой экономики суверенного типа, принципы которой были сфор-

мулированы В.В. Путиным на Петербургском форуме в июне 2022 года [23]. При этом акцент в экономической политике регионов смещается с реализации антикризисных мер на содействие структурной трансформации экономики в целях ее адаптации к новым вызовам [22].

Как верно подчеркивают исследователи, в условиях кризисов государственная политика становится основным инструментом управления, позволяющим ориентировать предпринимательский ресурс экономики на реализацию общественных интересов [5; 20; 27]. В то же время С.М. Иншаков и В.А. Казакова отмечают, что политическая и экономическая элита российского общества еще далека от реализации интересов национальной безопасности, что проявляется в принятии экономически неэффективных политических решений [10]. Экономические шоки, как отмечают К.О. Оланий, Н.М. Одиамбо, часто провоцируют использование политических инструментов в защиту конкретных интересов, а не государственных [48].

Все это свидетельствует о том, что, несмотря на имеющееся довольно большое число исследований влияния политических институтов на экономическое развитие, они фокусируются на анализе экономических эффектов демократического и авторитарного режима в условиях типичных для рыночной экономики кризисов. Поэтому сделанные выводы о характере влияния отдельных политических мер на экономическое развитие требуют пересмотра в контексте вызовов новой реальности.

Тем не менее, несмотря на указанные ограничения, проведенный анализ публикаций позволил сделать ряд выводов, имеющих значение для достижения целей данного исследования: эффективное экономическое развитие не является следствием действия рыночных сил, а представляет собой результат функционирования политических институтов, формирующих экономическое поведение хозяйствующих субъектов и правила их взаимодействий на рынке; неразвитость политических институтов создает лазейки, способствующие проявлению негативных эффектов в виде коррупции, перенаправлению финансовых ресурсов в непроизводственный сектор экономики,

а также выводу финансовых ресурсов за рубеж; для разных стран и регионов деятельность политических институтов имеет разную отдачу, тесно связанную с имеющимися традициями в решении отдельных социально-экономических проблем и с проявлением различных аспектов экономической жизни общества.

Анализ экономической политики в южнороссийских регионах в условиях санкций 2014–2021 годов. Одним из основных политических инструментов внешней политики выступают санкции как имеющие более выраженный экономический эффект, чем дипломатические вмешательства [54]. Однако экономика южнороссийских регионов всегда отличалась относительно высоким уровнем устойчивости к санкционным вызовам в силу своей агропромышленной специализации.

Как известно, санкционные меры обычно направлены на импорт, поскольку введение санкций против экспорта является значительно сложнее в силу большей политической сплоченности и эффективности потребителей по сравнению с производителями [33]. Поэтому в условиях введения с 2014 г. западными странами санкций в отношении России относительно стабильное развитие экономики южнороссийских регионов во многом определялось сохранением экспортных возможностей продукции АПК, занимающей значительный удельный вес в общем объеме экспорта (рис. 1).

Как видно из данных рисунка 1, в период санкционных воздействий объем экспорта продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья, а также продукции сельскохозяйственного машиностроения увеличился как в абсолютном, так и в относительном выражении, составляя к началу СВО суммарно более 50 % в общем объеме экспорта.

Параллельно с этим региональными властями осуществлялся поиск новых партнеров, делающих доступным импорт средств производства. При этом вместо поддержки собственного производства поощрялись зарубежные инвестиции в российскую экономику с увеличением объема иностранных активов в ее структуре. Если в 2014 г. общий объем накопленных иностранных активов составлял 1 474,6 млрд долл., то на 1 июля 2021 г. – 1 583,3 млрд долл., увеличившись на 7,4 % [18].

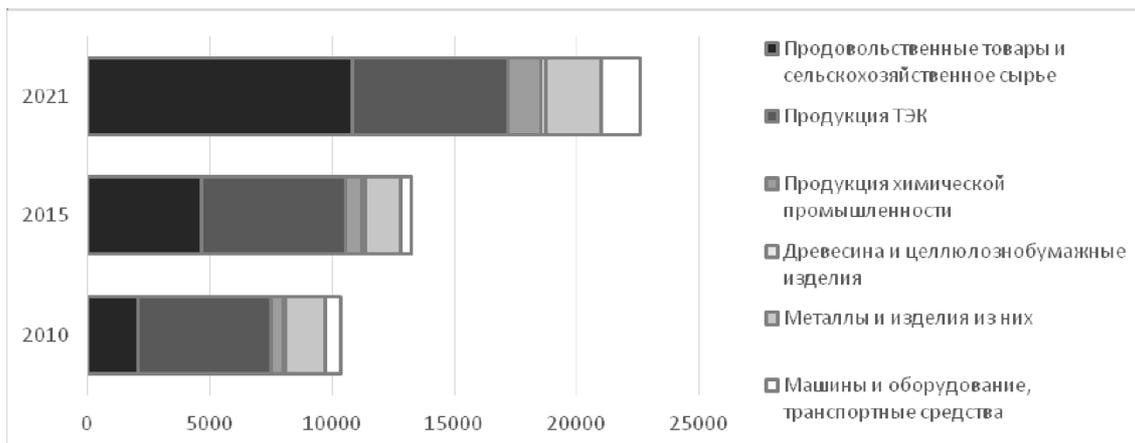

Рис. 1. Структура экспорта в ЮФО, млн долл. США

Fig. 1. Export structure to the Southern Federal District, million US dollars

Примечание. Источник: [26].

Как свидетельствуют данные рисунка 2, в ЮФО до 2017 г. в целом сохранялся рост объемов иностранных инвестиций, который снизился в период коронакризиса. В 2021 г., несмотря на значительное изъятие иностранных активов (более 25 % от поступивших инвестиций), экономика южнороссийских регионов вернулась на траекторию восстановительного роста [45].

В целом можно констатировать, что в политической ориентации РФ в период с 2014 г. до начала СВО продолжался акцент на удовлетворение потребностей различных слоев населения в качественной промышленной про-

дукции за счет импорта. В результате это привело к тому, что отечественный бизнес остался практически незащищенным от иностранной конкуренции, а различным транснациональным корпорациям был открыт доступ к факторам производства. Так, объем импорта машин, оборудования и транспортных средств увеличился с 1 842,7 млн долл. США в 2015 г. до 2 585,7 в 2021 году.

По данным аналитического доклада НИУ ВШЭ об импортозамещении в российской экономике, в 2018 г. вклад импорта в конечное потребление российской экономики составил 21,1 %, а доля иностранной добав-

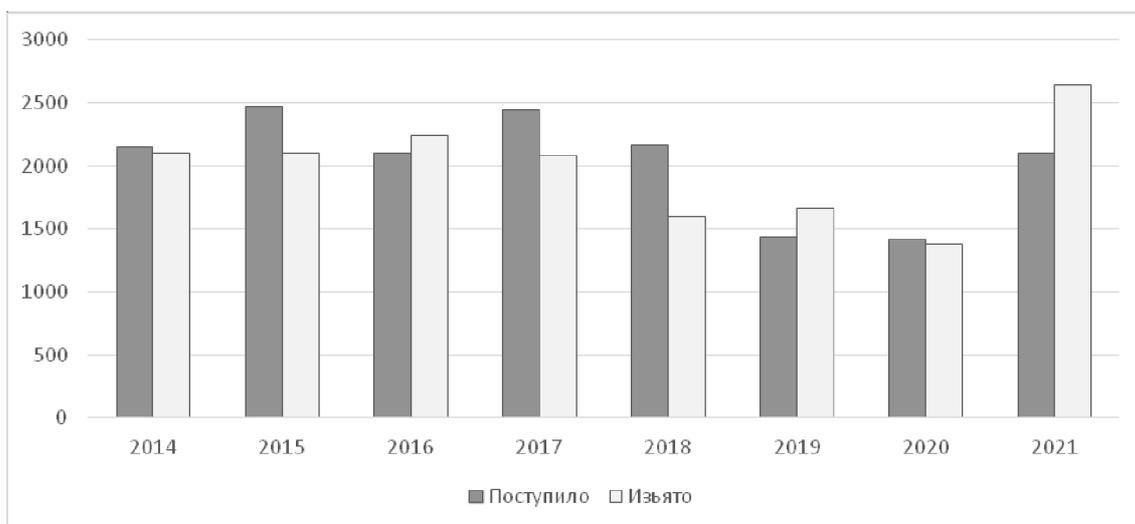

Рис. 2. Поступление прямых иностранных инвестиций в экономику ЮФО, млн долл. США

Fig. 2. Receipt of foreign direct investment into the economy of the Southern Federal District, million US dollars

Примечание. Источник: [18].

ленной стоимости в конечном потреблении промышленного сектора – 38,6 %. Несмотря на то что в наиболее значимых секторах экономики южнороссийских регионов произошло некоторое снижение импортозависимости (сельское хозяйство – с 22,2 до 20,7 %, пищевые продукты, напитки и табак – с 37 до 27,4 %, металлопродукция – с 42,6 до 33,2 %), значительное число отраслей (машины и оборудование, электротехническое оборудование, автомобили и полуприцепы, компьютерное и электронное оборудование) осталось в зоне высоких экономических и политических рисков в силу высокой степени зависимости от импорта из недружественных стран (более 50 %) [13]. При этом от 30 до 40 % производителей обрабатывающих отраслей оценивали свою импортозависимость как критическую.

В значительной степени все это связано с тем, что принятая в 2014 г. политика импортозамещающей неоиндустриализации не смогла обеспечить достаточных экономических стимулов хозяйствующим субъектам для реализации проектов импортозамещения. Несбалансированный подход к промышленному развитию, при котором задачи импортозамещения не подкреплялись развитием институтов, стимулирующих промышленные инвестиции, привел к тому, что зависимость российской экономики от импорта не снизилась, но изменилась географическая структура импорта с переориентацией от недружественных стран к дружественным.

Импортозамещение для отечественных компаний носило «принудительный» характер, а не являлось результатом естественного развития. Поэтому инноватизация производства осуществлялась преимущественно за счет иностранных инвестиций, что сделало реализацию национальных проектов, направленных на структурную трансформацию экономики и реализацию импортозамещающего производства, сложновыполнимой задачей. Более того, сохранение высокой зависимости экономики южнороссийских регионов от импорта привело к возникновению конфликта по поводу использования факторов производства между компаниями, конкурентоспособными для ориентации на экспорт, и теми, кто проигрывал от конкуренции с импортом, а также между

экспортно ориентированными фирмами и фирмами, ориентированными на внутренний рынок. Такого рода конфликт, как отмечает А. Насимулла, приводит к возникновению значительных барьеров для реализации национальных моделей роста, надолго ограничивая перспективы формирования технологического суверенитета [46].

Фактически в период проводимой в 2014–2021 гг. экономической политики в южнороссийских регионах сформировались три категории производителей: компании, которые производят и экспортируют сырье; транснациональные компании, инвестирующие в отечественное производство, в том числе на основе партнерства; компрадоры, действующие как агенты международных деловых интересов. При этом иностранные собственники стали значимыми игроками южнороссийского рынка, еще более усугубляя экономическую зависимость региона, угрожая вывести свои активы в случае несоответствия установленным ими правилам игры.

Исследования показывают, что региональные власти в рамках антикризисной политики предпочитали следовать «примеру столицы», при этом, как правило, используя меры, ранее доказавшие свою эффективность [11]. Однако в условиях беспрецедентности текущих вызовов для российской экономики возникают новые политические риски, что ставит вопрос о том, насколько реализуемые меры способствуют национальному суверенитету в новых экономических реалиях.

Политические риски новой реальности в экономическом развитии южнороссийских регионов. Новая экономическая реальность российских регионов во многом обусловлена введением со стороны западных стран очередных санкций, направленных прежде всего на ограничение возможностей технологического развития и осуществления инноваций [53]. Экономические последствия введенных санкций во многом изменили характеристики функционирующих рынков (см. таблицу).

В последние два года российским правительством была продемонстрирована впечатляющая способность к мобилизации, организации и управлению экономическими ресурсами для достижения целей экономической

Характеристики новой реальности, определяющие проблемы и перспективы экономического роста южнороссийских регионов

Characteristics of the new reality that determine the problems and prospects for economic growth in the southern Russian regions

Виды рынков	Новые характеристики рынка
Рынок земли	Рост популярности индивидуального жилищного строительства. Активное развитие земельного бизнеса
Рынок труда	Межотраслевой переток кадров в более производительные сектора экономики. Развитие дистанционных форм трудовой деятельности. Плохая демографическая ситуация, миграционный отток населения из малых агломераций в более крупные
Финансовый рынок, включая рынок капитала	Переключение со сберегательной на потребительскую модель экономического поведения. Глобальная неопределенность развития геополитической ситуации. Санкционные меры в отношении российских активов за рубежом, движения капитала и пр.
Рынок товаров и услуг, включая рынок технологий и технологических услуг	Разворот на глобальные Восток и Юг в условиях запрета работы транспортно-логистических компаний на территории стран антироссийской коалиции. Смещение фокуса импортозамещения с товаров на услуги. Ориентация экономики на внутренний спрос. Структурные перекосы в сторону оборонно-промышленного комплекса

Примечание. Составлено по: [4; 29; 30; 55].

безопасности страны. Ключевые направления поддержки экономики в условиях санкционного давления были связаны с формированием новых производственно-логистических цепочек, выстраиванием механизмов параллельного импорта, реализацией отраслевых мер поддержки с акцентом на импортозамещении, что на сегодняшний день позволило достичь определенных целей стабилизации социально-экономической ситуации в регионах. Еще одной мерой стало снижение нормативов обязательного резервирования. Изменилась кредитная политика банков: отмена макропруденциальных надбавок к коэффициентам риска, приостановка процедуры принудительного выселения должников, предоставление кредитных каникул и др.

Наряду с проецированием федеральных мер на региональный уровень, власти субъектов Федерации предпринимали значительные усилия по выстраиванию новой инновационно-воспроизводственной модели развития с учетом специфики имеющегося социально-экономического потенциала территорий [28]. Усилия министерств экономического развития регионов были сосредоточены, прежде всего, на выполнении указов президента РФ в отношении достижения национальных целей развития РФ, обеспечения экономической безопасности и реализации экономического потен-

циала государства. Одновременно осуществлялось лоббирование интересов региона на уровне федерального центра.

Во многом благодаря усилиям региональных властей Ростовская область и Краснодарский край оказались включенными в проект «Сквозной инвестиционный поток», курируемый первым вице-премьером А.Р. Белоусовым. Привлекались инвестиционные средства из федерального бюджета на частичное возмещение инвестиционного вычета.

Ростовская область по результатам 2022 г. возглавила рейтинг экономической адаптивности российских регионов.

Краснодарский край, Ростовская и Волгоградская области, являясь пилотными регионами в реализации национального проекта «Производительность труда», получают налоговые преференции, а также возможности внедрения передовых практик. Для поддержки предприятий – участников данного проекта на законодательном уровне в регионах приняты инициативы об инвестиционном налоговом вычете и пониженной ставке по налогу на имущество. В дальнейшем приоритете – развитие импортозамещающих промышленных производств.

Следует отметить, что наилучшие результаты в реализации различных политических инициатив для решения задач экономичес-

кого развития регионов получили те, которые были сформированы на основе взаимодействия различных общественных институтов: Общественный совет Министерства экономического развития, Торгово-промышленная палата, общественные организации предпринимателей «Опора России» и «Деловая Россия», профессиональные ассоциации, корпус ректоров вузов и пр.

В условиях продолжающихся геополитических изменений дальнейшие пути укрепления структурных основ экономики южнороссийских регионов предполагают необходимость дальнейших преобразований с учетом специфики социально-экономического развития территории.

Специфический ракурс вызовов новой реальности для южнороссийских регионов обусловлен двумя основными причинами: географическим положением и отраслевой специализацией.

В силу географического положения ЮФО изменение цепочек поставок и структурной трансформации внешнеторговых потоков с ориентацией на страны Юга и Востока значительно повысило нагрузку на транспортную сеть южнороссийских регионов, что требует повышения ее пропускной способности. Кроме того, необходима государственная поддержка компаний, участвующих в построении новых производственно-сбытовых цепочек.

Одновременно следует учитывать, что южнороссийские регионы являются центрами притяжения для большого числа мигрантов из приграничных стран и регионов, что также усиливает нагрузку на транспортную инфраструктуру. Наряду с этим усиление миграционных потоков требует решения проблем обеспечения социально-экономического благополучия как переезжающих людей, так и принимающего сообщества.

Агропромышленная специализация южнороссийских регионов предполагает возможности для развития: а) фермерских хозяйств, что будет способствовать решению комплекса проблем, связанных с обеспечением занятости населения, повышением уровня продовольственной безопасности, освоением заброшенных сельских угодий, возрождением деревень и пр.; б) инноватизации предприятий сельскохозяйственного машиностроения и

смежных с ним предприятий, что обеспечивает повышение экспортных возможностей региона. В то же время при формировании экономической политики следует учитывать более высокий технологический уровень производства и более высокий уровень институционального качества экономики азиатских стран, куда ориентированы торговые потоки.

Перспективы решения обозначенных задач южнороссийских регионов во многом определяются уровнем политических рисков, связанных с качеством функционирования политических институтов. Как известно, основные политические риски в экономическом развитии выражаются во вмешательстве в предпринимательскую деятельность посредством: национализации (экспроприации или принудительного выкупа) имущества; ограничений на конвертирование валюты; разрыва контрактных отношений; изменения законодательства.

В периоды кризисов политические риски значительно увеличиваются, поскольку геополитические проблемы способствуют росту возможностей для коррупции и злоупотреблений. В этой связи большое значение приобретает наличие доверия со стороны граждан к политическим институтам, выступающего важнейшим источником экономического роста [6]. Именно «риски доверия могут стать тем ограничителем, который не позволит задействовать драйверы и создать благоприятные условия регионального развития» [12, с. 19], поэтому важное значение имеет степень открытости власти перед обществом.

Несмотря на все отмеченные ранее положительные моменты, проводимый Правительством России экономический курс не позволяет в полной мере осознать место всех социальных групп в формирующейся модели российской экономики по причине регулярных изменений методов и подходов к ее реализации [30]. Обозначая сценарии трансформации российской экономики в условиях новых вызовов, вице-премьер А.Р. Белоусов отмечает, что в настоящее время предпочтение отдается ситуационному реагированию – решению проблем по мере их возникновения [9]. Несмотря на очевидную простоту и относительную социально-политическую безопасность таких решений по сравнению с реформированием, дан-

ный подход не позволяет создать стратегические конкурентные преимущества российской экономики, поскольку концентрируется на текущих задачах с игнорированием системных проблем. Более того, он, по сути, противоречит обозначенным президентом России В.В. Путиным в рамках Петербургского Международного экономического форума – 2023 целям формирования модели российской экономики как экономики предложения, которая сама формирует спрос, а не только реагирует на рыночную конъюнктуру [24].

Ситуационное реагирование с использованием инструментов и механизмов регулирования в условиях традиционных экономических кризисов приводит к тому, что радикально ограничиваются возможности собственного развития. Более того, возникает угроза доминирования над российской экономикой новых стран, при том что сами правила взаимодействия остаются теми же. Все это означает необходимость трансформации деятельности политических институтов для обеспечения траектории экономического развития в сторону ориентации на внутренние возможности для достижения стратегических целей укрепления технологического суверенитета.

Таким образом, основным политическим риском новой реальности экономическому развитию российских регионов становится отсутствие баланса между принимаемыми политическими решениями и стратегическими задачами экономического развития. Демагогия политических лидеров, выхолащивание нормативно-закрепленных демократических ценностей, злоупотребления в использовании административного ресурса на фоне происходящих кризисных процессов, как подчеркивает М.К. Борисова, могут существенно подорвать уровень легитимности политических институтов [3]. Новая экономическая реальность требует ценностного консенсуса и консолидации общества в целях решения задач экономического развития, реализуемых через ответственность и патриотическую позицию политических и экономических элит на всех уровнях управления. Это предполагает необходимость не только экономической, но и политической мобилизации, означающей изменение соотношения в распределении экономических ресурсов между различными политическими и эконо-

мическими элитами. Однако следует учитывать, что задачи мобилизации экономики являются относительно краткосрочными, тогда как эффекты от такой мобилизации должны иметь долгосрочные последствия. Поэтому политические институты должны позволить усилить государственный контроль над основными факторами производства, обеспечивая их направление в приоритетные сферы экономической деятельности [25].

Наряду с этим защита национальных интересов и поощрение модернизационных преобразований российской экономики в направлении реализации импортозамещающего высокотехнологичного производства, развития экономики знаний требует ограничения влияния тех политических групп, которые являются противниками этих преобразований.

Инвестиции в развитие невозможны без защиты прав собственности компаний, которые способствуют достижению поставленных целей. Для этого необходимо нормативно-правовое закрепление мобилизационных планов российской экономики. Тот факт, что политика технологического суверенитета до сих пор не закреплена законодательно, усиливает риск подмены модернизации имитацией инноваций. Увеличение объемов государственного финансирования не приведет к экономическому росту, если политическими институтами не будет законодательно обеспечен стимул для направления кредитов в высокотехнологичные сферы бизнеса.

Особого внимания заслуживают риски утраты доверия политическими институтами. Из-за того что поддержка избирателей во многом определяется результатами проводимой экономической политики, представители власти зачастую стремятся представить эти результаты в более выгодном свете. Поэтому для предотвращения возможных злоупотреблений и снижения данного риска необходимократно повысить требования к достоверности первичной информации, от которой зависит качество экономических прогнозов [30].

Результаты. Экономическая нестабильность и неопределенность внешней среды, присущая новой реальности, отражается в неопределенности относительно будущей экономической политики государства, что усили-

вают политические риски и негативно влияет на стратегические перспективы экономического развития южнороссийских регионов, уменьшая возможности эффективного распоряжения факторами производства. При этом текущая ситуация такова, что государственная экономическая политика не может рассматриваться в рамках экзогенной модели, а требует ориентации на эндогенное развитие. В этом контексте для снижения политических рисков необходимо укрепление взаимосвязи политических и экономических институтов стратегического развития. Действия политических институтов должны быть направлены прежде всего на мотивы инвестора в отношении распределения экономических ресурсов в пользу проектов, реализуемых внутри страны, а также проектов импортозамещающего производства, имеющих стратегическое значение для достижения технологического суверенитета. Такое распределение может быть обеспечено посредством введения отраслевых налоговых различий, введения прогрессивного налога на доход, установления минимального размера заработной платы, введения ограничений на потоки капитала за рубеж, торговые ограничения, структуру государственных расходов.

В существующих обстоятельствах эндогенного экономического роста представляется необходимой авторитарная власть с четкими приоритетами в области экономического развития, направленными на экономическую и политическую мобилизацию, поскольку чрезмерная децентрализация может привести к накоплению региональных политических рисков. Однако следует учитывать, что эффекты авторитарного режима исчезают по мере экономического развития. Поэтому в стратегическом аспекте в российской действительности может быть использована модель государственного капитализма, положительно зарекомендовавшая себя в Сингапуре и Китае, в рамках которой экономически активная часть населения приобщается к общегосударственным ценностям, ориентированным на укрепление технологического суверенитета страны. В то же время попытки полного копирования восточноазиатского опыта развития не будут успешными без учета специфических факторов и условий новой реальности развития российской экономики. Кроме

того, уникальность текущей ситуации делают сложно предсказуемыми возможные социально-экономические последствия использования экономических инструментов, показавшим свою успешность в других странах. Поэтому возможности использования модели государственного капитализма для решения задач экономического развития России требуют более тщательного изучения, что определяет вектор дальнейших исследований авторов.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Публикация подготовлена в рамках реализации Государственного задания Южного научного центра РАН, проект «Стратегические векторы развития социоэкономического комплекса Юга России с учетом региональной резилентности (экономические и демографические аспекты)», № гос. регистрации 122020100349-6.

The publication was prepared as part of the implementation of the State Assignment of the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, project “Strategic vectors of development of the socio-economic complex of the south of Russia taking into account regional resilience (economic and demographic aspects)”, state registration No. 122020100349-6.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамов А. В. Политический институт и политическая институционализация: определение понятий // *Власть*. 2010. № 5. С. 53–55.
- Афанасьев А. А. Технологический суверенитет: варианты подходов к рассмотрению проблемы // *Вопросы инновационной экономики*. 2023. Т. 13, № 2. С. 689–706. DOI: 10.18334/vinec.13.2.117375
- Борисова М. К. Институциональные факторы формирования связей между политическим и экономическим развитием // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Социология. Политология»*. 2015. Т. 15, № 3. С. 114–119. DOI: 10.18500/1818-9601-2015-15-3-114-119
- Брижак О. В., Манахова И. В., Чиканова Е. С. Новая экономическая реальность как предметная область исследования // *Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика*. 2023. № 58 (4). С. 3–22. DOI: 10.55959/MSU0130-0105-6-58-4-1
- Василатий О. В. Инвестиционные инструменты управления устойчивым развитием промышленности Приднестровья // *Азимут научных исследований: экономика и управление*. 2023. Т. 12, № 3 (44). С. 25–28. DOI: 10.57145/27128482_2023_12_03_05

6. Вдовиченко Л. Н. Доверие как важный фактор социальной стабильности // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2023. № 2. С. 64–72. DOI: 10.28995/2073-6401-2023-2-64-72
7. Глазьев С. Ю. Какая политика обеспечит опережающее развитие российской экономики? // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2018. № 2 (24). С. 12–16.
8. Ершов М. В., Танасова А. С., Соколова Е. Ю. О механизмах стимулирования внутреннего спроса как ключевого фактора роста экономики // Экономика региона. 2021. Т. 17, вып. 1. С. 114–129. DOI: 10.17059/ekon.reg.2021-1-9
9. Интервью А. Р. Белоусова на ПМЭФ-2022. URL: <https://tass.ru/interviews/14919307>
10. Иншаков С. М., Казакова В. А. Специальная военная операция как инструмент повышения уровня антикоррупционного потенциала // Russian Journal of Economics and Law. 2022. Т. 16, № 4. С. 847–857. DOI: 10.21202/2782-2923.2022.4.847-857
11. Калинина А. Э., Митрофанова И. В., Чернова О. А. Антикризисная политика южнороссийских регионов в условиях пандемии COVID-19 // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2022. Т. 27, № 3. С. 296–316. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.3.21>
12. Косолапова Н. А., Никитаева А. Ю., Ласкова Д. С. Риски доверия и индустриальное развитие: контуры сопряженного анализа // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 1. С. 18–26. DOI: 10.22394/2079-1690-2023-1-1-18-26
13. Кузьминов Я. И., Симачев Ю. В., Кузык М. Г., Федюнина А. А., Жулин А. Б. и др. Импортозамещение в российской экономике: вчера и завтра. Аналитический доклад НИУ ВШЭ. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2023. 272 с.
14. Ленков Д. А. Политические инновации: от институционального анализа к исследованию ценностно-мотивационной и поведенческой сферы трансфера и рецепции инноваций // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 3. С. 191–197. DOI: 10.22394/2079-1690-2023-1-3-191-197
15. Литвинов Д. Делягин призвал к кардинальному изменению экономической политики // Парламентская газета. 2022. 23 сент. URL: <https://www.pnp.ru/social/delyagin-prizval-k-kardinalnomu-izmeneniyu-ekonomicheskoy-politiki.html>
16. Малкина М. Ю., Балакин Р. В. Связь финансового и промышленного стрессов с параметрами денежно-кредитной политики в российской экономике // Финансовый журнал. 2023. Т. 15, № 3. С. 104–121. DOI: 10.31107/2075-1990-2023-3-104-121
17. Малкина М. Ю., Моисеев И. А. Взаимосвязь промышленного и финансового стресса в российской экономике в условиях смены монетарного режима // Финансы: теория и практика. 2023. № 27 (2). С. 140–151. DOI: 10.26794/2587-5671-2023-27-2-140-151
18. Международная инвестиционная позиция РФ // ЦБ РФ: офиц. сайт. URL: <https://www.cbr.ru>
19. Минакова И. В., Быковская Е. И., Харланова В. Н., Реутова Ю. И. Государственное управление современным социально-экономическим развитием. Мифы и реальность // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2019. № 2. С. 124–129.
20. Митрофанова И. В., Чернова О. А. Трансформация политики южнороссийских регионов в условиях внешних шоков // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2023. Т. 28, № 3. С. 197–209. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.3.18>
21. Мокий М. С. Экономическая политика и идеология в современной России: состояние и перспективы // Экономическая наука современной России. 2021. № 3 (94). С. 77–87. DOI: 10.33293/1609-1442-2021-3(94)-77-87
22. Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2024 год и плановый период 2025 и 2026 годов // Министерство финансов России: офиц. сайт. URL: https://minfin.gov.ru/ru/document?id_4=304155-osnovnye_napravleniya_byudzhetnoi_nalogovoi_i_tamozhenno-tarifnoi_politiki_na_2024_god_i_na_planovyi_period_2025_i_2026_godov
23. Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума, 2022 // Президент России: офиц. сайт. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/68669>
24. Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума, 2023 // Президент России: офиц. сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/71445>
25. Постановление от 15 апреля 2023 года № 603 «Об утверждении приоритетных направлений проектов технологического суверенитета». URL: <http://government.ru/docs/48272>
26. Регионы России. Социально-экономические показатели // Росстат: офиц. сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>
27. Трунова Е. А., Чернов В. В. Политика импортозамещения как фактор повышения социально-экономической безопасности России // Теория и практика общественного развития. 2023. № 7 (183). С. 73–78. DOI: 10.24158/tpor.2023.7.9
28. Туменова С. А., Жабелов Т. Ш., Ильясова К. Х. Региональная экономическая политика в условиях современных вызовов: проблемы, задачи, решения // Экономика, предпринимательство и

право. 2023. Т. 13, № 11. С. 4689–4700. DOI: 10.18334/errp.13.11.119324

29. Чернова О. А. Социально-демографические аспекты миграции и их влияние на устойчивость развития южнороссийских регионов // Регионология. 2023. Т. 31, № 4 (125). С. 634–649. DOI: 10.15507/2413-1407.125.031.202304.634-649

30. Шлычков В. В., Нестулаева Д. П., Зарезнов Д. А. Российская экономика 2023: неизбежные изменения парадигм и прогнозы развития // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2023. Т. 12, № 2. С. 144–151. DOI: 10.24412/2225-8264-2023-2-144-151

31. Andersson F. A Blessing in Disguise? Banking Crises and Institutional Change // World Development. 2016. Vol. 83. P. 135–147. DOI: 10.1016/j.worlddev.2016.02.002

32. Bilbao-Ubillos J. Lessons Learned from Poor Governance: A Comparison of the EU Strategies for Exiting the Crises of 2008 and 2020 // Structural Change and Economic Dynamics. 2023. Vol. 67. P. 372–379. DOI: 10.1016/j.strueco.2023.09.005

33. Brooks R. A. Sanctions and Regime Type: What Works, and When? // Security Studies. 2002. Vol. 11 (4). P. 1–50. DOI: 10.1080/714005349

34. Cheang B., Lim H. Institutional Diversity and State-Led Development: Singapore as a Unique Variety of Capitalism // Structural Change and Economic Dynamics. 2023. Vol. 67. P. 182–192. DOI: 10.1016/j.strueco.2023.07.007

35. China 2030: Building a Modern, Harmonious, and Creative Society // The World Bank. URL: <https://documents.worldbank.org/en/publication/documents-reports/documentdetail/781101468239669951/china-2030-building-a-modern-harmonious-and-creative-society>

36. Chiplunkar G., Das S. Political Institutions and Policy Responses During a Crisis // Journal of Economic Behavior & Organization. 2021. Vol. 185. P. 647–670. DOI: 10.1016/j.jebo.2021.03.018

37. Donovan A., Toyos G., Amigo A., Villarosa G., Lanfranco G., Rovere E. Managing Cross-Border Eruptions: Insights from Recent Crises in Chile and Argentina // Journal of Volcanology and Geothermal Research. 2023. Vol. 435. Art. 107774. DOI: 10.1016/j.jvolgeores.2023.107774

38. Economic and Political Institutions and Development / ed. J.C. Hall, S. Harper. Cham : Springer, 2019. 182 p. DOI: 10.1007/978-3-030-06049-7

39. Flachaire E., García-Peñalosa C., Konte M. Political Versus Economic Institutions in the Growth Process // Journal of Comparative Economics. 2014. Vol. 42 (1). P. 212–229. DOI: 10.1016/j.jce.2013.05.001

40. Golpe A., Sánchez-Fuentes A., Vides J. Fiscal Sustainability, Monetary Policy and Economic Growth in the Euro Area: In Search of the Ultimate Causal Path

// Economic Analysis and Policy. 2023. Vol. 78. P. 1026–1045. DOI: 10.1016/j.eap.2023.04.038

41. Jafarova L. Political Institutions and Their Role During Health Emergencies of Global Scale (COVID-19) // InterConf. 2023. P. 141–149. DOI: 0.51582/interconf.19-20.10.2023.011

42. Jaspars S. Food and Power in Protracted Crisis: How Systems and Institutions Influence Livelihoods, Food Security, and Nutrition // Food and Nutrition Bulletin. 2023. Vol. 44. P. 23–31. DOI: 10.1177/03795721231202236rg/10.1016/j.eap.2023.04.038

43. Magazzino C., Mele M., Santeramo F. Using an Artificial Neural Networks Experiment to Assess the Links Among Financial Development and Growth in Agriculture // Sustainability. 2021. Vol. 13 (5). Art. 2828. DOI: 10.3390/sul13052828

44. Mao Y. Political Institutions, State Capacity, and Crisis Management: A Comparison of China and South Korea // International Political Science Review. 2021. Vol. 42 (3). P. 316–332. DOI: 10.1177/0192512121994026

45. Mitrofanova I. V., Chernova O. A., Nagy H., Pleshakova M. V. Adaptive Potential of Inclusive Growth of the Regions of the South of Russia in the Context of the COVID-19 Pandemic // Inshakova E. I., Inshakova A. O., eds. New Technology for Inclusive and Sustainable Growth. Smart Innovation, Systems and Technologies. Singapore: Springer, 2022. P. 35–46. DOI: https://doi.org/10.1007/978-981-16-9804-0_4

46. Naseemullah A. The Political Economy of National Development: A Research Agenda After Neoliberal Reform? // World Development. 2023. Vol. 168. Art. 106269. DOI: 10.1016/j.worlddev.2023.106269

47. Nisticò R. Political Institutions and Economic Development Over More than a Century // Structural Change and Economic Dynamics. 2022. Vol. 61. P. 199–215. DOI: 10.1016/j.strueco.2022.02.013

48. Olaniyi C. O., Odhiambo N. M. Does Institutional Quality Matter in the Financial Development-Economic Complexity Nexus? Empirical Insights from Africa // Research in Globalization. 2023. Vol. 7. Art. 100173. DOI: 10.1016/j.resglo.2023.100173

49. Prašević A. Institutional and Political Determinants of Economic Development // Ekonomske teme. 2013. Vol. 51 (1). P. 85–106. DOI: <http://www.eknfak.ni.ac.rs/src/Ekonomske-teme.php>

50. Qian M., Huang Y. Political Institutions, Entrenchments, and the Sustainability of Economic Development – A Lesson from Rural Finance // China Economic Review. 2016. Vol. 40. P. 152–178. DOI: 10.1016/j.chieco.2016.06.005

51. Saha Sh., Sen K. Do Economic and Political Crises Lead to Corruption? The Role of Institutions // Economic Modelling. 2023. Vol. 124. Art. 106307. DOI: 10.1016/j.econmod.2023.106307

52. Smagacz-Poziemska M., Borowski M., Działek J., Łapniewska Z. Post-Crises (New) Normality. Across Social Practices and Speculative Fictions // *Futures*. 2024. Vol. 155. Art. 103292. DOI: 10.1016/j.futures.2023.103292

53. Stepanov A. V., Burnasov A. S., Valiakhmetova G. N., Ilyushkina M. Y. The Impact of Economic Sanctions on the Industrial Regions of Russia (The Case of Sverdlovsk Region) // *R-Economy*. 2022. Vol. 8 (3). P. 295-305. DOI: 10.15826/recon.2022.8.3.023

54. Turgel I. D. Sanctions in International Politics: Expectations and Reality // *R-Economy*. 2022. Vol. 8, Iss. 3: Sanctions in International Politics: Expectations and Reality. P. 191–195. DOI: 10.15826/recon.2022.8.3.015

55. Vasilyeva R. I., Ampenova D. M. Impact of Social Spending and Inter-Regional Migration on Employment Rates in Russian Regions // *R-Economy*. 2023. Vol. 9, № 3. С. 269–280. DOI: 10.15826/recon.2023.9.3.016

56. Wright M., Wood G., Musacchio A., Okhmatovskiy I., Grosman A., Doh J. State Capitalism in International Context: Varieties and Variations // *Journal of World Business*. 2021. Vol. 56, Iss. 2. Art. 101160. DOI: 10.1016/j.jwb.2020.101160

57. Xu Ch. China's Political-Economic Institutions and Development // *Cato Journal*. 2015. Vol. 35 (3). P. 525–548.

REFERENCES

1. Abramov A.V. Politicheskiy institut i politicheskaya institutsionalizatsiya: opredeleniye ponyatiy [Political Institution and Political Institutionalization: Definition of Concepts]. *Vlast [Power]*, 2010, no. 5, pp. 53-55.

2. Afanasyev A.A. Tekhnologicheskiy suverenitet: varianty podkhodov k rassmotreniyu problemy [Technological Sovereignty: Options for Approaches to Considering the Problem]. *Voprosy innovatsionnoy ekonomiki [Issues of Innovative Economics]*, 2023, vol. 13, no. 2, pp. 689-706. DOI: 10.18334/vinec.13.2.117375

3. Borisova M.K. Institutsionalnyye faktory formirovaniya svyazey mezhdru politicheskim i ekonomicheskim razvitiyem [Institutional Factors of Forming Ties Between Political and Economic Development]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya «Sotsiologiya. Politologiya» [News of Saratov University. New Series. Series Sociology. Political Science]*, 2015, vol. 15, no. 3, pp. 114-119. DOI: 10.18500/1818-9601-2015-15-3-114-119

4. Brizhak O.V., Manakhova I.V., Chikanova E.S. Novaya ekonomicheskaya realnost kak predmetnaya oblast issledovaniya [New Economic Reality as a Subject Matter of Research]. *Vestnik Moskovskogo*

universiteta. Seriya 6: Ekonomika [Lomonosov Economics Journal], 2023, no. 58 (4), pp. 3-22. DOI: 10.55959/MSU0130-0105-6-58-4-1

5. Vasilatii O.V. Investitsionnyye instrumenty upravleniya ustoychivym razvitiyem promyshlennosti Pridnestrovya [Investment Instruments for Managing the Sustainable Development of in Transnistria Industry]. *Azimuth nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravleniye [Azimuth of Scientific Research: Economics and Administration]*, 2023, vol. 12, no. 3 (44), pp. 25-28. DOI: 10.57145/27128482_2023_12_03_05

6. Vdovichenko L.N. Doveriye kak vazhnyy faktor sotsialnoy stabilnosti [Trust as an Important Factor of Social Stability]. *Vestnik RGGU. Seriya «Filosofiya. Sotsiologiya. Iskusstvovedeniye» [Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series “Philosophy. Sociology. Art History”]*, 2023, no. 2, pp. 64-72. DOI: 10.28995/2073-6401-2023-2-64-72

7. Glazyev S.Yu. Kakaya politika obespechit operezhayushcheye razvitiye rossiyskoy ekonomiki? [What Policy Will Ensure Rapid Development of the Russian Economy?]. *Yevraziyskaya integratsiya: ekonomika, parvo politika [Eurasian Integration: Economics, Law, Politics]*, 2018, no. 2 (24), pp. 12-16.

8. Ershov M.V., Tanasova A.S., Sokolova E.Yu. O mekhanizmah stimulirovaniya vnutrennego sprosa kak klyucheвого фактора rosta ekonomiki [Stimulating Domestic Demand as a Key Factor of Economic Growth]. *Ekonomika regiona [Economy of Region]*, 2021, vol. 17, iss. 1, pp. 114-129. DOI: 10.17059/ekon.reg.2021-1-9

9. Intervyu A.R. *Belousova na PMEF-2022 [Interview with A.R. Belousov at SPIEF-2022]*. URL: <https://tass.ru/interviews/14919307>

10. Inshakov S.M., Kazakova V.A. Specialnaya voennaya operatsiya kak instrument povysheniya urovnya antikorrupcionnogo potentsiala [Special Military Operation as a Tool of Increasing the Anti-Corruption Potential]. *Russian Journal of Economics and Law*, 2022, vol. 16, no. 4, pp. 847-857. DOI: 10.21202/2782-2923.2022.4.847-857

11. Kalinina A.E., Mitrofanova I.V., Chernova O.A. Antikrizisnaya politika yuzhnorossiyskikh regionov v usloviyakh pandemii COVID-19 [Anti-Crisis Policy of the Southern Russian Regions in the Conditions of the COVID-19 Pandemic]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations]*, 2022, vol. 27, no. 3, pp. 296-316. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.3.21>

12. Kosolapova N.A., Nikitaeva A.Yu., Laskova D.S. Riski doveriya i industrialnoe razvitie: kontury sopryazhennogo analiza [Trust Risks and

Industrial Development: Framework of the Joint Analysis]. *Gosudarstvennoe i municipalnoe upravlenie. Uchenye zapiski* [State and Municipal Management. Scholar Notes], 2023, no. 1, pp. 18-26. DOI: 10.22394/2079-1690-2023-1-1-18-26

13. Kuzminov Ya.I., Simachev Yu.V., Kuzyk M.G., Fedyunina A.A., Zhulin A.B. et al. *Importozameshchenie v rossijskoj ekonomike: vchera i zavtra. Analiticheskij doklad NIU VSHE* [Import Substitution in the Russian Economy: Yesterday and Tomorrow. Analytical Report of the National Research University Higher School of Economics]. Moscow, Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki, 2023. 272 p.

14. Lenkov D.A. Politicheskie innovacii: ot institucionalnogo analiza k issledovaniyu cennostno-motivacionnoj i povedencheskoj sfery transfera i recepcii innovacij [Political Innovations: From Institutional Analysis to the Study of Value-Motivational and Behavioral Sphere of Transfer and Reception of Innovations]. *Gosudarstvennoe i municipalnoe upravlenie. Uchenye zapiski* [State and Municipal Management. Scholar Notes], 2023, no. 3, pp. 191-197. DOI: 10.22394/2079-1690-2023-1-3-191-197

15. Litvinov D. Delyagin prizval k kardinalnomu izmeneniyu ekonomicheskoy politiki [Delyagin Called for a Radical Change in Economic Policy]. *Parlamentskaya gazeta. 2022. 23 Sent.* [Parliamentary Newspaper from Sept. 23, 2022]. URL: <https://www.pnp.ru/social/delyagin-prizval-k-kardinalnomu-izmeneniyu-ekonomicheskoy-politiki.html>

16. Malkina M.Yu., Balakin R.V. Svyaz finansovogo i promyshlennogo stressov s parametrami denezhno-kreditnoj politiki v rossijskoj ekonomike [The Relation of Financial and Industrial Stresses to Monetary Policy Parameters in the Russian Economy]. *Finansovyy zhurnal* [Financial Journal], 2023, vol. 15, no. 3, pp. 104-121. DOI: 10.31107/2075-1990-2023-3-104-121

17. Malkina M.Yu., Moiseev I.A. Vzaimosvyaz promyshlennogo i finansovogo stressa v rossijskoj ekonomike v usloviyah smeny monetarnogo rezhima [The Relationship Between Industrial and Financial Stress in the Russian Economy in the Context of a Change in the Monetary Regime]. *Finansy: teoriya i praktika* [Finance: Theory and Practice], 2023, no. 27 (2), pp. 140-151. DOI: 10.26794/2587-5671-2023-27-2-140-151

18. Mezhdunarodnaya investitsionnaya pozitsiya RF [International Investment Position of the Russian Federation]. *TsB RF: ofits. sayt* [Official Website of the Central Bank of the Russian Federation]. URL: <https://www.cbr.ru>

19. Minakova I.V., Bykovskaya E.I., Kharlanova V.N., Reutova Yu.I. Gosudarstvennoye upravleniye sovremennym sotsialno-ekonomicheskim razvitiyem. Mify i realnost [Public Management of Modern Socio-Economic Development. Myths and Reality]. *Vestnik*

Altayskoy akademii ekonomiki i prava [Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law], 2019, no. 2, pp. 124-129.

20. Mitrofanova I.V., Chernova O.A. Transformaciya politiki yuzhnorossijskih regionov v usloviyah vneshnih shokov [Transformation of Policy of the Southern Russian Regions Under the Conditions of External Shocks]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 3, pp. 197-209. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.3.18>

21. Mokiy M.S. Ekonomicheskaya politika i ideologiya v sovremennoy Rossii: sostoyaniye i perspektivy [Economic Policy and Ideology in Modern Russia: State and Prospects]. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii* [Economic Science of Modern Russia], 2021, no. 3 (94), pp. 77-87. DOI: 10.33293/1609-1442-2021-3(94)-77-87

22. Osnovnyye napravleniya byudzhethnoy, nalogovoy i tamozhenno-tarifnoy politiki na 2024 god i planovyy period 2025 i 2026 godov [Main Directions of Budget, Tax and Customs Tariff Policies for 2024 and the Planning Period of 2025 and 2026]. *Ministerstvo finansov Rossii: ofits. sayt* [Official Website of the Ministry of Finance of Russia]. URL: https://minfin.gov.ru/ru/document?id_4=304155-osnovnyye_napravleniya_byudzhethnoi_nalogovoi_i_tamozhenno-tarifnoi_politiki_na_2024_god_i_na_planovyi_period_2025_i_2026_godov

23. Plenarnoye zasedaniye Peterburgskogo mezhdunarodnogo ekonomicheskogo foruma. 2022 [Plenary Session of the St. Petersburg International Economic Forum. 2022]. *Prezident Rossii: ofits. sayt* [Official Website of the President of Russia]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/68669>

24. Plenarnoye zasedaniye Peterburgskogo mezhdunarodnogo ekonomicheskogo foruma. 2023 [Plenary Session of the St. Petersburg International Economic Forum. 2023]. *Prezident Rossii: ofits. sayt* [Official Website of the President of Russia]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/71445>

25. *Postanovleniye ot 15 aprelya 2023 goda № 603 «Ob utverzhdenii prioritetnykh napravleniy proyektov tekhnologicheskogo suvereniteta»* [Resolution No. 603 of April 15, 2023 “On Approval of Priority Areas of Technological Sovereignty Projects”]. URL: <http://government.ru/docs/48272>

26. Regiony Rossii. Sotsialno-ekonomicheskiye pokazateli [Regions of Russia. Socio-Economic Indicators]. *Rosstat: ofits. sayt* [Official Website of Rosstat]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>

27. Trunova E.A., Chernov V.V. Politika importozameshcheniya kak faktor povysheniya socialno-ekonomicheskoy bezopasnosti Rossii [Import Substitution Policy as a Factor of Increasing Russia's Socio-Economic Security]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and Practice of Social Development], 2023, no. 7 (183), pp. 73-78. DOI: 10.24158/tipor.2023.7.9
28. Tumenova S.A., Zhabelov T.Sh., Ilyasova K.Kh. Regionalnaya ekonomicheskaya politika v usloviyakh sovremennykh vyzovov: problemy, zadachi, resheniya [Regional Economic Policy in the Context of Modern Challenges: Problems, Tasks, Solutions]. *Ekonomika, predprinimatelstvo i pravo* [Economics, Entrepreneurship and Law], 2023, vol. 13, no. 11, pp. 4689-4700. DOI: 10.18334/epp.13.11.119324
29. Chernova O.A. Socialno-demograficheskie aspekty migratsii i ih vliyanie na ustojchivost razvitiya yuzhnorossiyskikh regionov [Socio-Demographic Aspects of Migration and Their Impact on the Sustainability of the Development of Southern Russian Regions]. *Regionologiya* [Russian Journal of Regional Studies], 2023, vol. 31, no. 4, pp. 634-649. DOI: 10.15507/2413-1407.125.031.202304.634-649
30. Shlychkov V.V., Nestulayeva D.R., Zareznoy D.A. Rossiyskaya ekonomika 2023: neizbeznyye izmeneniya paradig i prognozy razvitiya [The Russian Economy 2023: Inevitable Paradigm Shifts and Development Forecasts]. *Vestnik Sibirskogo instituta biznesa i informatsionnykh tekhnologiy* [Herald of Siberian Institute of Business and Information Technologies], 2023, vol. 12, no. 2, pp. 144-151. DOI: 10.24412/2225-8264-2023-2-144-151
31. Andersson F. A Blessing in Disguise? Banking Crises and Institutional Change. *World Development*, 2016, vol. 83, pp. 135-147. DOI: 10.1016/j.worlddev.2016.02.002
32. Bilbao-Ubillos J. Lessons Learned from Poor Governance: A Comparison of the EU Strategies for Exiting the Crises of 2008 and 2020. *Structural Change and Economic Dynamics*, 2023, vol. 67, pp. 372-379. DOI: 10.1016/j.strueco.2023.09.005
33. Brooks R.A. Sanctions and Regime Type: What Works, and When? *Security Studies*, 2002, vol. 11 (4), pp. 1-50. DOI: 10.1080/714005349
34. Cheang B., Lim H. Institutional Diversity and State-Led Development: Singapore as a Unique Variety of Capitalism. *Structural Change and Economic Dynamics*, 2023, vol. 67, pp. 182-192. DOI: 10.1016/j.strueco.2023.07.007
35. China 2030: Building a Modern, Harmonious, and Creative Society. *The World Bank*. URL: <https://documents.worldbank.org/en/publication/documents-reports/documentdetail/781101468239669951/china-2030-building-a-modern-harmonious-and-creative-society>
36. Chiplunkar G., Das S. Political Institutions and Policy Responses During a Crisis. *Journal of Economic Behavior & Organization*, 2021, vol. 185, pp. 647-670. DOI: 10.1016/j.jebo.2021.03.018
37. Donovan A., Toyos G., Amigo A., Villarosa G., Lanfranco G., Rovere E. Managing Cross-Border Eruptions: Insights from Recent Crises in Chile and Argentina. *Journal of Volcanology and Geothermal Research*, 2023, vol. 435, art. 107774. DOI: 10.1016/j.jvolgeores.2023.107774
38. Hall J.C., Harper S., eds. *Economic and Political Institutions and Development*. Cham, Springer, 2019. 182 p. DOI: 10.1007/978-3-030-06049-7
39. Flachaire E., García-Peñalosa C., Konte M. Political Versus Economic Institutions in the Growth Process. *Journal of Comparative Economics*, 2014, vol. 42 (1), pp. 212-229. DOI: 10.1016/j.jce.2013.05.001
40. Golpe A., Sánchez-Fuentes A., Vides J. Fiscal Sustainability, Monetary Policy and Economic Growth in the Euro Area: In Search of the Ultimate Causal Path. *Economic Analysis and Policy*, 2023, vol. 78, pp. 1026-1045. DOI: 10.1016/j.eap.2023.04.038
41. Jafarova L. Political Institutions and Their Role During Health Emergencies of Global Scale (COVID-19). *InterConf*, 2023, pp. 141-149. DOI: 0.51582/interconf.19-20.10.2023.011
42. Jaspars S. Food and Power in Protracted Crisis: How Systems and Institutions Influence Livelihoods, Food Security, and Nutrition. *Food and Nutrition Bulletin*, 2023, vol. 44, pp. 23-31. DOI: 10.1177/03795721231202236rg/10.1016/j.eap.2023.04.038
43. Magazzino C., Mele M., Santeramo F. Using an Artificial Neural Networks Experiment to Assess the Links Among Financial Development and Growth in Agriculture. *Sustainability*, 2021, vol. 13 (5), art. 2828. DOI: 10.3390/su13052828
44. Mao Y. Political Institutions, State Capacity, and Crisis Management: A Comparison of China and South Korea. *International Political Science Review*, 2021, vol. 42 (3), pp. 316-332. DOI: 10.1177/0192512121994026
45. Mitrofanova I.V., Chernova O.A., Nagy H., Pleshakova M.V. Adaptive Potential of Inclusive Growth of the Regions of the South of Russia in the Context of the COVID-19 Pandemic. Inshakova E.I., Inshakova A.O., eds. *New Technology for Inclusive and Sustainable Growth. Smart Innovation, Systems and Technologies*. Singapore, Springer, 2022, pp. 35-46. DOI: https://doi.org/10.1007/978-981-16-9804-0_4
46. Naseemullah A. The Political Economy of National Development: A Research Agenda After Neoliberal Reform? *World Development*, 2023, vol. 168, art. 106269. DOI: 10.1016/j.worlddev.2023.106269
47. Nisticò R. Political Institutions and Economic Development over More Than a Century. *Structural Change and Economic Dynamics*, 2022, vol. 61, pp. 199-215. DOI: 10.1016/j.strueco.2022.02.013

48. Olaniyi C.O., Odhiambo N.M. Does Institutional Quality Matter in the Financial Development-Economic Complexity Nexus? Empirical Insights from Africa. *Research in Globalization*, 2023, vol. 7, art. 100173. DOI: 10.1016/j.resglo.2023.100173

49. Prašćević A. Institutional and Political Determinants of Economic Development. *Ekonomске teme*, 2013, vol. 51 (1), pp. 85-106. URL: <http://www.eknfak.ni.ac.rs/src/Ekonomске-teme.php>

50. Qian M., Huang Y. Political Institutions, Entrenchments, and the Sustainability of Economic Development – A Lesson from Rural Finance. *China Economic Review*, 2016, vol. 40, pp. 152-178. DOI: 10.1016/j.chieco.2016.06.005

51. Saha Sh., Sen K. Do Economic and Political Crises Lead to Corruption? The Role of Institutions. *Economic Modelling*, 2023, vol. 124, art. 106307. DOI: 10.1016/j.econmod.2023.106307

52. Smagacz-Poziemska M., Borowski M., Działek J., Łapniewska Z. Post-Crises (New) Normality. Across Social Practices and Speculative Fictions. *Futures*, 2024, vol. 155, art. 103292. DOI: 10.1016/j.futures.2023.103292

53. Stepanov A.V., Burnasov A.S., Valiakhmetova G.N., Ilyushkina M.Y. The Impact of Economic Sanctions on the Industrial Regions of Russia (The Case of Sverdlovsk Region). *R-Economy*, 2022, vol. 8 (3), pp. 295-305. DOI: 10.15826/recon.2022.8.3.023

54. Turgel I.D. Sanctions in International Politics: Expectations and Reality. *R-Economy*, 2022, vol. 8, iss. 3: Sanctions in International Politics: Expectations and Reality, pp. 191-195. DOI: 10.15826/recon.2022.8.3.015

55. Vasilyeva R.I., Ampenova D.M. Impact of Social Spending and Inter-Regional Migration on Employment Rates in Russian Regions. *R-Economy*, 2023, vol. 9, no. 3, pp. 269-280. DOI: 10.15826/recon.2023.9.3.016

56. Wright M., Wood G., Musacchio A., Okhmatovskiy I., Grosman A., Doh J. State Capitalism in International Context: Varieties and Variations. *Journal of World Business*, 2021, vol. 56, iss. 2, art. 101160. DOI: 10.1016/j.jwb.2020.101160

57. Xu Ch. China's Political-Economic Institutions and Development. *Cato Journal*, 2015, vol. 35 (3), pp. 525-548.

Information About the Authors

Inna V. Mitrofanova, Doctor of Sciences (Economics), Chief Researcher, Laboratory of Regional Economics, Federal Research Centre the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Chekhov St, 41, 344006 Rostov-on-Don, Russian Federation; Professor, Department of Economic Theory, Regional Economics and Entrepreneurship, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, mitrofanova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1685-250X>

Olga A. Chernova, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Department of Information Economics, Southern Federal University, M. Gorkogo St, 88, 344006 Rostov-on-Don, Russian Federation, chernova.olga71@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5072-7070>

Информация об авторах

Инна Васильевна Митрофанова, доктор экономических наук, главный научный сотрудник лаборатории региональной экономики, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН, просп. Чехова, 41, 344006 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация; профессор кафедры экономической теории, региональной экономики и предпринимательства, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, mitrofanova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1685-250X>

Ольга Анатольевна Чернова, доктор экономических наук, профессор кафедры информационной экономики, Южный федеральный университет, ул. М. Горького, 88, 344006 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, chernova.olga71@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5072-7070>

Миссия журнала «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения» – содействие коллаборации российского и международного профессионального сообщества в целях интернационализации исторической и политической наук.

Редакционная политика журнала направлена на публикацию статей, посвященных общим и частным проблемам истории Европы, Америки и России и вопросам политического развития современного мира. Редакция принимает к опубликованию рукописи, подготовленные в русле классических традиций и современных направлений исторической науки. Публикуемые статьи позволяют читателю увидеть тесную связь между историей и современным состоянием общества, показать различные взгляды профессионального сообщества на мировую и российскую историю. В журнале приветствуются междисциплинарные исследования и научные дискуссии по актуальным проблемам исторических и политических наук.

Цели журнала:

- публикация оригинальных исторических и политологических исследований, основанных на тщательном анализе источников и использовании классических или новых методологических подходов;
- ознакомление широкого круга исследователей с современными тенденциями и достижениями исторических и политических наук;
- содействие интеграции российской исторической науки в международное научное пространство;
- бережное отношение и критическое использование трудов и знаний, полученных историками прошлых лет, как российскими, так и зарубежными.

The mission of *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations* is to promote the collaboration of the Russian and international professional community with the aim to internationalize historical scholarship and political science.

Following the Editorial policy, the journal covers articles on general and specific problems of the history of Europe, America and Russia and on political development of the modern world. The Editors publish articles prepared in accordance with both classical traditions and modern trends in historical scholarship. The published articles let readers reveal the close connection between history and modern society, show different views of professional community on world and Russian history. The journal also seeks to transcend traditional disciplinary boundaries and foster academic discussions on a wide range of topical issues of historical scholarship and political science.

Purposes of the journal:

- to publish original historical and political research based on thorough source studies, traditional and new methodological approaches;
- to promote modern trends and advances in history and political science to a wide range of scholars;
- to foster the integration of Russian historical scholarship into the international academia;
- to respect and critically apply knowledge obtained by Russian and foreign historians of the past.

УСЛОВИЯ И ПРАВИЛА ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ

1. Редакционная коллегия журнала принимает к печати оригинальные авторские статьи.

2. Подача, рецензирование, редактирование и публикация статей в журнале являются бесплатными.

3. Авторство должно ограничиваться теми, кто внес значительный вклад в концепцию, дизайн, исполнение или интерпретацию исследования. Все они должны быть указаны в качестве соавторов.

4. Статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Представляемая для публикации статья не должна быть ранее опубликована в других изданиях.

5. Автор несет полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, за точность библиографической информации, содержащейся в статье.

6. В случае обнаружения ошибок или неточностей в своей опубликованной работе автор обязан незамедлительно уведомить об этом редактора журнала (или издателя) и сотрудничать с ним, чтобы отменить статью или внести в нее исправления.

7. Автор обязан указать все источники финансирования исследования.

8. Представленная статья должна соответствовать **принятым журналом правилам оформления**.

9. Текст статьи представляется по электронной почте на адрес редколлегии журнала (vestnik4@volsu.ru). **Обязательно** наличие сопроводительных документов.

10. Полнотекстовые версии статей, аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках размещаются в **открытом доступе (Open Access)** в Интернете.

Отправка автором рукописи статьи и сопроводительных документов на e-mail редакции vestnik4@volsu.ru является формой **акцепта оферты** на принятие договора (публичной оферты) предоставления права использования произведения в периодическом печатном издании «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения».

Редколлегия приступает к работе со статьей после получения всех сопроводительных документов по электронной почте. Решение о публикации статей принимается после рецензирования. Редакция оставляет за собой право отклонить или отправить представленные статьи на доработку. Переработанные варианты статей рассматриваются заново. Среднее количество времени между подачей и принятием статьи составляет восемь недель.

Подробнее о процессе подачи, направления, рецензирования и опубликования научных статей см.: <https://hfrir.jvolsu.com> (раздел «Для авторов»).

CONDITIONS AND RULES OF PUBLICATION IN THE JOURNAL

1. The Editorial Staff of the Journal publishes only original articles.

2. The submission, reviewing, editing and publication of articles in the journal are free of charge. No author fees are involved.

3. Authorship should be limited to those who have made a significant contribution to the conception, design, execution, or interpretation of the reported study. All those who have made significant contributions should be listed as co-authors.

4. An article must be relevant and must include a task (issue) statement, the description of main research results and conclusions. The submitted article must not be previously published in other journals.

5. The author bears full responsibility for the selection and accuracy of facts, citations, statistical and sociological data, proper names, geographical names, bibliographic information and other data contained in the article.

6. If the author discovers a significant error or inaccuracy in his/her own published work, it is the author's obligation to promptly notify the journal editor or publisher and cooperate with the editor or publisher to retract or correct the article.

7. The author must disclose all sources of the financial support for the article.

8. The submitted article must comply with the **journal's format requirements**.

9. Articles should be submitted in electronic format only via e-mail vestnik4@volsu.ru. The author **must** submit the article accompanied by cover documents.

10. Full-text versions of published articles and their metadata (abstracts, key words, information about the author(s) in Russian and English) are available in the **Open Access** on the Internet.

Submitting an article and cover documents via the indicated e-mail vestnik4@volsu.ru the author **accepts the offer** of granting rights (public offer) to use the article in *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations* printed periodical.

The Editorial Staff starts the reviewing process after receiving all cover documents by e-mail.

The decision to publish articles is made after reviewing. The Editors reserve the right to reject or send submitted articles for revision. Revised versions of articles are reviewed repeatedly.

The review usually takes 8 weeks.

For more detailed information regarding the submission, reviewing, and publication of academic articles, please refer to the journal's website <https://hfrir.jvolsu.com/index.php/en/> (section "For Author").

Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations
is indexed by:

ISSN 1998-9938. Вестн. Волгogr. гос. ун-та. Сер. 4, Истор. Регионовед. Междунар. отнош. 2024. Том 29. № 2. 1–256.